

Новомученики и исповедники Российские
пред лицом богоборческой власти

*Да не утратим помалу, неприметно той свободы,
которую даровал нам Кровию Своею
Господь наш Иисус Христос,
Освободитель всех человеков.*

8-е правило III Вселенского Собора

**ИСПОВЕДНИЧЕСКИЙ ПУТЬ
МОНАШЕСТВУЮЩИХ
НА КАВКАЗЕ:
1920–1930-е годы**

Составитель Л. Е. Сикорская

Москва

БРАТОНЕЖ

2017

УДК 27–36
ББК 86.374
И88

Редактор И. И. Осипова

И88 Исповеднический путь монашествующих на Кавказе: 1920–1930-е годы // Сост.: Л. Е. Сикорская. — М.: Братонез, 2017. — 664 с. + [32] ил. — (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти»).

ISBN 978-5-89737-901-9

Эта книга о судьбе монашествующих во времена жесточайших богоборческих гонений. Последние насельники знаменитых кавказских монастырей, изгнанные из своих обителей и лишённые не только возможности подвизаться в монастырях, но даже и жить по-христиански в государстве, объявившем воинствующее безбожие своей идеологией, не отказывались ни от своих монашеских обетов, ни от исповедания православной веры. Наряду с прежними монахами-пустынниками они уходили в горы, устраивали уединённые кельи или скиты, переходили к тайному служению в скрытых, подпольных молельнях и специально построенных подземных храмах. "Катакомбы XX века", — назвал их в своем письме 1929 года епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко), признанный как правящий архиерей большинством монашествующих, о которых повествуется в книге. Все они так же, как их архипастырь, непоколебимо исповедовали православие и отстаивали церковную свободу и вместе с единомышленными и простыми верующими подверглись репрессиям и пострадали от богоборцев.

Книга составлена по материалам архивно-следственных дел 1929–1930 годов, а также по воспоминаниям современников.

УДК 27–36
ББК 86.374

© Л. Е. Сикорская, сост., 2017

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
<i>Введение</i>	11
Монашество на Кавказе	11
О монашестве	35
Начало богоборческих гонений	41
Часть 1. Тайное монашество в горах Черноморского побережья Кавказа	49
По материалам следственного дела епископа Варлаама (Лазаренко) и других. 1929–1930 годы	51
Письмо епископа Варлаама (Лазаренко) и аресты насельников Пустынно-Тихвинского скита	54
Покровский монастырь игуменьи Антонины	64
Серафимо-Тихвинский скит игуменьи Евфросинии и Михайло-Архангельский скит	74
Обитель 12 апостолов и Троицкий скит в Заповедном	90
Общины Майкопского и Армавирского округов	112
Епископ Варлаам (Лазаренко)	140
"Краснополянские скиты"	172
<i>Приложение I. Послания и письма епископа Варлаама (Лазаренко)</i>	234

Приложение II. Иеромонах Онисим (Олег Поля)	250
Воспоминания об Олеге Поле в школе-колонии	
Л. М. Арманд. 1920–1922 годы	250
В. Д. Пришвина об Олеге Поле	253
Протоколы допроса иеромонаха Онисима (Олега Владимировича Поля) по делу епископа Варлаама. 1929–1930 годы	281
Приложение III. Монахиня Сергия (Юлименко) вспоминает. 1929–1930 годы	305
Часть 2. Монашеская страна Псху	315
По материалам следственного дело « <i>Монархической повстанческой организации имяславцев, действовавшей в долине Псху и на озере Рица...</i> ».	
1930 год	317
Имяславцы на Кавказе	323
Ликвидационная операция на Псху и на озере Рица	362
1. Доклад партгруппы	362
2. "Страна Псху" глазами воинствующего безбожника ...	373
3. Аресты	400
Село Псху	400
Скит Святой Горы	406
Хутор Санчарский	411
Хутор Ригдза	414
Хутор Серебряный	421
Скит Пророка Ильи или хутора Лакоба	430
Район озера Рица	448
Приложение I. Об имяславии. По протоколу допроса схимонаха Саввы (Румянцева)	470
Приложение II. Есаул Козлов	498
Часть 3. Аресты пустынников в горах Абхазии:	
окрестности села Георгиевского — урочище Барганы....	507
Книга памяти	558
Библиография	649
Список сокращений	654
Именной указатель	656

Предисловие

В продолжении серии "Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческого государства" вниманию читателей предлагается книга, посвященная исповедническому движению на Кавказе. Она несколько отличается от предыдущих книг серии, где главную часть составляло жизнеописание архиерея — священномученика или исповедника, а далее излагался материал о единомысленных с ним клириках его епархии, монашествующих и мирянах. В данной книге такой центральной фигуры архиерея нет. Епископ Варлаам (Лазаренко), хотя и назван главным в одном из следственных дел, к большинству вместе с ним обвиняемых отношение имел лишь косвенное, поэтому ему посвящена отдельная глава, а основные части книги изложены согласно материалам следственных дел, так что "главными героями" книги являются монашествующие на Кавказе.

Как и повсюду в богоборном СССР, они на протяжении десятилетий подвергались здесь жесточайшим гонениям. Еще в 1920-х годах все монастыри на Кавказе были закрыты и большая часть из них разрушена до основания, насельники изгнаны и репрессированы. В дальнейшем власти постоянно пристально следили за

проявлением религиозной активности и не допускали появления каких-либо монашеских поселений даже в самых глухих и труднодоступных местах. Из общественного сознания старательно изглаживались и память, и само понятие о монашестве.

Только в самом конце XX столетия, когда окончились открытые богоборческие гонения и с общим пробуждением религиозной жизни стали возрождаться из руин некоторые заброшенные монастыри, начинается и восстановление исторической памяти: по крупицам собираются исторические сведения о монастырях и возвращаются из забвения имена подвизавшихся здесь монашествующих. Однако если об основателях самых крупных монастырей и об их деятельности, как и в целом о дореволюционном периоде, сохранилось достаточно много информации, то о периоде богоборческих гонений ее почти нет. Даже время и обстоятельства закрытия обителей неизвестны и, как правило, обросли всякого рода слухами и легендами. Еще меньше известно о судьбах последних насельников и тем более о монахах-пустынниках.

В этом плане материалы следственных дел, представленные в книге, являются важным историческим источником. Они открывают десятки имен монашествующих, претерпевших гонения от богоборной власти, и доносят до нашего времени их голоса. Конечно, в протоколах допросов они *«звучат тенденциозно»*, но даже эта *«тенденциозность»* не может заглушить или как-то исказить непоколебимое свидетельство истинной Православной веры.

Монашествующие на Кавказе, как и все члены Русской Православной Церкви, после революции 1917 года оказались в богоборческом государстве и в связи с этим столкнулись с такими проблемами, которые за всю двухтысячелетнюю историю впервые встали перед Церковью. Как писали будущие петроградские новомученики в 1928 году: «Такого положения Церкви, в каком

находится в настоящее время Русская Православная Церковь, во всей мировой истории еще не было, ибо не было на свете такого государства, кроме кратковременной французской революции, которое имело бы своей конечной целью уничтожение всякой религии на земле и которое борьбу со Христовой Церковью ставило бы в такую плоскость, при которой, не вводя никакой новой ереси церковного характера, старалось бы Церковь подчинить своему влиянию и лишить ее той внутренней свободы, которая дарована ей ее Небесным Основателем Христом Господом»¹.

В этих тяжелейших условиях перед архипастырями и пастырями Церкви встала сложнейшая задача принять такие соборные решения, «которыми на будущее время ограждалась бы внутренняя свобода Церкви от подчинения ее идеям антихристианского правительства» и «которые определяли бы правильное отношение Церкви к такому государству, которое ставит своей конечной целью борьбу с Богом и Его властью в сердцах народа. Такие соборные определения Русской Церкви будут иметь руководящее значение для всего мира во времена эсхатологические»².

Эти определения и были выражены если и не в привычных соборных формулировках, то самой жизнью и страдальческой кончиной целого сонма новых мучеников и исповедников Русской Православной Церкви. В их числе, несомненно, и большинство монашествующих, о которых рассказано на страницах книги. Бывшие насельники кавказских общежитийных монастырей, от послушников и трудников до убеленных сединами старцев-схимников; пустынники и пустынницы, подвизавшиеся в уединенных кельях и скитах Кавказских гор, — все они, а также целый ряд связанных с ними про-

¹ Беседа двух друзей // Православная жизнь. 1999. № 6. С. 27.

² Там же. С. 28.

стых верующих мирян заняли твердую исповедническую позицию. Отстаивая церковную свободу, они пострадали от боготорческой власти, почти все погибли в тюрьмах или лагерях, увенчавшись мученическим венцом.

* * *

В тексте книги документы, за некоторыми исключениями, оговоренными особо, даются в современной орфографии. Купюры обозначены отточиями. Цитаты из воспоминаний и архивных документов отделяются от основного текста отступом. Цитаты из следственных дел выделяются курсивом.

* * *

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 годов». Коллегам по НИПЦ "Мемориал" — самая искренняя признательность, особенно руководителю научных программ НИПЦ — А. Б. Рогинскому и сотруднику группы Игорю Васильевичу Ильичеву.

Пользуемся случаем передать глубокую благодарность директору архива МВД Грузии Омари Тушурашвили — за неоценимую поддержку нашей работы и помощь в получении документов.

Благодарим за помощь туапсинского краеведа Алексея Васильевича Филя; и воронежского путешественника и фотографа Владимира Малдера — за предоставленные фотографии.

Особая признательность Фрэнсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

Введение

Монашество на Кавказе

Кавказские горы издавна привлекали любителей безмолвия и уединения. История монашества здесь уходит в глубь веков, к самому началу распространения христианства, то есть фактически к апостольскому времени. Эта тема мало исследована, как и история христианства на Кавказе в целом, и в книге не рассматривается. Следует лишь отметить, что после тысячелетнего христианского периода, когда Кавказ на несколько веков попал в сферу мусульманского влияния, христианство здесь пришло в упадок, было вытеснено из жизни и фактически забыто местным населением; и лишь кое-где остававшиеся руины древних храмов напоминали о былом расцвете христианской культуры. Вновь распространение христианства началось здесь на рубеже XVIII–XIX столетий с присоединением Предкавказья и Кавказа к Российской империи. Тогда же началось и возрождение монашеской жизни: сначала возникают общины, учреждаются монастыри на Кубани и в Ставрополье, позднее, после окончания Кавказской войны, —

возрождаются в горах и на Черноморском побережье. В последней четверти XIX века на Кавказе строится целый ряд крупных монастырей, среди них особенно выделяются монастыри афонской традиции: Ново-Афонский Симоно-Кананитский, Свято-Михайло-Афонская Закубанская пустынь, Александро-Афонская Зеленчукская пустынь, Второ-Афонский Успенский монастырь.

Устроители этих обителей, будучи выходцами со знаменитого Старого Афона — монашеской республики Святой Афонской Горы с ее тысячелетней традицией монашеского делания, — руководствовались в духовной и практической жизни афонскими уставами и преданиями, что, очевидно, немало способствовало успеху их начинаний, изумлявших современников, — буквально за несколько лет безо всяких государственных вложений, главным образом на монашеские и народные пожертвования в пустынных прежде местах выростали огромные монастыри со строгим богослужбным ритмом и превосходно налаженным хозяйством. Подробная история этих монастырей — также отдельная тема, которая еще ждет своих исследователей. Но поскольку с двумя из монастырей: Ново-Афонским и Михайловской Закубанской пустынью, вернее, с их последними насельниками непосредственно связано дальнейшее повествование, уместно дать их краткое описание.

К 1917 году эти монастыри стали крупнейшими на Кавказе: в Свято-Михайловской пустыни было 215 монашествующих, в Ново-Афонском монастыре — около 600 (по некоторым источникам — 800), не считая большого числа трудников и богомольцев. Оба монастыря были основаны хотя и в заброшенных, но в исторических, связанных с христианскими древностями местах. Ново-Афонский — на Черноморском побережье Абхазии в 25 верстах от Сухуми, рядом с остатками древней Анакопийской крепости и храма св. апостола Симона Кананита, проповедовавшего здесь христианство в пер-

вом веке и претерпевшего мученическую кончину. Свято-Михайло-Афонская Закубанская пустынь — на месте древнего византийского монастыря в 45 верстах от Майкопа на горе Физиабго.

Основание монастырей происходило почти одновременно. В 1874 году инициаторы строительства Закубанской пустыни — два подвижника-мирянина, стремившиеся к монашеской жизни, — нашли гору Физиабго с древними пещерами удобной для основания монастыря и, заручившись поддержкой казаков из соседних станиц, обратились с прошением к епископу. В том же году настоятель Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне архимандрит Макарий (Сушкин) и духовник иеросхимонах Иероним (Соломенцов) пришли к мысли об основании на Кавказе "отделения Пантелеимонова монастыря". На следующий год прибывшие по их благословию на Черноморское побережье монахи нашли подходящее место для будущей обители и, получив разрешение, приступили к строительству. В 1877 году прибывший также со Старого Афона иеромонах Мартирий начал строительство Михайловской Закубанской пустыни.

В течение двух десятилетий на горных склонах возводились монументальные стены, храмы, здания — целые архитектурные комплексы, причем в Свято-Михайловском монастыре они строились на довольно большой высоте (907 метров над уровнем моря), куда вела одна узкая дорожка вдоль крутых обрывистых склонов. Примечательна запись в дневнике епархиального миссионера, побывавшего здесь в 1891 году:

«Поднявшись на значительную высоту горы по дорожке, которая как бы нарочно проложена только для одной пары лошадей, мы стали спускаться под гору. Высокий и крутой был спуск. А кругом еще стояли одна за другой такие же высокие горы; горы, поросшие лесом; горы и утесы без леса, —

гора за горой тянулась целая цепь гор, из которых одни были настолько велики, что вершины их, покрытые снегом, точно белой пеленой, уходили под облака. Чудная природа! И между этих высочайших гор, точно змейка, изогнулась по всем направлениям узенькая дорожка. Один только неосторожный шаг в сторону — и вы свернули бы в пропасть и погибли, разбившись вдребезги.

Но вот завиднелся на холме начатый, но еще не оконченный постройкой храм Всевышнему Богу. Шапка валится, когда мы, спустившись в долину, взглянули на него. Еще немного — показался и самый монастырь со всеми своими корпусами и храмами. Величаво высится в центре всех построек соборный храм — каменный, огромный по своей вместимости, прекрасный по архитектуре. Он изображает собою как бы общую мать собравшихся вокруг него разных трудолюбцев. Монастырь стоит на полуострове, только не омывается водою, а окружен естественными обрывами и скалами»³.

Для современников казалось чудом, как несколько монахов в пустых и диких местах — повторим: совершенно без каких-либо дотаций со стороны государства — построили такие сооружения! В Свято-Михайловской пустыни — пять храмов, причем один из них при огромных размерах вмещал до 1000 человек; настоятельский корпус, несколько братских; за оградой — четыре странноприимных корпуса, больница и начальное училище. Множество построек хозяйственного назначения, ведь в пустыни были свои мастерские, фактически обеспечивавшие ее всем необходимым. К монастырю был подведен водопровод, оканчивающийся каменными бассейнами и фонтанами⁴. На отведенных землях

³ Дневник епархиального миссионера священника К. А. Попова // Ставропольские епархиальные ведомости. 1891. № 12. С. 412.

⁴ Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 342.

занимались животноводством: содержали большие стада лошадей, коров, овец и даже верблюдов; работал также сыроваренный завод. Позднее монастырь приобрел земли, пригодные для выращивания пшеницы и других культур, обильные урожаи с которых позволяли не только обеспечивать всю братию и паломников, но и продавать излишки; был также свой виноградник на хуторе. При пустыни имелись школа грамоты и метеорологическая станция.

Ново-Афонский монастырь еще более впечатлял размахом своих построек и талантливыми инженерными решениями. Первые постройки были произведены в прибрежной части: здесь возвели небольшой Покровский храм, восстановили из развалин древний храм Симона Кананита, построили корпуса для братии и богомольцев, больницы, аптеку, школу, различные мастерские, мельницу, кирпичные и черепичные заводы; плотину в устье реки и целую систему каналов и прудов с чистой водой, что позволило, с одной стороны, осушить болота и избавиться от малярии, а с другой — обеспечить монастырь водой и свежей рыбой, которую разводили в прудах. Все эти гидротехнические сооружения, давшие монастырю водяной двигатель, питьевую воду и воду для всех хозяйственных нужд, в том числе и для орошения садов и огромных плантаций, а также для очистки нечистот, были сделаны по проекту самого архимандрита Иерона (Васильева).

По его же проекту была построена и верхняя часть монастыря — собственно, основная для монахов, задуманная как более отделенная от мира (а нижняя оставалась для общественного служения и хозяйственных нужд). Для этой постройки произвели колоссальные земляные работы — срезали часть горы и соорудили мощную опорную стену. Проложили железную дорогу, по которой доставляли материалы в нагорную часть (в дальнейшем она связала все хозяйственные службы: склады, кир-

пичный завод, мельницу, лесопильню). В 1904 году на реке была построена электростанция, и весь монастырь электрифицировали. Корпуса в нагорной части возводили как на Старом Афоне, в виде замкнутого четырехугольника из четырехэтажных корпусов с храмами по углам и над святыми воротами и с главным собором в центре, прекрасным по исполнению и грандиозным по масштабам (он вмещал более 3000 человек).

«Великолепный во всех отношениях монастырский комплекс, выполненный в афонско-византийском стиле, положительно приводил в восторг всех, кто сколько-нибудь понимает в строительном искусстве. Один известный архитектор, не стыдясь, признался, что он... приезжает ежегодно в обитель учиться, как нужно правильно, прочно и практично производить постройки»⁵.

Многие из посетивших Ново-Афонскую обитель оставили свои восторженные отзывы. Трудно было представить, по выражению одного из них, что на этом месте была такая же «дичь и непроходимая глушь», как и по всему Черноморскому побережью Кавказа. Позднее составитель летописной книжицы о монастыре писал в 1900 году:

«Весь этот берег, на котором теперь красуется монастырь, был также покрыт папоротником, кустами колючих растений, переплетенных вьющимися растениями, и настолько крепко, что на каждом шагу, при очистке местности, от берега к горам приходилось медленно прорубаться особыми абхазскими топорами на длинных рукоятках».

Сам архимандрит Иерон (Васильев) вспоминал, что, когда он приехал к месту будущей обители на берег реки Псырцхи 2 января 1876 года, то увидел, что весь уча-

⁵ *Восторгов Иоанн, прот.* Очерк истории Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. Салоники, 1996. С. 37.

сток, предоставленный для будущего монастыря, был покрыт непроходимыми зарослями: «Дорог не существовало никаких. В Сухуми ездили отсюда верхом по берегу у самого моря или на фелюгах (мелких гребных судах). В бурную же погоду сообщение прекращалось»⁶. Но несколько лет упорного и тяжкого труда преобразили всю местность.

«Вот что говорил по этому поводу один кавказский старожил: "Кто знал, какова была всего лет двадцать назад дикая местность, на которой ныне воздвигся монастырь, кто хотя немного познакомился с теми громадными трудами, какие необходимы были, чтобы срыть каменистые горы, засыпать пропасти и, наконец, почти без всякой помощи специалистов (добавим, и технических средств, а главным образом вручную) воздвигнуть на этих скалах величественные храмы и другие постройки... тот не может не преклониться пред замечательным русским человеком, создателем этой обители отцом-настоятелем монастыря Иероном..."»⁷.

«Много слышал я о красоте местоположения, о величественных постройках, воздвигнутых на полугоре, о роскошных садах вокруг обители, — писал епископ Никон (Рождественский), — но то, что я увидел, превзошло всякое описание... Весь берег Черного моря на протяжении владений монастыря превращен в роскошный сад, и каких тут нет растений! И стройные кипарисы, и многолиственные смоковницы (дающие так называемые <ываемые> винные ягоды), и скромные, но плодоносные и в высшей степени полезные маслины, и лимоны, и апельсины, и каштаны, и всякого рода яблони, мандарины, даже пальмы, а винограда имеется более 30 сортов. Нижний монастырь весь утопает в этой зелени, а верхний ве-

⁶ Бронзов А. А. Архимандрит Иерон, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря (+ 14 августа 1912 г.) // Христианское чтение. 1913. № 5. С. 631.

⁷ Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на берегу Черного моря, в Абхазии, вблизи Сухума / Сост. И. Н. Одесса, 1901. С. 64.

личественно царит на темно-зеленом фоне крутых высоких гор над всею этою чудною картиною, поднимаясь, по крайней мере, на 50 сажен от уровня моря.

Сколько трудов стоило срезать гору, чтобы образовать площадь, удобную для монастыря. Сколько приложено стараний, чтобы засыпать некоторые ущелья, провести дорогу к верху, развести эти сады, выкопать пруды, чтобы осушить болота, устроить на горной речке плотину и заставить эту речку работать на монастырь. Да, речка — незаменимый работник для монастыря: она приводит в движение мельницу, дает электрическую энергию для всех машин в мастерских, для освещения, для водопровода, орошения садов, даже для раскатывания просфорного теста; та же сила будет в скором времени поднимать вагонетки на вершину Иверской горы — одной из самых высоких соседних гор, где предполагается построить церковь. Иноки сумели использовать сами крутизны гор: с их вершин они устроили прямолинейные спуски для дров, которые сами собою скатываются вниз к монастырю с высоты более 200 сажен.

Что может сделать простой русский человек в применении своих способностей — довольно сказать, что иноки обошлись не только без помощи инженеров и ученых-садоводов в возделывании своего земного рая, но и почти без архитекторов во всех, можно сказать, гигантских монастырских постройках»⁸.

Монастырь постоянно расширял посадки маслин, винограда, разнообразных плодовых культур. Саженцы бесплатно раздавались местному населению, что способствовало разведению в крае лучших плодовых деревьев. Помимо обыкновенных огородов и садов, где выращивались разнообразные овощи и фрукты, был разбит ботанический сад с редкими субтропическими растениями.

⁸ *Епископ Никон*. На Новом Афоне // Троицкий листок. 1911. № 78. Цит. по: Красковский И. Ф. Игумен русских святогорцев. Репр. изд. 1889. М., 1998. С. 199–201.

Этот сад после закрытия монастыря безбожники использовали для создания "крупнейшего цитрусоводческого совхоза" и "цветоводческого хозяйства". Так что и своими знаменитыми мандаринами (выращивание которых в XX веке стало одним из основных ее доходов) Советская Абхазия была обязана монахам Ново-Афонского монастыря.

В целом влияние монастыря на местное население было велико. Это и пример умелого хозяйствования и трудолюбия, и практическая помощь, которая постоянно оказывалась нуждающимся: все приходившие всегда получали ночлег и еду без всякой платы, лекарства в монастырской аптеке — бедные даром, а малоимущие в половину цены; обучавшиеся в монастырской школе в течение 4–5 лет абхазские мальчики из беднейших семей жили на полном иждивении монастыря в специально построенном для них и для школы доме. Но помимо всего главным было духовное, миссионерское влияние: пример истинной христианской жизни лучше любой проповеди свидетельствовал об истинной вере.

Монастырь являл собой именно духовный центр такой истинно-христианской жизни, где при всей занятости простыми земными трудами никогда не забывалась главная цель христианина и монаха — восхождение к живому Богообщению. Молитва и духовное делание были на первом месте и не могли быть вытеснены земными заботами. «Здесь мир и тишина, потому что труд одухотворяет и возвышает, он не цель, а только средство к нравственному восхождению, он подение при молитве и непрестанном горении духа, ищущего неба»⁹. В монастыре соблюдался строгий афонский устав богослужений. В час ночи начиналось келейное правило, в

⁹ Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на берегу Черного моря, в Абхазии, вблизи Сухума... С. 56.

два ночи в церкви — полунощница, утренняя и обедня, на которых должна была быть вся братия, после чего все отправлялись на послушания, то есть на работы. В четыре или пять вечера служилась вечерня. В праздники совершалось всенощное бдение, тогда вечерня была малая, а в восемь вечера благовест звал на всенощное, начинавшееся с малого повечерия и далее продолжавшееся до глубокой ночи или, вернее, до утра.

Ежедневно во время утрени архимандрит Иерон (Васильев) принимал исповедь монахов в специальной келье на хорах. По свидетельству очевидцев, «при большой духовной опытности о<тца> Иерона и особо почившей на нем благодати эта совершаемая по собственной воле исповедь оказывает необыкновенно благотворное влияние даже на черствые натуры, почти все выходят из келии с облегченной совестью и умиленным, размягченным сердцем»¹⁰. Насельники монастыря без благословения старцев ничего не должны были делать как в практической, так и в духовной жизни; при этом полностью отсекалось всякое самочиние, что очень важно для преуспевания в духовной жизни, — это правило поставлено было в основание монастырского порядка. Кроме того, как и во всех киновиях, то есть в общежитийных монастырях, монахи не имели никакой личной собственности и все необходимое получали от монастыря; трапеза также была общая.

Такой же порядок соблюдался и в Свято-Михайловской Закубанской пустыни. Ее строитель и первый настоятель — иеромонах Мартирий (Островый) — на основании афонских уставов составил 17 правил для своего монастыря: строгое общежитие с точным исполнением богослужений по уставу Афонской Горы, с обязательным их посещением всей братией, определенный поряд-

¹⁰ Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на берегу Черного моря, в Абхазии, вблизи Сухума... С. 196.

док келейной жизни — молитвы, обязательное духовное чтение, рекомендации заниматься умной молитвой по учению святых отцов. В этом важнейшем молитвенном делании наставлял своих монахов на Новом Афоне и архимандрит Иерон (Васильев), сам еще в молодости приобретший навык непрестанной молитвы.

Однако в процессе столь грандиозного строительства при напряженном трудовом ритме заниматься умной молитвой было нелегко. И некоторые монахи, стараясь по примеру древних подвижников удалиться от мирской суеты, уходили в горы в труднодоступные места, где устраивали себе более уединенное жилище — в пещерах или землянках и избушках. Это явление было обычным для монашества во все времена: устремленные к более созерцательному образу жизни и тяготящиеся многочисленными монастырями с их многозаботливой хозяйственной жизнью и неизбежным притоком богомольцев стараются по-настоящему уйти от мира и, пребывая в пустыни, предаются молитве и богомыслию, не отвлекаясь земными попечениями.

Так и на Кавказе наряду с растущими большими монастырями с их размеренным и строго определенным порядком, хотя и аскетическим, но относительно устроенным бытом стали появляться повсюду в горах убогие кельи пустынножителей с их еще более аскетическими условиями жизни. Посетивший некоторых из них в 1914 году будущий протоиерей Валентин Свенцицкий оставил яркое их описание в своих знаменитых очерках "Граждане неба". С пустынниками он познакомился в Ново-Афонском монастыре, куда те изредка приходили к исповеди и причастию, приносили свои изделия на продажу: деревянные ложки, кресты, четки, — на вырученные деньги покупали муку, соль, сахар и вновь уходили в горы. По свидетельству отца Валентина, отношение к ним в монастыре было не очень дружелюбным. Их принимали, но неохотно:

«— Они ушли от нас — нечего и ходить к нам!

Но открыто не гонят. Хотя бывает и это. Один пустынный рассказывал мне, как пришел он исповедаться в Троицкий монастырь недалеко от Красной Поляны. Иеромонах сказал ему:

— Ты живешь на речке под скалами и ступай в свою речку исповедаться!»

Белое духовенство в Сухумской епархии относилось к пустынножителям более сочувственно:

«Мы знаем мало об их жизни, иногда они приходят к нам в Сухум исповедоваться, впечатление производят очень хорошее. Одного старика, например, у нас прямо считают за святого. Но много бывает и неудачников: от монастыря отобьются и в пустыне жить не могут. Так и бродяжничают из монастыря в горы, с гор в монастырь. Во всяком случае, пустынножительство заслуживает глубокого внимания»¹¹.

Это в какой-то мере объясняло настороженное отношение к самочинным пустынножителям. Но, конечно, в очерках отца Валентина речь не о бродягах, а о настоящих пустынножителях. Все, с кем ему довелось встретиться, вышли из монастырей, большая часть из Ново-Афонского.

«Мы монастырь не осуждаем — говорил мне о<тец> Иван, — без монастыря, без послушания нельзя. С этого всякий пустынный начинать должен. Но у иных душа лежит к безмолвию, тем и надлежит уходить в пустынь. Особенно горы на душу хорошо действуют — возвышающе. Усматриваешь в них некое таинство... Мы на пустынь не так смотрим, что это выше монастыря, а так, что каждому свой путь: иному монастырь, иному мир, иному пустынножительство...»

¹¹ Свенцицкий В. Граждане неба. Мое путешествие к пустынножителям Кавказских гор. Дивеево: Изд. группа Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского монастыря, б. г. С. 8.

Другие пустынноики были более категоричны:

«— Нас, пустынноиков, осуждают за самочинное спасание, — говорил о<тец> Исаакий, — а не знают того, что и в монастырях спасание тоже самочинное.

— То есть как? — спросил я.

— Без руководства... Теперь вся монастырская жизнь превращена в послушание или, другими словами, в хозяйственные заботы, в мирские дела. Послушание как необходимый путь духовного развития мы не отрицаем. Но в монастыре послушание совсем не то: это просто та или иная должность, которую необходимо исполнять в сложном монастырском хозяйстве. Послушание дается не сообразно с душевным состоянием послушника, а сообразно с хозяйственной необходимостью монастыря... Конечно, живут в монастыре и духовной жизнью, но больше тайно, келейно. Стараясь, чтобы не заметили окружающие, а то помешают. Вот и выходит самочинное спасение...

— Почему же могут помешать?

— Даже обязательно, нарочно помешают, — горячо вступился о<тец> Сергей; очевидно, это было его больное место, — в монастыре как только заметят в послушнике ревность к молитве, к духовной жизни, — сейчас послушание! Что, мол, за святой выискался, а ну-ка его куда-нибудь на огород или на плантации, пусть свою святость разгонит... В мою бытность на Новом Афоне сколько молодых послушников перед глазами прошло. В монастырь заходили как ангелы, а пройдут три, четыре года — все послушание да послушание, никакого руководства в духовной жизни, никакой заботы об этом, никакого поощрения; гоняют с виноградника на скотный, со скотного в пекарню, и вот делается человек совсем мирской, — с горечью сказал о<тец> Сергей, — надо бы на первом месте церковь, а на втором послушание, а им лишь бы хозяйство хорошо шло да работник хороший был, а церковное даже мешает им...

— Да, это так, — снова подтвердил о<тец> Исаакий, — слов нет, и в монастырях есть люди духовной жизни, но жизнь

их сама по себе идет, чаще всего монастырь об ней и не знает...»¹²

Хотя большинство пустынников уходили в горы по своему почину — самочинно, но были и такие, которые получали на это благословение. В этом плане большой интерес представляют записки монаха Даниила (Бондаренко), который более тридцати лет подвизался в горах и завершил свою пустынножизненную жизнь мученической кончиной в 1930 году¹³. В свои неполные семнадцать лет он поступил в монастырь Тихона Калужского, усердно проходил там послушания, но душа его искала более строгого уединения. Так, узнав о Кавказе, он стал проситься у игумена отпустить его из монастыря. Игумен сначала сразу же отказал, посчитав это искушением, и велел молодому подвижнику отправляться на послушание, прибавить поклонов и молитв и выбросить эту "вражью" мысль из головы. Однако, хотя отец Даниил и послушал игумена и все исполнил, мысль его не оставляла, и на следующий день он вновь пришел к игумену. Тот опять начал уговаривать:

«Напрасно ты слушаешь врага. Он вложил тебе помысел, а ты его принимаешь. Разве ты не читал, что в пустыню уходили святые отцы, прожившие много времени в монастыре. Там прошли они всякое послушание и были испытаны в терпении озлоблений, пока пришли в великое смирение и чрез многие годы общежительного труда сделались способными к житию пустынному. А ты прожил пять с половиной лет в монастыре и уже думаешь, что ты опытен. Разве ты не знаешь, что враг рода человеческого под видом будто бы доброго дела уж многих вытаскивал из обители и они сделались его добычей?»

¹² *Свенцицкий В.* Граждане неба. Мое путешествие к пустынножителям Кавказских гор... С. 111–112.

¹³ Об этом подробнее в части 1.

И далее игумен рассказал поучительный случай, бывший в древности и описанный в Прологе о едва не погибшем в бесовском прельщении ревностном монахе из одного палестинского монастыря. Этот рассказ заставил отца Даниила задуматься:

«Я начал колебаться, не оставить ли задуманную пустынь, — пишет он, — и, поклонясь игумену, пошел на послушание. После беседы с игуменом первый день я был будто покоен, не думал о пустыни, но на другой день и на третий день снова пустыня не выходила у меня из головы. Я не мог ни молиться, ни есть, ни спать, а только все думал о пустыне и решил идти в третий раз к игумену, чтобы окончательно взять документ и уехать на Кавказ в пустыню. Когда я пришел опять к игумену, он меня спросил: "Что, не раздумал?" — "Нет, батюшка!" Он пытался еще уговаривать, но было бесполезно. Тогда он дал документ и благословил меня со словами: "Да будет благословение Господне и преподобного отца нашего Тихона над тобою, и в благом твоём намерении да поможет тебе Бог"»¹⁴.

В горах отец Даниил встретил схимонаха Илариона (Домрачёва)¹⁵, советами которого руководствовался в первые годы своей пустынножизни. Отец Иларион также ушел на пустынножительство из монастыря: свою монашескую жизнь он начинал в Свято-Пантелеи-

¹⁴ Близ заката. Современные пустынножители в горах Кавказа (из бумаг М. А. Новоселова). Машинопись. Архив сост. С. 6, 10–12. Одноименная рукопись из архива Свято-Троицкой лавры опубликована в 2013 году издательским домом «Святая Гора» без указания авторства, имеет ряд разночтений, но в целом совпадает с текстом машинописи.

¹⁵ В миру Иоанн Домрачёв (1845–1916), получивший печальную известность из-за своей книги «На горах Кавказа», вызвавшей споры среди русских монахов на Святой Горе Афон по вопросу об имени Божиим. См. об этом подробнее далее: часть 2.

моновом монастыре на Святой Горе, куда поступил послушником в довольно молодом возрасте: по его рассказу, после окончания семинарии и проработав всего два года учителем в народной школе, сразу отправился на Афон. По прошествии нескольких лет, когда начал строиться Ново-Афонский монастырь, игумен Макарий (Сушкин) и старец Иероним (Соломенцов) решили послать его на Кавказ для исполнения должности учителя в монастырской школе:

«На Новом Афоне в то время строителем был иеромонах Иерон, впоследствии архимандрит, — рассказывал о *<тец>* Иларион. — Он так же, как и я, был послан на послушание старцами Иеронимом и Макарием. Иерон меня радушно принял. Новая обитель в то время была весьма неустроена. Кругом были заросли, колючки, только над морем была расчищена маленькая полянка, на которой была поставлена небольшая деревянная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. При ней был небольшой корпусок с несколькими келиями для братии и небольшая школа для мальчиков-абхазцев (о *<тец>* Иларион был назначен как раз на должность учителя в эту школу). Благодаря благоразумному строителю обитель начала быстро расти, все более и более начала прибывать братия. Стали появляться здесь ревнители высших подвигов монашеской жизни, но, видя бесконечную заботу об устройстве новой обители, некоторые отцы начали выходить из обители в пустыню на безмолвие. Вокруг Нового Афона простираются высокие горы, благодаря своим зияющим пропастям трудно-доступные для поселения мирских людей. В эти-то горы и начали удаляться некоторые наши отцы. Первым из таковых был отец Тит, а вторым — отец Иордан. Потрудившись на Новом Афоне довольно долгое время, я увидел, что эта забота и монастырская суета не может дать полной беспопечительности и свободы духа, без чего человек не может с легкостью простираться к высшим достижениям. Я часто размышлял, не уйти ли мне от этой суеты, которая препятствует моему шествию к высоте, как ушли мои друзья — отец Тит и отец Иордан. Они часто

приходили в монастырь, и я их расспрашивал, как они живут в горах. По рассказам их, они ни за что не сменяли бы своей жизни на монастырскую, хотя она и многотрудна, но зато дух мирен, как они мне постоянно отвечали. Я же им, бывало, говорю: "А я здесь всем обеспечен — и одеждой, и пищей, а мира нет". И я все больше и больше начал раздумывать, как бы и самому начать пустынножизнь»¹⁶.

Когда игумен Иерон (Васильев) хотел представить монаха Илариона к рукоположению во иеромонахи, тот наотрез отказался и стал просить о постриге в великий ангельский образ. Отец Иерон никак не соглашался, но после многих дней неотступных просьб все-таки постриг монаха Илариона в великую схиму, после чего тот ушел в горы. Сначала он проживал недалеко от монастыря. Но, заметив, что игумен недоволен тем, что к нему стали ходить братья, ушел дальше. На расстоянии двух дней ходу от монастыря нашел среди гор небольшую равнину, сделал себе келью и прожил в ней три года в одиночестве. Через три года он пришел в Ново-Афонский монастырь и встретил также пришедшего из пустыни отца Иордана, который жил тогда на реке Мзымте. Замечателен рассказ о беседе этих пустынножителей с игуменом Иероном.

«Погостивши в обители, они собирались было уходить, но отец Иларион стал говорить отцу Иордану:

— Надо ведь сходить к игумену проститься, а то ведь обидится наш Иерон, если так уйдём, ведь он также наш друг.

Иордан руками замахал:

— Не хочу я к нему идти. Каждый раз, как пойду к нему, у нас спор выходит. Он всё гнёт к тому, чтобы я жил в монастыре и опутался суетой с этой постройкой, как он, бедный. А я ему всё твержу одно: что не нужно мне строить эти величе-

¹⁶ Близ заката. Современные пустынножители в горах Кавказа... С. 72–74.

ственные каменные храмины, мне достаточно возни над постройкой храмины души моей, которая должна служить мне вечно, а это всё рассыплется в прах вместе с телом нашим.

Тут отец Иордан опустил голову и о чём-то размышлял про себя, Иларион поднялся с места и сказал:

— Ну, а я схожу. Хоть и поругаемся с ним, но думаю, что после руганки ещё крепче друзья будем.

Иордан поднял голову и говорит:

— Пожалуй, пойдём к нему вместе, двоих не осилит своей руганкой.

И они отправились к Иерону. Пришедши к нему, они его застали сидящим за письменным столом и работающим над чертежами монастырских построек. Увидавши их, он оставил свою работу и проговорил: "Вот и отцы пришли — пожалуйста, пожалуйста". По обычаю, они взяли у него благословение. Он был весьма рад их посещению и весело начал расспрашивать, как они живут в горах. Они всё рассказывали, как трудненько приходится учиться этой новой жизни, и отец Иордан первый завёл речь:

— Мы, батюшка, пришли с тобой проститься и взять у тебя благословение. Завтра рано уходим домой, уже у вас нагостились. Спаси вас Господи за вашу любовь, что вы нас ещё пока принимаете.

Иерон слегка покраснел и говорит:

— А разве я когда-нибудь перестану вас принимать?

— Всё может случиться.

— Полно тебе, отец Иордан, ты вечно идёшь наперекор. Вот, например, говоришь: идём домой. А разве для тебя обитель уже стала чужая и не твой дом? Ты меня этим оскорбляешь.

На счастье, начинавшийся между Иорданом и Иероном новый спор прервал вход келейника, который вежливо приветствовал гостей поклоном, и, обратившись к Иерону, сказал: "Батюшка, к вам желает зайти инженер, который был вчера. Он говорит, что уезжает через час".

Иерон наклонил голову и минуту что-то думал. Потом сказал келейнику: "Скажи ему, пусть зайдёт". А к Илариону и Иордану обратился, извиняясь: "Отцы, посидите безмолвно,

пока я с ним мало кой о чём переговорю". Тут вошёл инженер. Долго они толковали с Иероном о чертежах и планах, предназначенных к постройке выше от моря собора и корпусов, но не могли прийти к соглашению. Инженер просил дорого, и отец Иерон стал ему говорить:

— Я сам сделаю все чертежи.

Инженер посмотрел с удивлением на Иерона и спросил его:

— Разве вы знакомы с курсом строительного дела?

— Да, правду сказать, хотя я этому не учился, а рискую сделать сам.

Инженер возразил ему:

— Смотрите, не ошибитесь. Вы предполагаете строить такие колоссальные здания и рискуете сами делать чертежи, не учившись теории строительного дела. Этим вы можете нанести себе страшные убытки, и ошибки можно будет поправить лишь с великим трудом.

— Ну, что же делать, у нас не найдётся той суммы, которую вы просите.

Инженер пожал плечами и заметил:

— Вы можете больше потерять в случае неудачи.

Иерон решительно сказал:

— Что Бог даст.

Инженер распрощался и ушёл. Иерон повернулся к столу, где лежали чертежи его работы, и сказал:

— Отец Иларион, посмотри, годится ли моя работа к делу. Ты всё-таки больше меня образован.

Тот посмотрел — работа колоссальная и очень замысловатая. Но так как он считал себя несведущим в этом деле, то и не мог решительно определить, правильно ли оно сделано или неправильно, и сказал:

— Почему не показал этому инженеру, интересно знать его мнение.

— Да, если бы знать, что он человек беспристрастный и честный, то, конечно, хорошо бы знать его мнение, а если он не таков, то лучше ему не показывать. Тебе первому показал мою работу, как своему.

И Иерон набожно перекрестился со словами:

— Да будет воля Божия. Решаю делать, как задумал.

Иларион удивился его смелости и решительному характеру и пожелал ему доброго успеха. Иерон поблагодарил его за добрые пожелания и сказал:

— Помолись Богу, чтобы мне благополучно во славу Божию довести дело до конца.

Тут вдруг почему-то оба обратили свой взор на Иордана. Он сидел в углу на стуле против них с чёткой в руках, с опущенной головой и слегка прихрапывая. Это он сделал притворно, чтобы дать им полную свободу в их беседе. Иерон, смотря на Иордана, и говорит:

— Отец Иордан, а, отец Иордан! Что задремал?

Иордан сказал, как бы проснувшись:

— Да что-то дремлетя, наверное, на дождик.

— Вот с отцом Иларионом толкуем о затеянном нами деле, а тебе будто ничего не надо, и спокойно дремлешь.

— А что же мне ещё больше надо?

— Как что? На нас лежит равная обязанность.

— Как равная?

— Да так: мы ведь посланы сюда за святое послушание со Старого Афона строить эту святую обитель, а вы теперь с себя сваливаете эту обязанность. Вот самочинно в пустыню ушли.

Отец Иордан в ответ давай доказывать, что он поехал сюда по благословию старца Иеронима на время, а теперь желает жить в пустыне, и говорит Иерону:

— А ты разве не бегал на Старом Афоне в пустыню, когда был ещё иеродиаконом?

— Ну, полно тебе старое вспоминать.

— А потом ты говоришь, мы, самочинники, не спасёмся. А как прежде нас спаслись самочинники, например, возьми мучеников? Все они были сами виновники своего мучения и своей смерти. А ведь это в их воле было — терпеть мучение или исполнить волю мучителей и принять славу мира сего? И многие преподобные уходили в самые пустынные места, лишённые всякого утешения. Они могли бы жить со многими и получать утешение от многих. Но все они предпочли пострадать временно, дабы не лишиться Божия милосердия и вечности.

Отец Иерон ничего больше не возражал Иордану, только тихо вздохнул и кротко сказал:

— Всё-таки вы не правы в том, что оставили меня. Нам следовало бы вместе потрудиться над устройством этой новой обители, хотя бы немного, а тогда я нашёл бы подходящего человека, которому мог бы передать это дело, и ушёл бы с вами тоже в пустыню.

Иларион и Иордан посмотрели на Иерона: видно было, что он говорит это от чистого сердца, и им стало его жалко. А отец Иордан стал говорить:

— Нет, батюшка, тебе, видно, Богом назначено строить эту обитель, так ты уже и кончай, и нечего тебе подыскивать человека, которому ты мог бы передать строительство. Ведь подходящий для этого человек найдётся не очень скоро. А ты, если потрудишься на общую пользу, то Бог тебя всё равно не оставит. А нас прости за всё.

И они сделали поклон ему, также и он им. Лицо у Иерона сделалось умильное, как у ангела; в нём виделась чистая, божественная братская любовь. Так они распрощались...»¹⁷

Эта трогательная сцена искреннего примирения и прощания отцов-пустынников и игумена общежитийного монастыря Иерона (Васильева) наглядно показала, что на самом деле никакого разногласия или вражды между ними не было. У каждого был свой путь, свое предназначение, и здесь сама по себе форма монашеской жизни — общежитийная или пустынножизненная — не была самоценна и не гарантировала как таковое спасение, а была именно путем, средством к нему. Как писал будущий святитель Иосиф (Петровых), в ту пору еще архимандрит:

«Спорят о том, какое монашество лучше — деятельное или созерцательное? — "Ов сиче, ов же сиче". Нельзя решить

¹⁷ Близ заката. Современные пустынножители в горах Кавказа... С. 75–79.

этого вопроса, не примеряясь к живой душе, способной вмещать более то или другое! Нельзя устанавливать тут никакой классификации, к которой потом и подводить живых людей, требуя от них обязательно того, что делают другие. Господь каждому дает свою меру и свой путь, и способ угождения и служения Ему»¹⁸.

Да и все монашеские обеты тоже ведь лишь средство, условие, — подчеркивает святитель Иосиф, — «а цель — сообщение, сообразование, слияние со Христом так, чтобы каждое слово, действие, поступок смело могли быть считаемы возможными во Христе, не исключаяющими Его, не оскорбляющими Его святости». У святителя Иосифа было много глубоких размышлений о монашестве; сам настоящий монах и замечательный духовный писатель, он запечатлел свой духовный опыт и переживания на страницах проникновенного "Дневника инока", издававшегося отдельными томами с 1901 по 1911 год, некоторые цитаты из которого были приведены в его жизнеописании — первой книге серии "Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческого государства"¹⁹. Не случайно жизнеописание именно святителя Иосифа открывало саму серию. Будучи митрополитом Петроградским, владыка Иосиф возглавил исповедническое движение Русской Православной Церкви, объединившее целый ряд выдающихся архиереев и клириков, монашествующих и ревностных мирян. Почти все они, как и сам святитель Иосиф, жизнь свою положили за верность Святой Церкви — все подверглись жестоким гонениям и претерпели страдания за Христа.

¹⁸ А. И. В объятиях Отчих. Дневник инока. Т. IV. С. 176.

¹⁹ Первое издание вышло в 2006 году, второе — в 2011-м: Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский. Жизнеописание и труды. СПб.: Кифа — М.: Братонез, 2011.

Это многочисленный сонм новых российских святых, среди которых значительная часть — монашествующие. Многие из них, как и сам митрополит Иосиф, более склонный к созерцательной молитвенной жизни и занятый вопросами духовно-нравственными, были совершенно далеки от активной социальной деятельности, но в конце 1920-х годов оказались в самом центре церковно-общественных событий и смело выступили на защиту церковной свободы. Они не стали прикрываться ложным смирением за словами "неведения" или "неотмирности" (непричастности миру сему) и устраняться от решения тех вопросов и проблем, перед которыми была поставлена Церковь. Ведь вопросы были такого характера, что требовали определения от каждого члена Церкви — будь это облеченный высоким духовным саном, или необразованный мирянин-простец, или монах-отшельник. И если духовные лица, особенно архипастыри, как служители слова прежде всего и должны были сформулировать эти определения и дать ответы на вопросы, то всем остальным так или иначе предстояло их осознать и сознательно последовать за своими архипастырями, а порой и помочь им найти эти определения.

Так и монашествующие на Кавказе не оказались в стороне от этого общецерковного дела. Конечно, далеко не все, но все же немалое число монахов закрытых монастырей, а также насельников уединенных скитов и келий в горах заняли твердую исповедническую позицию. Примечательно, что в последние годы своей жизни возглавлявший исповедническое движение митрополит Иосиф оказался связан узами духовной дружбы с одним из самых молодых и, можно даже сказать, последних кавказских пустынников, принявших монашеский постриг в горах, — архимандритом Арсением (Корди).

Совсем юным будущий архимандрит Арсений, Борис Корди, вслед за своим другом Олегом Полем в середине

1920-х ушел в горы к отцам-пустынникам и там, так же как Олег, принял монашеский постриг и рукоположение в священный сан от епископа, единомысленного с митрополитом Иосифом. Пример этих молодых людей поразителен: умнейшие и незаурядные, в каких-то областях даже гениальные, в самый разгар строительства нового безбожного государства оставляют мир, уходят в лесную глушь и находят себе наставников в лице совершенно необразованных простых монахов. Избирают монашескую жизнь в то самое время, когда закрываются последние монастыри и гонения обрушиваются не только на монашествующих, но и на всех верующих. При этом у молодых подвижников не было никакого надрыва, фанатизма; напротив, поразительное благодушие при напряженной духовной брани и удивительная мягкость по отношению к близким при твердости православной веры и непоколебимом ее исповедании. Об этих замечательных монахах, завершивших свой краткий, но яркий земной путь мученическим подвигом, подробно будет рассказано в отдельной главе. По счастью, помимо материалов следственных дел сохранились воспоминания их близких, а также их письма и труды.

Но прежде чем продолжить, необходимо дать небольшое пояснение о самом понятии монашества. У отцов и учителей Церкви всех веков можно найти немало глубоких размышлений на эту тему, но лучше обратиться к трудам близких к нашему времени святителей Русской Церкви Игнатия Брянчанинова²⁰ и Феофана Затворника, которые прекрасно объяснили сущность монашества своим современникам, потерявшим всякое о нем понятие и нередко весьма враждебно против него настроенным.

²⁰ Святитель Игнатий был одним из первых епископов вновь учрежденной кафедры на Кавказе — возведен в сан епископа Кавказского и Черноморского в 1857 году.

О монашестве

«Монашество есть Божие установление» — эту аксиому святитель Игнатий Брянчанинов полагает в начале своей беседы в ответ вопрошающему, кстати, весьма удивленному таким ответом, поскольку тогда в обществе постоянно толковали о монашестве, и отзывались не очень благосклонно, и судили как о человеческом изобретении.

«Монахи суть те христиане, которые оставляют все по возможности земные занятия для занятия молитвой — добродетелью выше всех добродетелей, чтоб посредством ее соединиться воедино с Богом, как сказал апостол: *Прилепляйся Господеви бывает един дух с Господом* (1 Кор. 6:17. Преподобный Марк Подвижник, Слово 4)».

«Слова "монах", "монастырь", "монашество" произошли от греческого слова "один". Монах — значит живущий уединенно или в одиночестве; монастырь — уединенное, отдельное жилище; монашество — уединенное жительство. Это жительство отличается от обыкновенного, всем общего жительства, — есть жительство иное, а потому в русском языке образовалось для него наименование иночества. Монах по-русски — инок. Слова "общежитие", "скит", "безмолвие", "отшельничество", "затвор", "пустынножитие" означают собою разные роды иноческой жизни. Иноческим общежитием называется сожительство более или менее многочисленного собрания иноков, имеющих общее богослужение, общую трапезу и одежду, находящихся в заведывании одного настоятеля. Безмолвием называется сожительство двух или трех иноков в отдельной келье, жительствовающих по взаимному совету или по совету старшего, имеющих общую трапезу и одежду, отправляющих в течение пяти дней богослужение в келье, а в субботу и воскресенье приходящих к общественной службе в церковь. Отшель-

ничеством называется жительство инока наедине. Когда отшельник пребывает неисходно в келье, находящейся в монастыре, тогда он называется затворником, а жительство его — затвором; когда же он жительствоует в безлюдной пустыне, то называется пустынножитием, а жительство его — пустынножитием».

Начало монашества св. Игнатий возводит к самым первым векам христианства, приводя свидетельство преподобного Кассиана, писателя и инока IV века, побывавшего в иноческих обителях Египта и указывавшего, что наименования монахов в первые времена христианства получили в Египте избранные ученики святого апостола, евангелиста Марка, первого епископа Александрии, которые «удалялись в самые глухие пригородные места, где проводили возвышеннейшее жительство по правилам, которые передал им евангелист (Lib. 1. De Nosturnis orationibus caput. V)».

С IV века монашествующие уходили из городов в отдаленные места и пустыни, когда с прекращением гонений прекратился подвиг мученический, и, по словам епископа Игнатия, стали принимать христианскую веру уже не одни избранные, не по особенному призванию, не с решимостью на величайшие бедствия и смерть, но все вообще как веру господствующую, покровительствуемую и распространяемую правительством.

«Христианство сделалось всеобщим, но оно не сохранило прежнего самоотвержения. Христиане в городах и селах начали вдаваться во многие житейские попечения, позволять себе роскошь, плотское наслаждение, участие в народных увеселениях и другие послабления, которых первобытные исповедники веры чуждались как отречения от Христа в духе. Пустыня представила собой естественное убежище и пристанище, не возмущаемое соблазнами, для христиан, желавших сохранить и развить в себе христианство во всей его силе».

Вот этот момент и важен. Именно стремление к христианскому совершенству и обусловило возникновение монашества. Это идеал христианской жизни — полное предание себя в волю Божию, максимальное самоотвержение и последование Христу.

«Условия последования или пути и жительства, ведущих к совершенству, Господь изобразил так: *Аще кто хочет по мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16:24). *Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети и маши сокровище на небеси: и гряди вслед Мене* (Мф. 19:21), *взем крест* (Мк. 10:21). *Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестер, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик. И иже не носит креста своего, и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик. Иже не отречется всего своего имени, не может быти Мой ученик* (Лк. 14:26, 27, 33). Здесь предписаны именно те условия, из которых составляются существенные обеты монашества...»

И далее святитель Игнатий подробно пишет об обетах нестяжания и безбрачия. «Тот, кто раздал имение нищим для того, чтоб оказать всецелое повиновение Спасителю и всецело последовать Ему, кто сам сделался нищим, чтобы подчинить себя лишениям, сопряженным с нищетой и обильно доставляющим смирение, уничтожает этим действием всю надежду свою на мир, сосредоточивает ее в Боге. Сердце его с земли переселяется на небо (см.: Мф. 6:21) — и он начинает шествовать по верху вод житейского моря, держимый верою. Попечение его возложено на Господа, Который, повелев ближайшим ученикам Своим раздаяние имущества (см.: Лк. 12:33) и отложение попечений о доставлении себе телесных потребностей, обетовал, что ищущим царствия Божия и правды его все эти потребности приложатся промыслием Небесного Отца (Мф. 6: 24-33). Попуска-

ются служителям Божиим разные скорби, при которых промышление Божие от них как бы скрывается, и влияние мира получает особенную силу: но это необходимо для обучения их живой вере в Бога, которая от опытов непрестанно возрастает и укрепляется. Опыты обличают живущее в падшем естестве неверие; они обличают живущее в падшем естестве отступление и отречение от Бога: потому что сердце, при малейшем ослаблении наблюдения за ним, с горестной слепотой устремляется возложить упование на себя, на мир, на вещество, и отступить от упования на Бога (см.: Мф.14:22, 33). Кажется, из этого краткого объяснения делается очевидным, что оставление стяжаний возводит подвижника Христова в возвышенное духовное состояние, которое отделяет его от братии, живущих посреди мира, и не может быть известным для них опытно. Однако это возвышенное состояние есть вместе состояние непрестанного страдания для тела и для всего падшего естества: назвал его Господь крестом».

Также объясняет святитель действие в духовном отношении и безбрачной жизни: «Стремление победить свойство естества, хотя и падшего, возводит к такому подвигу, какого представить себе не могут не испытавшие его. Подвигом этим, которым совершается отречение от естества, пополняются распятие и крест, доставляемые нестяжанием, при котором совершается только отречение от имущества. Этот подвиг низводит в глубину смирения, приводит к живой вере, возводит к состоянию благодатному»²¹.

Еще более лаконично и просто написал о сути монашества святитель Феофан Затворник: «Да что такое разумеют под монашеством? Ряса, клобук, четки и прочая внешность точно не Спасителем учреждены, но сила

²¹ *Св. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 1. Репр. воспр. изд. 1886. М.: Правило веры, 1993. С. 454–472.*

и дух монашества указаны Им Самим, в Его собственном лице, в лице Божией Матери, Предтечи Господня и, можно сказать, всех апостолов. Монашество есть, с отречением от всего, непрестанное умом и сердцем пребывание в Боге. Монах тот, у кого так устроено внутреннее, что только есть Бог да он, исчезающий в Боге. А так как этому настроению много мешает семейная и гражданская жизнь, то ищущие его удаляются от общества, разрывают или даже совсем не вступают в семейные связи. На это есть указание у Самого Спасителя, именно о безбрачии и совершенном нестяжании. Затем, когда в Коринфе произошли недоумения касательно дев, не желавших выходить замуж, апостол Павел в послании к ним указал, как поступить. Смысл указания этого таковой: не худо делает тот, кто женится, но не жениться лучше. В апостольские времена были аскеты, они же в последующее время явились под именем пустынников, монахов. Церковь дала им только внешнюю организацию, а не учредила небывалого. Ни политика, ни мировые события не имели в этом участия. Монашество не отвне, оно исходит из духа христианства, и даже из природы духа человеческого. Есть, например, люди, посвящающие себя науке, искусствам — отчего? Такой талант, говорят. Почему же не благоволить к тем, кои посвящают себя Богу? Ведь и это талант, или, что то же, дар Божий. Настроение, значит, таково: могий вместити, да вместит (Мф. 19, 12).

Говорят, нет пользы от монашества. Да вы расширьте круг полезного-то далее вещественных интересов, включите сюда благочестие, добрую нравственность, чистоту сердца и порешите — от кого ожидать пользы для этих далеко не малых вещей? Не от таких ли людей, как Серафим Саровский, Парфений Киевский и многие другие? А христианство чего хочет? Вышних ищите, горняя мудруйте. Живот ваш сокровен есть со Христом в Боге (Кол. 3, 1–3). Это и есть монашество. Не черная

ряса, не клобук — монашество, даже не жизнь в монастыре. Пусть все это изменится, но монашество веками пребудет, пока останется на земле человек — христианин»²².

Так и было. После богоборческой революции в России, когда рушились вековые устои, закрывались монастыри и храмы, насаждался воинствующий атеизм, устремленность к Богу оставалась. И не только пожилые люди, получившие ранее религиозное воспитание, не отказывались от веры или монашествующие, лишенные монастырей, продолжали сохранять монашеские обеты и исполнять монашеские правила, но и молодые, воспитанные в семьях, далеких от православия или даже враждебных, обращались сознательно к православию и приходили в Церковь. И здесь, не ограничиваясь внешним ознакомлением и обрядовой стороной, всецело погружались в церковную жизнь, открывали для себя такие духовные сокровища, пред которыми блекли все прежние мирские ценности.

И, конечно же, самые цельные и возвышенные души находили идеал христианской жизни в монашестве, только именно во внутреннем его смысле, а не в той форме, как оно существовало при христианской государственности. «Да, я узнал, что пострижение есть именно таинство, а не обряд принятия определенного исторически сложившегося пути жизни, действительно таинство, в коем "Отец блудного сына лобзает и паки познание своей славы дарует, обнищавшее сердце целует". Потому что оно дает уверенность в пути и освещает лучом Христовым как достоверное то, в чем сомневался. И это достоверное не совпадает с буквой уставов общежития последних столетий. Так что постриг — усвоение Христу, а не киновийному уставу», — писал

²² *Св. Феофан Затворник. Созерцание и размышление. М.: Правило веры, 2000. С. 259–261.*

после своего пострига Олег, вернее, уже монах Онисим (Поль)²³.

Так и его духовный наставник схимонах Даниил говорил: «Как первые монахи нигде не были в монастырях, а почти все — святые, так будет и с последними монахами»²⁴.

Действительно, в богоборческом государстве, не оставившем места ни для какой религиозной веры, не могло быть и речи о существовании монастырей. А монашествующим, да и всем истинным христианам предстояло претерпевать жестокие гонения.

Начало богоборческих гонений

С первых же лет после прихода к власти большевиков, как и повсюду, монашествующие на Кавказе подверглись гонениям. После стихийных насилий со стороны безбожников во время Гражданской войны с нередкими грабежами и убийствами монахов последовало планомерное уничтожение монастырей. Сначала у них были отняты земли и все имущество, хотя какое-то время монахам позволялось по-прежнему пребывать там в составе трудовых артелей и даже осуществлять богослужения в незакрытых храмах, но с середины 1920-х годов их стали изгонять, а монастырские здания передавать под различные советские учреждения и предприятия.

Так случилось и со всеми кавказскими монастырями. Дольше всех продержались монахи Свято-Михайловской Закубанской пустыни. Еще в начале 1920-х годов у них отобрали все земли и собственность, но решили оставаться на территории монастыря. Однако

²³ *Пришвина В. Д.* Невидимый град. М.: Мол. гвардия, 2002. С. 366.

²⁴ Там же. С. 341.

богослужения они могли проводить только в Преображенской церкви на горе Физиабго, остальные церкви были закрыты, а Михайло-Архангельский собор сгорел в 1923 году. Монастырская жизнь как-то продолжалась, несмотря на постоянные притеснения и давление со стороны властей: в 1926 году на территории монастыря был открыт дом отдыха ГПУ, в 1927-м — сельскохозяйственная коммуна "Владлен". Братия обители была организована в религиозную общину Михайловской пустыни, имевшую легальный статус, так в 1926 и 1927 годах в краевое ГПУ ходатайство официально подписывалось от имени общины всей братией монастыря.

В 1927 году были арестованы бывший настоятель монастыря архимандрит Феодосий (Проценко), наместник архимандрит Моисей (Астахов), архимандрит Антоний (Скляр), игумен Петр (Базыкин), иеромонахи Иннокентий (Кухарев), Климент (Алексеев) и монах Леонтий (Осипенко) — их обвинили в сокрытии монастырских ценностей. Как подчеркивалось в приговоре, вынесенном на открытом судебном заседании 7 февраля 1928 года, несмотря на то что все имущество пустыни согласно декрету отделения Церкви от государства поступило в собственность республики, *«однако с 1920 г<ода> и по настоящее время все церковное имущество бывшей Михайловской пустыни находилось в фактическом пользовании обвиняемых монахов не только в монастыре, но и за пределами монастыря, и данное имущество обвиняемыми... монахами было укрыто — присвоено и роздано окружающим приходам без ведома Государственной власти»*... И далее подробно перечислялись церковная утварь, облачения и обычные предметы быта (в том числе самовары и тазы), которых не нашли в пустыни при сличении описей 1924 и 1926 годов, а также и золота в виде монет царской чеканки, спрятанных в монастыре или хранившихся у верных людей по станицам. Обвиняемые были приговорены к 6 месяцам лишения

свободы (архимандрит Феодосий к 1 году) и высылке из пределов Северо-Кавказского края на три года. В конце 1928 года все монахи, остававшиеся на территории монастыря, были изгнаны, и Михайловская пустынь окончательно ликвидирована²⁵.

Ново-Афонский монастырь был закрыт еще ранее — в 1924 году. Монастырские земли здесь также отобрали в 1921 году, и тогда же провели изъятие церковных ценностей. Но насельники монастыря оставались и продолжали в храмах богослужения, пока в сентябре 1924 года богоборческие власти не приняли решение ликвидировать Ново-Афонский монастырь как «*очаг контрреволюционной пропаганды*»²⁶. Вот как описал закрытие монастыря монах Меркурий (Попов), вероятно, по рассказам очевидцев:

«В 1924 году в трапезную Ново-Афонского монастыря, где была в сборе вся монастырская братия, вошел председатель Совета народных комиссаров Абхазии Нестор Лакоба и при наступившем всеобщем молчании обратился к насельникам:

— Дорогие отцы, в Москве мне категорически предложили закрыть ваш монастырь. Я долго протестовал, отстаивая его; вы знаете, что он дорог мне так же, как и вам, потому что я ученик монастырской школы, учрежденной в былые годы дорогим покойным отцом-настоятелем Иероном для абхазских мальчиков, там когда-то воспитывался и я на полном монастырском содержании. Абхазы с благоговением вспоминают о вашей миссионерской деятельности среди нашего народа

²⁵ В монастыре был устроен дом инвалидов, после войны — детская трудовая колония, спецшкола для малолетних преступников; в 1972 году — турбаза. Успенский собор, храм Афонских святых и Преображенская церковь были взорваны, другие здания разобраны или изуродованы.

²⁶ Все монастырские здания, в том числе и храмы, в дальнейшем использовались под хозяйственные нужды санаториев и турбаз, Новый Афон был превращен в советский курорт.

и о том, что ваши ученые монахи, в совершенстве изучив наш язык, изобрели нам абхазскую письменность, благодаря которой проглянул луч света в среду наших людей. Но простите меня, отцы, потому что я не властен отменить или хотя бы даже отсрочить на некоторое время это решение.

Постояв несколько секунд, он повернулся и вышел из трапезной. После его ухода воцарилось гробовое молчание, и печаль сдавила сердце каждого насельника, прожившего долгие годы в этой обители. Растерянность выразилась на лицах всей братии. Как быть? Что предпринять? Выход был один — уходить подобру-поздорову, не дожидаясь насильственного изгнания. Но никто не решился бы уйти самовольно за стены монастыря без благословения отца-настоятеля.

На другой день из Сухума приехал отряд милиции. Всем молящимся было известно, что с вечера в соборе начнется последняя служба — прощальное всенощное бдение.

В десять часов вечера с колокольни раздался звон набатного колокола, тяжелый язык которого раскачивали два монаха. Мерные могучие звуки призывно понеслись вдоль гор, наполняя тревогой людские сердца. Народ Афона и ближних к нему селений — Анухвы Абхазской и Анухвы Армянской — толпами поспешно устремился к монастырю.

Ворота во внутренний двор, где находился собор, были заперты, и их охраняла милиция. В ответ на просьбу пропустить всех в собор на прощальную службу собравшиеся прихожане услышали от милиции издевательства и насмешки. Некоторые женщины в толпе зарыдали. Вдруг молодая девушка-абхазка громко крикнула на русском языке:

— Абхазы, на вас надо надеть юбки!

После этого выкрика на мгновение наступило общее затишье, затем раздался призывный клич какого-то абхаза: "Ахахйт!" — то есть бросайся в атаку, и мужчины-абхазы, расшвыряв милицию, навалились на ворота. Задвижка сломалась, ворота распахнулись, и людская волна хлынула в монастырский двор. Около входа в собор иеромонахи раздавали всем свечи из стоявших возле них ящиков...»

Собор был заполнен молящимися, богослужение продолжалось до утра, никогда так проникновенно не пел монастырский хор, как во время той последней службы, и среди поющих были мальчики из абхазской школы.

«После окончания службы настоятель отец Иларион обратился с амвона к братству с напутственными прощальными словами. Послушникам, не принявшим еще пострига, он благословил устраивать свою жизнь среди мира, как они найдут нужным, по своему усмотрению, но только с обязательным исполнением своего коротенького молитвенного правила, которое будет напоминать им о цели, ради которой они когда-то пришли в монастырь и доброхотно трудились в нем. Монахов же призвал свято хранить свой ангельский чин при всех жизненных испытаниях и невзгодах до самой смерти. После этого он коленопреклоненно просил прощения у всех присутствовавших в храме монахов и мирян, а они взаимно просили прощения у него. Затем отец Иларион удалился в алтарь, и царские ворота затворились. Через некоторое время из боковой двери алтаря иеромонахи стали выносить церковную утварь, иконы и книги и раздавать прихожанам, прося свято хранить их. Однако при выходе из собора милиционеры все это отнимали у людей, силой вырывая из рук. В тот же день архимандрит Иларион (Кучин) и архидиакон Питирим были арестованы и утром следующего дня в сопровождении конвоиров отправлены в Сухум.

Изгоняемые монахи со слезами обнимали и целовали стоявшие во многих местах кипарисы, посаженные ими в давнее время, и уходили, навсегда расставаясь с обителью, оставив там решительно все из общественного приобретения и продукты питания, запас которых находился в кладовых.

Все новоафонское братство устремилось в Сухум. Вечером они пришли в кафедральный храм и после богослужения были разведены по городу сострадательными русскими при-

хожанами по двое, по трое в их жилища, где и нашли временный приют»²⁷.

В дальнейшем монахи расселились по всему Кавказу. Кто-то устраивался в селах при не закрытых еще храмах, кто-то поселился в отдалении и вел свое небольшое хозяйство. Многие, стараясь продолжить свою монашескую жизнь, уходили в горы к отцам-пустынникам или сами устраивали себе кельи в уединенных местах²⁸. Прежний спор между пустынниками и насельниками общежитийных монастырей отошел в прошлое вместе с этими монастырями и в целом с прежним укладом монастырской и церковной жизни. Пред лицом торжествующего безбожия всем приходилось уходить в пустыни или находить новые формы служения, вернее, возвращаться к древним, вплоть до тайного катакомбного.

Так, порой в лесной глуши возникали настоящие тайные скиты с подземными церквями. Сколько их было? Трудно сказать. Материалы лишь трех групповых следственных дел 1929–1930 годов открывают десятки имен монашествующих, подвизавшихся в горах Черноморья — в Туапсинском и Сочинском районах, а также в Абхазии в районе горы Псху и села Георгиевского. Из них только одно дело — об *«участниках церковно-монархической организации, возглавляемой епископом Варлаамом (Лазаренко)»*, — касается непосредственно тайного монашества; арестованные по двум другим делам в основном монашествующие открытые. И если

²⁷ Записки монаха-исповедника. М.: Издательство Московской Патриархии, 2001. С. 1–7.

²⁸ Монах Меркурий привел в своих записках рассказ о поселении части монахов в труднодоступном районе Псху, правда с весьма легендарными сведениями из истории Псху и с очевидной ошибкой в дате основных арестов. По материалам следственного дела приведена более достоверная и подробная информация в части 2, посвященной монашествующим на Псху.

из арестованных на Псху некоторые проживали нелегально, скрываясь от властей, и, соответственно, осуществляли тайное служение, то в районе Георгиевского все монахи были хорошо известны и местным властям, и жителям и ничего ни от кого не скрывали.

Материалы этих трех следственных дел — лишь одна страница из истории гонений монашества на Кавказе. Судя по косвенным упоминаниям, еще немало монашествующих было осуждено по нескольким крупным групповым делам в 1927–1929 годах. Вероятно, существует также немало групповых дел 1930-х годов, материалы которых, если когда-нибудь станут доступны исследователям, откроют новые имена и факты и позволят увидеть всеобъемлющую картину гонений и составить наиболее полный мартиролог пострадавших за веру православную. В представляемой книге изложена известная на сегодняшний день информация о монашествующих Кавказа по изученным материалам трех следственных дел.

Прежде чем перейти к непосредственному их изложению, еще одно важное замечание. Материалы следственного дела — основной источник информации о многих православных исповедниках (а о некоторых и единственный). Часто приходится их цитировать, в том числе и протоколы допросов; при их чтении обязательно следует учитывать специфику этого источника: запротоколированные показания, несмотря на то что завершаются подписями допрашиваемых, написаны следователями, а потому отличаются не только специфической стилистикой, но и определенной направленностью. Как подписал один из своих протоколов допросов митрополит Иосиф (Петровых), *«записано с моих слов верно, но тенденциозно»*. Вот об этой *«тенденциозности»* и следует помнить во время чтения материалов следственных дел.

Бывают и собственноручные показания, написанные не в тошнотворно чекистском стиле и хоть в какой-то

мере отражающие характер и настроение писавшего. Однако и они далеки от объективности. Ведь это отнюдь не исповедь и не мемуары для потомков. Достаточно представить, где и когда они писались ошеломленным, вырванным из привычного ритма свободной жизни арестантом или измученным тюремным узником!

И уж тем более когда его слова заносились в протокол допроса твердой чекистской рукой. Одни и те же факты, рассказанные обвиняемым архиереем, священником или монахом, в изложении безбожника-следователя неизбежно приобретали определенную "окраску" или звучание, ту самую "тенденциозность", даже при отсутствии у следователя намерения их исказить или подтасовать, что, надо заметить, бывало весьма редко. Как правило, результаты следствия были заведомо известны, и задача следователя состояла не в выяснении истины, а в выбивании нужных показаний из подсудимых, вернее, уже обвиняемых и фактически уже осужденных...²⁹

²⁹ О том, как в целом работала советская репрессивная система, издано море исторической и мемуарной литературы, начиная со знаменитой эпопеи первооткрывателя «удивительной страны ГУЛАГ, географией разодранного в архипелаг, но психологией скованного в континент — почти невидимой, почти неосязаемой страны...» См.: *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. М.: Вагриус, 2008. Т. 1: Ч. 1–2. Глава «Следствие». С. 105–149.

ЧАСТЬ 1

**Тайное монашество
в горах Черноморского побережья
Кавказа**

По материалам следственного дела епископа Варлаама (Лазаренко) и других. 1929—1930 годы

Кавказские горы по своей природе были благоприятным прибежищем для тайного служения. Сюда приезжали и монашествующие из закрытых монастырей других областей России, а также те христиане, которые стремились как-то сохранить прежний благочестивый уклад своей жизни и уйти или отгородиться от безбожного государства. В большинстве своем все они, а в особенности монашествующие, устранившиеся от земных попечений, от политики были далеки. Однако богоборным государством воспринимались как опаснейшие политические преступники: их не только преследовали наряду с разного рода антисоветски настроенными группами, порой военизированными, также скрывавшимися в горах, но и вопреки фактам объединяли в единые *«монархические контрреволюционные организации»*, якобы готовившие вооруженное восстание и свержение советской власти.

О том, что в горах собираются монашествующие и прочие "бывшие" люди, богоборческие власти знали — агентурные данные поступали даже из самых отдален-

ных и глухих мест. Например, донесение осведомителя из леса в Туапсинском районе: «С 1922 года урочища *Канаш-Тане, Гишло, Шуюк* представляли собой притон всего бродячего и бандитского элемента, который агитировал против мероприятий сов<етской> власти. С конца 1927 года я стал наблюдать сильное передвижение по этой тропе подозрительного бродячего элемента, внешним видом похожего на монахов... используя природные условия Черноморья, под видом монашеских общежитий (скитов) — они скоплялись и оседали в глубоких горных ущельях»³⁰.

Активно используя своих "добровольных" помощников, чекисты выслеживали всех подозрительных лиц, но еще пристальнее следили за известными поселениями монахов-пустынников; и позднее под предлогом «антисоветской деятельности» подвергали их репрессиям. Уже в 1927 году были произведены аресты монашествующих в горах Сочинского района, и многих изгнали из района Медовеевки. Наряду с большой группой монахов-имяславцев³¹, враждебно настроенных не только против безбожников, но и против православных, не разделявших их учения, подверглись гонениям и другие монашествующие. Об этом писал отец Арсений (Курди):

«Незадолго перед Троицею разогнали скит и др<угих> монахов и монашенок-пустынниц нашего района. Прогнали куда угодно из леса и глухих гор, а также и тех, которые жили у селений на положении поселян. Мы не имеем теперь постоянного места жительства, т<ак> к<ак> свою пустыньку принуждены были оставить». «Всё это произошло по содействию митроп<олита> Евдокима. Обличают монахов в том, что они

³⁰ Осипова И. И. Сквозь огонь мучений и воду слёз... М.: Серебряные нити, 1998. С. 95.

³¹ Об «имяславцах» и «имяславии» — подробно во второй части книги.

препятствуют в некоторых селениях к переходу на сторону живоцерковников, которые захватили все побережье и Кубань, но с несколькими селениями ничего у них не выходило. Прогнавши монахов, они надеются преуспеть в своем деле»³².

Отец Арсений упомянул о газетной заметке, касающейся монахов-имяславцев, и охарактеризовал ее как «полную ложь и совершенную клевету». Подчеркнул, что имяславцев (которым, как он отметил, они со старцем не сочувствовали) прогнали раньше, а кавказских пустынников, которые были очень высокой строгой жизни и имели хорошие отношения с поселянами, прогнали безо всякой вины.

Известно, что в начале 1929 года часть монахов вынуждены были уйти из Псху по требованию местных властей; по свидетельству очевидцев, «пустынники устремились в разные стороны». С осени 1929 года гонения перешли на новый уровень, поскольку по всей стране начались крупномасштабные операции по *«изъятию антисоветских элементов»*. На Кавказе они были проведены с особым "успехом". К тому же в сентябре 1929 года, когда начались аресты в Туапсинском районе, в руки чекистов попали уникальные документы, подтвердившие существование тайных общин и монастырей, — и среди них письмо скрывавшегося в горах епископа Майкопского Варлаама, адресованное архиепископу Гдовскому Димитрию (Любимову), заместителю митрополита Петроградского Иосифа (Петровых); и прилагаемый к письму список общин.

³² Письмо без даты, но, судя по содержанию, лета 1927 года. Из архива Елены Давыдовны Арманд. *Архимандрит Арсений Корди*. Письма. — URL: <http://krotov.info/history/20/1920/1929kordi...>

Письмо епископа Варлаама (Лазаренко) и аресты насельников Пустынно-Тихвинского скита

«+

Высокопреосвященный Владыка!

Растерявшиеся среди необозримых ущелий Кавказа и на пространстве полей кубанских и Черноморского побережья духовные чада Святой Православной Церкви постепенно начинают объединяться в небольшие по количеству, но крепкие духом общины. Моему убожеству выпало на долю быть для них центром объединения и, хотя отчасти, помочь тому бесконечному горю церковному, которое разливается повсюду.

Моя худость облегчает им доступ к св<ятым> Таинствам, посредством странствующих тайных иереев по местам, где есть закрытые общины.

Кроме Майкопского церк<овного> окр<уга> к нам при-
мыкают и общины Черноморского и Армавирского окр<у-
гов> и отчасти Баталпашинского. Есть общины иноков в
глубоких непроходимых дебрях и пропастях, которые обраща-
ются к нам. Отсутствие на Кавказе епископа нашей ориентации
в силу необходимости объединяет их с нами. На всем простран-
стве Кубанской, Черноморской Сухумской еп<архий> все без
исключения храмы находятся в руках обновленцев и сергиан.

Наши общины имеют лишь несколько молитвенных домов, а где возможно — подземные храмы (катакомбы XX века) и закрытые молитвенные дома со священнослужителями. Есть много закрытых общин без храмов и священников, которые (общины) обслуживаются странствующими иереями.

Таково положение православия на Кавказе за последнее время.

Началось интенсивное давление от внешних на монашество. В противоположность сему мы увеличиваем количество таковых в том убеждении, что с уничтожением монастырей не должно уничтожиться иночество. Почти ежедневно редуют ряды иноков и инокинь, высылаемых по ничтожным причинам. На смену им рождаются новые, хотя скрыто, но верно служащие Богу, и Церковь и ее дело не умирает.

Считаю должным сообщить Вашему Высокопреосвященству нужные сведения о состоянии православных общин в наших краях и их количестве в прилагаемом при этом списке и наряду с этим прошу снабдить нас святым миром. Кроме того, указать нам ближайшего православного епископа, к которому можно было бы присоединить эти общины в случае моего изытия, а также и теперь я не считаю себя вправе без благословения высших старцев обслуживать общины, не принадлежащие Майкопскому церковному округу. Эти общины сами обратились к моему убожеству, и я не мог им отказать, за неимением у них епископата, но всегда чувствую потребность воспросить на таковое приятие благословения старцев. От своих многочисленных врагов я часто слышал обвинения за вторжение в чужую епархию, отсюда у меня рождается осторожная мысль, не погрешаю ли я и теперь в этом.

Положение мое "нелегально", живем скрыто от внешних, да и свои немногие знают. Меня всюду ищут, но Бог хранит вот уже третий год. Имею просторный подземный храм и полный штат служителей. Имеем возможность посвящать ставленников и управлять общинами. В гор<оде> Майкопе существует епархиальный административный орган, "Постоянное совещание пресвитеров", который нам помогает. Есть два благочинных. Жизнь Церкви не прерывается, пульс ее работает,

хотя с соблюдением строгой тайны. Люди все надежные. В ответ на репрессии внешних мы отвечаем молчаливым протестом — открытием новых молитвенных домов и закрытых общин (вчера получено известие, что Кардоникский благочинный с приходами согласен с нами, он из сергиян). Увеличиваем число кандидатов в число священнослужителей и этим нервируем внешних, недоумевающих, откуда все это получается. Так что доводим их до утомления. Едва успевают убрать одного, а вот он и другой налицо. Не успевают подбирать и теряться в поисках за мною, а я сижу у них как раз на носу, и они этого не замечают. Впрочем, на все святая воля Божия. Прошу Вас, Владыка, помолиться о моем убожестве.

Несколько месяцев тому назад были посланы копии моих документов для ознакомления, и не знаем до сих пор, получены ли они Вами?

Посылаю это с надежным старцем о<тцом> Сергием (рясофорный монах), которому благоволите передать Ваши распоряжения и указания по вопросам церковным. Если найдете удобным, прошу передать св. миро для нужд наших.

Прошу Вашего преосвященства св. молитв о моей худости. Недостойный епископ Варлаам.

1929 август 15»³³.

**«Список
общин и священнослужителей
Майкопского и Черноморского окр<угов>**

А) Майкопский церк<овный> окр<уг>.

1) Молитвенные дома открытые:

Дагестанская — игумен Петр Базыкин.

Пшехская — иеромонах Михаил Семиног.

³³ Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Краснодарскому краю. *Следственное дело по обвинению Лазаренко и др.* Д. П-54881. Т. 4. Л. 117–117 об. Автограф. Машинописная копия. Л. 188. Далее по тексту до окончания части 1 все цитаты, за исключением оговоренных особо, из данного дела.

Лабинская — иеромонах Неофит.
Ханская — священник Димитрий Кравцов.
Курджыбская — священник Павел Чижов.
Сахрайская — иеромонах Виссарион.

2) Закрытые общины и при них священнослужители:

Майкопская первая — священник Александр Алимов.
Майкопская вторая — архимандрит Моисей Астахов.
Тульская — иеромонах Даниил Косоруков.
Абдзехская — иеромонах Климент.
Гиагинская — иеромонах Родион Саенко.
Белореченская — иеромонах Иегудиил Панов.
Зеленчукская — иеромонах Илиодор Ильяшенко.
Удобная — иеромонах Илиодор Ильяшенко.
Невинномысская — скит св. Георгия на Хумаре —
Иеромонах Стефан.
В гор<оде> Ташкенте закр<ытая> общ<ина> —
иеромонах Пахомий.

Б) Черноморский цер<ковный> окр<уг>.

Храмов и отк<рытых> молитвенных домов нет.

Общины закрытые:

1. Гор<од> Туапсе
2. Гор<од> Адлер — обслуживаются приходскими иереями.
3. Ст<аниця> Хадыжинская — игумен Иероним Серга,
иеромонах Петр Сопнев.

Обители иноческие с подземными храмами:

4. Обитель 12 апостолов — иеромонах Иустин Смирнов,
архидиакон Боголеп
Лазаренко.
5. Троицкий скит — иеромонах Макарий Олейников.
6. Михайло-Архангельский скит — иеромонах Евтихий,
иеродиакон Иннокентий
Каюдин.

7. Серафимо-Тихвинский скит — игуменя Евфросиния, иеромонах Евтихий.
8. Скит св. Иоанна Златоуста — иеромонах Иоанн.
9. Скит св. Николая — иеромонах Онисим, иеромонах Арсений Корди.
10. Краснополянский скит — настоятель схимонах Авель.
11. Пустынно-Тихвинский скит — настоятель монах Сергей.

Всего в Майкопском и Черноморском церк<овных> округах имеется:

Открытых общин с молитвенными домами	—	6
Закрытых с подземными храмами	—	4
Закрытых молитвенных домов	—	13
Закрытых общин с приходящими священниками	—	5

Всего двадцать восемь общин и при них двадцать шесть священнослужителей (26).

Все эти общины находятся в ведении епископа Майкопского и при нем Постоянного совещания пресвитеров, председателем которого состоит архимандрит Моисей Астахов, члены Совещания: священник Александр Алимов, иеромонах Даниил Косоруков и член-делопроизводитель священник Павел Чижов.

Благочинным открытых молитвенных домов Майкопского округа состоит игумен Петр Базыкин.

И<сполняющим> об<язанности> благочинного всех закрытых общин Майкопского и Черноморского окр<угов> состоит иеромонах Онисим. Братским духовником всего духовенства состоит иеромонах Климент (ст<аница> Абазетская).

Все живущие на побережье Черного моря, в горах, городах и селах инокини объединяются в одностричное братство в честь Святой Равноапостольной Марии Магдалины под общим руководством игуменьи Евфросинии Котловой.

1929 г<ода> Августа 17. Подпись Еп<ископа> Варлаама Варлаам, епископ Майкопский
Печать епископа Варлаама
Исполняющий об<язанности> секретаря

Архидиакон Боголеп».

До адресата эти документы доставлены не были. Их изъяли при аресте монаха Сергия (Сингалевича), того самого посланника епископа Варлаама, о котором епископ писал в конце своего письма как о надежном старце и коему просил передать распоряжения и указания. Где и при каких обстоятельствах был произведен арест, установить точно не представляется возможным; в доступных нам материалах дела отсутствует протокол первого допроса отца Сергия. Поэтому неизвестны и подробности его биографии кроме того, что он 1865 года рождения и происходил из крестьян Волынской губернии. Единственно есть следующая выдержка из его показаний:

«Раньше до революции я служил поваром и официантом у различных киевских рестораторов. Потом, когда мне уже стало лет за 50, я, будучи с детства до фанатичности религиозным, захотел на старости походить и помолиться по святым местам. Примерно лет 12 тому назад я начал странствовать по монастырям. Посетил и помолился в Житомире в Богодуховом монастыре, в Почаевском, в Сарове, все Киевские монастыри, Подмосковные, Троице-Сергиевскую лавру и много различных мелких монастырей и скитов».

Как и когда он попал в горы и познакомился с тайным епископом и монашествующими, отец Сергий не показал. Из показаний игуменьи тайного скита Евфросинии (Котловой) известно, что монах Сергий пришел к ним в скит впервые в 1928 году (очевидно, с рекомендательными письмами) и по просьбе игуменьи Евфросинии был отведен иеромонахом Онисимом (Подем) к епископу Варлааму.

18 сентября 1929 года в Гишла была арестована монахиня бывшего Успенского Каменского монастыря Новозыбковского уезда Анастасия (Цегикало), на допросе она показала, что в 1927 году она и ее племянница Мария, также монахиня Каменского монастыря, вместе с

Сергием (Сингалевичем), его женой и внучкой поселились на хуторе Гишла неподалеку от села Алмалук³⁴. Монахини приехали на Черноморье после закрытия своего монастыря весной 1927 года и первое время жили в селе Шепси у Петра Ронина, а потом вместе с Сингалевичами купили у Ронина участок с постройками.

Монах Сергей подтвердил, что с 1927 года проживал в урочище Гишлу с женой, внучкой Ниной, монахиней Анастасией и двумя ее племянниками (по поводу последних не совсем ясно, о ком шла речь). Племянница монахини Анастасии, монахиня Мария, вместе с ней была арестована в Гишла. Скорее всего там же был арестован и сам отец Сергей — 16 сентября 1929 года. В списке фотографий, приобщенных к следственному делу, под № 9 обозначено: *"Киот в комнате рясофорного монаха Сергия (Сингалевича), служивший церковью Пустынно-Тихвинского скита"*. К сожалению, самой фотографии в изученных материалах дела нет, так же как нет и предыдущей под № 8 — *"Группа монашек Пустынно-Тихвинского скита, расположенного в урочище Гишло"*.

О существовании монашеской общины в Гишла и богослужениях, проводимых в доме Сингалевичей иеромонахом Макарием (Олейниковым), показывали и другие арестованные. Иеромонах Макарий позднее в своих показаниях также подтвердил свое служение в Гишла,

³⁴ Несуществующие ныне населенные пункты в Туапсинском районе в окрестностях села Шепси. Хутор Гишла (точнее, по ревизии на 1 января 1917 года — переселенческий поселок) назван по урочищу Гишлу, расположенному в 4 км на северо-запад от поселка Магри или в 4 км на север от поселка Вишневка. Село Алмалук с 1923 года было в составе Вельяминовской волости Туапсинского района, затем именовалось хутором, от станции Шепси до него была проложена железная дорога для вывоза бутового камня. В 2001 году решением Краснодарского крайисполкома ликвидирован.

сказав, что *«Великим постом 1929 года епископ Варлаам присвоил этой монашеской общине звание Пустынно-Тихвинского скита, настоятелем коего был назначен отец Сергей, в миру Сингалевич Сергей Семенович. В этом скиту было человек 10–11»*. Фамилии их отец Макарий не знал и назвал лишь имена: Андрей, Терентий, Агния, Нина, Ольга; остальных не помнил.

Андрей и Терентий Малашенко, племянник с дядей, арестованные в Гишла 18 сентября, весной 1927 года приехали из Гомельской области на заработки. В Туапсе на базаре познакомились с отцом Сергием (Сингалевичем), и он их нанял на плотницкие работы у себя. Так они и остались в скиту, позднее Андрей принял монашеский постриг (очевидно, постригал епископ Варлаам). Незадолго до ареста они участвовали в постройке потаенной катакомбной церкви, которую просил возвести епископ Варлаам. По словам отца Сергия, епископ просил построить ему "хату", так как место, где жил сам Сергей, было глухое и малодоступное из-за отсутствия дорог. Владыка прислал в помощь в Гишла иеромонаха Иустина (Смирнова) и затем иеродиакона Иннокентия (Каюдина). Вместе с Андреем и Терентием Малашенко они выбрали наиболее недоступное место в чаще леса и приступили к постройке церкви, причем она *«строилась как подземелье. Работали они недели две под руководством Иустина. Вырыли довольно просторное помещение и уже начали накладывать верхние срубы, чтобы прикрыть их землей, но тут не хватило материалов, в силу чего постройку пришлось приостановить»*. Об этом писал епископ Варлаам в письме или записке, обнаруженной у отца Сергия. Для ускорения постройки он должен был выслать еще людей, но не успел...

Внучка отца Сергия Нина Карчинская, арестованная в числе первых 16 сентября 1929 года на экскурсионной базе "Магри", где она работала, подтвердила, что отец Сергей приходится ей дедом и что с 1927 года она жила

у него на хуторе Гишла. В дальнейшем на допросах она заявляла, что ничего не знает о существовании тихоновской общины, подземной церкви и что с другими поселянами отец Сергей общался только по хозяйственным вопросам. В материалах следственного дела особо отмечено, что обвиняемая Карчинская *«на допросах вела себя вызывающе, на задаваемые вопросы отвечала с дерзостью, в большинстве случаев уклонялась от прямых ответов»*³⁵.

16 сентября 1929 года в поселке Шуюк³⁶ были арестованы Сергей Николаевич Велихов и в селе Шепси — Петр Петрович Ронин (скорее Ронис), соседи отца Сергия. Оба отрицали какое-либо участие *«в контрреволюционной организации»* и вообще свою причастность к политике, утверждая, что с Сингалевичем общались только по хозяйственным делам. Ронин занимался пчеловодством, имел своих 50 ульев, кроме того, работал счетоводом на экскурсионной базе "Магри".

В своих показаниях отец Сергей упоминал о них с благодарностью как о помощниках: *«Обращаюсь к ним за всякими советами, просьбами что-либо написать, выхлопотать и т<ому> п<одобным>. Ронин сделал для меня очень многое: помогал продуктами, получал мои и др<угих> монашек нашего скита письма, выхлопотал мне паспорт, писал записку в лесничество, Сель<ский>*

³⁵ Информация из электронной базы данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans. Там же о Нине Карчинской: *«По справке врача 11 ноября 1929 года — беременность 7 недель»*. Очевидно, девушка (на момент ареста Нине было 20 лет) была изнасилована в тюрьме.

³⁶ Переселенческий участок Шуюк по ревизии 1917 года. До 1935 года хутор Шуюк находился в составе Туапсинского района; был расположен на речке Шуюк, впадающей в море в 1,5 км юго-восточнее поселка Магри. В 1972 году на хуторе Шуюк было 14 дворов.

совет, покупал билеты на жел<езно>-дор<ожной> станции, получал посылки и вообще поддерживал нас как мог. Велихов также оказывал нам добровольно ряд ценных услуг. Писал заявления, давал советы, защищал нас от безбожных поселян и всячески оказывал нам моральную поддержку».

Эти показания были особо подчеркнуты следователем и, очевидно, сыграли роковую роль в судьбе обвиняемых. Как ни отказывались они от своей причастности к политике и ни отстранялись от монахов, 27 февраля 1930 года отец Сергей (Сингалевич), Сергей Николаевич Велихов и Петр Петрович Ронин были приговорены к высшей мере наказания (расстрелу). В то время как строившие подземную церковь: Андрей Ефимович Малашенко (принявший монашество) — к 5 годам концлагеря, а его дядя Терентий Ефимович Малашенко — к 5 годам высылки. И это несмотря на то, что Андрей на допросе 6 ноября 1929 заявил: *«Советская власть есть власть безбожная, а потому признать ее не могу, считаю своим долгом разъяснить верующим необходимость борьбы с ней»*. Вероятно, относительно мягкий приговор монах Андрей получил по молодости: в материалах дела год его рождения — 1912-й, так что к моменту ареста ему могло еще даже не исполниться 17 лет.

Покровский монастырь игуменьи Антонины

17 сентября 1929 года, на следующий день после ареста настоятеля Пустынно-Тихвинского скита в Гишло, в соседнем Шуюке был, по чекистской терминологии, "ликвидирован" или "оперирован" монастырь игуменьи Антонины (Покровской). Арестовали как саму игуменью Антонину, так и других монахинь, а также и иеромонаха Алексея (Шилкина).

В списке фотографий, приобщенных к материалам следственного дела в качестве вещественных доказательств, перечислены:

« № 10. Келья иеромонаха Алексея (Шилкина) в монастыре Покровской.

№ 11. Люк в подвальное помещение монастыря Покровской.

№ 12. Входы в подвальное помещение этого монастыря снаружи.

№ 13. Киот в одной из комнат монастыря Покровской, служивший церковью»³⁷.

³⁷ К сожалению, всех этих фотографий монастыря, так же как и Пустынно-Тихвинского скита, в материалах следственного дела найти не удалось.

Иеромонах Алексей, в миру Андрей Семенович Шилкин, согласно протоколу его более позднего допроса в Новороссийске, *«1883 года рождения, происходил из Рязанской губернии, с 7 лет проживал на Кубани, с 1907 — монах, с 1919 — иеромонах»*. Согласно его показаниям, весной 1924 года он приехал на Черноморье, и с игуменьей Антониной они основали свой небольшой монастырь, в разное время здесь бывало от трех до семи монахинь и постоянно жили две монахини. К епископу Варлааму они не присоединялись. Алексей (Шилкин) ездил на исповедь к одному старичку в Ростов-на-Дону, к некоему отцу Калистрату. О епископе Варлааме отец Алексей вообще не очень лестно отзывался, хотя с ним не был знаком, а только наслышан, главным образом от игумена Игоря (Баля). По словам Шилкина, Баль был духовным отцом Варлаама, а после того, как Варлаам, добившись монашества, перестал с Балем считаться, *«последний на него страшно разозлился и стал о Варлааме собирать сведения и выяснил, что Варлаам большой прохвост и издавна»*. Понятно, что мнение Игоря (Баля) было предвзятым и собранные им сведения, мягко говоря, тенденциозны. Однако Шилкин, насколько не стесняясь, излагал на допросе все, в том числе и особо нужное для следствия: *«Варлаам скрывается от власти, мутит народ, восстанавливая его против гражданской власти»*. И далее от себя заявлял, что у Варлаама *«организация не божеская, а политическая, контрреволюционная»*.

Хотя и своего отношения к нынешней власти Шилкин не скрывал: *«Я знаю, что Сов<етская> власть безбожная, антихристианская, и, безусловно, <мы>, как истинно верующие люди, не можем являться сторонниками безбожного строя»*. Правда, поспешил добавить: *«Но я заявляю, что агитации против власти я не вел»*.

На вопрос следователя об Алексии (Шишкине) отец Алексей ответил, что ничего не слыхал о нем. Вопрос

был задан не случайно, так как нелегальный священник Алексей (Шишкин) очень интересовал в то время следствие как один из возможных организаторов "церковного подполья". А по созвучности фамилий их могли путать; так, в справке из сельсовета в отношении игуменьи Антонины Шилкин как раз назван Шишкиным: *«У гражданки Покровской в течение ряда лет проживает пришлый неизвестный элемент, работающий в ее хозяйстве без заключения договоров и прописки. При доме имеется церковь со священником Алексеем Шишкиным. Церковь нигде не зарегистрирована. Шишкин живет в ее доме без прописки и регистрации. Покровская в общественной жизни никакого участия не принимает, общественных нагрузок не несет. Права голоса лишена как служительница культа (игуменья)».*

Речь шла, конечно, об Алексии (Шилкине), так как иеромонах Алексей (Шишкин) в то время активно и нелегально действовал на Кубани, будучи уполномоченным архиепископа Гдовского Димитрия. Недаром в начале разработки по групповому делу его наряду с епископом Варлаамом называли *«руководителем нелегальной церковно-монархической организации, центр которой находится в скитах Черноморского округа».* В дальнейшем, правда, Алексей (Шишкин) уже в материалах дела не упоминался, поскольку арестовать его не удалось, а материала для обвинения епископа Варлаама и придания его подпольной организации внушительных размеров и без того хватало.

Что касается самой игуменьи Антонины, то протокола ее допроса в деле нет, отмечено только, что на допросе 20 сентября 1929 года она показала, что придерживается тихоновской ориентации, как и другие монахини. Известно также, что была она 1878 года рождения, уроженка Владикавказа, внучка протоиерея, дочь царского офицера; и с 1908 по 1923 год являлась настоятельницей Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря. Отец

Алексий (Шилкин) в показаниях упомянул, что «она при Сов<етской> власти была судима к высшей мере наказания».

Замечательный рассказ об игуменье Антонине — в воспоминаниях княгини Натальи Урусовой. Княгиня познакомилась с игуменьей в 1922 году во Владикавказе, когда та скрывалась в Иверском монастыре от преследования большевиков:

«Она была очаровательна не только чарующей духовной красотой, но и наружной необычайной красотой. Ещё сравнительно молодая. Ей нельзя было дать сорока лет, как ей было. Три месяца, несмотря на зимние морозы, её скрывали на чердаке и только изредка спускали вниз в эту комнату, чтобы обогреться. Тайна хранилась полная. Ей носила еду и всё нужное только келейница. С ней мы очень скоро сошлись и скоро привязались друг к другу. Она была очень образованная, из хорошей дворянской семьи.

Она мне рассказала свою историю. Была она игуменьей женского монастыря в г<ороде> Кизляре на Кавказе. В начале революции, когда грабили всё кругом и монастыри особенно, к ним ворвалась толпа бандитов-большевиков, разорила всё, ограбила и застрелила несколько сопротивлявшихся монахинь.

Когда на короткое время Кизляром овладела Белая армия, то кто-то неизвестный указал им на лиц, разоривших монастырь и убивших монахинь. Они были расстреляны. Когда же Белая армия отступила и большевики стали уже полными хозяевами положения, то стали доискиваться, кто выдал их белым. И вот её, ни в чём не повинную, обвинили и приговорили расправиться с ней. Господь помог ей бежать ночью, и она дошла до Владикавказского монастыря, где игуменья Феофания её и спрятала. По всему Кавказу были расклеены объявления: "Кто укажет местонахождение бывшей игуменьи Кизлярского монастыря Антонины, получит 3000 р<ублей> золотом". Целых полтора месяца я с ней виделась почти каждый день. Один раз в очень морозную ночь, когда сверх обык-

новения лежало и снегу много, в час ночи стучат в моё окно. Все проснулись и перепугались. Кто ночью может стучать, как не ГПУ? Отдёрнула занавеску и глазам не поверила. Вижу в белой бараньей шубе матушку Антонину, и поддерживают её с двух сторон мать казначея и келейница Анфиса. "Скорей, скорей отворите, спрячьте матушку!"... Вошли. Мы погасили свет, чтоб не обращать ночью внимания, и что же услышали? Услышали о необыкновенном явном чуде Божиим.

За несколько дней перед этим, о чём я не знала, пришла в монастырь молодая девица, назвавшаяся княжной Трубецкой. Она в слезах просила игуменью её принять, говоря, что отца и мать расстреляли, имение разграбили и она осталась одинокой в своём горе. Так подделалась и сумела войти в доверие, что игуменья по простоте душевной не только обласкала и приняла, но вскоре рассказала ей о тайне матушки Антонины. Девица тут же скрылась, это был агент ГПУ, разыскивающий матушку Антонину. В ту же ночь монастырь был кругом обложен военными, чтобы никто не мог выйти. Пошли с обыском, требуя выдачи её. Когда к ней прибежала келейница сообщить об этом, она сказала: "Ну что же делать? Если Господу угодно, чтоб меня нашли, пусть будет так, а если на это Его Воли нет, то Он закроет людям глаза, и они, видя, не увидят. Пойдём и выйдем посреди них... На неё надели шубу, пошли и просто вышли на глазах у всех красноармейцев из ворот. Командир кричит: "Кто сейчас вышел из ворот, кого вывели?" Вышедшие все это слышат, так как ещё были тут же за несколько шагов, а красноармейцы отвечают: "Никого мы не видели". — "Да как же, вышел кто-то в белой бараньей шубе, и две монахини её вели". Но все отрицают и не понимают, что такое неладное с командиром. Обыскали, перевернули всё и должны были уйти ни с чем.

Итак, её привели ко мне. Я, конечно, была счастлива, что могла её спрятать, хотя у нас и было для неё рискованно, т<ак> к<ак> мы сами ожидали ежеминутно ареста. "Я говорю, чем я смогу кормить матушку, ведь мы так плохо питаемся". А монахини и говорят: "Да мы будем два раза в день приносить обед и ужин". Просидели они до утра, матушка

Антонина осталась у нас, а они пошли в монастырь. Скоро принесли и еду, что и продолжалось ежедневно по два раза в день в течение двух недель, пока она у нас жила.

Её нельзя было не полюбить. Дети души в ней не чаяли, и даже муж мой, довольно вообще равнодушный ко многому, уважал её и с удовольствием беседовал с ней. В то время бывали случаи, что можно было за деньги получить тайное убежище у ингушей в горах. Монастырь хотел это сделать, но они запросили такую сумму невероятную, что и всё имущество, оставленное монастырю после ограбления, не смогло бы уплатить за неё. Мы решили, что у нас она останется на Божию Волю, и ничего не предпринимать, тем более что мы её так все полюбили.

Она страдала ужасно при мысли, что если её найдут, то ответит не только она, но и мы. Во всём её деле было, конечно, чудо и исключительный Промысел Божий. Ведь когда её в ночь обыска не нашли в монастыре, при чудовищной слежке ГПУ никто не проследил, куда ходят с едой два раза в день монахини.

Так прошло две недели. Я ей в общей комнате моей с пятью детьми отделила уголок за занавеской из марли, где была кровать; над головой — икона и горела висячая лампадочка, принесённая из монастыря. Один раз вижу я, что матушка всю ночь, стоя на коленях, так горячо молится в слезах. Мне через марлю видно, и я спать не могла: её душевное состояние передавалось и мне. Рано утром она обращается ко мне и говорит: "Исполните, пожалуйста, мою просьбу. Пойдите к блаженной Анастасии Андреевне и, ничего не говоря ей другого, скажите только: "Матушка Антонина просит вашего благословения".

Анастасия Андреевна, юродивая подвижница, известная во Владикавказе даром прозорливости, проживала в хибарке во дворе одного доброго христианина. Я пошла к ней, она спросила, в чём у меня нужда. Я ей сказала, что матушка Антонина просит её благословения. "Да, да! Скажи ей, чтобы ничего не боялась! Что задумала и о чём молилась, пусть исполнит, пусть исполнит. Пусть идёт в большой казенный красный дом, пусть идёт".

Я передала м<агушке> Антонине её ответ, и лицо её просияло. "Я решила сама себя сегодня отдать в руки ГПУ. Я очень мучаюсь тем, что вы можете ответить за меня. Я молилась, и всё же был страх и колебание, но теперь, после слов блаженной, меня ничто и никто удержит". И дети, и я в слёзы. На что можно надеяться. ГПУ — ведь это непередаваемый ужас. Она ушла, простившись с нами, тоже со слезами, но с удивительно спокойным лицом, как бы ещё больше просветлевшим и похорошевшим. Она была в монашеском одеянии и с золотым игуменским крестом на груди. Несмотря на все неудобства и опасности, она не снимала монашеского одеяния.

Прошло немного больше часа. Все мы сидели молча, отдавшись горю, и думали о её судьбе, как вдруг моя одиннадцатилетняя дочь, смотревшая в окно, закричала: "Матушка Антонина идёт!" Она вошла, такая радостная, такая необычайно хорошая, что описать нельзя словами.

Вот что она нам рассказала: "Я пришла в ГПУ. Дежурный спросил, по какому я делу. Я ответила, что скажу и назову себя только их начальнику. Подошли другие с требованием подчиниться порядку и зарегистрироваться, я сказала: "Передайте начальнику, что я желаю его видеть и не ему не подчинюсь". Они пошли и доложили. Тот велел передать, что никому не разрешено нарушать закон приёма; я ответила, что хочу говорить только с ним. В это время приоткрылась дверь в коридор, и начальник сам выглянул. Увидев меня, он сказал:

— Пройдите.

Я вошла.

— Что вам угодно?

— Вы за мою голову даёте три тысячи рублей? Я вам её сама принесла...

— Кто вы?

— Я — игуменья Кизлярского монастыря. Игуменья Антонина.

Он был до того поражён, что встал и говорит:

— Вы, вы... Игуменья Антонина? И вы пришли сами к нам?

— Да, я сказала, что принесла вам свою голову.

Он достал из ящика стола мою фотографию. Я достала из кармана такую же.

— Вы свободны... идите куда хотите!

Когда я уходила, он сказал: "Через год я обязан дать вам какое-либо наказание по закону".

Никто не проследил, куда она пошла из ГПУ, никто нас не тронул. Она поселилась открыто в монастыре, где прожила год.

Впоследствии я узнала, что её назначили на один год прислуживать в коммунистической гостинице Ростова. Она всё же не сняла своего монашеского одеяния. Ни один коммунист не допускал, чтобы она прислуживала ему, все относились к ней без злобы и оскорблений и кланялись ей. В 1923 году ещё возможны были такие факты».

Спустя двенадцать лет княгиня Наталья Урусова в Казахстане встретила высланного отца Арсения (Жорди), он и рассказал ей о дальнейшей судьбе матушки Антонины:

«По окончании срока наказания она собрала около себя 12 монахинь и поехала в г<ород> Туапсе с целью высоко в горах основать тайный скит. В то время многие монахи из разоренных монастырей надеялись отшельнически селиться в горах для избавления от гонений большевиков. Но ГПУ было хитрее. Лесниками были поставлены сыщики-агенты, которые обнаружили все скиты и жилища отшельников, из которых почти все были расстреляны на месте.

Когда игуменья Антонина поднялась на вершину большой высокой горы, то встретила с одним монахом из того скита, где был о<тец> Арсений. Монахи предложили вырыть и немедленно исполнили это, то есть вырыли, как было и у них, под корнями громадных деревьев пещеры для помещений, а затем оборудовали и церковь. Недолго так прожили, с радостью помогая монахиням в их нуждах. Скоро оба скита обнаружили. Из 14 монахов одного лишь о<теца> Арсения, как юного по сравнению с другими, не расстреляли, а сослали

на 8 лет³⁸ в дальний лагерь в Сибири, а по окончании этих лет в Алма-Ату на поселение. Игуменья Антонина и ее монахини были арестованы, но не расстреляны на месте, а увезены. О дальнейшей судьбе этой замечательной монахини ничего не известно»³⁹.

Согласно выписке из протокола заседания «тройки» при Полномочном представительстве ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 27 февраля 1930 года, игуменья Антонина (Покровская Вера Александровна) была приговорена к 10 годам концлагеря.

По делу проходили еще три бывшие насельницы этого монастыря: Пелагея Павловна Никитина, Евдокия Максимовна Уварова и Пелагея Федоровна Гумуржи. Никитину арестовали 18 сентября в селе (хуторе) Алмалук. На допросе она подтвердила, что сначала была в Покровском монастыре в Шуюке, а потом *«перешла в тихоновскую нелегальную общину — скит св. Иоанна Златоуста во главе с иеромонахом Дамианом (Кириченко)»*. Арестованный 12 октября монах Дамиан (в миру Кириченко Демьян Ильич) подтвердил, что богослужения совершались у него в доме в селе Алмалук, где он проживал с 1924 года. Прежде он ходил в Покровский монастырь, а потом договорился с отцом Иоанном и епископом Варлаамом об организации закрытой общины — скита.

Это, кстати, одна из 28 общин в списке епископа Варлаама — *«№ 8. Скит св. Иоанна Златоуста — служил иеромонах Иоанн»*. Известно, что к игуменье Евфросинии весной 1929 года приходил иеромонах Иоанн (Евсеенко) с письмом от иеромонаха Онисима (Поля),

³⁸ Ошибка, по материалам дела иеромонах Арсений приговорен к пяти годам концлагеря.

³⁹ *Польский Михаил, протопресв.* Новые мученики Российские в 2 ч. Ч. 2. Репр. воспр. изд. 1957. М., 1992. С. 244–249.

и она перепроводила его к епископу Варлааму. После знакомства с епископом иеромонах Иоанн *«пошел в село Алмалук, остался там жить у мельника Кириченко Демьяна и организовал там нелегальную общину с благословения Варлаама»*. Ареста он, по-видимому, избежал — среди обвиняемых он не числится.

Иеромонах Алексей (Шилкин) был приговорен к 5 годам концлагеря; Пелагея Павловна Никитина — к 5 годам ссылки, Пелагея Федоровна Гумуржи и Евдокия Максимовна Уварова — к 3 годам ссылки в Северный край.

Серафимо-Тихвинский скит игуменьи Евфросинии и Михайло-Архангельский скит

Еще один тайный монастырь был "ликвидирован" почти одновременно с монастырем матушки Антонины. Это Серафимо-Тихвинский скит игуменьи Евфросинии (Котловой), находившийся в урочище Канаш-Тапе⁴⁰. В материалах следственного дела в списке фотографий числится: «№ 7. Группа арестованных монашек Серафимо-Тихвинского скита перед отправлением их из Канаш-Тапе в г<ород> Туапсе»; также в деле есть уникальный документ — список сестер этой обители.

На титульном листе:

«Послужной список
Свято-Серафимо-Тихвинской женской общины,
находящейся в предместье Камоштапе города Туапсе
Черноморской губернии

+ 1927 г<ода> мая 15 дня».

⁴⁰ Переселенческий участок в составе Вельяминовского сельского общества Туапсинского округа Черноморской губернии на 1 января 1917 года зарегистрирован под названием «Камыш-Тепе» / Словарь-справочник, составленный В. Н. Сапелкиным. — URL: <http://www.kurorttuapse.ru/history/z.htm>.

После чего рукой епископа Варлаама приписано:

«Согласно прошения общины настоящие документы выдаются вместо сгоревших на пожаре; подлинность этих документов свидетельствую собственноручною подписью. Варлаам б<ывший> Епископ Майкопский».

И далее семь листов (развернутых страниц из учебной тетрадки в клеточку), бисерным почерком заполненных по графам: «Сан, имя, отчество, фамилия», «Из какого звания происходит», «Образование, когда вступила в службу и в каких званиях и должностях проходила оную», «Год и месяц», «Не была ли под судом», «Каких качеств», «Была ли в отпуску». Все в соответствии с прежними консисторскими требованиями имперского времени.

Поразительно, если представить, когда и где составлялся этот на первый взгляд ничем не примечательный сухой канцелярский документ! Ведь не в уютных настоятельских покоях монастыря, огражденного надежными стенами, если и не каменными или деревянными, то в любом случае законодательными и моральными, в стране с тысячелетней православной культурой писала его мать игуменья, а в лесной глуши спустя десять лет после богоборной революции, когда от уничтоженной православной империи не оставалось и следов, когда закрывались последние еще до конца не разоренные монастыри и монашеские общины, как и в первые века христианства, вынуждены были переходить к тайному катакомбному служению!

Тем не менее даже в таких условиях игуменья Евфросиния, со своими сестрами построившая подземную церковь и хранившая о ней строжайшую тайну, старалась соблюдать определенный административный порядок и документы монастырские подавала архиерею как полагалось.

Итак, всего по списку 17 человек: 16 монахинь вместе с самой Евфросинией, из них 12 — мантийных

монахинь, 4 — рясофорных и одна послушница. Все они из крестьян, главным образом Владимирской губернии (одна из Рязанской, одна из Тверской и одна из Каменец-Подольской); и только одна из мещан города Венева. Почти половина ранее были насельницами Суздальского Покровского монастыря; причем в мантию только трое пострижены еще в Суздале, остальные девять — уже на Кавказе их духовником отцом Дионисием. Также и рясофорные: до приезда на Кавказ две из них были послушницами в Екатерининской пустыни в Подмоскowie, одна — в Петровском монастыре Ростова, и одна послушница до приезда на Кавказ не была в монастырях.

1. Мантийная монахиня Евфросиния — Александра Петровна Котлова. В 1894 году поступила в Покровский монастырь в Суздале; 30 октября 1921 — пострижена в мантию иеромонахом Нифонтом по благословию епископа Суздальского Павла.
2. Мантийная монахиня Архелая — Анна Абрамовна Масленникова. В 1890 году поступила в Покровский монастырь; в 1921 — пострижена в мантию.
3. Мантийная монахиня Людмила — Евдокия Алексеевна Рундомцева. С 1894 — в монастыре; в 1921 — пострижена в мантию.
4. Мантийная монахиня Евникия — Евдокия Прокопьевна Гусева. С 1900 — в монастыре; 6 января 1924 — пострижена в мантию иеромонахом Дионисием, духовником Зосимовой пустыни⁴¹.
5. Мантийная монахиня Олимпиада — Мария Федоровна Белова. С 1900 — в монастыре; 6 декабря 1923 — пострижена в мантию.

⁴¹ Все остальные монахини пострижены на Кавказе иеромонахом Дионисием в Серафимо-Тихвинском скиту.

6. Мантийная монахиня Милитина — Матрена Тихоновна Евсеева. С 1904 — в монастыре; 30 ноября 1923 — пострижена в мантию.
7. Мантийная монахиня Марина — Мария Ефимовна Прыгунова. С 1904 — в монастыре; 5 ноября 1923 — пострижена в мантию.
8. Мантийная монахиня Калерия — Татьяна Александровна Егорова. С 1917 — в Хотьковском Покровском монастыре; 25 марта 1924 — пострижена в мантию.
9. Мантийная монахиня Капиталина — Ксения Герасимовна Лаптева. С 1908 — в Покровском монастыре; 26 декабря 1924 — пострижена в мантию.
10. Мантийная монахиня Предислава — Прасковия Ивановна Колотилова. С 1897 — в монастыре; 1 октября 1923 — пострижена в мантию.
11. Мантийная монахиня Валентина — Вера Ивановна Тетерина. С 1903 — в монастыре; 25 февраля 1924 — пострижена в мантию.
12. Мантийная монахиня Магдалина — Мария Федоровна Брюханова. С 1900 — в монастыре; 26 октября 1923 — пострижена в мантию.
13. Рясофорная монахиня Пелагия — Пелагия Ивановна Кочинова. В Екатерининской пустыни; 25 декабря 1924 — пострижена в рясофор.
14. Рясофорная монахиня Зиновия — Зинаида Стефановна Семенюк. В Екатерининской пустыни. 6 августа 1925 — пострижена в рясофор.
15. Рясофорная монахиня Евдокия — Евдокия Ивановна Андрейничева⁴². В Петровском монастыре; 1 января 1925 — пострижена в рясофор.
16. Рясофорная монахиня Ольга — Ольга Ефимовна Прыгунова. 14 апреля 1927 — пострижена в рясофор.

⁴² В приговоре ее фамилия — «Андрианычева».

17. Послушница Любовь Ивановна Сазонова. Принята в 1926 — общее послушание.

Все монахини были арестованы.

В протоколе первого допроса игуменьи Евфросинии датой ареста указано 17 сентября 1929 года. Сам же допрос, произведенный в Туапсе, датирован 20 сентября 1929 года. Сначала, как обычно, были заполнены анкетные данные: Котлова Евфросиния Петровна, 1875 года рождения, уроженка деревни Аграфонино Вознесенской волости Ковровского уезда Владимирской губернии, из крестьянской семьи. Малограмотная. Монахиня, позднее — игуменья. До 1923 года находилась в монастыре.

На допросе матушка Евфросиния показала:

«Когда мне исполнилось 13 лет, я ушла из родительского дома и постриглась монахиней в Суздальском монастыре, где жила до момента его закрытия и выселения из него всех монахинь, т<о> е<сть> до 1923 года. В июне 1923 года я вместе с монашками-сестрами: Егоровой Татьяной, Евсеевой Матроной, Соколовой Любовью и Руденцевой⁴³ Людмилой, также высленными из Суздальского монастыря, выехала сюда на Черноморье, ибо на месте нам говорили, что здесь в горах можно спокойно жить и продолжать вести монашеский образ жизни.

Здесь в Туапсе в то время был архимандрит отец Игнатий, который после нашего обращения к нему посоветовал идти в горы около Шепси и там снова устраиваться.

От него мы все пятеро пошли искать место. Вначале все пятеро явились в Иверский монастырь⁴⁴, желая

⁴³ Ошибка в написании фамилии — Рундомцева.

⁴⁴ Иверско-Алексеевская женская община, организованная приехавшей из Екатеринодара семьей Макаровских на купленном в 1904 году участке земли в лесной глуши в окрестностях Туапсе.

устроиться там, но в этом монастыре нас не приняли, так как он был накануне закрытия. Были на Пеусе и в др<угих> местах, но потом все же остановились в Канаш-Тале, где и организовали свой маленький неофициальный монастырь, в котором я была игуменьей.

Кроме этих пяти монахинь к нам все время приезжали на временное жительство другие монахини как б<ывшего> Суздальского монастыря, так и других. Всех их было довольно много, так что перечислить их фамилии и имена я сейчас не могу.

Одновременно с нами из Суздаля приехали еще семь монахинь во главе с Масленниковой Анной Абрамовной, она же игуменья Архелая. Они тоже поселились в урочище Канаш-Тале и также организовали нелегальный монастырь, игуменьей которого стала матушка Архелая. С ней в монастыре сейчас живут монашки: Прыгунова Мария, ее сестра Прыгунова Ольга, Белова Мария, Семенюк Зина, Лаптева Ксения и еще сестра Евдокия (фамилии коей я не знаю⁴⁵)».

На первом же допросе игуменья Евфросиния показала, что сначала у них был свой священник, «отец Дионисий, приехавший из монастыря Смоленского Зосимова пустынь, но в 1926 году он умер...».

Очевидно, речь шла об иеромонахе Дионисии (Барошникове) из подмосковного монастыря Смоленская Зосимова пустынь⁴⁶, известного своими духоносными старцами: основателем — схиигуменом Германом (Гомзиным) и схииеромонахом Алексием (Соловьевым). Возрожденная ими в стенах обители традиция старчества сделала Зосимову пустынь наравне с Оптиной одним

⁴⁵ Очевидно, это Евдокия Андрейничева.

⁴⁶ «Смоленской» пустынь названа по чудотворной иконе Божией Матери, а не по местонахождению, то есть она находилась не в Смоленске, а в Александровском уезде недалеко от Троице-Сергиевой лавры.

из духовных центров Русской Православной Церкви, где в начале XX века духовно окормлялись сотни православных людей всех званий и сословий, в том числе и прославленные в дальнейшем в лике святых новые мученики и исповедники и подвижники благочестия.

Об иеромонахе Дионисии как об одном из ближайших помощников игумена Германа (Гомзина) в деле становления школы зосимовского старчества находим следующие сведения в Зосимовском патерике:

«Авторитетнейший иеромонах, духовник пустыни. В миру — Дмитрий Барошников, родом был из крестьян, родился в 1860 году в Тверской губернии. Грамоте обучался дома». Известно, что Дмитрий служил в армии — в монастыре числился как запасной нижних чинов.

Овдовев, в тридцать лет он поступил в Гефсиманский скит. Произошло это 25 октября 1890 года. 24 августа 1894 года зачислен в указную братию скита. Послушание проходил в Ильинской часовне в Москве.

20 марта 1895 года принял постриг с именем Дионисий.

13 января 1898 года вслед за игуменом Германом и другими его учениками перемещен в Зосимову пустынь. Через полгода, 7 июня, рукоположен во иеродиакона.

6 февраля 1900 года рукоположен в иеромонаха.

Отец Дионисий отличался исключительным смирением. Был случай, когда он, иеромонах, подошел в числе других братьев к приехавшему священнику для получения благословения, поцеловал руку и отошел.

31 июля 1906 года награжден набедренником. 28 февраля 1908 года назначен духовником братии. 14 декабря 1909 года принял ризницу.

Известно, что именно с ним произошел случай исцеления 10 июля 1912 года. Когда иеромонах отправился на послушание — чистить лес, то по неосторожности нанес себе рану на ногу, вызвавшую сильное кровоте-

чение. Батюшка пропитал тряпицу маслом из лампы у Тихвинской иконы Богородицы и приложил к больному месту. Боль исчезла, и рана скоро зажила.

29 июня 1917 года награжден наперсным крестом от Священного Синода.

Сохранились воспоминания отца Симона (Кожухова) об этом сотаиннике преподобных зосимовских отцов.

«Зосимова пустынь держится такими подвижниками, как отец Герман, отец Алексей, отец Дионисий... Можно поручиться, что после их смерти распадется и Зосимова пустынь. Она держится пока их духом, который уже теперь, при их жизни, стараются всячески исподтишка, а иногда и явно искоренять как устарелый, смешной. Да и самих старцев высмеивают в глаза и за глаза, называя их отжившими»⁴⁷, — писал 1 апреля 1922 года старец Симон в письме священнику Николо-Толмачевского храма отцу Илье Четверухину».

О душевной щедрости отца Дионисия можно судить из короткой строчки письма от 10 мая 1924 года:

«...вся провизия оставлена была мне отцом Дионисием, и ею продовольствовались мы все»⁴⁸, — сообщал тому же отцу Илие оставшийся вблизи зосимовских стен старец Симон.

Да, всё зосимовский духовник оставил ближним, а сам налегке отправился... в никуда. Во всяком случае, еще не раскрыты пути-дороги и адреса, по которым скитался шестидесятилетний иеромонах Дионисий, бывший зосимовский духовник и один из самых почитаемых современниками старцев обители»⁴⁹.

Вышеприведенные материалы следственного дела открывают информацию о последних годах жизни стар-

⁴⁷ Четверухина Евгения. Удалился от мира. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. С. 252.

⁴⁸ Там же. С. 261.

⁴⁹ Аристоклий, монах. Зосимовский патерик: житие святых и подвижников благочестия Свято-Смоленской Зосимовой пустыни. Б. м.: Зосимова пустынь, 2012. С. 102–103.

ца. Зосимова пустынь была закрыта в феврале 1923 года, монахи разошлись кто куда. Теперь известно, куда ушел иеромонах Дионисий: по крайней мере, можно точно сказать, что осенью 1923 года он был на Кавказе — в октябре им уже были пострижены в мантию две монахини в Серафимо-Тихвинском скиту в Канаш-Тапе. Очевидно, почивший в 1926 году старец был погребен там же в горах рядом со скитом.

После кончины старца Дионисия другого священника монахиням отыскать не удалось. Несколько раз они приглашали служить иеромонаха Алексея (Шилкина), живущего в монастыре игуменьи Антонины. Приглашать кого-либо из города опасались, ибо там, как показала игуменья Евфросиния, *«в православии стало много еретиков, а мы веруем в истинного Бога»*. С монахинями на Шуюке связей у них особых не было, но все же с самой игуменьей Антониной они встречались, обменивались мнениями, *«поскольку она так же верует в истинного Бога и не одобряет раскольников православия»*.

А вот с монастырем игуменьи Архелаи, как показала игуменья Евфросиния, было много общего: *«Мы были выходцами из одного Суздальского монастыря, часто ходили друг к другу, устраивали совместные моления, в особенности в престольные и двенадцатые праздники...»*

Многие верующие, зная о благочестии покойного старца Дионисия, присылали "ему на могилку" деньги, вещи, продовольствие, которые мною равномерно распределялись между двумя монастырями: моим и игуменьи Архелаи, а также шли на улучшение как самих монастырей, так и жизни в них. Кроме того, верующие частенько присылали деньги в письмах с просьбой помолиться о них грешных. Эти деньги также шли в фонд монастырей. Все постройки сделаны моими послушниками. Они же обрабатывают огород, заготавливают

дрова. Лично я в этих занятиях участия не принимаю, так как чувствую себя не совсем здоровой, но все благословение и руководство на работу давала им я. Иногда в больших работах послушницы матушки Архелаи помогали моим, а мои помогали им, таким образом, во всем мы обходились своими трудами и материальной помощью верующих, которые иногда приезжали к нам с просьбой помолиться "о спасении души" и давали небольшие пожертвования на "дело Божие"».

Игуменья Евфросиния на допросах смело говорила о своем отрицательном отношении к безбожной власти: «Это власть антихриста, которую Господь попускает для испытания рода человеческого... Пускай с нами делают что хотят, но от веры в истинного Бога мы не откажемся и будем прославлять Его». Но информацию о своем монастыре и связях с епископом Варлаамом матушка попыталась скрыть, признав только, что среди монахов их монастырь называется Серафимо-Тихвинский женский скит, но подчеркнула: «Никаких документов, присваивающих монастырю это название, у меня нет, так как для окружающих мы являемся простыми поселянами, а не монахинями. Как поселяне мы подчинялись всем требованиям власти: платили налоги, и однажды даже некоторые послушницы помогали мазать школу, несмотря на то что учат в ней не по Божьему указанию, а по книжкам еретиков и богохульников».

«Епископа Майкопского я не знаю, как и никого из местных не знаю и не признаю, так как все они стали раскольниками: обновленцами, сергиевцами, а я и живущие в моем монастыре и у матушки Архелаи монахини веруем только в единого Бога, как учил нас преподобный отец Тихон».

На следующих допросах "знакомство с Варлаамом" все же ей пришлось признать. Но это произошло только месяц спустя, во второй половине октября 1929 года,

когда следствием были уже добыты нужные сведения и обнаружена подземная церковь. В материалах дела есть следующий документ:

*«Акт осмотра нелегальной подземной церкви
в урочище Канаиш-Тале Туапсинского района
Черноморского округа*

1929-го года сентября 27-го дня я, уполномоченный Черноморского Округ<ного> отд<еления> ОГПУ <...> в присутствии понятых, <...> — произвели осмотр нелегальной подземной церкви, находящейся в горах урочища Канаиш-Тале Туапсинского района. При осмотре обнаружили:

На расстоянии 200 сажен от помещения, занимаемого монахами в урочище Канаиш-Тале, в юго-восточную сторону, на склоне спуска в балку в густой чаще частокол, тщательно замаскированный под окружающую обстановку местности, оказалась вырытая яма, длиною четырнадцать аршин, шириной шесть аршин и вышиной внизу по склону горы четыре аршина, а выше в подъем горы пять аршин. Названная яма внутри выложена (все четыре стены) диким камнем, затем поставлены стойки, обшитые осиновою дранкой, потолок помещения с внутренней стороны ямы также обшит осиновою дранкой. Пол оборудован досками. Внутренняя часть всего подземного помещения, состоящая из трех комнат с двумя замаскированными выходами, представляет собой оборудованную подземную церковь, вместимостью на 50–60 человек молящихся, где оборудован иконостас, клирос, налой, с поставленными подсвечниками, с подвешенными иконами и лампадами, с царскими вратами, правым и левым входом, ведущими в алтарь. В алтаре оборудован престол, на стенах имеются небольшое распятие и другие иконы. К задней стенке прилежит складочное помещение, где хранится

церковное имущество, церковная литература, предметы одежды и другое различное имущество. Во внутреннюю часть помещения дневной свет не проникает. Окружающая местность подземной церкви непроходима, никаких троп, ведущих к этой церкви, не проложено, таким образом церковь от взора проходящих людей тщательно замаскирована».

При осмотре была проведена и фотосъемка. Среди фотографий в материалах следственного дела больше всего снимков именно этой подземной церкви:

- « № 1а. Вход в подземную церковь Серафимо-Тихвинского женского скита, расположенного в урочище Канаши-Тале;*
- № 2. То же (крупным планом);*
- № 3. Иконостас подземной церкви в Канаши-Тале;*
- № 4. То же с раскрытыми царскими вратами;*
- № 5. Большое распятие, нарисованное епископом Варлаамом для алтаря этой подземной церкви;*
- № 6. Один из углов подземной церкви в Канаши-Тале»⁵⁰.*

После того как игуменьи Евфросинии были предъявлены эти фотографии и объявлено, что жившие в ее скиту монахини признались, она, назвав признавшихся клятвопреступницами (так как отец Дионисий взял клятву со всех, чтобы ни о подземной церкви, ни о жизни скита вообще никому не говорили), но не видя смысла в дальнейшем запирательстве, дала подробные показания:

«После нашего приезда в Канаши-Тале к нам приехал иеромонах Дионисий с благословения самого патриарха

⁵⁰ Из этих фотографий только копии № 5 и 6 в нашем распоряжении. См. на вклейке.

Тихона, который лично его благословил, дал ему икону Тихвинской Богоматери и бумажку о том, что он едет сюда от патриарха к нам в скит. А о существовании нашего скита патриарх знал по письмам, которые я ему писала.

С благословения о<тца> Дионисия мы начали в 1925 г<оду> постройку подземной церкви. Строили мы ее очень долго, т<ак> к<ак> держали это в абсолютной тайне, а потому привлекать к постройке кого-либо извне мы не могли и все делали своими силами. Иконы и др<угую> церковную утварь нам прислали из России. В 1925 г<оду> я сама ездила в Суздальский монастырь и привезла много икон, кроме того присылали монахины, знакомые, родные и т<ому> п<одобные>.

В этот же период времени, даже раньше, сейчас же по приезде о<тец> Дионисий назначил меня настоятельницей организованного мною монастыря, на что последовало благословение патриарха Тихона, с которым о<тец> Дионисий и я поддерживали связь до самой его смерти».

"В отношении знакомства" с епископом Варлаамом (Лазаренко) игуменья Евфросиния подтвердила показания своих монахинь о его руководстве и постоянном общении с ним. Например, одна из монахинь показала на допросе от 17 октября: «Подземную церковь мы построили в 1925 г<оду>, в строительстве участвовали все монахини — не менее 20 человек. У нас было специальное помещение для церковной утвари. Выкопанную землю разбрасывали в лесу. Епископ Варлаам делал для нас иконы. Фанеру и масляные краски он принес с собою. Он освятил храм и рукоположил в игумении Евфросинию Котлову. В храме служили также иеромонахи Иустин (Смирнов Яков) и Макарий (Олейников Моисей)».

Подтвердив эти показания, игуменья Евфросиния добавила, что ее монахини несколько раз ходили к епископу Варлааму помогать в работах на огороде и на по-

стройке его подземной церкви. Признала, что вела с епископом переписку и сопровождала или препровождала приходивших к нему "ходовков" — священников и монахов.

Иеромонах Иустин (Смирнов) в своих показаниях также свидетельствовал об общении епископа Варлаама с монахинями в Канапш-Тапе: *«Игуменья Евфросиния за время моего пребывания у владыки приходила к последнему не менее десяти раз, он же сам у них в скиту был в прошлом году два раза. Последний раз Евфросиния была у владыки недели за две до их ареста. Евфросиния была одной из активных игуменей и поборниц за дело Божие, терпеливо ожидавшей скорого конца Советской власти»*. О своем служении в ее скиту Иустин умолчал, а показал, что *«богослужения в Серафимо-Тихвинском скиту проводил иеромонах Евтихий, Макарий или сами сестры ходили из скита в Михайло-Архангельский скит»*.

В списке, прилагаемом к письму епископа Варлаама, иеромонах Евтихий указан напротив Серафимо-Тихвинского скита наряду с игуменьей Евфросинией. Как ни странно, мать Евфросиния о нем ничего на допросах не показала. 28 сентября 1929 года был арестован житель хутора Пеус⁵¹ Порфирий Васильевич Каюдин 62 лет, в его показаниях упоминался иеромонах Евтихий (Малышко): *«Михайло-Архангельский скит находился в моем доме, и возглавлял его иеромонах Евтихий (Малышко). На богослужениях присутствовала только моя семья и иногда монашки»*.

В материалах дела среди обвиняемых иеромонаха Евтихия нет, возможно, ему удалось скрыться. В Пеусе был арестован еще монах Мефодий (в миру Васильчен-

⁵¹ Каюдины проживали в Пеусе с 1910 года. Название хутор получил по горе Пеус (Псеушхо) и реке Пеус (Пеус-Псыху); ликвидирован до 1940 года.

ко Михаил Иванович, 59 лет), проживавший в отдельной хате рядом с Каюдиными. Он признал на допросе, что Иван Каюдин, сын Порфирия Васильевича, был пострижен в монашество с именем Иннокентий и что в доме Каюдиных проводились богослужения (в списке Варлаама Иннокентий был указан как иеродиакон Михайло-Архангельского скита). Он тоже был арестован, но на допросах все отрицал, в том числе и свое служение, и ничего не показал ни об иеромонахе Евтихии, ни о епископе Варлааме, и тем более он ничего не показал о тайных церквях, а о монахинях сказал, что те просто иногда ночевали в их доме⁵².

Следует отметить, что далеко не все монахини Серафимо-Тихвинского скита рассказали о тайной церкви. Более того, некоторые из них на допросах вообще ничего не показали. Так, монахиня Олимпиада (в миру Белова Мария Федоровна) и на допросе 20 октября, отрицая существование нелегального скита и подземной церкви, продолжала утверждать, что ни епископа Варлаама (Лазаренко), ни игуменьи Евфросинии (Котловой) не знает, заявив в конце допроса, что *«дала обязательство молчать и больше говорить не буду»*. Монахиня Зиновия (в миру Семенюк Зинаида Степановна), признав, что придерживается тихоновской ориентации и живет под руководством Прыгуновой, показала, что *«Советскую власть не признаю, т<ак> к<ак> та преследует религию»*, и завершила свои показания так: *«Больше говорить не буду, т<ак> к<ак> давала обет молчания и говорить с безбожниками о богослужении не считаю возможным»*.

⁵² На момент ареста иеродиакону Иннокентию едва исполнился 21 год. Тем не менее признанный *«руководителем Михайло-Архангельского скита»*, он был приговорен к расстрелу. Его отец Порфирий Васильевич Каюдин приговорен к 10 годам высылки на Север, имущество конфисковано, и семья — жена, второй сын и слепая дочь — выслана.

Кроме того, протоколы допросов тех монахинь, которые показали о подземной церкви, датированы октябрем месяцем, а обнаружена церковь была еще в сентябре. Первыми ли рассказали о церкви монахини или только подтвердили уже известное следствию, нам неизвестно, но то, что 26 сентября 1929 года о ней показал иеромонах Иустин (Смирнов), а на следующий день уже был произведен ее осмотр, точно известно из протокола его допроса.

27 февраля 1930 года обвиняемые были приговорены: монахи Мефодий (в миру Васильченко Михаил Иванович) и Иннокентий (Каюдин Иван Порфирьевич) — к высшей мере наказания и расстреляны; игуменья Евфросиния (Котлова Александра Петровна) — к высшей мере наказания с заменой на заключение в концлагерь на 10 лет; монахини Евдокия (в миру Андрейничева Евдокия Ивановна), Зиновия (Семенюк Зинаида Степановна), Калерия (Егорова Татьяна Александровна), Олимпиада (Белова Мария Федоровна) были приговорены к 5 годам концлагеря. Монахини Архелая (Масленникова Анна Абрамовна), Капиталина (Лаптева Ксения Герасимовна), Мария (Прыгунова Марина Ефимовна), Милитина (в миру Евсеева Матрена Тихоновна), Ольга (Прыгунова Ольга Ефимовна) и послушница Любовь Ивановна Сазонова были приговорены к 5 годам высылки.

Обитель 12 апостолов и Троицкий скит в Заповедном

Иеромонах Иустин (Смирнов) был арестован в Заповедном⁵³ 25 сентября 1929 года, очевидно, в доме монахини Маргариты (Гершуненко), где располагалась обитель 12 апостолов, по версии следствия, «*служившая резиденцией главы организации епископа Варлаама*». За несколько дней до этого, не позднее середины сентября, отец Иустин вместе с епископом Варлаамом и его сыновьями, а также монахинями Маргаритой (Гершуненко) и Иларионой (Радионенко), узнав о начавшихся арестах на побережье, поспешно скрылись из Заповедного. Позднее вернувшиеся за вещами отец Иустин с монахиней Иларионой наткнулись на засаду. Монахине удалось бежать, а иеромонах Иустин был задержан агентами ГПУ.

Протокола первого его допроса нет, о своей биографии он показал на допросе 2 ноября 1929 года в Но-

⁵³ Заповедное — по ревизии на 1 января 1917 года переселенческий участок. С 1923 года — село. По ревизии на 1 июля 1955 года в списках Вельяминовского сельского совета Туапсинского района значился хутор Заповедный в 12 км от Туапсе. Ликвидирован решением Краснодарского крайисполкома от 6 июля 1967 года.

вороссийске: Смирнов Иаков Николаевич, 1897 года рождения, уроженец Псковской губернии, Порховского уезда, Дновской волости; в 1916 — был призван в действующую армию на германскую войну, с осени 1918 — мобилизован в Красную армию, в 1922 — после демобилизации работал на заводе в селе Угрюеды на Украине и тогда же познакомился со священником Василием Подгорновым, который, очевидно, произвел на молодого человека сильное впечатление и стал его духовником. Осенью 1928 года отец Василий предложил Иакову принять монашество и поехать к епископу Варлааму на Черноморье. Дал на дорогу 35 рублей, и по его поручению Иаков собрал среди подгорновцев еще 140 рублей (крестьяне давали по 1–3 рубля). Поехал с собранными деньгами и письмами, причем отец Василий предупредил его, что *«дело очень секретное и нужно быть очень осторожным, чтобы агенты Сов<етской> власти не могли поймать»*.

На Черноморье Иаков был послан только на время, но после беседы с епископом решил остаться там: *«Варлаам, когда со мною побеседовал и подробно рассказал мне, что ему очень трудно, так как дело растет, а людей близких мало, что приближается конец сатанинской Сов<етской> власти, так как народ возмущен налогами, займами, хлебными поборами и самими сатанистами, что переворот скоро-скоро будет, что надо крепких людей ему в помощь, я со всем этим согласился и остался у него»*.

14 сентября 1929 года епископ Варлаам постриг его в монашество с именем Иустин, а 28 декабря рукоположил во священника. Тогда же в декабре был пострижен в монашество сын Варлаама с именем Боголеп и через три дня рукоположен в сан архидиакона. Служили они в церкви тайного скита 12 апостолов, устроенной в доме монахини Маргариты (Гершуненко) в селе Заповедном, где проживал "секретно" и епи-

скоп Варлаам с двумя своими сыновьями. *«Когда я поселился и жил при Варлааме, ему было легче скрываться, — показал отец Иустин, — так как я имел красноармейскую книжку, удостоверение с завода и проф<союзный> билет».*

По его словам, епископ Варлаам давал ему разные поручения *«по связям и доставке секретной почты»*, то есть писем и различных церковных документов: *«Варлаам всем своим соучастникам велел напряженно разъяснить народу, что только царь, помазанник Божий, хорошо относился к Церкви, что после гибели Сов<етской> власти Церковь восторжествует. На этот счет писалось много воззваний и листовок, которые распространялись через т<ак> н<азываемые> общины».* Все эти общины иеромонах Иустин не только назвал, но и охарактеризовал на допросе от 26 сентября 1929 года в Туапсе. В протоколе этого допроса все общины перечислены по списку епископа Варлаама — все совпадает даже по номерам. Очевидно, список зачитывался следователем, а допрашиваемый подтверждал его со своими дополнительными разъяснениями.

Так, по Майкопскому церковному округу уточнено, что в станице Пшехской иеромонах Михаил (Семиног) был посвящен епископом Варлаамом в сан иеромонаха в январе 1929 года (до того был иеродиакон). В станице Ханской священник Димитрий Кравцов был посвящен в мае 1929 года из простых мирян *«за свои заслуги перед владыкой и Церковью».* Священник Павел Чижов в станице Курджипской был посвящен в апреле 1929 года; священник Александр Алимов посвящен из мирян в октябре 1928 года в Майкопе.

В станице Гиагинской (она неправильно указана как "Георгинская", но это скорее опечатка в протоколе) община обслуживалась так же, как и в Белореченской, отцом Родионом (Саенко), который был посвящен в иеромонаха в декабре 1928 года, а в монахи пострижен

недели за две до этого. Станица Зеленчукская обслуживалась иеромонахом Иегудиилом, посвященным из монахов в августе 1929 года. В станице Удобной и Невинномысской — иеромонах Илиодор Ильящев, а в списке Варлаама — "Ильяшенко"⁵⁴.

По поводу Черноморья в протоколе допроса отдельный лист:

«Черноморский церковный округ.

Здесь притеснение власти против нас, тихоновцев, настолько сильное, что иметь открытые храмы или общины мы не могли, в силу чего владыка стал на путь нелегальных общин и обителей, которые в глуши леса, вдали от влияния власти должны молиться, сохранять веру в истинного Бога, ожидая скорого падения власти жидов и еретиков, чтобы выйти из подполья и занять должное влияние среди народа».

Далее перечислены общины закрытые, так же точно по списку епископа Варлаама. И уточнено, что в Туапсе службы ведут иеромонах Макарий (Олейников) и игумен Игорь (Баль). В Адлере община есть, но кто ведет богослужения, точно неизвестно, *«кажется, определенных лиц нет, а периодически туда ходит иеромонах Арсений с Красной Поляны»*. В станице Хадыженской община обслуживалась отцом Петром (Сопневым), постриженным в монахи и затем в июле 1929 года посвященным в иеромонаха.

Далее следуют "Иноческие обители с нелегальными⁵⁵ храмами":

⁵⁴ По материалам следственного дела он не проходит, вероятно, успел уехать до начала арестов. В письме монахини Иларионы от сентября 1929 года упоминается отец Илиодор, который *«теперь уезжает в Кахетию»*.

⁵⁵ В списке Варлаама употреблено «подземные», что не совсем верно, поскольку далеко не во всех общинах были подземные храмы.

«1. Обитель 12 апостолов — возглавляемая самим владыкой, епископом Майкопским Варлаамом (в миру Лазаренко Григорий Яковлевич). Обитель находилась в известном вам доме Марии Гершуненко⁵⁶, в урочище Заповедное, Вельяминовского сель<ского> совета, на горе, в лесу, вдали от населенных пунктов, где владыка скрывался очень долгое время, никуда не показываясь из обители, за исключением очень редких выходов в близлежащие общины и скиты, входящие в состав возглавляемой им нелегальной тихоновской организации. Нелегальный храм находится в специально для этого устроенном втором этаже на хате Марии, и на молитвы туда сходились только жившие вместе с владыкой и допущенные к нему прихожане и странники из нашей организации. Допускать каких-либо других, непроверенных лиц владыка категорически воспретил, боясь того, что власти узнают о его местонахождении, найдут нити организации, всех переарестуют и накажут. Он знал и говорил всем входящим в организацию, что если их раскроют, то пощады не будет никому, ибо кровавая власть не простит ничего.

2. Троицкий скит — возглавляется иеромонахом Макарием Олейниковым, проживающим в урочище Заповедном, выше хаты Марии и уполномоченного с<ельского> совета Шлегера. Церковь у Макария находится там же, где он и живет, в отдельной комнате. У него в скиту точно кто живет, я не знаю, но видел каких-то монашествующих мужчин и женщин, которые часто менялись.

3. Михайло-Архангельский скит — возглавляемый иеромонахом Евтихием и иеродиаконом Иннокентием Каюда. Скит их и храм находится в глуши леса близ горы Пеус. К ихнему же скиту принадлежал и монах

⁵⁶ Имеется в виду монахиня Маргарита (в миру Гершуненко Мария Ефимовна).

Мефодий, живущий в отдельной хате недалеко от Каюды.

4. Серафимо-Тихвинский скит — возглавляется игуменьей матушкой Евфросинией (в миру Котлова Евфросиния), которую осенью 1928 года владыка посвящал из монахинь в игуменьи и назначил руководителем всех монахинь на побережье Черного моря в честь святой равноапостольной Марии Магдалины. В этом скиту проживало 12 суздальских монахинь. Скит расположен в урочище Канаиш-Тане и имеет подземную церковь, которую владыка предлагал и ликвидировать, говоря, что за это власти будут особенно преследовать. Цела ли у них сейчас эта церковь или нет, я точно не знаю, так как уже сравнительно давно не был в ихнем скиту. Кроме этого богослужение они совершали в хате матушки Архелаи, специально для этого устроенной. По договоренности матушки Евфросинии с владыкой в Серафимо-Тихвинском скиту должна была быть построена большая, хорошая церковь, но чтобы она была в глухом лесу и построена по типу большой хаты, чтобы в случае ее обнаружения кем-либо она не бросалась в глаза и не вызывала провала нелегального скита. Эту церковь уже начали строить, но окончить ее не пришлось из-за ареста монашек этого скита.

5. Скит св. Иоанна Златоуста — возглавляется иеромонахом Иоанном в селе Алмалук. Количество монахов не знаю. Богослужения совершаются в хате.

6. Скит св. Николая — возглавляется иеромонахом Онисимом и иеромонахом Арсением Корди. Последнего в мае месяце этого года (1929) владыка посвящал в сан иеромонаха из монахов. Скит этот расположен в лесу в районе Красной Поляны. Богослужения совершаются в хате. О количестве монахов в скиту не знаю.

7. Краснополянский скит отшельников — настоятель иеромонах Авель, скит расположен там же в глуши леса в районе Красной Поляны.

8. *Пустынно-Тихвинский скит — настоятель монахов Сергей (в миру Сингалевич Сергей Семенович), которого из странников в монахи посвящал, кажется, владыка Варлаам, но точно этого сказать я не могу*⁵⁷.

Скит расположен в урочище Гишло Шепсинского с<ельского> совета. Количество и состав скита я точно не знаю. Из разговоров Сергия с владыкой о живущих и молящихся в этом скиту я запомнил монахинь: Агнию, Марину и Нину Карчинскую, о которых Сергей часто рассказывал владыке».

Как уже указывалось, на следующий день, 27 сентября 1929 года, в Канаш-Тапе была обнаружена подземная церковь Серафимо-Тихвинского скита. А еще через день, 28 сентября, гэпэушники нагрянули с обыском в Заповедное в Троицкий скит — усадьбу иеромонаха Макария (Олейникова). Самого иеромонаха Макария дома не было (как выяснится позднее, он был в этот момент в Майкопе), и обыск производился в присутствии его старшей дочери. По-видимому, в доме ничего представляющего интерес для следствия не было, а вот на участке...

«Акт осмотра нелегальной подземной церкви, находящейся в селении Заповедное Туапсинского района на участке гр<ажданина> Олейникова Моисея Никифоровича.

1929 года сентября 28-го дня я, уполномоченный С<екретного> О<тдела> Черноморского Окр<ужного> Отд<еления> ОГПУ... в присутствии граждан селения Заповедное <...> осматривали усадьбу со всеми постройками, принадлежащую гр<ажданину> Олей-

⁵⁷ Согласно показаниям на допросе самого Сергия Сингалевича — в 1927 году в Москве в Даниловом монастыре.

никову Моисею Никифоровичу, он же является иеромонахом Макарием. В результате осмотра обнаружили: полуподвальное помещение, с внешней стороны имеющее вид погреба, крытое дранкою. Внутренняя часть оборудована: две небольшие комнаты (похожие на монашеские кельи) под жильё, остальная часть помещения приспособлена под церковь, где имеется амвон, два клироса, царские врата с правым и левым входом в алтарь. Размер алтаря 3 аршина в длину, 3 аршина в ширину и $2\frac{3}{4}$ вышиной. Помещение для молящихся размером 4 аршина в длину, 4 аршина в ширину и 3 аршина вышиной.

В алтаре поставлено два столика, покрытых скатертью, на одном из них лежат крест и Евангелие. В правом и левом углу алтаря повешены несколько штук икон. Около правого клироса поставлен аналой без покрывала. Никакой другой церковной утвари в помещении церкви нет. Пол, стены и потолок всего помещения с внутренней стороны обшиты горбулями и стены побелены известью. С наружной стороны около помещения навалена куча земли, еще достаточно несслежавшейся, что свидетельствует о том, что церковь построена не позже мая-июня месяца текущего года. Внутренняя часть церкви — иконостас — также не закончена постройкой, отсутствуют двери в царские врата, а также входные двери в алтарь у правого и левого клироса. В алтаре имеются с наружной стороны два оконца размером $6\frac{1}{2}$ вершка в квадрате, помещение для молящихся не освещается совершенно.

Все вышеизложенное и постановили занести в настоящий акт.

Подписи...»

В тот же день ГПУ получило информацию о тайниках в Заповедном. Иеромонах Иустин (Смирнов) показал на допросе от 28 сентября 1929 года:

«Живя вместе с епископом Варлаамом, я был посвящен в очень многие тайны его деятельности и даже способы скрывания различных документов и материалов, относящихся к работе организации и в особенности направленных против власти. За возможность обнаружения таких документов Варлаам особенно опасался, и поэтому для их хранения он заимел целый ряд тайников, в которые прятал документы, книги, особенные вещи и т<ому> п<одобное>. Было ли среди этих вещей какое-либо оружие, я не знаю точно, но поручиться за его отсутствие я также не могу, так как это мог делать владыка через Марию, которая пользовалась у него неограниченным доверием и знала самые сугубые тайны нашей организации.

Местами, в которых владыка прятал свои документы и вещи, являлись:

- 1) Пространство между потолком хаты и полом церкви, замаскированное доской, составляющей раму люка, идущего из комнаты владыки в церковь. Если лезть по лестнице лицом к стенке, то, поднявшись до обреза люка, надо повернуться назад и выдвинуть доску вверх. Образующееся пространство между потолком и полом являлось тайником Варлаама для хранения документов.*
- 2) Вторым местом являлось пространство между крышей кухни и крышей церкви. Сюда прятали различные черносотенные и церковные книги, которые Варлаам давал читать членам организации. Эти книги были как в библиотеке: прочитывалось одним и передавалось другому. Кроме того, сюда прятали вещи, церковную утварь и какие-то свертки, о содержании коих я не знаю, так как ходил туда редко и не один, а всем этим заведовала Мария Гершуненко.*

В последнее время Варлаам стал особенно осторожен и подозрителен, в силу чего эти тайники, как находящиеся в самом доме, его уже не удовлетворяли, и он сделал еще два новых вне дома.

- 3) *Когда подходишь к хате Марии, то, немного спустившись направо от хаты, есть разработанная, раскорченная площадка метров 5 в длину и метра 3 в ширину. Посередине площадки в землю врыт бочонок, одно дно которого было выбито и служило лазейкой в бочонок, являвшийся укрытым местом для сокрытия различных антисоветских документов, которые Варлаам и Мария писали и рассылали по подведомственным им организациям: совещанию пресвитеров, настоятелям общин, иеромонахам-проповедникам и т<ому> п<одобным>. Кроме того, там же владыка хранил кое-какие вещи и церковную утварь.*
- 4) *Последним местом являлось углубление, выкопанное по указанию Варлаама его сыном Боголепом под камнем, находящимся в углу сада. Если смотреть от хаты, то надо идти по тропинке направо и затем немного вверх, не доходя до самого угла, есть малозаметная тропинка влево, ведущая к большому камню, под которым имеется пространство, в которое владыка и прятал книги и документы. Содержание этих книг и документов я точно не знаю, но как Варлаам мне сказал, что если власть у него их обнаружит, то его, наверное, расстреляют».*

Чекисты оказались очень толковыми и по полученной легенде обнаружили все четыре тайника на следующий день:

«ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

29 г<ода> сентября 29 дня, селение Заповедное.

На основании ордера за № 82 от 29/IX-29 г<ода>, выданного Управлением Туап<синской> комендатуры ОГПУ, я, Пом<ощник> Коменданта... совместно с Уполномоченным 2-й группы Комендатуры <...> в присутствии понятых <...> произвел сего числа обыск в доме гражданки Гершуненко Марии и месте пребывания епископа Варлаама, причем в процессе обыска было обнаружено четыре тайника, а именно:

- 1) Тайник между потолком первого этажа и полом церкви, замаскированный доской, составляющей одну из сторон рамы люка, идущего из комнаты Варлаама в церковь. В данном тайнике были обнаружены документы, написанные от руки Варлаамом, послужной список монахинь Серафимо-Тихвинского женского скита, переписка на имя Варлаама и чистая белая бумага, приспособленная для письма под копирку.
- 2) Тайник юго-западнее обители, шагах в 15 от последней, образованный путем врытия в землю деревянного бочонка, одна сторона коего, являющаяся входным отверстием, была тщательно замаскирована камнями. В данном тайнике обнаружена разная переписка и книги.
- 3) Тайник на чердаке церкви, расположенной во втором этаже обители. Обнаружено: библиотека черносотенно-религиозного толка и утварь церкви, а именно: кресты, иконы. Тайник был замурован.
- 4) Тайник северо-западнее обители, шагах в ста в лесу, под скалой. Вырыто углубление и тщательно замаскировано осколками этой же скалы. В тайнике обнаружено: литература черносотен-

но-религиозного толка, карта железных, водных и шоссейных путей сообщения Европейской части СССР, медный наперстный крест, браунинг за № 62763, со следами ржавчины, с надтреснутой ручкой (правой щечки), вымазанный грязью масло от икон Серафима и мир.

ОПИСАНИЕ ОБИТЕЛИ

Обитель, именуемая имени 12 апостолов, расположена в урочище Заповедном, в 14 верстах от Туапсе, в горах с труднопроходимой тропой в летнее время и почти недоступной в зимнее. Обитель представляет из себя двухэтажное строение длиной около 8¹/₂ метра и шириной 4 метра. Внутри нее имеется 12 келий, в одной из них проживал епископ Варлаам и иеромонах Иустин. Второй этаж обители представляет церковь из алтаря и общей молельни, где совершалось богослужение Варлаамом и Иустином. Вместимость церкви 25 человек.

Настоящий акт составлен в 2 экземплярах, один из коих приобщен к следственному делу, а другой хранится в делах Комендатуры».

В материалах следственного дела нет отдельного документа об осмотре нелегальной церкви епископа Варлаама (Лазаренко), хотя ее должны были обнаружить еще при аресте Иустина (Смирнова) 25 сентября. Однако о ней лишь между делом упомянуто в приведенном протоколе обыска. Нет в деле и ее фотографий, а в списке фотокарточек только:

«№ 14. Общий вид "Обители 12 апостолов" (дома Марии Гершуненко в урочище Заповедном), служившей резиденцией главы организации епископа Варлаама.

№ 15. Вход в келью Варлаама. Внизу вход в подвальное помещение».

Зато есть фотографии тайников и подземной церкви:
 « № 16. Тайник Варлаама "под скалой" сейчас же после обнаружения и вскрытия.

№ 17. Тайник Варлаама бочонок до вскрытия, но уже после снятия маскировочного земляного покрытия.

№ 18. То же, после вскрытия.

№ 19. Иконостас подземной церкви епископа Варлаама, расположенный в урочище Заповедном на участке Марии Гершуненко.

№ 20. Группа икон, нарисованных Варлаамом для подземной церкви "Обители 12 апостолов". Слева видна вынутая из стены печь.

№ 21. Кресты и мелкие иконы, изъятые в скитских подземных церквях».

Очевидно, следствие гораздо больше интересовали подземные — катакомбные — церкви. И, по-видимому, не случайно, несмотря на свои подробные показания об обителях и общинах и даже о тайниках епископа Варлаама, иеромонах Иустин (Смирнов) все же умолчал о подземной церкви их обители. О ней узнали позднее — осмотр проведен только 14 октября 1929 года.

«Акт осмотра подземного храма
 "Обители 12 апостолов", обнаруженного на участке
 дома Марии Гершуненко в урочище Заповедном
 Вельяминовского с<ельского> совета
 Туапсинского района Чер<номорского> Окр<уга>

1929 г<ода>, октября 14-го дня, мною, Пом<ощником> Коменданта по С<екретно>-О<перативной> Ч<асти> Туапсинской Погран<ичной> Комендатуры У<правления> ОГПУ... совместно с Уп<олномочен>ным К<омендату>ры... в присутствии Уполномоченного с<ельского> совета <...> и понятого гр<аждани>на <...> произведен осмотр подземной церкви, расположенной в 20 шагах юго-восточнее дома, на участке Марии Гершуненко.

С внешней стороны вход в церковь тщательно замаскирован сколоченной из срубов дверью, засыпанной сверху пластами земли. Наружным осмотром кроме того было выявлено, что кроме основного входа в помещение церкви, устроенного со стороны рва, имеется еще два входа в форме люков, ведущих по лестницам: один в помещение церкви и второй в алтарь, каковые также тщательно замаскированы землей и кустарником.

С внутренней стороны церковь представляет из себя довольно обширное помещение: 10 метров длину и 3 метра в ширину. Сама по себе постройка имеет капитальный характер. Потолок сделан из толстых дубовых брусьев, стены по столбам обшиты дранкой, пол — деревянный, дощатый. У одной из стен устроена большая железная печь с выведенной на поверхность трубой, что говорит за то, что эта подземная церковь была приспособлена для богослужений и в зимнее время.

Помещение церкви разделено на общий зал и алтарь. Оборудование состоит из 32 икон различного формата, из коих большинство писаны масляными красками на фанере и не лишены художественности. Остальные иконы фабричные в отделке и писанные на железе.

В церкви оборудованы иконостас, клирос, аналой, царские ворота с правым и левым входом, ведущими в алтарь. В алтаре оборудован престол, на стенах развешаны иконы и лампы.

Вместимость церкви на 30–40 человек.

Церковь находится в непроходимой чаще леса, окружена естественной колючей изгородью, лишена троп или каких-либо других доступов, в силу чего для наблюдения, а тем более проникновения в нее непосвященному человеку — почти недоступна, за исключением едва заметной просеки, сделанной внизу кустарника от одного из входов дома к главному входу в церковь, что и постановили занести в настоящий акт».

Возможно, об этой подземной церкви информация была получена во время допроса иеромонаха Макария (Олейникова). Как упоминалось выше, его не было в Заповедном, когда проводился обыск на его участке 28 сентября. Однако через неделю отец Макарий все же был арестован — согласно протоколу допроса от 5 октября 1929 года. В тот же день он был допрошен в Туапсе:

«Олейников Моисей Никифорович, в монашестве Макарий, год рождения 1871, вдовец, Черниговской губернии, Березовского уезда, Комаровской волости, село Клочковка, проживает в урочище Заповедное, Вельяминовского с<ельского> совета, Туапсинского района, Черноморского округа, служит в различных скитах и общинах иеромонахом. Русский, беспартийный, самоучка, имеет дом, огород, плантацию табака. До войны 1914 года, во время нее и во время Октябрьской революции занимался земледельчеством и монашеством, арестовывался в 1921 г<оду> за монашескую деятельность».

Будущий иеромонах Макарий с детства проживал на Кубани в станице Великовечная, куда вместе с родителями переехал еще в 1880 году. Овдовев, он много странствовал по монастырям, причем большую часть времени провел в Свято-Михайло-Афонской Закубанской пустыни, в 48 верстах от города Майкопа. В 1924 году он со своими дочками: Марфой (30 лет), Еленой (26 лет), Анной (23 года) — и сыном Георгием (19 лет) переселился в урочище Заповедное, по его словам, *«с целью ведения монашеской жизни в глуши гор и лесов».*

«Живя в урочище, — продолжал свои показания на первом допросе отец Макарий, — в 1925 году я познакомился с епископом Варлаамом, когда он посещал Иверский монастырь. После этого он уехал в Майкоп, и я несколько раз ездил туда к нему. В беседах он предлагал мне постричься в монахи, и в одну из моих поездок я был пострижен, только не лично Варлаамом, являющимся настоятелем "Михайловской Пустыни", а архиман-

дритом Моисеем, так как в этот период Варлаам куда-то выезжал».

На других допросах отец Макарий более подробно показал о том, что епископ Варлаам приехал с Украины сначала в Майкоп, где проживал в кладбищенской сторожке: *«В этот же период времени он стал завязывать связи с монастырями и скитами Туапсинского района. В частности, он посетил Иверский монастырь, расположенный на участке станицы Георгиевской, и нелегальный монастырь, возглавляемый иеромонахом Иоанном, расположенный в урочище Канаш-Тапе. Оба этих монастыря после посещения признали Варлаама как православного епископа и присоединились к нему. Позднее в 1926 или 1927 году оба этих монастыря были закрыты, и монашествовавшие в большинстве поуходили на Псху и через горы на Кубань».*

Информация о двух монастырях, признавших епископа Варлаама, весьма примечательна. О нелегальном монастыре отца Иоанна в дальнейшем показал на допросах и сам епископ Варлаам. По его описаниям, этот монастырь находился верстах в 10–13 от Заповедного на той же горе, что и Серафимо-Тихвинский, но по другому склону (поэтому непонятно, правильно ли утверждение отца Макария о том, что он располагался в урочище Канаш-Тапе). Организовался он вокруг архимандрита Иоанна, бывшего игумена Второ-Афонского Успенского монастыря под Пятигорском; очевидно, речь шла о схимандрите Иоанне (Мирошникове)⁵⁸, который, как известно, действительно в 1923 году уходил на Черноморье.

⁵⁸ Мирошников Федор Никифорович, родился в 1865. Постриженник Старого Афона, с 1904 — участвовал в строительстве Второ-Афонского монастыря на Бештау под Пятигорском; с 1917 — игумен. Был репрессирован, после заключения вернулся в Пятигорск, в послевоенные годы — настоятель Покровского храма. В 1956 — скончался.

По словам епископа Варлаама, архимандрит Иоанн поселился в горах после упразднения Пятигорского монастыря, взял участок земли, откуда-то к нему собрались монахини, по-видимому, из упраздненных монастырей. Епископ видел там около двадцати монахинь, позднее на допросе показал: *«Занимаются все они сельским хозяйством: огородничеством и садоводством, — кроме того, по нескольку сестер летом отправляются на Кубань на заработки хлеба, рукодельничают и держат коз. Корову при мне съели волки, сеют кукурузу, с полделянки которой уничтожил медведь; кроме того, часто вредят дикие свиньи».*

Что касается Иверского монастыря, то епископ Варлаам в своих показаниях о нем не упоминал. Ничего не говорили и другие арестованные, кроме игумена Игоря (Баля), который так же, как и иеромонах Макарий, встречался с епископом Варлаамом в монастырской гостинице в 1925 году. По-видимому, в этом же году монастырь был закрыт и разорен, так как в дальнейшем о нем никаких сведений нет⁵⁹.

Весной 1926 года епископ Варлаам перебрался в горы, когда, по словам отца Макария, дальнейшее пребывание в Майкопе ему грозило арестом: *«Сначала жил в келии иеромонаха Игнатия (выехал неизвестно куда), затем у монахини Рафаилы (Чикорской), у которой жил также иеромонах Игорь (Баль), а потом Мария*

⁵⁹ Менее двух десятилетий просуществовала эта обитель (официально не успела получить статуса монастыря и именовалась Иверско-Алексеевская женская община в окрестностях посада Туапсе), и о ней прочно забыли. Между тем ее история, довольно краткая, но весьма драматичная и скорбная, заслуживает самого пристального внимания. В последнее время начали появляться первые публикации в местной прессе и в интернете, что дает надежду на то, что историческая память будет восстановлена и описание Иверско-Алексеевской обители займет достойное место в истории кавказского монашества.

Гершуненко, которая безотлучно находилась при нем и приехала еще с Украины, купила на свое имя известный уже вам дом и участок в урочище Заповедное, куда они с Варлаамом и переселились».

С 1927 года, когда епископ Варлаам уже окончательно поселился в Заповедном, отец Макарий часто с ним молился и бывал с епископом в других общинах. Так, осенью 1928 года он был в Серафимо-Тихвинском скиту при посвящении мантийной монахини Евфросинии в игуменьи с назначением руководить всеми монашествующими на Черноморье. В дальнейшем уже после принятия священства отец Макарий постоянно совершал богослужения в Серафимо-Тихвинском скиту. Также служил он и в станице Хадыженской, где еще в начале 1928 года образовалась община в 20–30 человек, и службы проводились в доме Прокофия Сопнева (брат его Петр Сопнев, иеромонах, жил на горе Псху).

Во иеромонаха отец Макарий был рукоположен не епископом Варлаамом, а епископом Алексием (Буюм). Для этого епископ Варлаам летом 1928 года направил отца Макария на Украину с письмом к отцу Василию Подгорнову, и тот, по словам отца Макария, «дал мне денег и направил с письмом в гор<од> Елец к епископу Алексию». Епископ Алексий рукоположил отца Макария во иеромонаха и отпустил с письмом для епископа Варлаама. Возвратившись из Ельца к отцу Василию, иеромонах Макарий по его поручению объехал некоторые приходы на Украине, где провел богослужения и беседы; в одном из сел ему передали для епископа Варлаама икону Божией Матери; отец Василий также передал ему письмо для владыки Варлаама. «Я приехал в урочище Заповедное, передав Варлааму письма от епископа Алексия и о<тца> Василия, а также икону, переданную ему через меня от верующих не помню какого села Украины».

С января 1929 года отец Макарий окормлял общину в городе Туапсе, а с Великого поста — монашескую об-

щину на хуторе Гишла — Пустынно-Тихвинский скит монаха Сергия (Сингалевича). В Туапсе службы сначала проходили в доме Матрены Яковлевны Шаровой на улице Московской, № 58, а потом для "скрытности" в доме Григория (фамилию его отец Макарий не знал) на Майкопском шоссе. Примечательно, что, несмотря на нелегальное положение, при организации общин соблюдался административный порядок. Так, отец Макарий в своих показаниях о первой встрече с верующими в доме Шаровой показал, что *«объяснил им цель прихода, переписал их всех и организовал их религиозную тихоновскую общину, во главе которой по указанию Варлаама была поставлена Матрена Яковлевна Шарова. После этого я их всех поисповедовал, оформив таким образом церемонию принятия в члены общины. По возвращении я доложил о результатах владыке и передал ему список общины»*.

По поручению епископа Варлаама отец Макарий часто ездил в Майкоп к архимандриту Моисею (Астахову), бывал у благочинного игумена Петра (Базыкина), но других майкопских отцов почти не знал. Большую часть времени, по его словам, он находился у себя дома, и к нему постоянно приходили люди: *«Мой дом был приютом для различных странников и монахов, которые, проживши у меня некоторое время, уходили дальше. Часто ко мне приезжали люди с Украины, которых я водил к Варлааму, знакомил их, и после беседы владыка их отпускал с миром, и они уезжали обратно. Богослужения в своей подземной церкви вел я сам лично»*.

Иеромонах Макарий на допросах не скрывал отношение епископа Варлаама (Лазаренко) к советской власти, подчеркнув, что тот *«был настроен резко против власти, говоря, что власть морит голодом народ, мучает его, что народ в свою очередь очень недоволен ею, скоро ее свергнет и что наша задача как истинно-верующих христиан разъяснять несчастному народу о необходимости*

скорейшего свержения этой жидовской власти безбожников». По показаниям иеромонаха Макария, епископ Варлаам часто говорил о скором падении советской власти, поскольку, кроме внутреннего недовольства народа, на коммунистов собираются войной все европейские державы. Эта война ожидалась в самое ближайшее время, в результате в России должен был воцариться брат царя Николая Михаил, который якобы жил за границей⁶⁰.

«После свержения Советской власти и восшествия на престол царя Михаила будет созван Вселенский собор, который объявит еретиками и изменниками всех обновленцев, сергиевцев и тому подобных, и в России будет единая тихоновская Православная Церковь, — показал отец Макарий, подчеркнув далее, — лично я целиком разделяю эту политическую платформу, ибо сама жизнь и бедствия неизбежно должны привести к такому концу, ибо евреи долго управлять русским народом не смогут, и народ захочет царя, чтобы свободно жить и молиться без притеснений, не укрываясь в лесах и горах».

Об этом же (но без прогнозов о будущем "воцарении") показал еще на первом допросе иеромонах Иустин (Смирнов): *«Основной темой всех проповедей, которые говорил Варлаам при богослужении, при посещении входящих в организацию скитов и общин, а равно при посещении духовенством, игуменами и настоятелями скитов и общин, был разговор и убеждение всех, кому он говорил, в том, что Советская власть, отступившая от Бога, загнала истинно верующих в подполье, разгоняет монастыри, закрывает храмы Божии, гнушается верой, заставляет бежать в леса и пустыни потому, что во главе ее стоят жиды и люди, продавшие себя антихристу. Но несмотря*

⁶⁰ Следует заметить, что в то время было весьма широко распространено мнение о том, что брат Николая II жив, и нередки были даже случаи появления различных самозванцев, выдававших себя за него.

на то, что власть заставила трепетать народ, морит его голодом, сажает в тюрьмы, мера терпения народного иссякает. Не только крестьянство, но и городское население не сможет долго стонать в тисках кучки еретиков, жидов и коммунистов, близок час, когда народ восстанет, восторжествует мир и благоденствие. В заключение он призывал терпеть, крепиться в ожидании лучших дней, когда всем терпящим за дело Христово будет воздано по заслугам, а от Советской власти останется только жуткое воспоминание в поучение и назидание потомству.

Эти проповеди Варлаама повторяли все слышавшие его монахи и духовенство, стараясь внедрить его мудрые мысли не только среди своих, но и среди других верующих из окружающих селений».

На втором допросе отец Иустин особо отметил: «С момента моего знакомства с епископом Варлаамом, т<о> е<сть> с 1927 г<ода>, я сразу же заметил, что владыка этот является выдающейся личностью, исключительно стойким и твердым тихоновцем, имеющим колоссальный авторитет в массах верующих и обладающим большим влиянием не только на верующих людей, но и на монашество и духовенство тихоновской ориентации».

Это влияние епископа Варлаама отец Иустин видел в том, что владыка руководил целым рядом нелегальных скитов, обителей и общин, которые, конечно же, по версии следствия, представляли собой «стройную, монолитную, хорошо зашифрованную организацию, связанную круговой порукой, на случай провала одной из частей... с тем, чтобы при провале потерять одну общину, но сохранить всю организацию в целом». В этом ключе изложены показания и других обвиняемых. Так, в протоколах допросов и показаниях отца Макария (Олейникова) вся деятельность епископа Варлаама представлена как усиленное создание «контрреволюционной организации»: «В 1928 году Варлаам связался с суздальскими монашками, проживающими на Канаш-Тале, с

Сергием Сингалевичем, проживающим на Гишло, с Каюдинами, Порфирием и Иваном, проживающими близ Пеуса, и др<угими>. Попутно начал рукополагать в монахи и иеромонахи, начал создавать скрытые общины и т<ому> п<одобные>. Лично я, как уже говорил раньше, создал по его приказанию общину в ст<анице> Хадыженской, гор<оде> Туапсе и на хуторе Гишло. Таким образом, он стал во главе тихоновских общин на Украине, в Майкопском и Черноморском округах, а с другой стороны, он подчинился архиепископу Ленинградскому Димитрию Гдовскому, являющемуся руководителем всех тихоновских организаций по всей России.

Связь со всеми общинами и архиепископом Димитрием Варлаам поддерживал лично посещением, путем посылки нарочных, письмами и вызовом к себе отдельных руководителей. Для улучшения руководства в г<ороде> Майкопе им было организовано постоянное совещание пресвитеров, во главе коего был поставлен старый сподвижник Варлаама — архимандрит Моисей».

Епископ Варлаам действительно создал епархиальный орган — "Постоянное совещание пресвитеров", о котором написал в докладе архиепископу Димитрию (Любимову). Членами совещания были майкопский священник Александр Алимов, иеромонах Даниил (Косоруков) и священник Павел Чижов, а председателем архимандрит Моисей (Астахов) — наместник Свято-Михайловской Закубанской пустыни. В своих показаниях отец Моисей признал, что епископ Варлаам считал его своим заместителем.

С Майкопом у епископа Варлаама вообще сохранялись прочные связи. Здесь была его основная паства, и он не оставлял ее без духовного окормления. Еще в 1925 году по ходатайству верующих он был назначен епископом Майкопским, и тогда же братией Свято-Михайловской пустыни избран настоятелем, и в дальнейшем, несмотря на свое нелегальное положение, осуществлял руководство своей епархией до самого ареста.

Общины Майкопского и Армавирского округов

В Майкопском округе у епископа Варлаама были не только тайные (закрытые), но и открытые, то есть легальные общины. В списке они значатся как "молитвенные дома открытые":

*«Дагестанская — игумен Петр Базыкин.
Пшехская — иеромонах Михаил Семиног.
Лабинская — иеромонах Неофит.
Ханская — священник Димитрий Кравцов.
Курджипская — священник Павел Чижов.
Сахрайская — иеромонах Виссарион».*

Конечно, у этих общин были не храмовые здания, а лишь дома, приспособленные под богослужения. Но тем не менее они являлись легальными, зарегистрированными общинами верующих, и не малочисленными. Так, например, известно, что в станице Пшехской числилось не менее тридцати дворов. В Дагестанской у игумена Петра (Базыкина), согласно его показаниям, было до ста пятидесяти человек с детьми.

Для этих общин епископ Варлаам назначил специального благочинного — Петра (Базыкина), игумена Свято-Михайловской пустыни. Служившие в ста-

ницах Пшехской и Сахрайской иеромонахи Михаил (Семиног) и Виссарион (Иванюков) также были из Свято-Михайловской пустыни. Из служивших в закрытых, то есть в тайных общинах из этого монастыря были сам наместник пустыни архимандрит Моисей (Астахов) в Майкопе и иеромонах Климент (Алексеенко) в станице Абадзехской. Еще два иеромонаха хотя и не упомянуты в списке епископа, но были привлечены по его делу: Ксенофонт (Круц Кузьма Иванович), служивший в станице Тульской, и Алексей (Зинченко Сергей Гаврилович) — в станице Засовской.

В некоторых показаниях упоминался иеромонах Иннокентий (Кухарев), служивший в станице Отважной. Но в материалах дела его нет. Очевидно, ареста он избежал так же, как и иеромонахи Климент (Алексеенко), Иегудиил (Панов), служивший в станице Зеленчукской, Илиодор (Ильяшенко) — в Удобной.

В деле есть свидетельство еще об одном насельнике Свято-Михайловской пустыни. Это прошение иеромонаха Исаакия (Масенчука) из станицы Отважной с его подписью и подписью "благочинного канонических общин Май<копского> округа игумена Петра".

«Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко и архипастырь Варлаам! Наша святая обитель Михайло-Афонская пустынь совершенно ликвидирована властью, а нам приказали уходить, кто куда хочет, и нам пришлось разойтись в разные стороны, как овцам без пастыря, а тем более нас с иеромонахом Рафаилом выслали административно из Майкопского округа. Мне пришлось остановиться в станице Отважной. И вот я со времени присоединения нашей братии к православию канонической Церкви и до сего времени не отступал ни в какую организацию вроде обновленческой или сергиевщину, и Богу, помогающему мне, отступить не буду, а по сему прошу Ваше Преосвящен-

ство принять меня под Ваше отеческое покровительство.

К сему Вашего Преосвященства низжайший послушник

иеромонах Исаакий»⁶¹.

Подписано это прошение 26 августа / 9 сентября 1929 года.

На допросе епископ Варлаам по предъявлении этого документа, изъятого при обыске, признал: *«Это прошение от Исаака Масенчука с просьбой принять его группу в ст<анице> Отважной, было также приложено коллективное заявление от его группы в числе 11 человек. Не успел связи с ними наладить, так как прошение ко мне попало не лично, а было кем-то передано в сентябре, а вскоре начались аресты»*.

Когда игумен Петр (Базыкин) вернулся из поездки по своему благочинию и готовился ехать с докладом к епископу Варлааму, от майкопского священника отца Александра Алимова он узнал о начавшихся арестах на побережье. Отцу Александру об арестах сообщил, по его словам, в иносказательной форме Иаков Смирнов (отец

⁶¹ Иеромонах Исаакий (Масенчук Иван Галактионович) был арестован в 1933 году и проходил по делу «Южно-Русского Синода» (в материалах того дела его фамилия дается как «Мостынчук» или «Мостенчук»). Упомянутый в его прошении иеромонах Рафаил — это Рафаил (Клыбиков Максим Максимович), также арестованный в 1933 году как «наместник» епископа Варлаама и *«руководитель Майкопского филиала к<онтр>р<еволюционной> церковно-монархической организации»*. Он обвинялся в том, что *«оборудовал в Майкопе и окрестностях 3 тайные пещерные церкви, где под видом молений проводил среди казаков к<онтр>р<еволюционную> работу»*. Иеромонах Исаакий в «Обвинительном заключении» назван *«маршрутником иеромонаха Рафаила, по заданию последнего систематически разъезжал по станциям для вербовки новых членов в к<онтр>р<еволюционную> организацию»*. Оба иеромонаха приговорены к расстрелу.

Иустин) в письме от 4 сентября⁶², а через неделю приехал иеромонах Макарий (Олейников) и сообщил о бегстве Варлаама с сыном и Марией.

Позднее на другом допросе отец Александр рассказал подробно, что епископ Варлаам был у него после своего бегства, дня через четыре после первого посещения Олейникова. Заходил он вместе с отцом Макарием и сказал, что сыновей отправит на Украину, а сам туда не может, поскольку его все знают, и поедет в сторону Армавира, потом сообщит адрес. Но тут уже начались аресты в Майкопе и округе...

Как ни странно, первыми были арестованы псаломщицы открытых общин: 1 октября 1929 года в станице Лабинской — Евдокия Пименовна Петренко и 6 октября в станице Пшехской — Елизавета Павловна Зубкова. 9 октября арестованы как настоятели открытых общин — игумен Петр (Базыкин) в станице Дагестанской и иеромонах Неофит (Енин) в станице Лабинской, так и служившие в Майкопе закрыто — архимандрит Моисей (Астахов) и священник Александр Алимов. 10 октября арестованы иеромонах Петр (Сопнев) и его брат Прокофий — в станице Хадыженской. 11 октября — отец Дмитрий Кравцов в Ханской, отец Михаил Семиног в Пшехской, отец Павел Чижов в Курджипской, отец Даниил (Косоруков) в закрытой общине станицы Тульской. Аресты продолжались и в ноябре. Всего из Майкопского округа по делу было осуждено семьдесят человек. Все они обвинялись как *«участники к<онтр>р<волюционной> религиозно-монархической организации»*, возглавляемой епископом Варлаамом.

На допросе священника Александра Алимова выяснились следующие подробности создания этой "организации". Александр Алексеевич Алимов, уважаемый в Майкопе фельдшер — врачебной практикой он здесь

⁶² Возможно, он ошибся или сказал дату по старому стилю.

занимался много лет, начав еще задолго до революции после окончания Тифлисского медицинского училища, — познакомился с епископом Варлаамом, согласно показаниям на допросе, в 1925 году, сразу же после того, как владыка приехал и отслужил в Воскресенской кладбищенской церкви. *«Богослужение Варлаама прихожанам понравилось, в том числе и мне, и по просьбе церковно-приходского совета Варлаам изъявил желание остаться в Майкопе при Воскресенской церкви».*

Потом епископа Варлаама арестовали, и он только осенью 1926 года написал из Москвы, что его освободили из Бутырской тюрьмы, что пока ждет документы и, может, недели через две вернется. *«Через месяц написал, что он в горах верстах в 12 от Туапсе, намерен купить сад в Заповеднике, просил помощи. Письмо получил Моисей Алифанов. Обсудили и послали 150 руб<лей>. Связь была налажена».* Переписка шла через монахиню Маргариту (Гершуненко) до востребования, потом через иеромонаха Иакова (Смирнова), а в последнее время через мирянку Марию Шарову или с оказией.

Несколько раз Александр Алимов бывал у Варлаама; летом 1927 года они поехали втроем (*«это был первый, так сказать, визит»*): архимандрит Моисей (Астахов), Александр Алимов и проводник Моисей Алифанов (он, кстати, в своих показаниях признает, что епископ Варлаам у него скрывался в 1926 году в течение нескольких месяцев). У владыки Варлаама пробыли полтора дня, все время в молитве, кроме них была монахиня Мария и какой-то старик. Дальше переписка продолжалась тем же путем, деньги посылали, возила мирянка Евдокия Саас, которая привозила и передачи; приезжал также и иеромонах Иаков (Смирнов).

Вторая поездка состоялась осенью 1927 года, когда Александр Алимов отправлял сына епископа Бориса, который пребывал у него в Майкопе на лечении. Третья поездка — летом 1928 года в связи с лечением само-

го Варлаама, упавшего с верхнего этажа и сломавшего два ребра. По показаниям Алимова: *«Без проводника я блудил по лесу часов 6. Едва набрел на усадьбу хуторянина... который обещал довести до сада Марии, но на этот раз этой же дорогой шел к Варлааму монах Игорь Баль и проводил меня до больного»*.

Четвертая поездка Алимова — осенью 1928 года с семейством Александра Яковлевича Генералова, его сестры и матери. В поезде на Греческом полустанке встретили Алексея Гужбу, родственника Моисея Алифанова, везшего продукты Варлааму. Поехал с ними на *«Новый двор — на горе Канаштапе, в 22 верстах от Старого, где пробыли два 2 дня»* (очевидно, "Новый двор" — это Серафимо-Тихвинский скит). И, наконец, пятая его поездка была в ноябре 1928 года, когда Александр Алексеевич Алимов был рукоположен во священники *«на Новом дворе в Канаштапе»*.

Отец Александр признал, что переписывал различные церковные документы. Первое послание епископ Варлаам прислал еще в сентябре 1927 года: оно было озаглавлено "Патриаршему синоду возражение против декларации". Владыка Варлаам просил переписать его и передать архимандриту Моисею (Астахову) для ознакомления монашеской братии монастыря. После первого воззвания, по словам отца Александра, поступали воззвания через приходящих ходяков: *«Всего 18 разнохарактерных — одни чисто религиозные вопросы разрешали, другие с политической окраской антисоветского характера. Переписывались они мною, отчасти Генераловой и Бобрышевой, после копирования давались Моисею Астахову для братии монастыря и распространялись среди других членов организации»*.

Распространение этих церковных документов расценивалось властями как самая враждебная *«антисоветская пропаганда»* и *«монархическая агитация»*, "логическим выводом" из которой, как подчеркнуто

в "Обвинительном заключении", «являлась усиленная агитация за повстанчество». Недаром при обысках все рукописи и машинописные документы тщательно изымались у арестованных в домах, в церквях и молельнях, в тайниках в горных скитах, после чего всё до последней бумажки старательно подшивалось к материалам дела в качестве вещдоков⁶³, а распространителям и тем более составителям этих документов вменялось в вину «внедрение повстанческих замыслов в гуцу населения». И потому они все так жестоко наказывались, и в обвинении обязательно отмечалась их причастность к распространению антисоветских документов.

Так, был приговорен к расстрелу житель Майкопа Сергей Иванович Свенский, обвиненный в том, что как «участник Майкопского филиала к<онтр>р<еволюционной> организации» переписывал бумаги для организации. На допросе Сергей Иванович признал, что «по просьбе Алимова, из уважения к нему как к врачу, переписывал для него бумаги». Пять лет концлагеря получила Анна Яковлевна Генералова, 27 лет, как «переписчица получаемых от Варлаама воззваний». В показаниях она признала, что по просьбе Александра Алимова, к которому ходила лечиться, «переписывала его проповеди в нескольких экземплярах, понимала, что они носят а<нти>с<оветский> характер». К восьми годам концлагеря приговорена упомянутая как "переписчица" и девятнадцатилетняя Мария Кузьминична Бобрышева, входившая в церковную общину станицы Пшехской.

Характерен и пример Дмитрия Иосифовича Неведомского из станицы Белореченской. В следственном деле приведена выдержка из его письма в феврале 1929 года, в котором он благодарил епископа Варлаама за принятие его общины в духовное окормление: «Где

⁶³ Вещдок — вещественное доказательство.

ни быть, от козней сатанинских не уйти нам, придется рано или поздно вступить открыто в борьбу с дьяволом, но так как мы слепы во всех отношениях и без посторонней помощи совершенно не можем идти дальше, то просим Вас как отца нашего духовного не оставить нас грешных в своем водительстве». В материалах следственного дела эти слова были "расшифрованы" как «борьба с Советской властью», причем борьба истолковывалась в чисто политическом смысле.

На заданный далее вопрос: *«Какими средствами вы располагали для открытой борьбы с сов<етской> властью?»* — полученный ответ был записан и истолкован в нужном ключе: *«В связи с тем, что открытое моление притеснялось, мы ушли в подполье, с которого и повели пропаганду путем переписывания-распространения получаемых от Варлаама а<нти>с<оветских> воззваний, внедряя таким образом в круг своих единомышленников сознание о невозможности общения с Сов<етской> властью как властью антихриста и с теми, кто общается с этой властью».*

Несмотря на то что Д. И. Неведомский, как почти и все обвиняемые, не скрывавшие своего отрицательного отношения к советской власти, писал и говорил лишь о духовном неприятии и сопротивлении, все они были осуждены по политическим обвинениям как участники контрреволюционной организации, преследовавшей чисто политические цели — подрыва советской власти вплоть до ее свержения. В "Обвинительном заключении" по делу подробно излагалась вся эта "деятельность" и особо подчеркивались "повстанческие настроения": *«Своей целью организация ставила объединение реакционных слоев казачества и подготовку их к вооруженному восстанию для свержения существующего строя и реставрации монархии».*

Не случайно столь жестоко расправились со всеми ее "участниками". Шестьдесят обвиняемых по делу приго-

ворены к высшей мере — из них только восьми осужденным заменили расстрел десятью годами концлагеря. Остальные пятьдесят два человека были расстреляны — среди них все священнослужители Майкопского округа; более половины из них были монахами, в большинстве своем бывшими насельниками закрытой Свято-Михайловской пустыни:

- архимандрит Моисей (Астахов Мартын Кондратьевич) — наместник Свято-Михайловской пустыни (монах с 1888 года). Председатель пресвитерского совета. Служил тайно в доме Моисея Алифанова в Майкопе;
- игумен Петр (Базыкин), настоятель молитвенного дома станицы Дагестанской, благочинный открытых молитвенных домов, бывший насельник Свято-Михайловской пустыни. В сан игумена был возведен епископом Варлаамом — в материалах дела имеется ставленническая грамота. В августе 1929 года присутствовал на открытии тихоновских общин в станицах Ханской, Пшехской, Лабинской, Засовской и Отважной;
- иеромонах Алексей (Зинченко Сергей Гаврилович), с 1898 года был насельником Свято-Михайловской пустыни до ее закрытия, затем стал настоятелем молитвенного дома в станице Засовской. Его нет в списке епископа Варлаама, однако в материалах дела есть резолюция владыки на заявлении группы верующих станицы Засовской о принятии их в молитвенное общение и назначении к ним иеромонаха Алексея (Зинченко). Вероятно, это произошло уже после написания епископом Варлаамом доклада, накануне арестов. Отец Алексей был арестован 22 ноября 1929 года как «участник Майкопского филиала к<онтр>-р<еволюционной> церковно-монархической организации епископа Варлаама»;

- иеромонах Виссарион (Иванюков Василий Семенович), насельник Свято-Михайловской пустыни, с 1919 года после закрытия своего монастыря в Херсонском уезде, с 1926 года служил в разных станицах, а с 1928 года настоятель Сахрайского молитвенного дома;
- иеромонах Даниил (Косоруков Дмитрий Тимофеевич), названный в материалах дела *«резервным иеромонахом, выполнявшим роль разъездного священника»*, на самом деле это бывший насельник Святогорского Успенского монастыря Харьковской губернии, позднее служивший в станице Ханской, а после Пасхи 1929 года самовольно ушедший в станицу Тульскую, чтобы служить в нелегальном молитвенном доме. Согласно его показаниям на допросе, был вызван в Майкоп отцом Александром Алимовым, и тот передал ему требование епископа Варлаама вернуться на служение в станицу Ханскую. Позднее по просьбе отца Даниила епископ разрешил ему отказаться от места в Ханской, назначив туда священника Димитрия Кравцова;
- иеромонах Иероним (Серга Иван Васильевич) — в списке епископа Варлаама указан как игумен; во время массовых арестов успел скрыться и был объявлен в розыск, о чем есть запись в приговоре по групповому делу от 27 февраля 1930 года. О дальнейшей его судьбе ничего не известно;
- иеромонах Климент или Климентий (Алексеенко Корнилий Николаевич) являлся братским духовником всего духовенства Майкопской епархии. Проживал и служил в станице Абадзехской. Во время массовых арестов он успел скрыться и был объявлен в розыск; лишь в 1933 году был арестован с привлечением к следствию по делу "Южно-Русского Синода" и приговорен к расстрелу;

- иеромонах Михаил (Семиног Моисей Ананьевич), насельник Спасского мужского скита в Змиевском уезде Харьковской губернии, в 1920 году после его закрытия пришел в Михайловскую пустынь, в 1928 году был рукоположен во иеромонаха епископом Варлаамом и направлен на служение в станицу Пшехскую;
- иеромонах Неофит (Енин Николай Иванович), поступивший в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в 1895 году, постриженный в мантию в 1903 году и рукоположенный во иеромонаха⁶⁴ в 1908 году. С 1927 года он стал настоятелем молитвенного дома в станице Лабинской. В материалах следственного дела есть копия письма отца Неофита некоему иеромонаху, служившему где-то на Кубани, возможно, даже в Краснодаре: «Дорогой о<тец> Иессей! Благодарю Вас, что Вы меня жалеете, но я об Вас тоже сильно жалею сердцем и молю Господа нашего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь, чтобы Вы поскорее усмотрели раскол м<итрополита> Сергия, которому Вы причислились, и к его лжепатриаршему синоду», — начинается письмо отец Неофит и далее спокойно, но твердо излагает антисергианскую позицию;
- иеромонах Петр (Сопнев Павел Тимофеевич), настоятель иноческой обители на хуторе Сопнева, юрте⁶⁵ станицы Хадыженской. Согласно его по-

⁶⁴ В деле есть копия удостоверения, выданного иеромонаху Неофиту настоятелем монастыря архимандритом Иларионом, с подробным перечнем всех его монастырских послушаний с момента поступления в общину, заверенное подписью архимандрита и приложением монастырской печати.

⁶⁵ «Юрт» — земельный надел станицы или хутора в казачьих областях.

казаниям, он был из казаков, *«религиозным человеком стал года два-три тому назад, до этого пил, гулял, танцевал и проч<ее>»*. Бывал в Иверском монастыре, слушал там проповеди епископа Варлаама; осенью 1928 года пошел на гору Псху с сыновьями 12 и 11 лет, зимовал там, а в марте 1929 года вернулся в родную станицу. После Пасхи пришел странник и попросился пожить в порожней хатке на хуторе; хозяин разрешил: *«Пожалуйста, живите»*. Гость оказался иеромонахом Иеронимом (Сергой); по его просьбе хозяева оборудовали из подвала скрытую келью, где стали собираться для религиозных бесед. *«Иероним уговорил рукоположиться в духовный сан, дал адрес, и я поехал к Варлааму на побережье, и он рукоположил в иеромонахи»*.

Вместе с иеромонахом Петром были также арестованы: его брат Сопнев Прокофий Тимофеевич и племянник, сын брата, Сопнев Георгий Прокофьевич — все трое были приговорены к расстрелу:

- иеромонах Родион (Саенко Роман Данилович) был объявлен в розыск, в материалах дела назван *«резервным иеромонахом на хуторе Черниговском Белореченского района»*, пострижен и рукоположен Варлаамом в декабре 1928 года. О дальнейшей его судьбе данных нет;
- священник Григорий Филиппович Мельников, с 1926 года служил псаломщиком в станице Дагестанской, а в августе 1929 года был рукоположен епископом Варлаамом по рекомендации игумена Петра (Базыкина);
- священник Димитрий Кириллович Кравцов, служивший в молитвенном доме в станице Ханской; до 1929 года был старостой в станице Тульской, затем владыкой Варлаамом был рукоположен

- и в октябре направлен в станицу Ханскую вместо арестованного иеромонаха Даниила (Косорукова);
- священник Павел Иванович Чижев, рукоположенный епископом Варлаамом для служения в станице Курджипской, до этого с 1920 года служил псаломщиком в станице Тульской, затем с 1928 года в станице Дагестанской;
 - священник Александр Алимов был рукоположен Варлаамом в 1928 году. Состав общины, по его словам, *«из четырех человек: я, жена Екатерина Алимова и двое родственников — Домна Шумакова и Александра Брюховецкая»* (судьба двух последних неизвестна, так как среди обвиняемых по делу они не проходят);
 - Екатерина Максимовна Алимова, жена отца Александра, также по делу не проходила, она была арестована в 1933 году по делу "Южно-Русского Синода"; обвинялась как *«активный член филиала к<онтр>р<еволюционной> организации»*, а также и в том, что: *«Скрывала в своем доме иеромонаха Рафаила Клыбикова, прятала у себя на дому, размножала и распространяла к<онтр>р<еволюционные> воззвания Антония Храповицкого; неоднократно присутствовала на собраниях в тайных пещерных церквях, где велась к<онтр>р<еволюционная> агитация, занималась среди верующих знахарством, спекулируя на своей прозорливости»*.

Екатерина Максимовна на допросе показала: *«Мой муж Алимов Александр Алексеевич был расстрелян ГПУ вместе с епископом Варлаамом (Лазаренко) за контрреволюционную деятельность... принимал на излечение разного рода бродячее монашество и духовенство, а потому я, идя по уверенным и правильным стопам своего мужа и епископа Варлаама, выполняя их религиозные советы, после их смерти приняла на себя звание неофи-*

циальной, вернее, будет проще сказать, тайной лекариши, ходила по домам и квартирам верующих г<орода> Майкопа и лечила людей от всяких напастей и разных болезней». Согласно анкетным данным, Екатерина Михайловна была 1856 года рождения, так что на момент ареста ей было как минимум 76 лет (возможно, ошибка, так как ее супруг Александр Алексеевич Алимов был 1865 года рождения). 2 апреля 1933 года Екатерина Михайловна Алимova была расстреляна в Ростове-на-Дону.

Приговорены к расстрелу монашествующие, о которых нет упоминаний в показаниях епископа Варлаама и его помощников, но также привлеченные к следствию по делу как «участники Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»:

- иеромонах Гавриил (Польшин Геннадий Демьянович), с 1896 года монах Свято-Михайловской пустыни; с 1928 года служил в станице Баракаевской;
- иеромонах Ксенофонт (Круц Козьма Иванович), с 1919 года в Свято-Михайловской пустыни до ее закрытия, с 1926 года проживал в станице Тульской;
- монах Владимир (Гриценко Василий Михайлович), с 1918 года был в Михайловском монастыре до его закрытия, с 1928 года проживал в станице Севастопольской.

Из мирян Майкопского округа:

- Моисей Парамонович Алифанов, майкопский кустарь по производству молочных продуктов, назван «постоянным маршрутником епископа Варлаама, активным участником организации»;
- Сергей Владимирович Скороходов, "маршрутник". В воспоминаниях В. Д. Пришвиной о семье Скороходовых значится: с ними познакомился Олег Польш на Кавказе как с «детьми известного толстовца, морского офицера, оставившего не-

когда свой петербургский круг и превратившегося в крестьянина, который переписывался с Л. Н. Толстым, был душой местной колонии, как все толстовские колонии, быстро рассыпавшейся. Его убили как "кулака" вместе со старшим сыном в начале революции. Олег застал уже двух его младших детей, своих однолеток Сережу и Настю, выросших на хуторе, на крестьянской работе. Они испытывали отталкивание от "толстовства", дорого стоившего их матери, петербургской институтке, привезенной "на землю" своим увлекающимся мужем, а кроме того, они с детства насмотрелись на всю беспомощность толстовских попыток создать "новую жизнь". В то же время они сохраняли благоговейную любовь к покойному отцу...»⁶⁶. В показаниях Александра Алимова отмечено, что *«Сергей Скорородов имел знакомство с монахами, проживающими на Красной Поляне», «является ревностным в православной вере, искал случая познакомиться с Варлаамом и сблизить с ним своих знакомых»*;

- Дмитрий Иосифович Неведомский, почтовый служащий, "маршрутник", один из руководителей общины в станице Белореченской. В показаниях не скрывал, что разбирался в церковной ситуации, не хотел быть с обновленцами, искал правильного духовного окормления. В 1925 году подал все документы для регистрации Белореченской религиозной общины, но только в апреле 1928 года она была зарегистрирована. Он переписывался с епископом Варлаамом, первый раз в 1928 году ездил с Романом Саенко сначала к А. А. Алимову в Майкоп, потом к самому епископу Варлааму с просьбой дать священника, на что владыка предложил

⁶⁶ Пришвина В. Д. Невидимый град... С. 253.

рукоположить их кандидата. Второй раз ездил с председателем общины Н. С. Анохиным и фельдшером Я. А. Кулаевым;

- Николай Сидорович Анохин, председатель общины. В 1928 году вместе с Дмитрием Неведомским и Яковом Кулаевым ездил к епископу Варлааму для решения о рукоположении священника в их общину. Варлаам дал им устав закрытых общин, предложение епископа было для них приемлемо, так как *«это не вызывало лишних расходов и склоки»*. В декабре 1928 года владыка рукоположил для их общины иеромонаха Родиона (Саенко Романа Даниловича), и в феврале 1929 года они отправили Варлааму письмо, в котором *«благодарили его за принятие под свое окормление»*;
- фельдшер Яков Агапьевич Кулаев, он, как Неведомский и Анохин, был признан *«руководителем Белореченской нелегальной общины»* и также был приговорен к расстрелу, однако в его отношении приговор был смягчен — *«подвергнуть ВМСЗ⁶⁷ с заменой заключением в концлагерь на десять лет»*.

Еще 5 членов общины — казаки станицы Белореченской — приговорены к расстрелу:

- Петр Семенович Кочергин;
- Влас Семенович Скворцов;
- Иван Спиридонович Горбатовский;
- Никита Иванович Глеков;
- Никита Иванович Перегудов.

Расстреляны казаки станицы Дагестанской, члены приходского совета:

⁶⁷ ВМСЗ — «высшая мера социальной защиты» в советском уголовном праве, то же самое, что ВМН — «высшая мера наказания».

- староста Лаврентий Петрович Седов (в его доме проживал игумен Петр Базыкин);
- Павел Иванович Федорченко;
- Николай Васильевич Воронин.

Из казаков станицы Пшехской, члены приходской общины:

- Егор Антонович Удоленко;
- Тарас Семенович Харьковский.

Из казаков станицы Хадыженской:

- Федор Андреевич Шелих;
- Василий Игнатьевич Пешков.

Все они были хлебопашцами — когда-то зажиточными, теперь властью ограбленными, именуемыми "кулаками-лишенцами", "кулаками-обложенцами", кроме непомерных поборов зерна, безжалостно лишены всего движимого и недвижимого имущества и в конце концов лишены и самой жизни... Все они в материалах дела охарактеризованы как "социально опасные элементы", несмотря на их политическую лояльность, то есть покорность власти. На допросах они так и заявляли, что, несмотря на свое недовольство и тяжелую жизнь, власти подчиняются; кто-то даже прибавлял, что «вся власть от Бога». Однако это не меняло дела; все они оставались классовыми врагами и подлежали уничтожению.

К тому же некоторые из них не отказывались и от присяги царю, например, Влас Семенович Скворцов на допросе утверждал: «Присягал царю и отечеству, от присяги никогда не откажусь. Советской власти подчиняюсь, т<ак> к<ак> Господь велел подчиняться всякой власти». А Иван Спиридонович Горбатовский твердо заявил следователю: «Я принимал присягу служить царю и отечеству. Советскую власть защищать не буду».

К расстрелу были приговорены и несколько человек из Армавирского округа, попавшие в «к<онтр>р<еволюционную> церковно-монархическую организацию епископа Варлаама» уже фактически во время ее "ликвидации":

- игумен Игорь (Баль Иван Григорьевич), обвинялся как *«уполномоченный организации по организации ячеек на территории Армавирского округа, являлся организатором подпольных общин, систематически занимался антисоветской агитацией и распространением провокационных слухов о скорой гибели Сов<етской> власти»*;
- священник Николай Яковлевич Попов из станицы Кардоникской Баталпашинского отдела⁶⁸ обвинялся в организации общины и *«вступлении в к<онтр>р<еволюционную> организацию, ставившую перед собой задачу восстановления монархического строя»*;
- Иван Терентьевич Стоян, житель станицы Невинномысской, занимавшийся извозным промыслом, обвинялся в том, *«что являлся активным пособником в работе к<онтр>р<еволюционной> церковно-монархической организации, укрывал у себя в доме скрывавшихся от ареста руководителей организации, в частности, у него скрывался епископ Варлаам и др<угие>, оказывал приют бродячему элементу из монашесствующих, предоставлял средства передвижения для связей членов организации»*.

Еще одиннадцать человек были осуждены на разные сроки концлагеря и высылки. Всего в "Обвинительном заключении" по Армавирскому округу четырнадцать человек, и следствием были выделены три нелегаль-

⁶⁸ Ныне Зеленчукский район Карачаево-Черкесии.

ные общины: в станице Кардоникской, «возглавляемая священником Поповым Николаем и старостой Бутым Ефимом»⁶⁹; в станице Невинномысской — кроме И. Т. Стояна названы в числе актива землепашец-средняк Дмитрий Иванович Ткаченко, владелец кустарной мастерской по выделке валяных сапог Аким Тарасович Сафошкин и рабочий-железнодорожник Евтихий Лазаревич Римский; и в селе Ивановском Невинномысского района — священник Илья Романович Сюсюкайло, монахиня Евпраксия (в миру Иванова Мария Ивановна) и мирянка Ирина Степановна Иванова.

Помимо основных обвинений, общих для всех арестованных, — «враждебной настроенности по отношению к Сов<етской> власти», «антисоветской агитации, в частности против колхозов», — по делу Армавирского филиала организации было предъявлено также обвинение в «сокрытии главы организации епископа Варлаама» и «содействии ему в избежании ареста». Действительно, епископ Варлаам после начавшихся массовых арестов на Черноморье в октябре — ноябре 1929 года скрывался в Армавирском районе, причем следует отметить, что только тогда многие из обвиняемых и познакомились с ним.

И если священника Николая Попова можно было рассматривать как «принятого в организацию», поскольку он вступил в каноническое общение с епископом Варлаамом, то священник Илья Сюсюкайло с Варлаамом связан не был, хотя в его показаниях на допросе есть признание: «В 1925 году я действительно был рукоположен Варлаамом». Но в дальнейшем, по-видимому, связей с епископом он не имел, по его словам, «в 1928 году ко мне приходила монашка Илариона, которая требо-

⁶⁹ Его в материалах дела нет, только указано, что он был «привлечен по линии КРО по ст<атьям> 58 ч<асти> 10, 58 ч<асти> 2 и 58 ч<асти> 13» (КРО — контрреволюционная организация).

вала присоединения к Варлааму, угрожая запрещением священнослужения. На что я ответил отрицательно». Действительно, в списке Варлаама отца Ильи не было, и в своих показаниях епископ ни разу его не назвал. Тем не менее его все же притянули к следствию по делу, обвинив в том, что, «будучи а<нти>с<оветски> настроен, имел связь с членами к<онтр>р<еволюционной> организации, выступал в церквях с проповедями в антисоветском духе». Единственно отца Илью приговорили не к расстрелу, а к 10 годам концлагеря. Что касается отца Николая Попова, то он, на свою беду, все же успел присоединиться к епископу Варлааму накануне праздника Покрова 14 октября 1929 года, исповедавшись у игумена Игоря (Баля), присланного к нему в станицу Кардоникскую с запиской епископа и условиями приема.

О том, что кардоничане хотят присоединиться, епископ Варлаам знал уже в августе 1929 года. В докладе архиепископу Димитрию он писал: «Вчера⁷⁰ получено известие о том, что "Кардоникский благочинный согласен с нами, он из Сергиян"». Позднее на допросе владыка показал, что «склонила ст<аницу> Кардоникскую присоединиться» к нему монахиня Илариона (Радионенко), по его словам, совершенно ему незнакомая и прибывшая к нему в горы в конце лета, «доставившая список организованных ею групп в станицах Невинномысской, Ивановке и Кардонике». Оформить их прием он уже не успел, так как начались аресты. Но когда скрывался в станице Хадыженской, то к нему приезжал от кардоничан Ефим Бут. Епископ отослал его обратно в Кардоник, поручив связаться с высланным ранее в тот район игуменом Игорем (Балем). Ефим Бут, разыскав игумена Баля, скрывавшегося в Ивановке по адресам Иларионы, отвез его накануне Покрова в станицу Кардоникскую к священнику Николаю Попову.

⁷⁰ Значит, 14/27 августа.

Позднее и сам епископ Варлаам скрывался по тем же адресам. В своих показаниях он подтвердил, что когда стало опасно оставаться в станице Хадыженской, где нашел временное пристанище у семьи Сопневых и где по совету иеромонаха Иеронима (Серги) они даже наметали строительство келий в лесу, то *«решил пробираться по маршруту, который мне дала Илариона»*. Теперь он понимал, что *«среди прежних групп скрываться было рискованно, так как я знал, что при аресте Сингалевича список моих групп мог стать известным ГПУ. Илариона оказалась достаточно опытной. Ее район оказался Невинномысская — Баталпашинск — горы и Пятигорский район. Здесь по ее адресам меня и укрывали монашки и казаки»*.

Монахиня Илариона, «связавшая организацию с общинами в Арм<авирском> округе» и, по-видимому, не случайно названная в показаниях одного из обвиняемых как *«боевая, энергичная и хорошо грамотная»*, проходила по делу в числе самых главных обвиняемых и была приговорена к *«ВМСЗ с заменой на 10 лет концлагеря»*⁷¹. Монахиня Илариона, в миру Радионенко Ирина Галактионовна, до 1914 года находилась в Тебердинском монастыре; с 1915 года, пройдя курсы сестер милосердия, работала в госпитале. В 1921 году ушла на гору Псху, где, по ее словам, «жило очень много людей, некоторые на учет брались, а некоторые в силу своих убеждений не желали брать документов, я также не регистрировалась. На Псху я имею келию у монахини Митрофании, где мои вещи и книги и сейчас находятся».

Ее показания о Псху весьма примечательны: *«Село Псху тянется верст на 20, в 1926 году там было зарегистрированных 90 келий, в кельях жило по 3–5–6 человек. Но монашествующие не все регистрировались, в после-*

⁷¹ В приговоре по групповому делу ее имя под номером 53 — сразу после растрельного списка обвиняемых.

дующие годы постройки келий продолжались. Ежегодно на Псху прибывали новые люди, среди монашествующих много интеллигенции. В марте 1929 года абхазские власти приказали очистить Псху, и все пустынники устремились в разные стороны. Лично я ушла с Псху 16 октября 1928 года, жила в горных станицах Армавирского округа». Еще на Псху монахиня Илариона слышала о епископе Варлааме, но познакомилась с ним лишь в июне 1929 года, прожив у него в Заповедном более месяца.

Тогда же они думали о том, как пройти по горам, и решили искать проводника; Варлаам намечал маршрут: Сочи — Красная Поляна — Перевал — озеро Рица — Псху. Вероятно, Илариона предлагала перебираться в глубь гор, но, по ее словам, монахиня Маргарита (Гершуненко) была против этого предложения, так что вопрос остался нерешенным. Сама Илариона ушла в горные станицы и там рассказывала о владыке Варлааме: *«В это время я имела много людей, согласных со мной, а я считала себя антисергиевкой и в Кардонике через Бута получила согласие, что несколько групп желают присоединиться к Варлааму»*. В письме к иеромонаху Петру (Сопневу) монахиня Илариона писала о целом монашеском обществе, образовавшемся в Ивановке, и просила принять в общение. Письмо очень яркое и как нельзя лучше характеризует монахиню Илариону:

«Христос посреди нас — ныне и во веки! Ваше преподобие, глубокочтимейший батюшка о<тец> Петр! Благословите!

Приветствую Вас смиренным иноческим поклоном и от души желаю, да подаст Вам Господь мир душевный, и телесное здравие, и крепость духа. И да поможет Вам Всемогущий во всех путях Вашей земной жизни неуклонно пребывать в истине и терпении, а главное, пребывать в молитве и стяжать Единого на потребу Господа, от которого исправляются стопы человеку.

Совершая на земле дело Божие, не забывайте и таковых от них же есмь первая, сущая в нужде — посторонних молитв,

коиими спасаются ленивые и нерадивые и надеющиеся на чужие молитвы. Я непотребная весьма радуюсь, что Господь умножает своих служителей в наши трудные для Церкви дни. Время настало лютое и отрадное — лютое, потому что враг неистовствует на Церковь Христову, а отрадное, потому что кто стоит на страже веры — получает неувядаемые венцы и венчается вечною славою. Требуется вера, требуется и молитва, а вам, служителям Божиим, Бог даровал великую честь и дерзновение приносить о людях умиловительную жертву. Вам дано право умоли́ть Бога, о чем и о ком ни попросите, а поэтому прошу усердно, и меня не забывайте в своих молитвах. Хотя всякий человек, приобретший дерзновение через сердечную чистоту, может возносить к Богу свои молитвы, как иерей и как архиерей, но того состояния не многие сподобляются, что великие отцы достигали, но вам, священникам, как хиротонисанным вещественно и духовно апостольским преемством, достаточно совершать всякие молитвы перед страшным жертвенником Божиим не только о себе, но и о других, и о чем ни попросите — умолите.

Я с неделю как прибыла из Ивановки, где встречалась с Манефой⁷², она получила с восторгом Ваше письмо, писанное Елене⁷³, но, к сожалению, Елена где-то уехала на заработки, и она не дожидется, когда та возвратится, чтобы скорее ехать к Вам. Как она обрадовалась Вашему письму — нельзя передать. Теперь ожидайте, приедут непременно м<онахиня> Манефа с Еленой.

В Ивановке образовалось целое монашеское общество, только, к сожалению, у них нет священнослужителя. Я написала им Ваш адрес, чтобы они обращались к Вам в случае нужды, т<ак> к<ак> вблизи их нет православного иеромонаха, возможно, что они захотят приезжать к Вам по очереди, а может быть, попросят Вас туда, то ради Бога не откажите поехать. Если же Вам не будет возможно, то укажите им другого иеромонаха. Их надо куда-нибудь принять. Вл<адыка>

⁷² Схимонахиня Манефа (в миру Корсунова Матрена Панкратьевна).

⁷³ Возможно, речь идет о вдове Елене Федоровне Бариновой, которая прятала у себя монашествующих.

советует присоединиться к иеромонаху Неофиту в Лабинской, но по некоторым обстоятельствам для них не подходяще обращаться в Лабинскую. Лучше, если бы их взяли Вы с о<т-цом> игуменом Иеронимом⁷⁴ в свое окормление. У них был один раз батюшка о<тец> Илиодор, но он теперь уезжает в Кахетию, а они остаются без всякого определенного назначения. М<онахиня> Манефа когда приедет, то она расскажет Вам. Там исключительно монашеский состав, некоторые из них проживали на Псху и в монастыре, а остальные домашние монашки, всех их 10 душ и 4 мирских молодых мальчика.

Простите! Испрашивая Ваших св. молитв и благословения. Остаюсь всегда помнящая Вас.

Гр<ешная> м<онахиня> Илариона.

8 сентября 1929».

Матушка Манефа, о которой идет речь в письме, — Корсунова Матрена Панкратьевна, также арестованная и осужденная среди обвиняемых Армавирского округа; с молодых лет в монастырях. С 1918 года жила в Бабук-Ауле, затем в пустыне Псху; в 1928 году приехала в Невинномысский район, зимовала в селе Ивановка у мрянки Ирины Ивановой. В своих показаниях на допросе заявила: «В церковь я перестала ходить потому, что усмотрела отход от истины митрополита Сергия, подавшего декларацию Советской власти».

Судя по дате письма монахини Иларионы, писала она его в Заповедном, когда была у епископа Варлаама. На допросе она показала: «Вторично приехала к Варлааму в сентябре 1929 года и сказала о кардоничанах, которые не прочь присоединиться... Вскоре начались аресты, и мы бежали. Затем я вернулась за вещами вместе с Иустином (Яковым СМИРНОВЫМ) — Якова агенты ГПУ задержали. Ничего не подозревая, я зашла в комнату и тоже была задержана. Но т<ак> к<ак> была

⁷⁴ Имеется в виду архимандрит Иероним (Серга).

ночь, я, видя, что недостаточно смотрят, бросилась в дверь, затем в овраг и скрылась, по мне дали 3 выстрела. Вторично я попала на глаза агентов, но, прижавшись к скале, не была замечена. Присоединившись к Варлааму, мы вместе скрывались по нашим общим знакомым, а потом я выехала на Украину с его младшим сыном Николаем, который <...> слез на ст<анции> Никитовка, а я жила среди т<ак> н<азываемых> подгорновцев».

Арестовали матушку Илариону 25 ноября 1929 года в Харькове. "Подгорновцы", у которых она скрывалась на Украине, — почитатели иеромонаха Стефана (Подгорного Василия Карповича), создателя богадельни и общины в городе Богодухове в конце XIX века, оказавшего большое влияние на местное население своим благочестием и незаслуженно подвергнутого гонениям епархиальными властями по бессовестной клевете завистников. Его история, как и история "подгорновского движения", — это отдельная тема, которая еще ждет своего исследователя⁷⁵.

Епископ Варлаам хорошо знал подгорновцев и сочувственно к ним относился, и они в свою очередь также его уважали и занимали твердую антисергианскую позицию, почему владыка и направил к ним монахиню Илариону, вероятно, снабдив рекомендациями и адресами по Харьковской и Сумской областям. Сам он в то время продолжал скрываться по ее адресам на Кубани и в Пятигорье. Ареста ему удалось избежать, но ненадолго. 16 декабря 1929 года он был арестован в Полторацке (Ашхабаде) вместе со своими спутниками — монахиней Маргаритой (Гершуненко Марией Ефимовной) и тайным монахом Онуфрием (Высоцким Павлом Васильевичем).

Несмотря на то что монах Онуфрий (Высоцкий) познакомился с епископом и присоединился к нему уже во

⁷⁵ Надеемся, что со временем она будет затронута в наших будущих книгах, посвященных исповедническому движению на Украине.

время бегства, в деле он проходит как один из главных его "сообщников" и руководителей «контрреволюционной организации», и в расстрельном списке приговора его имя следует сразу за именем владыки. Показания его обширны и подробны, но весьма запутанны и противоречивы. Ясно, что он происходил из казаков станицы Сторожевой (1900 года рождения). Во время Гражданской войны служил у белых и генерала Хвостикова, имел пулевые ранения в левую лопатку и правый бок (по показаниям стукача в камере, он рассказывал о расстреле и спасении). Скрывался в горах, знал много тайных скитов и убежищ, монашеский постриг принял на хуторе Солёном близ станицы Преградной. В материалах дела его монашеское имя указывается "Ануфрий" (но правильно должно быть "Онуфрий"); по его показаниям, постригали его монахи Флавий и Ириней, очевидно, это известные имяславцы — иеромонахи Флавий (Лаба Филипп Иванович) и Ириней (Цуриков Иродион Федорович), в 1924 году вместе с другими монахами арестованные на хуторе Солёном за то, что «шли против Советской власти и держались за старое», и высланные на 3 года в Нарымский край.

Монах Онуфрий (Высоцкий) ареста избежал и после этого скрывался в разных местах в горах и станицах; у него была "липовая" справка о монашестве, сделанная монахом Ефремом (жил в горах на реке Лаба и в 1924 году убит). Однако на допросе Высоцкий показал: «Хотя у меня в справке и указано, что я имяславец, но на самом деле я признаю только епископат, а потому твердым имяславцем себя не считаю». По его словам, скрывался в горах он шесть лет, при этом на следствии утверждал: «Какой-либо открытой пропаганды я не вел, но среди населения говорил, что написано в книгах, что скоро конец мира, что в России сатанисты, которые не признают Бога, что с ними надо бороться. По нашим станицам все монахи это говорят, не только я».

С монахиней Иларионой он был знаком еще с 1923 года, хорошо знал также и иеромонаха Илиодора (Ильяшенко), у которого жил на Псху, потом вместе с ним пришел в Преградную; позднее отец Илиодор перешел в станицу Удобную и служил там, а когда начались аресты, вместе с монахинями успел скрыться в Грузии. Но перед этим он передал записку епископу Варлааму с монахом Онуфрием (Высоцким) — *«с просьбой посвятить Ануфрия в иеромонаха»*.

О епископе Варлааме монах Онуфрий, по его словам, узнал так: *«Варлаам написал много воззваний, и монашка Илариона распространяла их по станицам, тогда я с воззваниями познакомился. Призывая к себе сторонников, Варлаам внес замешательство в ряды имяславцев»*. Когда Онуфрий (Высоцкий) пришел в Удобную к иеромонаху Илиодору, тот, по его словам, *«уже был обработан Иларионой»*. Монахиня доказала, что *«Варлаам и его группа лучше и энергичнее»*. Она же дала адрес епископа иеромонаху Илиодору, но не монаху Онуфрию, хотя тот очень хотел попасть к Варлааму, но монахиня Илариона, по его словам, *«не допустила»*.

Только в октябре 1929 года, когда монах Онуфрий (Высоцкий) встретился в Ивановке с монахиней Иларионой, она поручила ему укрывать владыку Варлаама. Высоцкий перевез епископа из Невинномысской к одной вдове в Баталпашинскую. Здесь Варлаам поручил монахине Иларионе перевезти своих сыновей на Украину, а сам вместе с монахом Онуфрием и монахиней Маргаритой (Гершуненко) отправился дальше. Сначала скрывались в станице Усть-Джегутской у Куриленко; узнав об арестах в станице Зеленчукской, решили бежать дальше — уехать за Каспий. Стали торопиться, опасаясь, что море замерзнет или вообще дорога в Среднюю Азию закроется. Там хотели где-нибудь укрыться — Онуфрий (Высоцкий) намеревался пробираться к монахам в горы Киргизии; епископ Варлаам упомянул

в показаниях, что у Высоцкого было письмо от «*монахов Флавия (теперь Иоанн), от Ириней (теперь Иларион)⁷⁶, Савватия... бывших солёновцев, живущих где-то в горах под Фрунзе на пасеке*». Монах Онуфрий (Высоцкий) на допросе подтвердил, что «*всеми правдами и неправдами добыл их закаспийский адрес*» через монаха Иеронима (Попова) из станицы Сторожевой и с ними списался.

Епископ Варлаам окончательно не решил, куда ехать, у него были какие-то родственники в Ташкенте, и он, по-видимому, собирался скрываться там. Верующие собрали им денег на дорогу; из станицы Усть-Джегутской Анастасия Рыбалкина привезла их к семье Пивоваровых в станицу Бекешевскую, там они пробыли неделю и оттуда двинулись в Минеральные Воды в сопровождении Марии Пивоваровой на подводе ее мужа.

По словам Высоцкого, не доезжая Минеральных Вод, владыка Варлаам заставил вымазать руки и лицо колесной грязью, а волосы и ресы подобрать, чтобы они «стали походить на мужичков». «Марии Гершуненко он еще в Бекешевке подрезал волосы спереди, сделав чубчик, чтобы была похожа на "барышню"». Билеты на поезд взяли до Баку, там с вокзала — прямо на пристань и на пароходе добрались до Краснодарска, оттуда на поезде спокойно доехали до Полторацка. На вокзале Марию оставили компостировать билеты, сами пошли прогуляться, а когда вернулись, были задержаны.

⁷⁶ Иеромонахи Флавий (Лаба) и Ириней (Цуриков) приняли схиму с именами Иоанн и Иларион. В октябре 1928 — после освобождения из ссылки поселились в горах под Фрунзе (Бишкек). 2 февраля 1929 — вновь арестованы, приговорены к 3 годам ссылки и отправлены в Кзыл-Орду. В феврале 1931 — освобождены, поселились в Мирзояне под Чимкентом. 24 июня 1937 — арестованы как «руководители тайного монастыря», 26 августа приговорены к высшей мере наказания и 4 сентября расстреляны в урочище Лисья Балка под Чимкентом.

Епископ Варлаам (Лазаренко)

Епископ Варлаам был допрошен в Полторацке в день ареста 16 декабря 1929 года. В протоколе допроса даны его подробные биографические данные. Григорий Яковлевич Лазаренко, родился в 1879 году в городе Константинограде Полтавской губернии, родители были простые ремесленники, отец занимался портняжничеством. До двадцати восьми лет будущий владыка жил при родителях: в 1891–1894 годах учился в уездном училище, в 1897 году держал экзамен на народного учителя, затем учительствовал в начальных школах Новомосковского уезда Екатеринославской губернии. В сентябре 1910 года поступил в Полтавскую семинарию, 24 июня 1913 года по ее окончании был рукоположен во священника и получил приход в селе Зажелье. В мае 1914 года по приглашению рукополагавшего его епископа Сильвестра (Ольшевского) поехал в Томскую губернию, где служил на приходе в Змеиногорском уезде. В 1916 году вернулся по слабости здоровья, служил в церкви села Пилипчичи Переяславского уезда, с 1919 года в селе Новоселица Хорольского уезда Полтавской губернии. В мае 1923 года принял монашество; 18 октября 1923 года рукоположен во епископа Хорольского в Киеве епископом Уманским Макарием (Кармазиным) и епископом Ананьевским

Парфением (Брянских). В мае 1924 года переведен в Лебедин Харьковской губернии. 1 августа 1925 года уехал по болезни на Кавказ в город Майкоп Кубанской области.

Не было ли это связано не столько с болезнью, сколько с тяжелой церковной ситуацией, о чем владыка Варлаам говорил еще раньше во время своего первого ареста в 1927 году? Его показания от 3 января 1927 года приобщены к последнему делу. Владыка упоминал, что, когда он пребывал в Лебедине, его вызвал уполномоченный ОГПУ в Харькове *"товарищ Карин"* по делу архиепископа Иоанникия (Соколовского): *«Я дал обязанности т<оварищу> Карину содействовать арх<иепископу> Иоанникию в управлении Украинской Церкви. Но вследствие слабого здоровья я в Лебедине недолго оставался и переехал в Майкоп, оставив Иоанникия без помощи».*

С 1922 года архиепископ Иоанникий был временным управляющим Харьковской епархии вместо высланного епископа Нафанаила (Троицкого). В сентябре 1924 года Патриарх Тихон назначил вместо Иоанникия епископа Сумского Константина (Дьякова), а Иоанникия перевел на Омскую кафедру. Тот не подчинился этому переводу и захватил с толпой сторонников кафедральный храм; в это же время его сторонники захватили несколько храмов в Екатеринославе и организовали выборы, в результате которых объявили Иоанникия епископом "Екатеринославским и Донецким". Патриарх Тихон запретил ему служение в Екатеринославской и Харьковской епархиях. В дальнейшем это запрещение было оставлено в силе Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским), а после отказа Иоанникия подчиниться ему было запрещено служение в пределах всей Российской Церкви впредь до канонического суда.

Иоанникий неоднократно подчеркивал, что вступает в управление "с разрешения властей", и не случай-

но позднее принял активное участие в раскольничьем "Всеукраинском церковном соборе", организованном в Лубнах в июне 1925 года. На этом соборе по инициативе епископа Лубенского Феофила (Булдовского) была провозглашена автокефалия Украинской Церкви; а Иоанникий стал одним из сопредседателей этого собора и был утвержден епископом «Екатеринославским и Донецким, временным управляющим Харьковской епархии». Новая церковная организация была зарегистрирована советскими властями, всячески поддерживавшими подобные "автокефальные" движения, раскалывавшие Русскую Православную Церковь.

Возможно, сначала епископ Варлаам поддержал архиепископа Иоанникия, и в его показаниях 1927 года есть фраза о том, что в 1926 году в Новоселицах он посещал священника Александра Дубину, гонимого, как и он, *«полтавскими архиереями за то, что получил от Иоанникия награду»*. По-видимому, именно в это время *«товарищ Карин»* вызвал епископа Варлаама и обязал его *«содействовать Иоанникию в управлении Украинской Церковью»*. Вероятно, не находя иного способа уклониться от исполнения данного обязательства, владыка Варлаам и решил уехать с Украины, *«оставив Иоанникия без помощи»*. Деятели лубенского раскола не нашли поддержки у большинства епископата украинских епархий и были осуждены постановлением собора православных епископов Украины (в соборе участвовало 13 архиереев). Но это произошло уже в самом конце 1925 года, и 5 января 1926 года это постановление было подписано заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским).

Хотя отъезд епископа Варлаама с Украины могли ускорить и другие обстоятельства; так, в показаниях на допросе от 6 января 1930 года он лишь вскользь упомянул, что: *«На Северный Кавказ я впервые прибыл в 1925 году под напором некоторой неприязни со сторо-*

ны священников г<орода> Лебедина Харьковской губернии». Больше на эту тему владыка не распространялся; и с чем была связана эта неприязнь, так и неизвестно⁷⁷. Но то, что она дошла до предела, вернее, вышла за него, свидетельствует следующий факт, о котором епископ Варлаам показал на одном из допросов во время первого ареста. Так, 5 января 1927 года он рассказывал о встрече с игуменом Игорем (Балем): *«Вспоминали, как он (Баль) вместо меня поел отравленной булочки и едва не умер. Булочка эта предназначалась для меня, и я, не зная, что она отравлена, подарил ее Игорю Балю. Приготовила эту булочку, как впоследствии выяснилось, матушка протоиерея Э.»*

Как бы то ни было, с августа 1925 года епископ Варлаам был уже в Майкопе, где проживал, по его словам, "частным образом", а по свидетельству Моисея Олейникова, в сторожке кладбищенской церкви. В дальнейшем по ходатайству верующих приходской общины к Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру (Полянскому) он был назначен епископом Майкопским, причем утверждено это назначение было уже после ареста митрополита Петра его заместителем митрополитом Сергием (Страгородским).

Осенью 1925 года братия Свято-Михайловской Закубанской пустыни избрала епископа Варлаама настоятелем, причем в период 1926–1927 годов братия ходатайствовала перед краевым ГПУ о разрешении епископу проживать в монастыре. В прошении 1927 года, поданном от имени "братии религиозной общины Михайловской пустыни", подтверждалось, что епископ Варлаам (Лазаренко) единогласно избран настоятелем, и далее сообщалось: *«Ныне уже по дошедшим слухам*

⁷⁷ Вполне возможно, что эта неприязнь могла быть связана и с его поддержкой «стефановцев» или «подгорновцев», последователей старца Стефана Подгорного.

мы узнали, что епископ Варлаам содержится в краевом ГПУ. Вследствие чего братия Михайловской пустыни единогласно постановили: просить Государственное управление освободить епископа Варлаама из-под стражи с водворением его в Михайловскую пустынь как зарегистрированного настоятеля означенной общины, о чем община и просит положить Вашу милосердную резолюцию». Далее следовали подписи: среди подписавших было два архимандрита, десять иеромонахов, более двадцати монахов и послушников.

В дальнейшем епископ Варлаам продолжал сохранять связи с братией Свято-Михайловской Закубанской пустыни, несмотря на все трудности как своего положения, так и братии еще не упраздненного, но фактически разоренного монастыря. В материалах следственного дела есть примечательный документ — копия письма владыки Варлаама наместнику пустыни архимандриту Моисею (Астахову):

«Глубокие разделения в Православной Церкви несомненно свидетельствуют о близости второго страшного пришествия Господня. Проникнутый этим убеждением, я желаю остаток своей краткой жизни провести наедине с самим собою. Мысль о принятии великой схимы все более овладевает моим существом, и я намерен привести ее в исполнение. Из этого следует, что всякие прежде лежавшие на мне архиерейские обязанности церковного административного характера сами собой отпадают, поэтому считаю долгом объявить Вам и братии обители Вашей, что отныне я не считаю себя епископом Майкопским и не могу быть настоятелем обители. Извещая о сем, прошу принять к сведению и исполнению и прекратить возношение моего имени за богослужением. Завещаю братии хранить единство веры и Церкви Православной, помнить и исполнять иноческие обеты, терпеть мужественно все гонения и скорби в этом мире,

и если потребуется, то и торжественно исповедовать Христа перед сильными мира. Не забудьте меня убогого в молитвах ваших. Прошу прощения у всех и призываю Божие благословение на всех вас.

Смиренный епископ Варлаам.

1928 г<ода>. Ноябрь 6 дня».

Как видно из материалов дела, владыка Варлаам не осуществил свое намерение и от дел не отошел, оставаясь до самого своего последнего ареста правящим архиереем. Что касается его первого ареста, то документов по нему нет: известно только, что епископа арестовали в конце 1925 года и отправили в Ростов-на-Дону⁷⁸. В марте 1926 года он был освобожден и подпиской обязывался выехать в Харьков; понятно, что он не торопился, тем более что там предстояло встречаться с *товарищем Кариным*". Позднее, сославшись на слабое здоровье и истощение, епископ Варлаам признал в своих показаниях на допросе, что из Ростова-на-Дону вместо Харькова выехал в село Новоселицы к своему семейству, *«надеясь, что тов<арищ> Карин сделает снисхождение»*. И лишь через неделю отправился в Харьков, но и тогда не явился в местное ГПУ. Остановившись у сестер Дивеевского подворья и узнав о том, что верующие из Майкопского округа ходатайствуют перед ВЦИК о его возвращении в Майкоп, владыка выехал в Москву, позднее объяснив на допросе это так: *«Окрыленный надеждой вернуться в Майкоп, я решил не заходить к т<оварищу> Карину, а и сам направился в Москву с однородным ходатайством»*.

В Москве владыка пробыл неделю, остановившись у Дарьи Михайловны Карповой, проживавшей в Дон-

⁷⁸ На тот момент это была столица Северо-Кавказского края, куда входил и Майкоп.

ском переулке, с которой был знаком ранее⁷⁹. Жила она очень бедно. Однажды при епископе Варлааме заходил туда сам митрополит Петр Крутицкий, позднее Варлаам вспоминал об этом так: *«Он указал, что это очень тесная комната для меня, пошутил немного, от предложенного чая отказался и ушел»*. На этот раз Дарья Михайловна получила из Майкопа полномочие ходатайствовать о возвращении владыки в Майкоп. С этим ходатайством она ходила за помощью к "всесоюзному старосте" М. И. Калинину, и тот успокоил ее, заявив, что результат будет сообщен в Ростов-на-Дону. К сожалению, ходатайство это не увенчалось успехом.

Во второй половине апреля 1926 года владыка выехал в село Братско-Опочинское⁸⁰ Армавирского округа к священнику Василию Плотникову, у которого, по его словам, *«намеревался провести праздник Пасхи»*, и пробыл там со Страстной недели до Фоминой. Служить, очевидно, он не мог, не имея регистрации. Священник Василий был, по словам владыки, уполномоченным епископа Иннокентия (Летяева), на тот момент епископа Ставропольского и Кавказского. Поскольку епископ Иннокентий не мог сам осуществлять свою административную архиерейскую деятельность легально, то действовал через священника Василия Плотникова, посылая ему свои указы и распоряжения по почте. Как раз во время пребывания епископа Варлаама у отца Василия в отношении владыки было получено, по его словам, *«извещение о том, что я от звания Майкопского епископа по его, Иннокентия, проискам освобожден»*.

После этого епископ Варлаам вернулся прямо в Майкоп, где его ждал сын Борис, до этого пребывавший в

⁷⁹ Еще при жизни Патриарха Тихона к ней направил его земляк, иеродиакон Донского монастыря Марк, и с тех пор владыка у нее останавливался, когда приезжал в Москву.

⁸⁰ Ныне село Гусаровское Краснодарского края.

Михайловской пустыни. Вместе с ним он выехал в село Заповедное к Марии Ефимовне Гершуненко. Она к тому времени приобрела участок и домик в этом селе в пятнадцать верстах от города Туапсе в горах. На Кавказ она приехала еще в 1925 году, поселилась в доме пригласившей ее монахини, а потом купила дом и участок — в конце апреля перед Пасхой 1926 года.

Судя по показаниям Марии на допросе, она была уроженкой села Хорол Полтавской губернии, 1902 (или 1903) года рождения, из крестьянской семьи. Ее родители занимались хлебопашеством и бахчеводством; по-видимому, были глубоко верующими, так что с раннего детства Мария бывала в ближайших монастырях, Козельщанском и Лубенском, и ходила с родителями на богомолье в Киево-Печерскую лавру. Примечательно, что и на Кавказ она поехала, испросив сначала благословения родителей, хотя, будучи взрослой (около 22 лет), уже более года жила самостоятельно. К монашеству Мария была расположена с юных лет, и это не стала скрывать на следствии:

«Под влиянием виденного и слышанного в монастырях, а также под впечатлением книг духовного содержания, которых я много прочитывала, у меня зародилось желание и самой пойти в монастырь и посвятить себя иноческой жизни. С этой целью я обращалась за советом, как мне поступить, к разным своим знакомым, но мне обычно советовали отказаться от этой мысли, так как к этому времени монастыри почти повсеместно начали закрывать. Несмотря на это, я все же решила так или иначе пристроиться в таких условиях, чтобы иметь возможность заботиться о душе, и подыскивала только случай, чтобы осуществить свое желание.

Однажды случайно пришлось услышать, что в село Новоселицы, верстах в 30 от Хорола, приехал епископ Варлаам. Я со своей подругой пошла в Новоселицы. По

приходе в Новоселицы я прямо обратилась к Варлааму, чтобы он пристроил меня где-либо при церкви в городе Лебедине, где епископ имел постоянное местопребывание. В начале епископ Варлаам не соглашался и категорически отказывался. И только впоследствии, когда мы пошли к нему в Лебедин, он после наших настойчивых просьб оставил нас при кладбищенской церкви. Таким образом, я в 1924 году от родителей ушла и стала жить в Лебедине при церкви. В церкви я состояла в церковном хоре и вообще в тамошнем сестричестве. При церкви я, насколько мне помнится, состояла около года. От кого-то из своих знакомых по сестричеству узнала, что на Кавказе проживает одна монахиня и приглашает к себе на жительство желающих. Заручившись адресом этой монахини, я пошла сначала домой и с разрешения и благословения родителей решила поехать на Кавказ. По приезде в Туапсе, это было уже в 1925 году, я разыскала эту монахиню и прожила некоторое время у нее в доме. Впоследствии я решила приобрести собственный участок».

Далее Мария рассказала, что по совету и рекомендации проживавшего по соседству Моисея Олейникова она приобрела усадьбу и дом за 150 рублей в селе Заповедном. А потом некоторое время спустя, узнав, что в Майкоп приехал епископ Варлаам, поехала к нему на службу, говела, причащалась; там и пригласила епископа приехать к ней в Заповедное. После Пасхи 1926 года владыка с сыном Борисом приехал к ней, при этом постоянно куда-то отлучался из дома, а куда — она точно не знала. Епископ Варлаам в своих показаниях 1927 года подтвердил ее слова о своих отлучках; он тогда посетил жившего на горе Пеус игумена Игоря (Баля) — того самого, едва не отравившегося в Лебедине булочкой, предназначенной для владыки. Игумен жил в пяти верстах от Заповедного; рядом с ним в полуверсте проживал отец Игнатий, по показаниям Варлаама, «простой малогра-

мотный игумен из Воронежской губернии, занимавшийся плотничеством». Верстах в восьми от него проживал архимандрит Иоанн со своим нелегальным монастырем. Вместе с отцом Иоанном (Мирошниковым) епископ Варлаам ходил к монахиням Суздальского монастыря, которые расположились на той же горе, по другому ее склону, в урочище Канаш-Тапе⁸¹.

Отвечая на настойчивые вопросы следователя о политических настроениях этих монашествующих, владыка отмечал их полную аполитичность: *«никаких политических выпадов по отношению к Советской власти у них не было», «по вопросам церковным говорили мало», «живут в глуши и ни о чем не осведомлены».* А по поводу Моисея Олейникова, живущего на хуторе рядом с Заповедным, подчеркнул, что он даже не лишен права голоса и ходит на собрания граждан села.

В первых числах июня 1926 года владыка выехал в Москву и вновь остановился у Дарьи Марковны Карповой. С ней он поехал в Саров, затем посетил в Нижнем Новгороде митрополита Сергия (Страгородского), обратившись к нему с просьбой отменить резолюцию об освобождении его (епископа Варлаама) от звания епископа Майкопского. Митрополит ответил, что на этот раз необходимо сноситься с бывшим епископом Ставропольским Иннокентием (Летяевым), ныне Кубанским, и что теперь вместо назначения в Майкоп епископ Варлаам уже назначен в Оханск Пермской губернии.

В это время к митрополиту Сергию прибыла какая-то американская делегация, ее он принимал наедине, даже близкие ему епископы не присутствовали на этой встрече. После ухода делегации епископ Варлаам вновь пришел к владыке Сергию с другими епископами, и, по его свидетельству, митрополит был очень весел, много шутил, особенно по поводу последней поездки в Москву

⁸¹ Об архимандрите Иоанне (Мирошникове) см. выше на с. 105.

по требованию властей. Он подробно рассказал, как его встретили, усадили в авто и увезли в ГПУ, саркастически выражался, что принимали "с почетом". *«Рассказывал, что ему в ГПУ предложили написать декларацию и зарегистрировать себя как главу Церкви. И эти случаи он тоже высмеивал. Между прочим, сказал, что самое трудное для него — это написать декларацию, в чем же заключалась эта трудность, он не объяснил»*. Во время беседы с митрополитом Сергием обсуждались вопросы приема обновленцев, и митрополит отвечал обширными цитатами из канонического права; острил по поводу Высшего Церковного Совета (григориан), говорил о несостоятельности их Московского собора, с насмешкой называл его "поминками".

После встречи с митрополитом Сергием епископ Варлаам уехал в Заповедное, а в конце октября 1926 года вновь поехал к владыке с просьбой возвратить его в Майкоп. В Москве в Донском монастыре ему сказали, что митрополит приходил в Донской к могиле Патриарха и в тот же день выехал обратно в Нижний Новгород. Епископ Варлаам поспешил выехать туда, но Сергия там не оказалось, он уже выехал в Москву, вновь по вызову властей. Продав до 4 ноября, епископ Варлаам выехал опять в Москву и отыскал митрополита Сергия на квартире епископа Екатеринбургского Корнилия (Соболева). Сергей категорически отказался возвратить епископа Варлаама в Майкоп, после чего тот попросил уволить его на покой; и эту просьбу, по словам Варлаама, митрополит Сергей "уважил". Сам Сергей говорил, что не знает, что с ним будет, так как в среду его вызвали "в чистилище", то есть в ОГПУ. Вечером у него постоянно собирались епископы, находившиеся в Москве, но Варлаам в этом уже не участвовал.

10 ноября 1926 года он уехал в Заповедное, а 29 ноября был уже арестован. Тогда же была арестована и Мария Гершуненко, причем ее арестовали первой, когда она,

по свидетельству Моисея Олейникова, пришла в город за почтой; после этого уже забрали и владыку Варлаама. Через Новороссийск их доставили в Ростов-на-Дону, а оттуда отправили в Москву и заключили для дальнейшего следствия в Бутырскую тюрьму. Марию освободили довольно быстро; по ее словам, рождественские и пасхальные праздники 1927 года она провела с родными в Хороле, а потом вернулась в свою усадьбу в Заповедном.

Епископ Варлаам просидел в Бутырской тюрьме до марта 1927 года и был также освобожден с обязательством явиться на Украину *«в место родины и там жить»*. Согласно его показаниям, прожил он там до мая, затем уехал обратно в горы, признав, что *«с этого времени фактически перешел на нелегальное положение»*. Именно тогда к нему, как отмечено в протоколе допроса, и *«потянулся весь антисоветский элемент, как мухи на мед»*. Владыка позднее утверждал, что не собирался создавать никаких объединений, но все изменило возникшее его расхождение с митрополитом Сергием (Страгородским), вызванное печально известной декларацией от 16/29 июля 1927 года⁸². *«Митрополит издал декларацию, характеризовавшую собой особенность*

⁸² Сущность декларации и ответ на нее подробнейшим образом излагались в предыдущих книгах серии «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческого государства». Почти в каждой из них обязательно была специальная глава: «Декларация митрополита Сергия» или «Деятельность митрополита Сергия». Кроме того, публиковались и архивные документы: послания архиереев, пастырей, богословов и ревнителей православия, разные письма. Наибольший интерес представляют две последние книги: «"Тайный" епископ Серпуховской Максим (Жижиленко). Сподвижники его и сострадалцы. Жизнеописание и документы» (М.: Братонез, 2014); «Священномученик Нектарий, епископ Яранский. Его приходы и паства в Вятской губернии» (М.: Братонез, 2016).

сергиевской ориентации к гражданской Сов<етской> власти. Эта декларация внесла целый переворот в ряды так называемых тихоновцев, и особенно любители старых порядков (монархического строя) от Сергия откололись. В частности, на Украине возникла группа во главе со священником Василием Подгорным, последний считал меня наиболее православным и потому в сентябре 1927 года приехал ко мне под Туансе и привез декларацию Сергия», — показал Варлаам на допросе.

Священник Василий Подгорный, внук упомянутого старца Стефана, — настоятель церкви в селе Угроды и благочинный "подгорновских" приходов. С епископом Варлаамом они, по его словам, два-три дня обсуждали создавшееся положение, после чего решили, что епископ Варлаам должен поехать на Украину с отцом Василием, объединить созданные им группы и искать новые пути к избранию руководителя. *«Я выпустил из виду, еще до приезда ко мне о<тца> Василия Подгорного, я ездил в Москву к митрополиту Сергию и там с ним не сошелся», — добавил епископ Варлаам.*

После возвращения из Москвы владыка Варлаам написал официальное заявление от 12 сентября 1927 года и в нем четко определил свою позицию по отношению к митрополиту Сергию⁸³. Епископ Варлаам писал, что доселе пребывал в общении с митрополитом Сергием (Страгородским) как заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола, назначенного почившим Патриархом:

«... доколе усматривалось между этими иерархами единение духа в союзе мира. Но в последнее свое посещение (30 августа н<ынешнего> г<ода> в Москве) я обнаружил в нем и его Синоде решительный уклон в сторону так наз<ываемых> легальных ориентаций и подчинение всей церковной

⁸³ Это заявление было изъято при аресте среди других бумаг владыки и приобщено к материалам дела (см. в приложении I).

свободы, и внешней, и внутренней, духу, чуждому православия, так как, по собственному выражению митрополита Сергия, он уже не может назначать епископов без благословения Лубянки».

Назвав предательством такое подчинение внутренней церковной свободы безбожной власти, епископ Варлаам объявил о том, что не желает участвовать в этом предательстве, не признает главных его зачинщиков — митрополита Сергия, его синод и всех ему подчиненных:

«Остаюсь верен Патриаршему местоблюстителю, Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому, доколе он не будет принимать участия в делах митрополита Сергия и его синода.

Принимая за руководство постановление Всероссийского Поместного Собора 1917–18 г^{одов}, предоставившего пастве самой избирать себе епископа, я считаю свой перевод из Майкопа, учиненный митрополитом Сергием вопреки желанию паствы, насильственным и потому незаконным и по-прежнему остаюсь епископом Майкопским до решения вопроса на соборе православных епископов».

В деле есть еще один документ епископа Варлаама — обращение к майкопским общинам от 30 января 1928 года. Епископ подтверждает свое прежнее заявление о том, что он не подчиняется митрополиту Сергию и остается епископом Майкопским.

«Но вследствие невозможности моего пребывания на территории Майкопа по всем нуждам, касающимся православных общин, предлагаю временно обращаться к преосвященному Алексию, епископу Козловскому, управляющему Воронежской епархией».

«Не прерывая канонического общения с законным местоблюстителем патриаршим, митрополитом Крутицким Петром, возносить его имя за богослужением, поминовение же митр^{ополита} Сергия прекратить и не принимать никаких распоряжений, исходящих от единомышленных ему епископов».

«Священникам, обслуживающим общины по назначению иных епископов, кроме преосвященного Алексия Воронежского, предложить оставить службу и уйти из храмов.

Если по каким-либо причинам окажется невозможным оставить за собой храм или удалить священника, то община должна ходатайствовать о разрешении ей иметь особый молитвенный дом и особого священника.

Братии Михайловской пустыни предлагается считать по-прежнему меня настоятелем, а о<тца> архимандрита Моисея наместником даже и тогда, когда не останется в руках православных монахов ни одного храма, а в монастыре ни одной келии, ибо не камни и стены составляют монастырь, а ничем не связанный дух подвижников благочестия».

Владыка воодушевлял свою паству на твердое стояние в истине и просил не смущаться тем, что остается мало истинно верующих пастырей и мирян.

«Истина не всегда с теми, кого больше, и не всегда там, где административный аппарат. Не бойся, — говорит Господь, — малое стадо, ибо Отец благоволил дати вам Царство Небесное. Церковь Христова будет к концу умяляться в количестве, но возрастать в качестве — духовно, посему и сказано, что Господь, пришедши, едва ли найдет Себе веру на земле. Много будет архиереев и священников, храмов и верующих, будет блестящая обстановка и твердая дисциплина, но Духа Христова не будет там, — много будет званных, но мало избранных...»⁸⁴

Документ подписан епископом Варлаамом в "г<ороде> Грайворон". Это небольшой уездный городок Курской губернии⁸⁵; известно, что владыка какое-то время

⁸⁴ Текст «Обращения к майкопским общинам» дан полностью в *приложении I*.

⁸⁵ Сейчас это районный центр Белгородской области в 15 км от границы с Украиной.

даже служил в селе Русская Березовка по разрешению Грайворонского районного административного отдела, затем после вызова в ОГПУ в декабре 1927 года перешел на нелегальное положение. Вероятно, к тому времени они уже объехали с отцом Василием подгорновские общины. Позднее владыка показал на допросе: *«Объехали мы с Подгорным 12 групп в Харьковской и Курской губерниях, и вот здесь я получил, не помню от кого, воззвание-обращение ленинградских архиереев к митрополиту Сергию, причем наиболее популярным все считали Дмитрия Гдовского...»*

Архиепископ Гдовский Дмитрий (Любимов), викарий Петроградской епархии, вместе с другим петроградским викарием епископом Сергием (Нарвским) и рядом клириков отделился от митрополита Сергия в конце декабря 1927 года. Поскольку они действовали не просто от своего имени, малоизвестных викариев, а по благословию своего епархиального митрополита — высокопреосвященного Иосифа (Петровых), авторитет которого лишь по самому титулу — Петроградский — уже был на недостижимой высоте, то к ним стали обращаться многие клирики из разных епархий страны. Таким образом, Петроградская епархия стала центром антисергианской оппозиции, а ее общепризнанными руководителями — митрополит Иосиф (Петровых) и его заместитель, архиепископ Дмитрий (Любимов), который фактически и осуществлял руководство, поскольку митрополит был отправлен в ссылку⁸⁶.

«После объединения подгорновцев я выехал в Ленинград к Дмитрию Гдовскому, с ним связался», — показал позднее на допросе епископ Варлаам.

⁸⁶ Подробно в кн.: Священноисповедник Дмитрий, архиепископ Гдовский. М.: Братонез, 2008; Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий Каргопольский, Иларион, епископ Почепский. Тайное служение иосифлян. М.: Братонез, 2009.

В Ленинград он приехал в марте 1928 года, как об этом свидетельствуют показания помощника архиепископа Димитрия — Михаила Андреевича Коптева. Епископ Варлаам сразу же по приезде, не зная никого в городе, к немалому удивлению Михаила Коптева, которого до этого никогда не встречал, сам пришел к нему на квартиру. Оказалось, что его адрес епископ узнал от двух красноармейцев, которые приходили к Коптеву за книгами и знали его как человека, ведавшего распространением религиозных книг. Действительно, будучи прихожанином Покровской церкви в Большой Коломне, еще задолго до революции, когда там служил будущий архиепископ Димитрий, Михаил Коптев состоял в Покровском братстве по распространению религиозных книг.

Далее о его встрече с Варлаамом в протоколе допроса следуют показания Михаила Коптева, изложенные безыскусно и просто, по-видимому так, как это и происходило в комнате скромного питерского техника судостроительного завода, по-христиански принимавшего странников:

«Епископу Варлааму я предложил у себя ночевать, предоставив ему свою кровать. Оставшись у меня, епископ Варлаам спрашивал у меня о декларации митрополита Сергия, как она воспринята народом и духовенством в Ленинграде, и сообщил, что у них против этой декларации и что с каждым днем таких противников прибавляется. Он и подчиненное ему духовенство ведут большую работу, молиться ушли в горы. Далее Варлаам говорил, что он был у митр<опо>лита Сергия и разругался с ним. Варлаам говорил, что митр<опо>лит Сергий предал Церковь, что теперь кто не признает декларацию, тот будет контрреволюционером. От власти нет житъя, церкви разрушают, духовенство и верующих сажают в тюрьмы, а митрополит Сергей пишет в декларации, что успехи Сов<етской> власти

наши успехи и радости Сов<етской> власти наши радости.

Видя Варлаама в первый раз, я был с ним осторожен и в разговор особенно не пускался. Это заметил и Варлаам и тоже стал молчаливее, переводя разговор о красотах юга. Звал меня туда, предлагая принять сан священника. Я отказался, сославшись на семью. Утром рано я пошел на работу, а Варлаам спросил адрес Димитрия и пошел к последнему»⁸⁷.

Больше М. А. Коптев епископа Варлаама не видел, но получил от него два письма. Одно было о декларации, в котором он спрашивал, как канонически обосновывается отход от митрополита Сергия, и второе письмо было об "имябожниках" — «могут ли они быть присоединены к Православной Церкви». С этими письмами М. А. Коптев ходил к архиепископу Димитрию, и тот направил его к отцу Феодору Андрееву. «У Андреева я получил канонически обоснованный отход от митр<ополита> Сергия, а об "имябожниках" получил брошюру Троицкого от проф<ессора> Дмитриевского».

Переписка велась через жительницу Майкопа Анну Николаевну Брюховецкую: она пересылала письма епископа Варлаама, сообщала о получении ответных и, кроме того, на запрос М. А. Коптева о тайном священнике Иване Кучерове, проживавшем по Комсомольской улице, написала, что он «известен Варлааму и принадлежит к их организации»⁸⁸.

Архиепископ Димитрий во время следствия на допросе 20 января 1930 года также подтвердил: «Епископа Варлаама я знаю, он ко мне приезжал с выражением

⁸⁷ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-78806. Т. 1. Л. 32-32 об.

⁸⁸ Вот, к слову, еще одно имя как в поминальный список, так и в список исследовательский. В материалах дела об этом тайном священнике информации нет.

желания войти со мной, т<о> е<сть> с нашей группой, в общении. Мне известно было, что Коптевым получалась корреспонденция от еп<ископа> Варлаама. С письмами Варлаама Коптев приходил ко мне за советом для ответа»⁸⁹. И позднее уже на допросе в Москве владыка Димитрий показал:

«Епископ Варлаам, когда он ко мне приехал, не был признанным епископом, так как не все правила, по мнению некоторых лиц, были исполнены при его посвящении, но данным его я поверил.

Он приехал с предложением возглавить филиал нашей организации на юге, главным образом на Кавказе. У него было образовано в тот момент до 20 групп. Ввиду дальности расстояния жительства Варлаама от Ленинграда было уговорено, что он будет действовать, применяясь к местной обстановке и в значительной степени самостоятельно. У Варлаама была некоторая доля фанатичности»⁹⁰.

О встречах в Питере сам епископ Варлаам ничего на допросах не показал, заметив только, что владыка Димитрий порекомендовал ему *«передать подгорновцев епископу Алексею Воронежскому, что я и сделал»*. Речь идет о временном управляющем Воронежской епархией епископе Козловском Алексии (Буде), который в конце января 1928 года отделился от митрополита Сергия с большим числом приходов своей епархии. К нему также присоединялись клирики и миряне соседних епархий. В следственном деле, которое было возбуждено властями против епископа Алексия и его сторонников в начале 1930 года, перечислены десятки приходов и общин по всей Центрально-Черноземной области⁹¹. Все они были

⁸⁹ Архив Управления ФСБ по СПб и ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 88 об.

⁹⁰ Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 11. Л. 208.

⁹¹ Образована в 1928 году на территории бывших Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний.

"объединены" следствием по привычной схеме в единую «подпольную контрреволюционную церковно-монархическую организацию», участники ее якобы именовали себя "бுவцами" и ставили «своей целью поднятие массового выступления крестьянства против Советской власти и восстановление монархии».

В "Обвинительном заключении" по групповому делу "бுவцев", по которому было привлечено несколько сот человек, в том числе и епископ Алексей, к тому времени уже осужденный и отправленный в Соловецкий лагерь особого назначения⁹², есть информация о приезде в Воронеж епископа Варлаама. «Обвиняемый священник БУТУЗОВ, находящийся с епископом Алексием в близких отношениях, показал:

"18 марта 1928 года, придя на квартиру епископа Алексия, я застал у него гостя, причем, прежде чем ввести меня в свои комнаты, епископ Алексей в передней осведомился о моей честности и просил сохранить инкогнито своего гостя. Гость был епископ Варлаам Майкопский, скрывавшийся в то время от властей. Объехав юг России, епископ Варлаам объединил на платформе организации целый ряд приходов в Полтавщине, Харьковщине, на юге Курской губернии и, в частности, группу Сумского округа, возглавляемую

⁹² Епископ Алексей (Буй Семен Васильевич), родился в 1892. 6 марта 1929 — арестован в Ельце, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь. 28 июля 1930 — по групповому делу «бுவцев» приговорен к ВМН, но приговор не был приведен в исполнение, так как был привлечен к делу «Всесоюзного Центра ИПЦ» и этапирован в Москву. 3 сентября 1931 — приговорен к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ. Отправлен в Свирский лагерь, затем переведен в Соловецкий. В декабре 1932 — этапирован в Воронеж по новому делу «бுவцев». В апреле 1933 — возвращен в Соловецкий лагерь. 9 октября 1937 — приговорен к ВМН и 3 ноября расстрелян в урочище Сандормох под Медвежьегорском.

свящ<енником> Василием ПОДГОРНЫМ. Не имея абсолютности самому управлять, Варлаам передал их в полное руководство епископу Алексию. Это было начало объединения вокруг Алексия южных приходов России"».

Личность Варлаама особенно ярко выражена в следующих показаниях священника Сергея Бутузова: «Когда я встретил епископа Варлаама на квартире епископа Алексия, то он вместе со мной переписывал ряд документов, направленных против митрополита Сергия. Далее в разговорах об условиях жизни в горах Кавказа епископ Варлаам заявил нам, что царь Николай II жив и скрывается в горах со всем своим семейством. На наше молчание Варлаам ответил: "Я так воспитан и люблю царя". Епископ Варлаам сказал: "Я не признаю декларации потому, что она призывает сочувствовать Сов<етской> власти, но я давал присягу царю в верности, я воспитан в монархическом духе и люблю царя"».

Сам обвиняемый, епископ Алексей (Буй) показал об этом так:

«Когда ко мне пришел Сергей БУТУЗОВ, я в передней сказал ему, что у меня находится епископ Варлаам, который просил сохранять инкогнито. Епископ Варлаам в беседе со мной категорически заявил, что декларации митр<ополита> Сергия он не признает... Епископ Варлаам передал мне послание об отходе от митрополита Сергия и о передаче мне православных приходов своей епархии, состоящих из Харьковского, Майкопского и Сумского округов, в последнем во главе со свящ<енником> Василием Подгорным, которого я назначил благочинным над вышеуказанными двадцатью приходами».

Обвиняемый священник Степан Степанов, келейник епископа Алексия, показал:

«После передачи своих приходов епископу Алексию епископ Варлаам уехал в горы Кавказа и отту-

да присылал своих посланных к епископу Алексею за указаниями, распоряжениями, рукоположениями, награждениями, пострижением в монашество и т<ак> д<алее>. Приезжали к епископу Алексею посланники разные от епископа Варлаама. Из них одного я помню, звать Иоанникий, 26 лет, которого епископ Алексей постриг через архимандрита Питирима Шумских на квартире Бутузова в иеродиаконы. В то же время с ним приезжал иеродиакон, фамилии сейчас не помню, но его епископ Алексей посвятил в иеромонахи. Из этих вновь посвященных епископ Варлаам одного взял к себе в услужение»⁹³.

В иеромонахи был пострижен Макарий (Олейников). Согласно его показаниям, он вместе с Иваном Каюдиным ездил к епископу Алексею для посвящения. Иван Каюдин был рукоположен во иеродиаконы, только с именем Иннокентий⁹⁴. Сам владыка Варлаам о Воронеже больше ничего не показал, а после передачи подгорновцев показал следующее: «Обратно на Черноморье я вернулся весной 1928 года. Я считал себя епископом Майкопским и жил нелегально». В таком положении он считал необходимым действовать осторожно и сохранять тайны, и этому, как записано в протоколе допроса, «учил своих сторонников, но они отличались болтливостью». И теперь, когда все его дело раскрыто, он якобы не собирался ничего скрывать, и далее его показания изложены в протоколе уже в совершенно чекистском стиле:

«С весны 1928 года начала складываться и образовываться вокруг меня нелегальная группа. Ко мне, как находившемуся на нелегальном положении, потянулись

⁹³ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 9323. Оп. 2. Д. 24705.

⁹⁴ Возможно, в показаниях Степанова ошибка, или епископ Варлаам посылал, кроме него, еще и другого иеродиакона.

из казачьих станиц люди, священники и монахи, среди них я наблюдал проявления открытых недовольств на власть и чаяния переворотов, но к открытой борьбе их не призывал, а считал возможными создание лишь групп в станицах. О политических взглядах своих соучастников я не расспрашивал, но замечал, что больше сторонников и любителей старых порядков. Для того же, чтобы крепче за меня держались, я находил возможным иногда казаться настроенным контрреволюционно. Поэтому, возможно, некоторые мои соучастники могли об этом показывать на следствии. Для того же, чтобы нас не вскрыли и не открыли, ясно, использовались секретные формы, и я к этому как руководитель прибегал. Состав моей организации следствию должен быть хорошо известен из моих списков и докладной записки, которую я намеревался послать архиепископу Димитрию Гдовскому через монаха Сингалевича Сергия, при аресте последнего эти документы попали в руки ГПУ».

Монах Сергей, как это уже подробно изложено выше, был арестован одним из первых. Докладная записка и список общин, изъятый у него, также приведены вначале. Во время следствия он признался, что «согласно благословию Варлаама я должен был отправиться в Москву», якобы для лечения жены Татьяны⁹⁵. «Действительная же цель моей поездки в Москву заключалась в том, что я должен был собрать необходимые средства и закупить необходимые церковные принадлежности для церкви, которую мы начали строить в возглавляемом мною Пустынно-Тихвинском скиту в урочище Гишло».

Сбор средств предполагался как подавание у храмов, что монах Сергей (Сингалевич) уже делал ранее, когда приезжал в Москву зимой 1929 года. После пер-

⁹⁵ Сведений о ней в материалах следственного дела нет.

вой поездки, как он показал на допросе, он привез «в подарок Варлааму кое-что из священного облачения, несколько кило сахару, конфет, консервов, восковых свечей и т<ому> п<одобное>». Теперь же во второй поездке он должен был еще разузнать о церковных делах в Москве — связаться со священниками трех храмов, поминающих архиепископа Димитрия (Любимова): 1) Воздвиженского храма на Воздвиженке; 2) храма Грузинской Божией Матери на Ильинке; 3) храма святителя Николая тоже на Ильинке, его еще называли "Большой Крест". Со священниками этих храмов он был знаком, но в мае 1929 года они были арестованы, очевидно накануне его отъезда, о чем он по приезде немедленно сообщил епископу Варлааму.

Предполагалось, что с новыми священниками отец Сергей познакомится следующим образом: *«По прибытии подойти под их благословение и сказать, что я посланник к архиепископу Димитрию. Это служило паролем, и после этого мог свободно говорить по всем интересующим организацию вопросам. По заданию Варлаама я должен был получить точные сведения об отношении верующих тихоновской ориентации, ее мощности, настроениях и состоянии обновленческого духовенства и т<ому> п<одобное>. Через этих же священников должен был получить сведения о Димитрии, и если он не арестован, то поехать в Ленинград и вручить ему письмо Варлаама, отобранное у меня при обыске. У Димитрия должен был получить ответ и св. миро для еп<ископа> Варлаама».*

Обо всем монах Сергей должен был написать епископу Варлааму по майкопскому адресу Анны Николаевны Брюховецкой. На вопрос о том, когда и кто его постригал в рясофор, отец Сергей ответил, что был пострижен архимандритом Георгием (Лавровым) в Москве — в Даниловском монастыре в 1927 году. Отец Георгий, по его словам, являлся «стойким тихоновцем и поборником

за православие», в 1928 году «был арестован Лубянской за ведение контрреволюционной работы под прикрытием религии»⁹⁶. После его ареста отец Сергей впервые связался с тихоновскими храмами на Воздвиженке и Ильинке, благодаря этим московским связям епископ Варлаам и поручил отцу Сергию отвезти докладную записку архиепископу Димитрию, а также повидаться с иосифлянами в Москве и разузнать в целом церковную обстановку.

На допросах, помимо перечисленных в докладной записке общин, епископ Варлаам не назвал других, добавив лишь, что когда он скрывался от ареста, то, кроме названных групп по списку, «сторонников замечал много в районах, ранее не обслуживавшихся мною, — Баталпашинская, Усть-Джегутская, Бекешевская». К тому времени почти все его "сторонники" в тех местах как на Черноморье, так и на Кубани были арестованы и неоднократно допрошены. Однако помимо них следствие еще более интересовало "жители гор", активные участники вооруженных групп.

Владыка Варлаам неоднократно повторял на допросах, что связи с ними не имел и даже о них не знал. На первом допросе от 3 января 1930 года в Ростове-на-Дону он заявил: «Что касается жителей гор, в частности бывшего офицера Козлова, то с последним я не встречался, а не помню, от кого слышал уже во время скрывательства от ареста, кажется, говорил какой-то извозчик в районе Невинномысская — Баталпашин-

⁹⁶ Лавров Герасим (Георгий) Дмитриевич, родился в 1868. Постриженник Оптиной пустыни с именем Георгий, позднее — иеромонах, в 1915–1918 — настоятель Георгиевского Мещовского монастыря в Калужской губернии, архимандрит, с 1922 — в Даниловском монастыре. В 1928 — арестован и выслан на 3 года в Казахстан. В 1931 — после освобождения выехал в Нижний Новгород, в 1932 — скончался там.

ская, что у нас в горах живет Козел. Я вначале подумал, что речь идет о животном козле, но потом мне растолковали, что Козлов долгие годы скрывается от Сов<етской> власти».

Козлов Никита Анисимович — атаман станицы Бесстрашной, многие годы управлявший ею до революции и не смирившийся с новым порядком, личность легендарная. Более десяти лет он со своим отрядом не давал покоя властям в юго-восточном предгорье Кавказа. На его поимку постоянно посылались специальные бригады, были мобилизованы все лесники, егеря и охотники, которым обещаны награды за указание его местонахождения. Но все было напрасно, до 1930 года он оставался неуловим, во многом благодаря поддержке местного населения⁹⁷.

На последнем допросе 11 января 1930 года владыка Варлаам повторил: *«Что касается глубоких гор, то должен заявить, что там групп я не имел, и относительно КОЗЛОВА, скрывающегося в горах, мне никто не предлагал, чтобы с ним связался».* Однако именно в это время посаженный в камеру к Павлу Высоцкому доноситель сообщил, что арестованный рассказывал ему, как *«по поручению Варлаама ходил к Никите Козлову с предложением организовать у него нелегальную общину, но Козлов отказался, так как боялся, что к нему будут ходить люди и это его провалит».* Далее внимательный слушатель Высоцкого передал его подробнейшие, но путаные рассказы о жизни в горах, о встречах и общении с Никитой Козловым, о нахождении того в труднодоступных горных районах в верховьях реки Белой, о снабжении продовольствием из Адлера и Медовевки крестьянами и монахами. Но точного места базы Козлова Павел Высоцкий не знал, по его свидетельству, тот *«законспирировал ее и от самых близких».*

⁹⁷ См. очерк «Есаул Козлов» в приложении II к части 2.

Кроме того, Павел Высоцкий якобы рассказал, что они с епископом Варлаамом даже ходили вместе по горам после массовых арестов — в середине октября были в районе Медовеевки, обошли гору Очаг слева, вышли на Кавказский перевал, оставив его справа, и пошли на Красную Поляну, затем через перевал вышли на Ложипсе и далее к озеру Рица. Будучи напуганы разоренными кельями их скрывавшихся сотоварищей, они вынуждены были от озера Рица повернуть в сторону горы Святой и через Кавказский перевал вышли на реку Нарзанчик и не так далеко от Красной Поляны в бассейне Нарзанчика встретили Козла (то есть Никиту Козлова). В районе Медовеевки они видели пожарища и трупы семи офицеров и восьми монахов, также разоренные жилища монахов на озере Рица, поэтому побоялись остаться в горах и через Санчеры ушли в район реки Лабы.

Как ни странно, вся эта информация совершенно не отражена в показаниях Павла Высоцкого во время его многочисленных и многословных допросов, которых, кстати, больше всего в следственном деле. Ни о путешествии по горам с Варлаамом, ни о встречах епископа и знакомстве с Никитой Козловым он не показал. Возможно, стукач что-то напутал, и в камере Павел Высоцкий рассказывал о своем путешествии с иеромонахом Илиодором (Ильяшенко), когда они ушли с Пеху и в горах могли встретиться с Козловым. Вообще Павел Высоцкий вел себя довольно авантюристично и, как он сам признавал, «много привирал о своих связях в горах для того, чтобы войти в большее доверие к Варлааму». Тем более он мог наговорить много лишнего, чтобы запутать следствие! В его показаниях трудно разобраться и отделить вымыслы от реальных фактов...

Да следствие этим и не стало заниматься: противоречивая, но нужная информация была умело использо-

вана, и "организацию" епископа Варлаама, состоявшую из «34 контрреволюционных ячеек», "связали" также и с «политическими бандами из русских станиц, имевшими авторитет среди контрреволюционных слоев населения». Вот как это было сформулировано по завершении следствия в отношении епископа Варлаама и еще шести главных обвиняемых: *«Варлаам, также и его актив, кроме созданной лично им организации, разыскивали по станицам контрреволюционно-бандитский элемент, при помощи которого связывались с подпольными организациями и группами»*. Особо было отмечено: *«С самим Козловым Варлаам при помощи своего актива имел систематическую связь»*.

В общем "Обвинительном заключении", как бы подводящем итог всей "ликвидационной операции" по трем округам: Черноморскому, Майкопскому и Армавирскому, — организация, возглавляемая епископом, уже даже именуется не религиозной, как в "Обвинительных заключениях" по округам, а просто *«нелегальной монархической»*. И ее руководители обвиняются в том, что лишь прикрывались религиозной деятельностью, *«с каковой целью распространяли ряд воззваний против обновленцев и сергиевцев, обвиняя таковых в связи с гражданской властью, в действительности же борьба за религию была только видимостью, а основной целью являлось группирование и подготовка к<онтр>р<еволюционного> элемента к борьбе с Сов<етской> властью»*.

В качестве подтверждения приводятся полностью показания "главного обвиняемого", который, как специально подчеркнуто, *«не мог дать оправдывающих мотивов и откровенно объявил»*:

«Когда я был в Ленинграде у Димитрия Гдовского, вокруг него создалась группа архиереев. Лично я понял так, что мы должны считать Гдовского своим руководителем, т<ак> к<ак> на основе недовольств среди

истинно русских верующих на митрополита Сергия, который актом декларации о поминовании гражданской власти оттолкнул от тихоновской Церкви большие группы людей, понимавших декларацию как акт лояльности к безбожной антихристианской власти. Поэтому мы считали необходимым бороться с сергиевщиной, лично я договорился ориентироваться на месте и в зависимости от местных условий и обстановки действовать. Расчет был на кадры населения, главным образом любителей старых порядков монархического строя. Поэтому я понимал, что в нашем деле возможны как пути легальные, так и подпольные. Основа работы зиждилась на религии, т<о> е<сть> разоблачении митрополита Сергия и его сторонников перед народом. Религию от политики не отделишь, как шестерки цепляются друг за друга, так религия за политику. Ясно, что, борясь с Сергием, в воззваниях задевался и существующий строй».

В протоколе допроса епископа Варлаама эта фраза имеет еще такое завершение: «*Так как это неизбежное следствие, тем более что существующая власть антирелигиозна, а я уже сказал, что трудно отделить религию от политики».* В советском безбожном, вернее, богоборном государстве действительно невозможно было отделить религию от политики. Этот факт непреложный, и сейчас никто не решится его оспаривать. Если воинствующий атеизм был официальной идеологией у захватившей власть в стране коммунистической партии и уничтожение религии и искоренение веры из душ людских занесено в ее программу как одна из первоочередных задач, то неизбежно любой верующий человек становился врагом власти. Как ни пытались отделить религию от политики и занять "аполитичную" позицию вслед за Патриархом Тихоном многие архиереи и клирики с 1922 года, все было безуспешно. Сколько "ни очищался" от политики верующий чело-

век, он все равно оставался политическим преступником в глазах советской власти⁹⁸.

Поскольку эта власть была основана на безбожии, сознательном отвержении Бога, то самой своей верой в Бога верующий человек, хотел он того или нет, подтачивал самые основы этой антихристовой власти и неминуемо становился ее политическим противником, по версии следствия, "*контрреволюционером*". Так и епископ Варлаам с его духовенством и паствой для безбожной власти были преступниками, представлявшими серьезную угрозу самому ее существованию. За религиозные убеждения их, однако, судить не могли, поскольку изначально основанная на лжи власть постоянно лгала и прикрывала жесточайшие гонения конституционной "*свободой совести*" и нагло заявляла на весь мир о том, что в СССР никто не преследуется за религиозные убеждения, а тысячи священнослужителей и сотни тысяч верующих, брошенных в тюрьмы и лагеря или уничтоженных как "*враги народа*", подвергались репрессиям якобы лишь как политические преступники⁹⁹.

⁹⁸ В этом плане очень поучительны размышления протопресвитера Михаила Польского, на своем опыте пережившего все огненные испытания, которым подверглась Русская Православная Церковь после богоборческой революции 1917 года. См. его очерк «Положение Церкви в Советской России», изданный в 1931 году в Иерусалиме (второе издание — СПб., 1995). См. о нем также в нашей книге: Священномученик Нектарий, епископ Яранский. Его приходы и паства в Вятской губернии... С. 77–92.

⁹⁹ Причем даже здесь власть лукавила. В самом Уголовном кодексе статьи, по которым приводились обвинения (59–3 о «бандитизме» и 58–10 «об антисоветской пропаганде и агитации»), нигде не названы политическими, а вместе с преступлениями против порядка управления сведены в главу «преступлений государственных», как заметил А. И. Солженицын: «Так, Уголовный кодекс открывается с того, что отказывается признать кого-либо на своей территории преступником политическим, а только уголовным». А в отношении 58-й статьи и ее всеохватности: «Воистину нет

Поэтому и в деле епископа Варлаама духовные пастыри и монашество были представлены *«руководителями повстанческой контрреволюционной организации»*, которая, как подчеркивалось в "Обвинительном заключении", *«ставила своей целью объединение реакционных слоев казачества и подготовку их к вооруженному восстанию для свержения существующего строя и реставрации монархии»*. Подтверждение этому находили в показаниях не только епископа Варлаама, но и всех других обвиняемых, а также в изъятых у них документах. *«Монархическая сущность организации и повстанческое направление таковой полностью установлены захваченными при ликвидации документами и признанием большинства актива»*. Причем к таким документам были отнесены даже рукописи чисто богословского или духовно-нравственного характера, найденные в кельях монахов-пустынников. И сами эти пустынники, большинство из которых давно удалились от мира и занимались исключительно духовным деланием, были причислены к *«бандитско-повстанческому и черносотенному элементу»*, который и *«сгруппировал вокруг себя епископ Варлаам как главарь организации»*.

такого поступка, помысла, действия или бездействия под небесами, которые не могли бы быть покараны тяжелой дланью Пяťдесят Восьмой статьи. Сформулировать ее так широко было невозможно, но оказалось возможно так широко ее истолковать...»; «И никакой пункт 58-й статьи не толковался так расширительно и с таким горением революционной совести, как Десятый. Звучание его было: "Пропаганда и агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти... а равно и распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания". И оговаривал этот пункт в мирное время только нижний предел наказания (не ниже! Не слишком мягко!), верхний же не ограничивался! Таково было бесстрашие великой Державы перед словом подданного» (Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Т. 1. Ч. 1–2. М.: Вагриус, 2008. С. 73–74, 78–79).

Так, в активе "повстанческой" организации оказались и краснополянские пустынноики, о которых епископ Варлаам на первом допросе показал следующее: *«Ко мне как-то весной обращался от имени группы краснополянских монахов Польш Олег с просьбой, чтобы я к ним прибыл. Он же звал с собой на Псху, но я туда не ходил. Польш говорил, что он ставленник Димитрия Гдовского. Он же приводил ко мне Бориса Корди для посвящения в иеромонахи. В районе Красной Поляны моими соучастниками были Борис Корди, Польш Олег, Даниил Бондаренко, какая у них была еще группа — я не знаю».*

В списке, отправленном архиепископу Димитрию, однако, было указано два скита:

- «9. Скит св. Николая — иеромонах Онисим, иеромонах Арсений Корди.
10. Краснополянский скит — настоятель схимонах Авель».

И на последнем допросе епископа Варлаама также было названо два скита: *«В горах близ Красной Поляны св. Николая во главе с Онисимом — Польш Олег и Арсением — Корди Борис. Состав они сами хорошо знают, т^{ак} к^{ак} сами организовали».*

"Краснополянские скиты"

Название "краснополянские скиты", конечно, условное. Но это действительно были монашеские поселения в горах, куда можно было добраться от селения Красная Поляна. "Скит св. Николая" сначала представлял собой келью схимонаха Даниила (Бондаренко) на юго-западном склоне горы Ачишхо. Побывавшая здесь в 1926 году Валерия Дмитриевна Пришвина писала, что от Красной Поляны они шли несколько часов горными тропами по правому берегу маленькой шумливой речки Монашки, пока наконец уже в сумерках не вышли к келье старца на поляну "на полгоре", как называли ее местные жители.

Возможно, поляна была расчищена предшественником отца Даниила, неким монахом Трифиллием, но в середине 1920-х отец Даниил жил здесь один. Пришел он в 1916 году после того, как более десяти лет подвизался в горах Абхазии в 25 верстах от селения Ажары, где, по его словам, "жил отшельником". В тех же местах подвизались еще четыре монаха¹⁰⁰, но после того, как абхазцы

¹⁰⁰ Один из них «Белоусов Николай, он же Никон (в миру Никита)», согласно протоколу допроса отца Даниила от 12 октября 1929 года, «в данное время находится под арестом». Белоусов Никита Михайлович родился в 1860. Монах Николай. В середине 1930-х находился в Ворошиловске. 13 декабря 1937 — арестован, приговорен к ВМН и расстрелян.

их разорили, отец Даниил *«переехал в Сочинский район и поселился в 5 верстах от Красной Поляны, где и жил до дня ареста»*.

Происходил отец Даниил из крестьян Черниговской губернии, в миру Дмитрий Васильевич Бондаренко, 1879 года рождения. С юных лет он стремился к монашеской жизни и в 17 лет ушел в монастырь Тихона Калужского. Тяготясь многолюдством общежитийного монастыря, испросив благословения игумена, в 1902 году он отправился на Кавказ. Пробыв одно лето в Ново-Афонском монастыре, ушел к пустынноикам под Клухорский перевал и с тех пор подвизался как пустынножитель в горах. В монашество он был пострижен в 1909 году в Драндском монастыре с именем Дамиан (в протоколе допроса "Демьян"). А в схиму его постриг 25 марта / 7 апреля 1926 года иеромонах Пансофий (фамилии его отец Даниил не знал, только сказал на допросе, что *«раньше он жил в Медовеевке, а в данное время в Сухуми»*).

Рассказы о своей жизни в горах отец Даниил записал по просьбе своих послушников. Как пишет Пришвина: *«По нашему настоянию впоследствии о<тец> Даниил написал свои воспоминания и назвал их "Близ заката"». Книга была написана образным языком, но... без прописных букв и без знаков препинания»*¹⁰¹. Книга, вернее рукопись, была изъята и приобщена к материалам дела и в "Обвинительном заключении" перечислена в числе *«документов, захваченных при ликвидации организации»*, *«подтверждающих монархическо-повстанческую ее деятельность»*. На одном из последних допросов уже в Новороссийске 22 ноября 1929 года отец Даниил признал: *«Брошюра "Близ заката" написана мною, там есть места, что Церковь и царь союзники. О кровопийцах я*

¹⁰¹ Пришвина В. Д. Невидимый град. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 308.

также записывал, так как некоторые пустынноики погибли после революции».

Послушник отца Даниила иеромонах Онисим (в миру Олег Владимирович Польш) во время следствия на вопрос о книге дал следующие показания:

«В пояснение к найденной у схимонаха Даниила (БОНДАРЕНКО) книге "Близ заката" могу сообщить следующее: когда я поселился у него в 1925 году, он часто рассказывал мне о монахах-пустынниках, и рассказы его были так живы, что я попросил его записать их, он за это дело и принялся, плодом чего и явилась оконченная недавно книга, названная им "Близ заката". Современные пустынножители в горах Кавказа под "закатом" подразумевают пустынножительство. Книга эта сначала писалась им самостоятельно, мы с Арсением (КОРДИ) читали ее вслух, я делал критические замечания. Потом отец Арсений додумался, чтобы составить план, и они с отцом Даниилом это и сделали. Мы с отцом Арсением решили эту книгу переписать, т<ак> к<ак> там много полезных нравоучительных повестей. Затем отец Арсений предложил вставить главу о царе небесном и главу о конце мира. Эти главы и были скомбинированы по книгам святых отцов отцом Арсением, он же написал и часть последней главы, описывающей его с о<тцом> Даниилом путешествие по кельям медовеевских отцов после их разгона. Кроме этих 3 глав все писал отец Даниил»¹⁰².

Отец Арсений — это иеромонах Арсений, послушник отца Даниила, в миру Борис Григорьевич Корди, 1907 года рождения, из семьи железнодорожного служащего города Ростова Ярославского (в своих показаниях на одном из последних допросов 21 ноября 1929 года он

¹⁰² К сожалению, полный текст рукописи не сохранился (или еще не найден). В машинописи из бумаг Новоселова, выдержки из которой приведены во введении, нет последних глав.

заявил: *«Предки мои были итальянцы, евреи из немцев, греки, я же себя считаю чисто русским, т<ак> к<ак> у меня осталась только фамилия итальянская, а подданство русское»*). Борис рано потерял родителей, учился в 1920–1924 годах в опытно-показательной колонии 2-й ступени в четырех километрах от станции Пушкино под Москвой¹⁰³ (работавший здесь с весны 1921 года Олег Польш назвал ее *"Пушкинская открытая школа-колония"*). Олег у Бориса пользовался непререкаемым авторитетом, стал другом и старшим братом и, несомненно, оказал значительное влияние на духовное становление юноши¹⁰⁴.

После закрытия школы-колонии в 1924 году Борис поступил в Абрамцевское художественно-прикладное училище, Олег уже уехал на Кавказ, но их общение не прервалось. По словам отца Даниила, сам Олег Польш прибыл *«в Сочинский район в 1925 году. Кто-то из местных жителей Красной Поляны указал ему место моего нахождения, он пришел ко мне и остался со мной жить»*. Сразу же после прибытия Олег *«отсюда написал Корди письмо, и последний приехал в 1926 году»*.

Как Олег нашел отца Даниила, неизвестно; к тому времени он прошел длинный путь богоискательства и утвердился в православном мировоззрении. В своих показаниях на допросе он писал: *«Воспитание получил безрелигиозное и даже антирелигиозное... Постепенно материализм перестал удовлетворять, стал искать мистического материализма...»* Сначала склонился к толстовским идеям, в 1918–1920 годах работал в тол-

¹⁰³ Сельскохозяйственная детская школа-колония, задуманная как школа на лоне природы, где всё должно было быть основано на любви и взаимном уважении, была создана Л. М. Арманд, бывшей революционеркой, увлекшейся теософией.

¹⁰⁴ Об Олеге Поле более подробно в отдельном очерке в *приложении II*.

стовских колониях в Подмоскowie и Тульской области. Во время работы в Пушкинской колонии отошел от Толстого, «неудовлетворенный его материалистическим складом, и, познакомившись с разными сектами, каковы баптисты и др<угие>, а также с книгами "йогов" и т<ому> п<одобным>, увлекся сочинениями святых отцов, в особенности собранными в "Добротолюбии" (5 томов). Под влиянием их оставил попытки найти толстовскую мистику и принял мистику древнеправославную, выразившуюся в трудах аввы Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Иоанна Дамаскина, Симеона Нового Богослова и других... Тотчас захотел оставить службу и уйти в монастырь, чтобы вполне отдаться чтению св. отцов, но ученики попросили остаться до окончания школы 1-м выпуском (преподавал сельское хозяйство и математику). В 1924 г<оду> заболел туберкулезом желез и легких и по совету врача оставил службу и поехал в Геленджик».

На Кавказ Олег уехал весной 1924 года. Ему давали письма к знакомым людям, где можно было остановиться и дешево прожить, но, как свидетельствовала В. Д. Пришвина, у него была другая, более важная цель. Недавно он прочел книгу Свенцицкого "Граждане неба" о кавказских пустынноиках, и как же было их не поискать: «Неужели они существуют впрямь, в наше время, на нашей земле? Неужели это правда? И если существуют, то какой может быть разговор? Надо с ними остаться!»¹⁰⁵ О своих поисках и в целом о жизни на Кавказе Олег сообщал друзьям в письмах. В. Д. Пришвина упоминает, что в конце лета он уже жил на Красной Поляне у отца Даниила. Но, возможно, это ошибка, Олег в своих показаниях, как и отец Даниил, указывает 1925 год; в 1924 году он еще жил в Геленджике, «где работал чернорабочим» (из рукописных показаний на первом допросе в Сочи).

¹⁰⁵ Пришвина В. Д. Указ. соч. С. 242.

Позднее, в показаниях в Новороссийске, он также писал, что жил в Геленджике: сначала по приезде остановился у толстовца В. А. Лебрена, к которому, очевидно, имел рекомендательные письма от знакомых толстовцев из Москвы, потом на Михайловском перевале познакомился с супругами-художниками Биронами — Михаилом Николаевичем и Людмилой Дмитриевной, с ними подружился и поселился у них: вместе с Михаилом Бироном плотничал, а также изготавливал игрушечные лодки. В дальнейшем они письмами поддерживали связь, впрочем, "весьма слабую", по словам Олега. А в последний роковой год виделись на Красной Поляне, и *«специально для них была отслужена литургия»*. Позднее супруги Бироны также привлекались к следствию по групповому делу и были высланы в Северный край, но почему-то в приговоре в общем списке значится лишь Людмила Дмитриевна Бирон, 1881 года рождения, и ее приговор — *«высылка в Сев<ерный> край на 5 лет»*.

Осенью 1924 года Олег Польш приехал в Москву. Позднее он отмечал в показаниях: *«На Кавказе скучал отчасти, нуждаясь в умственной жизни, жалел о недоконченности своего образования и искал средств пожить зимой в Москве. Там зарабатывал уроками и чертежами и проводил свободное время в читальнях»*. В. Д. Пришвина пишет, что он привез рукопись первой части своей философской работы "Остров Достоверности", с которой знакомил друзей и над которой продолжал работать¹⁰⁶. А ранней весной 1925 года уехал в горы к отцу Даниилу на Красную Поляну. Летом 1925 года

¹⁰⁶ «Зинину критику получил. За нее благодарен ей, но не всегда она права и даже чаще всего не права. Однако критика ее ценна, как перечень мест, где у меня неясно выражена мысль или просто плохо продумано», — писал Олег уже в 1926 году по поводу критических замечаний Зинаиды Барютиной по прочтении его труда (Пришвина В. Д. Указ. соч. С. 338).

вместе с А. В. Лебедевым они искали место для поселения в Абинском районе — у них были планы устройства обители, но уже осенью 1925 года письма Олега приходили с Красной Поляны. И в них он писал об отцах и о своем "авве" (отце Данииле).

В начале зимы 1925/26 года Олег Польш вновь в Москве, по-видимому, закончил свой труд. В показаниях на допросе от 28 октября 1929 года по поводу изъятых у него рукописей он пояснил: *«Материалы философского мировоззрения "Остров Достоверности". Это мой духовный дневник, в котором записывались мысли по философии, аскетике. Вел его с 1922 по 1925 или 1926 год... Перепечатал на машинке сам»* (причем в трех экземплярах: один остался в Москве у С. В. Шабуневича, второй у Петра Залогина на Змейке и третий у протоиерея Феодора Андреева в Ленинграде).

С Шабуневичем отец Онисим (Польш) познакомился в 1917 году на собрании Московского общества эсперантистов; позднее у него и печатал все свои труды. *«ШАБУНЕВИЧ, старый толстовец, эсперантист, человек очень культурный, был редактором-издателем журнала "Землеборец"... бывал за границей. Мне лично ШАБУНЕВИЧ материально помогал в Москве и даже присылал деньги, когда я жил на Черноморье, — показал Олег на допросе. — В 1927 году летом он был арестован. В его архиве взяли толстую книгу под названием "Остров Достоверности" — это мое сочинение, систематическое изложение моего мировоззрения»*¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Далее Польш показал: *«При допросе его спрашивали, между прочим, кому принадлежат письма, подписанные "О." (это я), на что он, как корректный человек, отвечать отказался. Эти письма написаны мною, что было легко установить, но, вероятно, не нашли этого нужным. В настоящее время Шабуневич отбывает высылку в Минусинске. Я с ним по временам обменивался письмами, главным образом на духовную тему — я православный, а он толстовец — искатель истины, еще не установивший взгляд»*.

Второй экземпляр "Острова Достоверности" был также изъят во время арестов на Змейке в 1929 году и, вероятно, так же как и первый, либо уничтожен, либо где-то погребен в недрах ведомственного архива. Возможно, то же самое случилось и с третьим экземпляром, так как в 1930 году во время ареста вдовы отца Феодора Андреева были конфискованы все его рукописи¹⁰⁸. Однако скорее всего третий экземпляр все-таки попал за границу, но, увы, и там не сохранился (об этом будет сказано ниже).

Как бы то ни было, к великому сожалению, полного окончательного варианта этого замечательного философского труда до нас не дошло. У Валерии Дмитриевны сохранился только самый первый черновик первой части еще будущей работы — «аккуратная в восьмую часть листа шитая тетрадка, исписанная четким и мелким почерком», которую Олег привез еще в первый год своего пребывания на Кавказе. А в 1960-х годах был найден, вероятно в архиве Натальи Гершензон, черновой вариант уже почти всей работы, но также еще с явными недоделками и, главное, без самой важной и интересной 3-й части «Мистика о творении мира и Христе», как определил ее содержание Олег в своих показаниях на допросе.

В "Обвинительном заключении" наряду с рукописью отца Даниила "Близ заката" "Остров Достоверности" был отнесен к документам, *«подтверждающим монархическо-повстанческую деятельность организации»*, и в показаниях на допросе отец Даниил признавал, что брал для читки брошюру Олега Поля *«"Остров Достоверности", которая написана против существующей системы»*.

¹⁰⁸ Так пропали уникальные труды отца Феодора Андреева, в том числе незаконченная магистерская диссертация по славянофилам и работа по литургике, которую отец Павел Флоренский называл непрезойденной.

В мае 1926 года Олег едет на Кавказ к отцу Даниилу вместе с В. Д. Пришвиной и А. В. Лебедевым. Об этой поездке Валерия Дмитриевна великолепно написала в своей книге (ее воспоминания приведены в *приложении II*). Осенью того же года она проводила к Олегу Бориса Корди, ученика Абрамцевской художественно-прикладной школы, и он также поселился у отца Даниила. «Боря очень понравился отцам, и они ему, — писал Олег. — Он как будто попал на свое место, окружающая обстановка как-то подходит к нему, а в Москве он словно не на своем месте». Сохранилось несколько писем Бориса, адресованных кому-то из преподавателей Пушкинской школы (возможно, и самой Лидии Арманд). Первое письмо датировано 22 сентября 1926 года:

«...Обитаю я теперь высоко в горах, вдалеке от селения, людей, среди леса и гор.

Жизнь здесь иная, чем в миру. Порядок жизни похож на монастырский, но все-таки в некотором отличается от монастырской.

Мне, кроме двух моих сожителей, не приходится видеть никого из людей. В селение я не хожу, отчего и не вижу никого из посторонних. Но этим я нимало не печалюсь, а по правде сказать, так доволен. У местных монахов есть хороший обычай — это к соседям не ходить без необходимости. Хотя невдалеке и живет один монах, но его совсем не слышно и не видно.

Здесь — лес и вообще — природа, птицы и даже климат иначе, нежели в России. Например, птиц совсем не слышно и не видно, будто бы их и нет здесь. Со всех четырех сторон горы и леса. За несколько саженей от нашей кельи — пропасть, на дне которой шумит река (шум которой только и нарушает полную тишину, которая здесь царит).

Вот в такой тишине, среди этой суровой природы и живут монахи. Я говорю "суровой" оттого, что это действительно так...

На небольшой поляне находится маленькая келья, срубленная топором, кое-как покрыта аршинной дранкой и вмес-

то рам — просто вставлены стеклышки в отверстие (очень небольшое) для окна. Кубатура обычной кельи колеблется от 1–2 куб<ических> саженей. Низенькая дверь, так что даже мне приходится наклонять голову. Назади дома находится навес, под которым лежат дрова и где готовят пищу над костром (очагом). Возле дома растет картошка и др<угие> некоторые огородные овощи, кукуруза».

Позднее на той же поляне были построены отдельные кельи. Почему они были названы "скит св. Николая", не ясно; сами насельники так его не называли. Только на одном допросе отец Даниил признал себя *«руководителем нелегального скита Святителя Николая»*, в протоколах же допросов Олега Поля и Бориса Корди о ските никакой информации нет. Примечательно, что Константин Сергеевич Родионов, познакомившийся с отцом Даниилом и Олегом в 1927 году, вспоминал, что келья отца Даниила была посвящена Успению Божьей Матери¹⁰⁹. Однако эти воспоминания были записаны в феврале 1991 года, то есть спустя более шестидесяти лет, когда К. С. Родионову было уже 99 лет, поэтому многие факты и тем более имена и названия могли стереться из памяти или перепутаться.

Церкви, то есть храма или какой-то отдельной моленной не было. В церковь, как писал Борис Корди, они ходили в одну "пустыньку" верстах в семнадцати от них, но так как дорога была по горам трудная, то занимала целый день ходьбы. Вот как он описал эту пустыньку:

«По лесу разбросаны кельи монахов друг от друга на расстоянии $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ версты. В сторонке находится церковь. Монахов — человек 15, живущих и приходящих (таких, как мы) — человек 10. Церковь имеет вид обыкновенной кельи, но несколько попросторней. На крыше ее стоит деревянный

¹⁰⁹ Воспоминания Константина Сергеевича Родионова (1892–1991) / Вестник РСХД. 1992. № 1 (164). С. 279–284.

крест. Внутри нет разделения — между алтарем и общей церковью. Впереди стоит престол; в левом переднем углу — жертвенник, а в задней (западной) части стоят монахи. Вот вам вид церкви пустынников, которую они сами выстроили».

Это описание соответствует рассказу В. Д. Пришвиной о монашеском поселении в Медовеевке, где она побывала с Олегом и отцом Даниилом на праздник Троицы в 1926 году. По-видимому, здесь 24 марта (по старому стилю) 1927 года и был пострижен в монашество Борис Корди с именем Арсений тем же иеромонахом Пансофием, который ровно за год до этого постриг в схиму отца Даниила.

В 1927 году медовеевские монахи, как и многие другие пустынножители, были изгнаны. Об их разгоне писал во втором письме Борис Корди и также упоминал в своих показаниях и Олег Польш: *«В 1927 году монахов выгоняли, но я еще до выгонки навел справки в <нрзб.> у т<оварища> Замченко и, услышав, что гнать будут только из городов, занял участок на Змейке и построил своими трудами с некоторой помощью о<тца> Демьяна келью. Там жил лето и зиму 1927/28 года и лето 1928 г<ода>. Изредка навещал о<тца> Демьяна, к которому привязался как к простому и доброму человеку, помогавшему мне советом, любовью, молитвой».*

По свидетельству В. Д. Пришвиной, устроиться в поселке Змейка помог толстовец Митрофан Нечесов, работавший с Олегом в одной колонии (в Нахабино в 1919 году). Сначала после приезда Бори он помогал строить кельи для Бори и Олега; потом стал посредником между Олегом и змейковцами, поселенцами бывшей толстовской колонии, существовавшей когда-то под Мацестой, и они отдали ему пустовавший крайний с горы участок с остатками недостроенной хаты. Монашеский постриг с именем Онисим Олег Польш принял 12 сентября 1927 года (по старому стилю 28 августа) в канун празд-

ника Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. Он сообщил об этом в письме В. Д. Пришвиной. Где это могло происходить?

Олег пишет только о бедной церковке на кладбище и об иеромонахе Н. «Пели псаломщик, брат Николай да о<тец> Арсений». Схимонах Даниил в показаниях на допросе назвал постригавшего — «иеромонах Неофит, который в данное время живет в Баталпашинске (адреса его не знаю)». Очевидно, это не кто иной, как иеромонах Неофит (Енин), бывший насельник Ново-Афонского монастыря, в дальнейшем настоятель общины в станице Лабинской¹¹⁰; в 1924–1927 годах он служил в селе Молдовка Адлеровского района. Схимонах Даниил, по словам Олега (вернее, уже монаха Онисима), «жалел, что у них нет церкви», и советовал Онисиму (Полю) принять иерейский сан с тем, чтобы они служили только для себя:

«Долго советовались мы о том, к какому епископу относиться. О<тец> Демьян (Даниил) тянул к Антонию Сухумскому, т<ак> к<ак> он ближе всего. Но я отказывался, т<ак> к<ак> в это время между монахами некоторые получали письма, что Антоний не вполне православный епископ, потому что он "подписал декларацию Сергия". Я в этом разобратся не мог, но просил, чтобы, кто мог, рассказал мне об этом, но никто толком — из монахов — не знал, т<ак> к<ак> их уже разогнали, и были несколько человек, нам мало знакомых, далеко живущих и в деле несведущих. Дело окончилось тем, что Антония, по слухам, выслали (или перевели — мне неизвестно) в Эривань, и он стал от нас далек. О<тец> Демьян, к моему огорчению, был равнодушен к этому делу и советовал ехать в Сухуми к еп<ископу> Филиппу, не справляясь, как он верует, но я опасался. Я читал в газетах декларацию м<итро-

¹¹⁰ Информация о нем в главе «Общины Майкопского и Армавирского округов».

полита> *Сергия, и меня самого, без чтения каких-либо документов против него, смутили следующие вещи:*

- 1) Почему м<итрополит> С<ергий> издает такую важную декларацию без благословения м<итрополита> Петра? Ясно, что если бы от Петра было благословение, то оно было бы добавлено властями и его разрешили бы напечатать.
- 2) Важность же шага в следующем. Я недавно еще был толстовцем-анархистом; я так рад был, что верую свободно. Не знаю, легко ли я обратился бы к православию в прежнее время при союзе веры с государством. Теперь вновь я видел, что верующие призываются к соединению с государством, хоть и под другим видом, и притом с государством, открыто безбожным, желающим разрушения веры. Пусть это государство исполняет общегосударственные задачи охраны порядка, народного хозяйства, но при чем тут вера?»

Отец Онисим так же, как и все его друзья, несмотря на свою отрешенность от общественной и тем более политической сферы, был искренним сторонником Патриарха Тихона, избранного на Поместном Соборе 1917–1918 годов, и знал о том, что Патриарх не шел на компромиссы с богоборной властью, отстаивая свободу и достоинство Церкви. Как писала Валерия Дмитриевна Пришвина:

«Усилия Патриарха Тихона отстаять свободу Церкви, убеждение своих детей от лишних страданий были нам неведомы, но мы догадывались о них. Мы знали, что под конец жизни Патриарх Тихон был уже под негласным домашним арестом, в котором и скончался. Один уважаемый нами человек, пробившийся к Патриарху Тихону с каким-то поручением, на вопрос: "Приходится ли вам делать уступки под давлением гражданской власти?" — услышал от старого умирающего Патриарха такой ответ: "Не под давлением, а под удавлением".»

Патриарх Тихон скончался в 1925 году весной. Он жил в Донском монастыре на окраине Москвы, где его и похоронили. Разрешены были открытые похороны, и очереди прощающихся тянулись через всю Москву: мне, например, пришлось стать в эту очередь на Самотечной площади. С тех пор прошло четверть века, и эти события даже мне самой по сравнению с нашей действительностью кажутся далекими и неповторимыми, как Средневековье.

По церковным правилам Патриарх не мог быть избран без собора епископов. И потому временно вступил назначенный умирающим Патриархом местоблюститель его престола епископ Петр Крутицкий. Это был совсем незаметный, незначительный, как казалось, человек — "синодальный чиновник", который ничем не выделялся в своей среде. Но Патриарх Тихон оказался сердцеведом, и назначенный им Петр обнаружил себя человеком, до самозабвения любящим Церковь. Что иное могло бы дать ему силы непреклонно держаться, как Тихон, не идя на соглашение с властью вплоть до безвестной и бесславной кончины? Очень скоро он был арестован и сослан в Обдорск, где в тяжчайших условиях прожил сколько-то лет и там скончался.

То, что последовало за этим, поначалу казалось непонятным и невероятным: дело в том, что Патриарх Тихон оставил точный список пастырей в последовательном порядке, достойных занять его престол. С 1925 по 1927 год, то есть за два лишь года, все они покорно и мужественно вступали "по порядку" на место заместителя патриаршего местоблюстителя. Петр в это время находился в ссылке, и они по очереди следовали за ним в заключение, исчезая там безвозвратно. Это были епископы: Серафим, Агафангел, Кирилл. Наконец, последним по списку вступил на овдовевший престол заместителем местоблюстителя епископ Сергей. И вот он-то не последовал за своими предшественниками, а выбрал другой путь и выступил в центральной гражданской печати с упоминаемым выше и дошедшим до нас на Кавказе воззванием».

Весть о декларации пришла перед самым постригом Олега Поля. Валерия Дмитриевна как раз была на Змей-

ке в конце августа 1927 года, когда собравшиеся у Олега схимонах Даниил (Бондаренко), Боря (отец Арсений) и Сережа Скороходов обсуждали новость о выступлении в центральных газетах нового заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. Рассказал им об этом Константин Сергеевич Родионов, только что побывавший на Псху, где старцы уже обсуждали это выступление. Валерия Дмитриевна писала:

«Я почти никогда не читала газет, убежденная, что все необходимое услышу от людей, которые их читают, и теперь тоже еще ничего не знала. Константин Сергеевич рассказал, что епископ Сергий провозгласил единство Церкви с советской властью, признавая эту власть народной, народом принятой и потому обязательной и для Церкви, которая никогда не боролась с государственной властью и имела свои, чисто духовные, независимые от мирской жизни цели. Константин Сергеевич по памяти процитировал: "Несть власти, аще не от Бога", и потому "ваши радости — наши радости и ваши печали — наши печали".

Сколько раз потом по-разному и разные люди повторяли эти слова из статьи — споря, не соглашаясь, страдая и соглашаясь, сколько раз потом я их слышала в Москве.

— А как отнеслись к этому старцы? — спросила я.

Константин Сергеевич говорил, что старцы приняли выступление послушно, хотя и настороженно. Вспоминали, когда в истории Церкви бывали выступления святых людей против некоторых действий светской власти в случаях, когда она явно нарушала закон Христов. Вспоминали выступление митрополита Филиппа против жестокости Иоанна Грозного, Нила Сорского против жестокостей в борьбе с еретиками при Иоанне III. Но общее мнение старцев на Псху было таково, что выступления Церкви возможны лишь против отдельных заблуждающихся или преступных личностей и их действий, но не против исторически складывающихся государственных формаций — старцы еще раз подтвердили, что Церковь никогда не становилась и не должна становиться на путь борь-

бы с государственной властью. Насколько мы знали то, что происходило все это время в столице, Патриарх Тихон, не выступая против власти, боролся как раз с отдельными постановлениями, пытаясь отстоять достоинство Церкви в новом атеистическом государстве. Но на официальное признание новой власти ни он, ни его последователи не пошли и были за прошедшие годы все так или иначе уничтожены.

Вместе с о<тцом> Даниилом мы обсудили церковные новости и присоединились к мнению старцев с Псху. Кто-то, помню, говорил, что Сергей, известный не столько своей духовной настроенностью, сколько ученостью и административным опытом, делает дипломатический шаг с целью оградить церковных людей от политических преследований и дать им мирно жить в новой обстановке атеистического государства. Но чувство тревоги поселилось в душе, было непонятно, каких последствий можно теперь ждать... Митрополит Сергей своим выступлением покупал мир для Церкви, какой ценой — никто не знал»¹¹¹.

Через несколько дней В. Д. Пришвина вернулась в Москву, и здесь оказалось, что выступление митрополита Сергия воспринято совсем по-иному, чем на Кавказе:

«Все мои московские друзья отшатнулись от митрополита Сергия, и знающие и не знающие историю, но имеющие опыт церковной жизни. Мне рассказали, что, когда после литургии о<тец> Роман, выполняя указ, прочел с амвона воззвание митрополита Сергия, несколько человек, не сговариваясь, убежали из храма и больше в него не вернулись. Это произошло еще в бытность мою на Кавказе.

Сцены, подобные описанной, повторились во всех храмах и по всей России. К митрополиту Сергию шли и ехали ходоки от мирян и ближних, и дальних, шли послания по рукам и по почте от мирян и от духовенства. Мы читали своими глазами эти документы: они были величественны, искренни, напоминали

¹¹¹ Пришвина В. Д. Невидимый град... С. 361–362.

по духу мученические акты первохристианства, сохраненные, к счастью, человечеством в подлинниках. Не знаю, сохранились ли документы о подобных актах 1927 года XX столетия.

Никто не призывал в них к борьбе с государственным строем. Все стояли вне оценок форм гражданской жизни, вне классовых и материальных интересов. Их связывала лишь одна мысль: люди умоляли Сергия не уступать государству независимость, приобретенную и приобретаемую кровью и жизнью мучеников. "Пойди с ними — и мы пойдем с тобой", — говорилось во многих из этих писем. Михаил Александрович Новоселов был одним из вдохновителей этой внутрицерковной борьбы. Мне пришлось быть свидетельницей проявления соборности в православии, которая выделяет его среди других христианских церквей. Я помню сцену, когда на литургии в храме Грузинской Божьей Матери, не примкнувшем к митрополиту Сергию и поминавшем по-прежнему — еще живого! — митрополита Петра, сослуживший с настоятелем храма провинциальный епископ помянул митрополита Сергия как главу Церкви. Сейчас же к нему в алтарь по рукам была послана записка, написанная одним из молящихся тут же на спине у стоявшего впереди человека. Записка была краткой, твердой, никого не оскорбляющей, но через нее говорил дух Церкви. Вскоре мы увидели этого епископа, который вышел из алтаря и, быстро пройдя между расступившимся народом, покинул храм. Это напоминало времена Вселенских Соборов, борьбу великих Отцов Церкви, но она происходила в наше время на наших глазах. Настоятель храма о*<тец>* Сергей Голощапов один закончил литургию. О нем мне запомнилось не помню чье свидетельство: он был сослан в северные лагеря, где работал сторожем лагерных огородов и еженощно служил литургию в поле один на камне, служившем ему престолом; там, в лагере, и погиб.

Жизнь была наполнена самоотверженностью и страданиями. Начались аресты. Брали священников и мирян одинаково — всех, кто хоть сколько-нибудь выделялся в толпе тех храмов, где не поминали митрополита Сергия. Это не были тайные храмы в горах или тайные собрания сектантов. Нет,

они открывали свои двери для всех среди городских улиц и ни от кого ничего не таили. Там собирались не заговорщики или подпольщики, а люди, простодушно открывавшие свою "разрешенную" им государством веру. Убеждения эти не касались гражданской жизни, и люди эти не только не нарушали своих обязанностей, но, напротив, считали своим долгом выполнять их добросовестно. Эти люди добровольно и открыто подставляли свои невинные головы под удар. Я была свидетелем, как в церкви Большого Креста на Ильинке (ныне снесенной) один за другим выходили из толпы прихожан молодые люди разных профессий, чтобы принять посвящение, заступить опустевшее место арестованного священника и через короткий срок последовать за ним и сгинуть навсегда. Иногда этот срок длился не больше одной недели.

Таким путем в течение короткого срока лучшие люди были уничтожены, лучшие силы были выкачаны...»¹¹²

«Все мы были далеки от церковной жизни, где она соприкасается с жизнью государства и, значит, с политикой. Но теперь, когда картина пережитого становится издали ясна, оказывается, на самом деле в жизни не бывает ничего внешнего, не отвечающего в чем-то внутреннему. И значит, всякая "политика" где-то пересекается с глубокой духовной, будто бы "независимой" жизнью человека.

Мы своими глазами читали письмо митрополита Петра, замаранное, измятое, прошедшее множество рук, пока дошло оно наконец до Москвы, до митрополита Сергия. Петр умолял в нем Сергия не разрывать единства, не уступать свободы совести, помнить, что Церковь жива не благополучным процветанием на земле, а кровью мучеников за Истину. Он умолял не пренебречь этой кровью и верить в ее силу. Митрополит Сергий избрал иной путь и стал патриархом. Это было началом нового "раскола" внутри Церкви. Отныне Церковь была подчинена особому органу контроля в государственном аппарате, и атеистическое государство открыто теперь ожидало с большей или меньшей долей терпеливости естественной

¹¹² Пришвина В. Д. Указ. соч. С. 373–375.

смерти православия, бывшего еще так недавно основой духовной и культурной жизни России»¹¹³.

"Московские настроения", по словам Валерии Дмитриевны, вскоре докатились и до Кавказа, и друзья, то есть монахи-пустынножители и близкие им люди, их приняли, хотя «продолжали жить своей прежней отпущенной жизнью», что было видно по письмам отца Онисима (Поля) той зимы. Освободившись от летней забитости работой, он возвратился к занятиям философией. Так, в письме от 11 декабря 1927 года он писал о чтении сочинения Григория Саввича Сковороды и делился своими размышлениями по поводу идей этого, как он выразился, "Сократа русской философии"; в письме от 25 декабря рассказывал о небывалой в тех местах погоде и своих будничных хозяйственных делах¹¹⁴.

А тем временем в столицах разворачивались драматические церковные события. Как раз в конце декабря 1927 года прервали общение с митрополитом Сергием (Страгородским) петроградские клирики во главе с архиереями Гдовским Димитрием (Любимовым) и Нарвским Сергием (Дружининым). Сразу же к ним присоединяются

¹¹³ Пришвина В. Д. Указ. соч. С. 370–372.

¹¹⁴ Из письма Олега Поля от 25 декабря 1927 года: «О моей жизни что говорить? Пока хорошо идет. У нас выпал снег больше аршина. Приятель мой, живущий здесь более шести лет, говорит, что в первый раз он видит такое явление, а то обычно снег бывает в феврале и лежит недели две: впрочем, иногда и в феврале не бывает. А теперь лежит уже несколько дней. Я в своей хатке как на корабле. Понемногу читаю, понемногу, когда устанет голова, работаю над достройкой дома — стены в сарае и во второй комнате еще не забраны... Благодаря заботам Митрофана у меня посажен уже сад, и не очень маленький. Митрофан посвятил меня даже в тайны пекарского искусства, и теперь ем хлеб собственного печения — вкусный и питательный, лучше, чем в любой московской пекарне, так как он из цельной муки» (Пришвина В. Д. Указ. соч. С. 377–378).

в Москве настоятель храма св. Николая на Ильинке (Никола Большой Крест) протоиерей Валентин Свенцицкий и духовенство более десяти храмов в Серпухове (30 декабря 1927 года по старому стилю они заявляют об этом в официальных обращениях к митрополиту Сергию, указав, что действуют по благословию епископа Гдовского Димитрия). Вскоре в Москве их примеру следуют настоятель храма Грузинской Божьей Матери (Св. Троицы) в Никитниках отец Сергей Голощапов и настоятель храма на Воздвиженке отец Александр Сидоров. Присоединяется целый ряд тверских и подмосковных священнослужителей. Антисергианское движение ширится по всей стране, охватывает всю Вятскую епархию, большую часть Воронежской, несколько южных епархий на Украине.

Все происходившее в столицах и тем более в других местах было далеко от кавказских пустынножителей, и понятно, что новости они узнавали не сразу, возможно, отчасти по слухам. Как показал отец Онисим (Поль) на допросе: *«Очень мало доходило вестей через случайную беседу с каким-нибудь монахом, которому пишет его друг, монах из Москвы, келейник епископа такого-то, или что-нибудь в таком роде»*. Однако, очевидно, отец Онисим намеренно скрыл свои связи и не упомянул никого из московских друзей, с которыми вел переписку. Безусловно, они держали его в курсе церковных дел: так, например, и о своем бывшем духовнике отце Романе Медведе, прочитавшем воззвание еще до возвращения В. Д. Пришвиной, отец Онисим знал и, более того, знал и о его апологии сергианства.

«Как это часто бывает, сильно пошатнули для меня авторитет м<итрополита> Сергия его защитники, в первую очередь один протоиерей в Москве, ставший ярым сергианцем, у которого я был когда-то несколько раз на исповеди», — отметил отец Онисим в показаниях. Он не назвал по имени отца Романа, между тем речь шла

именно о нем, о настоятеле храма св. Алексия в Глинцевском переулке, известном и уважаемом в Москве священнике. С 1923 года Олег Поль и В. Д. Пришвина были не только прихожанами его храма, но и членами созданного им "Братства ревнителей православия", причем отнюдь не рядовыми. В 1931 году на допросе отец Роман показал: *«Из числа отколовшихся от Братства был один учитель по профессии, на которого в будущем я думал положиться как на ближайшего помощника в руководстве Братством. Это был очень начитанный молодой человек (около 25 лет) по фамилии Поль Олег»*¹¹⁵.

В конце декабря 1927 года или в начале 1928 года отец Роман написал обширную записку с буквально "убийственной" критикой знаменитого документа — "Обращения петроградских клириков к митрополиту Сергию". Мало того что он обвинил отделившихся от митрополита Сергия в расколе и служении врагу нашего спасения, он еще написал и такое: «Наш Пастыреначальник сказал: "Придет час, да всяк, иже убьет вы, возомнится службу приносить Богу" (Иоанн. XVI, 2). Вот и Ленинградская группа ввела себя в разряд этих всяких, ныне убивающих Апостолов в лице священноначалия Русской Церкви и его высшего Представителя м<итрополита> Сергия»¹¹⁶.

Примечательно, что эта записка отца Романа под заголовком «На Божьей ли службе? — апология сергиянцев протоиерея Р. М.» была включена в сборник «Дело митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1917–1928 г<одов>», составленный под руководством М. А. Новоселова, "вдохновителя внутрицерковной борьбы", как назвала его В. Д. Пришвина, или руководителя «контрреволюционной организации цер-

¹¹⁵ Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-42304. Л. 334.

¹¹⁶ Дело митрополита Сергия. Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж, 1929 // ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 289.

ковников»¹¹⁷, как представлен он был позднее в материалах следствия.

Михаил Александрович Новоселов, известный церковный деятель, пользовавшийся большим уважением и авторитетом в церковных кругах Москвы еще до революции и активно включившийся в борьбу с обновленчеством в 1922 году (из-за чего вынужден был скрываться от ареста, перейдя на нелегальное положение), оказал решающее влияние на развитие всего антисергианского движения в 1927–1928 годах. Осенью и в декабре 1927 года он часто приезжал в Ленинград и, вероятно, даже большую часть времени пребывал там, с Москвой же поддерживал постоянную письменную связь. Вместе со своим другом, петроградским протоиереем Феодором Андреевым принимал участие в собраниях, обсуждениях, написании документов и в конечном счете в обосновании их отложения от митрополита Сергия. Недаром в дальнейшем во всех следственных делах Новоселову и Андрееву отводилась основная роль в организации антисергианской оппозиции и, в частности, иосифлянского движения. Их именовали *"идеологами иосифлянства"* и обвиняли в том, что они *«разрабатывали и обосновывали контрреволюционные идеи организации»* и *«давали основу и направление как самому епископу Димитрию, так и всему контрреволюционному ядру организации»*¹¹⁸.

¹¹⁷ Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П–83017. Т. 5. Л. 7.

¹¹⁸ О М. А. Новоселове и протоиерее Феодоре Андрееве некоторые материалы опубликованы в книгах: Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. М.: Братонез, 2008. С. 262–378; «Тайный» епископ Серпуховской Максим (Жижиленко). Сподвижники его и сострадальцы. Жизнеописания и документы. М.: Братонез, 2014. С. 72–83, 160–167, 170–172. Однако их исповедническая деятельность еще недостаточно полно освещена, и подробное жизнеописание этих пламенных исповедников православия еще ждет своего автора.

Отец Онисим (Поль) так же, как и В. Д. Пришвина, был хорошо знаком и дружен с М. А. Новоселовым, состоял с ним в переписке, советовался по духовным вопросам, так что вполне вероятно, что Михаил Александрович мог познакомить его и с упомянутой запиской отца Романа Медведя, и с другими документами как противников, так и защитников митрополита Сергия. Интересна судьба составленного Михаилом Александровичем сборника этих документов. "Дело митрополита Сергия" представляло собой целую книгу — машинопись в 453 страницы, с перечнем документов и распределением их по разделам; год издания указан — 1929, а место — таинственный "Китежъ". Известны два экземпляра этого сборника: один попал за границу к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) и позднее был им передан в Русский зарубежный исторический архив в Праге¹¹⁹. Второй экземпляр, изъятый при арестах в 1946 году, обнаружен в следственном деле верующих одной московской общины, не поминавших митрополита Сергия¹²⁰. Он «является точным повторением первого, будучи второй машинописной закладкой одной и той же перепечатки»¹²¹.

Первый экземпляр был вывезен за границу, как теперь определенно известно, астрономом Михаилом Брендстедом, принимавшим активное участие в церковной жизни Москвы в 1920-е годы. Летом 1930 года как датскому подданному ему удалось выехать из СССР и перебросить за границу дипломатической вализой зна-

¹¹⁹ После Второй мировой войны этот архив попал в СССР и в настоящее время хранится в Государственном архиве Российской Федерации.

¹²⁰ Центральный архив ФСБ РФ. Д. Н. — 18691.

¹²¹ *Косик О. В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 172.

чительное количество рукописей (более 100 печатных листов), по его словам, его друзей из той области, в которой он сам работал как автор, и, кроме того, большой сборник церковных документов (до 250 листов), который он передал Н. А. Бердяеву. Недавно обнаруженное в Государственном архиве литературы и искусства в Москве письмо М. Брендстеда Н. А. Бердяеву полностью подтверждает этот факт.

В письме имелся ряд важных свидетельств, например, о том, что документы собирались под руководством Михаила Александровича Новоселова, «получившего пострижение в епископский сан» и «стоявшего во главе движения против митрополита Сергия», а «затем весь сборник был тщательно отредактирован покойным протоиереем Феодором Андреевым, бывшим главным советником и помощником у епископа Димитрия»¹²².

Это свидетельство имеет важное значение в связи с тем, что в следующем 1931 году в двух номерах редактируемого Н. А. Бердяевым журнала "Путь" были опубликованы главы из книги "Религиозные основания политической экономии", как было указано в примечаниях, «доставленной в редакцию "Пути" из России и принадлежащей молодому монаху-философу». Судя по контексту, это несомненно работа отца Онисима (Поля), и, вероятно, рукопись в числе тех самых 100 печатных листов, о которых писал М. Брендстед, попала к Бердяеву так же, как и сборник "Дело митрополита Сергия". Перед публикацией Н. А. Бердяев уведомлял читателей о том, что тому же философу-монаху «принадлежит книга по религиозной философии, отрывки из которой появятся в "Пути"». К сожалению, отрывки из этой книги так и не появились, но можно предположить, что она была не чем иным, как тем самым третьим экземпляром "Острова Достоверности", который отец Онисим

¹²² Косик О. В. Указ. соч. С. 181.

оставил отцу Феодору Андрееву и который вместе с "Делом митрополита Сергия" был передан М. Брендстеду.

Таким образом, хотя отец Онисим на допросе и не назвал никого из друзей и единомышленников и весьма неопределенно и лаконично написал: *«Но таким путем услышал я уже сказанное и склонился симпатией к тем, кто хочет чистоты веры»*, — безусловно, он был связан с исповедниками и знал о них не понаслышке, более того, он духовно был близок с самими "идеологами иосифлянства" и полностью разделял их взгляды, как об этом свидетельствуют его показания на допросах.

Потому не случайно, оставив свое спокойное пустынножизненное житие в горах, отец Онисим направился в центр иосифлянства к архиепископу Димитрию Гдовскому, заместителю митрополита Петроградского Иосифа (Петровых) и фактическому руководителю антисергианской оппозиции. И поехал он не просто *"потолковать с епископом"*, чтобы окончательно разобраться в происходящем, как он осторожно написал в своих показаниях, а с намерением принять священство. Ходатайство об этом подписали, кроме отцов Даниила и Арсения, еще два жителя села Змейки: Петр Федорович Залогин и Павел Минаевич Тырымов. *«Причем Залыгин подписался как послушник "Петр", а Тырымов расписался просто "Павел". Между прочим, Залыгин послушником не был, хотя и имел намерение стать им. Оба последние граждане являются крестьянами и живут мирской жизнью — женаты»*.

Встреча с архиепископом Димитрием (Любимовым) произвела сильное впечатление на отца Онисима. *«Я был в изумлении от духовного облика арх<иепископа> Димитрия»*, — показал он позднее на допросе. Удивила, как он выразился, *"внемирность"* владыки, он показался ему ребенком и *«вообще человеком духовным»*.

«С ним говорил недолго. И сначала он отказался меня рукоположить, так как я сам не знал, хочу ли я

принять этот сан, которого я боялся, т<ак> к<ак> он налагает известные обязательства, а я привык свободно жить, где тише или где больше книг. Этот-то отказ меня и покори́л. Я удивился его бескорыстию.

— Для кого вы хотите принимать священство?

— Там у меня старец живет и еще несколько монахов, которые нуждаются в окормлении. Вот и просьба.

— Это хорошо. Но вы сами стремитесь ли к этому сану? Знаете ли, что нет на земле более высокого дела, как священство?

— Не знаю, Владыко святой. Помолитесь сами, может, Господь вам откроет.

Через час в конце службы — подзывает меня и говорит: "Нет, не могу. Приходите, когда вы сами всей душой захотите служить при совершении святых таинств"».

У архиепископа Димитрия отец Онисим познакомился с антисергианскими документами: «Наскоро я пробежал у него несколько бумажек по этому делу — докум<ент> ленинг<радцев> — письмо к м<итрополиту> Сергию от некоторых ленинградских верующих. "Владыко святой, мы не можем молиться о властях, они и сами этого не желают. Мы не хотим никаких прав и преимуществ, мы готовы пребывать в бесправном положении, но хотим в чистоте веры молиться Богу". Но Сергей не внимал этому. Еще в Москве я слышал, что он запрещает тех, кто не поминает властей. Я читал его приказ, где Петра повелевает не поминать "господином", когда он законный глава Церкви, пока не будет осужден собором. Это меня и смущало».

Позднее архиепископ Димитрий все-таки рукоположил отца Онисима в священнический сан (когда это произошло, точно неизвестно). По словам отца Онисима, он у владыки был дважды: 20 января и 21 марта 1929 года. Остальное время, очевидно, работал в Москве и посещал антисергианские храмы на Ильинке и Воздвижен-

ке (как об этом свидетельствуют его письма из архива В. Д. Пришвиной). К этому периоду относятся его показания на последнем допросе: *«В Москве я жил на Ткацкой ул<ице>, д<ом> 46, склад паропроводных принадлежностей В. Э. МАЛЕРА, года три назад он выслан за границу, его доверенным год назад был ШАБУНЕВИЧ С. В. (находится в ссылке), по рекомендации последнего я был принят сторожем, где получал 40 руб<лей> жалованья. Там же я печатал все свои труды».*

После рукоположения архиепископ Димитрий посоветовал отцу Онисиму обращаться к епископу Варлааму (Лазаренко), дал его адрес в Майкопе и письмо. Сведения эти оказались, по словам отца Онисима, устаревшими, и, когда он добрался до Кавказа, оказалось, что в Майкопе Варлаама нет. Отец Онисим писал: *«Я приехал на Кавказ и прямо пролетел к своим отцам — в великий пост 1929-го»*, то есть, очевидно, в конце марта. В это время, по словам отца Онисима, разгоняли монахов на Псху. Двое из пришедших к ним на Красную Поляну знали про епископа Варлаама и помогли отцу Онисиму его найти. В показаниях он писал, что навестил его летом. Но, очевидно, это было еще весной, так как в мае 1929 года епископ Варлаам уже посвятил во иеромонахи отца Арсения (Корди).

Отец Онисим знал, что епископ Варлаам живет нелегально и скрывается от властей, и по этому поводу ему неоднократно приходилось давать показания на допросах. *«Для меня не имело значения, скрывается ли от властей или живет на свободе человек, к которому я обращаюсь по духовному делу, т<ак> к<ак> я вообще знаю, что власть какого бы то ни было рода часто несправедливо преследовала духовно значительных лиц, незаслуженно их обвиняя»*, — показал он на первом допросе в Сочи 13 октября 1929 года, а в рукописных показаниях написал: *«О том, почему он живет нелегально, я у него не спрашивал. Удивительно ли это, когда за»*

крывают церкви, не позволяют печатать необходимые богослужebные книги... Вообще власть отрицательно относится к вере. Как говорили одному протоиерею: "Вы имеете влияние, влияния не должно быть, особенно среди молодых, кроме комсомола. Мы знаем, что за вами политических преступлений нет, но и влияние нам нежелательно". Правда, его (этого протоиерея) скоро выпустили, а он постарался молчать, редко служить и т<ак> д<алее>. Потому мне и в голову не пришло спрашивать Варлаама об этом».

Епископ Варлаам так же, как архиепископ Димитрий, произвел глубокое впечатление на отца Онисима: *«Он тоже удивил меня своей простотой, искренним устремлением к монашескому деланию и этому "искусству из искусств", состоящему просто в исполнении заповедей Спасителя. Мы с ним говорили о Сергии, о его прошлом в связи с церк<овными> реформами. Говорили о некоторых церковных догматах, как догмат об энергиях Божиих, догмат искупления и его разработка у св. отцов, и это нас живо интересовало. Он с увлечением говорил о своем прошлом в священном сане, как тяжела для него была общая среда духовенства, как забыты в нем основные цели христианства, о своей борьбе с живоцерковниками, доходящими до того, что они хотели Христа изображать в национальных одеждах, напр<имер>, украинцев и т<ак> д<алее>.*

...Он мне показался по складу старовером. Вероятно, подобными ревнителями веры были древние монахи. Он с увлечением рассказывал мне, что на Украине была некая группа... "стефановцев" или "подгорновцев", которые благодаря нечуткости миссионеров были объявлены сектантами за свою точность в исполнении церковных правил, в особенности в богослужebных обрядах. И о том, что его стараниями эти "подгорновцы" были признаны православными, и о том, что они сейчас вновь страдают из-за нечуткости архиереев. Вот

что и по какому поводу он говорил об Украине. Говорил о том, что написал резкое письмо епископу Иоасафу, который своим грубым подходом задевал старообрядческие симпатии "стефановцев"».

У епископа Варлаама отец Онисим прочитал его письма — чисто догматического характера по вопросу об энергиях (этот вопрос живо интересовал владыку и был, по словам отца Онисима, главной темой их бесед), письмо к священникам, его признававшим: «*Это единственное известное мне письмо его по делу м<итрополита> Сергия. О властях там не говорилось, была только такая фраза: "Вы можете быть советскими гражданами, но советскими священниками быть не должны". Это была самая острая фраза, суть его отрицательного отношения к м<итрополиту> Сергию*»¹²³.

Кроме того, отец Онисим прочитал письмо епископа Варлаама монахам, которые написали икону Божией Матери особого рода, по мнению епископа, догматически неверную. Отцу Онисиму она сначала, напротив, понравилась, и они об этой иконе даже поспорили. «*Суть ее объяснять долго*», — написал отец Онисим в показаниях и далее не стал распространяться. И последнее, что он прочитал, — это «*Попытку по порядку изложить историю раскола с м<итрополитом> С<ергием>, оставившуюся на второй странице*». Владыка дал иеромонаху Онисиму целую пачку церковных документов, которая, как ни странно, оказалась потерянной. На втором допросе ему был задан такой вопрос:

«*Скажите, гр<ажданин> Поль, когда вами была утеряна связка документов, где излагалось о церковном разделении, о различных церковных течениях и линии церковной политики отдельных епископов; сверток содержал в себе до сотни или более таких документов.*

¹²³ Копия этого письма, изъятая у священника Димитрия Кравцова, приобщена к материалам дела и приведена в приложении I.

Кроме того, изложите, от кого вы эти документы получили и для какой цели.

ОТВЕТ: Связка этих документов потеряна мною весной текущего года. Получены они мною были от еп<ископа> Варлаама в момент моего посещения его. Еп<ископ> Варлаам сказал мне, чтобы я эти документы прочитал... интересное переписал и вернул эти документы обратно».

Каким-то образом следователю были известны эти утерянные документы, так как далее последовали вопросы об их содержании.

«ВОПРОС: Согласны ли вы, гр<аждаинин> Поль, с установкой, изложенной в брошюре, найденной среди утерянной вами пачки документов, где буквально изложено: "Большевизм есть сознательное самоубийство, которое убивает душу мира, убивает душу людей" (14-я стр<аница> брошюры), — и далее: "Большевики отвержены Богом, богоотступники и потому заслуживают презрения, а не моления за них" (стр<аница> 22 брошюры), затем: "Большевики разрушили храмы, превратили их в казармы, театры, клубы, надругавшись над святыней христианства злонамеренно. Это и многое другое ясно видно и известно всем людям" (стр<аница> 24)?

ОТВЕТ: Не согласен с выражением "заслуживают презрения", ибо такое чувство вообще неуместно для христианина, не презрения, а сожаления. А что большевизм есть самоубийство души, исторгающей из себя задатки духовных и даже мыслительных сил, с этим я принципиально согласен, однако считаю эти мысли неудачными и к делу о причинах разделения Церкви не относящимися. Осквернение святыни, несомненно, является актом, но и это упоминание не относится к делу.

ВОПРОС: Если бы вы не потеряли названные вами документы, намерены ли вы были бы их переписывать и распространять?

ОТВЕТ: Выше цитированный документ и подобные ему, как неостроумные и несерьезные, не стал бы, но, если бы нашел что-нибудь уясняющее внутреннее значение дела, переписал бы и дал бы тем, кто искал бы исхода в сомнениях».

Когда иеромонах Онисим уходил, епископ Варлаам поинтересовался у него о других монашествующих. Отец Онисим сказал, что их немного, и упомянул о пустынножителях в урочище Чуро в верховьях реки Сочи, которые страдали, что у них нет епископа, но опасались к епископу Варлааму обращаться. Владыка сказал, что если они захотят его поминать, то «он когда-нибудь собрался бы, может быть, и туда, если ноги дойдут». Об этих монахах отец Онисим на допросе показал:

«Проживающие в верховьях реки Сочинки иеромонах Авель, схимонах Серафим, монах Николай, монах Пахомий, монах Исаакий, монах Иоанникий, монах Феодосий и послушник Феодор были созерцательного духа, жили оторванно от церковной иерархии, интересуясь древним отшельническим деланием. Я у них был один раз весной 1928 г<ода>, и один раз о<тец> Арсений летом 1929 г<ода>. Мое посещение в 1928 г<о-ду> имело целью разрешение аскетических вопросов советом о<тца> Серафима. О церковных разделениях было сказано случайно несколько слов. Посещение о<тца> Арсения имело ту же цель. В текущем году мною было послано им два письма: одно иеромонаху Авелю (которого я не знал), с изложением сути церк<овных> разделений и приложением двух документов: акта об отделении ярославцев и послания арх<иепископа> Серафима Углицкого. Письмо послано было, т<ак> к<ак> мне известно было, что они беспокоятся, не имея епископа, что недопустимо по канонам. Второе послано было Иоанникию без приложения документов. Моими письмами отцы не удовлетворились и решили никого не поминать, кроме митр<ополита> Петра Крутицкого,

так как сама необходимость разбираться в церковных вопросах их тяготила ("нарушает безмолвие")».

Таким образом, "Краснополянский скит отшельников схимонаха (или иеромонаха) Авеля", в следственном деле везде указывается как община "епископа Варлаама" или «ячейка его к<онтр>р<еволюционной> организации», не признал его правящим епископом и не вошел с ним в каноническое общение. Почему епископ Варлаам внес этот скит в свой список общин, отправленный архиепископу Гдовскому Димитрию, непонятно. Возможно, основанием послужило письмо схимонаха Серафима, в котором тот пригласил епископа Варлаама у них побывать.

Как показал отец Онисим на допросе в Сочи 23 октября 1929 года: «При первом моем посещении еп<ископа> Варлаама я пригласил его в гости и к нам, как и вообще у монахов принято при свидании приглашать: "побывайте как-нибудь у нас". Епископ Варлаам ответил, что сейчас не может, но при случае хотел бы повидать наши края и, может быть, соберется этим летом. Когда отец Арсений (Корди) был на Сочинке, он передал об этом отцам. Отцы между тем были огорчены расколом Церкви и никак не сдавались на мое к ним письмо, где я советовал примкнуть к епископу Варлааму. Поэтому за мысль о возможности посещения наших мест епископом Варлаамом они ухватились. "Вот если бы он сам пришел, то мы бы с ним как следует переговорили", — сказали отцы. А так как епископ Варлаам не пошел бы туда, куда его не звали¹²⁴, то они и написали ему письмо с приглашением побывать у них. Письмо это написал

¹²⁴ Как сказал епископ Варлаам: «Я никогда не обращаюсь к тому, кто не просит сам. Кто ищет чистоты веры, сам толкает и сам находит». Так, по словам отца Онисима, он посоветовал и ему делать, то есть не навязываться с разговорами и тем более с документами о церковных делах к тем, кто не спрашивает.

и подписал отец Серафим (Булгаков). У меня оно лежало довольно долго, пока я поехал второй раз к епископу Варлааму».

В собственноручных показаниях отец Онисим также указал, что отцы «*принять еп<ископа> Варлаама согласились как гостя, а поминать его не стали, что они сами и подтвердят*». Завершая свои показания, он подчеркнул: «*Они вообще настоящие медведи-пустытники, которые не знают ни своих епископов, ни даже своего соседа монаха. Монахи Сочинки не знали монахов Троицкого монастыря и обратно. Вообще, только незнанием психологии монаха-пустытника можно объяснить, что думают о каком-то их "единении"*».

Тем не менее иеромонах Авель и схимонах Серафим были привлечены по делу епископа Варлаама, причем схимонах Серафим проходил как руководитель монашеского скита, а иеромонах Авель — как священнослужитель и связной. Оба они бывшие постриженники Ново-Афонского монастыря. Схимонах Серафим (Булгаков Иван Климентьевич, 1867 года рождения) после закрытия монастыря в 1923 году ушел в горы и поселился в урочище Чуро в верховьях реки Сочинки.

Иеромонах Авель (Пригородов Антон Андреевич, 1868 года рождения) с 1911 года нес послушание на подворье Ново-Афонского монастыря в Петербурге. В 1923-м там подвергнулся аресту по церковному делу (вероятно, из-за борьбы с обновленчеством) и пять месяцев просидел в тюрьме. В 1924 году уехал на Кавказ и там присоединился к монахам в горах. Кстати, монахи старались уйти подальше от людей и сохранить места своего поселения. Но и там в совершенно диких и глухих дебрях их все равно отыскивали...

Неизвестно, арестовали ли там других монахов, но отец Серафим и отец Авель точно были арестованы 12 октября 1929 года по обвинению как «*участники к<онтр>р<еволюционной> церковно-монархической*

организации». Единственно, что в отличие от других "руководителей" этих совсем уже "медведей-пустынников", не знавших ни епископа, ни своих соседей, приговорили только к высылке в Северный край, правда на 10 лет. Этот приговор можно считать "мягким" только относительно — в сравнении с высшей мерой наказания или заключением на 10 лет концлагеря — и только если не знать условий, в которые могли попадать ссыльные.

Отправили монахов в Приполярье, в село Усть-Цильму, как и многих тогда осужденных по церковным делам. Путь был далекий: сначала этапом до Архангельска (этап — мучительная перевозка в битком набитых вагонах — мог длиться неделями), дальше из Архангельска на пароходе или барже (также в нечеловеческих условиях) по Белому и Баренцеву морям до устья Печоры и дальше вверх по течению до впадения в Печору реки Цильмы.

Есть все основания считать, что кавказские монахи следовали в одном этапе с бывшими насельницами Шарканского монастыря монахиней Анжелиной (Лыткиной Татьяной Антоновной)¹²⁵ и инокиней Александрой (Лопатиной Александрой Гавриловной)¹²⁶, высланными

¹²⁵ Лыткина Татьяна Антоновна, родилась в 1893 году в Вятской губ. Окончила церковно-приходскую школу. В 1908 — в Обвинском монастыре в Перми, пострижена в монахини с именем Ангелина, с 1914 — в Шарканском монастыре. С 1920 — псаломщица церкви в селе Баклуши под Пермью. 7 ноября 1929 — арестована по групповому делу монашествующих. 3 января 1930 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в пос. Усть-Цильму (Жоми). В 1932 — освобождена. В 1979 — скончалась.

¹²⁶ Лопатина Александра Гавриловна, родилась в 1889 году в Вятской губ. Окончила два класса сельской школы. С 1906 — в Шарканском монастыре, пострижена в монахини с именем Александра. С 1920 — в селе Баклуши под Пермью, ходила по деревням со сборами. 7 ноября 1929 — арестована по групповому делу. 3 января 1930 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в пос. Усть-Цильму. В 1932 — освобождена. В 1979 — скончалась.

также по церковному делу в начале 1930 года из Пермской области. Матушка Ангелина вспоминала: «Когда отправляли, недели две сидели в церковной ограде¹²⁷. Посреди двора стояла плита. Александра все кипятила чайник и всем разливала. Спали где придется. Все церковные. Такие люди! Там были монахи Серафим и Авель, которые по десять или по двадцать лет провели в лесу. А выдали их охотники...»

В Усть-Цильме матушки познакомились с высланным "викторианским" священником из Вятской епархии, отцом Иоанном Фокиным, и он стал их духовником. А когда на следующий год в Усть-Цильму привезли после Соловков епископа Виктора (Островидова), они приняли его к себе и в дальнейшем разделили с ним все тяготы ссылки до самой его кончины¹²⁸. К сожалению, их рассказы не записывались и сохранились лишь в памяти близких, с неизбежными при этом неточностями и потерями бесценных подробностей, но, тем не менее, упоминаемые ими монахи Серафим и Авель явно те самые кавказские пустынноики из верховьев Сочинки, о которых рассказывал отец Онисим (Поль). И хоть они провели в лесу не двадцать, а, согласно материалам дела, около семи лет, но они действительно были выданы охотниками. Кто еще мог привести сотрудников ОГПУ к их тайному скиту на горе Чуро? Осуждены они были 27 февраля 1930 года, и как раз к началу навигации их и могли привезти в Архангельск, как и монахинь из Перми.

В рассказах матушек о жизни в Усть-Цильме также есть упоминания о кавказских монахах:

¹²⁷ Очевидно, в Архангельск свезли высланных из разных мест для отправки в Усть-Цильму.

¹²⁸ Подробнее о них: Вятский исповедник: святитель Виктор (Островидов). Жизнеописание и труды. 2-е изд. испр. и доп. М.: Брато-неж, 2016.

«И вот так три года прожили (монахини и владыка Виктор) в Усть-Цильме. Жили они в домике у пристани, хозяева занимали первый этаж, а они помещались на втором. Там и молились, владыка служил. Ссылных было много в Усть-Цильме и духовенства тоже. Хлеб выдавали по карточкам — 200 грамм в день. И все... Они мукой брали. Иногда, когда "шпана" карточки продавала, отец Иоанн покупал. Хлеб был привозной. Если подвоза хлеба не было, голодали. Как-то пришел монах Серафим и просил: "Матушки, хлебца бы!" Они отрезали кусочек от хлеба, который из последней муки испекли. Он съел и говорит: "Я поел, а Авель-то нет"... Они отдали ему все. Он прямо зарыдал: "Господи, воздай им, Господи, воздай им за их доброту!"»

Дальнейшая судьба этих монахов неизвестна, впрочем, как и судьбы других высланных, в том числе и бывших насельников Троицкого монастыря в Лесном, о которых упоминал отец Онисим. Они были арестованы почти в одно время с "краснополянскими", хотя и не числились в списке ячеек и общин епископа Варлаама. С 1922 года после закрытия Троицкого монастыря многие из них поселились там же в окрестных горах и на своих земельных участках занимались сельским хозяйством, административно образовав "Общество монастырского поселения".

Так, например, монах Серафим (Стадников Андрей Терентьевич, 1851 года рождения), арестованный в один день с отцом Онисимом 8 октября 1929 года. С 1877 года он жил в Троицком монастыре, после его закрытия занимался хлебопашеством и у себя в доме организовывал тайные богослужения. На допросе признал, что знал иеромонаха Онисима (Поля), *«разговаривал с ним, во что большевики превратили Русскую Церковь»*. Отец Серафим не скрывал своих монархических убеждений, на допросе 3 декабря 1929 года прямо заявил, что признает только царскую власть. Как ни странно, его приговорили только к 5 годам высылки (возможно, из-за возраста, 79 лет).

Также к 5 годам была приговорена и пожилая монахиня Ангелина (Титова Агриппина Ильинична, 1859 года рождения), с 1929 года поселившаяся в келье в Лесном. А вот Лука Трофимович Свищ, 1877 года рождения, записанный в материалах дела как послушник, проживавший также рядом с закрытым Троицким монастырем, был приговорен к расстрелу. Ничего особенного на допросах он не показал кроме того, что жил в келии и обрабатывал землю, *«иногда заходили монахи, шедшие мимо, сам почти никуда не ходил»*; был знаком с "краснополянскими" монахами и *«беседовал с ними о сохранении православной веры»*, говорил, *«что власть душит религию»*, но не более того. По-видимому, его судьбу определил факт обнаружения у него винтовки, хотя он и сказал, что приобрел ее еще давно для охоты на медведей, и патронов к ней не было, но он не сдал ее по незнанию. Проживавший в его келии послушник Семен Дмитриевич Савченко, 1870 года рождения, был приговорен к 10 годам высылки.

По делу епископа Варлаама в горах и окрестностях Сочи и Адлера были арестованы еще и другие монашествующие, порой и не имевшие прямого отношения ни к епископу Варлааму, ни к "краснополянским" монахам, но все они были осуждены как *«участники контрреволюционной церковной организации»*. Среди них иеромонах Мельхиседек (Чижов Иван Зиновьевич, 1862 года рождения), с 1923 года подвизавшийся в горах близ села Молдовки; монахини — три сестры Свидины, Серафима, Рафаила и Нина, — проживавшие в Молдовке. Причем хотя они и были знакомы с отцом Даниилом и отцом Онисимом и, возможно, кто-то из них и присутствовал на его постриге в сентябре 1927 года, но, как показал отец Даниил на допросе, они *«не разделяли с нами точку зрения о положении Церкви и веры православной в условиях существования ее при Советской власти»*. Монахинь приговорили

к трем годам концлагеря, а иеромонаха Мельхиседека — к расстрелу.

Зачислили в «контрреволюционную организацию» и простых поселян. Так, 3 года концлагеря получил подписавший ходатайство о рукоположении отца Онисима Петр Федорович Залогин, 8 лет — Митрофан Федорович Нечесов. Сережу Скороходова, друга отца Онисима, приговорили к расстрелу как «активного участника Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». Возможно, сыграла роль именно их дружба.

Пострадали многие люди, в той или иной мере имевшие отношение к монахам. Выше уже упоминались художники Михаил Николаевич и Людмила Дмитриевна Бироны, из Геленджика был привлечен еще один знакомый отца Онисима (Поля), Сергей Петрович Ситиков (1890 года рождения). Они познакомились еще в 1924 году, когда Ситиков пытался лечить Олега Поля от лихорадки (впрочем, безуспешно). Потом они несколько раз встречались, беседовали о преподобном Исааке Сирине, которого читали супруги Ситиковы, в то время подходившие к православию. Однако, как показал отец Онисим на допросе, *«знакомство у нас не укрепилось — мы разошлись по несходству характеров. После того я потерял его из виду и ни разу не писал ему, ни он мне»*. В 1929 году отец Онисим вспомнил о Сергее Петровиче Ситикове в связи с вопросом об устройстве православной общины в Геленджике. В своих собственноручных показаниях от 18 ноября 1929 года он писал:

«Еще в 1924 году, будучи в Геленджике, я не ходил в церковь, потому что там обновленцы, и М. Н. Бирон не ходил. И я знал, что он скорбел об этом, и даже потом там они что-то хлопотали о разрешении взять какую-либо церковь. У меня болело сердце за них и других православных, что они не имеют возможности посещать службы, что дети остаются некрещеные,

супруги — не венчанные и т<ак> д<алее>. И, узнав о епископе Варлааме, я подумал, что можно бы им помочь. Раз нельзя получить разрешение на открытие храма, можно иметь тайного священника, который обслуживал бы небольшую группу верующих, хотя бы их было пять человек. Перебрав немногочисленных геленджикских знакомых, я увидел, что священство более или менее подходит только Ситикову, потому что он человек основательный, спокойный, ученый и, кроме того, способный к усвоению технических навыков — это я знал хорошо, потому что он побил всех нас конкуренцией своих лодочек для детей, а эта способность — внешнего навыка — полезна для усвоения богослужения».

Епископ Варлаам поддержал эту идею, и отец Онисим написал в Геленджик Михаилу Николаевичу Бирону, предложив ему стать диаконом, а Сергею Николаевичу Ситикову священником. На это письмо, посланное в июне — июле 1929 года, ответа не было, а от знакомых монашек отец Онисим услышал, что С. Н. Ситиков «занимал позицию сергиевскую, вслед за своим духовником, иеромонахом Стефаном, ярим сергианцем, жившим на Псху».

Осенью 1929 года Михаил Николаевич Бирон, по словам отца Онисима, «был в наших краях, найдя малярную работу». При встрече он передал от С. Н. Ситикова краткую записку, где тот сообщал, что от священного сана отказывается, как ему советует его духовник иеромонах Стефан. «Сам же Бирон, — писал отец Онисим в показаниях, — наотрез отказался от диаконства, считая себя неспособным, и особенно это подтвердила Л. Д. Бирон (супруга), объясняя мне, что "Миша не способен усвоить богослужение, Миша не имеет достаточно опыта, чтобы принять духовный сан — хотя бы и дьякона"».

«Так как я знал сергианскую позицию Стефана, то я заключил, что и Ситиков с Бироном не имеют твердой церковной линии.

Таким образом, вопрос об общине в Геленджике отпал, а я успокоился, считая, что сделал... все для ближних, для того чтобы дать им богослужение, то, что было в моих силах, — и совесть моя спокойна. Побуждением к устройению общины у меня было то, что я знаю, какое тяжкое мучение — не иметь храма, не присутствовать при богослужении, не участвовать в церковных таинствах».

Это побуждение, несомненно, только отягчило вину самого отца Онисима во время следствия. Как же — создание нелегальных общин, распространение религиозного просвещения ("дурмана")! Недаром написанная им в показаниях фраза о крещении детей и венчании супругов была специально подчеркнута следователем.

В отношении же Сергея Петровича Ситикова, оказывается, все было не так однозначно. Он был арестован в октябре 1929 года, и в материалах следственного дела в качестве дополнительных его показаний есть написанный им самим документ под заголовком "Моя исповедь" — 11 страниц убористого почерка. Сергей Петрович написал их 25 октября 1929 года в Новороссийской тюрьме, куда был посажен после ареста. «Нужно сознаться, что впечатление было ошеломляющее, когда я очутился в одиночке с цементным полом и без окна. За сорок лет моей жизни это было впервые», — писал он.

В своей "Исповеди" Сергей Петрович подробно описал свой жизненный путь, мучительные поиски истины, разочарование в баптизме, толстовстве и других учениях, наконец, возвращение к православию. Он откровенно излагал свое мировоззрение и подчеркивал, что «никогда сознательно не принадлежал и ныне — в силу своих религиозных убеждений — не принадлежу ни к какой организации, которая сознательно шла бы к разрушению какого-либо строя государственного. Принадлежу духовно только к Православной Церкви как

живому единоверию и религиозному единомыслию, пребывающей вне всяких модных групповых течений».

Как человек искренний, он не скрывал отрицательного отношения к митрополиту Сергию (Страгородскому): *«Не имея в своих христианских чувствах ничего враждебного к советскому государству, я все же Сергия, как православно мыслящего иерарха Православной Церкви, дерзаю не принимать, ибо не вижу в нем этого православия. Перекрашиваться в советские цвета не намерен. Хочу оставаться верным сыном Православной Церкви с тем же религиозным сознанием, с каким был до революции, — почему и блуждал тогда вне Церкви, — т<о> е<сть> приемлю Церковь как мир чисто духовных идей, без государства. Церковь, соединенную с государством, все равно в какой форме, не приемлю».*

По этому вопросу С. П. Ситиков все больше расходился со своим духовником иеромонахом Стефаном (Игнатенко), которого избрал себе в духовные руководители еще в 1923 году, когда жил в Кисловодске и бывал в Успенском Второ-Афонском монастыре под Пятигорском. *«Не из "образованных", а из монастырских простецов, еле грамотный, своей простотой и искренностью он больше других привлекал мое сердце к себе, хотя и другие отцы мне понравились»*, — писал Сергей Петрович. К отцу Стефану Сергей Петрович постоянно обращался за духовными советами и старался у него говеть, как только предоставлялась возможность. В 1928 году, когда отец Стефан жил на Псху, Сергей Петрович побывал у него там. А весной 1929 года они встретились в Команском монастыре под Сухуми, когда отец Стефан ушел с Псху по предписанию властей. Вместе они отправились в Сухуми.

«О сергиевском течении он мало что знал и по скудости своего ума особо не беспокоился, говорил, что отделяться от Сергия нельзя, пока не станет очевидной его деятельность», — писал Сергей Петрович в "Ис-

поведи". — Я был строже. Я говорил, что у меня есть основания (Сергиевская декларация) не признавать его православным иерархом: он соединил Церковь с государством, что противно каноническим правилам последнего Российского Собора 1917–18 годов. Пришли в Сухуми, и в тот же день мы с женой уехали домой. С духовником же у меня осталась недоговоренность. Я заметил не без горечи, что мы, по-видимому, разойдемся по разным путям».

Сам Сергей Петрович все больше убеждался в правоте антисергианской позиции, знакомясь с документами: "посланиями" и "увещаниями", адресованными на имя митрополита Сергия, получаемыми от Михаила Бирона и священника Николая¹²⁹ из станицы Славянской. С последним Сергей Петрович лично знаком не был, а документы от него получал через монахиню Сергию, с которой они с супругой познакомились также в Кисловодске зимой 1923 года, «тогда она еще не была монашкой», а летом 1929 года жила у них в Геленджике «как туберкулезно больная, лечась. Имя ее мать Сергия или преждее — Татьяна Ивановна Клименко».

Монахиня Сергия помогала Сергею Петровичу переписывать церковные документы, от нее же Ситиковы узнали и о том, что в станице Ивановской есть православная церковь, не признающая Сергия, и супруга Ситикова Мария Генриховна поехала туда с монахиней Сергией на говение. Там она познакомилась со священником Алексием Шишкиным¹³⁰, но говела у другого священника. Отец Алексей рассказал о том, что побывал

¹²⁹ Священник Николай Цветаев, рукоположенный в Петрограде архиепископом Димитрием (Любимовым).

¹³⁰ Им особенно интересовались оперуполномоченные во время следствия по делу епископа Варлаама, как ставленником архиепископа Гдовского Димитрия, но нужной информации так и не добились: обвиняемые ничего не показали, так как о нем не слыхали.

недавно в Сухуми и виделся там с некоторыми священниками, в том числе и с духовником Ситиковых иеромонахом Стефаном, которого охарактеризовал как *«вполне убежденного сергиевца»*. Этот отзыв очень огорчил Сергея Петровича, собравшегося поехать к отцу Стефану, от которого получал письма с приглашением приехать к нему погостить на новое место жительства за Цебельдой в районе села Георгиевского¹³¹.

«Эти сведения показали мне, что я теряю своего духовника и остаюсь в одиночестве. И я сильно заколебался в своей поездке к духовнику. Долго об этом думал и все же наконец решил поехать, чтобы самому на месте выяснить и определить наши дальнейшие отношения, и, если мы разномыслящи, прекратить наше духовное общение», — писал в своей "Исповеди" Сергей Петрович. Собравшись в путь, он взял с собой копии антисергианских документов; в Геленджике сел на катер, который довез его до Новороссийска, там купил билет на пароход, отходивший вечером в Сухуми, а во время посадки был задержан агентами ОГПУ, и документы при обыске у него были изъяты.

В "Исповеди" Сергей Петрович подчеркнул свое единомыслие с авторами этих документов: *«Я мыслю точно так же, т<о> е<сть> что Церковь Православная не должна находиться в зависимости от государства, все равно от какого. Так было прежде, но так не должно быть теперь. Да ведь и декретом она отделена от государства и имеет право на самостоятельную жизнь вне государственной опеки. На основании же строгих канонических правил последнего Всероссийского Поместного Собора 1917–18 годов не дозволялось Церкви соединяться с государством или ставить себя в ту или иную зависимость от него.*

¹³¹ О монахах в районе села Георгиевского подробно см. в части 3.

Я глубоко убежден, что мои мысли по данному вопросу вполне законны и послания — видеть Церковь свободной от государства — также. Законны как со стороны церковной, канонической, так и со стороны государственной. Основание: Декрет сов<етской> власти об отделении Церкви от государства. А посему, не видя в тех посланиях ничего "грешного" перед государством, ибо все мысли исходят из подлинного учения Православной Церкви, я и решил их взять с собой, чтобы поговорить о них как с Анатолием Команским, так и со своим духовником».

Советская власть не считала подобные мысли законными, и именно за них, а не за какое-либо деяние Сергей Петрович Ситиков, отказавшийся от священства и никак не связанный с епископом Варлаамом, лишь невзначай «попавший в поле зрения» отца Онисима¹³², был включен в «актив к<онтр>р<еволюционной> организации» и приговорен к 10 годам концлагеря, а его жена Мария Генриховна Ситикова была приговорена к высылке на 5 лет в Северный край.

Иеромонаха Онисима, как и всех священнослужителей, ждало еще большее наказание. Их позиция была определена и ясна. Когда на первом же допросе в Сочи 13 октября 1929 года отцу Онисиму был задан вопрос: «Известно ли вам было о том, что еп<ископ> Варлаам проживал на нелегальном положении в горах Туапсинского района, будучи враждебно настроен к советскому правительству, всяческими способами внушал религиозным гражданам о том, что Советская власть есть власть антихриста, следовательно, призывал верующих вести борьбу с Сов<етской> властью?» — отец

¹³² На допросе на вопрос: «Не намеревался ли он во время поездки в Сухуми по пути заехать в гор<од> Сочи на свидание с Полем», — категорически ответил: «Нет, этого совершенно не думал и не предполагал».

Онисим ответил четко: *«Мне известно, что еп<ископ> Варлаам считал Сов<етскую> власть безбожной и, следовательно, антихристовой (в широком смысле слова "антихрист"), но ни к какой борьбе с ней не призывал, предостерегая лишь от духовного приобщения к темным силам, что отнимает у человека внутренний свет духа».*

Но через четыре дня, на следующем допросе 17 октября, показания отца Онисима звучат совсем по-другому: *«В дополнение предыдущих моих показаний заявляю, что существующая на территории Черноморского округа организация нелегальных скитов, возглавляемая скрывающимся от советского правительства еп<ископом> Варлаамом, платформой своей деятельности включает борьбу с советским правительством. Я, вступая в эту организацию, заведомо знал цели и задачи этой организации, вполне разделяя ее платформу».*

Способ борьбы нашей организации с советским правительством заключался в том, что наша организация, возглавляемая еп<ископом> Варлаамом, распространяла среди истинно верующих людей различного рода листовки, воззвания и другие документы, содержание коих сводилось к внедрению среди верующих христиан мысли о том, что Сов<етская> власть преследует духовенство и самих верующих, заставляя их уходить в горы, устраивает кощунства над религией, оскверняет святые храмы, превращая их в конюшни, клубы, театры, таким образом, злонамеренно устраивает гонение над религией. Что Советская власть есть власть сатанистов, общение Церкви и духовенства с коей есть сатанинское дело».

Примечательно, что протокол этого допроса представляет собой машинописную копию, причем ни на первой, ни на второй странице ее подписи отца Онисима (Поля) нет. А в конце протокола фраза: *«Протокол*

записан с моих слов верно, мне прочитан, в правильности сделанных мною показаний расписываюсь», — также не подписана, просто напечатано — "О. Поль". Даже если этот протокол не придуман самим следователем, а все-таки записан со слов обвиняемого, то сделано это было явно "тенденциозно", и даже очень. Без подписей также показания от 25 октября и последний протокол допроса в Новороссийске от 21 ноября, но приведенный сочинский наиболее "тенденциозный", в совершенно чекистском стиле. После него как-то совершенно неожиданно читаются его показания на следующем допросе от 19 октября. Это тоже машинопись, но уже с подписями Олега Поля.

«В дополнение к предыдущим моим показаниям об отношении моем к советскому правительству могу изложить следующее. Я интересовался вопросами экономическими — политическими же попутно с экономическими, лишь поскольку политика связана с экономикой, — и составил себе такой взгляд на советское правительство со всех точек зрения» — начинается этот протокол и далее подробно излагаются человеческим языком политэкономические взгляды иеромонаха Онисима. То ли в точности был перепечатан текст, написанный самим отцом Онисимом, то ли следователь записывал за ним сказанное слово в слово, заинтересовавшись его взглядами. В любом случае этот протокол представляет собой уникальный документ: иеромонах гонимой Русской Православной Церкви, арестованный и брошенный в тюрьму, не скрывавший своего отрицательного отношения к богоборной власти как власти антихристовой и сатанинской, спокойно и основательно развивает перед представителем этой власти свои идеи и не только констатирует бесплодность социалистического хозяйствования и неминуемый крах советской власти, но и предлагает программу конкретных действий для выхода из кризиса.

«Советская власть делает ряд ошибок во всех направлениях. Она преследует веру, чем отгоняет от дела строительства хозяйства массу верующих. Она преследует мысль, не давая свободы печати. Так что в заграничных курсах истории философии принуждены кончать русскую философию 1917 годом. Она преследует частную инициативу в торговле и промышленности, заставляя производить товары с огромной излишней затратой труда по методам социалистического хозяйства, к которому русский народ еще не подготовлен. Все это вместе взятое заставляет меня относиться к Советской власти отрицательно. Если она и впредь будет совершать те же ошибки, она неминуемо падет, как от развала хозяйственного (начиная с сельского хозяйства), так и от умственного истощения, при отсутствии культурного творчества (не говоря уже о духовном обнищании).

Принимая во внимание эти ошибки, я мыслю себе хорошее управление следующим образом. Оно не должно быть капиталистическим, буржуазным, потому что капитализм роковым образом вновь привел к коммунизму, т<о> е<сть> антихристианскому безбожию — и безбожию полному. Капиталисты слепы — они этого не видят. Хорошее же правительство должно внести общее умиротворение — следующим образом:

- 1. В области религиозной должна быть дана полная свобода исповедовать и проповедовать какую угодно веру (кроме безнравственных сект, каковы, скажем, хлысты и т<ак> д<алее>).*
- 2. В области культуры должна быть дана полная свобода слова, печати, собраний и союзов, чтобы могли развиваться те богатейшие силы, которые заложены в душе человека вообще и русского в частности.*
- 3. В области хозяйства должно реализовать до возможных пределов принцип наименьшей траты*

сил. Это значит, что надо принять тот способ хозяйствования, который дешевле всего для народа. Социализм — дорогая игрушка. Надо дать ход частнику там, где он умеет производить и продавать дешевле гос<ударственной> промышленности. Надо дать крестьянину свободу сеять и продавать хлеб по своей воле и по указаниям рынка. Но в тех областях, где частник стоит дороже, и в областях, где он может занимать монопольные позиции, необходимо противопоставлять ему монополию государственную, — конечно, если государство сможет работать дешевле. Таковы железные дороги, вероятно, горное дело, нефть и т<ак> д<алее>. При этом должны быть уничтожены таможенные пошлины — для всей страны нужно дать как бы порто-франко, за немногими исключениями; уничтожить или уменьшить подоходный налог, который всегда перекладывается капиталистом на потребителя и в конечном итоге давит рабочего и крестьянина, и заменить эти налоги единым налогом с ценности земель или земельной рентой, изъятие которой легко и удобно и суммы которой, по точным исчислениям, хватит для покрытия всего бюджета.

Это не что иное, как система Генри Джорджа, несколько измененная. Изучая прилежно эти вопросы, я не был удовлетворен ни одной из существующих партий и выработал самостоятельные взгляды.

Относительно рода правления у меня твердых взглядов нет, так важно не то, кто именно управляет, а то, как он управляет. Означенную программу может проводить и правительство, избираемое по типу советского, и республиканско-демократическое, и монархическое. Это целиком зависит от страны нравов: для

варваров еще нужен султан, для людей, умеющих уважать чужие права, пригодна широкая демократия.

От этих взглядов я не отказался, вступая в духовно-иерархическое подчинение православным епископам как иеромонах, и имел намерение вербовать себе единомышленников из среды православных. Относясь враждебно к Советской власти и считая ее властью демонической, я видел два пути возможного действия: во-первых, самим представителям коммунизма объяснить, что они идут к гибели и что у них, если они желают уцелеть, есть только один путь: принять вышеизложенную программу; во-вторых, так как они, по-видимому, к сожалению, останутся глухи к этому (что видно из отклонения неоднократных предложений Свидерского о рентном принципе в земельном обложении и нынешней борьбы с правым уклоном), то надо объяснять это людям не советским, которые в случае падения советского режима могли бы пропагандировать эту программу. И то, и другое мне хотелось сделать, с каковой целью я и ездил в Москву для изучения не только духовных вопросов, но и политэкономии, чтобы не быть невеждой в этом деле».

На вопрос следователя по поводу участия в советских, партийных, общественных, профессиональных и других организациях отец Онисим ответил, что участие в кооперации считает возможным, «так как кооперативные взносы суть просто налог за дурное ведение хозяйства кооперацией», также и в профессиональных организациях, где нет обязательств о безбожии. «Участие в партийных организациях невозможно, так как там требуется безбожие. А в советских постольку, поскольку оно не противоречит религиозным убеждениям, — поскольку в обязанность не включается помощь безбожию».

Далее следователь предложил изложить взгляд на политические партии. Отец Онисим ответил: «Поли-

тические партии всегда являются представителями каких-нибудь классов общества. Потому их борьба отражает борьбу классов. Общество, построенное на справедливых основаниях, не должно вовсе иметь классы — не классы, а специальности, профессии могут и должны быть. Но так как, к сожалению, люди неспособны — в массе — воодушевляться бескорыстными стремлениями в государственном строительстве, то если бы была основана указанная мною новая партия, то ей пришлось бы подыскать себе класс, на который временно можно было опереться. Таким классом, полагаю, могло быть зажиточное крестьянство (т<ак> наз<ываемое> кулачество) и отчасти интеллигенция, кроме них означенной партии могли бы помочь разочарованные коммунисты, так как это люди с опытом в управлении и решительностью в действиях».

И, наконец, по поводу политики советского правительства в области сельского хозяйства отец Онисим определенно высказал свое отрицательное отношение и подробно об этом показал¹³³. 21 ноября на допросе в Новороссийске после прочтения обвинения по 58-й статье пунктам 10 и 11 УК иеромонах Онисим виновным себя признал и в своих показаниях подтвердил свое неприятие безбожной власти. На вопрос: «Считаете ли вы все свои рукописи эконом<ического>, политич<еского> и религиозного характера содержащими в себе антисоветский смысл», — ответил: «По смыслу и по существу они противосоветские, но я их не распространял».

И далее твердо заявил: «Я хорошо уясняю, что наша организация в повседневной практической своей нелегальной организованной деятельности вела политическую борьбу с Сов<етской> властью, которую мы считали, как верующие люди, властью от антихриста. В процессе своей деятельности, развивая свою работу,

¹³³ Полностью его показания приведены в приложении II.

мы имели в виду вырывать массы от советского влияния, т<ак> к<ак> мы были уверены, что Сов<етская> власть должна будет уйти со сцены.

Социализм я отрицаю, т<ак> к<ак> он проводится путями насильственными и безбожными, например, насильно отбирается хлеб, люди сажаются в тюрьмы, т<ак> н<азываемые> кулаки, которых в нашей стране нет, а есть просто работающие люди. Наши понимания мы по силе возможности передавали и массам. Сов<етская> власть своей политикой ведет людей к упадку и обнищанию.

Показания мои правильны, записаны с моих слов, мне прочитаны.

<подпись> О. ПОЛЬ.

Я лично желал бы, чтобы ни одного человека не было во вселенной под советским влиянием, так как это влияние безбожное. — О. ПОЛЬ».

В материалах дела протокол этого последнего допроса — машинописная копия. Заключительная фраза тоже отпечатана, но сбоку слева помечено следователем — «Приписка Поля». Вероятно, прочитав написанный или отпечатанный протокол допроса, отец Онисим подписал его, а затем сделал эту приписку. Это последние его слова, дошедшие до нас...

27 февраля 1930 года на заседании "тройки" при Полномочном представителе ОГПУ по Северо-Кавказскому краю иеромонах Онисим (Поль Олег Владимирович) был приговорен к высшей мере наказания как один из активных членов и "идеологов" антисоветской организации епископа Варлаама (Лазаренко). В материалах "Обвинительного заключения" особо было подчеркнуто: «В своей широко разветвленной антисоветской пропагандистской деятельности, проводимой как устным, также и письменным путем (распространено было

17 антисоветских листовок различного содержания, том 4, стр<аница> 7), участники организации применяли весьма разнообразные методы, начиная с момента религиозного порядка, кончая повстанческими. Немаловажную роль играла агитация на почве проводимых Сов<етской> властью хозяйственных мероприятий, причем актив организации доказывал хозяйственную нецелесообразность создания колхозов, пропагандируя идеи возрождения сельского хозяйства в СССР лишь на капиталистической базе (труды обвиняемого ПОЛЯ Олега, в частности под заглавием — "Хозяйство человека")».

Как уже указывалось выше, епископ Варлаам и все связанное с ним духовенство и монашествующие были признаны виновными в создании «нелегальной монархической организации, ставившей своей целью объединение реакционных слоев казачества и подготовку их к вооруженному восстанию для свержения существующего строя и реставрации монархии».

Вместе с самим епископом Варлаамом почти все священники и монахи, проходившие по делу, были приговорены к расстрелу. В расстрельном списке — 52 человека. Схимонах Даниил (Бондаренко Дмитрий Васильевич) также в этом списке.

Епископ Варлаам — Лазаренко Григорий Яковлевич;
архимандрит Моисей — Астахов Мартын Кондратьевич;

священник Федор Петрович Калашников;
священник Александр Алексеевич Алимов;
священник Дмитрий Кириллович Кравцов;
священник Николай Яковлевич Попов;
священник Павел Иванович Чижов;
игумен Игорь — Баль Иван Григорьевич;
игумен Петр — Базыкин Никанор Ефремович;
иеромонах Алексей — Зинченко Сергей Васильевич;

иеромонах Даниил — Косоруков Дмитрий Тимофеевич;
иеромонах Иустин — Смирнов Иаков Николаевич;
иеромонах Ксенофонт — Круц Кузьма Иванович;
иеромонах Макарий — Олейников Моисей Никифорович;
иеромонах Мельхиседек — Чижов Иван Зиновьевич;
иеромонах Моисей — Семиных (Семиног) Михаил Ананьевич;
иеромонах Неофит — Енин Николай Иванович;
иеромонах Онисим — Поль Олег Владимирович;
иеромонах Петр — Сопнев Павел Тимофеевич;
иеродиакон Иннокентий — Каюдин Иван Порфирьевич;
схииеромонах Гавриил — Польшин Георгий Демьянович;
схимонах Даниил — Бондаренко Дмитрий Васильевич;
монах Владимир — Гриценко Василий Михайлович;
монах Мефодий — Васильченков Михаил Иванович;
монах Онуфрий — Высоцкий Павел Васильевич;
монах Сергей — Сингалевич Сергей Семенович;
Алифанов Моисей Парамонович;
Анохин Николай Сидорович;
Велихов Сергей Николаевич;
Воронин Николай Васильевич;
Глеков Никита Иванович;
Горбатовский Иван Спиридонович;
Иванюков Василий Семенович;
Кочергин Петр Семенович;
Мельников Григорий Филиппович;
Неведомский Дмитрий Иосифович;
Перегудов Никита Иванович;
Пешков Василий Игнатьевич;
Ронин Петр Петрович;
Сопнев Георгий Прокофьевич;
Сопнев Прокофий Тимофеевич;
Свенский Сергей Иванович;

Свищ Лука Трофимович;
Седов Лаврентий Петрович;
Скворцов Влас Семенович;
Скороходов Сергей Владимирович;
Стоян Иван Терентьевич;
Удоленко Егор Антонович;
Федорченко Павел Иванович;
Харьковский Тарас Семенович;
Хацкий Герасим Андреевич;
Шелих Федор Андреевич.

Когда и где были расстреляны осужденные, так и осталось неизвестным — документов о приведении приговора в исполнение в материалах дела нет. В. Д. Пришвина пишет, что отца Даниила расстреляли в Новороссийске, а Олега Поля перевели в Ростов-на-Дону. Известие о расстреле Олега принесли его матери — Марине Станиславовне Бурдановой — в начале июля 1930 года.

В воспоминаниях монахини Сергии (Клименко), на протяжении нескольких месяцев зимой и весной 1930 года носившей передачи в Новороссийскую тюрьму, есть эпизод, подтверждающий возможность расстрелов в Новороссийске:

«В одно серое хмурое утро принесли мы передачу в мужскую камеру. А у нас не принимают: "Нет никого, ночью этап был!" Ну, уж нет! Нас не проведешь, даром, что ли, мы здесь толчемся? Этапы были открытые и всегда днем. Что-то не то. Сердце защемило.

Не скоро у медсестры, работавшей и в тюремной, и в городской больницах, мне удалось спросить об этом. Она уклончиво ответила, что, мол, вещи монахов лежат теперь с вещами тех заключенных, которые умерли в тюремной больнице...»¹³⁴

¹³⁴ *Монахиня Сергия (Клименко)*. Минувшее развертывает свиток... Самара: Самарский дом печати, 2008. С. 24–25. Ее воспоминания приведены в приложении III.

Всего по делу был осужден 161 человек: только двое получили условный приговор, пятьдесят человек приговорены к высылке, более шестидесяти к различным срокам заключения в концлагерь: 17 человек — к 10 годам концлагеря, 4 человека — к восьми годам, 31 человек — к пяти годам, 7 человек — к трем годам.

Иеромонаха Арсения (Бориса Корди) не расстреляли, хотя он был полностью единомыслен со своими наставниками, а на допросах еще более категоричен. Так, 20 ноября 1929 года он подтвердил прежние показания о своих воззрениях на советскую власть как безбожную, разрушающую храмы и преследующую духовенство и верующих: *«А поэтому, как и ранее я заявлял, мы, все члены организации, сов<етскую> власть рассматриваем как власть антихриста и считаем своим христианским долгом вести борьбу как с самой антихристовой Советской властью, так и со всеми мероприятиями этой власти путем разъяснения православному русскому народу о том, чтобы они не принимали никакого участия в проводимых мероприятиях антихристовой Сов<етской> власти и вели борьбу с этой властью путем разъяснения среди истинно-верующих православных христиан о необходимости свержения советского правительства. Я считаю, что в России только тогда прекратятся гонения и кощунства над религией и православным христианством, когда будет управлять помазанник Божий — монарх. В данный же момент мы живем в царстве антихриста».*

И на следующий день 21 ноября: *«Ненавидеть Советскую власть начал с того момента, когда убедился, что эта власть безбожная и от антихриста. Поэтому я вступил в подпольную организацию, возглавляемую епископом Варлаамом, проживавшим нелегально. Наша организация имела целью, безусловно, освободить русский народ от советского влияния. Я считаю, что религия и царский строй, возглавляемый помазанником*

Божиим царем, — союзники и взаимно поддерживают друг друга; как истинно верующий и русский, я являюсь неизбежно сторонником монархии, что близко по духу и всем членам нашей организации, и за это мы фактически боролись, но лично я не против и буржуазно-демократического строя, который бы дал свободу слова, печати и вероисповедания. Дело наше было секретное, и мы, безусловно, были противниками существующего антихристианского политического строя».

На этом же допросе отец Арсений, признав себя виновным в том, что состоял в подпольной организации и вел антисоветскую агитацию, заявил, что есть такие люди, которые не были связаны с их организацией. Он назвал Георгия Ивановича Зуева и Ивана Сергеевича Хилько, жителей поселка Дмитриевского на Красной Поляне, сочувствовавших и помогавших монахам (так, И. С. Хилько получал письма для схимонаха Даниила, у него часто останавливались на ночлег приходившие монахи). Они тоже были арестованы и приговорены к высылке на пять лет.

Иеромонах Арсений был приговорен к пяти годам концлагеря (вероятно, по молодости, ведь ему едва исполнилось 22 года). После освобождения из лагеря в 1935 году он приехал в Алма-Ату, где жила Марина Станиславовна Бурданова¹³⁵, мать расстрелянного иеро-

¹³⁵ Бурданова Марина (Мария) Станиславовна, родилась в 1878 году в Киеве. Проживала в Киеве, преподавала музыку и пение. Вышла замуж за пианиста и композитора Владимира Ивановича Поля, в семье — сын Олег и дочь Тамара. В начале 1900-х брак распался, во втором браке вышла замуж за художника Григория Григорьевича Бурданова, вместе с мужем были толстовцами и убежденными вегетарианцами; в семье — дочери Марина, Светлана и Злата. С 1914 — проживала с семьей в Москве, преподавала музыку и пение, в 1921–1924 — преподавала в Пушкинской опытной школе-колонии 2-й ступени МОНО. Была прихожанкой церкви Никола Большой Крест, певчей церковного хора;

монаха Онисима (Поля). Она отбывала здесь ссылку с 1932 года, после ареста и осуждения по делу прихожан церкви Никола Большой Крест в Москве.

Иеромонах Арсений устроился на работу наблюдателем на метеостанции в Алма-Ате, Марина Станиславовна преподавала в музыкальном техникуме. Поселились они в доме 44 по улице Транспортной; именно здесь под домом отец Арсений устроил подпольную церковь.

Узнав о том, что в Казахстане находился в ссылке митрополит Иосиф (Петровых), отец Арсений сразу же к нему поехал. Мария Поликарповна Бузина¹³⁶ вспоминала:

«Осенью 1935 года в Мирзояне¹³⁷ владыка Иосиф посвятил в сан архимандрита о<тца> Арсения. В этом же году в Алма-Ате в доме у архимандрита на ул<ице> Транспортной митрополитом Иосифом была освящена подземная церковь. В полу был прикрытый ковриком люк».

«Подвальная лестница вела к отверстию, заваленному камнями. Отвалив их, надо проползти еще три шага, и оказываешься в крошечном храме с образами и лампадами»¹³⁸.

Об этой же церкви и служении в ней владыки Иосифа вспоминала и княгиня Наталья Владимировна Урусова:

«Вырытая в земле церковь была в квартире (доме) архимандрита Арсения. В передней был люк, покрытый ковром. Снималась крышка, и под ней — лестница в небольшой под-

после закрытия церкви стала прихожанкой Сербского подворья. 14 апреля 1932 — арестована по групповому делу верующих, 16 мая приговорена к 3 годам ссылки в Казахстан и отправлена в Алма-Ату, преподавала в музыкальном техникуме. Осенью 1935 — тайно пострижена в монахини с именем Мария.

¹³⁶ Скончалась в 1979 году.

¹³⁷ Аулиа-Ата, с 1936 — переименован в Мирзоян, с 1938 — в Джамбул, ныне — Тараз.

¹³⁸ Королева В. В. Иосифлянская община в г. Алма-Ате в 1935–1937 гг. // XVI Ежегодная богословская конференция ПСТВИ: Материалы 2006 г. М.: Изд-во ПСТВИ, 2006. С. 159.

вал. Не зная, нельзя было предположить, что под ковром вход в церковь. В подвале в одном углу было отверстие в земле, заваленное камнями. Камни отнимались, и, совсем согнувшись, нужно было проползти три шага, и там вход в крошечный храм. Много образов и горели лампы. Митрополит Иосиф очень высокого роста, и все же два раза при мне тайно приезжал сюда и проникал в эту церковь. Создавалось особое настроение, но не скрою, что страх быть обнаруженными во время богослужения, особенно в ночное время, трудно было побороть. Когда большая цепная собака поднимала лай во дворе, хотя и глухо, но все же было слышно под землей, то все ожидали окрика или стука ГПУ. Весь 1936 год и до сентября 1937 года всё обходилось благополучно. Андрияша (сын) пел с одной монахиней. 26 августа¹³⁹ приехал митрополит Иосиф и удостоил нас посещением по случаю дня моего ангела. Какой это чудесный, смиренный, непоколебимый молитвенник! Это отражалось в его облике и в глазах, как в зеркале. Очень высокого росту, с большой белой бородой и необыкновенно добрым лицом, он не мог не притягивать к себе, и хотелось бы никогда с ним не расставаться. Монашеское одеяние его было подобрано так же, как и волосы, иначе его сразу арестовали бы еще на улице, т<ак> к<ак> за ним следили, и он не имел права выезда...

Он провел у нас за чаем больше часу, рассказывая о трудной жизни в сарае, когда над головой, уцепившись за хворост потолка, висит и смотрит на тебя змея, как трудно было молиться, когда кругом мычанье, блеянье и хрюканье и безжалостно плохое питание. Эти все условия и были, очевидно, причиной его болезни. По временам он сильно страдал от язв в кишечнике. Но он все переносил как праведник, и если рассказал о трудных преследованиях, то только потому, что мы все вспоминали о жестокостях ГПУ. О<тец> Арсений рассказал об одной форме издевательства мучениями. Когда их везли через Сибирь, мороз был жестокий. В поезде был вагон-баня. Нас совсем голыми погнали через вагоны в баню.

¹³⁹ Очевидно, 1936 года.

Мы с радостью обливались горячей водой и немного обогрелись, т<ак> к<ак> вагоны были почти не топлены. Не дав ничего, чтоб вытереться, с мокрой головой погнали назад. На железной площадке нарочно задержали, и мокрые ноги ментально примерзали к железу, по команде "Вперед!" мы отдирали с кровью примерзшие ступни»¹⁴⁰.

Княгиня Урусова приехала в Алма-Ату с сыном Андреем¹⁴¹ в 1935 году, по окончании срока его ссылки. Их как раз пригласил архимандрит Арсений, с которым они познакомились ранее в Актюбинске через его духовных чад. Отец Арсений встретил Урусовых в Алма-Ате, нашел им комнату в доме верующего, где также жил старый, почти слепой священник, высланный из Петербурга. Здесь они молились вместе, а также постоянно бывали на богослужениях в катакомбной церкви отца Арсения.

У архимандрита Арсения окормлялись и питерские иосифляне: протоиерей храма Воскресения Никифор Стрельников и иподиакон Петр Сазонов, арестованные и осужденные по групповому делу иосифлян в 1930–1931 годах. В 1933 году протоиерей Никифор был досрочно освобожден из лагеря и отправлен в ссылку в Алма-Ату; иподиакон архиепископа Димитрия, Петр Михайлович Сазонов, осужденный на пять лет концлагеря, приехал в Казахстан по отбытии срока. По

¹⁴⁰ Княгиня Урусова Н. В. Материнский плач Святой Руси. М.: ИД «Русский Паломник», 2006. С. 347–351.

¹⁴¹ Князь Андрей Петрович Урусов, родился в 1914 году в Ярославле. Окончил среднюю школу; работал в химической лаборатории ВИЖа в Москве. 15 апреля 1932 — арестован как «участник контрреволюционной монархической организации церковников ИПЦ». 7 июля 1932 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Алма-Ату. Весной 1933 — переведен в Актюбинск. В 1935 — поселился в Алма-Ате, работал счетоводом в конторе. 24 октября 1937 — арестован, 15 ноября приговорен к ВМН, в тот же день расстрелян.

свидетельству Веры Федоровны Сазоновой, жены его младшего брата Александра Михайловича, он повез митрополиту Иосифу цитру, которую брат вместе с другом сами сделали. Наталья Владимировна Урусова вспоминала, что архимандрит Арсений, заботившийся о владыке, «достал ему сперва цитру, затем фисгармонию, что для митрополита, большого музыканта, было радостью. Он пел псалмы, перекладывал их на музыку»¹⁴².

О добрых отношениях митрополита Иосифа и архимандрита Арсения сохранились воспоминания рабы Божией Нины, приезжавшей в Мирзоян к владыке из Москвы:

«Когда я вспоминаю о Борисе Корди, то вижу невысокую хрупкую фигуру в мохнатой меховой куртке и такой же шапке. Вижу смуглое удлиненное молодое лицо с большими карими глазами, от которых при улыбке разбегаются веером к вискам добрые морщинки. Помню смех, веселый, залиvistый, детский. Впечатление от первой встречи было довольно неожиданное.

Мы встретились с Борисом Корди в 1937 году в небольшом городке Казахской ССР, где на окраине у оврага, за которым уже начиналась степь, стоял домик. В нем жил со старушкой-сестрой ссыльный митрополит — высокий, мощный старик с белой бородой, белыми волосами и синими добрыми детскими глазами, похожий на русского былинного богатыря. Окружающие чаще всего называли его Владыкой. В доме этих добрых стариков я, заброшенная в то время в городок волею судьбы и случайно встретившаяся с ними, была ласково и радушно принята и много слышала от Владыки о некоем Внуче, проживающем в Алма-Ате, молодом монахе строгой жизни, уже архимандрите, с которым многие годы они связаны тесной дружбой и взаимной привязанностью. "Вот приедет Внуча", — то и дело говорили они. Из рассказов стариков я узнала, что Внуча живет в Алма-Ате с матерью своего рас-

¹⁴² Княгиня Урусова Н. В. Указ соч. С. 351.

стрелянного друга, которая его усыновила, что у него там домик, под домом вырыта маленькая церковь, о которой не знает никто, кроме самых близких, что в церкви этой он служит, соблюдая самый строгий монашеский чин, что названная его мать и несколько еще окружающих женщин — тайные монахини и его духовные дочери, что строгость и аскетизм их жизни велики.

Владыка и Анна Петровна¹⁴³ говорили о Внуче с глубокой нежностью, но иной раз и с налетом юмора там, где дело касалось чрезмерной ретивости к "букве" церковных дел. Сам митрополит был человеком широким и иной раз поражал свободой своих суждений, неприверженностью к "букве", в ущерб которой ценил и понимал суть. Облик архимандрита Арсения оказался неожиданным и обаятельным, он не подавлял ни строгостью, ни отрешенностью от мира. Борис приезжал к Владыке ненадолго. Встреча наша с ним в этот приезд была единственной. Следующая была краткой и происходила при достаточно трагических обстоятельствах.

По Казахстану прошла волна массовых арестов среди ссыльного духовенства. Забрали и Владыку и увезли в обласной город Чимкент. Анна Петровна (Мария Ивановна) в горе и растерянности осталась одна. Сообщили Внуче. Тот приехал помочь ей управиться с вещами и забрать ее к себе. Все делалось в тревоге и спешке...»¹⁴⁴

26 октября отец Арсений, Марина Станиславовна и другие их близкие были арестованы. В "Обвинительном заключении" в качестве обвинения значилось: *«Корди, являясь участником антисоветской монархической террористической организации церковников, по прямой директиве руководителя организации митрополита Иосифа (Петровых) осенью 1935 г<ода> в Алма-Ате создал из репрессированного ранее элемента и возглавил антисоветскую монархическую террористическую*

¹⁴³ Речь идет о Марии Ивановне Коронатовой.

¹⁴⁴ Королева В. В. Указ. соч. С. 159–160.

повстанческую группу церковников, ставившую своей задачей оказать активную помощь фашистским странам в свержении Советской власти в момент войны путем создания повстанческой группы, совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства. Корди организовал в своей квартире нелегальную церковь, используя ее для проведения нелегальных сборищ и развертывания антисоветской деятельности... Виновным себя признал»¹⁴⁵.

16 ноября 1937 года отец Арсений (Корди) был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Марина Станиславовна Бурданова (в тайном постриге монахиня Мария) умерла в заключении на одном из этапов, место и время кончины неизвестно.

¹⁴⁵ Архив ДКНБ в г. Алматы и Алматинской области. Д. 092445 // Из электронной базы по новомученикам ПСТГУ. — URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans.

Приложение I

Послания и письма епископа Варлаама (Лазаренко)¹⁴⁶

«Возненавидев церковь лукавующих, избегая разнovidных церковных направлений, чуждых духу православия, и стоя на защите св. Веры и Церкви Православной, я доселе находился в каноническом и молитвенном общении с почившим патриархом Тихоном, его местоблюстителем, а затем и заместителем последнего, митрополитом Нижегородским Сергием, доколе усматривалось между этими иерархами единение духа в союзе мира. Но в последнее свое посещение (30 августа н<ынешнего> г<ода> в Москве) я обнаружил в нем и его Синоде решительный уклон в сторону так наз<ываемых> легальных ориентаций и подчинение всей церковной свободы, и внешней, и внутренней, духу,

¹⁴⁶ Машинописные копии из материалов следственного дела 1929–1930 годов. Архив Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П–54881.

чуждому православия, так как, по собственному выражению м<итрополита> Сергия, он уже не может назначать епископов без благословения Лубянки. Появившаяся в Синоде его декларация подтвердила это его выражение, явно свидетельствующее о том новом духе церковной политики, который повел Церковь Русскую в сторону обновленчества. Испытав вскоре лично на себе действие этой новой политики м<итрополита> Сергия и его Синода, я решительно заявляю о следующем:

- 1) Признавая необходимость общественного порядка, признаю и всякую гражданскую власть, поддерживающую этот порядок, и подчиняюсь ей.
- 2) Подчиняясь власти, я твердо помню существующие границы между требованиями этой власти и законом религиозной православной совести. Эти границы обозначены кровью христианских мучеников.
- 3) Считаю подчинение внутренней церковной свободы диаметрально противоположной по духу неверующей безбожной власти предательским и даже противоречащим декрету этой власти, отделяющей себя от Церкви, я не желаю участвовать в этом предательстве.
- 4) Главных зачинщиков этого предательства, м<итрополита> Сергия и его Синод, я не признаю, как и всех ему подчиненных...
- 5) Остаюсь верен Патриаршему местоблюстителю, Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому, доколе он не будет принимать участия в делах м<итрополита> Сергия и его синода.
- 6) Принимая за руководство постановление Всероссийского Поместного Собора 1917–18 г<одов>, предоставившего пастве самой избирать себе епископа, я считаю свой перевод из Майкопа, учиненный м<итрополитом> Сергием вопре-

ки желанию паствы, насильственным и потому незаконным, и по-прежнему остаюсь епископом Майкопским до решения вопроса на соборе православных епископов.

Варлаам, Епископ Майкопский.

1927 сентября 12 ст<арого> ст<иля>, г<ород> Майкоп».

Православным общинам Майкопской церковной области

«Исходя из того, что мое удаление из Майкопа было вызвано происками духовенства, бывшего в обновленчестве (во главе которого стоит еп<ископ> Иннокентий Летяев, тоже бывший обновленец 1923 г<ода>), а ныне перешедшего в иную ориентацию, и что мое удаление из Майкопа было устроено ими в целях достижения своих личных выгод, а не блага Церкви, кроме того было лишено всяких законных оснований и канонических причин, без суда епископов, по произволу митр<ополита> Сергия и вопреки моему личному желанию и упорному и многократно выраженному желанию всей паствы Майкопской (о чем свидетельствуют различные документы от общин г<орода> Майкопа), единственно потому, как сказал митр<ополит> Сергий, что меня выслала гражданская власть, что ни в коем случае не согласно с правилами церковными и не могло лишить меня права на Майкопскую кафедру, так как по правилу Московского Собора 1917–18 г<одов> паства избирает себе епископа сама; в избрании моем на Майкопскую кафедру участвовало духовенство и миряне от Майкопского Окр<уга>

и 16 приходов Армавирского Окр<уга>, а в удалении из Майкопа участвовала одна гражданская власть и митр<ополита> Сергия с обновленцами, а потому свой перевод из Майкопа я и другие архипастыри считаем незаконным. Ввиду перехода моих противников в другую ориентацию, а самого митр<ополита> Сергия в обновленчество, я не считаю себя вправе подчиниться распоряжениям, которые противны духу православия и желанию верующей паствы, а наипаче тем распоряжениям, которые продиктованы обновленцами и их единомышленниками, как и сам митр<ополит> Сергий, а потому остаюсь по-прежнему епископом Майкопским даже и тогда, когда не останется ни одного православного храма в Майкопе.

Но вследствие невозможности моего пребывания на территории Майкопа по всем нуждам, касающимся православных общин, предлагаю временно обращаться к преосвященному Алексию, Епископу Козловскому, управляющему Воронежской Епархией.

Вследствие расхождения православного епископата с митр<ополитом> Сергием впредь до православного Собора, по указу почившего Патриарха Тихона от 20 ноября 1920 г<ода> за № 382, каждый епископ управляет самостоятельно.

Не прерывая канонического общения с законным местоблюстителем патриаршим, Митрополитом Крутицким Петром, возносить его имя за богослужением, поминовение же митр<ополита> Сергия прекратить и не принимать никаких распоряжений, исходящих от единомышленных ему епископов.

Общинам, которые прервали общение с митр<ополитом> Сергием, предлагаю воздерживаться от принятия священников, бывших в обновленчестве и вкусивших уже этой закваски, а потому испорченных.

В частности, общине Воскресенской Церкви г<орода> Майкопа предлагаю считать настоятелем своей

церкви отсутствующего священника о<тца> Димитрия Воиника, а до его возвращения ВРЕМЕННО пригласить иеромонаха или свободного священника православной канонической ориентации.

Священникам, обслуживающим общины по назначению иных епископов, кроме Преосвященного Алексия Воронежского, предложить оставить службу и уйти из храмов.

Если по каким-либо причинам окажется невозможным оставить за собой храм или удалить священника, то община должна ходатайствовать о разрешении ей иметь особый молитвенный дом и особого священника.

Братии Михайловской Пустыни предлагается считать по-прежнему меня настоятелем, а о<тца> архимандрита Моисея наместником даже и тогда, когда не останется в руках православных монахов ни одного храма, а в монастыре ни одной келии, ибо не камни и стены составляют монастырь, а ничем не связанный дух подвижников благочестия.

Всем вообще верующим, священникам и мирянам, внушается избегать всякого брата, ходящего бесчинно, а не по преданию, избегать раскола, твердо держаться заветов и уставов св<ятой> Церкви; не смущаться тем, что мало остается истинно верующих пастырей и мирян, — потому что подобает сему быти. Истина не всегда с теми, кого больше, и не всегда там, где административный аппарат. Не бойся, — говорит Господь, — малое стадо, ибо Отец благоволил дати вам Царство Небесное. Церковь Христова будет к концу умаляться в количестве, но возрастать в качестве — духовно, посему и сказано, что Господь, пришедши, едва ли найдет Себе веру на земле. Много будет архиереев и священников, храмов и верующих, будет блестящая обстановка и твердая дисциплина, но Духа Христова не будет там — много будет званых, но мало избранных...

Да не смущается сердце ваше, не устрашает вас никакое гонение.

Помните, что истина на Земле только тем и отличается, что всегда в гонении пребывает, и что гонимо бывает, то истинно. Имейте разум и очи сердечные к зрению своего спасения. Будьте мудры, яко змии, и целы, яко голуби.

Все храмы г<орода> Майкопа, доколе в них пребывают еретичествовавшие владельцы, считаются не православными, и верующие должны избегать их посещения.

С того момента, когда община обратится к православному епископу за назначением священника, и с благословения этого епископа храм будет освящен, и верующие раскаются, храм считается православным благодатным жилищем Духа Святого.

За отсутствием на месте православного священника верующим не вменяется в грех, если они надолго останутся без удовлетворения своих духовных нужд, — было бы сердце готово всегда соединиться со Христом.

Крещение могут совершать благочестивые миряне. Погребать умерших самим с пением "Святой Боже". Сообщать имена крещеных и погребенных епископу, дабы он совершил заочно все потребное. Лучше, если бы в настоящее время было меньше браков (Мф. XXIV–19).

Не будьте, как бессмысленные младенцы, и не всякому духу верьте. Бог да укрепит и благословит вас.

Варлаам, Епископ Майкопский.

1928 г<од> Января<аря> 30, г<ород> Грайворон».

Из материалов, изъятых при обыске у Кравцова

«+

Возлюбленные о Господе, мои духовные чада — иереи и диаконы, поставленные через мое смирение на служение Православной Церкви.

В страдную годину появления дерзкого самосвятства и обновленчества выступили мы на защиту попираемого святого православия и вековых благочестивых обычаев нашей родной старины.

Все те, на которых мы возлагали вместе с народом свои высшие упования, — архиереи и ученые, богословы и духовные, и светские, которых Церковь воспитала и приготовила на свою защиту и облекла их во всеоружие познаний, — все почти они оказались перебежчиками в еретический стан и изменили своей Матери Церкви.

Оставшиеся немногие верными своему долгу и заветам православия вынуждены были понести тяжелый свой крест через Голгофу. Мы вышли на этот крестный путь, влекомые не заманчивыми призраками временных благ, не славою, не честью и всем, что сулили нам разрушители Церкви. Мы видели перед собою только одну тернистую дорогу, одни гонения и страдания и, не задумываясь, смело пошли по ней, мы знали, что ожидает нас на этом пути. Но для сохранения и удержания хотя некоторых чад Церкви в древлеотеческом православии мы не страшились пройти этот страдальческий путь среди своих многочисленных врагов. Для сего я избрал вас из самого сердца народного, которое было всегда просто, но глубоко верно святому православию. Я уподобил вас святым апостолам, взятым из среды бедных простых галилейских рыбаков, но крепко любивших своего учи-

теля. Назначение ваше было удержать насколько возможно натиск еретичествующих полчищ всякого рода, ободрить простым словом убеждения слабодушных и силою своего доброго примера вселить в сердца верующих уважение к священным заветам православия, и громко и твердо исповедать перед всеми святу ю православную веру, храня также твердо уставы Святой Соборной Апостольской Церкви. И за все эти духовные сокровища быть готовыми претерпеть всякие лишения до крови и смерти.

Вот на какой великий подвиг я избрал вас. И вы знали, что ожидало вас на этом пути. Вы видели мои страдания и гонения от врагов Церкви и должны быть уверены, если меня изгнали, и вас изживут. Даже за одно произношение моего имени.

Вы должны были помнить, что стоите в борьбе лицом к лицу с врагом, насколько хитрым и коварным, настолько и жестоким, и что в этой упорной борьбе должен решиться великий вопрос, быть или не быть православию.

Знаю я к утешению своему, что большинство из вас доселе стоит твердо на страже православия, мужественно отражая все натиски вражьей и внешней, и внутренней силы, не обращая внимания на громадное и подавляющее большинство и множество этой силы.

Ведомо мне, что некоторые из вас уже понесли и доселе несут крест исповедничества, и уже оправдали свое призвание на самом деле.

Не будем громко говорить об их подвигах здесь на земле, чтобы не лишить их высшей вечной награды на небесах, где высший мздовоздаятель Господь воздаст всем по достоянию.

Знаю я и то, что некоторые из вашей среды (и слава Богу, только немногие), иные, прельщенные блеском суетных наград от еретиков и выгодным спокойным положением, иные, устрашенные угрозами (или страха

ради иудейска) или многочисленностью врага, а иные, утомленные борьбою, ушли в стан еретический, забывая о том, что положивший руку на рало и озирающийся назад не будет управлен в царстве Божьем (Лк. 9–1–2)... *<пропуск в тексте>* и какая польза человеку, если весь мир приобретет, а душе своей повредит? (Мф. XVII–26)

Но да не смущается сердце ваше, да не устрашает вас многочисленность наших врагов. Твердо помните, что их множество еще более увеличится, злоба их возрастет с большей силой, искушений на пути будет немало.

Узкий путь шествия за Христом к концу совсем опустеет, много будет званых, но мало избранных, кто считает себя первым, тот окажется последним — в Царстве Божьем.

Знайте, что нас здесь считают последними, но не за земное величие боремся. Знаем мы, что будем побеждены врагами своими, антихрист воздвигнет брань с верующими и победит их (Апок. XIII), но эта победа его, чисто внешняя, — не в состоянии поколебать нас и веры, которую мы сохраним внутри себя. Это сохранение святой веры и будет для нас той победой, которая победила мир, ради которой вышли мы на борьбу с врагами, пред которыми никто *<текст не читаем>*.

Кто обольщен или уstraшен отступниками, ободрись — возвратись, стряхни с себя их иго и возьми легкое бремя Христово.

Кто решил бесповоротно служить "любодейце, сидящей на звере багряном" (Апок. XVII–3), у того я беру обратно все данные ему полномочия священства.

Кто твердо стоит на прежнем уповании и смело без страха глядит вперед, на того призываю Божие благословение.

С тех пор, как митрополит Сергей сделал церковь советскую — "выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистоте, и я приму вас" (2 Кор. VI, 17).

"Не преклоняйтесь под чуждое ярмо с неверными, что общего у света со тьмою" (2 Кор. VI, 14). Или какое согласие у Христа с велиаром...

Вы можете быть советскими гражданами, но советскими священниками быть не должны. Вы призваны ограничить, а не увеличить число еретиков.

Пасите же Божие стадо не нуждою, но волею, и образцами бывайте стаду (1 Петр. 5, 2). Бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, укрепляйтесь. Бог да благословит вас.

Аминь».

* * *

«УСТАВ

закрытых православных общин в местностях, подверженных преследованию за староцерковное направление

1. Общины должны быть закрыты для внешних и объединяются вокруг своего представителя мирянина вместе.

2. В малых районах общины объединяются вокруг благочинного.

3. А в округе — избранному ими высшему духовному руководителю — епископу.

4. По делам всех общин благочинные в один общий совет с представителями.

5. Численность общин не препятствует назначению по желанию особого иерея.

6. Вообще же должны окормляться разъездными священниками.

7. Желающим принять священника предлагается, во-первых, соблюсти все предосторожности, оградить

его от внешних, соблюсти тайну, во-вторых, иметь приличное помещение для богослужения (если таковое намечается).

8. Кандидаты в священнослужители избираются из среды самих общин, представляются через благочинного епископу (бывших обновленцев ни в коем случае не принимать).

9. Священнослужители д<олжны> б<ыть> по возможности безбрачные.

10. Вступившим в члены общины запрещается посещать раскольнические храмы и принимать к себе таких без крайней нужды.

11. Внешние, желающие вступить в число верующих, тщательно д<олжны> б<ыть> испытаны продолжительным искусом и принимаются епископом по докладу всей общины.

12. Все служители церкви содержатся на пожертвования православных общин.

1928.

Учредители общин должны представить:

1. Свое общее постановление на имя Петроградского митрополита Иосифа о желании иметь его высшим руководителем духовным.

2. Указать ближайшего епископа, которому могут довериться в управлении.

3. Представить поименный список всех членов общины с указанием наименований общины (наприм<ер>, Успенская община стан<ицы> Белореченской).

4. Заявление епископу о желании окормляться под его руководством».

* * *

Выписки из тетради епископа Варлаама

«Православно-каноническим общинам
Майкопского церковного округа

Во исполнение канонических правил о самочинных соборщах (Василия Великого 1-е, Гангрского собора 6-е) доводится до сведения верующих, что таковыми соборщами называются собрания молящихся без благословения епископа и призывающие священника, не имеющего архиерейского благословения на право совершать богослужение; а посему, во избежание нарушений указанных церковных правил, предлагается верующим, во-первых, без благословения православно-канонического епископа не организовывать никаких общин и, во-вторых, не принимать никаких священников, не имеющих законного благословения от того епископа, которому подчиняется эта община. В противном случае это самочинное соборще будет под клятвою (Гангрского соб. прав. 6-е).

Епископ Варлаам».

* * *

«Иеромонаху Иерониму и всем прочим.

Согласно церковных канонов, при сем приложенных, предлагается:

- 1) Пришлому иеромонаху представить свои документы, если он пожелает служить в общине.
- 2) Братии сей общины вменяется в правило — не допускать никого из чужих к священнодействию без архиерейского благословения и без документов.

- 3) За допущенное нарушение этих правил все мы подвергаемся наказанию по канонам.
- 4) Объявляется членам общины, что совместное сожителство мирян с монашествующими в одном доме недопустимо, если у этих мирян имеются малые дети и существуют привычки, противоположные монашеству, песни, игры, куренье табаку, винопитие и сквернословие, и многословие, и тому подобное. Если будет усмотрено что-либо из таких привычек, то иноческая община закрывается, церковь упраздняется и антиминс возвращается.
- 5) Иеромонаху Иерониму выдан антиминс не для него лично, а для устройства церкви, никакой священник не имеет права держать при себе антиминс без благословения епископа, а тем более совершать на нем литургию. Иметь антиминс еще не значит, чтобы иметь право на нем литургисовать. Антиминс только выдается в определенное место и определенному лицу, отчего и делается на нем соответствующая надпись рукою архиерея, дающего благословение на богослужение священнику. Купившие где-либо случайно антиминс и не имеющие благословения на него и подписи епископа, творят самочиние и, ходя с места на место, спекулируют этой святостью, поэтому иметь антиминс случайно запрещают.
- 6) Из всего поведения иеромонахов усматривается безграничное своеволие, отсутствие всякого послушания и смирения, без которого нет монашества; самохвальство и самопревозношение над старшими, привычка проявлять свое высокомерие до дерзости. Из письма о... видно, что лучше уйти в мир, чем сохранить обет иноческого послушания, становится страшно за таких монахов, которые забыли, для чего они приняли иночество

и что это иночество есть добровольное <нрзб.> самоумерщвление в несении креста, очевидно, ничем не дорожат в иночестве. Не надо обольщаться земною похвалою. Горе тому, о ком все хорошо говорят, если здесь все получишь, то нечего будет получать в будущей жизни. Не надо ничем хвалиться, а больше унижаться, тогда Бог возвысит. Не надо клеветать на ближнего, а если знает кто за собой таковой порок, то надо примириться по-монашески. Умствовать до дерзости не надо, не надо величаться перед старшими и хвалиться своими достоинствами, хотя бы они и были у вас.

- 7) Никакой пользы не будет, и никто не получит ее, если в общине каждый будет поступать по-своему. Мне нужны помощники, а не разрушители Божьего дела и своевольники, привыкшие жить самочинно по своей воле.
- 8) Без соблюдения всего, что требуется правилами, никого не принимать в свои общины.

Е<пископ> В<арлаам>, 1929 г<од>».

* * *

«Христос воскрес!»

Благодать Вам и мир от Господа да умножится.

Известно стало нам о разделении Вашем по таким вопросам, которые могли быть разрешены мирным путем. У Вас возник вопрос о св. Евангелии, на котором полагается св. Крест. Прежде, чем разделяться столь поспешно, надо было бы спросить у кого следует о том, нужно ли или не нужно прикладываться к такому Евангелию, на котором нет креста. Если о<тец> Макарий по неопытности не мог разрешить этого вопроса, то его могли

разрешить выше; Вы этого не сделали, а поторопились разделить вопреки словам св. Апостола "не спешите колебаться умом" (2 Сол. II гл. 2 ст.). А дело обстоит очень просто. Любая вещь, употребляемая при церковном Богослужении, должна иметь на себе св. Крест. Тем более надобно, чтобы на св. Евангелии было изображение Самого Спасителя, слова Которого записаны в этой священной книге, и св. Крест, на котором Он совершил дело нашего спасения. Без этого Евангелие не должно употребляться при Богослужении, и прикладываться к переплету без Креста не следует. Если случится такое Евангелие, то прежде надо положить на него св. Крест, а потом прикладываться, потому что есть Евангелия баптистские — без креста, таковых надобно избегать. Весьма правильно Вы поступили, и не прав о^{<тец>} Макарий, но по его неопытности ему можно простить, — это ему наука, он недавно посвящен и потому мало сведущ. Лично у меня Евангелия и церковные, и келейные. Церковные изображения Спасителя, евангелистов и св. Крест, а келейные, недавно переплетенные, не имеют креста. К церковным я прикладываюсь, а келейные только прочитываю для себя вне богослужения и никак не прикладываюсь. Вот так поступайте и Вы, ^{<нрзб.>} будете правы. Но прежде по всем спорным вопросам обращайтесь за разъяснением, а разделяться не следует.

Имябожники разделяются на несколько толков, и некоторые из них не признают Патриарха Тихона и всей иерархии, некоторые признают, но все они осуждены Синодом, и до снятия с них этого осуждения мы не можем входить с ними в общение, поэтому и Вы воздерживайтесь допускать их к себе в общину, я на это никому благословения не давал. Эти люди вносят раздоры в Церковь.

Разница между иеромонахом Макарием и Макаровским очень велика. Макарий находится на службе у меня и в молитвенном общении с Православною Цер-

ковью и законной иерархией, а Макаровский никого и ничего не признает, кроме своего вымысла. Поэтому смешивать их не надо.

Призывая на Вас Божие благословение, призываю и Вас к единению и послушанию голосу Церкви, без которой нельзя обрести вечного спасения, и отделяться от нее все равно что умереть. Да будет едино стадо и Един Пастырь — Христос со всеми Вами. Аминь.

Варлаам, Епископ Майкопский

1929.

Печать Епископа Варлаама»¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Рукописный документ с печатью епископа Варлаама, адресат неизвестен. Упоминаемый иеромонах Макарий, очевидно, Макарий (Олейников), а Макаровский — Федор Михайлович Макаровский, житель Туапсе, один из активных имяславческих деятелей.

Приложение II

Иеромонах Онисим (Олег Поль)

**Воспоминания об Олеге Поле
в школе-колонии Л. М. Арманд.
1920—1922 годы**

«Во время одного из праздничных дней лета 1920 года среди гостей я увидела красивую даму с девочкой моих лет. Марина Станиславовна Бурданова имела очень привлекательную внешность. У нее было прелестное лицо восточного типа с правильными чертами, которые часто освещались ласковой улыбкой. Голову ее венцом обвивала темная с проседью тонкая коса. Она прекрасно держалась, гордо неся свою статную фигуру. При разговоре слегка грассировала — милая особенность, которая перешла некоторым из ее детей. Марина Станиславовна была профессиональным музыкантом — преподавательницей игры на фортепиано и пения. Когда мы ее узнали, она была вторично замужем за художником Григорием Григорьевичем Бурдановым. С первым своим мужем, пианистом Владимиром Полем, — она уже лет 15 как разошлась. Поль уехал за границу — во Францию (где

<поселился> до конца жизни), оставив ее с двумя маленькими детьми — мальчиком Олегом и девочкой Тamarой. От второго брака Марина Станиславовна имела трех дочек: Марину — тогда 12 лет, Светлану — 10 лет и маленькую семилетнюю Злату. Вся семья была исключительно артистична, а дети — один красивее другого.

Вскоре после первого приезда Марины Станиславовны приехал ее сын Олег, 20-летний юноша. Олег остался в колонии и жил очень долго и работал в качестве сотрудника, с первого дня став коренным, незаменимым и горячо любимым членом нашего коллектива.

Олег оставил в моей памяти неизгладимый след как один из самых значительных и обаятельных людей, встреченных мною на жизненном пути. К тому же ему суждено было сыграть большую роль в моей личной жизни. В нем все было замечательно, начиная с внешности. Он был очень высок и чем-то напоминал Петра Великого, хотя и не обладал присущей тому грубоватостью и физической мощью. Олег был скорее слабого сложения; известное сходство с Петром отмечалось в чертах его лица — больших, широко расставленных глазах, коротком прямом мясистом носе над укороченной верхней губой, а также в прическе; лицо его обрамляли густые темные локоны, закрывавшие затылок и достигавшие плеч.

Олег не только сам по себе был выдающимся человеком, но в нем выразились лучшие свойства русской молодежи тех времен — страстные поиски истины и смысла жизни. К тому времени, как я его узнала, он уже пережил полосу атеизма и увлечения марксистскими взглядами и полон был религиозных исканий.

Природа наградила его разнообразными талантами. От матери унаследовав музыкальность (он умел играть на рояле как по нотам, так и что угодно по слуху), Олег хорошо рисовал; он великолепно знал математику, после отъезда из колонии Варвары Петровны на него были

возложены обязанности преподавателя этого предмета. К двадцати годам он хорошо успел изучить философию всех времен и знал языки. В его отношении к благам цивилизации и к плотским наслаждениям сквозили толстовские нотки. В своей личной жизни он был полнейшим пуританином. Это сближало его с Всеволодом: как и тот, он носил простую одежду и брал на себя самый тяжелый, грязный труд. Но он значительно большее внимание уделял умственной жизни и личному самосовершенствованию, не отказываясь от научных знаний и книжного образования. Как мне кажется, его мировоззрение было менее цельным, нежели мировоззрение Всеволода; ему приходилось постоянно внутренне бороться с самим собой, главным путем подавляя в себе такие черты, как страсть к науке и премудрости и чувственное принятие радостей земного существования. Обладая настоятельной потребностью в уединении и возможности созерцательной работы, летом 1921 года Олег построил для себя невдалеке от колонии, позади большого дома землянку. Землянка эта имела две комнатки с объединявшей их печью. Своим обликом и обстановкой эти комнаты напоминали монашеские кельи (жизнь в землянке с Олегом разделял Владислав Стасевич, молодой человек лет 18, недолго проживший в колонии, — славный малый, но по своему внутреннему облику совершенно нам чужой)»¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Гершензон-Чегодаева Н. М. Первые шаги жизненного пути. М.: Издательский дом «Захаров», 2000. С. 169–173.

* * *

В. Д. Пришвина об Олеге Поле

1923 год

«Итак, наступил канун праздника Воздвижения 13/26 сентября 1923 года. Я заглянула домой после работы, чтобы тотчас идти ко всеобщей.

— Вот удачно забежала! — говорит мама. — Сейчас приходил к нам удивительный юноша. Он ищет, по его словам, "старцев", чтоб узнать подлинную Церковь. Какими-то путями он попал к Зубакину, а когда уходил, его перехватила в передней Иза и сказала: "Не ходите больше к Борису, пойдите лучше на Б<ольшую> Никитскую, 43-а, в подвале отыщите девушку Валерию, она знает, кто вам нужен, лучше Бориса". Я сказала ему, что найти тебя легче всего в храме. Он придет туда ко всеобщей сегодня. Ты подойди к нему сама: он будет стоять впереди направо — мы так с ним условились.

— Но как же я его узнаю?

— Его не узнать невозможно. Он очень высокий, вьющиеся каштановые волосы шапкой, лицо измученное — то ли усталый, то ли голодный, прекрасное лицо! Очень сумрачный, а то вдруг прорвется детская доверчивость в разговоре. Удивительные глаза — у меня сердце упало, когда я их увидела... как на иконе Владимирской Божьей Матери.

— Как у Младенца?

— Нет... как у Богоматери... Его зовут Олег Поль.

Много лет спустя мать Олега Марина Станиславовна рассказывала мне, что она боялась смотреть в глаза сына, когда тот лежал еще младенцем, ничего не смыслящим, в колыбели.

"И имя совсем как у меня — с претензией, тяжелое для жизни имя", — подумала я.

Я сразу узнала тебя. Ты стоял всю долгую всюнощную передо мной, не крестясь и не кланяясь, как человек, не знающий службы и впервые участвующий в непонятном действии. Это и было так: ты с младенчества не знал храма. Мать твоя, музыкантша, и отчим, живописец, были по взглядам толстовцами с добавлением всех умственных течений начала века, всех, кроме церковного православия. Они были последовательны: твои сестры, родившиеся после тебя, но еще до революции, не были крещены. Мать разошлась с отцом в твоём раннем детстве из-за того же толстовского "гнушения" брачной жизнью. Вернее говоря, она не любила его, потому что это не помешало ей выйти вторично замуж и родить еще троих дочерей. Но проповедь против брака она не оставляла. Семья жила в строгом вегетарианстве, и ты не прикоснулся до самой смерти ни к рыбе, ни к мясу.

Среда, а главное, горячо любимая мать не могли не влиять на твоё формирование. Твоё целомудрие было уязвлено, как и моё, не одним только непосредственным наблюдением жизни, но и внушениями авторитетов: у тебя — Толстой, у меня еще и Вл<адимир> Соловьев. Оба они низводили тело с его "естественной" жизнью в категорию низменного, в то время как по учению древней Церкви оно освящено благодатью Христовой со всеми его силами и свойствами. Интересно, что наши учителя начала века исходили из диаметрально противоположного отношения к материи, к плоти: Толстой ее развенчивал безнадежно и безвозвратно, как скверну; Соловьев, видя ее идеальную красоту, принимал плоть только в небесном совершенстве...

...В реальном училище ты отличался по математике и должен был поступить на математический факультет. В эти годы ты жил в новой семье твоего отца до тех пор, пока отец, композитор Владимир Иванович Польш, не уехал перед революцией в Париж. Ты остался в семье отчима. Отчим, добродушный, но поверхностный

человек, откровенно ревновал к тебе мать. В голодные годы революции он укорил тебя как-то куском хлеба, и ты, вместо того чтобы учиться дальше, пошел черно-рабочим на земляную работу в толстовскую колонию "Ясной Поляны". Оттуда ты перешел в такую же толстовскую колонию под Москвой. Мы с тобой попали в сумятицу революционной ломки — ты был моим одноклассником.

Ты был щедро одарен от природы во всех областях творчества, к чему бы ни прикасался. Ты был поэт в той же мере, как и мыслитель. Нигде не учась, среди утомительной и грязной работы, голодный, оборванный, бездомный, ты успел в какие-то два или три года усвоить и привести для себя в стройную систему достояние мировой философской мысли и, что особенно ценно, русской философской мысли — она бурно развивалась в конце прошлого — начале нашего века.

Ты требовательно изучил и отверг все оккультные учения, хотя и пробовал заниматься медитацией на крыше сарая, в котором ночевали вы — рабочие колонии. Ты понял, что это была попытка самонадеянного мальчика одному устремиться в страшный океан духа по неведомому для него пути, названному таинственным и привлекательным словом. О своих горделивых "опытах", стойких тебе, вероятно, много сил, ты рассказывал нам с непередаваемым юмором, и мы, слушая серьезный, без улыбки рассказ о голодном юноше, проводящем ночи на крыше под звездами, пытаюсь проникнуть в тайные миры, катались и помирились от смеха.

Ты отверг всякую вольную мистику и оккультизм, как только нащупал под ногой твердое основание, незыблемый камень классической философии. Первый, поразивший тебя, был Спиноза. Потом Лейбниц. Они привели тебя к русской философской школе, и, наконец, как выход в конце пройденного пути, засияла пе-

ред тобой Церковь Христова, ее мысль, ее действенный опыт, ее жизнь — новая жизнь на новой земле. Она, эта "земля", была непонятна миру и называлась таинственным словом "христианство". Какое только содержание не вкладывалось в это слово!

Я сохранила лишь небольшую часть твоих писем ко мне, неполный черновик твоей большой философской работы "Остров Достоверности", а также твой символический рисунок "Острова Достоверности", присланный мне как-то в письме. Вот и все. Каждый, кто прикоснется хотя бы к этим вещественным остаткам ушедшего человека, почувствует, кем ты был. Ты мог бы стать и философом, и поэтом, и художником, и музыкантом — у тебя был абсолютный слух: я не забуду, как однажды, только один раз это было, ты подошел к роялю и стал импровизировать. Ты построил своими руками два дома в горах Кавказа. Они были построены по общепринятому образцу, и в то же время ты не смог скрыть в этих постройках своего авторства, оно сквозило в каждой детали — я помню конструкцию твоего окошка, какой я не встретила с тех пор больше нигде.

Только один раз в жизни ты взял в руки инструмент резчика по дереву, чтобы вырезать для меня в подарок деревянный крест из самшита, который долго хранился у меня как святыня. Хранятся и сплетенные тобою для меня из шерсти четки. Чтобы донести до читателя твой образ, я должна бы рассказать еще о твоём таланте добродушного юмора, столь доказательного качества добротности души. Я его встречала в ярком проявлении еще у четырех людей, а прожила я немало: это были М. А. Новоселов, о<тец> Александр Гомановский, его друг, великий подвижник, погибший в лагерях в 30-е годы, о<тец> Даниил — кавказский пустынный, о котором рассказ впереди, и писатель Пришвин. Но рассказать об этом невозможно, как невозможно рассказать о музыке: ее надо слышать самому.

Михаил Осипович Гершензон, знавший тебя с детства, сказал как-то, что он следит за твоим развитием как за развитием гения.

Ты был порывист, но сосредоточен, весь во власти сложной внутренней работы, резок, иногда до отпугивания не знающих тебя людей. Таким ты и показался мне в первые минуты нашей встречи. Но только лишь в первые минуты. На моих глазах в течение одной неполной зимы ты под влиянием новых переживаний, открывшихся тебе в Церкви, повернулся другой, подлинной стороной своей души и характера, как стальная пластинка мгновенно выгибает в обратную сторону свой полукруг от легкого нажима пальца. Ты стал мягок, общителен, полон надежды.

В тот вечер мы шли с тобой из храма по мокрым тротуарам, не замечая луж и льющегося на нас осеннего дождя. Прошло с тех пор уже сорок лет. Но я вижу сегодня тебя ясно. Я вижу твои грубые крестьянские сапоги, пахнущие дегтем. Рабочую куртку, тяжелую, промокшую, в аккуратных заплатах, — впоследствии я из тысячи заплат могла бы отличить сделанную твоей рукой! Дождь струится по твоему лицу и голове — на тебе нет шапки. Я вижу выразительную лепку твоей головы, рук, плеч, всего рослого тела. Я замечаю, как болезненно обтянуты, изжелта бледны твои щеки ("Тебе трудно живется, милый юноша!"). Ты застенчиво, рывками, преодолевая себя, рассказываешь мне... Что-то помимо твоей воли заставляет тебя мне открываться. Ты словно сердишься на себя за это и щетинишься сердито временами на мои вопросы. "Волчонок!" — думаю я. Наш путь от Глинищевского переулка до моего подвала был так недолог, но сколько успели мы друг другу сказать! Теперь, издали, он видится мне царским путем, ради которого мне стоило родиться и прожить свою нелегкую жизнь. Все прошло, а это осталось, и с этим я из жизни хотела бы уйти.

Когда мы подходили к дому, ты впервые улыбнулся застенчивой улыбкой и посмотрел прямо в глаза.

— Зайдем к моей маме — сказала я, — вы ей полюбились. Кстати, вам надо обсушиться — какой дождь! — Мама нас встретила ужином.

В тепле кудри твои обсохли и круто завились. Щеки порозовели. Лицо твое засветилось радостным удивлением.

Мы говорили с тобой... Не смею сейчас ничего примышлять к дорогим воспоминаниям. Я не помню в подробностях содержания нашего первого разговора. Он был, конечно, о том, ради чего ты меня разыскал. Ты спрашивал о моей вере, о моем пути к ней, о православии. Я сказала тебе, что никогда не теряла веры, никогда с детства не чувствовала себя вне Церкви, и потому у меня не было к ней "пути": искать мне было нечего — мне надо было лишь усилиться вниманием к тому, что я уже имела. Вера была для меня всегда не суммой каких-то определений или формул, а ощущением Силы, с которой связана моя душа. Эта Сила была более реальной, чем мое "я". Эта Сила через разум и совесть давала мне силу жить и надежду возлагать на нее же — на эту Силу. Когда я сознательно стала узнавать учение Церкви, ее символику, ее догматику, ее людей, — все это укрепило веру, с которой я родилась, в которой была воспитана семьей, литературой, обществом, "отцами". Церковь — это единственно прочное и реальное, что я нашла в мятущемся мире.

Вот, вероятно, круг мыслей, который я попыталась передать тебе при первом нашем знакомстве.

— А все-таки, — сказал ты между прочим, — Зубакин, конечно, неясная фигура, но он мне предсказал нечто: давайте запомним и проверим.

— Что же? — заинтересовались мы.

— Он рассматривал мою руку, потом сосредоточенно молчал, закрыл глаза и сказал: "Вы умрете в 30 лет". На всякий случай я буду торопиться.

— С чем торопиться?

— Я начал писать систему философии для всех понятную, то, к чему мы пришли. Мы — это русская философия. Надо сказать, для всех выразительно и просто, чтоб не затерялось в сумятице переустройства мира. А у меня туберкулез, пока, правда, неопасный — железы (ты показал свои набухшие на шее опухоли, как ты их называл — "шишки"). Но надо преодолеть болезнь, пока я не кончу задуманной работы.

Ты рассказал нам, что один инженер-изобретатель, владелец маленького завода, нэпман, поверил в твое призвание и предложил тебе ежемесячную помощь, чтобы ты мог, не думая о хлебе, писать.

— Очень маленькую, — уточнил ты, — но я проживу на нее. Как вы думаете, это допустимо — принять такую помощь?

— Конечно, — откликнулись мы с мамой в один голос, — это бывает, это называется меценатством.

— Потом мы откроем большое издательство, — пошутила я. — К тому времени ваш меценат прогорит, станет старичком, и мы будем о нем заботиться.

Ты вскинул на меня обрадованно глаза:

— А вы напишете книгу "Символ веры" — о тайнах веры на современном языке, чтобы всем было понятно. Я раньше сам о ней думал, а теперь, когда встретил вас, это будет ваше дело.

— Значит, будет у нас издательство? — спросила я.

— Будет! — убежденно ответил ты.

Вернувшись домой в тот вечер, ты сказал своей матери: "Если б ты знала, мама, какую я девочку встретил сегодня! Как жаль, что она не мальчик!" Это узнала я впоследствии от Марины Станиславовны. Мы очень скоро, не сговариваясь, перешли с тобою на "ты". Словно взявшись крепко за руки, устремились мы рядом к открывавшимся нам все новым горизонтам мысли. Это совершалось незаметно для нас самих. Работу свою ты мне

тогда еще не показал. Ты посоветовался о ее названии, сказал, что пишешь к ней новое вступление, и мы вместе решили: это будет "Остров Достоверности"»¹⁴⁹.

1924 год

«И вот однажды, в начале зимы он приехал с Кавказа и привез мне рукопись первой части своего "Острова Достоверности". Это был еще первый черновик будущей работы, впоследствии частично переделанный, аккуратная в восьмую листа сшитая тетрадка, исписанная четким и мелким почерком. И тетрадь, и почерк говорили о многом. Через двадцать лет эту тетрадь с восторгом читал Пришвин и говорил мне, что у Олега надо учиться даже тому, как он сшивал свои тетради и как выписывал, вернее, "рисовал" в них свои мысли. Михаил Михайлович часто бранил меня за торопливость в письме, за небрежность почерка. Он говорил, что мысль будет чище и сильнее, если ее удерживать, медленно выписывая, подобно художнику, на бумаге. Так писал Олег, так писали древние летописцы и переписчики священных книг...

Неужели могут быть впустую бескорыстные усилия юноши, в жестком припадке малярии не выпускавшего пера из рук? Таким его нашел в Геленджике Александр Васильевич, куда он приехал по следам Олега во время своего отпуска в то первое лето. Олег вышел к нему в чалме из мокрого полотенца, с исхудалым лицом землистого цвета и тут же начал читать только что написанные страницы и советоваться. Когда Александр Васильевич заставил его поставить градусник, с трудом найденный у соседей, ртуть показала 40°. Олег так торопился доделать свою работу, что зимой в Москве мне стоило большого

¹⁴⁹ Пришвина В. Д. Невидимый град. М.: Мол. гвардия, 2002. С. 233–241.

труда его уговорить, чтобы поставить коронку на больной зуб. "Не стоит, долго ли жить?" — говорил он»¹⁵⁰.

1926 год

«В тот год от Сочи до Красной Поляны шли уже редкие попутные грузовики берегом Мзымты. От Красной Поляны Олег вел нас в течение нескольких часов одному ему известными тропами, мимо развалин старой мельницы, по правому берегу маленькой шумливой речки Монашки, сбегаящей с ледника Ачиш-Хо. Речка часто терялась в густом непролазном лесу, но неумолчно слышался и вел нас ее голосок. Наконец в сумерках мы вышли на поляну "на полгоре", как говорили местные жители.

Была ли она расчищена предшественником о<тца> Даниила — о<тцом> Трифиллием, никто этого не знал. О<тец> Даниил за жизнь свою в горах много переменил мест и не одну келью построил своими руками. Он ушел в горы в поисках строгой жизни без соблазнов, тревоживших его в монастыре. Был он уже мантийным монахом. О своем Новом Афоне он отзывался уважительно, особенно о трудолюбии братии, устроившей на диком побережье райский уголок природы и произведшей множество по тому времени редких усовершенствований благодаря игумену, образованнейшему инженеру, о<тцу> Иерону. Особенно примечательна была система водоснабжения, остатки которой мы еще застали в те годы. Вторым памятником трудолюбию монахов были насаждения: выращенная ими оливковая роща и кипарисовые аллеи украшают гору и по сей час. О духовной жизни монастыря о<тец> Даниил рассказывать не любил.

Впрочем, рассадником пустынножительства был не один Новый Афон. Среди отшельников, тайно насе-

¹⁵⁰ Пришвина В. Д. Невидимый град... С. 254–255.

лявших горы, о<тцу> Даниилу приходилось встречать разных людей, начиная с искателей самоуглубленной жизни и кончая спасавшимися от политических преследований (это было еще в царские времена). Все эти люди, приходившие сюда в поисках убежища, становились добрыми монахами. О<тец> Даниил знал их лично и немногими резкими мазками набрасывал нам их портреты.

Так рядом с нашим временем, его техническим прогрессом, революциями, сменами философских систем, рядом с героями, гениями и злодеями в горах Кавказа благодаря их труднодоступности шло свое время, своя история. Она изустно передавалась и была неведома миру — история многих поколений христианских подвижников, осуществлявших образ древнего благочестия, как будто не кончились еще времена Фиваиды и не было еще в мире ни Данте, ни Леонардо, ни Бетховена, ни Эйнштейна. Какими должны быть эти люди? Олег умышленно ничего не рассказывал нам об о<тце> Данииле:

— Сами увидите, — уклончиво отвечал он нам.

Я волновалась перед встречей. К счастью, на нас мгновенно свалилась темная ночь, как это бывает на юге, да еще в горах, — даже наших лиц нельзя было разглядеть. Впрочем, мы так утомились, что я, ткнувшись в указанный мне угол, тут же и заснула. Проснулась я, когда солнце было уже высоко на небе, но на нашу поляну еще не заглядывали его лучи: мы находились на юго-западном склоне Ачиш-Хо. Вершина горы блистала розовым и золотым, а у нас еще стоял утренний туманец и кавказская душистая сырость, насыщенная пряными запахами южных растений. По краям нашей поляны шли непролазные дебри колючек, бурелома и зарослей. Среди них поляна наша напоминала зеленую чашу.

О<тец> Даниил встретил нас просто, немногословно и сухогато, словно ему было привычным и уже мало-

интересным делом принимать у себя молодых девушек, и с первого же часа наша жизнь получила благодаря его такту четкий, для всех удобный и легкий порядок. Мне о<тец> Даниил сразу определил свой деревянный топчан с таким же изголовьем, покрытый одной тонкой истертой козьей шкуркой. Правды ради упомяну, что шкурка была полна блох. Олегу и Александру Васильевичу было указано спать на полу рядом со мной. В маленькой келье не оставалось больше места, и сам о<тец> Даниил перешел в сенцы. Впрочем, мы никогда не видали его лежащим или спящим, хотя вставали с солнцем.

Умывшись у родника, мы совершили полное утреннее богослужение: часы, утреню, обедницу по зачитанным и закапанным воском старинным книгам. Книги служили нескольким поколениям и сейчас лежали у нас на "налое", как говорил о<тец> Даниил. В маленькое и единственное окошко видны были холмистые гряды близких зеленых и дальних снежных цепей. В него вливался горный чистейший воздух, доносились голоса птиц, и мы знали, что ни один звук из человеческого мира не нарушит очарования нетронутой природы.

Совершая последнюю службу — обедницу, о<тец> Даниил вынимал единственную "роскошную" вещь, которую он считал украшением своего хозяйства, — голубую кофейную чашечку с отбитой ручкой и выщербленным краем (как она очутилась у него?), клал в нее уголек — кусочек душистой пихтовой смолы и кадил в келье.

Я стою позади всех. О<тец> Даниил читает быстро, перебегая от слова к слову. Его манера читать напоминает его походку. Он грассирует, что так редко встречается у людей из простого народа, и это почему-то приятно. Олег усвоил уже манеру строгого чтения с той ритмической четкостью, лишенной эмоций, с которой поют птицы и с которой читают в монастырях. Мы понимаем: Олег соблюдает великолепный стиль. Александр

Васильевич читает слишком старательно, иногда у него проскальзывают интонации, усвоенные на уроках художественного чтения. Боясь того же, я решительно отказываюсь читать — я "веду хор".

Церковные "гласы" вписываются в симфонию утра и сливаются с птичьими голосами. Солнце поднялось настолько, что уже добралось до нашей поляны и через край этой зеленой чаши заглянуло наконец к нам — на самое дно. Мне открывается в этот миг новый взгляд: я вижу суетность и убожество всего, чем занят где-то в далеком "миру" человек; вижу прекрасную бедность о<тца> Даниила. Сладкий запах смолы улетает в окно. В клубах синего пихтового дыма как под вуалью плывет за окном роскошный мир девственной природы. Рядом со мной три человека. Они прекрасны для меня, каждый — по-своему! Я не могу сдержать слезы восторга — они льются без скорби, без надрыва, я их не знала еще — таких сладких и поднимающих слез. Я плачу, но все делают вид, что этого не замечают. Я выхожу из кельи, долго сижу у родника и думаю об одном: как удерживать навсегда с собою этот мир, в котором сейчас живу? А когда я возвращаюсь, умывшись из холодного родника, о<тец> Даниил говорит мне ласково и серьезно:

— Сестрица ВалеГия, слезы — утешение монаха: не стыдись их!

"Какой же я монах? — думаю я. — Не обманываю ли я всех?"

О<тца> Даниила об этом спросить нельзя — он настоящий монах, сможет ли он понять мои сомнения?

Он поразил меня сразу ясностью мысли, способностью к четким формулировкам не хуже любого тренированного ума. Каждое произносимое слово, как и каждое движение, было у о<тца> Даниила непременно и точно. В соединении с деликатностью и внешним благообразием это производило сильнейшее впечатление. Ведь перед нами был необразован-

ный крестьянин, живущий один вне каких бы то ни было влияний, кроме влияния природы да нескольких имевшихся у него древних книг. По нашему настоянию впоследствии о<тец> Даниил написал свои воспоминания и назвал их "Близ заката". Книга была написана образным языком, но... без прописных букв и без знаков препинания.

Крестьянский мальчик-подросток, он работал на конфетной фабрике в одном из городов Средней России и сбежал отсюда в монастырь. Он успел съесть к тому времени на конфетах передние зубы, о чем с пресерьезным видом нам рассказывал, но так, что мы заходились от смеха. Было ему теперь лет 50. Седины у него не замечалось, вероятно, из-за светлых волос. Был он сухой, небольшой, легкий на ногу, тренированный, как настоящий горец. Смотреть, как он работает или просто движется по земле, — было наслаждением.

Днем мы работали по нашему несложному хозяйству, читали, помогали о<тцу> Даниилу в его небольшом огороде, где стояли колоды пчел. Я привезла с собой учебник по пчеловодству, и мы его с о<тцом> Даниилом проходили на практике. Нашим бессменным поваром был также о<тец> Даниил, никогда, как мы ни боролись, никому не уступавший этого дела.

С наступлением вечера, когда солнце пряталось за края нашей чаши, долго еще освещая вершину Ачиш-Хо, мы снова вычитывали все положенные службы, а потом в сумерки разводили костер, и тут начинались увлекательные беседы с участием о<тца> Даниила. Иногда он пек нам на угольях "рябчиков" — так называл он блины на закваске, которые были высшей роскошью наших трапез. Без нас питаньем отца Даниила много лет были овощи и кукуруза, росшие на его огороде, да дикие плоды окружавших лесов: каштаны и груши. Постное масло, как постоянный продукт, появилось в келье о<тца> Даниила с приходом к нему Олега.

Один-единственный раз о<тец> Даниил отправился в соседнее селение за несколько верст с просьбой дать ему бутылку молока. Крестьяне подивились и дали, не расспрашивая. Оказалось, что молоко понадобилось ему для кошки, неизвестно откуда пришедшей под его защиту, чтоб окотиться.

Сумерки падали быстро. Последний луч угасал на вершине, и тогда в густых зарослях, окружавших нашу поляну, на сотни километров вокруг начиналась своя ночная жизнь. Ночь в горах так же оживлена и шумна, как день в мире человеческом. Крики, свист, рев, вой, цоканье, трещанье — множество самых разнообразных и непохожих один на другой звуков наполняют леса южной ночью и сливаются в мощный хор. Мы прислушиваемся к дикой многоголосной музыке, время от времени подбрасывая хворост в костер. Тем временем чайник закипает. О<тец> Даниил кидает в него горсть "чая" — сушенной на солнце дикой мяты. У вечернего костра и родилась книга "Близ заката". Рукопись ее не сохранилась, хотя и была переписана нами в нескольких экземплярах.

"Мы — цари", — любил говорить о<тец> Даниил, угощая нас "рябчиками" и повествуя о трудной, полной жесточайших лишений и опасностей жизни монахов-пустынников. В эти минуты у костра мы поняли, что о<тец> Даниил не старик, а чудесно сохранившийся юноша без возраста, безупречно чистый и крепкий, как орех без червоточины. Свобода и собранность, веселость и неизменное чувство ответственности за каждый день, за каждое движение мысли — все это было плодом личных, никем не воспитываемых, ничем "практическим" не вознаграждаемых усилий.

На стенах кельи я увидела однажды торопливо записанные углем отдельные слова. О<тец> Даниил нахмурился, помолчал недолго, справился с собой и улыбнулся мне:

— Сестрица ВалеГия, и глаза же ты! Сам виноват — надо было вымыть келью к твоему приезду.

И он рассказал мне просто, не таясь, что имеет обыкновение записывать на стене углем (карандаш не всегда бывал в хозяйстве монаха) ценные для него мысли, приходящие во время молитвы, чтоб молитву не прерывать.

Так жили мы, отрезанные зелеными стенами от человеческого мира под несмолкаемый рокот Монашки, бежавшей глубоко под нами в низу крутого спуска. Она не была нам видна, и далеко было до нее спускаться, но серебряный голосок ее слышался и ночью, и днем. Мы полюбили нашу речку, как живое существо. Ночью ее голос смешивался с голосами зверей: "чекалки", дикие кошки, рыси, медведи, кабаны, горные туры... Некоторые появлялись и на нашей поляне, стоило лишь погасить угли костра и посидеть в длительной тишине.

Что говорить — это было полное счастье, единственное за всю мою жизнь без примеси сомнений, борьбы, забот и неосуществимых желаний...

Медовеевка — было поселение монахов, состоящее из нескольких полян с кельями, разбросанными друг от друга на расстоянии "вержения камня". Она находилась верстах в 30 от Красной Поляны. Там уже издавна обитали несколько уважаемых старцев, и был посередине храм, ничем внешне не отличавшийся от остальных домиков, только в нем никто не жил и туда собирались раза два в год по великим праздникам окрестные пустыnnики для совместного богослужения и совершения таинства. Это были единственные дни их свиданий. Если кто не приходил — значит заболел или помер. Тогда шли к нему помочь либо похоронить.

Такое же поселение было в районе Сухуми, глубоко в горах за несколькими хребтами, называлось оно Псху. Там жили раздельно и монахи, и монахини. Псху называлась "глубокой", устав жизни там утвердился весьма суровый, и о Псху говорили с великим почтением. По рас-

сказам о<тца> Даниила, были в те годы на Кавказе еще более глубокие, уединенные поселения монахов. О местоположении их не знал и сам о<тец> Даниил, только известно ему было, что путь туда, почти недоступный, идет по висячим, спрятанным в тайниках мостам через пропасти и потоки. И эта "глубочайшая" пустыня была мечтой каждого монаха.

Не знаю, о каких местах довелось слышать о<тцу> Даниилу, но вот что услышала я сама от близких друзей много лет спустя после описываемых событий — в конце 40-х годов. Это рассказ советской альпинистки Александры Джапаридзе, которая была участницей экспедиции на Казбек, совершенной уже в послевоенные годы.

Издавна внимание всех привлекала таинственная железная цепь, видная в бинокль на недоступном склоне. Данной экспедиции удалось достигнуть этой цепи, и там обнаружили огромную каменную плиту в виде двери, закрывавшую вход в пещеру в совершенно отвесной скале. Цепь усилиям людей не поддавалась. Тогда они пробили отверстие над ней и пробрались внутрь. Там оказалась просторная пещера, похожая на храм, с книгами и другими предметами православного богослужения. Самым удивительным было то, что по многим признакам люди покинули эту пещеру совсем недавно. Кто знает? Может быть, им стало известно, что в пещеру собираются проникнуть исследователи. Куда попали найденные вещи, пытался ли кто-нибудь разрешить загадку и что удалось разгадать — все это мне неизвестно.

Итак, наступил канун Троицы. Рано утром мы перебрались по кладкам через узкую, но бурную Монашку и пошли трудной, постоянно меняющейся, часто пропадающей тропой. Мы то карабкались вверх, хватаясь за кусты, то спускались в сырые ложбины, в которых стоял неподвижно, как густой туман, резкий запах гниющих растений. Мы перелезали через завалы стволов, лежащих там многие годы, проходили заброшенными аула-

ми с одичавшими садами, оставшимися, казалось, от времен покорения Кавказа. Мы видели развалившиеся постройки — в них теперь вместо ушедших людей жили дикие звери. Семья змей грелась на крыше сакли. При нашем приближении змеи уползли в дом. Из другого выскочила и скрылась в зарослях дикая кошка — опасный зверь, часто нападающий на путника.

Александра Васильевича мы уговорили остаться дома. Он утомлялся от непривычного образа жизни, ему не хватало сна, и мы решили, что он немного передохнет без нас.

У меня сохранился словесный план дороги, записанный рукою Олега, видимо, со слов о<тца> Даниила, — путь от Медовеевки к Сочи, точнее, в район Мацесты — на Змейку. Подобный же план, несомненно, был в голове о<тца> Даниила, когда он вел нас на Медовеевку, руководствуясь природными приметам и зарубками путников. План этот многое может сказать и о времени, и о характерах как диктовавшего, так и записывавшего, если прочитать его без торопливости.

- "1) От Влад<имира> и Савватия — тропа к лужайке. Через кладку тропа до поляны. Через поляну и в Черн<ую> речку по прав<ой> стороне по-над речкой до скалы.
- 2) По тропе до кладки на лев<ой> стор<оне> речка повернет направо, тропа через хребет пойдет до натеса о<тца> Мельхиседека, здесь тропа вверх, другая вниз по речке через кладку на прав<ую> сторону. Идти правой стороной. Речка раздвоится. Тропа между речками по острову. Второй раз речка раздвоится. С боков впадают речки, но держаться на север главной рекой. Будет водопад, много кладок. Слева будет р<ечка>, будет кладка и тропа по горке слева. Если не попасть, то идти прямо по речке. После водопада озеро.

Озеро оставить на левой стороне и спуститься вниз снова к речке. От озера пройти версты две и смотреть в лев<ую> сторону, <в> сухую каменистую балку. По ней идти около версты. Слева будут обсо́вы. Справа будет проток. До него не надо доходить 10 саж<ен>, а по обсо́вам искать следов налево. Подниматься на гору, держаться несколько левее, идти на хребет. Попадаютъся заросли чая.

Спуститься в ручей саж<ен> на 20 выше его впадения в Сочинку. Пальма. Тропа по берегу Сочинки, но идти плохо. Саж<ен> 100. Тропа теряется, а вверх немного косогором видать чистую балочку, на ней площадка вроде аульчика (сейчас же). Приметы: как выйдем из ложбинки, стоит черешня, а на ней метка. В конце аульчика фундучник. По низу фундучника сейчас же пройти маленькую балочку. Начинается ясная тропа с $\frac{1}{2}$ версты. В середине ручей, в ручье ямочка саж<ен> 20, выше в пальме балаган лиловый. Пройдя $\frac{1}{2}$ версты, выйдем на большие аулы: груши, черешни. Тропа теряется. Резать на середине. В конце ручей. Его перейти, будут пасеки, выше будет уступ, на нем балаган. Гнать тропой до мертвой балки <3 строки стерты>. Место опасное. Вылазить хорошо. Тропа хорошая. Ручей надо переходить. Подходим — площадка, на ней кизил, спуск к ручью, с противоположной стороны большой обсо́в. Тимофей Григорьевич".

Дальше следует графический план.

На закате мы вышли на центральную поляну Медовеевки. Я присела с Олегом в стороне, а о<тец> Даниил пошел искать о<тца> Савватия в группе монахов, уже собравшихся около храма. О<тец> Савватий был

иеромонах, считавшийся в какой-то очень ограниченной степени главой этого вольного содружества. Разговор у монахов был недолог, после чего о<тец> Даниил сделал нам издали знак рукой, и я пошла, робея, через всю поляну, долго, казалось мне, шла под внимательными, молчаливо устремленными на меня глазами. Олег следовал за мной на расстоянии.

О<тец> Савватий походил с первого взгляда на большого деда-пасечника в своей холщовой домотканой рубахе и таких же штанах, очень старых, заплатка к заплате, но к празднику свежeweымытых. На ногах у него были русские лапти и онучи. Он благословил меня по уставному чину, вместо приветствия. Вижу его добрые и строгие глаза, обращенные прямо на меня.

— А спать тебя мы положим в коЛидоре — сказал он мне. — Не боишься?

— Я ничего не боюсь, — с поспешностью ответила я и, смутившись, осеклась. Серьезные глаза продолжали меня дружелюбно рассматривать.

— Неужели? — уронил как бы про себя о<тец> Савватий. Я молчала.

— Помоги тебе Бог! — прибавил он с сочувствием и, как мне показалось, сожалением в голосе.

"О чем это он?" — смутно мелькнуло у меня в голове. Но что-то перебило мысль, и мне не хотелось к ней, тревожной, возвращаться, так прекрасно было все сейчас вокруг.

Подкрепившись принесенными с собой кукурузными лепешками и водой из медовеевского родничка, мы поспешили в храм, где уже начиналась длинная троичная всенощная. Вся келья, вдвое больше обычной, была устлана свежей травой. Я стала позади монахов, сбившихся тесной толпой, кто — в крестьянской одежде, подобно о<тцу> Савватию, кто — в ветхом подряснике. Никаких привычных признаков храма в келье не было: ни иконостаса, отделяющего алтарь, ни икон, ни лампад

перед ними. Но, тем не менее, это был храм, так как в восточной части кельи стоял грубо вытесанный топором престол, покрытый антиминсом, и на нем несколько икон. Перед иконами горели толстые самодельные свечи: аромат чистого воска смешивался с запахом чистой травы у нас под ногами. Цветов не было. Только у одного монаха я заметила в руках небольшой букет, и этим монахом выделялся в общей толпе.

Молящиеся теснились в западной части храма, и воображаемая линия иконостаса четко отделяла их от алтаря, где свободно двигался, совершая службу, о<тец> Савватий. Он "выходил" из алтаря и снова "входил" воображаемыми дверьми. Единственной реальной осязаемой деталью была поверх его холщовой заплатанной одежды старая парчовая риза, вероятно, служившая здесь в горах давным-давно. Из-под нее трогательно выглядывали его ноги в лаптях и онучах, аккуратно перекрещенных веревочками. На груди висел деревянный священнический крест. Светлое широкое лицо простого русского крестьянина, ничем не прикрытые русые с сильной проседью волосы. Тихие возгласы; в ответ на них тихое пенье молящихся — все мы, присутствующие, были хором.

Глубокой ночью кончилась длинная служба. Монахи улеглись отдыхать тут же в храме на траву. О<тец> Даниил принес мне охапку сена, и я легла на наружном помосте — "колидоре". Ночи на юге, сменяя жаркий день, в горах бывают часто холодными. Но я мгновенно провалилась в сон после утомительного дня. Среди ночи я проснулась вся в поту и от непонятного ощущения тяжести на теле. Оглядевшись, я обнаружила на себе гору разнообразной одежды, лежавшей бесконечными одеялами и на мне, и вокруг меня, наподобие бортов лодки. Оказалось, отцы, лица которых я не посмела рассмотреть, имена — не успела запомнить, беспокоились обо мне, и ночью каждый, конечно не сговариваясь, выхо-

дил и тихо, в темноте, на ощупь прикрывал меня своей верхней одеждой.

Я вспомнила предостерегающие слова о<тца> Савватия и его, как мне показалось, соболезнующее лицо: "Чего он боится для меня?" — подумала я и, не обнаружив в себе и признака тревоги или сомнения, тут же снова беззаботно уснула.

Было совсем светло, когда меня разбудил о<тец> Даниил: начиналась литургия. Все исповедались и причастились из самодельной деревянной чаши о<тца> Савватия. Я подошла к ней последняя. Старик ласково благословил меня и простился со мною. Больше я его никогда не видела. Через год он прислал мне в Москву с Олегом подарок: ложку своей работы, покрытую резьбой. А еще через год я узнала, что он не пришел в Медовеевку на Пасху. Отцы тут же поспешили его проведать и нашли о<тца> Савватия лежащим в полном облачении на койке со скрещенными руками. Он давно уже скончался. Его похоронили, по обычаю, возле опустевшей навсегда кельи. Занять ее уже никому не пришлось.

После службы мы сидели с Олегом на краю поляны, ожидая о<тца> Даниила, беседовавшего и прощавшегося с друзьями...

Подошел о<тец> Даниил и сказал, что перед уходом мы должны навестить его друга о<тца> Симона, живущего тут же на Медовеевской поляне. Я заметила этого монаха еще в храме: это был тот, что один стоял с цветами в руке. Высокий, узкоплечий, измученный малярией, почти прозрачный, но еще нестарый человек с выражением лица мечтательным и кротким. Жить одному суровой жизнью отшельника ему было нелегко.

Мы разложили костер, вскипятили мятного чайку и сварили мамалыгу. Ложка постного масла в общий котел, принесенного заботливым о<тцом> Даниилом в бутылке, была праздничным украшением трапезы для о<тца> Симона. Еще мы принесли ему в подарок

сотового меда. О<тец> Симон сочувственно и радостно принимал наши с Олегом откровенности и признания, от него веяло восторженностью, не вполне "приличной" монаху. Даже келья его отличалась ото всех виденных мною особой чистотой, и воздух в ней был свежий и ароматный, и единственная икона в ней — Иверской Божьей Матери, стояла украшенная цветами.

Беседа затянулась. Пришлось заночевать. Утром мы отправились в обратный путь, и о<тец> Симон долго стоял на пороге своего дома, махая нам слабой и тонкой рукой, пока мы не скрылись в густых зарослях. В полдень мы сделали привал у ручья. Я лежала на спине, глядя на плотные облака, изредка кораблями проплывающие по ровному густо-синему небу; они предвещали устойчивую погоду. Я думала только об одном: как сделать, чтоб это осталось со мною навеки? Ничего иного от жизни я не желала»¹⁵¹.

Из письма Олега Поля от 12 сентября 1927 года

«...Прежде скажу про самый постриг. На мягкое сердце больше всего впечатления должно бы произвести начало, когда постригаемый идет к алтарю, несчастный и растерзанный в одной длинной рубахе, останавливается и падает на землю трижды, а старец ведет его, простирая над ним руку и покрывая его своей мантией. В это время поют тропарь "Объятья отча". Все это и значит "подводить". Это, конечно, очень сильно и похоже на Василия Великого, составителя сего чина. Только здесь, если бы не подлинные переживания, символика граничит с внешним эффектом. Говорю это, как бы смотря со стороны на постриг в монастыре по уставу, который слишком прекрасен внешне, и это меня немного пугает.

¹⁵¹ Пришвина В. Д. Невидимый град... С. 305–318.

По счастью, мой постриг был лишен эффекта всего этого. Бедная церковка на кладбище, деловой человек — иеромонах, пели псаломщик, брат Николай да о<тец> Арсений. Кое-как и кое-где раздобытая одежда и в добавление ко всему — яркий день. Так что все внешнее было устранено, осталось чистое таинство; и все как внешнее, так и "внутренне-внешнее" в его действии было устранено. Совершилось лишь словно некое утверждение обновленного существа — устранились тревоги, сомнения, столь знакомая тебе неуверенность, и стало как-то совсем не страшно и все ясно.

Неожиданным подарком были два разговора — с о<тцом> Даниилом и с той молодой схимницей, которой так восхищались отцы. Она сегодня уезжает. Даниил с увлечением начертывал картины иноческой жизни последних времен. Осуждал старое иночество за презрение к умственной культуре... "Некоторые даже святые отцы писали, что монаху нужно только одно — покаяние: Господи спаси да Господи помилуй. А я, может быть, даже соблазняюсь этим, погрешаю против них, считаю, что они ошибались. Это в древности монахи жили себе за святыми стенами или под святыми полами. Вот им тогда и не нужно было ничего, кроме молитвы и трудов" и т<ак> д<алее>.

А с Серафимой так. В промежутке между утреней и обедней я искал места отдохнуть в тени. Обошел церковь, смотрю — у восточной стороны, прислонясь к алтарной стене, сидит она. Пригласила сесть. Стали толковать об иночестве. Я ее расспрашивал. Весь разговор поучителен, но опишу потом, так как долго. Скажу лишь, что, по ее мнению, монашество теперь будет в значительной степени в миру, не нужно бояться, находясь в мирской обстановке, тайного приятия пострига, только готовиться при этом к искушениям и т<ак> д<алее>»¹⁵².

¹⁵² Пришвина В. Д. Невидимый град... С. 363–364.

1929 год

«Без даты. 1929 г<од>. Знаешь, с грустным настроением был я в среду в церкви на Воздвиженке. Был усталым, служба была длинная, с литией, у них престол в приделе. Трудно было стоять, голова неясная. И вдруг случилось то, чего давно не помню: то молитва обычно своя бывает, свои слова, скорбь, прошения, покаяния, свои чувства, свои "энергии", если угодно. А то внезапно откуда-то иной свет, словно поток "энергии" иной, словно кто-то посмотрел, и взор этот — сила и любовь; око Божьей Матери, сверху откуда-то любящий, милосердный к тварям взгляд Ее, Ее присутствие. И бодренно, трезвенно в этом свете стоишь. А окружающее померкло, далеко где-то, и боишься шелохнуться, а в груди этот исток воды живой. Что-то такое новое и сильное, и мысли несвязные, слова к самому себе: "Вот что! Вот Ее присутствие, Ее милосердие, забота и любовь! И как я могу чего-нибудь бояться!" И потом: "Так можно и умереть!" И еще скорбь, что уйдет и что будешь опять в том же мире и в тех же своих мыслях. И ушло, и стало все, как обычное...

Написал не к тому, чтобы придавал значение, но, если говорят об "утешении" схимники и схимницы, мы не ждем его. Мы не ждем, но вот приходит. И если бы пришло в затворе, в тюрьме, то можно вынести что угодно. И если сомневаться — не прелесть ли то, во-первых, ты знаешь, что не ищем мы ничего, а во-вторых, если я уверен в твоём существовании, то ведь не по внешнему образу, — так мы и всех людей видим, — а по зрению души твоей. Вот и это так, только тут, страшно сказать, Мать Божья.

Это так, не придавай значения. В жизни суетной все туманится и забывается.

Листок кончается, и писать кончу. Господь да хранит тебя.

Как наивно было это слово: "любовь есть радость о бытии другого". Она будет такой в Царстве Небесном. А в этом мире два совершенно противоположных (да еще как противоположных — не как человеческие верх и низ, а как небесный свод и подземные глубины вод) чувства объемлются этим словом: "радость о бытии другого и скорбь от опасения небытия, похищающего друга" »¹⁵³.

Конец августа 1929 — июнь 1930 года

«...На Красной Поляне Олега застала Настя Скороходова с друзьями, прошедшими горами через перевал с Кубани. Сережа предпринял поход, чтоб развлечь горевавшую по сыну сестру. Кроме того, он решил к тому времени жениться и вел к Олегу свою невесту. Это было последнее с Олегом свиданье, подробности которого я не устаю выпрашивать у Насти при каждой встрече и теперь, в конце своей жизни».

«Олег был печальный и сосредоточенный, — рассказывает Настя. — Он сказал: "Я кончаю работу, она свалилась на меня вопреки моему настроению. Мне необходимо от нее отделаться". — "О чем ты пишешь теперь?" — "О литургии. А перед этим написал об экономике. Вот видишь", — он показал на исписанные мелким почерком тетрадки, завернутые в клеенку. "А почему в клеенке?" — "Я ее держу в дупле на всякий случай, жаль, если пропадет... Я ее кончаю и скажу тебе, пожалуй, о своем решении: я еду в Москву" ...»

«В последних числах августа, накануне намеченного Олегом отъезда, на Красной Поляне появились военные

¹⁵³ Пришвина В. Д. Невидимый град... С. 401–402.

люди. Они арестовали всех троих монахов, а кельи их подожгли. Арестованных перевезли в Новороссийскую тюрьму. Это рассказал нам проездом через Москву один из арестованных в те же дни и быстро выпущенных соседей Олега по Змейке; он бросил свое хозяйство и уехал на противоположную окраину России.

Вскоре был арестован в Майкопе и Сережа. Валек, подъезжавший в это время ко двору с возом сена, сообразил о происходящем в доме и, под прикрытием воза, сбежал. Он скрывался долгие годы, меняя места и работу, скитаясь иногда как бродяга, питаясь как зверь на свалках. Изредка появлялся он у Насти только на одну ночь и снова безвестно исчезал. Так пережил он десятилетие гонений и фантастических процессов, изобретаемых в сталинскую эпоху. Началась Отечественная война. Валек попал на фронт и вернулся уже открыто в семью инвалидом.

Тянулся 1930 год, предсказанный Олегу Зубакиным. Потом рассказывали очевидцы: в Новороссийскую тюрьму перевезли множество монахов, арестованных повсеместно в горах. Это было "мероприятие" по очистке гор от свободных нищих насельников. Стариков и молодых, женщин и мужчин гнали по трудной дороге через несколько перевалов с долины Псху и других мест их поселений. Молодые вели стариков, некоторые не вынесли пути и умерли в дороге. Всех погрузили у моря на баржи, везли в невыносимой тесноте, как негров во времена работорговли. Монахи плыли и пели молитвы.

Мало кто из них уцелел после ссылок и тюрем: кто умер, кто был казнен. О *тца* Даниила и Сережу вскоре расстреляли: одного тут же в Новороссийской тюрьме, другого — в Майкопе. Боря по молодости получил всего пять лет лагерей. В те же годы были расстреляны толстовцы: Митрофан и дядя Коля Сутковой, в разных местах и по разным "обвинениям". Чета Биронов попа-

ла в лагерь, вышла оттуда живой и дожила где-то в провинции свой век. В 1964 году умер Михаил Николаевич. Людмила Дмитриевна написала мне тогда: "Последнее время он сильно томился душой, сильно устремлялся в мир горний, но все же не желал так скоро покидать землю. Совершалась внутренняя борьба. Тело томилось от сильных болей в желудке, четыре года он лежал неподвижно без памяти. Затем тихо отошел в вечность". О себе старая, больная и нищая Людмила Дмитриевна просила одного: не помогать ей и ничего не присылать. Она умерла года через два после него.

Олега "судили" тщательно, им заинтересовались, его перевели в тюрьму в Ростов-на-Дону. Его жизнь явно хотели сохранить. Следовательно, казалось, был под обаянием личности Олега, так и сказал сестре Олега, которую мы посылали на разведку. Мы поняли со слов следователя, что Олег доверял своим судьям, говорил открыто, развивал перед ними свою экономическую систему, близкую к учению Г. Джорджа. Ему казалось, что она могла спасти Россию в трудном аграрном переустройстве, предпринимаемом в те дни: по стране шла "коллективизация".

Олегу предлагали ценою сохранения жизни полный отказ от своего мировоззрения и переход на работу в органы безопасности. Сестра привезла записку из тюрьмы: Олег просил только немного свежих яблок и еще передать "сестрам", чтоб его не забывали. Это все, что мы узнали. Об остальном — догадывались...

Тогда-то мы вспомнили недавний рассказ Олега: однажды летом 1928 года на Змейку забрел турист. Олег принял его радушно, они разговорились и так провели в беседе всю ночь, забыв о сне. Турист был убежденным марксистом. На прощанье он крепко пожал Олегу руку и сказал: "Я не забуду нашу встречу, как ни расходимся мы с вами в убеждениях. Имейте в виду, если вам будет нужна серьезная помощь, у вас искренний благожела-

тель", — и представился секретарем ЦК партии Белоруссии.

Мы вспомнили тогда этот случай и отправили в Минск двух сестер Олега. Н. принял их, обещал выяснить обстоятельства дела, разобраться, помочь. Мы так и не узнали, сделал ли он что-либо для Олега. Через какое-то время он сам был арестован и, если не изменяет память, кончил самоубийством при аресте.

Олега расстреляли. Это случилось летом, по-видимому в июне. День так и остался нам неизвестен. Матери принесли извещение о совершившемся факте в начале июля. Я жила в это время в деревне Дунино под Звенигородом с матерью, Александром Васильевичем и А. Н. Раттаем. На горюшке (ведущей сейчас мимо дачи Пришвина к лесу из деревни) я встретила брата Валька Юрия, который вез мне ужасное известие. Я бросилась в Москву, к Марине Станиславовне и привезла ее к себе.

В одну из ночей я увидела следующий сон: я нахожусь в храме, где кончилась ночная служба. Брезжит рассвет. Молящиеся отдыхают, лежа или сидя на полу, неразличимые в полумраке, как груды серой сваленной одежды. Кое-где мерцают лампы. Все ожидают утреннюю службу. Вдруг распаивается дверь храма, в нее входит высокий Олег в простой длинной одежде, как рисуют воскресшего Христа. Он стремительно проходит между молящимися мимо меня, ни на кого не глядя, прямо в алтарь. Стоя на коленях, я протягиваю к нему руки, он отстраняет властно меня, говорит: "Нельзя. Не прикасайся!" — и исчезает в алтаре».

«После гибели Олега в Ростове-на-Дону была выпущена юридическим издательством брошюра "Рыцари Михаила" (или что-то вроде того). Так строил свою дешевую карьеру какой-то журналист, может быть, и сам следователь Олега. Основная мысль брошюры, насколько помню, заключалась в том, что на Кавказе среди от-

шельников была контрреволюционная организация, под рясками у монахов "были шпоры", что монахи держали склад оружия и вдохновителем организации был "недоучившийся реалист" О. В. Польш. Прилагались портреты Олега и о<тца> Даниила, снятые в заключении»¹⁵⁴.

* * *

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСА иеромонаха Онисима (Олега Владимировича ПОЛЯ) по делу епископа Варлаама. 1929–1930 годы

Рукописные показания без даты

«К монашеству пришел я следующим образом.

Воспитание получил безрелигиозное и даже антирелигиозное. Отец мой бросил мать, когда мне было 7 лет, и с тех пор я его не видал. Мать вышла замуж второй раз (отец — провизор, служил в аптеке, и учитель музыки, мать — учительница пения, отчим — учитель рисования). С 16 лет уже зарабатывал уроками и черчением (окончил реальное училище И. Александра в Москве). С детства имел склонность к уединению и отвращение ко всему имевшему изменный характер, например, никогда не читал классических писателей, читал с охотой историю религий и математику. Постепенно материализм перестал удовлетворять, я стал искать мистического материализма и нашел его в астрономии и математике, в таких книгах, как труды Анри Пуанкаре. <...> Ко времени революции имел поверхностный социалистический уклон, но по непрактичности в по-

¹⁵⁴ Пришвина В. Д. Невидимый град... С. 415–418.

литике в партиях не разбирался, да и по молодости лет (16 лет) склонялся быстро к толстовству, видя те бедствия, которые приносит война (империалистическая и гражд<анская>). В 1918 г<оду> поступил в толстовскую коммуну при ст<аниции> Перловка Сев<ерной> ж<елезной> д<ороги>, пробыл там несколько месяцев, в 1919 году поступил в толстовскую колонию при ст<аниции> Нахабино Виндавской железной дороги. В это время бывал в Толстовском обществе в Москве в Газетном переулке, д<ом> 1, но редко как по дальности расстояния, так и вообще по необщительности. Искал у Толстого мистики и хотел изобрести "толстовское монашество" для себя, даже подыскал кусочек земли для этого. Однако мистики у Толстого слишком мало — он больше на социально-этической подкладке, что меня мало интересовало. Я взял у Толстого его анархизм, отрицательное отношение к государственной власти как таковой вообще, — непротивление злу насилием, отрицание войны. Сведения о моих настроениях в эту пору легко получить след<ующим> образом. Колония при ст<аниции> Нахабино была закрыта, я поехал за своим заведующим в Тульскую область, где он нашел место заведующего. По дороге на вокзале был задержан по ошибке и немедленно по допросе освобожден, но, вероятно, допрос хранится в МЧК (1920, весна).

В 1921 году поступил на работу <в> М<осковский> О<тдел> Н<ародного> О<бразования>, где служил до весны 1924 г<ода>, за это время отошел от Толстого, неудовлетворенный его материалистическим складом и, познакомившись с разными сектами, каковы баптисты и др<угие>, а также с книгами "йогов" и т<ому> п<одобным>, увлекся сочинениями святых отцов, в особенности собранными в "Добротолубии" (5 томов). Под влиянием их оставил попытки найти толстовскую мистику и принял мистику древнеправославную, выразившуюся в трудах аввы Исаака Сирина, Ефрема Сирина,

Иоанна Дамаскина, Симеона Нового Богослова и других. От толстовства же осталось отрицательное отношение к политике, государству и насилию, но смягчился мальчишеский непротивленческо-анархический пыл, я понял, что все-таки порядок и власть нужно уважать, как сдерживающее начало грубых инстинктов. Тотчас захотел оставить службу и уйти в монастырь, чтобы вполне отдаться чтению св. отцов, но ученики попросили остаться до окончания школы 1-м выпуском (преподавал сельское хозяйство и математику). В 1924 г<оду> заболел туберкулезом желез и легких и по совету врача оставил службу и поехал в Геленджик, где работал чернорабочим. Однако на Кавказе скучал отчасти, нуждаясь в умственной жизни, жалел о недоконченности своего образования и искал средств пожить зимой в Москве. Там зарабатывал уроками и чертежами и проводил свободное время в читальнях. В 1925 г<оду> с весны поселился с о<тцом> Демьяном возле Красной Поляны в его келье. Скоро сильно надоел ему, и он посоветовал устроить отдельную келью, что я и сделал в 1927 году. Был простым послушником, работал в хозяйстве, делал ложки, болел, изредка немного присылали жалевшие меня родные, сколько могли, или друзья.

Все более углублялся в учение св. отцов и стал желать принести иноческие обеты. В 1927 г<оду> монахов выгнали, но я еще до выгонки навел справки в <нрзб.> у т<оварища> Замченко и, услышав, что гнать будут только из городов, занял участок на Змейке и построил своими трудами с некоторой помощью о<тца> Демьяна келью. Там жил лето и зиму 1927/28 года и лето 1928 г<ода>. Изредка навещал о<тца> Демьяна, к которому привязался как к простому и доброму человеку, помогавшему мне советом, любовью, молитвой. О<тец> Демьян жалел, что нет у нас церкви, и посоветовал мне принимать иерейский сан с тем, чтобы мы служили только для себя, а так как никакой епископ на это не соглашался,

т<ак> к<ак> не имеет права так рукополагать, то кроме него нашу просьбу подписали еще два-три монаха. Долго советовались мы о том, к какому епископу относиться. О<тец> Демьян тянул к Антонию Сухумскому, т<ак> к<ак> он ближе всего. Но я отказывался, т<ак> к<ак> в это время между монахами некоторые получали письма, что Антоний не вполне православный епископ, потому что он "подписал декларацию Сергия". Я в этом разобраться не мог, но просил, чтобы, кто мог, рассказал мне об этом, но никто толком — из монахов — не знал, т<ак> к<ак> их уже разогнали, и были несколько человек, нам мало знакомых, далеко живущих и в деле несведущих. Дело окончилось тем, что Антония, по слухам, выслали (или перевели — мне неизвестно) в Эривань, и он стал от нас далек. О<тец> Демьян, к моему огорчению, был равнодушен к этому делу и советовал ехать в Сухуми к еп<ископу> Филиппу, не справляясь, как он верует, но я опасался. Я читал в газетах декларацию м<итрополита> Сергия, и меня самого, без чтения каких-либо документов против него, смутили следующие вещи:

- 1) Почему м<итрополит> С<ергий> издает такую важную декларацию без благословения м<итрополита> Петра? Ясно, что если бы от Петра было благословение, то оно было бы добавлено властями и его разрешили бы напечатать.
- 2) Важность же шага в следующем. Я недавно еще был толстовцем-анархистом; я так рад был, что верую свободно. Не знаю, легко ли я обратился бы к православию в прежнее время при союзе веры с государством. Теперь вновь я видел, что верующие призываются к соединению с государством, хоть и под другим видом, и притом с государством, открыто безбожным, желающим разрушения веры. Пусть это государство исполняет общегосударственные задачи охраны порядка, народного хозяйства, но при чем тут вера?

Как это часто бывает, сильно пошатнули для меня авторитет м<итрополита> Сергия его защитники, в первую очередь один протоиерей в Москве, ставший ярким сергианцем, у которого я был когда-то несколько раз на исповеди. Я узнал, что Сергей раньше был живоцерковником, что он еще в 1906 году предлагал ввести богослужение на русском языке (что я не мог вынести как ценитель прекрасного), брак епископов и вдовых священников и диаконов, уничтожение тайных молитв и проч<ее>. Реформы, которые обличают крайнюю плоскость мысли и отсутствие мистической чуткости (именно по этим причинам я отвергал и живоцерковников). Очень мало доходило до меня вестей через случайную беседу с каким-нибудь монахом, которому пишет его друг, монах из Москвы, келейник епископа такого-то, или что-нибудь в таком роде. Но таким путем услышал я уже сказанное и склонился симпатией к тем, кто хочет чистоты веры. Меня оскорбляла в духовенстве часто встречающаяся нечуткость, хотелось найти устремление к одной вере, без связи с государством, но чисто мистической, древней аскетической. После колебаний я решил, что окончательно разберусь, потолковав с епископом, как только будут средства доехать до него. Средства нашлись.

Мне доставили место сторожа одного склада в Москве через знакомых толстовцев. Я поехал к арх<иепископу> Димитрию. С ним говорил недолго. И сначала он отказался меня рукоположить, так как я сам не знал, хочу ли я принять этот сан, которого я боялся, т<ак> к<ак> он налагает известные обязательства, а я привык свободно жить, где тише или где больше книг. Этот-то отказ меня и покори́л. Я удивился его бескорыстию.

— Для кого вы хотите принимать священство?

— Там у меня старец живет и еще несколько монахов, которые нуждаются в окормлении. Вот и просьба.

— Это хорошо. Но вы сами стремитесь ли к этому сану? Знаете ли, что нет на земле более высокого дела, как священство?

— Не знаю, Владыко святой. Помолитесь сами, может, Господь вам откроет.

Через час в конце службы — подзывает меня и говорит: "Нет, не могу. Приходите, когда вы сами всей душой захотите служить при совершении святых таинств".

Наскоро я пробежал у него несколько бумажек по этому делу: докум<ент> ленинг<радский> — письмо к м<итрополиту> Сергию от некоторых ленинградских верующих. "Владыко святой, мы не можем молиться о властях, они и сами этого не желают. Мы не хотим никаких прав и преимуществ, мы готовы пребывать в бесправном положении, но хотим в чистоте веры молиться Богу". Но Сергей не внимал этому. Еще в Москве я слышал, что он запрещает тех, кто не поминает властей. Я читал его приказ, где Петра повелевает не помянуть "господином", когда он законный глава Церкви, пока не будет осужден собором. Это меня и смущало.

А эта "внемирность" удивила в арх<иепископе> Димитрии. Он показался мне ребенком; он не умел толком написать мне иерейского удостоверения, вообще производил впечатление человека духовного. В конце концов он все-таки посвятил меня, но с неохотой и наконец сказал (беседовал я с ним случайно урывками и наскоро): "У вас там где-то есть епископ Варлаам, он, кажется, вполне православного направления. Не обращайтесь ко мне, найдите его — адрес его такой-то (и он дал мне легальный адрес еп<ископа> Варлаама) в Майкопе (улицу и дом не помню). Сведения эти оказались устаревшими. Когда я добрался до Кавказа, оказалось, в Майкопе его нет (еп<ископ> Димитрий ссылался на письмо еп<ископа> Вар<лаама> — апреля 28-го).

Я был в изумлении от духовного облика арх<иепископа> Димитрия. Больше ничего мы с ним не говорили.

Я приехал на Кавказ и прямо пролетел к своим отцам — в Вел<икий> пост 1929-го. В это время разгоняли уже Псху. Монахи на Псху поминали Антония. Двое из них пришли к нам. Оказалось, они знали, где живет Варлаам, и еще другие монахи знали. Летом я навестил Варлаама. О том, почему он живет нелегально, я у него не спрашивал. Удивительно ли, что, когда закрывают церкви, не позволяют печатать необходимые богослужебные книги... Вообще власть отрицательно относится к вере. Как говорили одному протоиерею: "Вы имеете влияние, влияния не должно быть, особенно среди молодых, кроме комсомола. Мы знаем, что за вами политических преступлений нет, но и влияние нам нежелательно". Правда, его (этого протоиерея) скоро выпустили, а он постарался молчать, редко служить и т<ак> д<алее>. Потому мне и в голову не пришло спрашивать Варлаама об этом. Он тоже удивил меня своей простотой, искренним устремлением к монашескому деланию и этому "искусству из искусств", состоящему просто в исполнении заповедей Спасителя. Мы с ним говорили о Сергии, о его прошлом в связи с церк<овными> реформами. Говорили о некоторых церк<овных> догматах, как догмат об энергиях Божиих, догмат искупления и его разработка у св. отцов, и это нас живо интересовало. Он с увлечением говорил о своем прошлом в священном сане, как тяжела для него была общая среда духовенства, как забыты в нем основные цели христианства, о своей борьбе с живоцерковниками, доходящими до того, что они хотели Христа изображать в национальных одеждах, напр<имер>, украинцев и т<ак> д<алее>. У него наспех прочел я следующие его письма:

- 1) Письмо в Ленинград по вопросу об энергиях... — вопрос, который живо заинтересовал его и был у нас главной темой бесед. Очень резкое и определенное, чисто догматического характера. Самое длинное.

- 2) Послание к священникам, его признававшим. В нем он писал, что надо помнить о том, что вера будет падать, что Христос, когда придет, "едва ли обрящет веру на земле", что не надо этим смущаться, не надо прельщаться наградами от еретиков. Это единственное известное мне письмо его по делу м<итрополита> Сергия. О властях там не говорилось, была только такая фраза: "Вы можете быть советскими гражданами, но советскими священниками быть не должны". Это была самая острая фраза, суть его отрицательного отношения к м<итрополиту> Сергию.
- 3) Послание — вернее, просто письмо — к нескольким монахам, которые написали икону Божией Матери особого рода, по его мнению, догматически неверную. Об этой иконе мы поспорили, т<ак> к<ак> она сначала мне нравилась (суть ее объяснить долго).
- 4) Попытку по порядку изложить историю раскола с м<итрополитом> С<ергием>, остановившуюся на второй странице.

Больше ничего существенного я у него не читал. Он мне показался по складу старовером. Вероятно, подобными ревнителями веры были древние монахи. Он с увлечением рассказывал мне, что на Украине была некая группа "стефановцев" или "подгорновцев", которые благодаря нечуткости миссионеров были объявлены сектантами за свою точность в исполнении церковных правил, в особенности в богослужебных обрядах. И о том, что его стараниями эти "подгорновцы" были признаны православными, и о том, что они сейчас вновь страдают из-за нечуткости архиереев. Вот что и по какому поводу он говорил об Украине. Говорил о том, что написал резкое письмо еп<ископу> Иоасафу, который своим грубым подходом задевал старообрядческие симпатии "стефановцев".

Когда я уходил, он спрашивал меня, есть ли у меня в округе монахи. Я сказал, что мало. Но эти монахи страдали, что нет у них епископа, а по правилам (канонам) более трех месяцев нельзя обходиться без местного епископа. Я говорил им, что у нас есть знакомый епископ, но они мне не доверяли, т<ак> к<ак> до них дошли слухи о еп<ископе> Варлааме от каких-то странников, что он неправильно рукоположен, т<ак> к<ак> был женат. Еп<ископ> Варлаам сказал, что, если они захотят его поминать, он когда-нибудь собрался бы, может быть, и туда, если ноги дойдут, и сказал, чтобы я с ними поговорил, м<ожет> б<ыть>, они его примут. Этим монахам (жившим на Сочинке — они арестованы) я дал две бумажки (акт об отделении ярославцев и бумажку арх<иепископа> Серафима), но это их не убедило, и тогда я больше ничего им не стал давать; написал также, кажется, два письма, в которых указывал на следующее каноническое основание, которое и меня заставило задуматься: "Аще который пресвитер или епископ, мирских начальников употребив, чрез них приобретет власть в Церкви, да будет извержен и отлучен и сообщаемые с ним". По этому правилу и в дореволюционное время подвергалась сомнению наша иерархия. Об этом говорил мне с грустью еп<ископ> Варлаам. "Синод — это была бюрократическая машина, — говорил он, — из-под колеса которой вылетали постановления. "По указу его императорского величества святейший правительствующий синод" — и эти постановления были законом непогрешимым, независимо от их верности духу православия". После революции Церковь обрела самостоятельность — и теперь снова епископы назначаются по распоряжению властей! Так думал с грустью и я. Отцы, как я сказал, моему письму не вняли, но принять еп<ископа> Варлаама согласились как гостя, а поминать его не стали, что они сами и подтвердят. Они вообще настоящие медведи-пустынники, которые не знают

ни своих епископов, ни даже своего соседа монаха. Монахи Сочинки не знали монахов Троицк<ого> монастыря и обр<атно>. Вообще, только незнанием психологии монаха-пустынника можно объяснить, что думают о каком-то их "единении".

Сочинские отцы полагали, что приходится по тяжелому для них правилу церковному искать епископа, и наконец решили совсем не служить и никого не помнить.

Кроме этих монахов больше никому бумажки о церковном расколе не давал. Все советы в этом направлении еп<ископа> Варлаама ограничивались тем, что он сказал, что можно сообщить о нем. Вот его собственные слова: "Я никогда не обращаюсь к тому, кто не просит сам. Кто ищет чистоты веры, сам толкает и сам находит". Так посоветовал он делать и мне, и так я и делал. Тем более что главным образом интересовался мистическо-догматической стороной дела.

На этом пока оканчиваю, ожидая дальнейших вопросов по сомнительным для следователя пунктам.

О. Польш»¹⁵⁵.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА обвиняемого от 19 октября 1929 г<ода>

«В дополнение к предыдущим моим показаниям об отношении моем к советскому правительству могу изложить следующее. Я интересовался вопросами

¹⁵⁵ Архив Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю. Следственное дело по обвинению Лазаренко и др. Д. П-54881. Т. 4. Л. 35-38. Автограф.

экономическими — политическими же попутно с экономическими, лишь поскольку политика связана с экономикой, — и составил себе такой взгляд на советское правительство со всех точек зрения:

Советская власть делает ряд ошибок во всех направлениях. Она преследует веру, чем отгоняет от дела строительства хозяйства массу верующих. Она преследует мысль, не давая свободы печати. Так что в заграничных курсах истории философии принуждены кончать русскую философию 1917 годом. Она преследует частную инициативу в торговле и промышленности, заставляя производить товары с огромной излишней затратой труда по методам социалистического хозяйства, к которому русский народ еще не подготовлен. Все это вместе взятое заставляет меня относиться к Советской власти отрицательно. Если она и впредь будет совершать те же ошибки, она неминуемо падет, как от развала хозяйственного (начиная с сельского хозяйства), так и от умственного истощения, при отсутствии культурного творчества (не говоря уже о духовном обнищании).

Принимая во внимание эти ошибки, я мыслю себе хорошее управление следующим образом. Оно не должно быть капиталистическим, буржуазным, потому что капитализм роковым образом вновь привел к коммунизму, т^о е^{сть} антихристианскому безбожию — и безбожию полному. Капиталисты слепы — они этого не видят. Хорошее же правительство должно внести общее умиротворение — следующим образом:

1. В области религиозной должна быть дана полная свобода исповедовать и проповедовать какую угодно веру (кроме безнравственных сект, каковы, скажем, хлысты и т^{ак} д^{але}е).
2. В области культуры должна быть дана полная свобода слова, печати, собраний и союзов, чтобы могли развиваться те богатейшие силы, которые

заложены в душе человека вообще и русского в частности.

3. В области хозяйства должно реализовать до возможных пределов принцип наименьшей траты сил. Это значит, что надо принять тот способ хозяйствования, который дешевле всего для народа. Социализм — дорогая игрушка. Надо дать ход частнику там, где он умеет производить и продавать дешевле гос<ударственной> промышленности. Надо дать крестьянину свободу сеять и продавать хлеб по своей воле и по указаниям рынка. Но в тех областях, где частник стоит дороже, и в областях, где он может занимать монопольные позиции, необходимо противопоставлять ему монополию государственную, — конечно, если государство сможет работать дешевле. Таковы железные дороги, вероятно, горное дело, нефть и т<ак> д<але>. При этом должны быть уничтожены таможенные пошлины — для всей страны нужно дать как бы порто-франко, за немногими исключениями; уничтожить или уменьшить подоходный налог, который всегда перекладывается капиталистом на потребителя и в конечном итоге давит рабочего и крестьянина, и заменить эти налоги единым налогом с ценности земель или земельной рентой, изъятие которой легко и удобно и суммы которой по точным исчислениям хватит для покрытия всего бюджета.

Это не что иное, как система Генри Джорджа, несколько измененная. Изучая прилежно эти вопросы, я не был удовлетворен ни одной из существующих партий и выработал самостоятельные взгляды.

Относительно рода правления у меня твердых взглядов нет, так важно не то, кто именно управляет, а то, как он управляет. Означенную программу может проводить

и правительство, избираемое по типу советского, и республиканско-демократическое, и монархическое. Это целиком зависит от страны нравов: для варваров еще нужен султан, для людей, умеющих уважать чужие права, пригодна широкая демократия.

От этих взглядов я не отказался, вступая в духовно-иерархическое подчинение православным епископам как иеромонах, и имел намерение вербовать себе единомышленников из среды православных. Относясь враждебно к Советской власти и считая ее властью демонической, я видел два пути возможного действия: во-первых, самим представителям коммунизма объяснять, что они идут к гибели и что им, если они желают уцелеть, есть только один путь: принять вышеизложенную программу; во-вторых, так как они, по-видимому, к сожалению, останутся глухи к этому (что видно из отклонения неоднократных предложений Свидерского о рентном принципе в земельном обложении и нынешней борьбы с правым уклоном), то надо объяснять это людям несоветским, которые, в случае падения советского режима, могли бы пропагандировать эту программу. И то, и другое мне хотелось сделать, с каковой целью я и ездил в Москву для изучения не только духовных вопросов, но и полит<ической> экономики, чтобы не быть невеждой в этом деле.

ВОПРОС: Изложите, гр<аждаин> Поль, какова ваша личная точка зрения и точка зрения ваших единомышленников, т<о> е<сть> членов вашей организации, по вопросу вступления и участия при советской системе в работе советских, партийных, общественных, профессиональных и др<угих> организаций.

ОТВЕТ: Участие в кооперации считаю возможным, так как кооперативные взносы суть просто налог за дурное ведение хозяйства кооперацией. Участие в профессиональных организациях возможно, так как там нет

обязательств о безбожии. Участие в партийных организациях невозможно, так как там требуется безбожие. А в советских постольку, поскольку оно не противоречит религиозным убеждениям, — поскольку в обязанность не включается помощь безбожию.

ВОПРОС: Изложите, гр<аждаин> Поль, ваш взгляд на политические партии вообще и их роль в области государственного строительства.

ОТВЕТ: Политические партии всегда являются представителями каких-нибудь классов общества. Потому их борьба отражает борьбу классов. Общество, построенное на справедливых основаниях, не должно вовсе иметь классы — не классы, а специальности, профессии могут и должны быть. Но так как, к сожалению, люди неспособны — в массе — воодушевляться бескорыстными стремлениями в государственном строительстве, то если бы была основана указанная мною новая партия, то ей пришлось бы подыскать себе класс, на который временно можно было опереться. Таким классом, полагаю, могло быть зажиточное крестьянство (т<ак> наз<ываемое> кулачество) и отчасти интеллигенция, кроме них, означенной партии могли бы помочь разочарованные коммунисты — так как это люди с опытом в управлении и решительностью в действиях.

ВОПРОС: Изложите, гр<аждаин> Поль, как вы рассматриваете проводимую политику Сов<етского> правительства в области сельского хозяйства.

ОТВЕТ: Политика эта ведет к уничтожению творческой инициативы в хозяйстве. Так наз<ываемое> расслоение деревни ведет ко всеобщей вражде друг против друга. "Бедняки" большей частью, по моим наблюдениям, в Московской и Тульской губ<ерниях> просто неспо-

собны вести хозяйство и являются бездонной прорвой для всяких ссуд. "Середняки" — хорошие хозяева, которые, однако, подавляются налогами и принудительной продажей хлеба государству. Хлебозаготовки, сущность которых есть простое отобрание хлеба, разверстка <нрзб.> приводят к уменьшению посевов. "Нажим на кулака" явно бьет не только настоящего кулака-ростовщика, каких очень мало, но просто хорошего хозяина. При мне в ВИКе обсуждался такой вопрос, кулак ли такой-то хозяин, т<ак> к<ак> у него две лошади, и решили, что он середняк только потому, что без него кто же у нас будет распространять заем. И это явление общее. Политика гос<ударственных> займов представляет собой просто дополнительный налог, так же как и членские взносы и кооперации. Коллективизация представляет утопию и ведет к разорению всех слоев крестьянства. Коллектив даже из близких людей едва ли может долго держаться, а из людей чуждых, да еще при насильственном "сливании" и "вливании", не может долго существовать; туда входят с хозяйством, а выходят почти нищими. Агроническое просвещение деревни бесплодно, т<ак> к<ак> крестьянин не имеет главного стимула для работы: хорошей цены за товар и заранее определенного налога, сверх которого вся выручка — его собственность. Механизация, тракторизация при существующих стеснениях в сельском хозяйстве приносят ничтожную долю своей пользы. Свободный крестьянин сам бы потребовал и трактор, и агрономическую помощь. Бедняки в той своей части, которая просто неспособна к самостоятельной работе, гораздо лучше заработали бы в батраках у зажиточных крестьян или в государственных совхозах, если бы они велись рационально. Что касается этих последних, то они могли бы нормально развиваться лишь при свободном хлебном рынке, который безжалостно выводит из строя все неэкономично построенные предприятия. Такие совхозы, как "Гигант", могли бы полу-

чить испытание своей выгодности для народа лишь в условиях вольного рынка. Эта точка зрения представляет мои личные взгляды и в связной форме мною никому не излагалась, но, поскольку при встрече с крестьянами речь заходит о политике партии в деревне, я эти мнения высказываю»¹⁵⁶.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА обвиняемого от 28 октября 1929 года

По поводу изъятых у меня документов показываю следующее:

1. Материалы философского мировоззрения "Остров Достоверности". Это мой духовный дневник, в котором записывались мысли по философии и аскетике. Вел его с 1922 по 1925 год, в 4 частях. Содержит размышления по философии и духовной жизни: ч<асть> I — метафизика, ч<асть> II — этика и эстетика, ч<асть> III — мистика, о творении мира и о Христе, ч<асть> IV — религия, о Боге и об аскетизме; в той же части есть одна глава об экономике с этической точки зрения, ч<асть> V — не систематизированный набор заметок. Надеялся в будущем использовать для выработки мировоззрения и создания системы, пока лежал без дела. Напечатал на машинке сам, причем написал 3 экземпляра. 1 экземпляр взят при обыске у С. В. Шабуневича, другой хранился у П. Ф. Залогина и ныне изъят, третий находился у Ф. Андреева, был дан для критики (Ленинград).

¹⁵⁶ Архив УФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-54881. Т. 4. Л. 45-46. Машинопись.

2. Политическая экономия Г. Джорджа в 5 частях, перевод с английского. Перевод сделан С. Д. Николаевым (+ 1922–3 год). Получена мною для чтения от С. В. Шабуневича в 1926 году. Перевод... ожидая возможности печатания, шли хлопоты в Главлите в 1926 году и были шансы на успех.
3. Рукопись материалов к экономическому мировоззрению. Составлено: О. Поль. Отпечатано на машинке мною в трех экземплярах. Один хранился у С. В. Шабуневича, другой у П. Ф. Залогина, третий в корзине с моими книгами у матери моей М. С. Бурдановой в Москве. Переписано мною лично у С. В. Шабуневича, Измайловское шоссе, <дом> 3, на заводе В. Э. Малера. Эти материалы предназначались для выработки в дальнейшем, когда приобрету образование, экономического мировоззрения. Содержат попытку привести в систему основные взгляды Г. Джорджа.
4. Черновые материалы и заметки к составлению системы п<олитической> экономии, записаны мною от руки. Вошли в состав рукописи, упоминаемой выше.
5. Выписки из книг о праве и земельной собственности. Хотел познакомиться с правоведением, чтобы найти научную форму для отрицания земельной собственности, что составляет основу джорджевской экономики. Выписки только из двух-трех книг.
6. Использованные мною заметки о "Хозяйстве человека" сделаны мною. "Использованы", т<о> е<сть> вошли в состав рукописи п<олитической> экономии.
7. Черновые материалы к "Острову Достоверности". Либо вошли в него, либо должны были войти в будущем при переработке рукописи.
8. Размышление о духе православия — составлено мною в 1925 году при переходе из толстовства

к православию. Содержит сопоставление христианства с другими религиями.

9. Письмо по поводу "Острова Достоверности", написанное мною для Павла Флоренского. Павлу Флоренскому, как философу, я дал для прочтения свой труд. Он отнесся к нему как к слабой ученической работе. Я написал ему ответ, причем черновик оставил у себя.
10. Замечания самого Флоренского, содержащие отрицательное суждение об "Острове Достоверности", писаны в 1927 году.

Одновременно с этим показываю, что у меня хранятся документы на участке гр<ажданина> Тырымова в с<еле> Змейка на ручье, разделяющем его владения и владения гр<ажданки> Пановой Е. Ф., под хворостом в ящике, согласно данного мною плана. Там находятся следующие документы:

1. Записки и заметки из области философской и духовной. Материалы для выработки философского мировоззрения к "Острову Достоверности".
2. Записки и заметки из области политической экономики.
3. Несколько писем.

Кроме вышеуказанных мною документов нигде не хранятся никакие документы или письма»¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Архив УФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-54881. Т. 4. Л. 55-56. Автограф.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого от 1929 года, ноября 21-го дня,
гор<од> Новороссийск

«Я, Уполномоченный С<екретного> О<тдела> П<олномочного> П<редставителя> ОГПУ С<еверо>К<авказского> К<рая>, с соблюдением 134–139 ст<атей> УПК допросил в качестве обвиняемого гр<аждани>на:

ПОЛЬ Олега Владимировича, рождения 1900 года, холост, происходящего из г<орода> Киева, до 14 лет жил там, затем жил в Москве, по Гороховской ул<ице>, <дом> № 20, кв<ртира> 2, постоянно проживал в сел<ении> Змейка, Раздольского с<ельского> совета, Сочинского района, имеет собственную келью, имеет склонность к огородничеству, русский, беспартийный, выходец из семьи учителей средней школы, окончил 7 класс<ов> реального училища (частного) в Москве, до войны 1914 г<ода> учился, во время войны тоже, после Октябрьской революции был призван в Кр<асную> Армию, от службы отказался и нес тыловую работу в дет<ских> колониях в качестве инструктора с<ельского> х<озяйства>, со слов не судим, арестован 8/IX–29 г<ода>.

Допрошенный после прочтения обвинительного постановления, обвиняемый объяснил, в предъявленном мне обвинении по 58 ст<атье> п<унктам> 10 и 11 УК — виновным себя признаю и по существу дела показываю:

В составе моих предков были немцы, поляки и евреи, но постепенно семья обрусела и лично я считаю себя чистокровным русским. В Ленинграде я был у Дм<итрия> Гдовского два раза, 20/I–29 г<ода> и 21/III–29 г<ода>, тогда же я был посвящен в иеромонахи, причем первый раз я с ним встретился в церкви, а второй раз на дому. Он очень интересовался Кавказом и монашеством, затем он

передал письмо еп<ископу> ВАРЛААМУ (ЛАЗАРЕНКО Григорию). Когда же я встретился с ВАРЛААМОМ, то имел с ним беседы по разным вопросам, причем мы договорились, чтобы руководство ВАРЛААМА оставалось бы в секрете, т<ак> к<ак> он находился на нелегальном положении.

Беседуя с ВАРЛААМОМ о политической власти, я с ним вполне сошелся, что Советская власть, как безбожная, не может быть признана нашей Церковью. Затем на мои вопросы о реставрации могущества Православной Церкви мне ВАРЛААМ пояснил, что Сов<етская> власть, как от антихриста, должна будет погибнуть и что Церковь восторжествует и временно будет существовать свободно. ВАРЛААМ рекомендовал распространять среди русского народа воззвания, разъясняющие положение Церкви, все ищущие правды в церковном вопросе должны снабжаться нами листовками и воззваниями. Я с этим соглашался. Он просил это делать через монахов. В воззваниях мы разъясняли, что существующий порядок вещей, система Сов<етской> власти, от антихриста, с кем надо бороться, и т<ак> д<алее>. В первый раз я с ВАРЛААМОМ был один на один. При второй встрече у ВАРЛААМА были следующие лица: УСТИН (СМИРНОВ Ф. Н.), МАКАРИЙ (ОЛЕЙНИКОВ М. Н.), ДАНИИЛ (КОСОРУКОВ из ст<аницы> Тульской), он привозил с собой свящ<енника> ДМИТРИЯ, и я. Здесь ВАРЛААМ провел одно совещание совместно с нами, вопросы стояли следующие:

1. Об игумене Игоре БАЛЬ.
2. О пресвитерском совете (этот вопрос ВАРЛААМ сказал мне лично).

По первому вопросу ВАРЛААМ информировал нас, что БАЛЬ изменник, ушел от него и среди обновленцев распространяет сведения, что ВАРЛААМ совместно с

монахами, поселившись в горах, нелегально мутит народ. ВАРЛААМ обвинял БАЛЬ — в нехранении тайн, двуличности, т<ак> к<ак> якобы БАЛЬ среди народа иногда выдает себя за сторонника ВАРЛААМА, а вместе с тем якобы собирается написать донос какому-то обновленческому епископу в Ростов. Ко мне лично ВАРЛААМ обратился с вопросом: "Вы никогда не были в роли судебного следователя" — я ответил: "Нет". Но он все же попросил написать его жалобу на БАЛЬ, и чтобы мы подписались, мы это сделали, после чего ВАРЛААМ сказал, что он теперь оповестит своих сторонников. Затем ВАРЛААМ предупредил меня, что в дальнейшем он организует в Майкопе наподобие настоящего совещания, совещания майкопских руководителей, которые, чтобы сохранить все в тайне, не будут подписываться своими фамилиями, т<ак> к<ак> они будут лишь известны ему, а вместо подписей будут ставить только крестики. Это совещание происходило 21 или 22/VIII с<его> г<ода>. Затем он предложил мне пост тайного благочинного по насаждению его влияния и по руководству существовавшими общинами Майкопского округа с резиденцией в ст<анице> Хадыженской и с наездами на восток от Майкопа. Чувствуя себя недостаточно подготовленным, я отказался.

Я знал хорошо, что несмотря на то, что многие группы ВАРЛААМА являлись нелегальными подпольными, он все же мне будет доверять, т<ак> к<ак> я тонко разбирался в богословии и вообще хорошо ориентировался во всем.

Когда ВАРЛААМ узнал, что я работаю над полит<ической> экономией, то он поразился и посоветовал бросить эти рассуждения. По моим личным наблюдениям, ВАРЛААМ являлся сочувствующим монархическому строю. Законы конспирации он очень хорошо знал. Он мог сочувствовать и такому строю, который бы дал возможность Церкви развиваться.

В Москве я жил на Ткацкой ул<ице>, д<ом> 46, склад паропроводных принадлежностей В. Э. МАЛЕРА, года три назад он выслан за границу, его доверенным год назад был ШАБУНЕВИЧ Ст<анислав> Вик<торович>, находится в ссылке, по рекомендации последнего я был принят сторожем, где получал 40 руб<лей> жалованья. Там же я печатал свои все труды, В. Э. МАЛЕР из Прибалтики, из Риги, этим предприятием благодаря ШАБУНЕВИЧУ я пользовался с 1925 г<ода>, т<о> е<сть> с момента высылки МАЛЕРА, может быть, были и др<угие> доверенные, но фирма шла к упадку, и поэтому ШАБУНЕВИЧ был приглашен в качестве доверенного. Нужно сказать, что ШАБУНЕВИЧ, старый толстовец, эсперантист, человек очень культурный, был редактором-издателем журнала "Землеборец". ШАБУНЕВИЧ бывал за границей. Мне лично ШАБУНЕВИЧ материально помогал в Москве и даже присылал деньги, когда я жил на Черноморье.

После высылки ШАБУНЕВИЧА в фирме МАЛЕРА мне в тек<ущем> году оказывал содействие новый доверенный НИКОЛАЕВ Вал<ентин> Серг<еевич>, теперь это предприятие ликвидировано.

Письма я за границу посылал в 1917 году, кажется 3 или 4, каким-то эсперантистам в Англию, Германию, Швецию, от них также получал ответы. Это я сделал по объявлениям в газете "Юный эсперантист", просто для практики. После чего больше не писал и не получал. Затем у меня был большой друг француз ЛЕБРЕН В. А., он быв<ший> секретарь Толстого, выехал во Францию в 1927 году. С момента отъезда переписки я с ним не имел.

ВОПРОС: Считаете ли вы все свои рукописи эконом<ического>, политич<еского> и религиозного характера содержащими в себе антисоветский смысл?

ОТВЕТ: По смыслу и по существу они противосоветские, но я их не распространял.

ВОПРОС: Признаете ли вы себя виновным в том, что в течение 1929 года состояли в руководящей головке подпольной нелегальной организации, ставящей целью борьбу с Советской властью под флагом защиты религии, а также ведение а<нти>с<оветской> пропаганды, т<о> е<сть> по ст<атье> 58 п<унктам> 10 и 11 УК?

ОТВЕТ: Да, виновным себя в этом признаю, но в руководящей группе я не был, и, несмотря на предложение ВАРЛААМА принять роль благочинного, т<о> е<сть> организатора групп и последователей в ст<ани>цах Майкопского округа, я все же от этого отказался, в силу недостаточной подготовленности, но я не отрицаю, что я использовался ВАРЛААМОМ для руководящей работы на Черноморье, как переписка рукописей ВАРЛААМА, распространение их и т<ак> д<алее>.

Я хорошо уясняю, что наша организация в повседневной практической своей нелегальной организованной деятельности вела политическую борьбу с Сов<етской> властью, которую мы считали, как верующие люди, властью от антихриста. В процессе своей деятельности, развивая свою работу, мы имели в виду вырывать массы от советского влияния, т<ак> к<ак> мы были уверены, что Сов<етская> власть должна будет уйти со сцены.

Социализм я отрицаю, т<ак> к<ак> он проводится путями насильственными и безбожными, например, насильно отбирается хлеб, люди сажаются в тюрьмы, т<ак> к<ак> кулаки, которых в нашей стране нет, а есть просто работающие люди. Наши понимания мы по силе возможности передавали и массам. Сов<етская>

власть своей политикой ведет людей к упадку и обнищанию.

Показания мои правильны, записаны с моих слов, мне прочитаны.

<подпись>

О. ПОЛЬ.

Я лично желал бы, чтобы ни одного человека не было во вселенной под советским влиянием, так как это влияние безбожное.

О. ПОЛЬ»¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Архив УФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-54881. Т. 4. Л. 60-63. Машинопись.

Приложение III

Монахиня Сергия (Клименко) вспоминает. 1929—1930 годы

Монахиня Сергия (Клименко) в 1927—1929 годах подвизалась в скиту или пустыньке Покровского монастыря¹⁵⁹. Пустынька была устроена в урочище Темные Буки в горах между Анапой и Новороссийском: в 11 км от Горного разъезда и в 25 км от станицы Крымской. В 1922 году после закрытия Покровского монастыря многие сестры перешли в Темные Буки. В марте 1929 года все они были изгнаны властями и стали настоящими скиталицами. Переходили из станицы в станицу. Великий пост провели в станице Гладковской в доме матери одной из послушниц. Потом им дали знать с Кубани, что в станицах перестраивают усадьбы и готовы принять изгнанниц. Монахиня Сергия вспоминала:

¹⁵⁹ Покровский монастырь в Кубанской области вблизи станицы Динской, в 35 верстах от Екатеринодара, основан в 1899 году, в 1904 году был преобразован в монастырь.

«Спустились мы с гор в кубанские степи, прошли много станиц и обосновались в Ивановской. Для матери Веры был построен отдельный домик (где она благополучно и прожила, скончавшись в 1945 году, как я узнала впоследствии). Матери Вячеславе, Дуне, мне отвели полдома. Ах, и тут была чудесная келейка у меня, с оконцем в вишневый сад. Но нет! Не было воли Божией на явное монашество!»

В связи с обострением туберкулеза лето она провела в Геленджике в доме у супругов Ситиковых (об этом в части 1). Как показывал на допросе С. П. Ситиков, летом 1929 года его супруга ездила на говение с монахиней Сергией в станицу Ивановскую, узнав о том, что там есть православная церковь, не признающая митрополита Сергия. Там она беседовала с иеромонахом Алексием (Шишкиным), но говела у другого священника, его имя в показаниях на допросе не названо, но он, как и иеромонах Алексей, принадлежал к антисергианскому течению. Возможно, это был иеромонах Иувеналий, о котором далее писала в воспоминаниях монахиня Сергия:

«Подходил 30-й год, "год великого перелома", коллективизации. А мы, как страусы, прятали головы под крыло, желая во что бы то ни стало сохранить монашеский уклад жизни; о том, чтобы снять свои одеяния, и в голову не приходило. Когда мы шли по станице в церковь, то мальчишки указывали на нас пальцами и кричали: "О це тыхоновцы уйдут" (тихоновцы). Помню, услышав это, Вячеслава и говорит: "Ну, вот уж нам и прозвище готово". Да... долго так продолжаться не могло.

Матушка Вера как-то благословила мне идти в соседнюю станицу Стеблиевскую¹⁶⁰ читать Псалтирь в день памяти, по просьбе. Эта станица была расположена около железнодорожной станции, и из Ивановской надо было сюда прийти, если ехать по железной дороге. И вот утром прибегают ко

¹⁶⁰ Правильное полное название «Старонижестеблиевская», ныне в Красноармейском районе Краснодарского края.

мне, читавшей Псалтирь, Вячеслава и Дуня с узелками, взволнованные. Говорят, запыхавшись: "Сейчас всех батюшек, наших сестер и хозяев, у которых жили, повезут на станцию, в краснодарскую тюрьму..."

Мы сейчас же выпросили у добрейших моих старика и старушки молока, хлеба, теплых носков — и бегом на станцию.

Иеромонах Иувеналий (бывшего Нового Афона) и наша мать Людмила смотрели из окна вагона. Мы упросили конвой принять передачу. Людмила нам делает знаки в окно: уходите! Мы поклонились и ушли...

Вернулись мы, трое, к добрейшим старичкам¹⁶¹, и эти самоотверженные люди предложили нам троим — жить у них во дворе, в избушке. Мы с благодарностью согласились — идти было некуда!.. Стали жить затворницами, исправляя свои правила: хозяйева нас кормили, у них тогда всего было много. Они были благочестивы: вставали в 4 часа утра, читали полунощницу, утреню, часы... Но это тихое пристанище было недолговечным.

На Введение¹⁶² пришел к нам батюшка из бывшей пустыньки. Увидев нас, заплакал: "Бродяги, бедные!" Заплакали и мы. Причастились... Расстались... Как мы тихо, незаметно ни жили, но чувствовали, что подводим добрых хозяев... Жили на вулкане: "Надо уходить!" Куда? Дошли слухи, что в станице Поповичевской¹⁶³ еще целы монахини монастыря святой Марии Магдалины и готовы нас принять. Со слезами простились мы с хозяевами и пошли на станцию. Это был день моего Ангела — святой мученицы Татьяны¹⁶⁴.

С тоской смотрела я в окно вагона; в тучах низких, темных, нависших я вдруг заметила тонкий большой золотой Крест: думаю — отблеск какой-то? Нет, и так наклонюсь, и с другой стороны — висит в тучах Крест...

¹⁶¹ Имеется в виду станица Стеблиевская, где монахиня Сергия читала Псалтирь.

¹⁶² 4 декабря 1929 года по новому стилю.

¹⁶³ С 1957 года переименована в станицу Калининскую.

¹⁶⁴ 12/25 января 1930 года.

Через два часа приехали, и что же? Идут те монашечки магдалиновские, все под конвоем... Идут бодро, спокойно, увидев нас, радостно улыбнулись... Стали мы обниматься, целоваться. Конвой из местных, знакомых, хохочет: "Дывысь, дывысь, матушки в кутузку йдут, як на праздник". А монашечки говорят: "Мы рады, мы идем за Христа!"

Увели сестер магдалиновских. Темнеет. Холодно. Вошли мы в тесный, прокуренный вокзальчик. Вокруг железной печки прыгают, греются оборванные мальчишки. И мы стали греться.

Молчим. Что делать? Куда? И тут входит мать Ксения, оставшаяся от магдалиновских сестер (это поразительно! Всегда и везде кто-нибудь оставался: при одинаковых условиях Господь давал каждому свое индивидуальное послушание в жизни. Это так укрепляло веру в Промысл Божий: "Око Мое над тобою").

Мать Ксения, увидев нас, забрала к себе в телегу и привезла в дом своих родителей. Нас согрели, накормили. И приземлились мы тут. Опять стали держать свое молитвенное правило, но уже тут хозяйками были магдалиновские, и мы все вычитывали по книгам. Слава Богу, книги были целы. Пожили мы так более или менее спокойно, но душа томилась без Святого Причастия. Будущее — все в грозowych тучах, надо приготовиться...

И надумали мы ехать и искать хотя бы батюшку православного, чтобы причаститься запасными Дарами; храмов не было, а если где еще и оставались, то обновленческие. Обновленцы не признавали монашества, нарушая соборные постановления, они ввели женатый епископат и были нашими первыми гонителями и предателями. Православные молились в молитвенных домах, но к тому времени все они были закрыты.

Сестры, все природные казачки, ловко запрягли коня в арбу, набросали соломы, надели тулупчики овчинные. Вячеслава села за кучера, и застучали колеса по замерзшей, но бесснежной кубанской степи: поехали мы искать Господа!

По дороге заехали в Стеблиевскую к милым старикам: увы! за нами приходили и с досады взяли старика и наши стеганые безрукавчики. Как безропотно вынесла это испытание старушка-хозяйка, ни словом нас не упрекнула! К счастью, старика скоро

освободили. Поехали дальше. Вот большая станица Славянская, ее пересекает река, приток Кубани. Приехали к знакомым, спрашиваем: "Где батюшка протоиерей Николай¹⁶⁵?" — "Вчера взяли". Переночевали вповалку, утром поехали дальше; весь день ехали. Под вечер на пароме переехали реку, в темноте добрались до станицы, разыскали знакомых. "Есть батюшка?" — "Нет, вчера взяли". Переночевали на теплой русской печи, утром ранним, до рассвета, обратно на пароме. По дороге опять заночевали в Стеблиевской. И тут Господь меня утешил: в тонком сне ко мне подошел, как живой, отец Иоанн Кронштадтский с чашей в руках — причастил меня... Пришла в себя обрадованная, укрепленная... усталости как не бывало.

Вернувшись к матери Зое и Ксении, узнали, что все скиты по Черноморскому побережью закрыты, все монашество и все мирские православные — наши друзья — перевезены пароходами в Новороссийск, в тюрьму. И тут я сказала: "Чего еще дожидаться? Благословите меня ехать — носить передачу". Сначала все испугались, стали отговаривать, потом благословили, нагрузили кринками с молоком, сметаной, варениками, отвезли на станцию.

Приехала я в Новороссийск, город, овеванный для меня светлыми детскими воспоминаниями: сюда мы приезжали всей семьей на лето, потому что в шести-семи километрах от города по Сухумскому шоссе была на берегу дача моей бабушки — поэтессы-народницы Анны Павловны Барыковой. Здесь она и умерла, и похоронена была в саду. Теперь от этого остались одни воспоминания... Остановилась я у знакомых — высоко, на горной стороне города, раскинувшегося вокруг огромного залива. Отсюда тюрьма была очень далеко, на противоположной стороне, внизу, у "косы" — узкой полосы берега, вдававшегося в море и отделявшего залив от открытого моря».

¹⁶⁵ Священник Николай Цветаев, ставленник архиепископа Гдовского Димитрия (Любимова). О нем упоминает епископ Варлаам (Лазаренко) на допросе 7 января 1930 года, но знакомы они не были, и арестовали отца Николая, очевидно, по другому делу.

Вместе с хозяйкой дома Пелагеей Поликарповной монахиня Сергия каждый день готовила передачи и относила в тюрьму. При этом взрослые дети Пелагеи Поликарповны: три дочери и сын — были воинствующими безбожниками. Надо было много мужества, чтобы в такое время и имея таких взрослых детей принять монахиню Сергию. Но все-таки ей пришлось вскоре искать себе другое пристанище, «уж очень дочки агрессивно держали себя».

«Вообще, в то время рельефно выделялись "отцы и дети": отцы, вернее, матери были радушны, так как знали, что передачу носим невинным людям (что и подтвердилось потом вполне, так как все те, кому мы носили, кто прижизненно, кто посмертно реабилитированы); молодежь была настроена против нас, считая нас отжившим, вредным элементом, из-за которого можно и под неприятности попасть. Поэтому меня мамы-хозяйки прятали. Например, в одном доме у одной доброй верующей женщины меня, покормив, вводили до прихода молодых в сарай. Там был устроен уголок, где сама хозяйка молилась: досками была отделена небольшая часть сарая, стояла там койка, железная печурка, в углу — образ и лампада. Сюда меня приводили, разжигали печурку и запирали снаружи замком».

«В тюрьме при передаче мне удалось разыскать монахиню Серафиму из Покровского монастыря, откуда была и мать Вера с сестрами. Мне о ней много рассказывала мать Вера. С матерью Серафимой были в заключении и ее родные сестры — мать Рафаила и Анна¹⁶⁶. Жили они до этого в глубо-

¹⁶⁶ По следственному делу епископа Варлаама (Лазаренко) проходят сестры Свидины, приговоренные к трем годам концлагеря: монахиня Серафима — София Лаврентьевна, 37 лет; монахиня Рафаила — Лидия Лаврентьевна, 29 лет; и монахиня или инокиня Нина — Нина Лаврентьевна, 22 лет. Серафима и Рафаила постриженицы Покровского монастыря, с середины 1920-х подвизались в горах в Сочинском районе, в пустыни Медовой, Нина приехала к ним в 1925 году, пострижена в монашество иеромонахом Пансофием.

кой пустыни, за Адлером. Мать Серафима страдала язвой желудка, подолгу лежала в тюремной больнице. Передала ей диетическую пищу и получила ответ: "Кто ты, Богом посланный?" Мать Серафима ныне здравствует, она в схиме — Елена, живет в горах, над Сухуми.

В те времена особых строгостей не было, передачу принимали не только ежедневно, но и по нескольку раз в день. От заключенных мы получали обратно записки и даже вещи, чтобы починить, постирать. На нас, приносящих, никто не обращал внимания (из охраны); бывало, принесем обед, получим обратно записки, но не уходим, толчемся возле ворот, на ледяном ветре (знаменитом новороссийском норд-осте) — хочется что-нибудь узнать, услышать: когда этап? Иногда удавалось и увидеть хоть издали.

Вот как-то получила я ответ от матери Рафаилы, и в корзинке, кроме записки, была еще какая-то кофточка. Стою недоумеваю: зачем это? Вижу, ведут Рафаилу с сестрами мыть окна в наружном корпусе охраны. Поставила Рафаила лестницу, влезла, моет окно. Я стою, жду, когда конвоир отойдет подальше. Выждала момент, спрашиваю: "Рафаила, зачем кофта?" Суровый ответ: "Э, непонятливая". Подошел конвоир. Я умильно сунула ему папиросы. Отошел. Стою... Рафаила трет стекло, буркнула: "Пояс распори". Ах, вот в чем дело!..

Пришла я с той кофтой на одну из своих ночевок, распоролла пояс. О, Боже! Там была зашита узкая холщовая полоса, вся разделенная на кусочки, исписанные разными руками, — это были прощальные письма заключенных, уходивших завтра на этап в Хабаровские лагеря.

Вот такие письма: "Дорогая мамочка! Завтра нас отправляют в Сибирь, в Хабаровск. Ничего, родная, не горюй — Бог везде, встретимся. Береги мою доченьку и себя. Целую, перекрести меня, душою с вами". — Адрес.

Другое письмо: "Дорогие деточки! Завтра я с этапом еду на десять лет в Сибирь. Не ропщу, и вы не ропщите — воля Божья"...

И так далее.

Я должна была все эти слезные слова переписать и разослать по адресам. Что и сделала...

Но от трагического до смешного один шаг. Были и такие истории: стоим как-то у ворот, ждем начала передач. Подходит пожилая монахиня, стучит. Из-за двери — недовольный голос сторожа: "Чего стучишь? Не время еще передачам!" А она: "Мне не передачу — меня возьмите!" Дверь распахивается, сторожа с удивлением смотрят. А пришедшая со слезами умоляет: "Возьмите меня, я же не Иуда какой-нибудь Искаротский! Нас на Красной Поляне (за Адлером) жило 12 сестер, я в лес пошла, прихожу, а сестер взяли. А я вот осталась, я же такая, как они. Возьмите меня!" Сторожа ухмыляются, головой покачивают, говоря: "Мы никого не берем. Иди в исполком". А матушка в ответ, уже не без досады: "Да зачем я пойду в.bestолком?! Моих сестер, я знаю, Жипива (ГПУ) взяла. Где у вас тут главная Жипива?!" Громоподобно загрохотали сторожа! Даже в скромной стайке принесших передачу — робкие, смущенные улыбки... На шум прибежал старший дежурный: "Что здесь такое?" Узнав, кусая губы, еле удерживаясь от смеха, призвал к тишине.

Так мы с этой "не Иудой", с этим "младенцем во Христе" и носили передачу всю зиму.

А то раз освободили какую-то мирскую старушку; идет прихрамывая. Мы уж, конечно, окружили ее, ведь интересно-то как — человек из-за загадочной тюремной стены! Пошли расспросы, старушка оказалась разговорчивой: сидела она только несколько дней. "За что?" — бабушка, не таясь, отвечает: "За кобеля какого-то. Соседка по злобе меня оговорила, будто я на берегу какого-то кобеля резала. Я говорю следователю: "Отец родной, да никакого пса на берегу и не было. И зачем бы я стала пса резать? В жисть никакого пса не обидела"".

Ничего мы не поняли, а уж после узнали, что эта старушка полоскала белье на берегу в запретной зоне, и ее умудрились обвинить, что она "пыталась перерезать подводный кабель!"

Да, время было нескучное.

В одно серое хмурое утро принесли мы передачу в мужскую камеру. А у нас не принимают: "Нет никого, ночью этап был!" Ну, уж нет! Нас не проведешь, даром, что ли, мы здесь

толчемся? Этапы были открытые и всегда днем. Что-то не то. Сердце защемило.

Не скоро у медсестры, работавшей и в тюремной, и в городской больницах, мне удалось спросить об этом. Она уклончиво ответила, что, мол, вещи монахов лежат теперь с вещами тех заключенных, которые умерли в тюремной больнице...¹⁶⁷

Время шло, а нашим этапам все не было. Томились они в неизвестности, томились и мы. Я тоже хотела, чтобы меня взяли, — уж очень трудно было, все сложнее становилось с ночевками. Задержка этапов объяснялась тем, что в это время обнаружены были какие-то злоупотребления на Соловках. Все, кто был направлен в Соловки, дожидались нового указания, так как в Соловецкие лагеря были запрещены этапы.

Уже весна. С гор потянуло ароматом свежей зелени. Там, я знаю, уже расцвели дикие тюльпанчики, гиацинтики!..

И вот начались проводы. Нам удавалось следовать за толпой наших знакомых, окруженных, конечно, конвоем, до каботажной пристани, где грузили их в теплушки. Оттуда — на вокзал железной дороги.

Помню последний этап: мы целый день носили передачу, кормили, обменивались словами. Никто не запрещал. Тогда было так. С каботажной (то есть пригородной пристани) бегом — за теплушками, на вокзал. Монашечки, мне незнакомые и знакомые, долго сидели на перроне. Мы уж, конечно, поближе протиснулись. И та, милая — "не Иуда", тоже тут была, провожала и плакала. Посчастливилось мне услышать разговор. Одна из монашек громко спрашивает другую:

¹⁶⁷ По делу епископа Варлаама приговоры были вынесены 27 февраля 1930 года. Как уже указывалось в части 1, к расстрелу было приговорено 52 человека. Время и место приведения приговора в исполнение точно неизвестно — в материалах дела отсутствуют соответствующие зловещие «Акты», но, судя по тому, что осужденных по другим делам осенью 1930 года расстреливали в Новороссийске, скорее всего здесь и монахиня Сергия получила весть о расстрелянных по делу епископа Варлаама.

— Мать Алипия, а, мать Алипия?

— Чего тебе?

— Ты что это, никак нос повесила? А ты вот что мне скажи: сколько у тебя шапков (то есть шапок) было-то?

— Шапков? Три, две бархатных.

— Так! А самоваров сколько?

— Самоваров — два.

— Ну, вот видишь, мать, мы хотели за Христом да с возом! А вот, спасибо начальникам, отцепили от нас воза-то. А с котомочками куды легче.

Тихий, сдержанный смех, кроткие улыбки, светлые, спокойные лица. Чувствуется непоколебимая уверенность в Промысле Божиим. "Чашу, юже даде Ми Отец, не имам ли пити?" — "Злоумышляют фарисеи, предает Иуда, Пилат повелевает... Чашу подает тебе Отец Всеблагий и Премудрый" (епископ Игнатий Брянчанинов. Чаша Христова. Т. 1). Так пили чашу истинные рабы Христовы, и я благодарю Бога, что сподобилась видеть это воочию»¹⁶⁸.

¹⁶⁸ *Монахиня Сергия (Клименко)*. Минувшее разворачивает свиток... С. 14–26.

ЧАСТЬ 2

Монашеская страна Псху

**По материалам следственного дела
о «Монархической повстанческой
организации имяславцев,
действовавшей в долине Псху
и озера Рица...».
1930 год**

Это следственное дело, разработанное Секретным отделением Черноморского окружного отдела ОГПУ (хотя аресты были произведены главным образом в высокогорьях Сухумского и Гудаутского районов Абхазии), хронологически следовало за делом о тайных монастырях епископа Варлаама (Лазаренко) и в целом повторяло его схему: *«На основании поступивших сведений о концентрации в горах антисоветского элемента»* было начато следствие, в ходе которого *«выявлена консолидация означенного элемента в единую монархическо-повстанческую организацию»*, затем в целях ее ликвидации *«произведено изъятие таковой, и руководители, а также члены организации были привлечены к уголовной ответственности»*. Как и в деле епископа Варлаама, "члены организации" — это "церковники": духовенство, монашество и миряне общин, — и всем также были предъявлены обвинения в антисоветской деятельности, сформулированные следующим образом:

«Проведение систематической агитации против Советской власти как среди населения Псху, так и смежных с таковым округов (Кубанский, Майкопский, Армавирский, Ставропольский и ряд друг<их> округов не только Северного Кавказа, но и вне пределов такового), срыв всех важнейших мероприятий Сов<етской> власти, как то: колхозное строительство, хлебозаготовки и т<ак> д<алее>, распространение среди населения злостных провокационных слухов и будирование населения, главным образом казачьих округов, в целях поднятия стихийного вооруженного восстания для свержения Сов<етской> власти и тем самым подготовить возвращение монархического строя»¹⁶⁹.

В "Обвинительном заключении" упоминалось, что на Черноморье уже была ликвидирована такая же по характеру «контрреволюционная повстанческая» «организация епископа Варлаама», и подчеркивалось, что обе эти организации «имели общую политическую платформу, тактику и методы работы». Их не стали объединять в одно целое и развивать едва наметившиеся связи (что в самом скором времени будет произведено во всесоюзных масштабах по центральному делу Истинно-Православной Церкви), а лишь засвидетельствовали несостоявшуюся встречу "руководителей": «В отношении установления контакта и единого фронта к<онтр>р<еволюционной> организации предполагалась поездка руководителя организации епископа Варлаама к Румянцеву Савве, о чем был последний поставлен в известность через связиста, но этому помешал разгром организации епископа Варлаама и его арест в 1929 г<оду>».

Епископа Варлаама действительно приглашали на Псху и монахиня Илариона (Радионенко), и иеромонах

¹⁶⁹ Архив Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-46014. Т. 3. Л. 3. Далее до конца части 2 по тексту все цитаты, за исключением оговоренных особо, из данного дела.

Онисим (Поль) незадолго до начавшихся гонений, но предполагалась ли там встреча со схимонахом Саввой (Румянцевым), неизвестно. Во время допросов в июне 1930 года отец Савва неоднократно заявлял, что не только не был знаком с епископом Варлаамом, но и не знал о нем, и на очной ставке с монахом Виссарионом (Мерзловым) категорически отрицал, что слышал что-либо от него о приезде владыки Варлаама. Монах же Виссарион, напротив, подтверждал свои показания от 28 мая 1930 года о том, что во время пребывания на озере Рица он говорил Савве о своей встрече на Псху с одной монашкой, *«которая рассказывала, что на территории Кубанского округа проживает преследуемый Советской властью епископ Варлаам, который имеет намерение прибыть на Псху и на озеро Рица для объединения всех монахов под свое руководство»*.

Очевидно, речь шла о монахиня Иларионе (Радиоенко). Она в 1921 году поселилась на Псху, бывала и в других местах, а в 1923 году жила в Мощевой Балке, где, по ее словам, находилось много монашествующих, как и в соседнем хуторе Солёном. На допросе монахиня Илариона показала: *«Когда ликвидировали хутор Солёный и высылали схваченных в Соловки¹⁷⁰, то в Мощевой Балке были убиты монахи Макарий, Ефрем, наша тебердинская¹⁷¹ монашка Пелагея с подругой, др<угих> не помню»*. Погибшая монахиня Пелагея была сестрой монаха Виссариона (Мерзлова), а с ним монахиня Илариона была знакома, по ее словам, еще до его прихода в район Псху, когда он жил в станице Сторожевой.

Из Псху матушка Илариона ушла в октябре 1928 года и ходила по горным станицам Армавирского округа, по-

¹⁷⁰ Очевидно, в 1924 году.

¹⁷¹ Имелся в виду Спасо-Преображенский Сентинский монастырь на реке Теберде вблизи древнего православного храма у карачаевского аула Сенты Баталпагинского отдела Кубанской области. Монахиня Илариона пребывала там до 1914 года.

всюду рассказывая о епископе Варлааме (Лазаренко) и уговаривая пастырей и верующих присоединиться к нему как к антисергианскому иерарху. О епископе Варлааме она слыхала еще на Псху, читала его послания. Но познакомилась лично только в июне 1929 года и месяц прожила у него в тайном скиту под Туапсе. Именно тогда выяснилось, что епископ Варлаам, судя по ее показаниям на допросе, *«имеет желание походить по горам»*, и он *«намечал маршрут — Сочи, Красная Поляна, Перевал, озеро Рица и Псху»*. Вероятнее всего, инициатива этого путешествия исходила непосредственно от монахини Илариины, и, возможно, о предполагаемом прибытии епископа на Псху она рассказывала еще даже до знакомства с ним.

Как бы то ни было, владыка Варлаам не побывал ни на Псху, ни на Красной Поляне и не успел встретиться ни с кем из тамошних монашествующих, кроме приходивших к нему в Заповедное иеромонахов Онисима (Поля) и Арсения (Жорди)¹⁷². Так что трудно сказать, что вышло бы из его путешествия на Псху и как бы его там приняли все, а в особенности схииеромонах Гавриил и схимонах Савва (Румянцев), названные следствием *«руководителями монархической повстанческой организации имяславцев»*.

Здесь сразу следует разъяснить, что термины *«имяславие»* и *«имяславцы»*, как они использовались в следственном деле, не тождественны самому понятию имяславия. Более того, они приобрели четко выраженное политическое значение и применялись ко всем обвиняемым как определение их крайней антисоветчины и контрреволюционной настроенности. Религиозный смысл был отодвинут на задний план.

Сами термины *«имяславие»* и *«имяславцы»* не объяснялись, несмотря на то что они постоянно употреблялись, начиная с самого названия следственного дела и далее практически на каждой его странице: и в протоколах до-

¹⁷² Об этом подробно в главе «Краснополянские скиты» части 1.

просов, и в "Обвинительном заключении"; при этом никакого объяснения им не давалось. Кое-где в материалах дела проскакивало даже наименование "*секты имяславцев*", но опять-таки без каких-либо пояснений.

Лишь в самом начале "Обвинительного заключения" упоминалось "*имяславческое религиозное течение*", но его сущность и история возникновения также не излагались, а только указывалось, что оно появилось «в 1913–1914 годах на Старом Афоне (Турция) и на Новом Афоне (вблизи Сухуми)». Авторы этого документа не углублялись в богословские вопросы, а лишь особо подчеркнули, что это религиозное течение «до Октябрьской революции проводило борьбу в Православной Церкви за обладание своим влиянием, после 1917 г<ода> через свои имяславские группы, разбросанные в горах Черноморья, а также в других округах, становится на сторону белогвардейцев, оказывая им полное содействие», а после разгрома Белой армии продолжило «под флагом религии бороться с Сов<етской> властью как властью антихриста и сатаны — за восстановление монархического строя».

Никаких определений или объяснений "*имяславия*" нет и в официальных протоколах или собственноручно написанных записках фактически всех обвиняемых, за исключением одного протокола допроса схимонаха Саввы (Румянцева). Почему обвиняемые называли себя "*имяславцами*" и в чем было их отличие от остальных православных, никто не говорил, тем более никто не объяснял, что такое "*имяславие*" и в чем суть разногласий с его противниками... Да, очевидно, большинство этого уже и не знало, довольствуясь чисто политическим определением — крайним неприятием советской власти и борьбой с ней, понимаемой многими как идейная или духовная через слово и проповедь (правда, далеко не всеми). Даже сам «руководитель и идеолог» Савва (Румянцев) говорил лишь о «пассивном сопротивлении и терпении до конца». Он, кстати, отказался признать себя руководителем «монархической

организации имяславцев», хотя целиком присоединился к ее политическим установкам в части непризнания советской власти, которая, как он сказал, «является антихристовой и со временем должна быть свергнута».

«Моя политическая платформа базируется исключительно на религиозной почве, и то, что противоречит религии, я отрицаю и не признаю все мероприятия Советской власти, которые идут против религии, и не могу ее признать, как безбожную», — подчеркнул на допросе схимонах Савва. Что касается "имяславия", то он единственный, кто об этом подробно рассказал. Его показание вместе с краткими сведениями о возникновении "имяславия" именно как религиозного течения приведены ниже в *приложении I*.

Из всех обвиняемых, проходивших по делу, кроме Саввы (Румянцева), лишь схимонахи Феодул (Дьяченко) и Иуст (Михайленко) — бывшие староафонские монахи — имели непосредственное отношение к имяславию как религиозному течению, возникшему до революции, но они в отличие от отца Саввы на допросах об имяславии ничего не показывали и заявляли, как и другие обвиняемые, только о своем неприятии антихристовой советской власти. Таким образом, из всех обвиняемых убежденным имяславцем (именно в религиозном смысле) фактически являлся только схимонах Савва, большинство же арестованных на Псху в ряды имяславцев были зачислены следствием лишь по политическим основаниям и, строго говоря, имяславцами не были.

Настоящие же имяславцы были арестованы на Кавказе по другим делам. Материалы этих дел до настоящего времени недоступны, потому и не изучены, но кое-какие упоминания и цитаты из них позволяют составить самое общее представление и выделить действительно главных руководителей имяславия на Кавказе, а также проследить их реальные и мнимые связи с монашествующими на Псху.

Имяславцы на Кавказе

Итак, "имяславческое религиозное течение", возникшее на Св. Горе Афон в начале XX века среди русского монашества, получило распространение и в горах Кавказа. Его появление было связано с богословскими спорами об имени Божиим, которые в свою очередь разгорелись из-за книги кавказского пустынножителя схимонаха Илариона (Домрачёва), о чем подробно изложено ниже в *приложении I*.

«Имя Божие есть сам Бог», — настаивали монахи, назвавшие себя "имяславцами". Несогласных с ними они называли "имяборцами" и обвиняли в ереси и богохульстве. Последние в свою очередь обвиняли имяславцев в ереси и называли их "имябожниками". К 1913 году споры переросли в ожесточенную распрю, вплоть до рукопашных схваток, и привели к серьезному конфликту монашествующих с церковными властями как на самом Афоне, так и в России. В июле 1913 года более восьмисот монахов-"имяславцев" были насильно выдворены из монастырей и вывезены с Афона на военных кораблях российского флота. По прибытии в Одессу они были лишены монашеского звания, облачены в мирские одежды и разосланы "по домам", то есть по месту рождения.

Однако в большинстве своем изгнанные монахи не собирались возвращаться в мир. Да и многим из них, особен-

но престарелым, некуда было возвращаться: на родине, куда их отправляли за казенный счет, им негде было главы преклонить, они бедствовали и лишь по милосердию настоятелей местных монастырей находили себе пристанище. Уезжая со Св. Горы Афон, монахи оставались при своих убеждениях и надеялись либо на свое оправдание и возвращение на Афон, либо на позволение собраться в одном из монастырей в России. Первое, что приходило на ум, — это, конечно, Ново-Афонский монастырь на Кавказе, основанный за несколько десятилетий до этого старцами Свято-Пантелеимонова монастыря (одной из причин, побудивших их заняться устройством новой обители, была вполне реальная угроза изгнания русских монахов с Афона, когда в 1870-х годах особенно обострились их отношения с греками, стремившимися совершенно вытеснить русских со Св. Горы). Понятно, что нынешние афонские изгнанники надеялись найти понимание и уют в основанной афонитами обители на Кавказе. В этом плане интересное свидетельство представляет рапорт директора канцелярии обер-прокурора Св. Синода В. И. Яцкевича от 25 июля 1913 года, ознакомившегося в Одессе с первой группой привезенных монахов:

«Большинство прибывших на пароходе "Херсон" афонцев "имяславцев" настроено враждебно и фанатически. Мне довелось беседовать с благонадежнейшими из них. Крепко стоят за свое упование. Слово "увещание" не действенно для них. Всякий стоит за всех и все за одного. Чувствуется крепкая связь и дисциплина. Идет призыв к единению на Новом Афоне. По рукам афонцев ходило воззвание о сем известного Иринея Цурикова¹⁷³. Возможно скопление имяславцев и по другим местам. Их фанатическая проповедь, при отсутствии надлежащего наблюдения, а главное, убежденного, идущего к сердцу

¹⁷³ Монах Иринея (Цуриков) — бывший певчий Свято-Пантелеимонова монастыря на Св. Горе Афон, один из самых активных имяславцев.

простеца пастырского слова на местах может зажечь и в православной темной русской пастве пламя еретического воодушевления и ревности, потушить которое будет трудно»¹⁷⁴.

В дальнейшем монахи-имяславцы не теряли связи друг с другом, и добивавшиеся в столицах изменения отношения к имяславию поддерживали переписку со многими и оповещали их о ходе дел. Примечательна встреча Валентина Свенцицкого с одним стареньким монахом в Драндском монастыре на Кавказе в июне 1914 года:

«Старый, старый старичок. Глаза печальные, сосредоточенные, личико маленькое, в руках конверт с какими-то бумагами.

— Как ваше святое имечко? — спросил он, низко кланяясь и рукой касаясь земли.

Я сказал. Пододвинул стул и попросил сесть.

— Аминь! — произнес старичок и сел.

Дело было очень простое. Он показал мне извещение Антония Булатовича¹⁷⁵ о прощении афонских монахов и письмо его, в котором говорилось, что возбуждено ходатайство о разрешении поселиться всем изгнанным староафонским монахам в одном кавказском монастыре. Пока разрешение не получено, если некуда приютиться, надо явиться в Москву, к епископу Модесту¹⁷⁶, он назначит монастырь для временного пребывания.

— Как же быть-то? — спросил старичок, не переводя на меня своих печальных глаз.

Я стал объяснять, что монахов действительно простили, что Антоний Булатович хлопочет о своем монастыре, что пока

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 199. V отд. I ст. Д. 80. Ч. I. Л. 503–512 об. // Богословские труды. 2005. № 40. С. 199.

¹⁷⁵ Иеросхимонах Антоний (Булатович Александр Ксаверьевич), один из главных идеологов имяславия. См. о нем подробнее ниже в *приложении I*.

¹⁷⁶ Викарий Московской епархии, настоятель Покровского монастыря, епископ Верейский Модест (в миру Никитин Тихон Николаевич, 1867–1937).

можно жить где угодно, а если негде, надо ехать в Москву, к епископу Модесту — он устроит.

Старичок вздыхал, губы его шевелились, и тихим шепотом он говорил:

— Господи Иисусе Христе... помилуй нас, грешных...

Меня, видимо, и слушал, и не слушал. Я спросил его:

— Вам хорошо здесь жить?

Старичок встрепенулся и быстро сказал:

— Хорошо. Слава Тебе, Господи...

— Не гонят вас и дальше разрешают жить?

— Разрешают... ничего...

— Ну, значит, и живите, пока не решится вопрос о своем монастыре.

Очевидно, он понял. Обрадовался, как ребенок.

— Так и жить, как живу? А потом свой монастырь будет, и соберут нас... Спаси Господи... Спаси Господи...

Он поспешно встал, опять поклонился до земли и вышел»¹⁷⁷.

Действительно, давно ходившие слухи о том, что имяславцы хотят собраться на Кавказе в надежде на поддержку Ново-Афонского монастыря, подтвердились в мае 1914 года публикациями в газетах их официальных прошений о предоставлении им Пицундского скита. Однако к этому крайне отрицательно отнесся настоятель Ново-Афонского монастыря архимандрит Иларион (Кучин). Обеспокоенный напечатанным в газете «Колокол» № 2417 обращением иеросхимонаха Антония (Булатовича), в котором тот просил митрополита Макария ходатайствовать перед государем: «Дабы мы все изгнанники афонские были собраны в скит Пицунду на Кавказ»¹⁷⁸, — архимандрит Иларион 31 мая 1914 года подал

¹⁷⁷ *Свенцицкий В.* Граждане неба... С. 17–18.

¹⁷⁸ Еще накануне 17 мая 1914 года он просил также ходатайствовать об обеспечении их всех долей капитала Пантелеимоновской и Андреевской обителей, хранящегося в России в Государственном банке.

своему епархиальному архиерею Сухумскому доклад, в котором подробно описал, каких трудов стоило Ново-Афонскому монастырю привести в порядок разоренный древний Пицундский храм юстиниановской эпохи и устроить при нем скит. Скудость средств, отсутствие средств сообщения (грунтовой дороги туда нет, а пароходы в Пицунде не останавливаются), малярия...

«Теперь, когда обитель наша в продолжение 29-летних трудов и забот привела Пицунду в подобающий святому месту вид и может рассчитывать на то, что престарелые и недужные из числа братии ввиду уединенного положения Пицунды могли бы найти там мирное и спокойное существование, неужели она святыня будет у нас отнята и передана другим насельникам, чуждым для нашей обители?» — с горечью вопрошал архимандрит Иларион и продолжал далее:

"Для нас по меньшей мере странно требование иеросхимонаха Булатовича с единомысленной ему братией. Стараясь себя обелить после печальных недавних событий на Старом Афоне, они называют себя невинными изгнанниками со Святой Горы Афонской. Но если, конечно, погрешая против истины, допускать и это, то и тогда при чем же здесь наша обитель? Почему именно им Пицунда должна быть передана и куда деваться братии Пицундского скита? Не искать же ей места в других монастырях. Не лучше ли это сделать бывшим "имябожникам". Но, может быть, они желают обособиться от других иночествующих в пустынной обители; в таком случае, если благоволит церковная власть, она может отвести им какой-нибудь из древних кавказских монастырей, ожидающих возобновления: пусть они там сами потрудятся и благоустроятся, как будет нужно"»¹⁷⁹.

Скит не отдали, и в целом никакой поддержки имяславцы на Новом Афоне не нашли. Хотя схимонах Сав-

¹⁷⁹ Забытые страницы русского имяславия: Сборник документов. М.: Паломник, 2001. С. 248–249.

ва (Румянцев) в показаниях на допросе и упоминал, что в Новом Афоне тоже произошел раскол на имяборцев и имяславцев и братья-имяславцы были изгнаны, как и на Старом Афоне, данных о том, чтобы оттуда действительно уходили или тем более были изгнаны монахи-имяславцы, на сегодняшний момент нет. То, что какая-то смута там все-таки была и, возможно, было разделение, свидетельствует письмо архимандрита Илариона (Кучина) от 3 июня 1914 года архиепископу Никону, где он также просил оградить Пицундский скит от «посягательств "имябожников"» и помимо незаконности этих посягательств отмечал: «Да и кроме того, на стороне имябожцев въяве стоял в среде иночествующих весь беспокойный элемент. И если они попадут в положение торжествующих да поселятся в соседстве с нами, для обители нашей будет неминуемая крайняя беда, так как притихшие их сторонники опять поднимут свой голос».

Несмотря на то что никакого монастыря имяславцам на Кавказе отведено не было, часть из них все-таки "обособились" на пустынножителство в горах. Вероятно, об одном из первых таких поселений и свидетельствуют показания на допросе схимонаха Саввы (Румянцева) на вопрос следователя, как он попал на Кавказ: *«Оставшись не у дел, я, как и другие монахи-имяславцы, выехал на родину к своему брату Румянцеву, у которого прожил около года, от кого, не помню, получил письмо, что наши братья-имяславцы, изгнанные из монастырей как Старо-Афонского, так и Ново-Афонского вблизи Сухуми (где также произошел в 1913 году раскол на имяборцев и нас — имяславцев), концентрируются в Медовеевских скитах Сочинского района. Имея эти данные, я выехал в Медовеевские скиты».*

К приезду туда отца Саввы (в первой половине 1914 года) там уже было, по его словам, человек 10–20 знакомых ему по Старому Афону монахов-имяслав-

цев. На допросе он назвал Патрикия (Белых), Семена (Шишкина), Исайю (Соловьева), с которыми он и остался жить в одном скиту. Позднее начали приходиться имяславцы со всех концов страны и, как он показал, «находили себе приют в наших скитах и там же обосновывались на жительство». При этом речь шла о скитах во множественном числе, так что, по-видимому, это были отдельные поселения; но о подробностях их устройства отец Савва ничего не показал. Можно предположить, что это были такие же убогие избы-келии, как у схимонаха Даниила (Бондаренко) под горой Ачишхо или у отцов в Медовеевке, которые описаны в воспоминаниях В. Д. Пришвиной и в письмах отца Арсения (Корди)¹⁸⁰. Следует отметить, что в воспоминаниях Пришвиной нет ни слова об имяславии; и отцы Медовеевского скита, с которыми был связан отец Даниил и у которых они побывали в 1926 году, к имяславцам не принадлежали.

Вероятно, «Медовеевские скиты» как понятие растяжимое, включало в себя различные монашеские поселения, расположенные по горам в большом радиусе вокруг села Медовеевка¹⁸¹. Так, и схимонах Савва свидетельствовал об этом в своих показаниях: «К концу окончания империалистической войны в Медовеевских скитах сконцентрировалось имяславцев и имяборцев до 60–70 человек». После Гражданской войны имяславцев вместе с мирянами было уже около ста человек,

¹⁸⁰ См. в части 1. Глава «Краснополянские скиты».

¹⁸¹ Медовеевка, или Медовеевские Поляны, — небольшое селение в глухом горном углу Сочинского округа Черноморской губернии, расположенное между реками Чвижепсе и Медовеевка, относилось к Краснополянскому поселковому совету. Название «медовеевцы» происходит от названия местного абазинского населения «медозюй». В конце XIX века здесь был образован переселенческий участок «Медовеевские поляны», в 1903 году самостоятельное сельское Медовеевское общество, в нем на начало 1917 года числилось 224 человека.

и все они, будучи монархистами, как сказал отец Савва, крайне отрицательно отнеслись к революции, когда был свергнут помазанник Божий.

«Все мы, в том числе и я, Сов<етскую> власть считали и считаем как власть антихриста, посланную Богом в наказание русскому народу, и считаю, что с этой властью необходимо вести борьбу путем проведения а<нти>с<оветской> агитации: что Сов<етская> власть является властью безбожия и антихриста, и она народу несет гибель и нищету», — твердо заявил он на допросе. На основании своих убеждений, по словам отца Саввы, во время Гражданской войны все они, имяславцы, находились на стороне белых, *«власть которых защищала религию»*. Однако конкретной помощи не оказывали, а продовольствием *«снабжали как белых, так и красных»*, то есть отдавали хлеб всем к ним приходящим и просящим и тем более требующим...

По окончании Гражданской войны, когда в скитах собралось уже много монашествующих, встал вопрос о духовном руководителе. До этого, по словам схимонаха Саввы, духовного руководителя у них не было, *«идейное же руководство имяславией исходило от архимандрита Давида, с которым был связан указанный выше Патрикий Белых, который фактически и являлся руководителем Медовеевских скитов вплоть до 1922 года»*. По просьбе Патрикия архимандрит Давид с согласия братьев Григоровичей *«выписал»* в Медовеевские скиты из Бабук-Аула иеромонаха Феофилакта; фамилии и мирского имени его отец Савва не знал, и к 1930 году его уже не было в живых.

Тогда же, в 1922 году, *«по прибытии его в Медовеевскую пустынь все руководство перешло в его руки. Вскоре была выстроена церковь, или, вернее, молитвенный дом, каковая существовала на нелегальном положении. Помимо совершения богослужения, в этом молитвенном доме устраивались нелегальные собрания, на них*

обсуждались вопросы помимо чисто религиозных и политические, например, обсуждался вопрос о признании Советской власти. Общее собрание, на котором были местные жители, фамилий их не помню, вынесло такого рода постановление: "Сов<етскую> власть, как власть антихриста, — не признавать, и эта власть является властью насилия и угнетает народ и религию". В это же время было постановлено, что с этой властью необходимо путем агитации вести борьбу за власть монархии, которая защищает религию».

Не совсем ясно, что это были за собрания. Отец Савва называет их нелегальными и при этом говорит, что велись они под председательством отца Николая (фамилии он не знал) при секретаре Харлампии Труше¹⁸² и, очевидно, с ведением протоколов (упоминал, что не знает, где они находятся). Поскольку присутствовали и местные жители, возможно, речь шла о собраниях селян. Обсуждались и вопросы, как относиться к общественным организациям, кооперации, комитетам обществ взаимопомощи (КОВ). Разумеется, *«всегда выносилось решение о том, что в таковые не вступать и их игнорировать»*.

В июле 1922 года Патрикий (Белых) выехал в Москву к архимандриту Давиду (Мухранову)¹⁸³ с докладом, как показал отец Савва. По пути он заехал в Туапсе к Макаровскому, пробыл у него несколько дней и после этого поехал не в Москву, а в Темные Буки Крымского райо-

¹⁸² Труш Харлампий Иванович, родился в 1882 году в Полтавской губ. Получил начальное образование. В начале 1920-х находился в Сочи, без определенных занятий. 24 мая 1927 года арестован «за распространение клеветнических слухов о скорой гибели Советской власти, призывал к неподчинению постановлениям органов Советской власти». 2 сентября приговорен к 3 годам концлагеря.

¹⁸³ Один из главных афонских имяславцев, бывший насельник Андреевского скита, с 1914 года проживал в Москве.

на — «для руководства монархической к<онтр>р<еволюционной> ячейкой имяславцев, которых там находилось до 40 душ», судя по записи в протоколе допроса, и далее там же отмечено, что, очевидно, поездка Патрикия (Белых) в Москву была отложена по «*директивным указаниям*» Давида, которые Макаровский получал от него непосредственно.

После этого «*Медовеевская организация "имяславцев"*» установила регулярную связь с «*темнобуковскими*». Отец Николай частенько выезжал в Туапсе к Макаровскому и в Темные Буки к Патрикию (Белых), а Макаровский приезжал в Медовеевку из Туапсе, останавливаясь всегда у отца Николая (о чем они вели разговоры, отец Савва не знал). В 1923 году по приезде Макаровского прошло общее собрание, на нем «*в абсолютном большинстве присутствовали монахи-имяславцы медовеевских скитов*», обсуждался вопрос «*о дальнейшей тактике организации в борьбе с Советской властью*», но какие еще вопросы обсуждались, отец Савва не помнил.

Неясно, о ком из Макаровских шла речь. Их было двое братьев — старший Григорий (в монашестве Георгий) и младший Федор. До революции они вместе со сводными сестрами стали учредителями Иверско-Алексеевской обители под Туапсе. В 1904 году по благословению старца Софрония (в миру Сергея Швецова) семья Макаровских переехала из Екатеринодара и поселилась на купленном ими в лесной глуши участке земли¹⁸⁴.

¹⁸⁴ Как отмечалось в одном из документов по делу Иверско-Алексеевской обители, составленном в 1916 году: «Здесь Макаровские занялись любимыми ими подвигами благочестия и усердной обработкой своего глухого и заброшенного участка. Пример их высоконравственной, мирной, благочестивой жизни, авторитет старца Софрония, бывшего питомца Оптиной пустыни и ученика Великого Старца о<тца> Амвросия, и его поразительная способность влиять на души ищущих спасения стали все более

Через несколько лет на свои средства они построили монастырь, в 1910 году Синод официально утвердил Иверско-Алексеевскую женскую общину, и в ней было уже более 50 насельниц. Епископ Сухумский Димитрий освятил обитель и церковь, постриг в малый рясофор Мавру Макаровскую с наречением ей имени Мариам и по единодушному избранию сестер утвердил ее в должности начальницы общины.

«После официального учреждения Иверско-Алексеевской общины старший брат <Григорий> Макаровский ушел в обитель, а младший, Федор Михайлович Макаровский, в качестве юрисконсульта, заведующего канцелярией и рабочими по просьбе и благословию обласкавшего его Димитрия Сухумского остался при общине, безвозмездно и самоотверженно посвящая благоустройству св. обители все свои способности и силы»¹⁸⁵.

В дальнейшем братьев Макаровских постигли большие скорби: по доносу и клевете была отстранена и удалена из обители матушка Мариам и еще несколько старших сестер — основных вкладчиц обители, а также старец Софроний. Федор Макаровский за поддержку

и более привлекать сюда ревнителей благочестия... Скоро собралась большая духовная семья, настолько единодушная, единомысленная и тесно связанная взаимной искренней любовью, что казалось, у всех у них была одна душа, всеми глубоко уважаемый старец, и одно сердце, горячо любимая Матушка-Устроительница, одна из сестер Макаровских — Мавра, пользовавшаяся всеобщим, безграничным уважением» (Государственный архив Краснодарского края. Ф. 468. Оп. 2. Д. 279. Л. 45–48 а. «Канцелярия губернатора Черноморской губернии», «Приложение к докладу статского советника А. М. Трофимова об Иверско-Алексеевской женской пустыни» // Бабич Александр. Дело об Иверско-Алексеевской женской обители. — URL: <http://www.proza.ru/2016/08/26/854>).

¹⁸⁵ Бабич Александр. Дело об Иверско-Алексеевской женской обители. — URL: <http://www.proza.ru/2016/08/26/854...>

и помощь насельницам обители, возмущившимся такой несправедливостью, также оклеветанный, без всякого суда (лишь по требованию епархиального начальства) был сослан в Нарымский край, где пробыл почти год до сентября 1915 года. Там он зарекомендовал себя по-прежнему человеком безупречной честности и благочестия; примечательны свидетельства, выданные Федору Макаровскому на руки в Колпашево¹⁸⁶, где он пользовался уважением населения, как и ранее в Туапсе.

Недаром его избирали в уполномоченные города, когда уже начались гонения на обитель, а по возвращении из ссылки утвердили в должности помощника городского старосты. В 1916 году, когда был начат пересмотр дела, около ста человек разных сословий «единогласно засвидетельствовали о Макаровском только одно хорошее, честное, идейное, высокое», как указал 12 января 1916 года миссионер-проповедник Ставропольской епархии Н. Розанов в своем отзыве, от себя написавший следующее:

«Федор Михайлович Макаровский известен мне как человек высокорелигиозный, преданный Святой Православной Церкви, серьезно и умело защищающий Её священные устои

¹⁸⁶ Приведем текст удостоверения, выданного Ф. М. Макаровскому священником Петропавловской церкви села Колпашево Нарымского края:

«25 сентября 1915 г<ода>. Колпашево, Нарымский край.

Причт Петропавловской церкви села Колпашево считает долгом справедливости засвидетельствовать, что Федор Михайлович Макаровский со дня прибытия своего в село Колпашево Нарымского края 13 декабря 1914 года неопустительно посещал все богослужения даже и в будничные дни, принимая активное участие в отправлении богослужения в клиросном пении и чтении. Долг исповеди и причастия исполнял во все посты. Отличаясь в частной жизни скромностью и благоповедением, Макаровский показал себя ревностным сыном православной церкви, с твердыми убеждениями истинно русского человека. Священник М. Виноградов. Псаломщик Анатолий Паршак» (ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 279. Л. 42).

и догматы; как сын Великого Русского Отечества, любящий Самодержавного Государя Императора и Его Государственный закон и Царственное Правосудие; как трезвый, в высшей степени честный, идейно благородный, чуждый всяких антирелигиозных и антигосударственных учений и партий человек в лучшем значении этого высокого слова»¹⁸⁷.

Так же хорошо о нем отозвался священник Николай Смирнов села Архипо-Осиповка, благочинный 3-го Черноморского благочиннического округа Сухумской епархии, в письме от 2 июля 1916 года:

«В ответ на заданные Вами вопросы о личности Ф. М. Макаровского и по делу Иверско-Алексеевской общины имею честь почтительно заявить следующее: на службе Церкви, Царю и Родине я состою около 28 лет; за это время много мне приходилось сталкиваться с людьми разных положений и направлений и иметь с ними всякие деловые сношения и т<о-му> п<одобное>.

И сколько за этот солидный период времени мне ни встречалось людей, из всех их, — утверждаю иерейской моей совестью и совершенно беспристрастно, — личность Федора Михайловича Макаровского выделяется как личность высокорелигиозная — сознательно, примерной нравственности и преданности до положения живота своего Церкви, Царю и Родине; личность энергичная и безусловно честная, деловитая во всех отношениях. О! Как бы я желал на своем жизненном пути побольше встретить таких выдающихся, благородных и дельных людей, служащих непреодолимую крепостью наших святых устоев — Православия, Самодержавия и Народности, экономического блага и всякого порядка»¹⁸⁸.

Показательна характеристика, данная Ф. М. Макаровскому сельским старостой Г. Волковым, по долгу

¹⁸⁷ Бабич Александр — URL: <http://www.proza.ru/2016/08/26/854...>

¹⁸⁸ ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 279. Л. 11–11 об.

службы обязанным следить за поведением ссыльных: «Вообще Макаровский, представляя собою исключение из всех ссыльных, как верный слуга Государя и примерный христианин, производит приятное впечатление и благотворное влияние, что и удостоверяется»¹⁸⁹.

Справедливость должна была восторжествовать, и пересмотр дела был близок к завершению, особенно после посещения обители в начале января 1917 года князем Н. Д. Жеваховым. Уполномоченный Св. Синодом, в должности товарища обер-прокурора, князь провел расследование и собирался по возвращении в Петроград сделать специальный доклад по делу Иверско-Алексеевской общины¹⁹⁰. Но не успел... Грянула революция, и князь вместе с другими царскими министрами был арестован, а Синод нового состава делом Иверско-Алексеевской обители не занимался, и она оставалась в прежнем состоянии.

О судьбе ее основателей сведения очень скудные. Игуменья Мариам (Макаровская) не была возвращена в обитель¹⁹¹; где она проживала после революции, точно неизвестно. По кратким сообщениям, полученным Туапсинским музеем из Краснодарского архива Управления ФСБ, матушка Мариам (в миру Мавра Степановна Макаровская, 1870 года рождения, из мещан города Екатеринодара) была арестована 23 марта 1929 года в

¹⁸⁹ ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 279. Л. 16.

¹⁹⁰ В его воспоминаниях есть подробное описание приезда в Туапсе и дознания, проведенного по делу Иверско-Алексеевской общины (Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода Н. Д. Жевахова. Т. 1. Мюнхен, 1923).

¹⁹¹ По списку монахинь Иверской обители на 2 марта 1925 года: игуменья Екатерина Ивановна Мужецкая, 17 монахинь, 43 послушницы. Кроме того, в обители проживали — 1 епископ, 1 иеромонах, 1 монах, 1 послушник и 1 живописец (ГАКК. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 82. Л. 92-92 об. // *Бабич Александр*. Указ. соч. — URL: <http://www.proza.ru/2016/10/13/1422...>).

Крымском районе в местечке Псебепс¹⁹², очевидно, она проходила по одному из групповых дел кавказских имяславцев¹⁹³; обвинялась в организации имяславческой монархической группировки. 8 июля 1929 года была приговорена к расстрелу, согласно Акту о расстреле, приговор был приведен в исполнение 17 июля 1929 года.

О братьях Макаровских известно следующее: старший Григорий, принявший монашество под именем Георгий, после революции проживал у младшего брата Федора в Туапсе, а позднее ушел в Медовеевские скиты, где посвящен в схиму; в мае 1927 года там был арестован и выслан в Казахстан на 3 года. О дальнейшей его судьбе сведений нет, как и о судьбе брата Федора, неизвестно даже, когда тот был арестован и к чему приговорен. В показаниях схимонаха Саввы есть информация о братьях Макаровских, но до их арестов.

Прежде всего отец Савва подробно рассказал о так называемом "съезде", проходившем в июне 1924 года на даче Макаровских вблизи Туапсе. Этот "съезд", по версии следствия, *«имел идейное влияние на укрепление и объединение контр<евolutionционной> монархической организации имяславия и развитие имяславия на Кубани и Черноморье»*. Ему предшествовал приезд монаха Ириней (в миру Цурикова Иродиона Федоровича), направленного из Москвы архимандритом Давидом с целью урегулирования какого-то разногласия, возникшего между ним и схимонахом Георгием (Макаровским) по религиозному вопросу (в чем была сущность разногласия, отец Савва не знал).

Монах Ириней (Цуриков) по пути в Туапсе заехал в Темные Буки, затем приехал в Медовеевку. *«По прибытии в Медовеевскую пустынь он остановился у отца*

¹⁹² Несуществующий ныне хутор Псебепс в районе станицы Гладковской.

¹⁹³ Об этом подробнее ниже.

Феофилакта, у которого пробыл около 3 дней, какие с ним вел беседы и разрешал вопросы, я не знаю, но на 4-й день его пребывания по его директиве было созвано общее нелегальное собрание скитников, на котором были избраны делегаты на нелегальный съезд в г<ород> Туапсе», — показал схимонах Савва. От Медовеевских скитов послали его, монаха Харлампия (Труша) и монаха Николая, фамилию которого Савва не знал. Помимо их делегации, «на съезд прибыли от Кубанского, Армавирского округов Григорович Павел, он же Федор, в прошлом полковник, от Темных Буков — Патрикий, он же Белых Петр Васильевич, Макаровская Мавра, она же Мариамна, Таусия, она же Пелагея, Луговская, Кузьминская и кто-то еще из женщин, фамилии коих не припомню, и от Москвы Цуриков Ириной. Помимо этого в работе съезда принимал участие Макаровский Федор и прибывший на 2-й день работы этого съезда Малько Семен, якобы от Медовеевской пустыни, но я такого до съезда не знал и с ним по Медовеевке не был знаком».

Открывал съезд и председательствовал схимонах Ириной (Цуриков), секретарем был схимонах Георгий (Макаровский). Первым вопросом стояло обсуждение письма Макаровского архимандриту Давиду. Содержание письма схимонах Савва не знал, поскольку, по его словам, оно не было объявлено, но «все недоразумения были улажены мирным путем и особо острых разногласий у нас не было». Больше он ничего не показал и только добавил, что по разрешении этого вопроса на третий день съезда они с Харлампием (Трушем) уехали в Медовеевскую пустынь. Оставался монах Николай, как и все остальные, для решения других вопросов, но каких, Николай по возвращении не сообщил.

После съезда медовеевские насельники стали, по словам отца Саввы, более агрессивно проявлять себя по отношению к советской власти. Осенью 1926 года, когда Краснополянским сельсоветом им было предложено по-

лучить документы, удостоверяющие личность, так как до этого они никаких документов не имели, на собрании они решили никаких документов не брать и составили петицию; она примерно сводилась к следующему: *«Мы, пустынные Медовеевских скитов, Советскую власть как власть антихриста не признаем и считаем законной властью власть монархии, которая защищает религию, поэтому от всяких документов антихристовой власти, власти насилия отказываемся и их получать не будем».*

С этой петицией, подписанной всеми пустынноиками-имяславцами, под руководством отца Николая и схимонаха Георгия (Макаровского) группой около тридцати монахов отправились на Красную Поляну и вручили петицию председателю сельсовета. Тот сказал, что она будет направлена в район и по ее рассмотрении о полученных результатах им сообщат. После этого они вернулись в скиты, и до марта 1927 года их не тревожили. *«В марте было объявлено, что мы должны явиться в Краснополянский сельсовет для регистрации. На эту регистрацию как я, так и другие имяславцы явились. После этой регистрации прошел слух, что нас будут арестовывать. От кого этот слух исходил, я не помню, желая избежать неприятности, т<о> е<сть> ареста, я вместе с Поповым Иларионом покинул Медовеевскую пустынь и ушел на Псху»,* — показал отец Савва.

Впоследствии он узнал, что все имяславцы Медовеевских скитов были арестованы и высланы, в том числе и схимонах Георгий (Макаровский). Отец Савва слышал, *«что они отказались от получения документов и устроили шествие с пением "спаси Господи люди Твоя" из Медовеевской пустыни до города Сочи, по приходе в таковой все в количестве 47 человек были арестованы и высланы».*

Очевидно, после этого открытого выступления имяславцев последовали не только их аресты, но и изгнание

всех остальных монашествующих в окрестностях. Об этом сообщал иеромонах Арсений (Корди) в своем письме летом 1927 года:

«Незадолго перед Троицею разогнали скит и других монахов и монашенков-пустынниц нашего района. Прогнали куда угодно из леса и глухих гор, а также и тех, которые жили у селений на положении поселян».

В приписке к письму отец Арсений упоминал о публикации в газете заметки о монахах-имяславцах, очевидно, ставшей для властей достаточным основанием для арестов и изгнаний монашествующих:

«Эта заметка — полная клевета и сплошная ложь. Монахи-имяславцы нам прекрасно известны и знакомы. Суждение наше об этих монахах беспристрастно, так как мы им совершенно не сочувствуем, т<ак> к<ак> они совершенно отличились от Церкви. Во-первых, даже число монахов и монахинь неправильно: монахов было 30, а монахинь — 8. Потом, монахи были очень строгой и чистой жизни и имели хорошие отношения с поселянами. Монахов-имяславцев прогнали прежде кавказских пустынников. Пустынников же прогнали совершенно безо всякой вины»¹⁹⁴.

Арестованные монахи-имяславцы были отправлены в Новороссийск и во время следствия содержались там в тюрьме. 7 сентября 1927 года ими был подписан обширнейший документ — ответ на опубликованное в "Известиях" 19 августа 1927 года «Обращение Временного Патриаршего Синода» (известную декларацию от 16/29 июля митрополита Сергия). Помимо крайне резкой и многословной критики этого, как монахи-имяславцы с самого начала написали, «лживого обращения, полного лжи, грубого обмана и взаимных противоре-

¹⁹⁴ *Архимандрит Арсений Корди*. Письма. Из архива Е. Д. Арманд. — URL: http://krotov.info/history/20/1920/1929_kordi...

чий» и в целом отступничества иерархии Русской Православной Церкви¹⁹⁵; после по обыкновению витиевато и многократно повторяющихся в разных вариациях обличений имяборчества и дальнейшего отступничества, они призывали к ревности по Бозе, которой так отличались истинные христиане, особенно в первые века, и прямо излагали свою позицию:

«Вот этот-то огонь, это горение Божественной любви, паче же пламень ревности, и заставляет гонимых и преследуемых христиан восходить на пылающие костры и грозные эшафоты, как на царские троны. И в данном случае вызванное новым насилием нашей религиозной совести горение повлекло нас, слабых и хилых, на подвиги христианского исповедничества.

Это же непреодолимое требование совести заставило пишущих эти строки оставить свои тихие келии и насиженные безмолвные пустыни и с открытым лицом прийти к своим притеснителям в Сочинское ОГПУ и заявить им лично, устно и в пространном письменном заявлении: "Ваши нестерпимые издевательства над величайшими святынями христианского

¹⁹⁵ Начало всех бед они видели в том, что иерархия похулила имя Божие. Имяславцы назвали кощунственным учение, представленное как определение Синода в № 20 «Церковных ведомостей» от 18 мая 1913 года, где архиереи «опубликовали и преподавали всем членам Церкви российской богохульное учение, в котором Всемогущее Имя Божие или Собезначальное Отцу и Духови Слово, приявшее плоть от Девы, низвели на степень человеческого вымысла, и приравнявши Его к фикции и географическому меридиану, назвали Его предметом реально ни духовно, ни материально несуществующим...». За эти хулы и постигли, по мнению имяславцев, всю Русскую Церковь переживаемые потрясения. Но иерархи вместо покаяния пошли еще дальше по пути отступничества: «И вот эти пастыри Христовы открыто и гласно в 1913 году отреклись от Сладчайшего своего Искупителя в Имени Слове, ныне уже отрекаются прямо от Него самого (по их антропоморфической имяборческой логике)» (Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 138, 142).

духа, Ваши дерзкие притеснения нашей религиозной совести и неслыханное издевательство над христианским самосознанием понуждают нас, а Ваши законы о свободе религиозной совести и вероисповедания — дают нам право прийти к Вам и искренне заявить Вам, что ввиду того, что Вы объявили Бога врагом, а религию дурманом, то мы никак не можем, и совесть не позволяет нам принять от Вашей Богопротивной и Богоотступнической власти удостоверения личности, навязывающие умолчанием христианского и обозначением звания согражданина безбожников-социалистов-коммунистов замену нашего драгоценнейшего звания христианского — презренным и враждебным Богу званием сограждан врагов Божиих, а снабжением этого удостоверения символическими знаками своего герба, выражающего Вашу богоборную идеологию, включающего нас в разряд сообщников идолопоклонства или приношения венка символическому изображению идола Вашего, враждебного Богу плотского разума или мудрования, который есть определенная вражда на Бога. И если Вы, во исполнение Ваших же законов, не желаете дать нам законной в нашем православном отечестве свободы христианского исповедания, то в таком случае нам не милы ни наши сладкие пустыни, ни умиляющая тишина уединенных келий. Чувство горькой обиды насилия религиозной нашей христианской совести и самосознание или ревность по поруганной Славе Божьей снедает нас, и поношение поносящих объяло нас (Пс. 4), и нам при помощи благодати Божией легче будет терпеть всевозможные удручения Ваши и пытки, заключения мрачных темниц и сырых подвалов, скудость света, воздуха, воды, пищи и свободы, и все невзгоды, тяжесть и тугу узилищ — была бы у нас спокойная совесть, которую Вы отяготили нестерпимыми узами Ваших нравственных насилиий. Имея же долг исповедовать Имя нашего Сладчайшего Искупителя и не устыжаться ни сего, ни исповедания Его живоносных слов пред родом сим, прелюбодейным и грешным, т<о> е<сть> пред Вами, Богоотступниками, не боясь убивающих тело, души же немогущих убить (Мф. 10, 28–33), мы открыто исповедуем похищаемое Вами у нас Сладчайшее

Христианское звание, как Имя Христово на нас нареченное; исповедуем и Его Божественное учение и от всякого общения с Вами, а тем более соучастия в Вашем согражданстве, через принятие удостоверения со знаками, — отрекаемся, как от скверны и мерзости, как от чумы или страшной заразы, ибо, объявивши себя врагами Божьими и противниками Христа, Вы справедливо назвали себя антихристами, от которых мы, по долгу христиан, вседушно отметаемся, как и их враждебного Богу мудрования, которое они противопоставляют нашей Богооткровенной вере.

Мы не прятались, не скрывались от Вас, действуя из-за угла, но никому же нас понуждающе, добровольно, охотно пришли к Вам, чтобы или получить свободу вероисповедания, или, по крайней мере, освободить свою совесть от тяжестей того нравственного бремени, которым является одно только умолчание и не обличение Вашего Богоборства"...»¹⁹⁶.

Далее они напоминали о грозных карах Божиих и призывали отступивших от Бога оставить свое нечестие и с покаянием возвратиться к Отцу Небесному... И как своего рода постскриптумом заканчивали: «Советскую власть нельзя назвать Божьей потому, что она хулит Имя Божие и отвергает бытие Божие», — и добавляли ссылки на слова св. Исидора Пелусиота о незаконно восхитившем власть и отца Иоанна Кронштадтского о самодержавной власти как законной и Богом установленной.

Подписали этот документ целый ряд монашествующих: «по просьбе и доверию 18 монахинь» расписался схимонах Макарий (Зенин Михаил Иаковлевич)¹⁹⁷; он же расписался и за схимонахов Мартиниана (Белоконя) и Евфрасия (Клопотова). Далее подписи: схимонаха Георгия (Макаровского) и еще более десяти монахов. Зе-

¹⁹⁶ Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года... С. 155–156.

¹⁹⁷ Бывший монах Манассия (Зенин).

нин и Белоконь — бывшие постриженники и насельники Св. Горы Афон, одни из самых деятельных имяславцев. Схимонах Мартиниан (Белоконь) в списке 19 главных зачинщиков указан под первым номером, и в начале 1914 года игумен Пантелеимонова монастыря дал ему такую характеристику: «Самый первый распространитель имябожной ереси, который возбудил все дело, обвинив иеромонаха Алексея Киреевского, схимонаха Хрисанфа (Ильинского скита) и других старцев в ереси»¹⁹⁸.

В "Книге памяти Краснодарского края" указан год рождения Мартиниана (Белоконя) — 1842-й. Если это верно, то на момент ареста, а значит, и выступления отцу Мартиниану было 85 лет! Вероятно, поэтому его и приговорили не к высылке, а только к лишению права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове и Киеве. Почти все остальные, кроме Харлампия (Труша), приговоренного к 3 годам концлагеря, были высланы. Так и схимонах Георгий (Макаровский) приговорен к 3 годам высылки в Казахстан; его брата Федора среди арестованных не было. Возможно, он оставался в Туапсе, и именно о нем шла речь в одном из писем епископа Варлаама (Лазаренко). Отвечая на письмо одного из своих священников, епископ предупреждал его:

«Имябожники разделяются на несколько толков, и некоторые из них не признают Патриарха Тихона и всей иерархии, некоторые признают, но все они осуж-

¹⁹⁸ «Он все время вел деятельную агитацию в пользу своего еретического мудрования. Он же в декабре 1912 года в скиту Фиваида собрал самочинный собор своих единомышленников, на котором было утверждено еретическое мудрование и преданы анафеме архиепископ Антоний (Вольнский), схимонах Хрисанф (Ильинский) и все не принявшие их нового учения» (Доклад архимандрита отца Мисаила, игумена Пантелеимоновского монастыря // Забытые страницы русского имяславия: Сборник документов. М.: Паломник, 2001. С. 164).

дены Синодом, и до снятия с них этого осуждения мы не можем входить с ними в общение, поэтому и вы воздерживайтесь допускать их к себе в общину, я на это никому благословения не давал. Эти люди вносят раздоры в Церковь. Разница между иеромонахом Макарием и Макаровским очень велика. Макарий находится на службе у меня и в молитвенном общении с Православною Церковью и законной иерархией, а Макаровский никого и ничего не признает, кроме своего вымысла. Поэтому смешивать их не надо»¹⁹⁹.

Письмо датировано 1929 годом, очевидно, самым началом. Весной-летом этого года черноморскими чекистами была проведена операция по ликвидации так называемой «*повстанческой к<онтр>р<еволюционной> организации кавказских имяславцев*», возглавляемой братьями Григоровичами; и среди главных ее руководителей наряду с Григоровичами назван также Федор Макаровский, правда неизвестно, был ли он арестован вместе с Григоровичами. Материалы этого дела на сегодняшний день недоступны и не изучены, и о нем можно судить только по косвенным упоминаниям в других делах. Так, в "Обвинительном заключении" рассматриваемого в этой главе дела «*имяславцев в долине Псху*» наряду с «*Медовеевской группой*» в числе «*махровых к<онтр>р<еволюционных> организаций*» упоминается и организация имяславцев под руководством братьев Григоровичей, задавших целью «*под флагом религии бороться с Сов<етской> властью как властью антихриста и сатаны за восстановление монархического строя*».

«Для осуществления этой цели идеологи имяславского движения на Северном Кавказе — братья ГРИГОРОВИЧИ (организация которых была ликвидирована

¹⁹⁹ Архив УФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-54881. Полностью текст письма приведен в приложении I к части 1.

в 1929 г<оду>) к началу 1924 г<ода> создали ряд имяславско-монархических групп, объединенных в организацию в 24 населенных пунктах Кубанского, Майкопского, Армавирского и Черноморского округов с основным центром организации на Бабук-Ауле (Чер<номорский> округ), находящемся у Главного Кавказского хребта. Число членов колебалось в этих группах от 5 до 80 человек, причем на Бабуке сконцентрировалось до 1000 человек».

Далее подробно излагалась информация о "съезде" «подпольных имяславско-монархических групп» в 1924 году на даче Макаровских, в основном по показаниям схимонаха Саввы. И результаты работы этого "съезда" преподносились как завершение работы по объединению имяславческих групп: «В итоге съезд законной властью признал власть монарха-царя, а Советская власть объявлялась властью антихриста и сатаны, которая должна "при помощи Бога и истинных христиан" быть свергнута, причем все члены организации призывались противодействовать всем мероприятиям Сов<етской> власти и активной борьбе против таковой. Последующее время, вплоть до 1929 года, организация проводила весьма интенсивную работу в части подготовки вооруженного восстания против Сов<етской> власти». «Медовеевская подпольная группа весной 1927 года устроила открытое контрреволюционное выступление, т<о> е<сть> демонстративно со всеми членами, с хоругвями и с пением "спаси, Господи, люди твоя" явились в гор<од> Сочи (районный центр), открыто призывая не подчиняться Советской власти, вследствие чего в том же году и была ликвидирована; монархическо-повстанческая организация, возглавляемая братьями Григоровичами, накануне организации ими вооруженного восстания в 1929 г<оду> была также ликвидирована».

Об организации братьев Григоровичей упоминалось и в материалах следственного дела «Всесоюзного центра

ИПЦ» 1931 года²⁰⁰. В "Обвинительном заключении" по этому делу отдельный раздел документов так и был озаглавлен: «*Повстанческая к<онтр>р<еволюционная> организация кавказских имяславцев*», и начинался он так:

«Братья ГРИГОРОВИЧИ Петр и Павел, бывшие офицеры. Один из них бывший полковник, другой бывший штабс-ротмистр. Возглавляемая организация своим влиянием охватывала ряд округов Северного Кавказа...

Монархическая сущность организации "имяславия" подтверждается рядом обнаруженных при обыске документов и показаний самих обвиняемых. Руководитель организации полковник ГРИГОРОВИЧ Петр заявляет: "Вокруг нас, как бывш<их> офицеров, с одной стороны, и как руководителей "имяславия", с другой, сгруппировались соответствующие элементы из монархически настроенного казачества. Сам я неоднократно на допросе заявлял, что я убежденный монархист, и объяснял идею монархизма и другим имяславцам"».

То же самое говорит организатор и идейный вдохновитель организации штабс-ротмистр ГРИГОРОВИЧ Павел: "Мы монархисты, ибо требует учение нашей церкви, наш взгляд на революцию в России как на явление антихриста, и мы учили русский народ возвращению монархии как защите истинного православия. Созданная мною организация являлась монархически-имяславческой"²⁰¹.

²⁰⁰ Дело «*Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-Православная Церковь*». Об этом деле подробнее: Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский. Жизнеописание и труды. СПб.: Кифа — М.: Братонез, 2011; «Тайный» епископ Серпуховской Максим (Жижиленко). Сподвижники его и сострадальцы. Жизнеописания и документы. М.: Братонез, 2014.

²⁰¹ Дело «*Всесоюзного центра ИПЦ*». ЦА ФСБ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 685–686.

Павел Григорович — действительно бывший военный, штабс-ротмистр драгунского полка. Выйдя в отставку после военной службы в 1908 году, он поселился на Кавказе в районе Красной Поляны, по его словам, «для занятий духовной жизнью». В 1912 году поехал на Св. Гору Афон в качестве паломника, невольно оказался свидетелем и участником имяславческих споров, помогал иеромонаху Антонию (Булатовичу) в работе над его "Апологией" имяславия. В 1913 году, покинув Св. Гору вместе с вывозимыми монахами, намеревался вернуться на Кавказ, как он сказал, «на прежнее место своего скитальства — Красная Поляна». Если он действительно вернулся в район Красной Поляны, то Медовеевские скиты возникли не без его участия.

О Григоровиче упоминал в своем известном сборнике материалов о новомучениках протопресвитер Михаил Польский. Так, он писал, что Павел Дометич Григорович, дворянин, помещик и ротмистр из Киевской губернии, стоял во главе группы имяславцев, монахов-подвижников:

«По призыву в Армию он был на войне 1914 года и после ее окончания в революцию вернулся в Кавказские горы и носил имя Пантелеимон²⁰². Составитель этой книги был с ним лично знаком, как и с другими имяславцами, потому что в 1918 г<оду> во время гражданской войны и власти белых на Кубани у кубанских миссионеров (среди которых был и он) состоялось несколько совещаний с имяславцами в целях примирения их с Православной Церковью в догматическом споре об имени Божием. Был выработан целый ряд догматических положений, которые и были подписаны обеими сторонами. Имяславец монах Мефодий был законно рукоположен в иеромонахи для бывших имяславцев и отправлен к ним в горы. Но вскоре

²⁰² Возможно, это было монашеское имя Петра Григоровича — родного брата Павла, поскольку в материалах следственного дела Павел Григорович именуется «*отцом Федором*».

между ними произошел спор. Отец Мефодий остался верен выработанным православным положениям и покинул горы, но в дороге на одной из станций был арестован и расстрелян большевиками»²⁰³.

В дальнейшем никаких переговоров уже не велось, и отношения между имяславцами и остальными православными были довольно натянутыми, а в некоторых местах даже явно враждебными. Вот свидетельства монахини Сергии (Клименко), в 1927–1929 годах подвизавшейся в скиту Покровского монастыря в урочище Темные Буки:

«На отрогах Маркотхского хребта²⁰⁴ поодаль от нас была община имябожниц, с ними был духовный их отец иеромонах Патрикий, игуменья и 22 монахини. Имябожники дерзали называть себя имяславцами, а нас, православных, "имяборцами", то есть якобы борющимися против имени Господня... Характерной особенностью имябожников была лютая ненависть к православному духовенству; они набрасывались на наших батюшек, рвали им рясы, поджигали их кельи, приводили к дверям их жилищ милицию. И все это делали, творя вслух Иисусову молитву! Вот так поглумился враг над именем Божиим!»²⁰⁵

Из воспоминаний монахини Сергии не ясно, делали ли это их "соседки" по урочищу Темные Буки или кто-то еще, поскольку она пишет о том, что целые станицы были охвачены расколом, «пошли откровения о том, что

²⁰³ Польский Михаил, протопресвитер. Новые мученики Российские: в 2 ч. Ч. 2. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). М.: Светлячок, 1994. С. 248.

²⁰⁴ На северо-западной оконечности Большого Кавказа, окаймляет Новороссийскую бухту.

²⁰⁵ Монахиня *Сергия (Клименко)*. Минувшее развертывает свиток... С. 6, 8.

якобы голубь вылетел из Православной Церкви, и она осталась без благодати...» Что касается непосредственно впечатлений самой монахини Сергии, то они таковы:

«Помню, как-то раз в нашей пустыньке встали мы по обычаю в 3 часа ночи на молитву. Вдруг раздался треск среди лесной тишины: это несчастные фанатички вздумали глухой ночью, зимой, ломать ограду нашего огорода. Зачем? Видимо, им так было "открыто". Мог ли это предполагать старец Иларион? О его кротости и незлобии много ходило рассказов...»

Старец Иларион — это схимонах Иларион (Домрачёв), автор книги "На горах Кавказа", из-за которой разгорелись споры на Афоне. Он считался основателем пустыньки²⁰⁶, и как писала монахиня Сергия о нем:

«Умер там в 1916 году и похоронен под часовней, в которой и совершались богослужения. Сам отец Иларион никогда не мог предположить, во что выльется его учение: когда до него дошли вести о том, что произошло из-за его книги на Старом Афоне, то это его привело в глубокую скорбь»²⁰⁷.

²⁰⁶ Его добродетель, казак Николай Кириллович Губин предложил ему поселиться на принадлежащем ему участке в 4 верстах от Горного разъезда, когда старец упомянул, что ноги ослабели, а его келья была высоко в горах.

²⁰⁷ Так и схимонах Даниил (Бондаренко) писал, что, узнав о событиях на Афоне и запрете на свою книгу, старец испытывал великую скорбь: «Не о книге скорбел он, что она запрещена, а о том, что его признали виновником смуты афонской. В этой скорби он вспомнил предсказания карульского старца, который сказал ему, что при кончине дней твоих постигнет тебя великая скорбь. И в 1915 году старец Иларион мирно скончался там же в пустыне, в Темных Буках близ Новороссийска. Около могилы его населились монахини, а над могилой устроили небольшую часовню, в которой совершается Божественная литургия. Здесь верующие приносят Господу теплые молитвы, в которых поминают и старца, да не лишит его Господь Своего милосердия, и душа его во благих водворится» (Близ заката... С. 113).

В дальнейшем, по свидетельству монахини Сергии, гонения от имябожников вынуждали многих православных монашествующих уходить из урочища Темные Буки в более глубокие пустыни.

«Из-за нестроений прекратились богослужения в часовне, под которой покоился отец Иларион. Православных становилось все меньше... Батюшка наш должен был скрываться, оставив келью, где жил отдельно с послушником. Его преследовали и имябожники, и обновленцы».

1 марта 1929 года монахиню Сергию и остальных пять насельниц пустыньки выгнала милиция, о чем она позднее вспоминала так:

«Мы получили приказ "очистить площадь в 24 часа". Мы буквально катились по снегу... Скатились мы с гор в ближайшую станицу-аул Гладковскую, где жила мать послушницы Елены в своем доме...»

Об изгнании своих "соседок" по Маркотхскому хребту монахиня Сергия рассказала следующее:

«Интересно поведение имябожниц: когда и к ним пришла милиция с приказом о выселении, то они во главе со своим духовником Патрикием оказали сопротивление — в ответ на вопрос об именах они, вообразив себя мученицами первых веков, отвечали гордо: "Христианка!" — и имен не называли; вообще вели себя вызывающе, обличали, и в результате все были уведены в краснодарскую тюрьму»²⁰⁸.

Выводы монахини Сергии могут быть необоснованными, и тех монахинь скорее всего пришли не выгонять, а именно арестовывать, поскольку как раз в то время началась ликвидация *«повстанческой организации имяславцев»*. Духовник Патрикий — это, несомненно, Патрикий (Белых), о котором показывал схимонах Сав-

²⁰⁸ Монахиня Сергия (Клименко). Указ. соч. С. 9–12.

ва и который принимал участие и в "съезде" 1924 года, и во всех других «*организационных мероприятиях имяславцев*». В упомянутой главе о «*повстанческой организации кавказских имяславцев*» его имени нет, но это не значит, что он не проходил по этому делу. Поскольку известно, что игуменья Мариам (Макаровская) была осуждена за организацию «*имяславческой монархической группировки*» и арестована именно в марте 1929 года в районе станицы Гладковской (то есть, очевидно, в урочище Темные Буки), то скорее всего там же арестовали и Патрикия (Белых); вернее, арестовали их вместе с другими монахинями скита. О том, что Патрикий был арестован в урочище Темные Буки, на допросе упоминал и схимонах Савва. Правда, он еще сказал, что там были арестованы и братья Григоровичи. Это вполне возможно, поскольку, как уже указывалось, между скитами и общинами связи поддерживались постоянно.

Сейчас трудно установить точное количество и местоположение имяславческих общин. Это можно будет сделать, если удастся когда-нибудь изучить все их следственные дела. Пока же из доступного и известного на сегодняшний день материала явствует, что в 1920-х годах монашеские поселения были разбросаны на довольно обширной территории в глуши гор по обеим сторонам Кавказского хребта: со ставропольской стороны — хутор Солёный, Мощевая Балка; с кубанской — практически вдоль всего Черноморского побережья: от Маркотхского хребта, в урочище Темные Буки, далее к долине реки Шахе — от Бабук-Аула до Медовеевки и Красной Поляны (иногда всю эту горную местность называют собирательным именем "Монашеские Поляны", где еще до недавнего времени можно было найти следы прежних поселений — развалины келий, кресты, вырезанные на деревьях, и тому подобное). Что касается событий в Абхазии — в долине Псху и районе озера Рица, то об этом будет изложено ниже.

Скорее всего братья Григоровичи были арестованы в Бабук-Ауле. Об этом есть свидетельства в "Обвинительном заключении" по упомянутому выше делу «Все-союзного центра ИПЦ», где Бабуку уделено особое внимание. Он представлен как своего рода командный пункт имяславческой организации, военизированное поселение, где каждый казак имел винтовку, где был создан специальный "Совет двенадцати" и «насажде-на сеть наблюдательных постов с сигнальными приспособлениями». В качестве доказательства приведены показания обвиняемых:

«Когда мы, имяславцы, заметили, что власть нами интересуется, то по распоряжению ГРИГОРОВИЧА Павла и "Совета двенадцати" стали принимать меры предосторожности, в смысле выставления наблюдательных постов и посылки в Салох-Аул бабучан-имяславцев, главным образом из наших, с целью узнать, не приехал ли кто-либо из советских работников и агентов ОГПУ»²⁰⁹.

«Для наблюдения за подступами к Бабуку был учрежден, кроме сторожевых хаток над тропой, еще и условный телефон у самого Бабука. На этот случай, если посты не заметят, здесь у входа в Бабук уж наверняка часовой заметит. Делалось это так: из самого входа в Бабук у подъема от речки Головинки сидит часовой, от него протянута веревочка во двор КОМИССАРОВА Павла, члена "Совета 12", здесь у колокольчика тоже часовой. Вот при появлении постороннего первый дергает за веревочку, звонок звонит, и второй часовой бежит предупредить о том, чтобы кому нужно скрылись»²¹⁰.

²⁰⁹ Из показаний члена «Совета 12», Семена Шарапатина. Обвинительное заключение // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 691.

²¹⁰ Из показаний Алексея Бондаренко. Обвинительное заключение // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 691.

Бабук-Аул в настоящее время несуществующее селение Лазаревского района в верховьях реки Шахе. О его истории сведения весьма скудные. В разного рода географических справках обычно приводятся данные о том, что это бывшее убухское селение, на его месте в самом конце XIX века возник переселенческий поселок, а в 1910-х годах сюда переселились старообрядцы казаки-некрасовцы; после революции в конце Гражданской войны они переходили в другие места и продавали свои дома отступавшим с Кубани белым офицерам с семьями (скорее всего казакам); и последние уже в 1929–1930 годах были выселены принудительно²¹¹. Как все это происходило, конечно, никто не знает, и никаких данных об этом нигде нет. Судя по упомянутому следственному делу, началось это с крупномасштабной военной операции, но как она проходила, кто был арестован... опять-таки неизвестно. Составить полную картину происходившего будет возможно только после того, как станут доступны материалы следственного дела. Пока же приходится довольствоваться только разрозненными сведениями, по крупицам собираемыми из отдельных цитат.

Вероятно, в Бабук-Ауле или в окрестностях были и монашеские поселения, так как еще в 1922 году братьями Григоровичами был послан оттуда в Медовеевку духовник иеромонах Феофилакт. Самого Павла Григоровича обвиняемые называли руководителем и старцем, некоторые упоминали его монашеское имя Федор (хотя протопресвитер Польский называл его Пантелеимоном). В "Обвинительном заключении" приведена выдержка из одного воззвания Павла Григоровича как самая яркая характеристика «погромно-черносотенной агитации "имяславцев"», которую они вели среди населения станиц.

²¹¹ В дальнейшем в Бабук-Ауле был и колхоз, и совхоз. Сюда заселяли добровольцев, но из-за отсутствия дорог и удаленности все распалось... Последние его жители были переселены в ближайшее село Салох-Аул в 1981 году.

«Уже в начале революции, когда в заплombированных вагонах были доставлены в обреченную на политическую смерть страну предтечи антихриста ЛЕНИН и БРОНШТЕЙН, русский народ с остервенением бросился разрушать православие... Каким же темным и бессмысленным оказался бедный русский народ, что так легкомысленно доверился словам заведомо наглых мошенников и вымогателей. Красная армия под сатанинской звездой, созданная из твоих сынов, служит тем, кто обокрал родину, разрушая их богатство, избивает и усмиряет тех русских, которые не умеют выдержать глумления над родиной и отечеством и встают против поработителей».

После этого приведены подробные показания одного из обвиняемых «как развездного агента организации»: «Будучи проповедником "имяславия" и организатором групп, я, как уже показывал на предыдущих допросах, объезжал и проводил беседы. На этих беседах мне очень много задавалось разных вопросов присутствующими на них гражданами. В частности, очень многие задавали мне вопросы о том, какое положение должны занять имяславцы в случае объявления войны или других каких-либо политических осложнений и должны ли они с оружием в руках встать в ряды против Сов<етской> власти и бить эту власть с тыла. На это я им отвечал, что скоро (не позже 33-го г<ода>) начнется война. Будут наступать на Россию все эмигрировавшие за границу войска при поддержке иностранных держав. Война будет жестокая и кровопролитная, каких еще не было на белом свете. В этой войне против Сов<етской> власти мы должны принимать участие с оружием в руках с благословения нашего старца и руководителя отца Федора, т<о> е<сть> ГРИГОРОВИЧА Павла»²¹².

В этой борьбе надеялись на поддержку казачества, особенно, как отмечено в следственном деле, станиц:

²¹² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 687.

«Переправной, Лабинской, Надежной, Владимирской, Безлинеевской, Курганной, Ахметовской, Мало-Тингинской и др<угих>»²¹³. А «в качестве готовой вооруженной силы и мяславыц намеревались использовать бывших политических и уголовных бандитов». В "Обвинительном заключении" особое внимание уделено связям с «антисоветскими бандами», в частности с есаулом Никитой Козловым, связь с которым так настойчиво приписывали епископу Варлааму и надумывали несуществовавшие их встречи и контакты²¹⁴. Но здесь связи были более реальными. Согласно показаниям ряда обвиняемых, Никите Козлову постоянно помогали продовольствием и патронами, «устраивая для этого нелегальные сборы по станицам»; но особо ценными для него были постоянная поддержка местными его отряда и своевременное предупреждение о появлении в горах чекистов: «Кроме оказания помощи банде продовольствием и патронами, члены мяславческой организации доносили главарю банды КОЗЛОВУ о месте нахождения сотрудников ГПУ, оперировавших против этой банды, что подтверждается показаниями того же БОНДАРЕНКО Алексея»²¹⁵.

Заканчивается глава о кавказской организации мяславцев доказательством их подготовки к «самостоятельному выступлению», о чем показал один из руководителей, монах Павел (Попов): «Наша задача — препятствовать уплате налогов, проведению коллективизации, хлебозаготовок, потому что успешное проведение этих мер укрепляет Сов<етскую> власть, которую мы не признаем. Считая, что одним массовым саботажем всех этих мероприятий мы конкретного не добьемся, так как для уничтожения Сов<етской> власти нужны более действенные меры и, в частности, вооруженное восстание, наша орга-

²¹³ Из показаний Манжулина // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 3.

²¹⁴ См. часть 1.

²¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 690.

низация монахов-"имяславцев" считает для себя вполне приемлемым этот метод борьбы. Я считаю, что при современном положении, когда страна находится в тупике, крестьяне, а главное, казаки озлоблены мероприятиями Сов<етской> власти, которые сильно бьют по экономике, — этот момент назрел как нельзя более кстати. Колхозы и хлебозаготовители сделали то, чего не могла сделать самая интенсивная агитация против Сов<етской> власти. Мы определенно считаем, что, поскольку момент назрел, о чем свидетельствуют антиколхозные выступления в ряде сел и станиц, концентрация в бандах, недовольных Сов<етской> властью, вооруженные восстания в Чечне, Дагестане и Кабарде, мы считаем возможным поднять восстание против Сов<етской> власти под лозунгом борьбы с антихристом-сатаной, поскольку все крестьяне и казачество, по моему убеждению, являются религиозными, а также монархически настроенными. Этот лозунг будет наиболее понятен для крестьянства, а застрельщиками в этом отношении будут наши "имяславские" группы, разбросанные по станицам Сторожевой, Хадыженской, Солёной и др<угим>». «Эта организация была ликвидирована накануне ее выступления. Восстание должно было начаться по получении ячеек организации условного знака — креста с надписью: "сим победиши"»²¹⁶.

Наряду с ликвидированной организацией братьев Григоровичей в "Обвинительном заключении" по центральному делу «Всесоюзного центра ИПЦ» упоминалась такая же «монархически-повстанческая по характеру организация имяславцев в местечке Псху». Ее главным руководителем был назван схимонах Савва (Румянцев), но ни о нем, ни о самой организации в целом ничего сказано не было, а лишь упомянуто о решении ее руководителей активизировать подготовительную рабо-

²¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 692.

ту среди населения станиц после объявления крестового похода папой римским, о чем показал один из обвиняемых, Викторин (Беляев):

«Политической целью нашей организации являлось возвращение на престол династии РОМАНОВЫХ и восстановление всего величия Православной Церкви. Конечно, мы не рассчитывали свергнуть Сов<етскую> власть своими силами и особенно воспряли духом, когда папой римским был объявлен крестовый поход. Нашей мыслью, поданной Гавриилом и Саввой, было: всем членам организации выехать в станицы Кубани, Майкопа и др<угие>. Перевести центр поближе к этим округам (предполагался один из пунктов Черноморского берега) и вести соответствующую подготовительную работу среди населения, как организационного, так и агитационного характера».

В материалах непосредственно самого дела о «монархически-повстанческой по характеру организации имяславцев в местечке Псху» все изложено уже подробно. Ключевым моментом, по версии следствия, стало появление на Псху в 1927 году схимонаха Саввы, скрывшегося от арестов при разгроме Медовеевской имяславческой организации. И хотя, как отмечалось, к тому времени на Псху уже вполне «оформилась и проявляла к<онтр>р<еволюционную> деятельность монархически-имяславская повстанческая организация», именно схимонах Савва (Румянцев) придал ей более решительный характер и направил к конечной цели — «свержению Советской власти»²¹⁷.

²¹⁷ «Прибыв на Псху в 1927 году, Савва связывается с руководящим составом организации, в частности со схииеромонахом Гавриилом, схимонахом Мисаилом и другими и, как видный идеолог имяславия, становится одним из руководителей данной организации, направляя деятельность таковой к конечной цели — свержению Советской власти».

Здесь особо были подчеркнуты связи схимонаха Саввы с другими имяславческими организациями, и в частности с организацией братьев Григоровичей. Несмотря на то что сам отец Савва отрицал эти связи, как и свою руководящую роль и в целом какую-либо активную *«повстанческую»* деятельность, виновным он был признан, как и все остальные обвиняемые, причем в *«Обвинительном заключении»* почти все они названы *«имяславцами»* (за исключением черкесского кулака Лиева Азиса Лиевича, *«завербованного в организацию руководителем ячейки Дьяченко Федотом, он же схимонах Федул»*). Все остальные участники, заклеянные следствием как *«кулаки»*, прибывшие на Псху после разорения из станиц Ставрополя и Кубани в период 1928–1930 годов, а также местные, не говоря уже обо всех монахах и иеромонахах, проходили по следственному делу именно как *«имяславцы»* — участники *«монархической повстанческой организации»*.

Структура и деятельность этой организации в материалах дела изображалась по привычной схеме. Организация строилась *«по иерархическому принципу»* — руководящий центр в лице схиеромонаха Гавриила и схимонаха Саввы (Румянцева), от которых исходили указания руководителям отдельных ячеек, живущим по хуторам в долине Псху, а также находившимся на озере Рица. В их состав входили не только монахи, но и весь *«бежавший от Советской власти с 1924 по 1930 г<од> к<онтр>r<еволюционный>, белогвардейский, монашеско-имяславский, бандитский и кулацкий элемент, не мирившийся с советскими законами и активно борющийся против Сов<етской> власти»*²¹⁸.

²¹⁸ Этот *«элемент»* главным образом *«бывшие»*, перечислен подробно. Недаром в обиход советской юриспруденции он прочно вошел уже как термин — *«бывшие люди»*: *«Бывшие белые офицеры, постригшиеся в монахи для большей конспирации, бывшие помещики и дворяне, члены ликвидированных монархическо-имяславских организаций (Бабук-Аульской и Медовеевской групп), бродячие монахи, бывшие попы, кулаки, бежавшие от раскула-*

Кроме ячеек в горах, были перечислены «*монархические ячейки*» в станицах и селах Северного Кавказа:

- 1) село Винодельное Ставропольского округа;
- 2) станица Сторожевая Армавирского округа;
- 3) станица Кугнорская Кубанского округа;
- 4) город Майкоп;
- 5) станица Хадыженская Майкопского округа;
- 6) станица Кардоникская Армавирского округа;
- 7) станица Ивановская Невигномысского округа;
- 8) станица Подгорная Кубанского округа;
- 9) станица Славянская Кубанского округа.

«Число членов ячейки насчитывалось от 5 до 20 человек, причем в состав таковых входили монахи-имяславцы, кулацкий и белогвардейский элемент. С этими ячейками руководящий центр организации на Песху поддерживал регулярную живую связь через связистов»²¹⁹.

«Для разрешения тех или других вопросов, связанных с внутренней жизнью организации, а также выработки мероприятий по вопросу о проведении агитации против Сов<етской> власти, тактики и методов борьбы против таковой регулярно созывались совещания руководителей ячеек, коим давались директивы в отношении к<онтр>р<еволюционной> работы».

«Политическая платформа организации» была «монархической», и на ее основании, по версии следствия, как уже указывалось, организация готовила «свержение Советской власти вооруженным путем для возвращения монархического строя». «Для достижения этой цели организация через своих разъездных агентов

чивания, бывшие хвостиковские и козловские бандиты, бывшие торговцы, жандармы и полицейские, фальшивомонетчики и за последнее время — бандиты из ликвидированных в нац<иональных> областях повстанческих банд» (Т. I. Л. 324, 538; Т. II. Л. 71, 94, 235).

²¹⁹ Т. I. Л. 325; Т. II. Л. 142, 146, 147, 169, 238, 247, 251, 262.

и пропагандистов, а также подпольной резидентуры, находившейся в наиболее крупных станицах, где имеется значительное количество реакционного казачества, систематически проводила агитацию с призывом борьбы против Сов<етской> власти».

Столь опасную для советской власти «контрреволюционную организацию» должны были незамедлительно обезвредить. На основании поступивших сведений в Черноморский окружной отдел ОГПУ было возбуждено уголовное дело, и оперативники сразу же приступили к операции. Как сказано в "Обвинительном заключении": «В целях ликвидации деятельности вышеуказанной монархическо-повстанческой организации имяславцев в апреле м<еся>це с<его> г<ода> было произведено изъятие таковой, и руководители, а также члены организации были привлечены к уголовной ответственности».

Ликвидационная операция на Псху и на озере Рица

1. Доклад партгруппы

Следствие по делу «монархической повстанческой организации имяславцев, действовавшей в долине Псху и озера Рица», было произведено так же оперативно, как и по делу епископа Варлаама, даже еще более ускоренными темпами — в конце апреля 1930 года начались аресты, а через два месяца уже было предъявлено "Обвинительное заключение". В соответствии с убийственными обвинениями последовали и жестокие приговоры: в октябре 1930 года более трети обвиняемых были расстреляны, остальные отправлены в концлагеря с 10-летним сроком.

Материалы по этому делу необычны, так как помимо привычных допросов включают в себя «Доклад парт<ийной> группы по обследованию и оздоровлению партийной советской работы в селении Псху». Как сказано в предисловии к этому докладу: «Группа, выделенная обкомом КП(б) в составе т<оварищей> Бобовникова А. Ф. (обком), Алеханова (Сух<умский> исполком) и Половнева Ивана (редакция "Советская Абхазия") выехала вместе с оперативными работниками 20 апреля». Почему-то не назван «товарищ Малания»,

заместитель председателя ЦИК Абхазии, но его подпись стоит первой под текстом доклада и, очевидно, он возглавлял группу.

«Тщательное обследование работы» сельского совета с 1921 года и других организаций (избы-читальни, школы и крестьянского комитета), проведенное этой группой, *«выявило безотрадную картину экономического и политического состояния Псху»*.

Подробнейшее его описание и составляет содержание доклада. Во многом этот доклад использован при составлении "Обвинительного заключения". Но в отличие от совершенно чекистского стиля последнего при всей своей тенденциозности этот доклад не лишен определенной объективности.

Экономическое и политическое состояние села Псху 25 IV—1930 года

«Село Псху разбито на 8 хуторов, а именно: Псху, Ригдза, Бетага, хутор Лакоба, Водопад, хутор Серебряный, Агурипта и Санчарский...»

Население — в 1906 г<оду> — 3 семьи, в 1921 году — 60 дворов, в 1922–1923 годах — 63 двора (300 чел<овек>), в 1924 году прибыл на жительство 121 чел<овек>, в 1925 году — 65 дворов с числом 330 душ, в 1926 дворов — 73, в 1927 году — 78, в 1928 году — 80 семейств, с 1928 по 1930 год прибыло 214 человек, из них 188 монашествующих, в 1930 году имеется 95 семейств с числом населения 480 человек».

«Селение Псху отстоит от уездного центра гор<ода> Сухума на 85 км, от других населенных пунктов в 50–70 км глубоко в горах и долине, окруженной двумя перевалами Доу и Санчерским, соединяющими Абхазию с Кубанскими округами (Красная Поляна) и Ставропольскими округами, а также с горными соединениями»

внутри Абхазии, так, из Псху идет тропа на Гагры, Новый Афон, Сухум и Ажары.

Географическое положение (узел 6 дорог) делает селение Псху одним из крупных стратегических пунктов и местом, достаточно удаленным от культурных и административных единиц Советского Союза, куда стекаются все лица, не могущие ужиться с революционными законами Советской власти (попы, монахи, бандиты и контрреволюционеры, кубанские казаки, белогвардейцы и т.д.), и, с другой стороны, в летнее время на Псху значительное количество кадров проходит советских и иностранных туристов. Находясь у подножия двух больших перевалов, вечно снеговых, селение бывает доступнее в летние месяцы для пешего прохода, в остальные 6 месяцев Псху изолируется от всего мира снеговыми покровами и холодами, и только редкие смельчаки-охотники отваживаются перебраться через перевалы зимой.

Изолированность от других населенных пунктов, слабое общение между собой местных жителей привели к тому, что все село Псху с хуторами, насчитывающимися на 1930 г. <од> 80 дворами с 480 жителями, растянуто на расстоянии 20 верст в долине, несмотря на то что в Псху живет исключительно русское население, привыкшее к более близкому расположению дворов и участков. Отдаленность участков друг от друга, замкнутость в своем индивидуальном хозяйстве наложили особый отпечаток на общественное отношение и на закрепление советских форм на селе. До сих пор в селе нет ни одной общественной организации, за исключением сель<ско>го совета да недавно образованного крест<ьянского> ком<итет>а. За все время существования селения Псху не было ни одного собрания молодежи, собрания бедноты, не проведено ни одного массового революционного праздника. Многолюдное членство насчитывается в религиозных общинах-сектах — 90–95 %».

"Общинами-сектами", очевидно, названы отдельные скиты, которые, кроме монахов, посещали и местные жители. «Да, это страна монахов», — констатировал корреспондент "Советской Абхазии" и об этом подробно с негодованием написал. Не говоря уже об «агитационной монашеской литературе», то есть о богослужебных и духовно-назидательных книгах и брошюрах, которые в изобилии можно найти в каждом крестьянском доме и которые вместо газет читали местные жители, а «псхуская молодежь вместо веселящих песен» распевала акафисты и духовные стихи (некоторые из них корреспондент цитирует как образцы «антисоветской пропаганды»), члены комиссии обратили внимание, что даже внешний быт крестьян носит отпечаток монашеского духа.

Так, когда вечером они вышли прогуляться на широкую, как поле, улицу села, то один из них обратил внимание на стоявшие у каждого двора скамеечки:

«Два столбика, забитые в землю, на них дощечка. Точь-в-точь для одного. На Украине у каждой крестьянской хаты саманные завалинки во всю стену. По казачьим станицам над заборами лежат бревна, сади на них хоть две полные свадьбы — общинный быт. В Ялте на пристани скамеечки классической работы, точь-в-точь для парочки, и расставлены так, чтобы не слышен был шепот одной влюбленной пары другой, быт романтический. Здесь широкий двор и у каждого двора скамеечка, как в насмешку, больше одного не сядет. Это быт отшельника-монаха.

— Да, даже внешность пропитана этикой братьев в черных колпаках.

— А ведь верно, другого решения вопроса для скамейки не найти».

А другой член комиссии с возмущением рассказал, как увидел утром, что зашедшая в один двор монашка, на которую бросилась здоровенная лохматая собака,

остановила эту собаку, по его словам, когда начала двигать руками и *«производить над собакой какие-то магические действия»*. Очевидно, монахиня крестила ее и молилась.

«И что вы думаете, — восклицает коммунист, — собака съёжилась, вильнула хвостом и пошла дальше. Это черт знает что! Ей-богу, здесь повальный психоз, и им заражены не только люди, но и собаки»²²⁰.

Религиозный характер села особо отмечен в докладе: как выразились его составители, *«религиозный психоз наложил свой отпечаток на всю жизнь села — борьба с кооперацией, крест<ьянскими> ком<итет>ами, школой как бесовскими организациями, общественные выборы пономаря, общественное самообложение на содержание попов, наделение землей и принятие монахов в члены общества, привлечение их на общественные работы и проч<ее>»*.

За исключением сельского совета, в селе не было ни одной общественной организации, что, по словам авторов доклада, *«указывает на крайнюю политическую отсталость населения, вызванную, с одной стороны, слабостью руководства со стороны центральных органов Абхазии и, с другой, политически-антисоветской работой белогвардейцев, кулаков и монахов, обильно стекающихся со всех концов СССР. Сель<ский> совет с 1923 года являлся только ширмой, где антисоветские элементы проводили свою политику. Если пересмотреть руководящий состав сельсовета с 1921 года, то увидим следующее»*. И далее следует перечень имен с подробной характеристикой их как бандитов, белогвардейцев, завершающийся выводом: *«С 1921 по 1929 год сель<ским> советом руководила зажиточная кулацкая верхушка села под прямым руководством попов и белых»*.

²²⁰ Половнев И. Страна Псху. Сухум: Абгосиздат, 1931. С. 42–43.

В качестве примеров приведены: выборы на общем собрании пономаря Саввы Погуляева с обязательным освобождением от всех повинностей и наделением его землей; получение иеромонахом Феодосием, служившим в сельской церкви, общественного жалованья — так, в 1921 году он писал в ревком просьбу денежное жалованье заменить ему мукой и солью. И такие ходатайства повторялись все следующие годы. *«Сельсовет помимо обложения в пользу попа еще и покупал церковные вина для причащения».*

В 1928 году иеромонах просил земли для постройки дома с двумя комнатами и земли под огород. Его ходатайство дословно приведено в докладе. Начинается оно так: *«Я покорнейше прошу сель<ский> совет и Псхуское общество ходатайствовать перед Советской властью».* К этим словам сделано особое примечание: *«Феодосий чувствовал, что Псхуский сель<ский> совет не является действительно Советской властью».*

Далее следуют документы из Сухумского исполкома, показывающие, что земельный отдел *«разрешал отводить земли попу из общественного фонда»* и *«строить целые поселения монахов на кладбище».* *«Сух<умский> исполком в вопросе борьбы с монашеским засилием и влиянием вел двойственную политику, с одной стороны, предлагал выселить всех попов и монахов с фондовых земель и не принимать в члены земельного общества (отношение от 15 апреля 1928 года), с другой стороны, бьет отбой и сообщает Псхускому сель<скому> совету... что по отношению выселения попов и дьяконов Зем<ельный> отдел распоряжения не давал».*

«Такую же помощь монахам стало оказывать и Сухумское лесничество, которое своим отношением от 26 апреля 1929 пишет: "вследствие того, что монахи Абакумов Ипатий Павлович, Демин Макарий и Антоний приписаны к обществу, то впредь до выяснения этого вопроса в Нарком<ат>е зем<леделия> — выселе-

нию временно не подлежат, по выяснению этого вопроса Вам будет сообщено. Лесничий — Введенский". Конечно, никаких дополнительных сообщений лесничество не прислало, ибо это не имело никакого отношения к лесничеству, а явилось только попыткой задержать выселение монахов, т<о> е<сть> прямая поддержка монахов».

Когда же выселение монахов из фондовых земель стало фактом и монахи старались остаться на Псху хотя бы в качестве работников, то Сухумский исполком прислал служебную записку, в которой указал, что крестьяне имеют право нанимать монахов в свои хозяйства. В сельский совет посыпались заявления граждан с просьбами дать им монахов в качестве работников.

В целом земельному вопросу в докладе посвящена отдельная глава, и, как в ней отмечено, этот вопрос «является одним из главных, где политика советского правительства грубо и преступно нарушалась: земли разбирались, где кто хотел и сколько хотел, в результате чего земельными участками владело не только коренное население, но и монахи, и кубанские кулаки-казаки, и даже лица, ничего общего не имеющие с землей (Гейно, Маркович, монахи и попы). Советский закон о национализации земли не стал еще достоянием граждан селения Псху, земли продавались и покупались с ведома и согласия сельсовета и оформлялись "купчими условиями"».

«Установлены случаи, когда приезжие граждане занимают тот или иной участок, раскорчевывают его, а потом сообщают уже совершившийся факт, что он уже раскорчеван... Прием в члены общества являлся делом легким, стоило написать заявление: "настоящим прошу Вашего ходатайства о приеме меня в члены общества селения Псху, так как природные условия, а также климатические вполне соответствуют моему здоровью"». На подобные заявления следовало решение — принять.

«Содружество сельсовета с монахами, попами приводит к тому, что отдельным монахам, помимо келий на кладбищах, разрешается приобретать участки с постройками, взимать с них аренду, привлекать их к общественной повинности, принимать в члены земельного общества». Далее перечислялись монахи, наделенные землей, причем иеромонах Викторин Беляев, например, занял участок на имя агронома В. В. Марковича и приобрел этот участок по доверенности. *«Когда в газете "Советская Абхазия" от 17 августа 1928 г<ода> появилась статья "Монах-арендатор", в которой указывалось на фиктивность приобретения участка Марковичем, то Беляев и Маркович нажали на все пружины и восстановили старое положение, причем гражданин Маркович прислал официальное заявление из Москвы от 15 октября 1928 г<ода>, гласящее: "одновременно мною передана доверенность на заведование моим участком близ села Псху отцу иеромонаху Викторину Беляеву впредь до моего приезда, который задерживается неотложными делами, почему прошу Сель<ский> совет не препятствовать заведованию участком Беляеву".*

Гражданин Маркович на своем фиктивном участке не был, а просто использовал свое служебное положение ученого-профессора для закрепления монашеской оседлости. Сельсовет, получив столь авторитетное заявление гр<аждани>на Марковича, сразу успокоился и только через полгода, 8 апреля 1929 г<ода>, за № 203 Сель<ский> совет запрашивает Зем<ельный> отдел, можно ли покуситься на участок Марковича, где фактически 4 года живет монах Беляев, и "пользуется ли он особыми льготами как научный работник, не раз командированный в заграничные командировки". Эта боязнь тронуть научного работника существовала до выселения всех монахов с фондовых земель, и только после этого принципиального решения Зем<ельный>

отдел пишет: "удалить с участка гр<аждани>на Марковича монаха Беляева"...»²²¹.

В докладе еще много страниц с отрицательной характеристикой всех остальных сторон жизни села Псху: *«Народное образование в зачаточном состоянии... Из 80 детей школьного возраста школу посещало, и то в течение 76 дней в году, только 10–20 учеников, остальные по религиозным предрассудкам (имяславцы) родителями не допускались, мешала посещению также отдаленность расположения хуторов от школ».*

Отмечалось в докладе отсутствие культурно-просветительской работы. Изба-читальня хотя и существовала, но не было никаких лекций, бесед, кружков, никакой работы с молодежью, единственное, что сумел избач, — это провести распространение 3-го займа индустриализации на 325 рублей.

Также отмечено среди населения «отсутствие веры в медицину», а также отсутствие медицинского пункта, за что жесткой критике подвергся опять-таки Сухумский исполком. *«Если Маркович и Нарком<ат> зем<леделия> помогали монахам селиться на фондовых землях, то Нарком<ат> здрав<оохранения> помогал губитель-*

²²¹ Ученый Маркович — профессор-ботаник Василий Васильевич Маркович (1865–1941), долголетний директор Сухумской опытной станции. В 1921 году он тайно принял монашеский постриг в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре. С 1925 года работал в Ленинграде во Всесоюзном институте растениеводства. Был командирован для сбора различных субтропических культур в Палестину, Индию, на Яву и Цейлон. Виделся и беседовал о церковной ситуации и, в частности, об отношении к декларации митрополита Сергия 1927 года с архиепископом Анастасием (Грибановским), возглавлявшим Русскую миссию в Палестине. Арестован в 1932 году, приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в Карлаг. По ходатайству академика Вавилова переведен в Дмитровлаг. В 1937 году освобожден, жил без пенсии, оказался в оккупации. После возвращения советской власти как неблагонадежный был выслан на Север, где и погиб.

ной агитации монахов, отказывая открытию фельдшерского пункта...»

Подробнейше было описано в отчете отсутствие партийно-комсомольской работы: *«За все время существования Советской власти в Абхазии партийное влияние и руководство на селе Псху не распространялось: ни одного инструктора обкома КП(б), обкома комсомола или Сухумского комитета партии не было. За все время приезжали в 27–28-м г<одах> два инструктора Сух<умского> исполкома (Алеханов и Сливин), других работников каких-либо учреждений на Псху не помнят. Коммунистов-комсомольцев в селе нет и не было. Сейчас имеется один член КП(б) с 1919 г<ода>, приезжий, зав<едующий> избой-читальней тов<арищ> Фиактистов, который в обстановке селения Псху сколотить ядро из бедняков близко к партии не сумел. Есть член комсомола тов<арищ> Деева, которая выделяется из остальных женщин тем, что поет в церкви на клиресе, о том, что она состояла в комсомоле, в селе никто не знает, да и она это скрывала...»*

В "Заключении" отчета комиссии был сделан краткий вывод в отношении сельского совета: *«Работа сель<ского> совета за весь период советизации определяется как работа, направленная не на укрепление революционных основ Советской власти на селе Псху, а использование аппарата сель<ского> совета для укрепления контрреволюционных и религиозных основ».*

И далее в отчете специально было выделено отдельным пунктом:

«МОНАХИ и БЕЛОБАНДИТЫ

Контрреволюционные элементы сделали все, чтоб отвлечь трудовое население от общей жизни советского села, начиная с прямой борьбы против Советской власти (агитация за помазанника Божьего, Советская власть — власть бесовская, отказ принимать советские документы,

деньги, где помечен серп и молот, в силу необходимости принимают, и не голыми руками, а палочками, отказ от участия в общественной государственной работе), кончая обработкой крестьян в вопросе монашества, отказ от введения улучшений в своем сельском хозяйстве, разорение хозяйств, заброшенность и зарастание участков, за 2 года такой работы разорилось несколько крестьянских хозяйств, а 16 человек постриглись в монахи...

Такое влияние монахов и обработка их сказались потому, как коренное крестьянское население растворилось в среде пришлого элемента (монахи, кулаки), на 365 лиц в 28–29-м г<одах> монахов было 170 человек, плюс наплыв с Кубани и из других мест кулаков до 100 человек, таким образом, на одного взрослого коренного крестьянина приходился один антисоветский элемент. Отсутствие культурно-просветительской работы избы-читальни, школы не способствовало усилению борьбы с монашеским засильем».

Заканчивался доклад предложением конкретных мер для исправления этой вопиющей ситуации и кратким отчетом о начале этой работы. Комиссия провела собрание молодежи 29 апреля, затем 30 апреля собрание бедноты и, наконец, 1 мая общее собрание, на котором приняты важные решения, после чего «наметился сдвиг в сторону укрепления Советской власти... Религиозный психоз рассасывается в основном, остается только закрепить намеченный перелом, советский аппарат обновлен, кооперация создана, комсомольская группа организована».

Все работы комиссии, как сказано в докладе, «подробно фиксировались представителем редакции "Советской Абхазии" тов<арищем> Половневым и направлялись в газету, печатаются с 7 мая» (1930 года). В 1931 году они были опубликованы отдельной книжкой в "Абхазском государственном издательстве" в Сухуми ("Абгосиздат") тиражом 4000 экземпляров. Это произведение — яркий

образчик советской антирелигиозной пропаганды и вместе с тем живое свидетельство происходившего. Как пишет автор в предисловии:

«12 апреля 1930 года в газете "Советская Абхазия" появилась заметка под заголовком "Во власти попов". В заметке рассказывалось о черных делах, творящихся в одном из отдаленных горных районов Абхазии — в урочище Псху. Кончалась она такими словами: "Мрачную, почти фантастическую повесть можно было бы написать по поводу того, что происходило и происходит в этом забытом углу Сухумского уезда". Областной комитет коммунистической партии в Абхазии и ЦИК ССР А<бхазии> направил в Псху комиссию. В результате работы этой комиссии родились очерки "Страна Псху"»²²².

2. "Страна Псху" глазами воинствующего безбожника

Товарищ Половнев ведет подробнейший дневник, начинает, как и подобает донесениям, четко и ясно: «20 апреля. Утро. Сухум». Далее, правда, следует вполне "лирическое" отступление при описании весеннего сухумского утра:

«Море, словно огромная синяя безголовая рыба, изумительно спокойное, безмятежно спит. С востока, из-за холмов вырывается сноп солнечных лучей. Горят стройные полки кипарисов. Словно на рентгене прозрачно-кремовая белая акция. Крупные кисти лиловой глицинии многоцветно ломают солнце»²²³.

Все спит: и море, и город. Только сонные эстонки, развозившие молоко, изредка нарушают этот покой.

²²² Половнев И. Страна Псху... С. 3.

²²³ Там же. С. 5.

К слову, это было пасхальное утро. На 20 апреля (7 апреля по церковному календарю) в 1930 году приходился праздник Пасхи — Светлого Христова Воскресения. Его, конечно, не могли уже праздновать как прежде — почти все храмы были закрыты, и воинствующее безбожие, ставшее официальной идеологией Страны Советов, стремилось совершенно вытравить не только из общественной, но и из личной жизни религиозные "предрассудки". Однако православный народ еще был жив и в пасхальную ночь едва ли спал и хотя бы по домам и тайным кельям, но молитвенно вспоминал великий христианский праздник.

Безбожники об этом тоже помнили, не случайно и командированная группа начала свою работу в этот день, а товарищ корреспондент не преминул злорадно отметить, что на первой же остановке по дороге, в греческом селе Андреевском, в 16 верстах от Сухуми («263 двора, 600 душ») они провели собрание и «отвлекли население от пасхальных кутежей». В докладе об этом тоже упоминалось в самом начале, причем указывалось, что проведено было «общее собрание граждан селения Андреевского (греческое население) с красноармейскими частями». В очерках Половнев о красноармейцах не пишет, а сообщает только, что их группа состояла из семерых: трое командированных партийным комитетом Абхазии и ЦИКом (выше в докладе они названы), двое любителей горных путешествий, проводник и он сам, «полуофициальный корреспондент "Советской Абхазии"» (почему полуофициальный, не ясно). «Компанию нашу дополняют две лошади и два осла». В представленной компании со всеми все ясно, кроме «любителей горных путешествий». Кто это? Вероятно, оперуполномоченные ОГПУ, опять-таки, как и красноармейские части, названы только в докладе.

Оставляя сонный берег после вступительной "лирической картинки" (скорее карикатуры на великолепие

черноморского побережья — чего стоит одно сравнение моря с мертвой рыбой), товарищ корреспондент обращается непосредственно к цели путешествия:

«Наш взор вскинут на высокую цепь снежных гор. Вот там, куда нельзя взглянуть, не закинув головы до отказа, там, между двух загадочно-неприступных хребтов, покрытых глубокими неизведанными снегами, между ними, словно зеленая лужайка, цветет Псху. Туда наш путь».

Два полных дня занял у них этот путь с остановкой в Андреевском и ночевкой в лесу в пустынном урочище Доуляки. Половнев первый раз в горах и, помимо всех трудностей, все-таки заметил «невиданные красоты горных картин», в описании их он крайне скуп на слова, и лирика его какая-то "репрессивная": так же как на берегу «полки кипарисов», в горах — «седые клочья неба, как большие кольца папиросного дыма плавают»; река Бзыбь «жирно бесится», «с чертовой высоты срывается водопад», гора Сафарбей, «укрытая полотнищем снега, бела и сурова... не только похожа, она копия красноармейского шлема, но шлем неимоверных размеров, еще недостает пятиконечной звезды»; начавшийся дождь «властно и безапелляционно приказал не двигаться дальше, заночевать».

Наконец «в угольно-темный вечер» они «ввалились в село Псху». Трое из них «каким-то чудом нащупали квартиру местного учителя»:

«Ничего диковинного не увидели. Русский учитель, молоденькая полудевочка, полуженщина — жена учителя, шестимесячный золотушный малютка. Пятистенка мазаная и керосиновая лампа. Выпив наскоро по стакану чая, мы отдались сну».

Наутро, то есть 23 апреля, они приступили к работе. Но прежде товарищ корреспондент записал свое первое впечатление от Псху.

«Этим же утром первое, что бросилось в глаза, отчего хмельно закружилась голова, — это снег и цветы. Цветы в снегу и снег в цветах. Серебряная гора, она же и гора Дзышра, закрывает треть синего прозрачного неба. С высокой и крутой вершины до самого глубокого подножия она тихо и грозно покоится под плотным снежным покрывалом. Расплескавший в Псху солнце апрель не посмел завернуть и даже уголка Серебряной горы. Она близка. Утрами она подходит почти вплотную к центру села. Хочется открыть окно квартиры учителя Контарева и взять комок обжигающего холодом мягкого хрустящего снега.

Из села через реку Бзыбь к горе молочным озером плывут цветущие сады: черешни, вишни, груши, яблони, срастаясь у подножия Серебряной. Не разглядеть, где снег, где цветы...

Урочище Котел. Красивый, сказочный, волшебный. Впечатление такое, у природы остался солидный остаток красок от украшения вселенной. Не думая долго, она взяла и весь его бросила в долину Псху...

Стою в Котле. Площадь Котла (дно) — $2\frac{1}{2}$ –3 тысячи гектаров. С юга — Чадышский хребет, высота до 9 тысяч футов. С севера — Главный Кавказский, высшая точка... ох и точка, огромный восклицательный знак впился в небо — десять тысяч 699 футов! На дне — реки. Их гибель. Пастбища и хутора. Само собою разумеется, что все это тонет в лесу, богатство и могущество которого знают пока лишь только звери.

Главные реки: первая Бзыбь, вдоль рассекает долину надвое. Бурно и буйно она несет свои воды за горы в море. С Чадышского в нее впадают Серебряная или Дзышра, Водопад и Решевей. Река Водопад не течет, а падает по порогам, по ступеням, по огромным отвальням — камням... С Главного Кавказского хребта в Бзыбь впадает бурный и изо всех рек самый шумный красавец Баул. Он паша. Он монопольно захватил воды мелководных певучих речушек: Бация, Агурипсты, Святой, Ахей и Ригзды. Самостоятельно долго по долине, извиваясь как змеюга, течет Битага, потом все же впадает в Бзыбь. С запада долины высится гигантская гора Аичха. За

Аичха течет (тоже в Бзыбь) большая река Пшица. Там же цветет и волшебное горное озеро Рица»²²⁴.

Половнев подробно описывает богатство природы окружающих гор, леса, минеральные источники, рудные жилы Серебряной и других гор. Далее приступает к описанию жителей в специальной главе под названием "Люди":

«Людей здесь бывало много, и разные люди жилали в Псху. Теперь русские, крестьяне. Их 85 дворов, 95 семейств. Редкими тихими хуторками и отшельническими отрубамидвориками они прячутся в зарослевых ущельях, по рекам и ручьям. В центре урочища, между Баулом и Бзыбью, 18 дворов — это село Псху. А на горных высотах, куда с трудом может подняться лишь молодой быстроногий охотник, как гнезда хищников, пятнят чернотой зеленые луга монашеские кельи и скиты»²²⁵.

Последние, как видно, вызывают особую злобу у корреспондента, и разорение их — одна из его главных задач. Недаром, вспоминая историю кровавого завоевания Псху во время Кавказской войны, он восхищается удачью и смелостью псхусцев, сопротивлявшихся до последнего. Главное, что его привлекает и из-за чего, по его словам, «хочется спуститься в глубины века», — это «ненависть к тиранам». «Ведь эта же ненависть, которая теперь сотни миллионов людей разных рас, наций, языков под знамя коммунизма объединила», — пишет он²²⁶.

²²⁴ Половнев И. Страна Псху... С. 14–15.

²²⁵ Там же. С. 19.

²²⁶ «От нее и сейчас дрожит весь старый мир, и завтра, послезавтра от здания палачей останутся одни развалины. От нее, от этой ненависти выросла огромная любовь к стране, где символами освобождения горят растущие днепрострой и тракторострой» (Там же. С. 22). К чему привела эта «любовь» и несчастную страну, и ее «днепростроевцев» и «тракторостроителей», известно... На ненависти не может быть созидания, несчастная Россия на краю пропасти и окончательной гибели.

Этой ненавистью дышит и каждая строчка его очерков, ею он весь преисполнен, ею живет и движется. Ее же удастся ему и его сотрудникам по комиссии пробудить в жителях долины Псху, собранных ими после назойливых собеседований и настойчивой агитации по всем окрестностям. Выявив на Псху «кричащее безобразие», «монашеское засилье», члены комиссии долго думали, как все исправить — «создать настоящие советские организации», восстановить, точнее, установить советскую власть. И наконец решили начать с молодежи.

«Засучив рукава, вооружившись длинными палками, как этого требует обычай хождения по горным тропам, рассыпались по хуторам. Задача: выискать лучшую часть молодежи, познакомиться на месте, в доме, с укладом и бытом бедноты. Провести индивидуальные беседы, изучить думы крестьянина вообще и особенно отношение его к псхуской действительности. Пригласить на собрание — одних на 29, других на 30 и всех на первое мая. Три дня вымеряли псхуские горные доли и тропы... Наконец наступил первый исторический день в Псху»²²⁷.

И вот 29 апреля — народу собралось много, и взрослых не меньше, чем молодежи. Очевидно, что действовали не только и не столько "уговоры", сколько страх перед властями. Сам Половнев не может этого скрыть. Так, он пишет, что с утра в квартиру учителя забежала одна женщина и сообщила хозяйке потрясающую новость: «Молодежь сгоняют!»

Половнев, высунувшись из другой комнаты, спросил ее:

«— Кто же сгоняет?

— Да уж не знаю! Наверное, вы же сами.

²²⁷ Половнев И. Страна Псху... С. 87.

— Как тебе не стыдно так говорить. Словно ты не знаешь, что мы три дня ходили по хуторам, по селу, толковали, разъясняли и приглашали исключительно желающих, а ты "сгоняют"!..

— А чума его знает! Так люди говорят.

— То-то, говорят. Ты бы лучше посмотрела, кто это говорит»²²⁸.

Как бы то ни было, собралось много "согнанных" или "желающих" — попробуй не пожелай, если по селу и хуторам, помимо скромной группки агитаторов, на протяжении нескольких дней рыскают вооруженные опергруппы, арестовавшие уже десятки человек (о них-то Половнев умалчивает).

Вопрос на собрании один: «Положение в Псху и задачи молодежи» — доклад делал кто-то из комиссии. «К прениям приступили не сразу — робко, несмело». Смельчак нашелся — вышел молодой, видный парень. Он согласился с докладом о засилье монахов, просил их погнать отсюда и пожаловался, что до сих пор никто не звал в комсомол и не учил грамоте, учитель только сделал вид, что создал ликбез, а занятий не вел... Половнев пишет:

«Поселяне к нему прислушивались более, чем к нашему докладу. Чувствовалось, что это снаряд, который здесь впервые рвется и который одни расценивают как неслыханную дерзость молокососа, другие — как первую ласточку свободы, третьи выжидают с необычайным интересом: а что же дальше будет?»

Постепенно втянулись в прения и другие, начались перебранки по разным вопросам.

«Голоса увеличиваются, потом переходят к хору. Потом почти базар и ничего не поймешь. Школа, изба-читальня,

²²⁸ Половнев И. Страна Псху... С. 88.

сельсовет, земля. Они забыли о нашем присутствии, они ругаются между собой».

Это Половневу и комиссии не мешает. Напротив, радуется, этого-то они и добиваются. Просто нужно «и в этом гаме выловить главное, ценное, существенное».

«Но сам по себе поднятый шум и ругань были не менее существенны. В них чувствовалось, что первый раз накопившаяся злоба выплеснула наружу. Люди еще в тумане прошлого, они не могут вцепиться за главное, они расплескивают накипевшее на что попало, что ближе, виднее — учитель, школа, изба-читальня, земля...»

Заботливые наставники умело направляют это "накипевшее" в нужное русло. Собрание единогласно принимает резолюцию, которая «жестоко клеймит деятельность монахов и кулаков». А трое молодых людей вступают в комсомол. «Это уже неслыханная дерзость и невиданный за всю историю Псху вызов попам и монахам!»

Вот так началось "пробуждение" отсталого псху-ского крестьянства. Примечательно, что в конце этого собрания Половнев вспоминает такое же свое "пробуждение", когда из мирного станичника, а он был родом из станицы Расшеватской Кубанской области (ныне Ставропольского края), превратился в яркого революционера:

«По закрытии собрания не знаю кто позади меня гаркнул:

— Вставай, проклятем заклеяменный!

В президиуме подхватили:

— Весь мир голодных и рабов!

Толпившееся и намерившееся расходиться собрание дрогнуло и застыло. К небольшой группе голосов постепенно, вначале несмело, а потом громко, пристраивались другие.

Мне вспомнился восемнадцатый, когда я первый раз услышал "Интернационал". Я не знал его содержания, не знал

мотива, понаслышке никогда не слышал. Но с первых же слов у меня ежом вздыбились волосы, дрожь весь, возбужденный, под конец первого куплета я поймал слова, усвоил мотив и пел со всей огромной толпой. Пел громко, отчаянно грозился и чувствовал себя неимоверно сильным.

И вот теперь странно, диковинно было слушать, как хор осипших и чистых, старых и молодых, звонких голосов первый раз в жизни так громко, открыто расплескивал годами накопившуюся злобу в революционном гимне "Интернационала", посылая тысячи проклятий тому, кто был истинным виновником их бед.

— Никто не даст нам избавления...

— Ни бог, ни царь и ни герой, — с каким-то озорством рубила молодежь²²⁹.

На следующий день опять звучит "Интернационал" на собрании бедноты, которое проходит с еще большим подъемом. После доклада товарища Малания требовали переизбрать сельский совет, «вымести поганой метлой», организовать группу бедноты, создать кооперативы, помочь народившейся ячейке комсомола. «Убрать монахов и бандитов, виновных отдать под суд».

«В этот день в Сухум была направлена большая партия выселяемых из Псху монахов», — как бы невзначай замечает Половнев в завершение этой главы. Судя по датам допросов в материалах дела, аресты производились все предыдущие дни: пока комиссия занималась насаждением советской власти и агитацией населения, «любители горных путешествий» не теряли времени даром и занимались «ликвидацией» антисоветских элементов²³⁰.

Первого мая на общем собрании были закреплены достигнутые успехи и зачитано письмо крестьян

²²⁹ Половнев И. Страна Псху... С. 89–91.

²³⁰ Об этом подробнее ниже.

Псху «Областному комитету КПГ²³¹, Правительству ССР А<бхазии>, рабочим и крестьянам Абхазии», где еще более яростно обличались монахи и попы, «терроризировавшие население» и не дававшие утвердиться советской власти. Свое «полунищенское существование» при таких богатых природных дарах крестьяне целиком «относят за счет этой божеской работы монахов». Они выражали благодарность партии и правительству за то, что «сегодня уже вот несколько дней мы свободно вздохнули от этой черной своры». «Сегодня, 1 мая и наше село впервые за десять лет свободно, открыто празднует этот международный день труда. Вам не верится, но это так!»

Совершенно непонятно, каким образом монахи и священники были причиной их полунищенского существования. Земли хватало на всех, ее даже и не успевали обрабатывать. А уж плодов всяких, орехов и прочего всегда было с избытком. Сам Половнев написал об этом, приведя разговор с монахом-пустынником:

«— Хорошо, ты обитаешь в лесах, не работаешь, чем живешь?»

— А так, как Бог даст. Груш собираю, насушу, яблок, орехов, воск по дуплам вытащишь, крестьяне обменяют на муку. Так и живу.

— Ну, откуда же столько яблок, груш? Ведь крестьяне-то тоже собирают.

— Ну и што ж! Здесь много. Здесь все так само растет, местность такая, Бог сам без труда людского посылает.

И недавно прибывшие в Псху на жительство крестьяне пишут родным и знакомым письма: "Всего тут много, все само растет, не сеявши, не пахавши. Как в раю. Плодов Божиих собираешь — не пособираешь"»²³².

²³¹ КПГ — коммунистическая партия Грузии.

²³² Половнев И. Страна Псху... С. 20.

Половнев в очерках приводит целиком одно из таких писем: «Вот образец подобного письма крестьянина Юшко²³³, недавно прибывшего на жительство в эту несчастную долину. Начинается оно так:

«Пустыня, пустыня, отрада для бедных и усталых душой. Ты небо земное, преддверие рая, ты чудо земной красоты. Невзгоды житейские душу туманят, ей тяжело и душно порой. Твоя тишина к себе манит, ей легче, отрадней с тобой. В тебе успокоится странник унылый, под сенью твоей отдохнет. И подкрепив свои слабые силы, путем своим дальше пойдет. Дорогие мои киевляне! Я б вам описал здешнюю жизнь, но не могу этой красоты описать, здесь денег не надо и богатства не надо, здесь хлеба нет и нужды нет. Здесь одна радость. А какие чудные места — горы, скалы. Мы живем, имеем свою хату, свой огород, две десятины лесу своего, три десятины посева кукурузы, одну мельницу водяную.

Новостей нет. У нас прошел ККОВ²³⁴ от антихристовой коммуны. Моя баба Ольга рада, что попала в пустыню. Дорогие братцы и сестры! Я не знаю от радости, чего вам пожелать от Господа Бога. Пожелаю вам такой жизни, какой мы сейчас пользуемся. Мы желали получить какую-нибудь, а нам Господь послал Царство Небесное. Мы живем здесь, как у раю, усим довольные. Приходят к нам странники со всех краев, живут — не наживутся, глядят — не наглядятся, так хороша наша пустыня. Дорогие наши благодетели, передайте от нас низкий поклон усим знакомым и незнакомым.

Пустыня, пустыня, пустыня моя.

Конец»²³⁵.

²³³ Очевидно, речь идет о Ефиме Трофимовиче Юшко, прибывшем на Псху из Майкопского округа в 1928 году.

²³⁴ ККОВ — комитет крестьянского общества взаимопомощи. Половнев дал примечание к этим словам: «За месяц до нашего приезда в Псху был организован крест<ьянский> ком<итет>, это почти единственная советская организация на все село».

²³⁵ Половнев И. Страна Псху... С. 63.

Это, конечно, для Половнева крайняя антисоветчина, такими письмами, а также слухами из уст в уста "слава" о Псху как о святом месте распространялась по всему Кавказу, Кубани и далее по всей стране и привлекала отовсюду, по версии властей, «контрреволюционный элемент». Свободно вздохнувший после пережитого разорения в своих родных местах несчастный крестьянин с его восторженным письмом зачислен в разряд пропагандистов, вместе с монашествующей братией препятствующий насаждению советской власти и "счастью" бедноты, которую удалось найти и собрать в Псху и в которой удалось пробудить такую злобу, что она удивила даже Половнева. Как он пишет:

«Такой гнев, такой порыв жгучей ненависти, такую решительную попытку взять врага за горло я встречал лишь в 1918 году в момент ожесточенной классовой борьбы и встретил теперь на Псху 1 мая 1930 года. Попадись в это время на собрании монах, не исключена возможность крестьянского самосуда. Слишком велико зло, которое причинили монахи псхусцам».

Письмо крестьян Псху заканчивалось лозунгами:

«Товарищи члены правительства! Мы просим вас и требуем от вас защитить нас от этого наплыва банды в черных подрясниках, мы требуем посчитаться с ними по заслугам, мы требуем предоставить возможность нам и другим крестьянам Абхазии мирно, покойно и свободно строить социалистическое хозяйство.

Товарищи рабочие и крестьяне! Поверьте нашему опыту. Дальше от попов и монахов! Гоните их от себя!

Мы надеемся, что Коммунистическая партия и правительство выполняют нашу просьбу и требование. Мы же со своей стороны обещаем партии, Советской власти и всем рабочим и крестьянам Абхазии, что к Псху мы близко не подпустим этих черносотенцев.

Долой контрреволюционеров в рясах!

Долой религию, которая готовит почву для возврата палачей-капиталистов и помещиков!

Да здравствует Коммунистическая партия и Советское правительство — истинные вожди трудящихся рабочих и крестьян.

Крестьяне и крестьянки села Псху».

И далее перечислялись все подписавшие. Понятно, что малограмотные крестьяне не могли написать такого письма. Автором, несомненно, был зачитывавший его на собрании Половнев. А крестьяне его только подписали, о чем он сам и свидетельствует:

«После оглушительных аплодисментов председатель прервал ведение собрания. У стола стояла очередь, похожая на очередь добровольцев-красногвардейцев в 1918 году у оружейного склада, спешащих получить винтовки, это псхуские крестьяне подписывали письмо к партии и правительству. Их подписалось шестьдесят, все умеющие расписаться, исключая двух кулаков, бежавших в это же самое время с собрания»²³⁶.

Кстати, из этих шестидесяти подписавших около двадцати человек с одной фамилией, примерно пятая часть семей, а из общего количества населения Псху (480) — восьмая часть; и если даже не считать детей, то все равно шестая или седьмая часть взрослого населения. Так что при всей демагогии товарищу корреспонденту не удастся доказать "гегемонию" трудовой бедноты на Псху. К тому же вместе с монахами были "выселены" и некоторые поселяне, причем самые трудолюбивые. И не просто выселены, а репрессированы, посажены в тюрьму и совершенно ограблены (имущество их было конфисковано), а некоторые в дальнейшем будут расстреляны. И сколько их было — до сих пор неизвестно...

²³⁶ Половнев И. Страна Псху... С. 101–102.

"Обвинительное заключение" по следственному делу составлено на 102 человека. Большая часть из них монашествующие (из них около десяти было арестовано в районе озера Рица и еще несколько человек в станицах, в Адлере и Туапсе). Однако это далеко не все из упоминаемых в материалах дела; арестованных было гораздо больше, вероятно, некоторые погибли во время арестов, кто-то — во время следствия, а кто-то просто бежал. В целом было репрессировано не менее половины взрослого населения долины Псху. Так что разорение не только «контрреволюционных гнезд», но и «благодатной пустыни», «отрады для бедных и усталых душой», вполне удалось...

Среди арестованных и позднее приговоренных к расстрелу был и Антон Григорьевич Жилинский — коренной житель Псху, можно сказать, первейший старожил. Когда-то в Сухуми он служил в качестве смотрителя маяка и сторожа, потом приемщиком груза в порту, но еще более четверти века назад первым пришел в это заброшенное место, недаром Половнев назвал его «*колумбом нынешней Псху*». Оставив свою работу, он поселился на Псху. Поразительно, с какой ненавистью об этом пишет Половнев:

«В нем проснулись звериные страсти, он затосковал, завыл и в мае 1904 года отправился в псхуское ущелье».

«Ему за шестьдесят. У него хорошее хозяйство, крепкая хата и широкий с застройками двор, в хате много икон. Но он не кулак, об этом вас заверит и сельсовет, и даже налоговый отдел Нарком<ат>а фин<ансов>».

«Батраков у него нет ни одного», — с досадой замечает Половнев. И, открывая причину своей ненависти, продолжает: «К тому же он религиозный и "человеколюбивый" старик, у него всегда живут человека четыре-пять монахов и монашек». И далее Половнев с сарказмом отмечает, что эти монахи работают у Жилинского, а он их

бесплатно кормит, а бывает, что они приносят и свои мирские даяния и ссыпают в его, Жилинского закрома, но ведь делается это по-братски.

Все это крайне возмущает Половнева, но ведь отсутствует эксплуатация и классовая борьба, так что прицепиться не к чему. И ему остается презрительно называть этих монахов и монашек "бестолковыми" и "глупыми" и объяснять читателям, что они еще не научились быть "паразитами", как старшая более умная братия, недавняя затянувшая их "в черное гнездо". А у Жилинского он настойчиво выспрашивает:

«— Что вас заставило бросить службу, город и забраться в такую недоступь, да еще тогда, когда здесь ни одной человеческой души не было?»

— Так. Как-никак служба, всегда в подчинении. Захотелось самому пожить. Думал, место удобное, вольготное, займусь свиней разводить.

— Ну и что же? Как у вас со свиноводством?

— Не вышло.

Дальше слова не вырвешь. Молчит.

Жена Жилинского, более словоохотливая, рассказывает:

— Да как приехали сюда, вы не поверите, мороз по коже лазит. Ну, одни же, ну, словно на всем свете одни. Приехали было Порожные и Топчие, поглядели, перезимовали и уехали. Да уж через год приехал Иван Вороной. Да и то вон где поселился».

Однако вскоре поселенцев прибыло очень много. К 1910–1911 годам, как сказал еще один старожил — старик Сазонов, когда он пришел из Ставрополя, было уже с полсотни дворов. Как раз в 1911 году он помнил, что приходил «священник Андрей. Мужиков собирал, проповедь читал. Тогда-то впервой и молитвенный дом основали». Половнев писал: «После я узнал. Действительно, первый поп, который пробрался на Псху,

был епископ Андрей или, иначе, князь Андрей Ухтомский»²³⁷, — и далее в адрес владыки сыпал язвительные эпитеты «большой ханжа», «замечательный оратор» — «закатывал псхусцам сногшибательные проповеди о спасении души человеческой, безмерно слезоточил и без того многоводную псхускую землю и основал впервые на Псху очаг спасения заблудших грешников».

«Сейчас князь Андрей в каком-то ленинградском учреждении на правах равноправного гражданина и советского служащего исчисляет статистические таблицы»²³⁸, — отметил Половнев, спутав владыку Андрея с его братом Алексеем Ухтомским, известным ученым-физиологом, возглавлявшим кафедру и физиологическую лабораторию Ленинградского университета. Епископ Андрей в это время томился уже второй год в тюрьме — в Ярославском политическом изоляторе.

Такой же злобной характеристики удостоился и настоятель псхуской церкви (молитвенного дома), иеромонах Феодосий (Волков), с ним Половнев встретился на улице:

«Рост правофлангового дворцового гвардейца. Широкий поповский шаг. Желтые ременные морщины на лице накладными шрамами сконцентрировали волю властолюбца. И только серые глаза взбесившимися мышами шныряют неуловимо.

Прохвост.

Пожали друг другу руки.

— Вы священник центральной псхуской церкви?

— Да, я.

— Давно здесь служите?

— Лет с десятков.

Говорит чуть-чуть на "о". Приятный баритон, и чувствуется в нем оценка полного достоинства собственной персоны.

²³⁷ Будущий священномученик Андрей (Ухтомский), занимал Сухумскую кафедру в 1911–1913 годах.

²³⁸ Половнев И. Страна Псху... С. 34.

— Но какая глушь! Да и заработок, вероятно, ваш неважный?!

— Но вы забываете — я монах и довольствуюсь тем, что мне пошлет Всевышний.

— Ах, да! Вы монах. Но вот, кстати, человек вы, как видно, достаточно просвещенный. Как вы реагируете на выступление папы римского. Ведь как-никак оно взволновало все священные умы.

— Дело наше маленькое, да и газет-то я не читаю.

Но врет, он их читает и читает не меньше коммуниста.

— Но все же слышали, нас обвиняют в гонении на религию, на Церковь, организуют крестовый поход против Советского Союза...

— Кое-что слышал, конечно. Они не правы.

— И только? Но вот, положим, вас притесняет власть?

— Что вы, что вы. Мы мирно живем со своими.

— Да, я тоже слышал от крестьян. И, кажется, даже дружно. Иронию понял, но скрыл. Слизнул блудливыми глазами.

— А как же. Несть власть, аще не от Бога. А у нас, Бог миловал, все же власть.

— Странно. Насколько мне известно, именно ваши монахи не признают Советской власти.

— Всякий по-своему молится.

Улыбнулся сдержанно, ехидно и добавил:

— У вас, у коммунистов тоже меж собою идут споры: то левые, то правые, а все оттого, как кто понимает.

— Да, но эти споры меж коммунистов совсем отличны от споров примерно меж коммунистами и священнослужителями, т<о> е<сть> вами.

— Решительно ничем. Все мы стремимся к одной цели, и вы, и мы — добиться для человечества общего счастья. Разнимся лишь в путях.

Вот так фунт²³⁹! Оказывается, мы с попами решаем один и тот же вопрос, только, так сказать, разными методами, разными путями. Ну и ну, вот ведь шельма!

²³⁹ Так в тексте (*Примечание составителя*).

— Слушай, он всегда у вас так либеральничает? — спрашиваю избача, когда мы отошли от попа.

— Да он это только с вами, а вообще он тихоновец и отъявленный монархист»²⁴⁰.

При описании встречи с иеромонахом Феодосием Половнев еще относительно сдержан, о других же монахах он пишет с откровенным презрением и ненавистью. Отдельная глава, в которой он знакомит читателей с псхускими монахами, озаглавлена "Божьи хищники", и начинается она эпитафией из мнимого письма псхуских крестьян, написанного им самим:

«Проповедуя мир во Христе, они как хищные звери жаждали человеческой рабоче-крестьянской крови. Каждодневно, на каждом шагу они пророчили гибель Советской власти. Они молились, предсказывали и ждали кровавой расправы с рабочими и крестьянами, установившими Советскую власть».

И далее Половнев приступает к описанию монахов:

«Их много. Среди них есть идиоты, есть божьи скотинки и есть живые, умные и хитрые хищники.

Когда я встретил иеромонаха Григория Мамченко, подумал: хищник, скорпион! Он маленький, худой, сухой и горбатый.

Но он не производит впечатление жалкого. О, нет. Его тонкие, чуть посиневшие губы молча то и дело подергиваются. Как незасыпающая ядовитая змея. Пропорционально лицу маленькие, но острые карие глаза то и дело вспыхивали яростным злым огоньком. Он и не держится божьим ягненком. Он, как видно, хорошо знает себе цену — разбойник с крестом.

Мы позвали его в сельсовет. Он по-кошачьи, тихо вошел. В черном, длинном, скрывающем ноги балахоне, снял такой же черный высокий колпак и стал у двери, молча.

— Как ваша фамилия? — спросил товарищ Малания.

Ответил просто, с достоинством:

— Григорий Мамченко.

²⁴⁰ Половнев И. Страна Псху... С. 40–41.

Это его имя и фамилия мирские. У него есть еще и монашеские, но об этом он счел лишним нам сообщить.

— Сколько лет вы на Псху?

— Пять.

— А сколько лет вообще монашествуете?

— С 1921 года.

— У вас своя келья или у крестьян живете?

— Своя.

— А где раньше монашествовали?

— В Новом Афоне.

Отвечает четко, ясно, без промедления, но ни слова лишнего. Я прислушался к дикции. Мягкий, отточенный московский говор. Словно недавно и хорошо окончил школу Серезжникова.

— Ваше социальное происхождение?

— Что вы сказали?

Хитрит. Но хитрит так, что трудно заподозрить и совсем невозможно уличить.

— Но кто вы были до пострижения в монахи?

— Человек.

Синие губы подернулись и чуть заметно свернулись в злую ироническую улыбку.

— Вы прекрасно знаете, о чем вас спрашивают.

— Мой отец имел кожевенный завод.

— Где?

— В Тамбовской губернии.

— Большой завод?

— Был маленький и был большой.

— У вас есть документ?

— Нет. То есть да, но он для вас не годится.

— Что это значит? А ну, давайте.

Иеромонах достал из кармана паспорт, самый настоящий николаевский. Он с орлом и еще шуршит. В паспорте полностью подтверждается сказанное им — его социальное происхождение и положение до поступления в монахи.

— Что вас заставило пойти в монахи?

— Считаю об этом лишним говорить, для вас это будет совершенно непонятно.

Вот, думаю, иеромонах, черт, демон, а не монах.

В сельсовете, густо засиженный мухами, сиротливо сучает единственный портрет Ленина. Между прочим, он единственный во всем Псху. Я спросил монаха.

— Мамченко, вы знаете этого человека на портрете?

Против окна комнаты сельсовета плавало жирное псхуское солнце. Оно снопом ярких, многоцветных, играющих лучей отсекало монаха от портрета Ленина. Иеромонах, сделав козырек ладонью, внимательно посмотрел на портрет и также просто и язвительно ответил:

— Это не человек.

— Ого! А кто же?

— Это Ленин, предшественник антихриста.

— И ты в это веришь?

— Иначе я бы этого не говорил.

— Мамченко, скажи по правде, ведь ты людей дурачишь.

— Не считаю нужным на это отвечать.

— В таком случае скажи: как ты относишься к Советской власти?

— Как к власти антихристовой.

— Какая же власть, по-вашему, не антихристова?

— Та власть, где есть помазанник Божий.

Меня он бесит. В самом деле, он достаточно интеллигентен для того, чтобы верить в ту чушь, которую он нам порет. Ясно, что перед нами махровый черносотенец, и он старается сохранить всю подлинность, в которой он предстоит перед крестьянами и низшей монашеской братией.

— Мамченко, неужели ты веришь, что Николай II с его Гришкой Распутиным, со всероссийской проституткой Вырубовой, с его чудовищной сворой душителеей, палачей, разбойников был помазанником Божьим?

— Об этом я ничего не знаю. А монарх Николай II и другие, предшествовавшие ему, были настоящими помазанниками Всевышнего.

— Значит, ты за возвращение царской власти?

— Само собой разумеется.

— Выходит, ты за гражданскую войну, за кровь? Не так ли?

— Христос собственной кровью расплатился за веру истинную.

Точка. Перед нами стоял открытый и откровенный классовый враг. Ему больше нечего терять, кроме своих заводов, которые уже все равно потеряны. А отравлять ядом религиозного дурмана, делать из здоровых людей заживо разлагающиеся трупы, грезить гражданской войной и возвращением режима царских палачей он еще может. Он маленький, горбатый, но он истинный последователь своих недавних "предков" — Романовых, Колчаков, Деникиных, Врангелей»²⁴¹.

Такого же классового врага Половнев нашел в лице другого монаха-отшельника, которого называли губернатором. К нему они долго поднимались по отвесным склонам: «Версты полторы почти под прямым углом вверх». Половнев не удержался и спросил своего проводника:

«— Слушайте, а другого пути нет к этому, надо быть, губернатору?

— Нету, нету.

— И он всегда так сюда по-кошачьи дерется²⁴²?

— Отчего же, они привычные.

Ладно. Мне, собственно, тоже уже не привыкать. Деремся²⁴³ на четвереньках, ползем на брюхе. Воздух горный, расходишь легкие, сколько вам угодно, никакого тебе расстройства. Вспоминаю Доу²⁴⁴. Нет, здесь хлеще.

Выбрались на чудесную полянку. Келья. Она ничем не отличается от той, которую мы встретили по пути²⁴⁵. Монах, по

²⁴¹ Половнев И. Страна Псху... С. 52–54.

²⁴² Так в тексте (*Примечание составителя*).

²⁴³ Так в тексте (*Примечание составителя*).

²⁴⁴ Название перевала (*Примечание составителя*).

²⁴⁵ Половнев удивлялся, когда ему показали келью. «Мне чего-то казалось, что келья должна быть небольшой пещеркой наподобие землянки, которые себе роют кубанские пастухи и чабаны. Или она должна быть тщедушенькая, из хвороста сделанная,

всей вероятности, слышал наш разговор, встретил нас у двери, не впуская в свое таинственное жилище.

— Здравствуйте. Мир вам, путешественники.

Он также в черном балахоне. Роскошный смольный волос под мягким дуновением ветерка пушисто стелется по плечам. Сам он высок, худ и строен. Ему лет 30–35. Губернатором он, конечно, не мог быть. В противоположность Мамченко у него большие черные глаза, блестят лихорадочным туберкулезным блеском. Мы с другом просто сели на землю. Монах опустил на корточки. По всему видно, иносказательно с ним не поговоришь. Решил говорить напрямик.

— Я от газеты. Интересуюсь жизнью монахов и крестьян. Из-за этого и к вам забрался. Может быть, расскажете что-либо хорошенькое нам.

— Думаю, что не смогу быть вам полезен.

— Вот как? Мне будет вполне достаточно, если вы хоть вкратце расскажете о себе.

Дружески, участливо улыбнулся.

— К сожалению, не могу. Ведь все, что я сообщу вам, вы используете против меня или против нашей братии.

— А может быть, сумеете сообщить мне такое, что послужит в ваших интересах.

— Вы шутите.

— Вы имяславец?

— Это не имеет значения. Я просто христианин.

— Вы напрасно скрываете. Я слышал, что ваша секта, т<о> е<сть> имяславцы, очень демократические христиане, чуть ли не революционеры. Не так ли?

— Вы издеваетесь!

халабудочка. Ведь в кельях живут отшельники, т<о> е<сть> люди, которые, как говорят, ушли "от мира сего", следовательно, и жить они должны не по-людски. Однако именуемая келья была настоящей крестьянской избой. Точь-в-точь. Деревянный сруб, поклинцованный и помазанный глиной. Хорошая тесовая крыша. Пятистенка. Четыре окна. Перед дверью под стену маленький погребок для картошки и других овощей на зиму».

- Помилуйте. Ничуть.
- Тогда как прикажете вас понять?
- Понимайте так, как я говорю. Уже здесь, на Псху я познакомился с историей возникновения вашей секты, и, право, у вас все данные есть считать себя наидемократичнейшими христианами.
- Мы просто наиболее последовательные проповедники учения Христа»²⁴⁶.

Надо сказать, что у Половнева были совершенно превратные понятия об имяславии. Он не преминул их изложить на страницах своей книжки, в совершенно искаженном виде передавая и учение, и историю возникновения имяславия. Даже самые невежественные и темные имяславцы пришли бы в ужас от того, что написал им товарищ корреспондент в качестве богословских взглядов, назвав их "белибердой", "галиматьей". Но для него и все богословие было "галиматья", "непревосходимая чушь". Поэтому не случайно он не получил ответа на свой назойливый вопрос, «в чем выражается наибольшая последовательность как христиан». Монах коротко ответил: «Для вас это будет непонятно».

«Опять это обычное непонятно», — с раздражением заметил Половнев и продолжал допытываться. Но монах отрезал: «Короче говоря, считаю лишним вам объяснять». Тогда Половнев пошел напролом и перечислил ряд конкретных вопросов:

«— Заповедовал ли вам Христос агитировать крестьян не принимать советских денежных знаков? Считал ли Христос комитет крестьянской взаимопомощи антихристовой организацией? Какое отношение имеет простая кооперативная лавка к учению Христа и почему вы на протяжении десятка лет ведете борьбу против организации этой лавки на Псху? Почему вы и крестьяне, находящиеся под вашим влиянием,

²⁴⁶ Половнев И. Страна Псху... С. 58–59.

бойкотируете не только советские организации, но и простую советскую бумажку, вроде того что считаете смертным грехом положить подпись на эту самую бумажку? И, наконец, последнее, не считаете ли вы, что если "ваш Христос" учил вас этому, а вы учите крестьян, то не являетесь ли вы крайними и отъявленными революционерами?

— Этого требует от нас религия.

— Чего? Контрреволюции?

— Я христианин и по своим убеждениям не могу поддерживать власть антихриста. Вы это понимаете не хуже меня.

— В таком случае вы так же, как и ваши братья, за царя?

— Да, я считаю для себя монаршую власть наиболее выгодной, потому что она обеспечивает...

— Офицерские погоны и участки земли. Не так ли?

— Мне незачем больше с вами говорить!

Какая-то нелегкая дернула меня. Не умею я с монахами говорить. Он сорвался и почти бегом ушел в келью.

"Нет, дружок, это не губернатор, — сказал я своему другу. — Но, несомненно, птица того же полета".

Вернувшись в село, я рассказал об этом монахе зам<естителю> пред<седателя> ЦИКа тов<арищу> Малания. Сообщил свои малообоснованные подозрения и то, что крестьяне крестили его в губернатора. Малания послал людей привести монаха в сельсовет.

В сельсовете перед нами стоял уже не просто монах, а в монашеской рясе и в черном замазленном блестящем колпаке потомственный почетный дворянин, штабс-ротмистр Гривницкий²⁴⁷. Он не губернатор, он самый настоящий законный зять витебского генерал-губернатора. В монахах он с 1924 года. В монахах ли? Вот он перед нами, настоящий классовый враг. Он так же, как и Мамченко, стоит злой, бешеный, перекошенный. Мне кажется, что когда-то где-то, в сивашских ли окопах или в глубоких северокавказских степях, а может быть,

²⁴⁷ Половнев, очевидно, искажает фамилию, речь явно идет о монахе Вонифатии — Иваницком Владимире Алексеевиче. О нем подробнее — в следующей главе.

с бандитами на Кубани в 22–23-м годах, но где-то мы с ним стрелялись. Он сбросил галифе, маузер, погоны и прикрылся крестом и монашеским колпаком...»²⁴⁸

Таких же врагов Половнев видит и во всех других монахах.

«Волков, Мамченко, Гривницкий — это актив. Командный состав псхуской монашеской массы... Актива еще много, всего его не сыщешь, а найдешь — не добьешься правды. Но вот рядовые стрельцы черной рати. Откуда и кого среди них нет. Кулак с Кубани, батрачка из Майкопа, помешанный спекулянт из Одессы, шестидесятилетняя старуха — мать двух расстрелянных белогвардейцев из Киевщины, конторщик из Ростова, псаломщик из Ставрополя, крестьянская нищета отовсюду. На редкость разнообразный люмпен. Но все они одеты в одинаковые черные мундиры, длинные и широкие, новые и призаплатанные, рваные, в косынках и в колпаках...»

«Механика и сущность работы этой черной братии заслуживает полного внимания всех тех, кому родна и дорога власть Советов», — подчеркивает Половнев и особенно подробно останавливается на том, как "агенты штаба" — монахи и крестьяне — разносят весть о Псху как о "святом месте":

«В монашеском высокопарном стиле получается так: "Там далеко, далеко за синью неба, за высокими скалами, за глубокими белыми снегами, в несметных могучих лесах, где дикие звери смиреннее домашней кошки, где ползучие гады и птицы — друзья человека Божьего, там слепые прозревают, кривые выправляются, и живут там только избранные Богом, не сеявши, не пахавши, питаются райскими плодами и принимают к себе всех убогих и обиженных антихристовым отродьем. Место это святое и называется оно Псху. Не проскочить туда железную машину, не проехать на лошади, а только пешком

²⁴⁸ Половнев И. Страна Псху... С. 59–60.

трудом Божиим, и кто побудет там — забудет все горе, отойдет от него печаль, и будет одна благодать Божия"...

Между более умной публикой: кулаками и контрреволюционными попами — эта высокопарность ни к чему. Между ними проще и прямо в реалистическом стиле говорится: в горах есть долина Псху, где нет советской власти, кому угодно отвести душу и поработать на батюшку монарха, пожалуйста, там будут рады. В этом отношении характерно и письмо игумена Ильи из монастыря ст<анции> Удельной Ставропольского округа:

"Ах, дорогие мои, у нас теперь такая скорбь: безбожники вырабатывают план, как на Пасху бороться против религии, и в святую пасхальную ночь будут разные шествия, игры, танцы, музыка, радио, громкоговорители, чтобы заглушить, как они говорят, колокольный звон... Еще у нас новость. Всех священников выселяют из жактов²⁴⁹, и меня тоже приказано выселить, и дали срок до первого октября. Не знаю, как будет с нашими сестрами, потому что наш корпус, т<о> е<сть> монастырский, тоже уже в этом жакте, но только неизвестно, как на них смотрят, а нас называют нетрудовой элемент, т<о> е<сть> священников и торговцев. Вот, дорогие мои, что будет, а вы, счастливые, этого не будете видеть и будете наслаждаться святым спокойствием. Мои дорогие, я уже вам писал, нельзя ли мне где-нибудь пристроиться, я уж изнемог от скорби. Простите за беспокойство, если бы там можно, где-нибудь на Псху с другими пустынноиками"...

Иначе говоря, игумен Илья просится в резерв к Волкову, Мамченку, Гривницкому и другим. Надо полагать, что они ему не отказали.

Агитация за Псху как за святое место есть привлечение в долину нужного человеческого материала. И в результате, обычно осенью, справившись со своими крестьянскими делами, элементы "обиженных" — кулачье, раскулаченные как класс, крестьянская нищета, к которой не прикоснулась наша плохо работающая изба-читальня и плохо работающая

²⁴⁹ Жакт — жилищно-арендное кооперативное товарищество.

ком <мунистическая> ячейка на селе, — с Кубани, с Дона, с Терека совершают паломничество в "сии чудные места".

Здесь их рано застает зима. На пять-шесть месяцев перевалы бронируются суровой неприступью сугробов. До весны обратно ходу нет. Это и есть период учебно-воспитательной работы с паломниками. Восемь молитвенных домов, укрытые от всякого надзора советской общественности и власти в глубокие горные ущелья, начинают вести свою гигантскую, черную, ума лишаящую работу. Скиты и кельи принимают странников для индивидуальной обработки. К весне часть паломников постригаются в монахи, часть остаются человеками, живущими "в мире сем", но сугубо религиозными фанатиками. Те и другие, являясь идеологически вполне подготовленными к контрреволюционной деятельности, отправляются обратно на родину. Теперь они знают, что им делать»²⁵⁰.

Далее Половнев подробно описывает "агитационную" и в целом "контрреволюционную" деятельность ненавистных ему "религиозных фанатиков". О некоторых монахах он отзывается с откровенным презрением, а порой даже с таким гадливым отвращением, что не только повторять, но даже читать это омерзительно. Вывод его определен: все они заклятые враги и подлежат беспощадному уничтожению, и Псху как пропагандируемое ими "святое место" должно быть вычищено от них и от всякой "святости".

Все это и было произведено в течение недели, надо сказать, Пасхальной или Светлой, как она именуется в церковном календаре. Аресты монашествующих производились в это самое радостное в году весеннее время, когда ежедневно служатся пасхальные службы и непрерывно звучат торжествующие воскресные гимны и приветствия.

²⁵⁰ Половнев И. Страна Псху... С. 62–64.

3. Аресты

Село Псху

Первые аресты на Псху по материалам дела датированы 22 апреля. Половнев пишет, что их группа — партийная комиссия — прибыла на Псху только вечером 22 апреля, работу начала утром 23-го. Вероятно, оперативная группа ушла вперед, либо пришла раньше другая — что скорее всего — из Сочи или Красной Поляны²⁵¹. Так, 22 апреля краснополянская опергруппа уже «*оперировала*» скиты в районе озера Рица, но, судя по документам, она была не одна, вероятно, задействовали несколько групп, поскольку уже 22 апреля арестованы монахи и поселяне разных хуторов в 15–20 и более километров друг от друга. В материалах дела нет точных сведений ни о датах арестов, ни обо всех арестованных; даже протоколы допросов далеко не всех и не полные. Большей частью составлены уже в Новороссийске, куда позднее все были доставлены. Причем только несколько протоколов — перепечатка первого протокола «*опроса*»²⁵², произведенного на Псху, а остальные — записи непосредственно допросов в Новороссийске.

Помимо этого в деле есть показания трех свидетелей: малоинформативные показания двух местных крестьян-бедняков с общим подтверждением «*антисоветской агитации*» монахов, а также подробнейшие показания одного субъекта, прожившего два года на Псху и хорошо знавшего всех монахов. Этот человек оказался ценнейшей находкой для следствия, так как записи его показаний на десяти машинописных листах совме-

²⁵¹ Следственное дело по Псху разрабатывалось не Абхазским, а Черноморским отделом ОГПУ Северо-Кавказского края.

²⁵² Почему-то на Псху допросы именовали «*опросами*», хотя и производились они также оперативными уполномоченными ГПУ.

стили в себе все нужное для успешного проведения дела (к сожалению, без указания даты и места): это и подробнейшие агентурные сведения, и оперативная сводка, и руководство на местности, и готовое обвинительное заключение с четкими формулировками и выводами. Своего рода универсальный "роман", который обычно следователи вынуждены были сочинять сами для придания своим делам более серьезного характера. Но здесь авторство явно принадлежало не следователю.

С чем была связана такая готовность выслужиться, можно лишь догадываться... В начале показаний "свидетель" жаловался на свою судьбу — ему как «*бывшему белогвардейцу трудно жилось в СССР*», он не мог никуда устроиться на работу, не имея соответствующих документов, и вел бродячий образ жизни, зарабатывая поденной работой. Случайно встретив монаха Викторина (в миру Беляев Василия Андреевича), знакомого ему по Воронежской семинарии, где они учились до революции, он узнал от него о спокойной жизни монашества на Кавказе, на Новом Афоне и на Псху. В ноябре 1927 года он добрался до Сухуми и встретил там, по его словам, также «*совершенно случайно*» Володю Иваницкого, товарища по гусарскому Черниговскому полку. Иваницкий был уже в монашеском облачении и спустился с гор на побережье, чтобы достать «*нулевой муки для просфор и оливкового масла для лампад*». Он-то и пригласил своего бывшего боевого товарища на Псху, и "свидетель" пошел с ним в горы, но пробыл у него лишь три дня, так как, согласно его показаниям, Вонифатий (Иваницкий)²⁵³ хотел сделать из него монаха, но не сразу, а «*чтобы я года два пробыл у него послушником*».

²⁵³ Монах Викторин (Беляев Василий Андреевич) с 1924 года жил на хуторе Серебряный на Псху, руководил общинами монашествующих на хуторах Ригдза и Серебряный.

На Псху "бывший семинарист" и "белогвардеец" тем не менее остался и прожил там два года «у гражданского населения и у монашесствующего класса». Как он подтвердил на допросе: *«Меня полюбило население, монахи и монашки за то, что голос у меня хороший — баритон-бас протодьяконский — и что я хорошо пел и читал во время служб во всех их молельнях, явных и тайных, а поэтому могу ответить на все интересующие вас, товарищ уполномоченный, вопросы»*. И далее самым подробнейшим образом по пунктам он изложил всю нужную информацию о «монархической организации в районе Псху — Рицу». Основные положения его "рассказа" вошли в материалы "Обвинительного заключения", правда без красочных подробностей, на которые словоохотливый "свидетель", добровольно ставший активным "помощником" следствия, не скупился. Вот, к примеру, один из таких пассажей:

«Руководящий центр состоял из большого штаба во главе с о<тцом> Саввой, который олицетворял почти совершенство добродетели, так как был глубокий старик, сподвижник, малограмотный мужик, нечто вроде а-ля Распутин при царском дворе, а помощник Саввы — молодой монах-академик и заворачивал через Савву контрреволюционными делами, как главнейший идеолог и малого штаба в хуторе Санчарском под Св. Горой во главе с о<тцами> Гавриилом, Мисаилом, Иоасафом и др<ругими>, но главнейшим идеологом и активным пропагандистом воинствующего христианизма был о<тец> Гавриил с горбатеньким попиком о<тцом> Василем (он же о<тец> Михаил)».

«Итак, руководители организации — главные идеологи и руководящий центр: а) на оз<ере> Рица — о<тец> Савва, б) на хут<оре> Санчарском под Св. Горой — о<тец> Гавриил». Далее свидетель перечислил еще семь ячеек организации и назвал их руководителей: *«1) селение Псху — Волков (Феодосий), монах, 2) хутор Водопад — Кучеренко Степан Иванович, 3) хутор Се-*

ребряный — Беляев Виктор Алексеевич, он же монах Викторин, 4) хутор Ригдза — Романцов Алексей Семенович, 5) хутор Битага — Похилько Никита Васильевич, 6) хутор Санчарский — Дьяченко Федот Климович (он же монах Федул), 7) хутор Лакоба — Иваницкий Владимир Алексеевич, он же монах Вонифатий».

Этот перечень ячеек и имен руководителей "свидетеля" дословно повторился в материалах "Обвинительного заключения"; добавились лишь к девяти ячейкам по соответствующим хуторам (7 + 2 руководящие) еще группы на хуторах Агурипста и Ришевей, где не было отдельных церквей или молельных и жители ходили на службы в Псху. Показателен пример одного из них: Демченко Михаила Петровича, 1899 года рождения, приехавшего из Ставрополя, где он служил псаломщиком и был лишен там избирательных прав. Переехал он в горы в 1928 году по совету врача: был болен чахоткой сам, и тяжело заболела его жена. Вместе с семьей брата супруги Демченко поселились на хуторе Агурипста, купив себе полторы десятины земли. Именно здесь после знакомства с монахами и их неустанных молитв, как утверждал он на допросе, здоровье его жены значительно улучшилось.

Сам он часто бывал на службах у иеромонаха Феодосия (Волкова) и как-то после службы был приглашен к нему на завтрак вместе с монахами: *«Дьяченко Федулом, Иваницким <Вонифатием> и отцом Михаилом с озера Рица».* Михаил Петрович не скрывал своих взглядов, так, и на допросе он смело утверждал: *«Советская власть долго терпима быть не может, насильственный загон в колхозы и нехватка продуктов питания для крестьян и рабочих вызовут так или иначе восстание. Я по своим убеждениям являюсь противником Сов<етской> власти за то, что она закрывает церкви и уничтожает религию, поэтому признать ее за законную власть не могу. Больше показать ничего не могу, протокол мне прочитан, записан с моих слов правильно».*

но. От подписи отказываюсь, так как считаю, что я имею дело с сатанистами».

Как ни странно, но имена настоятеля псхуской церкви, иеромонаха Феодосия (Волкова), а также имевшего свою молельню жителя хутора Водопад Степана Ивановича Кучеренко не были упомянуты в "Обвинительном заключении", да и среди осужденных их нет. И если в отношении Степана Ивановича можно предположить, что он во время массовых арестов успел скрыться, то иеромонах Феодосий не только беседовал с Половневым, но и был арестован. В материалах дела есть, правда, только один протокол его дополнительных показаний от 2 мая 1930 года, вероятно, в Сочи или в Сухуми.

Иеромонах Феодосий показал, что сидит в одной камере с монахом Феодулом и его ближайшим идейным помощником монахом Иустом (фамилии их он не знал). И охарактеризовал их как *«вдохновителей имяславского ядра»*. Очевидно, речь шла о монахах Феодуле (Дьяченко) и Иусте (Михайленко), как уже указывалось, единственных, кроме самого схимонаха Саввы, староафонских монахах, вывезенных с Афона в 1913 году вместе с другими имяславцами: но в отличие от Саввы они, как отмечено в материалах дела, с 1914 года пребывали в Ново-Афонском монастыре, так что от своих "имяславческих" — "имябожнических" взглядов должны были отказаться, хотя бы на словах... Называя их наряду с некоторыми членами *«основного имяславского ядра»*, иеромонах Феодосий, как и другие обвиняемые или свидетели, характеризовал *«имяславие»* только как неприятие советской власти: *«С 1922–1923 годов я предупреждал монахов, чтобы они не вмешивались в политическую жизнь и вообще на политические вопросы не реагировали. Но на все уговоры и советы монахи не обращали внимания и стали заниматься политической деятельностью, направленной против Сов<етской> власти. К этой категории отно-*

сятя имяславцы, образовавшие вокруг себя группы в составе свыше 20 человек».

Далее он утверждал о постоянной агитации этой группы имяславцев *«за неподчинение Советской власти как власти антихристовой»*, добавив, что *«в момент признания Сов<етской> власти архиепископом Сергием они повели сильнейшую агитацию за неподчинение по линии православного религиозного культа архиепископу Сергию как признавшему власть сатанинскую»*.

Это все, что есть в материалах дела касательно иеромонаха Феодосия (Волкова), несмотря на то что Половнев занес его в «командный состав монашеской массы», а «свидетель» назвал его первым в списке руководителей, показав, что он *«играл роль буфера между контрреволюцией и Сов<етской> властью и без благословения о<тца> Феодосия в имяславскую семью попасть трудно»*²⁵⁴. Да и в показаниях обвиняемых он неоднократно упоминался как один из основных руководителей монашествующих, принимавший участие в богослужениях и в беседах-наставлениях соответствующего *«антисоветского характера»*, тем не менее среди осужденных его имени нет. Что с ним происходило после ареста, какова его дальнейшая судьба, остается неизвестным.

²⁵⁴ По поводу «буфера» — возможно, это действительно было так, и отец Феодосий не разделял крайних взглядов и настроенности *«имяславского ядра»* или старался открыто их не показывать, отсюда его «либеральничание» в разговоре с Половневым. В показаниях свидетеля далее следует такая странная фраза: *«Он (о<тец> Феодосий) говорит: "Я писал имяславцам, чтобы они бросили свои затеи, но они не слушают меня, тогда <пропуск в тексте> молюсь Петру Крутицкому, местоблюстителю патриаршего престола, потому что признаю Церковь московскую, а не абхазскую"»*. Патриарший престол, возможно, при записи или перепечатке протокола превратился в «престиж». Но само по себе упоминание митрополита Петра Крутицкого важно как свидетельство церковной позиции иеромонаха Феодосия.

Скит Святой Горы

Первым делом оперативная группа, очевидно, 22 апреля 1930 года направилась к Св. Горе в «*малый штаб*», но главного руководителя, отца Гавриила²⁵⁵, и его помощников не застала; и в этот день там был арестован лишь монах Иоанн (Романский Иван Митрофанович). Он родился в 1880 году в Каменец-Подольской губернии, происходил из крестьян; с 1911 года подвизался в монастыре под Одессой, в 1922–1923 годах пришел на Новый Афон, а после разгона монастыря в 1924 году ушел на Псху. Поселился в сделанной им пещере в скалах в районе Св. Горы. Там было, по его словам, еще девять схимонахов, а также монахи Гавриил, Паисий и Тихон (фамилий и мирских имен их он не знал) и еще несколько монахинь. Одно время в районе Св. Горы был благочестивый старец Савва, и он считался старшим в этой группе, но попасть к нему, не приближенному к отцу Гавриилу, было невозможно. Тогда отец Савва прожил там лишь два месяца и затем в сопровождении четырех монахов куда-то ушел.

Под Св. Горой была подземная церковь, где совершал богослужения иеромонах Гавриил и куда часто приходил из Псху отец Феодосий. На богослужения собиралось тридцать-сорок человек, и тогда они служили на открытом воздухе в лесу, где алтарь и клирос были сделаны из земли. После завершения службы произносились проповеди: отцы Гавриил и Феодосий призывали к терпению, а в последнее время говорили, что уже есть сведения о том, что вспыхнули восстания на Кубани и в других местах...

На допросе монах Иоанн (Романский) показал: *«Все мы, монахи, в том числе и я, смотрели на Советскую*

²⁵⁵ Отцу Гавриилу удалось избежать ареста и в дальнейшем скрыться. В материалах дела, несмотря на то что его имя постоянно повторяется и почти все обвиняемые упоминают о нем на допросах, даже не названы его мирские имя и фамилия.

власть как на власть антихриста и сатаны и считаем настоящий период времени властью антихриста, о котором было указано в Евангелии. Отец Гавриил говорил, что ему царствовать две седмицы лет и после этого он будет низвергнут. В этом низвержении должны принимать участие все православные христиане, также инаковерующие, признающие единственной законной властью власть помазанника Божия — царя».

На другой день на Св. Горе были арестованы первые семь монахинь: Елеферия (Чубукова), Лидия (Сказкина), Лидия (Ставицкая), Малахия (Кабачкина), Рафаила (Смелая), Серафима (Ворожеева-младшая), Таисия (Соловьева), Херувимия (Ворожеева)²⁵⁶. 23 апреля 1930 года была допрошена монахиня Малахия (Кабачкина), 38 лет, из крестьян Курской губернии. Она показала, что, имея склонность к монашеской жизни, давно хотела уйти от мира и постричься в монахини (муж ее погиб еще во время Первой мировой войны, и она какое-то время проживала у своего отца). В 1926 году она отправилась на Кавказ, о котором была наслышана, в Новороссийске на пристани монашка рассказала ей про Бабук-Аул, где живет много монахов-имяславцев, посвятивших себя служению Богу. И Параскева отправилась туда, где и поселилась вместе со своей товаркой Евдокией Евсюковой у одной монашки.

В Бабук в то время было много монахов и монашек, которые подчинялись двум старцам, их все считали святыми. Сама Параскева их не видела, так как, по ее словам, святых могли видеть только избранные монахи, *«проявившие себя с хорошей стороны в области молитв*

²⁵⁶ Елеферия (Чубукова Татьяна Дмитриевна), Лидия (Сказкина Лукерья Васильевна), Лидия (Ставицкая Мария Максимовна), Малахия (Кабачкина Параскева Яковлевна), Рафаила (Смелая Матрена Леонтьевна), Таисия (Соловьева Таисия Федоровна), Херувимия (Ворожеева Евфимия Тихоновна).

и послушания, а также имевшие веский авторитет среди монашеско-имяславской организации, существовавшей тогда на Бабуке». Наставником у Параскевы Кабачкиной и Евдокии Евсюковой на Бабуке был схимонах Стефан. После разгрома скитов на Бабуке он бежал на Псху, об этом же рассказал им, так что в начале 1928 года они также прибыли на Псху и поселились в келье монаха Евлампия. Позднее они перешли на квартиру к Никифору Пономореву, проживавшему под Св. Горой, у него же проживал и схииеромонах Гавриил с двумя послушниками. Он-то и постриг в мантию Параскеву с именем Малахия и Евдокию — с именем Варвара, но перед постригом долго с ними беседовал. На допросе монахиня Малахия (Кабачкина) показала об этом так:

«Поскольку мы принимаем звание монахинь, то должны проповедовать слово Божие против антихриста, и что после отбытия установленного послушания и испытания на Псху мы будем во славу Господа посланы к народу в крестьянскую массу проповедовать слово Божие, а также учение о необходимости борьбы против антихриста-сатаны, которым является Советская власть. Лично я, а также моя товарка Евсюкова Евдокия были согласны вполне с его учением, которое я считаю вполне правильным, и поскольку Советская власть преследует религию и всех христиан, постольку она является антихристовой, я ее не признаю. Такой точки зрения придерживаются и другие монашки, которые проживают со мной под Св. Горой, в частности Ворожеева Евфимия, Сказкина Лукерья, Смелая Матрена, Ставицкая Мария, мать Елеферия и мать Таисия»²⁵⁷.

²⁵⁷ Имеются в виду монахини: Херувимия (Ворожеева Евфимия Тихоновна), Лидия (Сказкина Лукерья Васильевна), Рафаила (Смелая Матрена Леонтьевна), Лидия (Ставицкая Мария Максимовна), Елеферия (Чубукова Татьяна Дмитриевна), Таисия (Соловьева Таисия Федоровна).

Схиеромонах Гавриил говорил им, что монахиням необходимо твердо изучать слово Божие и учение св. древнеапостольской Церкви для того, чтобы впоследствии идти в народ и его проповедовать среди женщин, а те в свою очередь будут влиять на своих отцов, мужей и сыновей, и те таким образом поймут необходимость борьбы с антихристом-сатаной, каковым является советская власть. Несколько раз отец Гавриил посылал их в село к крестьянам для проповеди и учения слова Божия, об этом подробно показала монахиня Малахия (Кабачкина):

«Мы уговаривали женщин-мирянок ходить побольше в церковь, слушать слово Божие и удерживать мужей от соблазна, который им строит власть антихриста. Евсюкова Евдокия рассказывала мне, что женщины-мирянки зачастую обращаются к безбожному врачу за теми или иными надобностями и что она доказала одной из них нецелесообразность лечения у врача, а лучше лечиться постом и молитвою, а также святой водой, освященной Гавриилом, и она пошла по ее указаниям, и теперь вполне здорова, тогда как раньше, лечась у врача, она все время болела...

Мы говорили матерям, чтоб не пускали своих детей в школы. Почему мы так говорили, так как я убеждена, а со мной и все монахини, что в школах Советской власти не учат ничему, кроме безбожия и разврата. Детей калечат и учат не почитать родителей, а также не верить в Бога, готовя из них в дальнейшем таких же слуг антихриста, каковыми в настоящее время являются коммунисты.

Показание мое правильное, подписать отказываюсь по своим религиозным убеждениям».

24 апреля 1930 года на Св. Горе были арестованы другие монахини: Апполинария (Мартьянова), Валентина (Солдатовая), Варвара (Евсюкова), Варвара (Несмеянова), Дария (Герасимова), Ефросиния (Нойкина), Мариам

(Кудрина), Мария (Белобородова), Михаила (Худякова), Надежда (Шпыхова), Нина (Стасюкова), Пелагея (Степанкова), Поликсена (Сорокина), Рахилия (Жернова), Салафаила (Демченко), Серафима (Ворожеева), Татьяна (Карпикова), а также монахини Елеферия (Чубукова) и Таисия (Кашагина) с хутора Битага, обе они пришли на Песху из Уфимского монастыря²⁵⁸.

Все они обвинялись как «члены подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации и мяслазцев», а также в «систематической агитационной деятельности против Советской власти». Некоторые из них были особо отмечены как «разъездные проповедницы», проводившие агитацию по заданию руководящего центра на Кубани и в прилегающих округах. Упомянутый «свидетель» об этом также подробно показал; кроме того, он особо отметил, что «монашки летом все время ходят по горам и поставляют полковнику Козлову продукты питания». И в заключение своих многословных показаний заявил следующее:

«Я хочу обратить особое внимание на монашек как главное зло этой организации. На первый взгляд покажется, что монашка неграмотная, да еще старушка — элемент безобидный, но мое двухлетнее наблюдение

²⁵⁸ Апполинария (Мартьянова Александра Евграфовна), Валентина (Солдатова Гликерия Васильевна), Варвара (Евсюкова Евдокия Ивановна), Варвария (Несмеянова Варвара Ивановна), Дария (Герасимова Дарья Агеевна), Ефросиния (Нойкина Ефросинья Вуколовна), Мариам (Кудрина Александра Григорьевна), Мария (Белобородова Параскева Никифоровна), Михаил (Худякова Мария Петровна), Надежда (Шпыхова Иулитта Емельяновна), Нина (Стасюкова Анна Афанасьевна), Пелагея (Степанкова Прасковья Ивановна), Поликсена (Сорокина Параскева Георгиевна), Рахилия (Жернова Агафья Григорьевна), Салафаила (Демченко Наталья Аверьяновна), Серафима (Ворожеева Евфимия Тихоновна — младшая), Татьяна (Карпикова Татьяна Малаховна), Елеферия (Чубукова Татиана Дмитриевна) и Таисия (Кашагина Татьяна Федоровна).

привело к следующему заключению, что монах или какой-нибудь другой святой отец нажмет кнопку монашке, а та рада стараться во имя Господа и понеслась колбасой по селам, хуторам, деревням соседних округов агитировать среди несознательных крестьянок, раздавая травку со святых псхуских мест, что дескать Советская власть антихристова власть, чтобы не поступали в КОВы²⁵⁹, колхозы, не покупали облигаций и т<ак> д<алее>. И одна такая монашка в каком-нибудь округе наделает столько, что потом годами приходится исправлять. Плоды трудов монашек — саботаж крестьянства, недосев, уход из колхозов и т<ак> д<алее>. Такое зло монашек нужно изолировать от Советского строительства».

Что и было незамедлительно сделано: арестовано около тридцати монахинь, и 8 октября 1930 года все они (причем многие из них были преклонного возраста) как «участники подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев» были приговорены к 10 годам концлагеря.

Хутор Санчарский

Расположенный рядом со Св. Горой хутор Санчарский был, по-видимому, также сразу «оперирован», и руководитель скита на этом хуторе схимонах Феодул (Дьяченко Федот Климович) оказался в числе первых арестованных вместе с другими монахами²⁶⁰. Недаром в "Обвинительном заключении" в списке обвиняемых он

²⁵⁹ КОВ — крестьянское общество взаимопомощи.

²⁶⁰ Иоанн (Старченко Иван Петрович), Иуст (Михайленко Иосиф Фадеевич), Макарий (Демин Михаил Тимофеевич), Нearch (Жолотов Николай Матвеевич), Феодосий (Шовтенко Фома Александрович).

указан сразу после главного руководителя Саввы (Румянцева). Но протоколов первых допросов схимонаха Феодула в материалах дела нет, лишь его дополнительные показания уже в Новороссийске, где он и назвал монахов скита, бывших у него в подчинении: Феодосий, Игнатий, Матфей, Макарий, Иуст, Антоний, Досифей, монахини Евфимия, Херувимия. Указывал, что раньше руководителем скита был Илиодор (фамилии его не знал), который в 1928 году ушел на Кубань²⁶¹. Подчинялись они Гавриилу, а идеологом у них был Савва, которого он видел один раз в келье Гавриила, когда все руководители собирались.

На Псху отец Феодул пришел в 1922 году. Слышал об имяславской организации на Бабуке, которая была арестована, оттуда в 1928 году приходило много монахов и поселялось на Псху. Раньше монахи еще приходили и приносили на продажу ложки своей работы. Сам он с ними не беседовал, они бывали в келье у отца Гавриила.

Заместителем у отца Феодула был иеромонах Макарий (Демин Михаил Тимофеевич, 1877 года рождения, из крестьян). Его арестовали 24 апреля, но в материалах дела протоколы его дополнительных допросов только в Новороссийске. На допросе от 3 июня он откровенно и лаконично показал: *«Я в 17 лет попал в Ново-Афонский монастырь. В последнем пробыл до 1923 года и ввиду притеснений Сов<етской> власти ушел в 1923 г<оду> в пустыню Псху. Седьмой год уже проживаю в х<уторе> Санчарском селения Псху, занимаясь посадкой кукурузы и картофеля. По убеждениям я являюсь убежденным монархистом, сторонником монархического строя. Советскую власть не признаю и всю свою жизнь решил посвятить идеям монархизма»*.

²⁶¹ Иеромонах Илиодор (Ильяшенко) служил в станице Удобной, присоединился к епископу Варлааму (Лазаренко). Арестован не был, успел осенью 1929 года уехать в Грузию.

Когда он пришел на Псху, монахов было всего человек шесть-семь, а в 1924–1925 годах начался приток их со всех концов России. В 1929 году — уже 150–200 человек, из Ново-Афонского монастыря он назвал около 20 человек. Признал, что *"псхинская монархическая организация"* складывалась в 1926–1927 годах, и перечислил *"ячейки"* по хуторам: Лакоба, Санчарский, Водопад, Серебряный, Ригдза, селение Псху, Битага и озеро Рица. Примечательно, что он не назвал организацию *"имяславской"* и ни разу не употребил этого слова во время допроса.

Только на допросе 13 июня, также говоря об отдельных группах *«монархической организации»* и, в частности, о своей группе на хуторе Санчарском, признав себя *«заместителем руководителя Дьяченко Федота Климовича, он же Феодул»*, иеромонах Макарий назвал отдельную *«имяславскую группу в станице Сторожевой, которая примыкала к их псхинской монархической организации»*. И в конце показаний ему пришлось подтвердить версию следствия: *«Общая наша цель, всех групп имяславцев-монархистов, была направлена на подготовку вооруженного свержения Советской власти и восстановления монархического строя»*.

Получается, что для следствия *"имяславие"* было своего рода синонимом *"монархизма"*. В том же духе дал показания на допросе от 26 апреля и монах Иуст (Михайленко Иосиф Фадеевич), ближайший *«идейный помощник»* отца Феодула, многолетний его сподвижник — сначала на Св. Горе Афон, затем на Новом Афоне и, наконец, в последние годы вновь на Св. Горе на Псху. Он происходил из крестьян Подольской губернии. По его словам, более двадцати лет провел на Старом Афоне, в 1914 году перешел в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии, пробыв в нем до 1924 года, и оттуда ушел на Псху, где и находился в день ареста.

«Всего я ношу рясу монаха 30 лет. Холост, имущества не имею, сам беспартийный и никогда ни к какой партии не принадлежал. Ни в каких армиях не служил, все свои годы провел в монастырях монахом. Царскую власть считаю Божией властью, царя считаю помазанныком Божиим. Что же касается Сов<етской> власти, то я ее не признаю и евреев считаю злейшими врагами. Больше ничего показывать не хочу. Я мяславец, Советской власти не признаю, а потому подписывать протокол допроса отказываюсь».

Хутор Ригдва

22 апреля 1930 года начались аресты и на хуторе Ригдва. Первым был арестован один из самых молодых монахов — Адриан (Третьяков Андрей Иванович), 25 лет. Его семья — из крестьян Харьковской губернии, но отец вместе с семьей переселился в село Винодельное Ставропольского округа, занимался хлеборобством, был очень религиозным человеком и гостеприимным в отношении монахов. *«Наш дом был приютом для всякого бродячего монашеского элемента. В таком же духе воспитывались все мы братья»*, — занесено в протокол допроса Андрея Третьякова.

Его брат Ефим после Первой мировой войны ушел в Михайловскую Закубанскую пустынь и там принял монашеский постриг с именем Олимпий²⁶². Андрей в то время был с ним, и после закрытия монастыря они вместе пошли в Сухуми, но и там монастырь был уже ликвидирован, тогда монашка Илариона²⁶³ направила их на Псху с письмом к отцу Феодосию (Волкову). *«Прочитав письмо, отец Феодосий имел с нами продолжительную бе-*

²⁶² Олимпий (Третьяков Ефим Иванович).

²⁶³ Илариона (Радионенко Ирина Галактионовна).

седу и все время выпытывал, как мы веруем, крепко ли веруем и согласны ли в дальнейшем нести этот крест. Мы дали согласие и клятву, и отец Феодосий дал нам направление к селению Ригдза».

Там они встретили своего брата Рафаила, тот ранее также уже был в каком-то монастыре, позднее закрытом. Итак, трое братьев поселился на хуторе Ригдза, Рафаил, как старший, был их наставником. Отец Феодосий (Волков) позднее послал в помощь к ним иеромонаха Николая (Богуславского) и монахов Афанасия (Полиенко) и Романа (Солдатенкова)²⁶⁴; руководителем общины стал отец Николай. Позднее к ним примкнули монах Александр (Артемьев) и послушник Дмитрий Стерцум²⁶⁵, а в 1928 году был вызван письмом самый младший брат Иван Третьяков и также определен в послушники.

Эта монашеская община отличалась особой миссионерской активностью. Почти все монахи и послушники ходили по Кубани и другим областям и проповедовали народу. Как показал на допросе монах Адриан (Третьяков): *«Все были противники Сов<етской> власти. Наша задача была неустанная борьба с Сов<етской> властью».* Он признал их связь с другими общинами, например с монашеством на Святой Горе, где главой был отец Гавриил, часто посещавший их. Всего было, по его словам, проведено восемь или девять собраний, на которых обсуждались меры борьбы с советской властью, посылка ходоков в другие округа с целью поднятия восстания среди реакционного казачества.

«На последнем собрании даже обсуждался вопрос по поводу выступления папы римского с крестовым похо-

²⁶⁴ Иеромонах Николай (Богуславский Николай Лаврентьевич), монахи Афанасий (Полиенко Афанасий Павлович) и Роман (Солдатенко Роман Данилович).

²⁶⁵ Монах Александр (Артемьев Алексей Васильевич), Дмитрий Ефимович Стерцум.

дом против Сов<етской> власти. Мы были чрезвычайно довольны, что даже католик и тот хочет пособить избавиться от ненавистной нам Сов<етской> власти. Мы все как один дали клятву поддержать всемерно тех людей, которые поднимут знамя восстания против Сов<етской> власти».

В конце лета 1929 года монах Адриан (Третьяков) по заданию отца Гавриила отправился к казакам на Кубань, около восьми месяцев он провел в станицах Терновке, Белоглинке, Покровке, Бесскорбной. *«Проводил агитацию с целью развала колхозного строительства и подбивал казаков к необходимости поднятия восстания среди лиц, обозленных против коллективизации».* В начале 1930 года ввиду угрозы ареста на Кубани монаху Адриану пришлось скрыться, и он выехал в Баку. Пробыл там около месяца, затем вернулся на Псху и узнал, что братья Рафаил и Олимпий, будучи посланы в качестве проповедников: один в Майкопский, другой в Ставропольский округ, — умерли. Младший брат, послушник Иван, вместе с ним был арестован на Псху и также обвинялся как *«разъездной агент».*

Иеромонах Николай (Богуславский) был арестован 24 апреля 1930 года на хуторе Пшица. Он родился в 1873 году в селе Карнасовка Афанасьевской волости Екатеринославской губернии в крестьянской семье. С 1907 по 1922 год пребывал в Киевском монастыре, после его закрытия отправился на Псху и с 1922 по 1929 год жил на хуторе Ригдза. *«По убеждениям являюсь монархистом, состоял в группе имяславцев х<утора> Ригдза и вследствие перемены местожительства перешел в такую же группу на х<уторе> Пшица, примыкающую к группе х<утора> Водопад»*, — показал он. Видимо, когда он переселялся, монах Адриан в это время ходил по Кубани, поэтому называл его руководителем их Ригдзского скита по старой памяти. С отцом Николаем были также арестованы монахи Александр (Артемьев), Афа-

насий (Полиенко) и Роман (Солдатенко) и послушники Дмитрий Стерцум и Петр Третьяков, брат Адриана.

Руководителем группы на хуторе Водопад отец Николай (Богуславский), как и "свидетель" в своих подробных показаниях, назвал Степана Кучеренко. Но, очевидно, он успел скрыться, и в материалах "Обвинительного заключения" его имя не упоминается (или он был арестован когда-нибудь позднее и прошел по документам другого группового дела).

Отец Николай позднее показал на допросе: *«Все мы, сторонники монархического строя на Псху, считаемся имяславцами. Занимались сельским хозяйством, в монархической организации состояли с определенной целью подготовки восстания против Советской власти, ее свержения и восстановления монархического строя, для чего работу проводили, во-первых, среди своей группы мирян х<утора> Водопад и Псху, а также на стороне Кубани и Екатеринославской губернии»*. И добавил затем, что в 1926 году он был послан отцом Гавриилом вместе с монахом Рафаилом (Третьяковым) и послушником Афанасием Полиенко для проповеди среди мирян.

Ходили они по селениям Екатеринославской губернии и *«говорили о том, что Советская власть сатанинская, вся ее работа антихристова, скоро ей придет конец и на престол будет посажен властитель России, помазанник Божий — царь»*. Почти полгода провели они на Украине, жили у Терентия и Павла Третьяковых, братьев Рафаила. Вернулись в сентябре 1926 года и рассказали, что все крестьяне в большинстве живут в бедности, что налицо возможность их выступления против властей. Позднее монах Рафаил был отправлен на Кубань, и отец Николай слышал, что его уже нет в живых.

В 1929 году отец Гавриил направил иеромонаха Николая на Кубань, где тот обошел станицы Кардоникскую, Зеленчукскую, Сторожевую; именно в последней станице он встретился с иеромонахом Павлом, возглав-

лявшим там подобную группу имяславцев из 20–30 человек. О настроениях казачества тот рассказал ему, что в большинстве казаки не сочувствуют советской власти.

Кроме этих походов иеромонах Николай несколько раз ходил в Сухуми и приносил отцу Гавриилу засекреченные пакеты от монаха Антонина (Головка)²⁶⁶, проживавшего там после закрытия Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря в Абхазии.

«В общем наша работа сводилась к подготовке восстания против Советской власти... Мы совершенно противоположных интересов и сойтись с существующим строем, где существует диктатура пролетариата, никогда не сможем, поэтому и стремимся к свержению Советской власти, что и проводили на деле», — заявил иеромонах Николай в конце допроса.

На Пшице был арестован и проживавший там монах Макарий (Мечев)²⁶⁷, 58 лет, бывший насельник Свято-Михайловской пустыни. В 1926 году он жил на Бабуке, а в 1927 году пришел на Псху, чтобы узнать, где можно занять участок земли. Ему сказали, что можно на реке Пшица в 15 км от Псху. Он разработал огородик, выращивал картошку и кукурузу; посещал также богослужения монашеской общины на Псху. Советскую власть он не принимал как сатанинскую, но ничего более конкретного на допросе не показал.

23 апреля 1930 года арестовали еще одного из жителей хутора Ригдза — Алексея Семеновича Романцова, 31 года. Он, кстати, был из старожилков; еще в первой половине 1914 года, до начала войны, вся его семья переселилась на Псху из Могилевской губернии. *«Выкорчевали лес, построились и стали жить, добывая себе средства*

²⁶⁶ Антонин (Головка Алексей Иванович).

²⁶⁷ В "Обвинительном заключении" его фамилия занесена как «Мечев», а в протоколе допроса — «Мячев», в справке «Книги памяти» он указан как «Мечев», согласно записи о его приговоре.

к существованию сельским хозяйством». В 1917 году Алексея, согласно его показаниям на допросе, призвали в армию Керенского, затем в 1918–1919 годах он служил рядовым в Белой армии и попал в плен, в 1920 году был освобожден и вернулся на Псху к своей семье, чтобы вновь заниматься сельским хозяйством, при новой власти считаясь крестьянином-единоличником. Поскольку у них было двое нанятых работников-батраков, то в 1929 году их семью причислили к кулакам и лишили избирательных прав. На допросе он показал, что в период 1925–1926 годов на Псху из закрытого Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря стало стекаться много монахов: строили кельи и подземные церкви, «которые были обставлены с чисто христианским благолепием из тех вещей, которые им удалось вывезти из монастыря». Были тайные церкви устроены и на хуторах.

Семья Романцовых так же, как и другие крестьяне, помогала монахам продуктами до сбора ими своего урожая кукурузы. *«Они приглашали на богослужения, во время которых говорились проповеди, а потом велись душеспасительные беседы. В этих беседах отмечалось, что переживаемое нами время является ниспосланным Господом наказанием за грехи людей, причем Советская власть является властью антихриста и сатаны, что таковая угнетает народ, но что необходимо всем истинно верующим людям вооружиться терпением и ждать подходящего момента с таким расчетом, чтобы в дальнейшем с Божьей помощью выступить против антихриста с оружием в руках и низвергнуть дьявола в ад, и тогда будет торжество Православной Церкви».*

Иеромонах Викторин (Беляев), который фактически являлся духовным руководителем общины, на хуторе Ригдза не проживал, но часто приходил туда. Незадолго до ареста он пришел с двумя монахами с Кубани, и они рассказали, что там творится: целые семьи уничтожают, высылают на Север, отбирают последний кусок хлеба.

Многие хуторяне после этого отказались брать справки из сельсовета, объясняя: *«Монахи говорили, что бумаги Советской власти оскверняют естество человека»*. Алексей Романцов задал в связи с этим монаху Гавриилу вопрос о деньгах, и тот ответил, что деньги тоже антихристовы, но с Божьей молитвой с омерзением в сердце, предварительно осенив себя крестным знаменем несколько раз, их можно брать потому, что этими деньгами поддерживаешь свое существование и тем самым данную Богом жизнь, которая в дальнейшем будет нужна для борьбы с антихристом-сатаной, каковым является советская власть.

Как Алексей помнил, монахи говорили, что после свержения советской власти вновь воцарится царь-помазанник, крестьянам отдадут вновь все, что забрали антихристы-большевики: землю всю из колхозов и совхозов, церкви обратно откроют, которые были опоганены большевиками; после освящения в них вновь будут совершаться богослужения, и тогда вновь воссияет благодать и заря Православной Церкви. По поводу Никиты Козлова Алексей много слышал от монахов, а также о том, что именно Антон Жилинский носил тому продукты и патроны, которые покупали у абхазцев.

«Жилинский говорил, что если это потребуется, то Козлов в любую минуту соберет вокруг себя банду до 1000 человек, с каковой Советской власти придется посчитаться. Он даже говорил, что Козлов может в любую минуту занять Сухум, если только это потребуется для высадки десанта белогвардейцев, но что еще сейчас не время. Монах Викторин, который находился в очень близкой связи с Жилинским и Козловым, подтверждал эти слова, говоря, что Богу угодно дать нам человека, который, подобно библейскому Геденону, поразит нечестивых мадианитян, но что еще светильники не зажжены, т<ак> к<ак> время еще не настало для этого».

Хутор Серебряный

Иеромонах Викторин (Беляев), руководитель общины на хуторах Ригдза и Серебряный, был арестован 23 апреля 1930 года на хуторе Серебряный. В миру он Беляев Василий Андреевич, родился в 1881 году в селе Верхняя Хава Воронежской губернии в крестьянской семье. Окончил Воронежскую семинарию и с 1907 года был в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре, где был пострижен в монашество с именем Викторин и находился там до ликвидации монастыря в 1924 году. Во иеромонахи был посвящен уже тайно в Сухуми в молитвенном доме на чердаке у епископа Антония. В районе Псху он поселился с другими монахами вблизи хутора Серебряный на поляне, где были устроены кельи и скиты. Из монахов, живших там, он назвал на допросе следующих: *«Авель, Ириней Снитко, Яков Никулин, Иосиф Качкин, Игнатий Жуков, Филарет»*, — но среди арестованных их нет, очевидно, к тому времени они уже не жили в скиту. Отец Викторин отметил, что Авель еще при нем ушел в Медовеевские скиты — это, вероятно, тот самый иеромонах Авель (Пригородов Антон Андреевич), проходивший по делу епископа Варлаама (Лазаренко) как настоятель скита, расположенного в урочище Чуро в верховьях реки Сочинки²⁶⁸.

Монахи поддерживали свое существование разведением овощей, а за одеждой, обувью и предметами первой необходимости, а также за получением информации, всяких сведений и новостей извне, по словам отца Викторина, изредка посылали монахов в Сухуми, где у них была тайная квартира, которой ведал монах Григорий, но эта квартира зимой 1929/30 года была разгромлена агентами Сухумского ОГПУ.

²⁶⁸ О нем подробно в части 1.

Всего монахов, разбросанных по хуторам и долине Псху, судя по показаниям иеромонаха Викторина (Беляева), было свыше двухсот человек. Раньше было еще больше, но потом около 100–150 монахов разошлись в разные места: в Майкоп, на Кубань, в Ставрополье и на Терек, а также в поселения по берегу Черного моря. Их целью, как показал отец Викторин, было *«проповедовать учение Православной Церкви в кубанских, майкопских и других станицах»*. А в отношении монашествующих на Псху он признал:

«Все монахи, которые проживали в долине Псху, и часть в районе, расположенном близ озера Рица, на отроге горы Пшегидхва, были тесно спаяны между собою в одну организацию, которая объединилась на почве несогласия с законами и политикой Советской власти, угнетающей религию, поднявшей руку против помазанника Божия и защитника веры православной — царя, грабящей народ, выжимающей из простых крестьян последние соки».

И далее в показаниях отца Викторина откровенно и подробно рассказано об этой организации:

«Наша организация монахов, а также мирян, которые были согласны с нашими основными политическими установками и принципами, основанными на законах святой древнеапостольской Церкви, а также на законах царской династии, на которую покусилась Советская власть в лице безбожников-коммунистов»; «Задача нашей организации, которую в политическом отношении она ставила перед собой, — идеологическая подготовка к возврату монархии, для каковой цели члены нашей организации проводили соответствующую работу среди населения Псху и его окрестностей, внушая им недоверие к Советской власти, которая как с моей точки зрения, так и с точки зрения всех членов нашей организации является властью антихриста-сатаны, властью безбожия и дьявола; и переживаемое нами

в последний период времени является не чем иным, как издевательством и глумлением над самым сокровенным чувством человека, заложенного в нем самим Господом, — верой.

К этому убеждению я пришел, когда нас, как собак, выгнали из нашего Афонского монастыря. К этому убеждению я пришел и в настоящее время, видя, с какой ненавистью власть относится к народу, грабя его и убивая, отбирая у крестьян их последнее имущество и хлеб, ради которого они трудились в поте лица своего, оставляя на голодовку их жен и детей, которых пускают по миру нищими, а мужей расстреливают и ссылают в далекие северные края, где они, как мухи, умирают от голода, холода и поварьных болезней.

Все эти признаки, противные законам Божеским и человеческим, говорят за то, что с поущения Господа Советская власть исходит от дьявола и по существу является властью антихриста и сатаны. А поскольку это так, гнев Господа Бога должен поразить этого антихриста, как об этом сказано в откровении Иоанна Богослова, где говорится о том, что совершилась тайна Божия, которую необходимо благовестить всем православным христианам о делах антихриста-сатаны, каковым является Советская власть, дабы его уничтожить.

А так как гнев Господень осуществляется не сам по себе, но и через людей, и поскольку в откровении было указано о том, что антихрист будет свергнут через посредство Святой Церкви, то мы проповедовали о необходимости воссоздания подобного объединения, в которое бы входили чистые сердцем и помышлением люди, преданные Церкви и помазаннику Божию, которые бы осуществляли гнев Господень на нечестивых слуг антихриста, в данном случае коммунистов и их приспешников. Это являлось нашей политической установкой.

Конкретно мы поставили себе задачей сконцентрировать на Псху как можно больше людей, недовольных Советской властью и которые были бы ею преследуемы».

Иеромонах Викторин (Беляев), вероятно, наиболее подробно и точно из всех обвиняемых изложил программу их монашеской организации. При этом, что важно отметить, он нигде не назвал ее «имяславской», более того, в своих показаниях он даже ни разу не употребил этого термина. Речь идет только о «монашеской» или «монархической» организации. Она была разбита на группы по хуторам, где находились скиты. В скитах руководителями были иеромонахи, которым подчинялись все монахи и миряне-верующие. А возглавляли организацию схииеромонах Гавриил и схимонах Савва (Румянцев).

Сам иеромонах Викторин признал, что руководил монахами скитов на хуторах Серебряный и Ригдза. Для получения указаний и информации ходил в скит схииеромонаха Гавриила, расположенный в районе Св. Горы. Схимонах Савва (Румянцев) скрывался в районе озера Рица и изредка в сопровождении двух монахов приходил для советов к отцу Гавриилу. Один раз в месяц посылали кого-то из монахов в Сухуми к бывшему игумену Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря Илариону (Кучину), от него и получали самые последние известия. *«Этот Иларион, проживая на маяке, имел связь с некоторыми мирянами, принадлежащими к нашей организации, проживающими в Сухуме, кто эти миряне, я не знаю».*

Потаенные церкви были устроены на хуторах Ригдза, Серебряный, Битага, Санчарский, Водопад, Святая Гора, а также две в районе озера Рица. Иногда на хутор Серебряный приходил отец Феодосий, близко стоявший к отцу Гавриилу и знавший также схимонаха Савву. Руководители скитов обязаны были раз в месяц являться к схииеромонаху Гавриилу, который сообщал о новостях.

Так и о крестовом походе против СССР, объявленном в начале 1930 года папой римским, узнали от отца Гавриила, который приказал широко оповестить об этом население Псху. При этом он также говорил о том, что скоро близится конец власти антихриста, которому осталось царствовать полтора года, ибо в Евангелии сказано, что он будет царствовать две седмицы, то есть четырнадцать лет, после чего будет свергнут.

Об этом отец Викторин поведал монахам в скиту во время проповеди после очередного богослужения. *«Кроме этого Гавриил говорил нам о том, что сейчас проводится везде коллективизация, т<о> е<сть> народ загоняют в кабалу в колхозы, где не разрешают иметь икон и молиться, а все крестьяне работают на коммунистов, кто же против этого сопротивляется, того уничтожают, а его имущество отбирают и делят между коммунистами. Говоря об этом, Гавриил проводил параллель между положением, которое было во времена первых христиан и есть сейчас, и говорил, что это одно и то же и то, что написано в Евангелии, сбывается».*

За последние два года, добавил иеромонах Викторин, три раза проводились совещания руководителей скитов. Постановления на бумаге не фиксировались, но твердо запоминались и проводились в жизнь. Касались они внутренней жизни скитов — назначения руководителей, провинностей того или иного монаха, а также информирования о событиях извне. Причем, по словам отца Викторина, схииеромонах Гавриил всегда утешал их, уговаривал запастись терпением, так как советской власти осталось существовать очень недолго. На этих собраниях присутствовали девять руководителей скитов, а также схимонах Савва (Румянцев), схииеромонах Гавриил и схимонах Михаил (казначей). Правда, финансовые вопросы никакие не решались, так что, какими средствами располагала организация, отец Викторин не знал.

По поводу связей, как выразился отец Викторин, «с потусторонним для нас миром» он повторил, что многие монахи ушли из Псху в июне — июле 1929 года. Они разошлись по берегу Черного моря, ушли на Кубань, Майкопщину, Ставрополье, чтобы «проводить соответствующую агитацию против антихриста — Советской власти, а также для вербовки недовольных Советской властью элементов для увеличения организации».

Он также подтвердил связь с Никитой Козловым, который несколько раз бывал в районе Св. Горы и подолгу беседовал со схииеромонахом Гавриилом в его келье. «Козлов является глубоко верующим человеком и ненавидит Советскую власть. Мы на него рассчитывали как на могущего быть впоследствии руководителем военной единицы, которая впоследствии будет сражаться против Сов<етской> власти, а поэтому оказывали ему полное содействие, предупреждали о грозившей ему опасности, снабжали продуктами и боеприпасами, которые получали у соседей-абхазцев...

Конкретная антисоветская работа всех членов нашей организации, как специальных агентов на Северном Кавказе, так и на Псху, заключалась в распространении среди населения убеждений, что Советская власть является незаконной властью, исходящей от антихриста. Мы призывали бойкотировать органы власти, говоря, что они являются нечестивыми и оскверняют христиан. Мы призывали не вступать в колхозы, говоря, что они являются рассадниками разврата. Мы говорили: организуйтесь под знаменем своей Православной Церкви против антихриста-сатаны Сов<етской> власти и ждите удобного момента, когда нам помогут заграничные братья-христиане, чтобы извне и изнутри ударить по антихристу, свергнуть его с залитого народной кровью трона и снова водрузить поруганную древнеапостольскую Церковь и крест Христов.

Политической установкой нашей организации являлось возвращение на престол династии Романовых и восстановление всего величия Православной Церкви, а также черного и белого духовенства. Конечно, мы не рассчитывали свергнуть Сов<етскую> власть своими слабыми силами, мы рассчитывали на помощь извне и особенно воспрянули духом, когда был объявлен крестовый поход. Нашей мыслью, поданной Гавриилом и Саввой, было всем членам организации выехать в округа Кубани, Майкопа и перенести центр поближе к этим округам (предполагался один из пунктов Черного моря) и вести соответствующую работу среди населения, как организационного, так и агитационного характера.

К сожалению, этого не удалось сделать, т<ак> к<ак> помешал наш арест, хотя мы были своевременно о нем предупреждены благодаря связям с населением, тем не менее мы не предполагали, что операция начнется так скоро, а поэтому не приняли соответствующих мер, чтобы скрыться».

24 апреля был арестован проживавший на хуторе Серебряном монах Антонин (в миру Головкин Алексей Иванович). Он родился в 1880 году в Херсонской губернии в крестьянской семье. С восемнадцати лет добровольно служил в царской армии, в 1902 году вышел в отставку в чине унтер-офицера. В 1903 году поступил насельником в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, позднее пострижен в монашество с именем Антонин, а с 1924 года после его закрытия жил в Сухуми в доме Павла Андреевича Олейникова, служившего по архивной части, и вечерами помогал ему по работе вместе с иеромонахом Филимоном (Рудем). С июня 1925 года монах Антонин прожил шесть месяцев у отца Гавриила на Псху, в ноябре вернулся в Сухуми и был арестован вместе с отцом Филимоном за то, что помог тому вывезти вещи из Ново-Афонского совхоза (устроенного в их

монастыре): *«несколько подрясников, около 20–30 пар белья, мужских сапог 15–20, материал и 3 монеты золотых и 10 рублевых»* — фактически монастырское имущество, бессовестно присвоенное властями, изгнавшими монахов из их обители.

За это монах Антонин был приговорен к году тюрьмы, иеромонах Филимон — к полутора годам тюрьмы. После освобождения отец Филимон ушел на Кубань, а монах Антонин с 26 ноября 1926 по 25 ноября 1928 года оставался в Сухуми, передавая различные сведения иеромонаху Гавриилу. Потом Антонину стал угрожать вторичный арест из-за соседей, заметивших его *«в анти-советской деятельности»*; тогда отец Гавриил вызвал его на Псху, а связным в Сухуми остался монах Григорий (Олейников).

На Псху монах Антонин проживал в одной келье с монахом Исихием (Кечкиным) и схимонахом Филаретом на хуторе Серебряный под Серебряной горой, появлялся там иногда и монах Макарий (Демин)²⁶⁹, ставший активным разъездным проповедником в селах и станциях Кубанского округа. В их группу входили и миряне, проживавшие на хуторе: Федор Семенович Макаревич, Иван Григорьевич Томилин, Иосиф Михайлович Апполонский, Гурий Яковлевич Генба, Карп Тарасович Захаров и Леонтий Трофимович Бондаренко.

«Цель нашей группы сводилась в основном к подготовке вооруженного восстания против Советской власти, — заявил на допросе монах Антонин. — Все указания по этой работе исходили от ставленника всей псхинской организации Саввы и его заместителя Гавриила, письменно и словесно через монахов. Иеромонах Викторин, как руководитель нашей группы, давал нам задание повседневно вести агитацию среди мирян с помощью членов группы вышеуказанных мирян

²⁶⁹ Монах Макарий (Демин Михаил Тимофеевич).

о том, что Советская власть должна погибнуть, она безбожная власть, вся ее политика — антихристова, и подчинение и даже сочувствие ей будет грешным, те лица, которые сочувственно относятся к ней, будут строго наказаны Богом и помазанником Божиим — царем, власть которого есть власть наша, всех православных христиан, и она будет восстановлена в скором будущем. Кроме того, я, проводя эту работу, был выделен руководителем по подготовке к военному делу всей группы, занятия проводил теоретически и практически, больше по вечерам, без оружия, оружие, вообще, мы предполагали приобрести уже в период восстания, хотя отец Гавриил мне говорил, что у нас есть члены монархической организации, имеющие военное оружие, которое обеспечит на первое время, такие как Козлов, член монархической организации, скрывается где-то в Кубанских лесах, и другие, но их фамилий и имен мне он не сказал».

С кем проводил занятия монах Антонин, не ясно; возможно, с мирянами их группы, однако они не все были столь радикально настроены. Так, арестованный в тот же день 24 апреля Иван Георгиевич Томилин, 32 лет, крестьянин из села Палагиада Ставропольского округа, с 1928 года проживавший на хуторе Серебряном и бывавший на службах и беседах в подпольной церкви, показал, что полностью разделяет точку зрения в отношении советской власти как антихристовой, но от «агрессивных действий», к которым монахи призывали, «отказывался, т<ак> к<ак> убежден, что в данный момент это бесполезно». Как думали другие хуторяне, неизвестно.

Примечательно, что Иван Томилин переселился на Псху после того, как его в середине 1920-х годов "окулачили" (он имел молотилку, отобранную местной властью). Узнав, что есть такое место, «где скрывается много людей, чувствующих всю тяжесть советских законов и угнетения, что в горах жить гораздо легче»,

в 1928 году он еще с двумя "окулаченными" односельчанами и Карпом Тарасовичем Захаровым из его же села покинул родные пенаты. Причем, по его словам, Карп Тарасович, 50 лет, не был кулаком, а ушел потому, что, как истинно верующий, «считал для себя невозможным и несовместимым со званием христианина подчиняться безбожной антихристовой власти».

Интересны показания Ивана Томилина о жизни монахов в районе хутора Серебряный: «Жили они в кельях, искусно скрытых в лесу, и для человека, незнакомого с местностью, их найти очень трудно. Жили монахи очень скудно, поддерживая свое существование разведением кукурузы, картофеля и собиранием груш. Одежду и обувь получали из Сухума, куда посылались специальные люди с различными поручениями».

Скит Пророка Ильи или хутора Лакоба

В наиболее отдаленном от самого села Псху хуторе Лакоба аресты, тем не менее, были произведены в первую очередь²⁷⁰. Возможно, из-за того, что он первым оказался на пути опергруппы после перевала Доу. Арестованные монахи давали показания немногословные, но откровенные.

Основатель скита — монах Иоанникий, в миру Симоненко Исидор Игнатъевич, родился в 1874 году в селе Савинок Черниговской губернии в крестьянской семье. В 1897 году поступил в монастырь на Св. Горе Афон, с 1908 года в монастыре на Одесском подворье, с 1924 года

²⁷⁰ Были арестованы иеромонахи Акакий (Дорошенко Антон Иванович) и Дорофей (Резников Давид Минич), схимонах Гедеон (Малышев Георгий Никифорович), монахи Георгий (Мамченко Григорий Петрович), Иоанникий (Симоненко Исидор Игнатъевич), мирянин Лука Александрович Халява.

после разгона монашествующих приехал на хутор Лакоба, организовал там скит Пророка Ильи (до него там монахов не было). Позднее к нему стали приходить верующие, первым же он принял к себе послушником Кузьму Золотарева (впоследствии постриженного в мантию с именем Дамиан), позднее пришли иеромонахи Акакий (Дорошенко) и Дорофей (Резников), затем — схимонах Геденон и монахи Георгий (Мамченко) и Вонифатий (Иваницкий). В 1927 году он участвовал в постройке общинной церкви и после ее освящения — в богослужениях.

«Все мы из себя представляем одну группу лиц, из одинаковых убеждений и одинакового отношения к Сов<етской> власти. Кроме организованного мною скита, в округности проживало много монахов и монашек, посещающих нас, фамилии и имена их назвать не могу, так как не знаю», — показал на допросе отец Иоанникий. Знакомства он ни с кем не вел и из скита никуда не отлучался, а свои убеждения и убеждения братьев своего скита выразил так:

«Мы не признаем Сов<етской> власти, ибо она хуже дьявола. Мы признавали и признаем только власть помазанника Божьего — царя, т<о> е<сть> монархический строй. Ваша власть — власть антихристова, размазанников. Вы только разваливаете все, но у вас ничего не получается. Коммунисты — это служители дьявола, и мы их ненавидим, я лично на них смотреть не могу. Я считаю себя непримиримым врагом Советской власти, своих монархических убеждений я никогда не скрывал и скрывать не стану. Народу говорил и буду говорить, что вы слуги дьявола и жидомасоны. Ваша тюрьма меня все равно не исправит».

Иеромонах Дорофей, в миру Резников Давид Минич, родился в 1848 году в Черниговской губернии в крестьянской семье. В 1886 году поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, провел там тридцать восемь лет и был пострижен в мантию с именем Дорофей,

затем посвящен в иеромонаха; в 1924 году после закрытия монастыря вместе с иеромонахом Акакием (Дорошенко) пришел на хутор Лакоба, где и остался вместе с монахом Иоанникием (Симоненко), организовавшим скит Пророка Ильи и молитвенный дом. Потом к ним присоединились монахи Георгий (Мамченко) и Вонифатий (Иваницкий); и как старший по возрасту отец Дорофей (Резников) считался настоятелем этой монашеской общины. В 1927 году после завершения строительства церкви проводил богослужения для монашествующих и приходящих к ним мирян. О своих взглядах он особо не распространялся на допросе, а твердо заявил: *«Советская власть создана для уничтожения народов»*, — и назвал ее *«сатанинской»*.

О том, что властями против монашествующих на Песху готовится серьезная операция, иеромонах Дорофей (Резников) знал: в начале апреля лесничий хутора Лакоба сообщил ему и другим монахам, что скоро должны *«на хутор прибыть войска с целью выселить всех монахов из келий»*. Некоторые из монахов скрылись, а отец Дорофей завершил свои показания такими словами: *«Я с другими пятью монахами решил остаться до прихода власти на месте, считая, что дальше скрываться негде»*.

Иеромонах Акакий, в миру Дорошенко Антон Иванович, родился в 1877 году в Черниговской губернии в крестьянской семье. В 1904 году поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, позднее принял там монашество с именем Акакий, затем был посвящен в иеромонаха. В 1924 году после закрытия монастыря ушел с отцом Дорофеем (Резниковым) на хутор Лакоба и поселился у монаха Иоанникия (Симоненко) в скиту Пророка Ильи. В 1927 году они все вместе построили в скиту церковь, отец Акакий вместе с иеромонахом Дорофеем стали проводить там богослужения для монашествующих общины, обслуживая также население

хутора и ближних мест; и в те годы они также постригли в монашество многих верующих мирян. Важно отметить, что отец Акакий особо подчеркнул на допросе, что их скит придерживался тихоновской ориентации.

«По своим политическим убеждениям я считаю себя монархистом, т<о> е<сть> признаю желательной власть монарха, помазанника Божия, ибо царская власть служит религии и защищает ее интересы. Советская власть относится к нам враждебно, идет против веры Христовой, а поэтому я не могу ее признать как власть, данную Богом, и подчиняюсь ей только как насилию, как власти. По моим убеждениям, Сов<етская> власть — это наказание, посланное людям за грехи. Сов<етская> власть со всем своим аппаратом, армией, советскими и общественными организациями и прочим есть сатанизм. Коммунисты и советские работники, охотно работающие для власти, по моим убеждениям, являются врагами — слугами антихриста. Среди населения я против власти агитации не вел, но, если б у меня кто-либо из граждан спрашивал совета и указания по этим вопросам, я отвечал бы так же, как и вам, ибо это мои убеждения, и я их никогда скрывать не стану».

Упомянутые монахи Георгий (Мамченко) и Вонифатий (Иваницкий), пришедшие в скит вслед за Дорофеем и Акакием, были также арестованы и допрошены (к слову, именно им почему-то больше всего уделено места в очерках Половнева)²⁷¹. В материалах дела о Вонифатии также информации достаточно, и протоколов его допросов больше, чем других обвиняемых, и они достаточно подробные.

А что касается Георгия (Мамченко), то в материалах дела только один протокол "опроса" от 24 апреля

²⁷¹ Хотя Вонифатия (Иваницкого) он назвал Гривницким, но речь идет именно о нем.

1930 года. Монах Георгий, в миру Мамченко Григорий Петрович, родился в 1888 году в Сумах в семье владельца кожевенного завода. В 1903 году поступил в Хрущевский монастырь в Харьковской губернии, в 1919 году перешел в Святогорский, с 1923 года в Ново-Афонский Симоно-Кананитский. В 1924 году после его закрытия пришел в Бабук-Аул, с 1927 года на Псху на хуторе Лакоба (раньше назывался хутор Пророка Ильи).

Судя по его показаниям на допросе, в общине у них было до 30–35 человек, позднее *«многие под ударами власти стали уходить на берег <Черного моря>, осталось 12: Дорофей, Акакий Дорошенко, Симоненко Исидор, Золотарев Кузьма, Матвиенко Иосиф, Иваницкий Владимир, Афанасий (с Водопада), Иннокентий (с Водопада), Евстафия, Херувима, Дория (мирская) и я»*. Свои показания на допросе он твердо завершил словами: *«По своим убеждениям я считаю себя твердым, убежденным монархистом, т<о> е<сть> сторонником царской власти, и Советского строя не признаю»*.

В материалах следственного дела информации о монахе Дамиане (в миру Золотареве Кузьме) и Иосифе Матвиенко, как и о трех вышеуказанных монахинях, совсем нет; о монахе Вонифатии (Иваницком Владимире Алексеевиче) будет сказано отдельно ниже, а что касается монахов с Водопада, то есть лишь их краткие опросы. Монах Иннокентий, в миру Донцов Михаил Назарович, родился 1875 году в Екатеринославской губернии в крестьянской семье. В 1927 году приехал из Ставропольской области и в 1929 году был пострижен в мантию на Псху. Монах Афанасий, в миру Малышев Георгий Никифорович, родился в 1873 году. С 1897 по 1924 год пребывал на Новом Афоне, после закрытия монастыря переселился на Водопад. В пяти верстах от хутора Пророка Ильи оборудовал себе келью; посещал церковь в скиту у Дорофея.

В материалах "Обвинительного заключения" он проходит как схимонах Гедеон, возможно, Афанасий — его

монашеское имя до пострига в схиму. Согласно его показаниям, он слышал ранее от монахов весть о том, что епископ Варлаам (Лазаренко) должен прийти на Псху для объединения верующих. Слышал он и о братьях Григоровичах где-то на Бабуке и о братьях Макаровских из Темных Бук, но лично знаком ни с кем из них не был. Руководителями их группы он назвал иеромонахов Дорофея (Резникова) и Акакия (Дорошенко), упомянув при этом, что группа монашествующих часто собиралась у мирянина Ивана Мясникова.

Мясников Иван Иванович, житель хутора Лакоба, был допрошен в числе первых уже 22 апреля. Ему было 28 лет, но его также можно было назвать старожилом. Еще в 1911 году, будучи девятилетним ребенком, он вместе с отцом переселился на Псху из Новгородской губернии. Занимался сельским хозяйством, и позднее ему удалось поднять и расширить свое хозяйство, из-за чего в конце 1920-х комиссия из Сухуми записала его в кулаки. Несмотря на принятые им меры, подарок секретарю сельсовета Илье Павловичу Дриню в 85 рублей и 20 пудов картофеля, и ходатайство Дриня за него перед комиссией, все это не помогло, и его причислили к кулакам.

Иван Мясников не скрывал своих монархических убеждений, которые, как он показал, сложились в результате бесед с духовными отцами — схимонахами Паисием и Феодосием, бывшими насельниками Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. Они после закрытия монастыря проживали в Бабук-Ауле, в 1928 году появились в окрестностях хутора Лакоба и построили келью в лесу. Иван часто у них бывал, по его словам, монахи были очень образованные, начитанные в богословии, знали также светские науки: физику, геометрию, а Феодосий еще и латинский язык. Но о своем прошлом, как Иван ни выпытывал, они ничего не сказали, ограничившись замечанием, *«что все их прошлое*

кануло в вечность и нет надобности вызывать старые образы и жизнь, т<ак> к<ак> это отвлекает от помыслов о Боге и наполняет душу суетой».

А вот о своей монашеской жизни рассказывали охотно: «*Просиживая долгие зимние вечера в их келье после совершения молитвы, я слушал их житие в Ново-Афонском монастыре, их монашеские подвиги и подвижание в служении Богу, а также рассказы об их скитаниях по станицам и хуторам после того, как их выгнала из монастыря Советская власть. Рассказы эти наполняли меня возмущением и состраданием по отношению к монахам, которые лишились своего крова и, как бездомные, обрекались на скитания по белому свету. Паусий мне рассказывал, как мучили монахов советские комиссары, выгоняя из монастыря, какие они терпели от них надругательства и побои, а также оскорбления*».

Иван Мясников далее подробно изложил на допросе свою точку зрения на происходящее в СССР, которой, как он подчеркнул, «*придерживаются все последователи учения имяславия, скрывающиеся на Псху*». «*Господь излил чашу гнева своего на землю, и в мир пришел антихрист, имя которому Советская власть, а слуги его — служители сатаны коммунисты, отмеченные знаком антихриста-зверя — пятиконечной звездой, — которым они отличаются от истинно-верующих христиан, носящих крест. В октябре 1917 года с поущения Бога антихрист низвергнул власть помазанника Божия — царя, которого впоследствии физически убил, но духовно царь продолжает незримо существовать*».

Далее он говорил о гонениях на Церковь, о притеснениях и мучениях, на которые слуги антихриста обрекли несчастный русский народ, но вместе с тем и выражал твердую надежду, что с Божьей помощью они, верующие христиане, славящие имя Божие и признающие только власть помазанника Божия — царя, свергнут эту антихристову власть и «*возвратят престол тому, кто*

имеет на это право, и тогда вновь будет на земле мир и спокойствие и снова воссияет свет и величие древнеапостольской Церкви».

В сентябре 1929 года, по словам Ивана Мясникова, схимонахи Паисий и Феодосий собрались уходить до закрытия перевалов. Когда Иван пошел их провожать, они сказали, что идут на Кубань проповедовать среди народа слово Божие, а также призывать христиан к неподчинению антихристу, открывая все дела последнего. Уходя, они попросили Ивана присмотреть за кельей, то есть если они останутся живы, то вернуться снова сюда, если же живыми не останутся, то пусть эта келья перейдет другому монаху, который придет на Псху. Иван пообещал исполнить их просьбу.

Интересно отметить, что из показаний Ивана явствует, что ни он, ни ушедшие схимонахи не имели никаких связей с уже существовавшим поблизости скитом иеромонаха Дорофея (Резникова) и тем более с другими скитами по отдаленным хуторам. В отношении монахов это объяснимо, поскольку они прожили здесь всего год и могли никуда не отлучаться, а с Иваном Мясниковым не совсем понятно. Но вполне возможно, что до 1928 года он мало интересовался как политическими, так и религиозными вопросами и с монахами просто не общался.

Через месяц, то есть в октябре 1929 года, пришел монах Сосифей (вероятно, Алексеенко Сергей Павлович), также бывший насельник Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, и попросил приюта у Ивана в доме. Поскольку у Ивана с семьей было тесно, то он проводил пришельца в келью ушедших монахов. Тот поселился там, вскоре рассказал Ивану о монашеской организации, разбросанной по хуторам Псху, возглавляемой схииеромонахом Саввой и иеромонахом Гавриилом: *«Эта монашеская организация ставит перед собой задачу поддержания в чистоте учения древнеапостоль-*

ской Церкви, проповеди его среди народа, поддержания среди народа преданности цареву престолу, а также подготовки специальных монахов-проповедников, которые бы разносили по всему народу православному необходимость борьбы против антихриста-сатаны, коим является Советская власть».

Он сказал еще, что в эту организацию входят и миряне, которые *«по своему духу являются истинно верующими людьми, которые в любую минуту по призыву Господа Бога и его служителей готовы выступить в защиту св. Православной Церкви».* И предложил Ивану вступить в эту организацию, что тот и исполнил: *«Для каковой цели Сосифей со мной вместе отправился к отцу Дорофею, который являлся руководителем скита. С ним вместе жил отец Вонифатий, молодой схимонах, который был его ближайшим помощником».* Они выслушали Ивана и сказали, что, *«поскольку он является истинно-верующим христианином»*, они принимают его, и предложили посещать их богослужения в подземной церкви в их скиту. Иван побывал там на трех службах, после которых произносились проповеди и велись беседы. Из крестьян их хутора посещали эти собрания Ефим Трофимович Юшко и Лука Александрович Халява.

В дополнительных показаниях на допросе от 23 мая Иван рассказал о встрече с Никитой Козловым в доме Николая Головни на хуторе Солёном, где Иван еще в 1926–1927 годах занимался скупкой и перепродажей лошадей. *«Козлов на меня произвел большое впечатление как человек очень умный и решительный, и я с ним беседовал очень много раз. Говорили главным образом о настоящей жизни, причем Козлов всегда выражал уверенность в том, что Советская власть долго не продержится и ей все равно придет конец».*

Никита Козлов через несколько дней скрылся, а Иван через три месяца вернулся на Псху, где вновь ус-

лышал о Козлове от Николая Волошина, также одного из первых поселенцев (он пришел на Псху в 1908 году), который по поручению монаха Гавриила трижды виделся с Козловым, передавая ему письмо и мешок с продуктами. Кроме того, Николай Волошин сказал, что *«Козлов является нашим человеком и защитником монахов и что в нужную минуту он может создать вооруженный отряд для борьбы с Советской властью, если это потребуется в скором времени»*.

Иван на этом допросе дал также подробные показания о совещаниях. В ноябре 1929 года было совещание в церкви после богослужения. Монах Вонифатий (Иваницкий), который хорошо умел говорить, рассказал, что сейчас на Кубани и в других округах *«разгул со стороны антихриста и сатаны — Советской власти, а также его слуг, которые грабят и убивают крестьян, отбирая у них последний кусок хлеба, жгут их дома, а жен и детей выбрасывают голыми и босыми на улицу, где они гибнут от холода и голода. Эти же слова подтвердил монах, который прибыл с Кубани и который являлся очевидцем всего этого. Затем выступил Дорофей и сказал, что сейчас как нельзя необходима для православных христиан, которые находятся в нечестивых когтях антихриста-сатаны, духовная и моральная поддержка, для каковой цели он благословляет идти на Кубань трех монахов проповедовать слово Божие, а также против антихриста-сатаны. Добровольцев вызвалось шесть монахов, из коих Дорофей благословил трех человек отправиться к о<тцу> Гавриилу, проживавшему на Св. Горе, для получения благословения идти в дорогу, что, насколько мне известно, указанными монахами было исполнено»*.

В марте 1930 года, незадолго до ареста, совещание проходило уже не в подземной церкви, а в доме у Ивана, так как сидеть подолгу в подземной церкви было холодно. *«Стоял вопрос о крестовом походе папы рим-*

ского против Советской власти, причем информировал также отец Вонифатий, который сказал, что эти события знаменуют собою исполнение того, что было написано в Св. Писании, т<о> е<сть> объединение всех христиан для борьбы с антихристом-сатаной, и призывал всех нас к терпению и готовности в любое время выступить за дело св. Православной Церкви, а также во славу Христа и царского престола».

Монах Вонифатий, в миру Иваницкий Владимир Алексеевич, родился в 1891 году в Витебской губернии в дворянской семье. До 1914 года учился на историко-филологическом факультете Московского университета, с началом Первой мировой войны ушел добровольцем на фронт, служил в 17-м гусарском Черниговском полку. За боевые отличия награжден Георгиевским крестом 4-й степени и производством в чин унтер-офицера. В 1924 году приехал на Новый Афон для поступления в монастырь, но тот был закрыт. В 1926 году пришел на Псху, жил сначала у Матвиенко, работал и посещал монахов на хуторе Лакоба, затем был пострижен в монашество с именем Вонифатий, поселился в келье монаха Домопента, в 1929 году после его ухода перешел в скит на Лакобу. Свои монархические убеждения не скрывал. Весной 1930 года был арестован и допрошен 23 апреля. На втором допросе от 3 мая, вероятно, в Сочи или в Сухуми он рассказал уже больше о себе и своих убеждениях. После революции его насильно мобилизовали в Красную армию, и он, перебежав в Польшу, сдался там. Пробыл там более полугода и вернулся, потому что истосковался по родине. В 1924 году пошел на Кавказ, но на Псху попал лишь в 1926 году. *«Мои монархические, теократические убеждения установились окончательно вскоре после Октябрьской революции. Вообще же к революции я отнесся враждебно, но наиболее враждебное отношение у меня вызвал акт именно Октябрьской революции и последующие мероприятия советского правительства:*

- 1) Разгон Учредительного собрания, в котором я усматривал грубое насилие и насильственный захват власти в свои руки.
- 2) Красный террор, в котором я усматривал всеобщее народное страдание.
- 3) Расстрел дома Романовых, в котором я усматривал акт беззакония и недопустимое насилие над самодержцем и помазанником Божиим.

В равной мере я враждебно отнесся и к другим принципиальным установкам Сов<етской> власти, как то: национализации фабрик и заводов, советизации земли, отделению Церкви от государства и проч<ему>. Вообще же в политике Сов<етской> власти и самой ее сущности я видел полный гнет или ликвидацию принципа свободы в полном смысле этого слова».

17 мая на допросе уже в Новороссийске отец Вонифатий показал: *«В дополнение моих прежних показаний я как раньше, так и теперь считал и считаю, что Сов<етская> власть является властью антихриста, послана Богом за наказание людям, эта власть русскому человеку не только противна, но и ненавистна. Поэтому как я, так и мои единомышленники-монахи, вообще проживающие на Псху, и в частности иеромонах Дорофей, он же Резник Давид, Акакий — Дорошенко Алексей, Дамиан Золотарев, Георгий Мамченко и Иоанникий Симоненко, с которыми проживал на хуторе Лакоба, считал необходимым с этой властью, как жидомасонской, вести борьбу, которая, по моему мнению, должна сводиться к распространению а<нти>с<оветской> агитации против проводимых мероприятий власти, как то: ККОВ²⁷², кооперации, коллективизации, индустриализации, всевозможных займов и т<ому> п<одобного>, и внедрении среди истинно русских людей монархических взглядов,*

²⁷² ККОВ — комитет крестьянского общества взаимопомощи.

исходя из тех политических взглядов и установок, что законной властью является такая власть, которая защищает православный русский народ и религию, а защищающей как первый, так и последнюю являлась власть монарха вообще и, в частности, в России — дом Романовых».

Руководителем их общины он назвал иеромонаха Дорофея (Резникова) и подчеркнул, что тот подчинялся благочинному Феодосию, а последний же имел связь с епископом Бакинским Серафимом²⁷³. В чем эта связь выражалась, он не знал. В дополнительных показаниях (без даты) Вонифатий подтвердил свои прежние показания и объяснил, что их политическая платформа строилась исключительно на основании Св. Писания. Он ссылаясь на 19-ю главу Откровения Иоанна Богослова: «*"И вот конь белый и сидящий на нем называется верный и истинный, который праведно судит и воинствует"*. Если это понимать символически, то это представляет из себя возвращение в духовном смысле к древнеапостольской Церкви и восшествие на престол помазанника Божия — царя».

Отец Вонифатий признал, что фактически руководителем скита был он сам, ведь иеромонах Дорофей старый и немощный (к 1924 году ему было уже 76 лет); но все распоряжения, безусловно, приходилось отдавать от имени Дорофея. Все монахи и он сам проповедовали против советской власти и в Пеху, и повсюду.

«Отвергая какую-либо организационную борьбу против Сов<етской> власти для монахов, в частности участие в повстанческих организациях, я, тем не ме-

²⁷³ Бакинскую кафедру занимал с ноября 1928 по апрель 1930 года епископ Серафим (Протопопов), бывший петроградский викарий митрополита Иосифа, поддержавший сначала антисергианскую оппозицию, но в январе 1928 года подчинившийся митрополиту Сергию. Но почему связь с бакинским епископом? Может, речь идет об архиепископе Серафиме (Мещерякове), который занимал Ставропольскую кафедру в 1928–1933 годах.

нее, оставляю за собой право проповедовать везде и всюду среди народа свои монархические убеждения. Тем не менее подавляющее большинство участников нашей организации были склонны к тому, чтобы принять активное участие в свержении Советской власти, пренебрегая евангельским учением, где говорится: "взявший меч, от меча и погибнет". В толковании многих из них, с кем мне приходилось беседовать на эту тему, эти слова Св. Писания не относились к антихристу — врагу рода человеческого, каковым является Советская власть».

На допросе от 15 июня 1930 года отец Вонифатий подтвердил свои прежние показания и добавил, что в 1917 году был произведен в первый офицерский чин — корнета. Поскольку армия развалилась, он уехал к дяде; позднее, как уже ранее показывал, он был мобилизован в Красную армию, дезертировал, остался в Польше. Однако вернулся в СССР не просто, а для борьбы с советской властью. И далее он подробно рассказал о беседе с польским полковником, предложившим ему *«как офицеру и патриоту принять участие в высокой миссии — борьбе за уничтожение большевиков»*. И как затем он был переброшен под видом обмена пленными на территорию России, где должен был связаться с одной из организаций, работавших против советской власти, как ему это не удавалось, и только в начале 1924 года его самого нашел человек с письмом от брата из Франции и предложением ехать на Кавказ для работы, поскольку там была *«самая благоприятная почва для работы»*.

Он поехал, получив деньги на дорогу. Решил проехать по Черноморскому побережью, потом вернуться в Краснодар и тогда присмотреться на месте, как поступить дальше. Приехав в Сухуми, он случайно встретился с бывшим игуменом Иларионом (Кучиным), с которым провел в беседе около двух дней. Владимир с детства, по его словам, был религиозным человеком; а *«эта беседа*

окончательно закрепила меня в моих религиозных чувствах», — показал он. К тому же от игумена он узнал, что в 1924 году все новоафонские монахи ушли на Псху, где скрываются от преследования советской власти.

Владимир решил, что «почва для работы против Сов<етской> власти там будет вполне благоприятная». К концу осени 1924 года игуменом Иларионом, у которого все это время проживал, он был пострижен в монахи с именем Вонифатий. Потом вместе с проводником-абхазцем отправился на Псху, где и поселился на хуторе Лакоба в скиту отца Дорофея (Резникова). В 1926 году к ним пришел иеросхимонах Гавриил, живущий в келье под Святой горой. Он в то время пользовался весьма большим авторитетом, и ему очень скоро удалось объединить монахов в одну общину.

В 1927 году монах Вонифатий познакомился с Ильей Павловичем Дрином, интеллигентным и образованным человеком, бывшим офицером, — они подружились. Дринь, по словам Вонифатия, оказался монархистом и был прислан одной из монархических организаций из-за границы. У него была постоянная связь с Константинополем через офицера, переодетого моряком турецкого парохода, который приходил в Сухуми раз в два месяца. Дринь всегда направлял к нему своих людей с письмами, в которых сообщал о последних событиях на Северном Кавказе и настроениях разных групп населения. Вскоре монах Вонифатий через Дрина смог возобновить также переписку со своим братом, находящимся во Франции. Ни о дальнейшей переписке, ни о новых связях он больше ничего не показал, но и сказанного было достаточно для придания монашеской организации «международного характера». В материалах "Обвинительного заключения" это было выделено отдельным пунктом:

«Через своих отдельных членов и, в частности, ДРИНЬ Илью Павловича, бывшего барона и белогвар-

дейского контрразведчика, организация имела связь через специальных связистов, прибывающих в Сухум на турецком пароходе, с повстанческо-разведывательной белогвардейской организацией "Союз возрождения" в гор<оде> Константинополе, куда переправлялись сведения шпионского характера, а также данные о работе организации и полит<ического> настроении населения С<евево>-К<авказского> к<рая>, которые добывались через связистов, посылаемых со специальной целью в эти округа. Кроме этого, один из членов организации — ИВАНИЦКИЙ Владимир, бывший офицер, помещик и дворянин, для подпольной разведывательно-повстанческой работы был переброшен польской контрразведкой и прибыл в СССР, для облегчения работы принял монашеский постриг и в дальнейшем, имея связь с вышеуказанным ДРИНЬ, принимал активное участие в работе монархической повстанческой организации, а также в связях с закордоном».

Едва ли монашеский постриг Владимир Иваницкий принял только «для облегчения работы». Все-таки если он был верующим человеком, то монашество в том положении, в каком он оказался, по его понятиям не должно было препятствовать его работе. Конечно, о внутренних мотивах и сердечной настроенности судить нельзя... Бог знает сердце человека, и судить может и будет только Он²⁷⁴. Воздерживаясь от какого-либо суждения в данном случае, нельзя не умолчать о печальных фактах: Илья Павлович Дринь, бывший секретарем сельского совета в Псху и во многом помогавший монашествующим, перед самым приходом комиссии повесился.

А монаха Вонифатия (Иваницкого) нет среди осужденных по делу, также нет его имени и в постановле-

²⁷⁴ «Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога» (1 Кор. 4, 5).

нии о привлечении в качестве обвиняемого от 15 июня 1930 года. Можно предположить, что его дело было выделено в отдельное производство или же включено в разработку других дел. Что с ним случилось, неизвестно, но сразу же за постановлением и подписями обвиняемых, ознакомившихся с постановлением, в материалах дела есть машинописная копия «судебно-медицинского акта осмотра трупа» (без даты, а только указано «сего числа в 3½ часа»): окружной судебный медицинский эксперт доктор Блавацкий в присутствии окружного прокурора, начальника Черноморского особого отдела ОГПУ и коменданта Черноморского особого отдела ОГПУ «освидетельствовал труп монаха Иваницкого Владимира Алексеевича, 39 лет».

Подробное описание трупа (указан на шее след «не от веревки, а от тесьмы», отмечено, что «нет никаких следов насилия» и так далее) завершалось следующим заключением: «смерть гр<ажда>на Иваницкого последовала от аседонксии²⁷⁵ вследствие самоповешения в уборной. Ссадины на лице получились от падения и ушиба, когда петля была сорвана, — об угол уборной». Все это очень странно... Но больше никаких документов нет. Не исключено, что монах Вонифатий был избит до смерти и затем повешен для имитации самоубийства.

Вообще с насельниками скита Пророка Ильи и хутора Лакоба какая-то загадка... Кроме первых допросов ничего в материалах дела нет в отношении всех остальных скитян: Дорофея (Резникова), Акакия (Дорошенко), Иоанникия (Симоненко), Георгия (Мамченко). Нет никакой информации о монахе Дамиане (Золотарева), но он, возможно, сбежал до начала арестов. Также неизвестна судьба арестованного на соседнем хуторе Водопад монаха Иннокентия (в миру Донцова Михаила Назаровича), а также давшего подробные показания мирянина

²⁷⁵ Так в документе; вероятно, должно было быть слово «асфиксия».

Ивана Ивановича Мясникова — в материалах "Обвинительного заключения" на них данных нет.

Среди обвиняемых и осужденных только схимонах Гедеон (Малышев) с хутора Водопад и крестьяне Ефим Трофимович Юшко и Лука Александрович Халява. Куда делись остальные, непонятно. Вполне вероятно, что они могли погибнуть по дороге. Половнев писал, что первую группу монахов из Псху отправили 30 апреля. Значит, была не одна группа. Этапировали в Новороссийск, скорее всего сначала пешком до Сухуми и оттуда по морю. В материалах дела в отношении арестованных на Псху есть справка о том, что они *«находятся под стражей в Черноморском окружном ИТД²⁷⁶»*, то есть в Новороссийской тюрьме, с 8 мая 1930 года. Как писала позднее В. Д. Пришвина:

«Потом рассказывали очевидцы: в Новороссийскую тюрьму перевезли множество монахов, арестованных повсеместно в горах. Это было "мероприятие" по очистке гор от свободных нищих насельников. Стариков и молодых, женщин и мужчин гнали по трудной дороге через несколько перевалов с долины Псху и других мест их поселений. Молодые вели стариков, некоторые не вынесли пути и умерли в дороге. Всех погрузили у моря на баржи, везли в невыносимой тесноте, как негров во времена работорговли. Монахи плыли и пели молитвы»²⁷⁷.

Среди местных жителей ходили слухи о том, что часть арестованных монахов были расстреляны по дороге, а часть утоплены в море на барже. Понятно, что документов, подтверждающих это, нет. Но то, что монахи погибали при этапировании, есть свидетельства в материалах дела, относящихся к операции в районе озера Рица.

²⁷⁶ ИТД — исправительно-трудовой дом.

²⁷⁷ Пришвина В. Д. Указ. соч. С. 416.

Район озера Рица

Операция в районе озера Рица началась одновременно с первыми арестами на Псху. Здесь было несколько скитов: на отрогах горы Пшегишхва и с другой стороны озера Рица — на южной его стороне. Очевидно, опергруппа, шедшая со стороны Красной Поляны, начала свою работу на горе Пшегишхва. Вот первый документ, датированный 22 апреля 1930 года.

«Акт

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что при подходе к скиту на северо-западном склоне г<оры> Пшегишхва²⁷⁸ для обследования такового со стороны скита через дверь по нам раздались винтовочные выстрелы в количестве десяти. В ответ на стрельбу нами были брошены в келью и церковь четыре ручные бомбы, от взрыва коих келья и церковь загорелись. И мы начали стрелять из винтовок и пистолета "Маузер". Из загоревшейся церкви в дверь выскочил вооруженный винтовкой монах, который нашими выстрелами был убит на месте. Во время пожара внутри церкви взорвалось большое количество патрон<ов> и был слышен взрыв гранаты. После пожара обнаружены нами три трупа, сильно обгоревших, из коих два монаха и монашка. Около них найдены две винтовки и один линейный обрез. Трупы закопаны на месте пожара сотрудниками...

Опер<ативный> Уполномоченный
Чер<номорского> окр<ужного> отдела ОГПУ
Сотрудники Погран<ичной> комендатуры ОГПУ».

²⁷⁸ Так в документе. Нынешнее общепринятое ее название в русской транскрипции «Пшегишхва», на абхазских картах — «Пшахушха».

В тот же день был арестован монах Макарий, в миру Благовидов Михаил Иванович. Он родился в 1882 году в Воронежской губернии в крестьянской семье. До 1924 года насельник Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. На допросе 23 апреля он показал, что пришел на Псху в 1924 году после закрытия монастыря с двумя монахами (оба к настоящему времени скончались); они построили себе келью в районе Св. Горы и там *«предались служению Богу, добывая себе средства существования огородничеством и разведением кукурузы»*. В их скиту было пять келий, всего двадцать монахов. Руководителем он назвал схииеромонаха Савву (Румянцева), отметив, что у того была печать Ново-Афонского монастыря, золотое Евангелие и чудотворная икона Божьей Матери, которую им удалось спасти из Нового Афона.

«У него были все полномочия нашего бывшего новоафонского игумена Илариона <Кучина>, который по своей болезни, старости и немощи не мог идти на Псху и остался оканчивать свою жизнь где-то в окрестностях гор<ода> Сухума. Таким образом, на Псху главой всех нас, монахов, которые скрывались от преследований Советской власти, был Савва. Сначала мы, монахи, разбросанные по скитам и хуторам, не были объединены в одну целую организацию, очень много жило на Псху монахов еще до нас, из других монастырей, вследствие чего Савва взял на себя обязанность объединить таковых в одно целое монашеское объединение. Для этой цели он через своих нескольких приближенных монахов, а в их числе был и я, объявил всем монахам о том, чтобы они прикрепилась бы каждый к своим скитам и подчинялись назначенным Саввой иеромонахам».

На Серебряном и Ригдзе таковым был иеромонах Викторин (Беляев); на Санчарском — монах Феодул (Дьяченко), на Лакобе — иеромонах Дорофей (Резников); кто был на Битаге и Ришевее, монах Макарий не помнил. На Псху он жил в скиту в районе Св. Горы вместе

с монахом Саввой (Румянцевым), схиеромонахом Гавриилом и схимонахом Мисаилом. Он не уточнял, когда пришел Савва, однако, согласно другим показаниям, Савва совсем недолго пробыл здесь в 1927 году и ушел на Рица. К концу 1926 года, по словам монаха Макария, вполне оформилась организация. О ней он говорит так же, как и арестованные в это время монахи на Псху.

«Мы не признаем Советской власти потому, что она посягнула на жизнь царя — помазанника Божия, попрала религию и учение св. древнеапостольской Церкви, надругалась над святыми храмами, убивает православных христиан, грабит и угнетает крестьян, учит не верить в Бога малых детей, разделяет семьи, оскверняет святость брака и угнетает все св. таинства, преследует священнослужителей и отнимает собственность у людей, которые нажили таковую своим честным трудом».

Настоящий период жизни монах Макарий оценивал как период царства антихриста-сатаны, *«который в мире будет царствовать, как написано в Св. Писании, две седмицы, т<о> е<сть> 14 лет, и после истечения этого срока будет низвергнут Господом».* Эта воля должна осуществиться физически через Православную Церковь, то есть через верующих, борющихся против сатаны-антихриста. С этой целью они, монахи, проводили работу в народе — разъясняли все это...

Монах Савва (Румянцев) решил переселиться в район озера Рица, где было безопаснее. Все дела передал схиеромонаху Гавриилу и переселился с монахами Димитрианом, Евлампием, Епифанием, Захарием, Кирсантием²⁷⁹, Партимухием²⁸⁰, иеромонахом Михаилом.

²⁷⁹ Так в документе. Очень странное имя, скорее всего имелся в виду «Хрисанф».

²⁸⁰ Так в документе. Очевидно, правильно — Патермуфий (память святого 22 июля).

Впоследствии еще 18 человек, монахов и монашек, поселилось в южной части озера на отрогах горы Ачибах. Часть ушли, двое скончались, остальные были арестованы вместе с монахом Макарием.

Будучи на озере Рица, отец Савва продолжал руководить, посылая монахов по очереди с письмами к отцу Гавриилу, в которых речь шла о направлении их по округам, а также об указаниях внутреннего характера. В последнее время он был недоволен деятельностью руководителя Лакобского скита, монаха Дорофея (Резникова) из-за отсутствия распорядительности и из-за недостаточного проявления энергии в воспитании монашествующих; хотел заменить его монахом Вонифатием (Иваницким). В июле 1929 года монах Иоанн по просьбе отца Саввы принес из Псху две винтовки и сорок штук патронов иеромонаху Михаилу, так как в окрестностях скита бродило много диких зверей, а также появлялись иногда злые люди.

Об указанном Михаиле известно, что он в прошлом являлся жандармом и приблизительно двадцать лет тому назад во время пьянки застрелил своего родного брата. Это подействовало на него так, что он постригся в монахи, позднее посвящен в иеромонаха, но до сих пор его мучает совесть о содеянном, что он считает грехом, который никак нельзя отмолить. Близ его кельи помещалась подземная церковь, которая служила местом для богослужений скита на горе Пшегишхва и для собрания группы. Монах Макарий на допросе объяснил причину стрельбы из скита:

«Стреляя вчера в вас Михаил, очевидно, принял вас за разбойников, так как в прошлом году абхазцы в количестве двух человек нас ограбили, унеся с собой два пуда муки, соль, банку керосина, а также полмешка сушеной рыбы. Монах, который находился в его келье, и монашка были его послушниками, прибывшими, если не ошибаюсь, из станицы Славянской».

Монах Макарий упомянул еще группу на хуторе Солёном и монаха Онуфрия. Это был не кто иной, как в миру Павел Высоцкий, арестованный в конце 1929 года вместе с епископом Варлаамом (Лазаренко)²⁸¹. У монаха Макария явно были устаревшие сведения: Павел, затем Онуфрий из Солёного ушел давно. Из тамошних имяславцев, примыкающих, по его словам, «к нашей организации», знал еще Николая Головню, который дважды приходил на Псху.

О Никите Козлове монах Макарий показал подробно. Назвал его резиденцией в 1927–1928 годах хутор Солёный и Мощевую Балку. *«Козлов являлся членом нашей организации и несколько раз удостоивался приема у Саввы, который с ним наедине подолгу беседовал. С Козловым скрывается дочь Поля и сын, имени его не знаю. В районе озера Рица он был в мае 1929 года, после чего ушел в неизвестном направлении».*

«Цель Саввы — использовать Козлова как хорошо знающего военное дело человека для борьбы с Советской властью, причем, насколько мне известно, Козлов в любую минуту готов был выступить с оружием в руках против Советской власти, если это будет необходимо, и он мог бы объединить вокруг себя до 1000 человек бойцов-казаков из разных станиц, где он имеет сторонников».

В марте 1929 года монах Макарий, по его словам, был послан отцом Саввой (Румянцевым) на Бабук, где также *«имелась имяславская организация. Цель Саввы — подчинить ее себе для совместной работы».* Монах Макарий подробно рассказал о своем путешествии: он сначала дошел до Сухуми, оттуда также пешком — до Адлера; там передохнул два дня в доме Матрены Какулии, принимавшей всех монашествующих, а дальше прямо направился на Бабук. В пути занемог, два дня провалялся на одном из перевалов без пищи; там его по-

²⁸¹ Об этом подробно в части 1.

добрали два монаха и перенесли к себе в пещеру (имен он их не знал, другие называли их отцами). Письма в ответ они не дали, но передали отцу Савве на словах, что готовы с ним «идти рука об руку, поскольку наши убеждения совпадают». Здесь показания как-то невнятные, кажется, что монах Макарий попал к самим Григоровичам — руководителям на Бабуке.

Через три месяца схимонах Савва послал на Бабук еще кого-то из монахов. Когда же на Бабуке начались аресты, то несколько монахов пришли на Псху, но каким чудом им удалось спастись, Макарий не знал. В это время отец Савва сообщил на Псху, чтобы все молились за арестованных, и назначил трехдневный пост. Потом часть этих монахов ушли в район Красной Поляны, из них Макарий назвал монаха Мефодия (Демиденко) и Тита (возможно, Величко). В районе Змейки, по его словам, тоже были скиты, они имели связь с епископом Варлаамом (Лазаренко). О нем Макарий слышал от Мефодия, с которым виделся в Сухуми, когда тот приезжал повидаться с Иларионом (очевидно, бывшим настоятелем Ново-Афонского монастыря архимандритом Иларионом (Кучиным)). Макарий показал еще по поводу епископа Варлаама, что отец Савва посылал к нему для переговоров монаха Досифея, но чем они кончились, ему неизвестно, так как об этом он больше ничего не слышал. Иеромонах Михаил говорил, что владыка Варлаам пытался увидеться с отцом Саввой, шел к озеру Рица... но почему-то не пришел.

Важно отметить, что схимонах Савва позднее на допросе отрицал, что посылал Макария на Бабук и кого-либо к епископу Варлааму. Также он категорически отрицал, что у него была печать и какие-либо ценности из Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря и тем более «полномочия бывшего игумена Илариона (Кучина)». Последнее, вполне вероятно, соответствовало действительности, так как отец Савва к Ново-Афон-

скому Симоно-Кананитскому монастырю не имел никакого отношения. А вот по поводу Бабука и других связей показания монаха Макария могли быть верными, но уточнить это или провести их очную ставку следствию не удалось...

«Акт 24 апреля»

1930 апреля 24-го дня, район озера Рица, нижеподписавшийся Начальник Краснополянской опер<ативной> группы... Уполномоченный С<екретного> О<тдела> ГПУ... и комендант ГПУ... составили настоящий акт в том, что сегодня во время конвоирования нами арестованного монаха-имяславца Макария, он же Благовидов Михаил Иванович, по направлению в гору Пшешихва означенный Благовидов Михаил бросился бежать в кусты, прячась между деревьев. Несмотря на крики "стой" и один предупредительный выстрел в воздух, он не остановился и продолжал бежать, вследствие чего мог бы скрыться. Произведшими выстрелами Благовидов был убит пулей из нагана системы "маузер", калибра 7,63, которая попала ему в левую область груди, отчего он, не приходя в сознание, умер.

Тело похоронено на дне озера Рица, в чем и подписуемся...»

В этот же день 24 апреля 1930 года был арестован монах Варфоломей, в миру Ковалевский Владимир Павлович. Он родился в 1874 году в станице Малычевской Донского округа, в 1902 году поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, позднее там был пострижен в мантию с именем Варфоломей. В 1924 году после закрытия монастыря пришел на Псху и там свои монархические взгляды не скрывал. В 1926 году ушел в район озера Рица, сделал себе келью на отрогах горы Пшегишхва, около кельи была церковь; скит возглав-

лялся иеромонахом Михаилом. На вопрос, была ли на Псху монархическая организация, ставившая задачу свержения Советской власти, Варфоломей сказал, что затрудняется ответить. В отношении отца Саввы монах Варфоломей отказался что-либо говорить, дабы не преступить данную им клятву на Евангелии — *«говорить о нем, святом человеке, слугам антихриста и сатаны»*.

На следующий день, 25 апреля, арестован монах Епифаний, в миру Костюк Епифан Дмитриевич. Он родился в 1880 году в Харьковской губернии, с 1905 года был в монастыре Святые Горы, с 1918 года на Бабуке, но с братьями Григоровичами знаком не был и ничего общего с ними не имел. В 1928 году поселился на Псху, где было много монахов, они, по его показаниям, были *«спаяны в одну организацию, взаимно поддерживая друг друга»*; называли советскую власть властью антихриста и сатаны. В июне 1929 года монах Епифаний переселился в район озера Рица, на своем участке копал картошку и вообще занимался там хозяйством, как и другие монахи. Среди монахов были Димитриан (Овсюк) и Виссарион (Мерзлов), именно в их скиту жил схимонах Савва (Румянцев), но он, по словам Епифания, больше был в келье, молился, так как был слабого здоровья. На допросе Епифаний подтвердил, что отец Савва *«является самым крупным авторитетом нашей монашеской имяславской организации»*.

Монах Епифаний подтвердил на допросе, что также не признавал советской власти: *«Так как считаю ее от дьявола и властью антихриста и сатаны. И, как монах, считаю себя обязанным Богом всеми мерами бороться с нею за ее уничтожение, чем я буду выполнять волю Божию»*.

«Акт 26 апреля»

1930 года, апреля 26-го дня, мы, нижеподписавшиеся Сотрудник Анапской погран<ичной> комендатуры...

Политрук Сочинской мангруппы... и красноармеец той же мангруппы... составили настоящий акт в том, что во время конвоирования группы арестованных на озере Рица монахов-имяславцев по направлению к селу Аибга для доставления таковых в Сочинскую погран<ичную> комендатуру один из арестованных в районе ущелья Аибги бросился бежать с целью скрыться и, несмотря на окрики "стой" и предупредительные выстрелы, не остановился и в результате был убит, тело указанного монаха по имени Димитриана (фамилия неизвестна, ввиду того что арестованный отказался категорически назвать таковую) было предано земле, в чем и подписуемся...»

Остальные монахи, по-видимому, были доставлены в Сочи и оттуда отправлены в Новороссийск. В тюрьме там уже с 3 мая 1930 года числились упомянутые выше монахи Варфоломей (Ковалевский) и Епифаний (Костюк), а также схимонах Феодор (Щегольков), монахи Патермуфий²⁸² (Минин), Федор (Кащенко), Христофор (Перов). А также монахини Калерия (Розова) и Зинаида (Хорина).

Монахини сначала категорически отказывались давать о себе какие-либо сведения, что было отмечено в "Обвинительном заключении". От монахини Калерии (Розовой) позднее все-таки хоть чего-то добились: указано ее социальное происхождение «из дворян», и отмечено по ее показаниям, что *«является монашкой с 1905 г<ода>»*, что *«Советской власти не признает... Советскую власть считает властью антихриста, а также считает большим преступлением разговаривать с сатанистами, которыми она считает служащих Советской власти»*.

²⁸² В «Обвинительном заключении» его имя опять исковеркано — «Петенуфрий».

От Зинаиды (Хориной) не добились ничего, и она, как отмечено в материалах "Обвинительного заключения": *«Категорически отказалась дать какие-либо показания, касающиеся своей автобиографии, а также работы монархической ячейки оз<ера> Рица. На все вопросы определенно отвечала, что она является монашской-христианкой и Советской власти не признает, а также отказалась от подписи протокола».*

Еще две женщины были доставлены в Новороссийск к 3 мая вместе с монашествующими. Арестованная в Туапсе Ксения Кузьминична Надеева, как указано в материалах дела, состоявшая *«членом монархическо-повстанческой ячейки ст<аницы> Кугнорской Кубанского округа»* и осуществлявшая связь с организацией на Псху; она была арестована, когда возвращалась из Псху. И арестованная в Адлере Матрена Прокофьевна Какулия, 56 лет, отец ее был ктитором Адлеровской церкви. Она занималась сельским хозяйством, в своем доме принимала монахов, и дом ее в материалах "Обвинительного заключения" был назван *«явочно-переотправным пунктом»*. На первом же допросе она заявила: *«По религиозным убеждениям являюсь имяславкой и с Советской властью не мирюсь, и власти теперешней я не признаю, так как она идет против религии и Бога».*

В Адлере же был арестован 27 апреля 1930 года иеромонах Мартиниан, в миру Головочанский Михаил Константинович. Он родился в 1866 году в селе Благовещенское Драгобужского уезда Смоленской губернии в крестьянской семье. С 1894 года пребывал в монастырях Черниговской и Тульской губерний, там был пострижен в мантию, позднее посвящен в иеромонаха. В 1914 году служил священником в особой бригаде на Западном фронте, с 1918 года находился в Гжатском монастыре Смоленской губернии, причем забрал оттуда антимины и другую утварь для будущих тайных

церквей. В 1921 году стал игуменом Аврааминского монастыря, позднее принял там схиму с именем Мартиниан. В 1930 году выехал из Смоленской области, где у него все отобрали и выселили.

Приехав в Сухуми, схииеромонах Мартиниан встретил монаха, и тот указал ему хозяина дома, где оказывали приют нелегалам. Хозяин посоветовал Мартиниану пробираться на Псху, но он не успел выехать, так как был вызван в Абхазское ГПУ, где от него потребовали немедленно покинуть Сухуми, поскольку всех монахов из Абхазии выселяли. Тогда Мартиниан сел на пароход и прибыл в Адлер. Здесь он был арестован, вместе с монахами отправлен в тюрьму и привлечен как обвиняемый по групповому делу монашества на Псху, куда он так и не добрался.

В начале июня в Новороссийскую тюрьму из Майкопа был доставлен монах Димитрий, в миру Голиков Дмитрий Иванович. Он родился в 1902 году в селе Ивановка Армавирского округа в крестьянской семье. Проживал в селе Ивановка, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1927 году, не желая служить в Красной армии, ушел на Псху, где был пострижен в мантию с именем Димитрий; позднее поселился в районе озера Рица. Он был арестован еще в декабре 1929 года в районе хутора Псемен (ныне территория Ставропольского края) во время проповеди местным жителям. В рапорте начальнику Майкопского округа ОГПУ от 17 декабря 1929 года сообщалось:

«Предоставленный мною монах, отказывающийся сказать свою фамилию и имя, был задержан около хутора Псемен на правой стороне реки Лабы, он встречался с жителями указанного хутора, предлагал им отречься от Советской власти и уйти в лес. Будучи задержанным, предлагал конвоиру ради Христа не стрелять в него, если он будет уходить от него. Конвоир предупредил, что за попытку к бегству он будет стрелять.

По всем станицам, через которые его конвоировали, он с арестованными и другими гражданами, приходящими посмотреть на него, вел беседы, уговаривая, что Сов<етская> власть есть антихристова и что от нее надо сейчас, пока не поздно, отречься и не подчиняться ей.

В ст<анице> Лабинской в арестном помещении в разговоре с арестованными он также их агитировал отречься от Сов<етской> власти, заявляя, что он вот 2 года как стал монахом, познав всю правду на земле, и что до этого он жил в селе Ивановка Армавирского округа.

В вагоне по дороге от Лабинской на ст<анции> Курганной он мне лично завил, что Сов<етская> власть — это власть антихриста и все, чем она владеет, есть награбленное, и сейчас грабят крестьянство, и что скоро будет небесный суд и все предстанут пред Богом. А у последнего уже готовы списки всех коммунистов. И просил меня, чтобы я отпустил его на свободу. Совместно с ним сопровождаемого арестованного Шунина Ивана Ивановича²⁸³ он также агитировал отречься от Сов<етской> власти».

На допросе в Новороссийске от 14 июня 1930 года монах Димитрий (Голиков) подтвердил свои показания, данные в Майкопе, по-видимому, о своем отказе от службы в Красной армии и уходе на Псху в 1927 году. Примечательно, что, будучи родом из Ивановки, он знал матушку Илариону, которая была «*весьма известной в тамошних имяславских кругах*» и, как он слышал, «*принимала участие в организации епископа Майкопского Варлаама*», куда входили сестры Димитрия — Паша, Ксения и Ефросиния. Речь, несомненно, о монахине Иларионе (Радионенко)²⁸⁴, по ее совету Димитрий и направился на Псху в 1927 году и затем в район

²⁸³ Других данных на него нет, очевидно, арестован был по другому делу.

²⁸⁴ О ней подробно в части 1.

озера Рица, поселившись в скиту, возглавляемом схииеромонахом Михаилом. *«О нем мне здесь сказали, что он убит во время операции по изъятию монахов в районе озера Рица»*, — показал монах Димитрий. На озере Рица он прожил до осени 1929 года, после чего по совету старцев и благословению схииеромонаха Михаила отправился в Ивановку и другие станицы для проповеди слова Божия.

«Перед тем как мне уйти, я имел довольно продолжительные беседы с Михаилом, который мне давал указания: 1) проводить среди крестьянства агитацию против очагов разврата и безбожия — колхозов, 2) призывать население не платить налогов, так как они идут на укрепление антихриста — Советской власти, и 3) не вступать в сатанинскую Красную армию, 4) проповедовать среди крестьян о скором пришествии страшного суда Божия, а поэтому о необходимости всем истинным христианам бороться против Советской власти».

Монах Димитрий намеревался обойти с этой проповедью все станицы Майкопского округа. Себя он назвал имяславцем и сказал, что знает многих имяславцев, также поставивших себе задачей борьбу против Советской власти, особенно в станице Ивановской, где он раньше проживал, но тут же заявил: *«Фамилии я их не припомню, но если бы даже и знал, то их бы я не продал, как истинный христианин»*.

«Я вступил в нашу имяславскую организацию вполне сознательно, так как являюсь убежденным христианином и защитником православной веры, которая в данную минуту угнетается и притесняется антихристом — Советской властью. Я считаю, что Советская власть должна быть свергнута именно через Церковь, потому что рука, карающая слуг дьявола и антихристов-коммунистов и всех, защищающих Советскую власть, должна быть направлена Богом, поэтому я

и мои единомышленники, в частности те старцы, с которыми я проживал на оз<ере> Рица, считали, что предопределение Божие должно осуществиться через массовое восстание, которое должно охватить не только территорию Северного Кавказа, но и всю Россию, и под знаменем святой апостольской Церкви и креста Советская власть должна быть свергнута как противная духу и естеству человека, и на ее место должна прийти законная власть, данная нам от Бога, — власть помазанника Божия — царя. Застрельщиками в деле выступления против Сов<етской> власти являемся мы — имяславцы».

Однако не все монахи, арестованные в районе озера Рица, разделяли эту точку зрения. Например, монах Николай, в миру Гиргич Трофим Семенович, родился в 1867 году. С 1902 года в монастыре в Сибири, в 1920-х пришел на Псху, потом перешел в район озера Рица. Застал там 25–30 человек, скрытых в скитах и кельях на отрогах горы Пшегишхва и в южной части озера. Всего, по его словам, там было три скита и 11 келий. К схимонаху Савве (Румянцеву) чужому было не попасть, он скрывался в скиту в южной части озера с другими монахами. По поводу скита на Пшегишхве схимонаха Михаила, «ярого монархиста, прибывшего недавно с Кубани», монах Николай показал, что в этом скиту было шесть келий и одна подземная церковь — семь монахов и три монаш-ки, они постоянно поддерживали связь с отцом Саввой.

В феврале схимонах Савва с послушником монахом Иларионом²⁸⁵ ушел из Псху. Монах Николай провожал их тропами до Калдахвары, там они сели в автомашину и уехали в Гагры, оттуда пароходом до Туапсе и далее — на Кубань в станицу Сторожевую. Отец Савва звал монаха Николая с собой, но тот отказался, поскольку, как он сказал, «не разделяю точку зрения имяславцев и не

²⁸⁵ Монах Николай, очевидно, путал его с Виссарионом.

имею никакого отношения к политике антисоветского характера». Далее в материалах следствия о монахе Николае (Гиргиче) никакой информации нет, очевидно, по делу «повстанческой монархической организации имяславцев на Псху и на озере Рица» он не проходил.

Что касается главного «руководителя» — схимонаха Саввы (Румянцева), то до станицы Сторожевой ему добраться не удалось. Согласно показаниям схиеромонаха Иеронима, в миру Попова Павла Макаровича, с 1927 года скрывавшегося в станице Сторожевой, произошло следующее. В феврале месяце схимонах Савва с монахом Виссарионом (Мерзловым) и двумя монахинями ушел с озера Рица и добрался до станицы Лабинской. Оттуда они выехали на подводе в хутор Солёный и по дороге встретились с конвоем, сопровождавшим группу арестованных. Их всех также задержали и отвели в Майкоп. Монахинь сразу отпустили, а схимонаха Савву с монахом Виссарионом задержали. Одна из монахинь в конце апреля посетила отца Иеронима (Попова) и рассказала ему об этом задержании.

7 или 8 мая отец Иероним получил от отца Саввы письмо из Майкопа на имя Андрея Чупракова, у которого Иероним в то время нашел приют в станице Сторожевой. Схимонах Савва писал, что его выпустили из тюрьмы, он находится в Майкопе и ждет, когда отпустят монаха Виссариона; в письме он спрашивал Иеронима, можно ли к нему приехать в Сторожевую. 18 мая отец Иероним ответил схимонаху Савве согласием: «Пожалуйста, приезжайте», — а через день, 20 мая, сам был арестован.

Первые его допросы прошли в Баталпашинске. Он показал, что с 1893 года был постриженником Сафаровского монастыря в Грузии, в 1899 году перешел в Зеленчукский монастырь, был посвящен в сан иеромонаха и прожил там шестнадцать лет. После закрытия монастыря странствовал по Кубанскому и Майкопскому округам, а в 1927 году был арестован за бродячий образ

жизни, но не осужден; и после освобождения из тюрьмы поселился в станице Сторожевой.

«По своим убеждениям являюсь имяславцем», — твердо заявил схииеромонах Иероним на допросе и перечислил единомышленников-имяславцев в разных местах, в долине Псху и на озере Рица. Связь со схимонахом Саввой (Румянцевым) он поддерживал через его послушников — монахов Виссариона (Мерзлова) и Димитриана (Овсюка). В своих письмах отец Савва приглашал Иеронима на озеро Рица, потом сам намеревался побывать у него. А в начале 1930 года схимонах Савва сообщил в письме, что их предупредил лесной объездчик о том, что скоро должны прийти солдаты и забрать всех монахов. О схимонахе Савве Иероним на допросе показал следующее:

«Он, как твердо убежденный монархист, делился со мною в письмах, что намерен выступить против Советской власти, т<ак> к<ак> по своим убеждениям он не может признать ее законной властью, в этом его поддерживали все ученики, проживавшие вместе с ним. Я лично не согласен с такой тактикой Саввы по вопросу выступления против Сов<етской> власти, т<ак> к<ак> я убедился на деле, когда кабардинцы и черкесы выступали против власти и за это строго властью были наказаны. Поэтому я считал, что выступать против Сов<етской> власти бессмысленно».

Когда и где был арестован схимонах Савва (Румянцев), неизвестно. Протокол первого его допроса в Новороссийске датирован 5 июня, и в него занесены подробные показания отца Саввы о его жизни до прихода на Псху. На допросе 15 июня он показал, что прибыл на Псху в апреле 1927 года, там не задержался и сразу прошел на озеро Рица с монахом Иларионом²⁸⁶ и присоединившимися к ним монахами Виссарионом (Мерзловым) и Димитрианом (Овсюком). Потом туда пришли и другие

²⁸⁶ Два года назад монах Иларион уехал неизвестно куда.

монахи. На Псху отец Савва, по его показаниям, ходил всего раза два за продуктами. Он отрицал знакомство с отцом Гавриилом и тем более проведение им совещаний и свое руководство "организацией":

«В отношении того, что я являюсь руководителем монархической организации имяславцев, поставившей перед собой задачу свержения Сов<етской> власти, то я себя руководителем этой организации не считаю, хотя целиком присоединяюсь к ее политическим установкам в части ее непризнания, так как она является антихристовой и таковая со временем должна быть свергнута. Моя политическая платформа базируется исключительно на религиозной почве, и то, что противоречит религии, я отрицаю и не признаю все мероприятия Советской власти, которые идут против религии, и не могу ее признать как безбожную. Моя точка зрения на выступление против Советской власти отрицательная, т<ак> к<ак> мои убеждения говорят за необходимость пассивного сопротивления и терпения всего настоящего до конца».

Отец Савва отрицал, что писал схиеромонаху Иерониму (Попову) относительно того, что он якобы весной собирался выступать против советской власти, потому что дальше невозможно жить, и заявил: *«Мои письма носили исключительно характер духовного покаяния».* О том, что в станице Сторожевой была какая-то имяславская группа, он ничего не знал. Кроме Иеронима ни с кем не был связан и не знал о существовании где-либо других имяславских групп. Отец Савва утверждал также, что ничего не знал о том, что монахи ходили с заданием на Кубань, а с озера Рица никто из монахов никуда не отлучался. Сам он также никого не посылал, кроме монаха Виссариона (Мерзлова) к отцу Иерониму; о явочно-передаточных пунктах в Сухуми и других местах тоже ничего не знал.

С епископом Варлаамом (Лазаренко) схимонах Савва не был знаком, о том, что владыка в 1928 году шел якобы к нему на озеро, не знал, а услышал о нем толь-

ко в 1930 году в Майкопе. Также и в отношении Козлова: *«Относительно банды Козлова я также ничего не слышал, ничего не знаю, самого его не видел и вообще на территории озера Рица я его не видел, и вообще никакой связи я с ним не имел».*

19 июня 1930 года на очной ставке с монахом Виссарионом (Мерзловым) отец Савва по-прежнему все отрицал: не помнил, что Мерзлов говорил ему про Варлаама, отрицал также свое руководство. Последнее Виссарион (Мерзлов) тоже подтвердил и далее утверждал, что не писал Иерониму (Попову) о том, что они собираются выступать против советской власти.

В тот же день на очной ставке с Иеронимом (Поповым), подтвердившим свои прежние показания об этом письме, схимонах Савва вновь повторил свое отрицание и предположил, что писал Попову Виссарион (Мерзлов). Иероним припомнил, что хотя полученное им по почте через село Псху письмо было якобы от Саввы (Румянцева), но почерк действительно был не его, а Виссариона.

21 июня на следующем допросе отец Савва также все отрицал: никакой связи с Григоровичами не было, на Бабук монаха Макария (Благовидова) он не посылал, если тот и ходил, то по своему собственному почину. И тем более писем туда не писал. Также отрицал, что по случаю ареста Григоровичей подписал обращение ко всем монахам — молиться за арестованных. Относительно приезда из-за границы белогвардейских офицеров для подпольной работы, направленной на свержение советской власти, ничего не слышал, как и о каких-то вооруженных группах. Схииеромонаха Михаила, руководителя скита на Пшегишхве, видел один раз, знал, что тот прибыл из Сторожевой, но ничего о его прошлом показать не мог.

«Никаких ценностей из Ново-Афонского монастыря, в частности золотого креста, золотого Евангелия и чудотворной иконы Божьей Матери, которые якобы

нам удалось спасти из Ново-Афонского монастыря, а также печати последнего у меня не было.

Наличие имяславских групп в станицах Славянской, Подгорной, Зеленчукской, Сторожевой, Ивановской, Кардоникской, на хуторе Теплый и хуторе Солёный, а также в селе Винодельном мне неизвестно. Также лиц, возглавлявших эти группы, я не знаю, исключая группу в Сторожевой, возглавляемую о<тцом> Павлом Поповым²⁸⁷.

Больше по данному делу я показать ничего не могу, показание мое правильное, записано с моих слов верно, мне прочитано, в чем я и расписуюсь: *схим<онах> Савва Румянцев*».

На последнем допросе (дата в документе оборвана) отец Савва подтвердил свои прежние показания, добавил, что с озера Рица ушел, хотел добраться до станицы Сторожевой и остановиться у Иеронима (Попова). Никакой подготовки к выступлению против власти весной 1930 года вести не собирался. «Чем объяснить показания Мерзлова, что я подготовлял вооруженное восстание в целях свержения Сов<етской> власти — и для проведения этих мероприятий выехал на Кубань, — не знаю», — заявил отец Савва. Но это уже не имело значения — следствие было "успешно" закончено.

27 июня 1930 года было составлено и позднее утверждено "Обвинительное заключение". Все 102 арестованных были признаны виновными как участники «контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»; помимо обвинений в антисоветской пропаганде и агитации, срыве важнейших мероприятий советской власти, им предъявили также «подготовку вооруженного выступления для свержения Сов<етской> власти и возвращения монархического строя». Никаких конкретных фактов этой подготовки не было приведено, а только заявлено, что весной 1930 года предполагалось

²⁸⁷ Имелся в виду схиеромонах Иероним (Попов Павел Макарович).

вызвать «стихийное вооруженное восстание». И как «яркое выражение повстанческих тенденций организации» указывалось на ее неразрывные связи с «политическими бандами, активно боровшимися и борющимися против Советской власти». Особое внимание было уделено все тому же легендарному есаулу Никите Козлову:

«Скрываясь после разгрома в течение 10 лет от Советской власти, КОЗЛОВ благодаря оказываемой ему поддержке со стороны членов организации, бывших в его банде, а также со стороны монахов-имяславцев является неуловимым и по настоящее время. В 1925–1928 г<одах> КОЗЛОВ, помимо своих связей с настоящей монархической повстанческой организацией, имел связь с такой же монархической повстанческой организацией, возглавляемой братьями Григоровичами, которые рассчитывали на него как на военного руководителя подготовляемого ими восстания. Такого расчета придерживалась и настоящая монархическая повстанческая организация, которая поддерживала с ним регулярную связь через своих отдельных членов, снабжая его продовольствием и боеприпасами. Сам КОЗЛОВ перевозился монахами чуть ли не за святого человека и в этом духе популяризировался среди населения».

Кроме подготовки восстания отмечалась агитация против «важнейших мероприятий Советской власти», и, в частности, колхозного строительства, кооперативов, государственных займов, культурно-массовой работы (советских школ, газет, изб-читален), а также против служения в Красной армии. Эта агитация проводилась повсюду и оказывала влияние на население, но особого успеха она достигла в селе Псху. Как подчеркнуто в "Обвинительном заключении": «За все время существования Советской власти на Псху не было ни одной общественной организации, не было проведено ни одного собрания молодежи и бедноты, а также не проводилось ни одного революционного праздника. Под влиянием

агитации и к<онтр>р<еволюционной> работы членов организации население отказывалось от участия в общественной государственной работе, что считалось сатанинским и антихристовым делом».

Влияние «монархическо-повстанческой организации» было настолько сильным, что, по версии следствия, «последняя являлась фактически властью в течение 6 лет на Псху, советские органы были всецело в руках организации». Составители документа, констатируя этот факт, пришли к окончательному выводу, напечатав это даже заглавными буквами: «СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ КАК НА ПСХУ, ТАК И НА ОЗ<ере> РИЦА КАК ТАКОВОЙ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО».

Далее следовал список 102 обвиняемых с подробнейшими биографическими справками и фотографиями²⁸⁸. 8 октября 1930 года на внесудебном заседании Коллегии ОГПУ 37 человек из них были приговорены к высшей мере социальной защиты, остальные обвиняемые — к 10 годам концлагеря. Имущество всех осужденных было конфисковано, семьи 12 осужденных крестьян лишены права проживания в Северо-Кавказском крае и целом ряде областей (округов) сроком на три года.

26 октября 1930 года в Новороссийске были расстреляны 36 осужденных²⁸⁹.

1. Румянцев Александр Иванович — схимонах Савва.
2. Дьяченко Федот Климович — монах Феодул.
3. Беляев Василий Андреевич — иеромонах Викторин.
4. Попов Павел Макарович — схииеромонах Иероним.
5. Мальшев Георгий Никифорович — схимонах Гедeon.
6. Мерзлов Василий Петрович — монах Виссарион.

²⁸⁸ См. в главе «Книга памяти».

²⁸⁹ В списке расстрелянных нет монаха Виктора, в миру Сидорова Василия Ивановича, и судьба его неизвестна.

7. Романцев Алексей Семенович.
8. Ковалевский Владимир Платонович — монах Варфоломей.
9. Кащенко Яков Федорович — монах Федор.
10. Богуславский Николай Лаврентьевич — монах Николай.
11. Третьяков Андрей Иванович — монах Адриан.
12. Волошин Николай Степанович.
13. Минин Кузьма Никитович — монах Патермуфий.
14. Романский Иван Митрофанович — монах Иоанн.
15. Перов Константин Иванович — монах Христофор.
16. Халява Лука Александрович.
17. Жилинский Антон Григорьевич.
18. Голиков Дмитрий Иванович — монах Димитрий.
19. Лиев Азис Алиевич.
20. Вишняков Меркурий Семенович — монах Меркурий.
21. Щегольков Федор Мануилович — схимонах Федор.
22. Демченко Михаил Петрович.
23. Старченко Иван Петрович — монах Иоанн.
24. Чапраков Андрей Алексеевич.
25. Диденко Федот Назарович.
26. Демиденко Михаил Тимофеевич — монах Мефодий.
27. Генба Гурий Яковлевич.
28. Артемьев Алексей Васильевич — монах Александр.
29. Абакумов Иван Павлович — монах Ипатий.
30. Демин Михаил Тимофеевич — монах Макарий.
31. Алексеенко Сергей Павлович — монах Сосифей.
32. Солдатенко Роман Данилович — монах.
33. Головкин Алексей Иванович — монах Антонин.
34. Юшко Трофим Ефимович.
35. Овсянников Дионисий Артемьевич — монах Димитриан.
36. Шовтенко Фома Александрович — монах Феодосий.

Согласно "Акту" о расстреле, приговор приведен в исполнение в «0–30 минут... В 2 часа 26 октября тела преданы земле за кладбищем на старых каменоломнях».

Приложение I

Об имяславии

По протоколу допроса схимонаха Саввы (Румянцева)

Признанный по версии следствия *«руководителем и идеологом монархической контрреволюционной повстанческой организации имяславцев»*, схимонах Савва, в миру Румянцев Александр Иванович, на одном из допросов подробно показал о возникновении имяславия. Его показания весьма примечательны и наглядно показывают, как воспринимали монахи-простецы возникшие на Св. Горе разногласия, вылившиеся в ожесточенную распрю со всеми весьма печальными для русского монашества и Русской Православной Церкви последствиями...

На Св. Гору Афон будущий схимонах Савва приехал в 1898 году после отбытия воинской повинности. *«По рекомендации одного монаха-односельчанина, некоего Тимофеева, жившего в Старо-Афонском монастыре*

*в Турции, ныне в Греции*²⁹⁰, я выехал к нему. По приезде поступил послушником в названный монастырь, через год я был пострижен в монахи...» — показал отец Савва. Так записано в протоколе допроса, но в какой именно "Старо-Афонский монастырь" поступил Александр Румянцев, не указано. Помимо самого крупного Пантелеимонова монастыря, на Афоне было еще несколько скитов и келий с общим числом русских монахов более 4000 человек.

В этом "Старо-Афонском монастыре" отец Савва подвизался до 1913 года. *«До указанного периода времени у нас с Православной Церковью вообще и священным Синодом в частности никаких разногласий не было. Накануне империалистической войны среди монашества Старо-Афонского монастыря произошли разногласия по религиозному вопросу, одни говорили, что Христос есть человек, а другие настаивали, что он Бог, к последней ориентации примыкал и я»,* — показал схимонах Савва и добавил, что эта ориентация *«возглавлялась архимандритом Давидом и иеромонахом Булатовичем, в прошлом дворянином, бывшим полковником, имевшим свое имение и получившим воспитание, кажется, в Пажемском корпусе в г<ороде> Петрограде».*

Возможно, отец Савва решил упростить смысл разногласий, разъясняя его на допросе безбожнику следовательно. Однако именно так многие монахи высказывались и во время бурных дискуссий, начавшихся на Афоне, перекинувшихся затем в Россию и не затихших до сих пор более века спустя. Конечно же, такого спора о Христе не могло быть среди православных монахов, исповедовавших Символ веры. Речь шла об имени Иисуса Христа, то есть является ли само это имя Богом. *«Имя Божие есть сам Бог»* — в этой краткой формуле выражалось мнение

²⁹⁰ На протяжении веков Афон был под властью Турецкой империи, с 1913 года вошел в состав независимого греческого государства.

одной стороны, назвавшей себя в дальнейшем "имяславцами", а несогласных — "имяборцами". Последние в свою очередь называли своих оппонентов "имябожниками". Обе стороны ссылались на учение Церкви и доказывали свое мнение обширными ссылками на Св. Писание и Св. Предание Церкви и обвиняли противников в заблуждении и ереси.

Поводом к спорам послужила книга "На горах Кавказа" схимонаха Илариона (Домрачёва) — того самого старца, наставлениями которого пользовался в начале своей пустынножизни схимонах Даниил (Бондаренко), подробно рассказавший о нем в своем труде "Близ заката"²⁹¹. И вот что писал отец Даниил по поводу злополучной книги старца:

«Отец Иларион прожил в Ажарах на реке Зиме со своим учеником и соседом старцем Феофилом несколько лет, потом по причине, ему известной, переселился на кубанскую сторону гор — за перевал, где мне часто приходилось его посещать. Однажды я пришел к нему ради совета и застал старца весьма печальным. Из разговора причина его печали и мне стала известна. Он написал книгу под заглавием "На горах Кавказа", которую ему с помощью разных знакомых да благодетелей кое-как удалось отдать в печатание в Баталпашинск. Но, к несчастью, в типографии на этот раз не было человека, который мог бы исполнить обязанности корректора. И по этому случаю старцу предложили, чтобы он сам взялся быть корректором для своей книги, за что обещали ему двести рублей. А если он не согласится, то откладывают печатание книги, пока не найдется корректор. Но старцу Илариону хотелось не отлагать печатания, ему желательно было поскорей окончить эту книгу, и потому он должен сам взяться работать корректором. Об этом-то у старца и была скорбь. Он говорил: "Не хотел бы и книги, если мне идти в типографию работать". Но

²⁹¹ См. выдержки во введении и в части 1 — глава «Краснополяньские скиты».

все же пошел и, поработав там три дня, отказался от всего. Хозяин типографии отнесся к старцу с сочувствием, и на малое время работа была приостановлена, пока не нашелся человек для выполнения дела корректора. Вскоре книга была отпечатана...

Когда старец подарил один экземпляр отцу Даниилу, тот, поблагодарив его за подарок, дерзнул спросить: "А как долго вы ее писали?" — "Да порядочно. В пустыни сам знаешь какие удобства. То заботишься о пропитании, то переходишь с места на место, а бывает, и бумаги не на что купить, а пишешь на разных клочках. Потом смотришь, потеряешь, надо вновь трудиться. Бывало, прилепишься где-нибудь на пеньке или по-ребячьи ляжешь на траве да и пишешь. И так писал я ее долго, а все-таки она вышла из печати и была просмотрена московской духовной цензурой, ничего погрешительного в ней не нашли. Просил я Бога, чтобы она послужила на спасение души читающему"»²⁹².

Посвященная опыту Иисусовой молитвы, написанная живым образным языком самим непосредственным деятелем этой молитвы, книга была восторженно встречена в среде монашествующих, а также церковной интеллигенции. Первое издание вышло в 1907 году, второе и третье — в 1910 и 1912 годах, причем последнее — 10-тысячным тиражом в Киево-Печерской лавре, купившей право издания. Как писал отец Даниил:

«Спустя немного времени старец Иларион продал свою книгу в Киево-Печерскую Лавру за весьма небольшую сумму. Полученными деньгами он расплатился с долгами, часть дал на расходы по ходатайству о ските, а остальные раздал бедным братьям, потому что он не мог у себя держать ни единого рубля. Он был весьма нестяжателен и милостив. Бывало, имеет две одежды и, увидевши имеющего нужду, непрестанно старается одну отдать — такую он имел любовь».

²⁹² Близ заката. Современные пустынножители в горах Кавказа... С. 99–100, 105.

По-видимому, отец Иларион был настоящим подвижником и в целом в монашеском делании опытным наставником, почему его духовные советы, особенно в отношении молитвы, были очень важны для отца Даниила. Так, держа книгу в руках и с интересом ее листая и рассматривая, он обратился к старцу:

«Тут я начал спрашивать: "Скажите, отче, как спастись, чтобы не прожить на земле все?" Старец отвечал: "Если мы не постараемся быть внимательны к себе и не позаботимся о бодрости ума своего, то мы не сможем спастись и избежать сетей сатаны; он всю свою заботу и все попечение имеет только лишь о том, как бы погубить душу нашу. А мы должны противостоять сатане и все попечение иметь только о том, как спасти душу свою. Мы должны помнить слова Господа, основоположника нашего спасения, Который повелевает, чтобы мы первую заповедь имели — как спастись и избежать ловительства сопротивного, аки серна от ловающих ее или птица от сетей. И, как серна, мы должны быть бдительны и дальнорозки, как птица — быстролетны и беспопечительны. А если хотим видеть самих себя, в каком мы устроении, да избегаем исполнять свои желанья и остерегаемся всякой вещи, привязующей нашу душу к себе. Потому что монашеский образ — как высокое дерево, украшенное благолепными листьями и сладкими плодами, как бы плодом дерева жизни. Корень этого дерева есть удаление от всего плотского, а ветви его — беспристрастие души, которая ни к какой вещи не привязана, а плод — приобретение добродетелей и божественная любовь, от которой непрестающее веселие, как и ап. Павел говорит: плод духовный есть любы, радость, мир и прочая (Гал. 5, 22). Но нужнее всего живущему в пустыне возводить умное око свое к Богу в молитве трезвенной, чистой и частой. Мы должны помнить наставления святых отцов, которые нам говорят: если хочещи безмолствовать благоугодно и удобно трезвиться сердцем, молитва Иисусова да прильпнет дыханию твоему, и в малых днех узриши

мир души твоей. Ничем так легко, отец Дамиан²⁹³, не можем мы отражать от сердца своего всякое уныние, тоску и немирствие, как призыванием имени Иисусова, конечно, с чистою совестью, сокрушенным сердцем и духом смиренным. О, если бы нам непрестанно молиться и не унывать!" Старец замолчал. Я его поблагодарил за спасительные слова и, распрощавшись, отправился в свою келью с духом, обновленным от беседы»²⁹⁴.

Так кратко была выражена, можно сказать, квинт-эссенция книги старца Илариона. Именно живой опыт делателя Иисусовой молитвы привлекал в ней монашествующих, и потому она столь им полюбилась. Все написанное отцом Иларионом воспринимали как мистико-аскетический опыт, а не богословский труд с догматическими изысканиями. Тем не менее все же в книге были неосторожные выражения вероучительного характера, которые стали камнем преткновения. Отец Иларион неоднократно повторял как важную для него истину, что в имени Божиим присутствует Сам Бог. Именно эти утверждения и вызвали критику со стороны некоторых образованных монахов на Св. Горе Афон. А первым обратил на них внимание еще в России до издания книги священник Хрисанф Дементьевич Григорович, помогавший отцу Илариону редактировать его рукопись. Как писал он в журнале "Миссионерское обозрение":

«Это было в начале 1906 г<ода>, когда о<тец> Иларион только еще собирался печатать свое произведение "На горах Кавказа". Он написал мне письмо, убедительно прося просмотреть приготовленную к печати рукопись. Встретиться с о<тцом> Иларионом нам пришлось в Глинской пустыни,

²⁹³ Это еще до пострига в схиму — отец Даниил был еще монахом Дамианом.

²⁹⁴ Близ заката... С. 105–107.

где любвеобильнейший схиархимандрит о<тец> Иоанникий (тогда еще архимандрит о<тец> Исайя) любезно предложил нам свое гостеприимство и предоставил нам все удобства для выполнения нашей задачи. Он поместил нас в "столпе", устроенном им для собственного уединения и безмолвия в лесу между монастырем и дальним скитом.

Столп состоит из двух этажей; в каждом по одной келии. В верхней помещался о<тец> Иларион, в нижней — я. Келейник приходил из монастыря для услуг только на время, а потому мы пользовались полным беспопечением и безмолвием. Был май, погода стояла чудная, кругом лес; словом — лучших условий для занятий трудно и представить. Божественную литургию я совершал в домово́й церкви о<тца> Исаяи, устроенной в дальнем ските, где кроме нас с о<тцом> Иларионом присутствовали только экклесиарх и уставщик. По временам к нам в "столп" для беседы заезжал о<тец> Исайя, осведомляясь о ходе наших занятий».

Далее отец Хрисанф писал о некоторых своих замечаниях по рукописи и переходил к главной теме:

«Встретивши далее в рукописи мысль, что имя Божие есть Сам Бог, я прямо и категорически заявил, что так выражаться нельзя: если понимать это выражение буквально, то оно решительно неправильно, т<ак> к<ак> всякому понятно, что существует различие между самим предметом и его названием. Если же это выражение понимать в каком бы то ни было переносном смысле, то нужно для этого понимания подыскать и более подходящее выражение, чтобы не вызвать какого-либо недоразумения.

На это о<тец> Иларион отвечал, что он письменно и лично обращался к весьма многим авторитетным и с богословским образованием лицам (напр<имер>, к о<тцу> Ректору Ставропольской Духовной Семинарии), прося их сделать замечания по поводу его взглядов. От большинства он не получил никакого ответа, а ответившие не признали себя достаточно компетентными для критики затронутых вопросов. Это навело о<тца> Илариона на мысль, что взгля-

ды его не содержат в себе чего-либо явно погрешительного. Поэтому на мои замечания он не обратил ровно никакого внимания, и мое чтение рукописи не оказало никакого влияния на ее содержание»²⁹⁵.

Итак, книга была издана и затем дважды переиздана, и несогласие отца Хрисанфа с указанными положениями не понуждало его пускаться в полемику и тем более объявлять мнение отца Илариона заблуждением и ересью. Он продолжал сохранять с ним добрые отношения и помогал ему по различным делам. Только в начале 1913 года, когда афонские споры затронули и российское монашество, а на Святой Горе вылились в великую смуту и грозили международным скандалом, священник Хрисанф вынужден был опубликовать свои возражения. В начале своей статьи отец Хрисанф писал: «Сознавая общую немощь человеческого естества и общее свое скудоумие, считаю долгом заявить, что я никогда не занялся бы разработкой этого вопроса, если бы не был побуждаем к тому просьбами горячо любимого брата, находящегося сейчас в самом центре споров — на Св. Горе, а также некоторых других близких мне лиц (например, из Оптиной пустыни)».

Брат отца Хрисанфа — Павел Дементьевич (Дометич) Григорович, отставной штабс-ротмистр драгунского полка, приехавший на Афон в 1912 году в качестве паломника, невольно оказался не просто в самом центре споров, а можно сказать, в "эпицентре": ничего еще не понимая в спорном вопросе, он стал помощником главного апологета имяславия и участвовал, правда чисто технически, в работе над его "Апологией".

К тому времени споры, начавшиеся еще за 3–4 года до того, охватили почти все русское монашество на Афоне и перекинулись в Россию. Написанная в 1909 году

²⁹⁵ Миссионерское обозрение. 1913. № 1. С. 203–205.

схимонахом Ильинского скита Хрисанфом²⁹⁶ крайне отрицательная рецензия на книгу "На горах Кавказа" вызвала смущение и возмущение среди братии скита Новая Фиваида, понудило их писать опровержения и искать доказательства обратного. Публикация рецензии Хрисанфа в 1912 году на страницах почаевского журнала "Русский инок" вместе с еще рядом статей, осуждающих книгу старца Илариона и его учение, только подлила масла в огонь. И без того обострившиеся споры, превратившиеся в ожесточенные перепалки с оскорблениями и руганью, перешли на новый уровень — монашествующие пытались соборно рассуждать и выражать мнение об имени Господнем и, соответственно, обличать в ереси и богохульстве противников, в числе которых оказались как афонские церковные власти и Константинопольский патриархат (в его юрисдикции пребывали все афонские монахи), так и Священный Синод и иерархия Российской Церкви.

В защиту мнения отца Илариона выступил схииеромонах Андреевского скита Антоний, в миру Александр Ксаверьевич Булатович²⁹⁷, действительно бывший офицер, получивший образование в Александровском лицее в Санкт-Петербурге и после служения в гражданском ведомстве перешедший на военную службу в лейб-гвардии гусарский полк. Отважный и талантливый человек, с богатым в прошлом опытом смелых военных операций и опасных путешествий, он со всем пылом своей горячей натуры включился в полемику и стал главным апологетом имяславия.

В начале 1912 года отец Антоний написал по благословению игумена скита две статьи о молитве и почита-

²⁹⁶ В миру Христофор Иванович Потапьев, из московских дворян, в 1864 году поступивший в Ильинский скит, по его словам, и неотложно там пребывавший почти полвека.

²⁹⁷ Родился в 1870 году, в 1919-м — убит грабителями в своем имении при селе Луцыковка.

нии имени Божия, которые были напечатаны в России. Затем от имени "иноков афонских" послал в журнал "Русский инок" ответ на рецензию Хрисанфа, а в мае приступил уже к основательному богословскому обоснованию имяславия — составлению "Апологии веры в Божественность Имен Божиих и Имени Иисус (Против имяборствующих)". Корректуры этой работы и помогал ему делать Павел Дементьевич Григорович (о чем подробнее ниже).

Игумен, разделявший ранее взгляды схииеромонаха Антония, не принял его "Апологии", и по этой причине отец Антоний ушел из скита в Благовещенскую келию, где продолжал писать в защиту имяславия. Большинство братии Андреевского скита склонилось к его мнению и взбунтовалось против игумена. В январе 1913 года они приняли составленное отцом Антонием исповедание веры и, признав игумена еретиком, потребовали его отставки, избрав вместо него игуменом архимандрита Давида²⁹⁸. Прежнего игумена и его сторонников, отказавшихся подчиниться, изгнали силой, буквально спустили с лестницы и выбросили за монастырские ворота (не тронули только игумена, остальные 20 монахов были изрядно избиты).

Описание кровавых сцен этого монашеского бунта, ужаснувших сначала богомольцев, а в дальнейшем и всех, кто о них узнавал, было опубликовано на страницах духовной и светской печати. Причем, несмотря на субъективность оценок и взаимные обвинения — кто кому больше угрожал и кто кого больше колотил, — в этих описаниях общепризнанным обеими сторонами был факт непосредственного руководства Антония (Булатовича), по-гусарски скомандовавшего начало атаки: «Ура! Берите!» — и вскочившего на стол игумена, после чего началось избиение монахов.

²⁹⁸ В миру Мухранов Дмитрий Иванович, родился в 1847 году в Симбирской губернии в крестьянской семье.

Эту "гусарскую" смену игумена в скиту не признал афонский Протат и запретил архимандрита Давида и схиеромонаха Антония в священнослужении вплоть до рассмотрения спорного вопроса Патриархом Константинопольским. Они не подчинились и не пустили представителей Протата в скит, наглухо заперли монастырские ворота и почти полгода пребывали на "осадном положении". Схиеромонах Антоний срочно выехал в Санкт-Петербург добиваться правосудия в Св. Синоде Российской Церкви.

Патриарх Константинопольский Герман вызвал архимандрита Давида и схиеромонаха Антония на суд. В апреле 1913 года он так же, как и его предшественник Патриарх Иоаким, осудил новоявленное учение об имени Божием и потребовал от приехавшего на суд архимандрита Давида покаяния. Тот якобы раскаялся и возвратился на Афон, отказавшись от игуменства и поселившись вне скита (в дальнейшем имяславческая сторона утверждала, что не было никакого покаяния). Однако в самом скором времени вернулся и номинально возглавил скит после того, как имяславцев поддержал приехавший из России известный миссионер игумен Арсений (Алексеев). Фактически игумен Арсений и руководил всем и стал главным вдохновителем и имяславческого движения (правда, совсем ненадолго). Он организовал "Союз исповедников имени Господня во имя архистратига Михаила" и еще более фанатично бросился на борьбу с "имяборцами", обвиняя в ереси и предавая анафеме и Патриарха, и российских иерархов, и всех несогласных²⁹⁹.

²⁹⁹ В документах есть интересные свидетельства монахов Андреевского скита. Так, иеродиакон Харлампий слышал, «как на беседе 12 июня 1913 года в гостинной столовой архимандрит Давид говорил собравшейся братии, что теперь наступили для Церкви времена тяжкие, так как Патриарх — масон и в Святейшем Синоде все масоны; и приехавший посланный от них, седмиглавый змий (под коим он подразумевал архиепископа Никона), уже

Далее страсти еще более накалялись, в Св. Пантелеимоновом монастыре, насчитывавшем около 1700 монахов, назревали такие же кровавые события. Послание Св. Синода Российской Церкви от 18 мая 1913 года с осуждением "новоизмышленного учения" как ереси никого не убедило, а еще более ожесточило. Посланного Синодом на Св. Афон для устранения смуты архиепископа Никона (Рождественского) готовились встречать как врага и мучителя. По свидетельству самого архиепископа Никона, с непримиримым духом имяславцев он столкнулся еще по пути на Афон, когда в Одессе на подворье Пантелеимонова монастыря с ним вступили в спор трое монахов.

распростер свои сети над Пантелеимоновым монастырем и собирается теперь распространить свою власть и в нашей обители. "Но вы помните, зачем вы оставили мир и пришли в обитель. Умоляю вас стоять за сладчайшее Имя Иисуса до последнего своего издыхания"». Иеродиакон Никодим удостоверил, «что по приезде из Константинополя от Патриарха о<тец> Давид в гостинной столовой говорил в присутствии игумена Арсения и братии, что он был у Святейшего Патриарха и лично удостоверился, что Патриарх настоящий еретик. «Когда я пришел к нему, — говорил о<тец> Давид, — то Патриарх, сидя, меня благословил, причем в рукаве рясы его была маленькая собачонка», которая как будто бы и послужила для о<тца> Давида причиной в признании Святейшего Патриарха еретиком. Затем стал говорить: "Что нам теперь смотреть на Святейший Синод, когда члены его архиепископы Никон и Антоний первые еретики, и они достойны анафемы". Тогда игумен Арсений встал и обратился к братии со словами: "Согласны вы предать их анафеме?" Все закричали: "Согласны". Арсений начал называть всех тех, коих они выразили желание проклясть. "Архиепископу Антонию — анафема". Вся братия повторяла 3 раза "Анафема" ...» И то же самое было проделано в отношении настоятелей афонских монастырей. «После этого Давид, указывая пальцем вниз сказал: "И трижды прокляты"» (Забутые страницы русского имяславия: Сборник документов. М.: Паломник, 2001. С. 252–253).

«Я потом пригласил их в покои архиепископа Назария и часа три беседовал с ними, но безуспешно, — писал владыка Никон в своей статье "Моя поездка на Старый Афон и плоды "великого искушения". — Здесь, в саду, во время беседы монах Дометий позволил себе в высшей степени оскорбительную выходку против Его Святейшества, в Бозе почившего Патриарха Вселенского Иоакима: он снял с себя афонскую шапку и, поднося мне, сказал: "Вот за такую шапку золота Патриарх осудил исповедников имени Божия!" Я резко оборвал безумца, и он должен был замолчать.

Следует заметить, что все выступления монахов в защиту лжеучения и потом на Афоне носили один и тот же характер: горячие заявления, что за имя Божие готовы душу свою положить, пострадать, умереть (как будто мы какие мучители — игемоны), а когда им говорили, что и мы все имя Божие благоговейно почитаем, признаем, но что оно само по себе не есть еще Сам Бог, — то они начинали беспорядочно волноваться, кричать, повторяя одну фразу: "Сам Бог, Сам Бог!" Сколько раз я им ни повторял в свою очередь, что я верую и исповедую, что Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог, что речь идет не о Его Личности, а только о словах-именах Его, что одно — Сам Господь, другое — Его имя, — ничто не помогало: они уже обвиняли меня, что я не называю Иисуса Христа Богом, что я — еретик»³⁰⁰.

Так оно и было, если и спустя семнадцать лет схимонах Савва на допросе о событиях 1913 года говорил: *«Синод послал своего представителя на Ст<арый> Афон с официальным предписанием и разъяснением, что Христос является не Богом, а человеком. В этом же предписании было указано, что в случае неподчинения виновники будут преданы Суду. По приезде названного представителя указанное предписание было объявлено. Несмотря на угрозы со стороны Св. Синода, мы таковому не подчинились. Вскоре после этого нас око-*

³⁰⁰ Забытые страницы русского имяславия... С. 132.

ло 600 человек вместе с архимандритом Давидом и Булатовичем из монастыря выслали и насильственным путем отправили в то время в Россию, а ныне в СССР».

Архиепископ Никон прибыл на Афон в начале июня вместе с преподавателем духовного училища С. В. Троицким и представителями консульства и попытался убедить монахов отказаться от неправильного учения. Монахи были настроены враждебно, не принимали никаких уговоров, не соглашались ни с архиепископом, ни с Синодом. По свидетельству владыки Никона, главные смутьяны не давали игумену даже прочитать послание Синода перед всей братией.

«Только присутствие консула дало возможность игумену прочитать его. Во время чтения раздавались протестующие возгласы, а по окончании Ириной³⁰¹ спросил читавшего игумена: "Имя Иисус — Бог?" Игумен ответил: "Конечно, самое имя — не Бог". Этого только и добивались вожди смуты; потом они всех простецов уверили, будто игумен сказал, что "Иисус — не Бог"».

То же самое произошло, когда через несколько дней архиепископ Никон предпринял попытку провести беседу в храме.

«Обличая лжеучение, я обратился к их здравому смыслу, указывая на то, что их учитель Булатович все слово Божие считает Богом, но ведь в слове Божиим, в Священном Писании много слов и человеческих, например, приводятся слова безумца: несть Бог; говорится о творениях Божиих, например, о червячке; что же, и это все — Бог? Так и все имена Божии, как слова, только обозначают Бога, указывают на Него, но сами по себе еще не Бог; имя "Иисус" — не Бог, имя "Христос" — не Бог. При эти словах по команде Ириной

³⁰¹ Монах Ириной (Щуриков) — певчий в Свято-Пантелеимоновом монастыре; по словам архиепископа Никона, «главный смутьян», «фанатик-главарь».

послышались крики: "Еретик! Учит, что Христос — не Бог!" Я продолжал речь, а так как вожди смуты продолжали шуметь, то С. В. Троицкий обратился к близ стоявшим: "Владыка говорит, что только имя Христос — не Бог, а Сам Христос есть истинный Бог наш"³⁰².

Архиепископ привел много выписок из творений Св. Отцов об именах Божиих. Ему кричали: "Еретик, крокодил из моря, седмглавый змей, волк в овечьей шкуре!"³⁰³

Почти месяц прошел в бесплодных или, как выразился архиепископ, малоплодных беседах и увещаниях. 3 июля 1913 года по инициативе российского посла, стремившегося как можно быстрее уладить принимавший международный характер конфликт, бунтовавшие монахи были силой выдворены из монастыря³⁰⁴. В ход пустили пожарные шланги, из которых сильной струей обливали сопротивлявшихся монахов, а затем солдаты вытаскивали их из коридоров и отправляли на военный корабль "Херсон". Понятно, что не обошлось без крови. Сорок монахов с колотыми, резаными и нанесенными прикладом ружья ранами обратились к доктору на корабле³⁰⁵. По списку монахов Пантелеимонова монастыря,

³⁰² *Архиепископ Никон. Моя поездка на Старый Афон и плоды «великого искушения». Забытые страницы русского имяславия...* С. 145–146.

³⁰³ *Архиепископ Никон. Указ. соч. С. 146.*

³⁰⁴ В определении Св. Синода от 27 августа 1913 года объяснялась необходимость столь крутых мер угрозой потери афонских обителей — Патриарх Константинопольский и афонский Кинот требовали удаления еретиков, не признающих их решений и власти, и могли прибегнуть к военным силам греческого государства, в состав которого как раз только что в результате Балканских войн перешла территория Афона и которое не упустило бы возможности сократить присутствие русских на Св. Горе и захватить русские монастыри.

³⁰⁵ ГА РФ. Ф. 102. Д–2. 1913 г. Д. 49. Л. 37 // *Забытые страницы...* С. 98–99.

«следующих на пароходе "Херсон" по распоряжению русского правительства», в тот день из Пантелеимонова монастыря было изгнано 415 человек.

6–7 июля к ним присоединились добровольно ушедшие из Андреевского скита. Здесь, как ни странно, не было никаких эксцессов, и монашествующие, несколько месяцев державшие глухую оборону, 4 июля открыли монастырские ворота и впустили комиссию. По словам Павла Григоровича, «по прибытии в Андреевский скит секретарь посольства весьма благодарил скитальцев за то, что порядок во все время не был нарушен и что скитальцы не последовали примеру других»³⁰⁶. Вероятно, некому было возглавить серьезное сопротивление, поскольку не было Антония (Булатовича) и выбыл из строя наиболее воинственный из всех имяславцев игумен Арсений — еще до приезда Синодальной комиссии с ним случился удар и его парализовало (он скончался через несколько месяцев, так и не приходя в полное сознание, и был похоронен как отлученный от Церкви за оградой скита).

Архимандрит Давид, оставаясь при том крайне непримиримым противником, по-видимому, не был в состоянии вести споры или как-то активно противодействовать и выразил свой протест, как свидетельствовали насельники скита, таким образом: «Во время же беседы, веденной 4 июля 1913 года у нас в скиту профессором С. В. Троицким, о *теу* Давид не принимал никакого участия в споре, но в конце беседы неожиданно встал со своего места и, обращаясь к г *осподину* Троицкому, сказал: "Да заградятся твои злочестивые уста, хулящие имя Божие", — и после сих слов удалился с беседы»³⁰⁷.

³⁰⁶ Забытые страницы... С. 111.

³⁰⁷ Свидетельские показания иноков Свято-Андреевского скита об архимандрите Давиде 17 июня 1914 года (Забытые страницы... С. 253).

Списка имен насельников Андреевского скита, бывших в Одессу, нет в документах. Всего, согласно рапорту директора канцелярии обер-прокурора Св. Синода от 25 июля 1913 года, в Одессу на «Херсоне» прибыл 621 человек. Поскольку схимонах Савва (Румянцев) не числился в списке монахов Пантелеимонова монастыря, возможно, он был среди насельников Андреевского скита. Известно, что в Одессе несколько монахов этого скита подали на имя одесского градоначальника прошение вернуть внесенные ими в обитель денежные вклады. Среди подписавших — «монах Сысой Румянцев»³⁰⁸. В протоколе допроса отца Саввы есть странное упоминание имени Сысои — *«через год я был пострижен в монахи и вместо мирского имени Сысои в монашестве был назван по имени Савва»*. Возможно, здесь запутался следователь, и на самом деле Александр Румянцев в рясофоре получил имя Сысои, а в схиму был пострижен уже позднее не на Афоне.

Но схимонах Савва мог прибыть в Одессу и не на "Херсоне", а на другом пароходе — "Чихачев", который в конце июля привез еще 212 монахов, также ушедших с Афона добровольно. Кстати, с ними был и упомянутый выше Павел Дементьевич (Дометович) Григорович, который невольно оказался помощником схииеромонаха Антония (Булатовича)³⁰⁹, как упоминалось ранее. Когда летом 1912 года Павел хотел поступить в Андреевский скит и был послан игуменом на послушание к отцу Антонию, тот дал ему работу — делать корректуру своей "Апологии". Как сказал Павел при опросе в Одессе 22 июля 1913 года: *«Я тогда ничего не мог понять, так как все мое внимание было сосредоточено на корректуре, тем*

³⁰⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 199. V отд. I ст. Д. 80. Ч. 1. Л. 503–512 об.

³⁰⁹ Булатович в своей книге назвал его «драгоценнейшим сотрудником» (Антоний (Булатович), *схииеромонах. Моя борьба с имяборцами на Святой Горе*. М., 1917. С. 21).

более что листы один после другого приходилось читать через час и более. Таким образом, в памяти у меня почти ничего не осталось из "Апологии", кроме двух изречений о<тца> Иоанна Кронштадтского: "Имя Божие есть Сам Бог" и подобного же изречения св. Феофилакта Болгарского».

В скором времени, поступив по совету одного из афонских старцев в Благовещенскую келию, Павел Григорович вновь встретился с отцом Антонием Булатовичем, недавно перешедшим туда после конфликта с игуменом Андреевского скита. В это время Булатович писал разные заметки об имени Божиим и занимался их переводом на греческий язык с одним греком-инокком. В этой его работе Павел не участвовал, так как был занят послушаниями и правилами, которые старался неукоснительно исполнять. После удаления игумена и спешного отъезда Булатовича в Россию в конце февраля 1913 года к Павлу пришли из Андреевского скита с просьбой написать ответы на Патриаршую грамоту по поводу происшедших в скиту беспорядков и всего остального, а также на другие грамоты, которые требовались в Константинополь.

«Мне сообщили содержание ответа, и я написал ответ Св. Патриарху от имени скита и от нового игумена (архимандрита Давида). Содержание бумаг было такое, что мы не богословствуем, но единственно повторяем за о<тцом> Иоанном Кронштадтским, что Имя Божие есть Бог, что это значит — мы не объясняем, но желающим понять это предлагаем обратиться к о<тцу> Антонию»³¹⁰.

В дальнейшем Павел написал еще много документов по просьбе насельников скита. По его словам, эта работа занимала у него все время до Пасхи, пока не приехал игумен Арсений, после чего он делал уже только исправ-

³¹⁰ Забытые страницы... С. 109, 110.

ление работ игумена — в основном писем к разным лицам. В одном из писем Павел отметил:

«После паралича, разбившего совершенно о<тца> Арсения, я имел время изучить вопрос об Имени Божиим. Результат моей работы был такой, что профессор <С. В.> Троицкий заявил после собеседования, что мы точнее всех изучили этот вопрос, и если есть некоторые неясности, то при взаимном рассуждении он может совершенно исчезнуть. Все мои беды заключались в том, что у нас не имеется ученого-богослова, который бы надлежащим образом сформулировал весь наш ответ».

Это интересное свидетельство. Вероятно, в отличие от Пантелеимонова монастыря в Андреевском скиту споры носили относительно мирный характер, и Павел Григорович в отличие от архимандрита Давида не только выслушивал оппонента, но и пытался найти взаимопонимание.

Несмотря на предложение комиссии уехать на коммерческом пароходе, Павел поехал вместе с монахами. Из Одессы он собирался отправиться в Санкт-Петербург для совещания с братом об общем недвижимом имуществе, а оттуда, по его словам, «вернуться на прежнее место своего скитальчества — Красная Поляна» и оттуда не рассчитывал совершенно никуда выезжать. В Одессе он никаким взысканиям не подвергнулся и после опроса был, очевидно, отпущен. Неизвестно, уехал ли он на Кавказ в 1913 году, если и уехал, то ненадолго, так как с началом Первой мировой войны в 1914 году пошел на службу в действующую армию и на Кавказ вернулся уже во время революции.

Что касается монахов, то почти все они были лишены права носить монашескую одежду, их принудили одеться в мирское и выслали по месту прописки. Синод руководствовался существовавшим ранее правилом, что принявшие пострижение на Афоне не признавались в России в монашеском звании, доколе не пройдут 3-летнего послушнического искуса в одном из российских

монастырей. Небольшая часть монахов, как главные зачинщики беспорядков, по подозрению в уголовных преступлениях была отправлена в тюрьму (по списку посольства задержанию подлежали 34 человека), но вскоре все были выпущены. Архимандрит Давид и еще 8 монахов были признаны в монашеском звании как получившие постриг еще до Афона в России и помещены в Одессе на подворье Андреевского скита. На допросе схимонах Савва показал об этом так:

«По прибытии в Одессу архимандрит был арестован и заточен в Андреевское подворье, куда девался Булатович, я точно сказать не могу, но, кажется, был отправлен под арестом в Петроград, где и был заточен в Петропавловскую крепость. Остальных же монахов отправили на родину по прежним местам жительства».

По поводу "заточения" Булатовича в крепость это легенда, бытовавшая среди имяславцев. На самом деле он проживал в разоренном имении своей матери при селе Луцыковка Лебединского уезда Харьковской губернии, соблюдая монашеские правила, продолжал активно писать и публиковать статьи и книги в защиту имяславия, а с началом войны в 1914 году отправился на фронт в действующую армию, получив разрешение на служение, и позднее был представлен к награде. На Поместном Соборе 1917–1918 годов он пытался добиться оправдания имяславия. В начале 1918 года приехал в Москву и пребывал в Покровском монастыре. В ноябре объявил, что прерывает общение с Патриархом и церковной властью до разбора дела имяславия по существу Священным Собором. В декабре 1919 года был убит грабителями в Луцыковке. О его гибели отец Савва знал: *«Впоследствии, после Октябрьской революции 1917 г<ода>, слышал, что Булатович на Украине был расстрелян, за что именно, сказать не могу».*

Архимандрит Давид также был не "заточен", а помещен на подворье Андреевского скита в Одессе, где вместе с другими монахами доставлял массу неприятностей

начальнику подворья иеромонаху Питириму (Ладыгину)³¹¹, о чем свидетельствуют прошения отца Питирима в Синод и телеграмма епископа Новомиргородского в Св. Синод от 20 сентября 1913 года:

«Имябожники во главе <с> архимандритом Давидом ведут себя беспокойно, оскорбляют настоятеля Подворья, пишут <в> газетах письма, наполненные клеветой, обвиняя настоятеля в краже их вещей, ныне же обратились с такой же клеветнической жалобой <к> судебной власти... Содержать таких беспокойных монахов тягостно для Подворья, почтительнейше прошу Св. Синод... ускорить решение дела означенных монахов»³¹².

В начале 1914 года архимандрит Давид находился на излечении в Касперовской клинике Одессы, а с июня 1914 года он уже в Москве³¹³. По решению Синода он

³¹¹ Будущий катакомбный схиэпископ Петр. В августе 1912 года он писал в Синод: «Как архимандрит Давид, так и его товарищи составляют тяжкое бремя для порученного мне подворья, во многих отношениях, несмотря на строгий контроль, измышляют и печатно распространяют клеветы на церковь, иерархию и ближайшее начальство, постоянно выражают недовольство и смущают простецов и мирян тем, что до сих пор остаются свободными от церковного суда и неразрывно связанного с ним возмездия, которое законным порядком постигло уже массу менее, чем они, виновных в афонской смуте монахов» (Прощение настоятеля Свято-Андреевского подворья в Одессе иеромонаха Питирима // Забытые страницы... С. 122–123).

³¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 199. V отд. I ст. Д. 80. Ч. IV. Л. 128 // Богословские труды. 2005. № 40. С. 214.

³¹³ Как сообщает заведующий Андреевским подворьем в Одессе иеромонах Питирим, «архимандрит Давид и прочие шесть иноков изъявили желание выехать в Москву 5 июня сего года, а посему они удовлетворены нами деньгами на проезд до Москвы с продовольствием и прочими расходами, а именно: архимандриту Давиду дано на проезд до Москвы в первом классе с продовольствием и прочими расходами 59 рублей, а прочим на проезд во втором классе по 40 рублей» (Богословские труды. 2005. № 40. С. 243).

был переведен в Москву в Покровский монастырь под нравственное руководство и духовный надзор епископа Модеста (Никитина). Отец Савва знал, что архимандрит Давид первое время проживал в Москве в Покровском монастыре, а после закрытия монастыря — на частной квартире. «С 1924 года местопребывание архимандрита Давида мне неизвестно», — показал он. Архимандрит Давид остался в Москве, он был вдохновителем имяславческого кружка московской интеллигенции и духовником главных его деятелей — профессора Д. Ф. Егорова, П. С. Попова, супругов А. Ф. и В. М. Лосевых (последних в 1929 году тайно постриг в монашество). В начале июня 1930 года скончался³¹⁴, отпевал его священник Павел Флоренский.

С началом Первой мировой войны священники-имяславцы получили разрешение на священнослужение. Еще ранее, в марте 1914 года, суд Московской синодальной конторы под председательством митрополита Московского Макария (Невского) вынес оправдательный приговор в отношении главных деятелей имяславия, в том числе иеромонаха Антония (Булатовича) и архимандрита Давида (Мухранова). Этот приговор не был признан Синодом, однако синодальное определение по желанию обер-прокурора не было опубликовано в официальных органах церковной печати. Это, а также последующее в сентябре 1914 года снятие церковных наказаний с имяславцев «на все время военных действий» митрополитом Макарием дало им повод считать себя оправданными. Антоний (Булатович) и ряд других иеромонахов служили полковыми священниками на фронте, архимандрит Давид — в Москве.

Получилась совершенно противоречивая ситуация — главные имяславцы священнодействовали и были оправ-

³¹⁴ После ареста Андроника (Лосева) и накануне ареста Афанасии (Лосевой).

даны судом Московской синодальной конторы, а простые монахи продолжали оставаться под отлучением. В марте 1916 года архимандрит Давид и еще несколько монахов обратились к государю с просьбой об официальном сообщении о разрешении им священнослужения и допущения всех изгнанных с Афона монахов к общению Св. Таин. Синод ответил на это повторением прежних определений о том, что снятие и смягчение наказаний имябожников возможно только в том случае, если они раскаиваются и отказываются от своего лжеучения³¹⁵.

В июне 1917 года архимандрит Давид, монах Ириней (Щуриков)³¹⁶ и иеросхимонах Антоний (Булатович) написали уже в Синод нового состава (после Февральской революции), требуя определенности — либо признать постановление суда Московской синодальной конторы и распространить его на всю изгнанную братию, либо назначить новый суд и беспристрастно разобрать их афонское дело:

«Если мы окажемся неповинными в ереси, то пусть Св. Синод восстановит нас в нашем иноческом состоянии, если же мы окажемся повинны в ереси, то пусть по всей строгости церковных канонов нас отлучат от Церкви и предадут анафеме. Но во всяком случае эта строгая кара будет для нас легче, чем

³¹⁵ В синодальном определении от 27 августа 1913 года, в частности, говорилось: «усвоить их учению наименования — имябожников, принимать в общении по их чистосердечном раскаянии и после подписания специальной формы отречения от учения, содержащегося в книгах "На горах Кавказа" монаха Илариона, "Апологии" схимонаха Антония Булатовича и им подобных как "противное чисто православному учению Святой Церкви об именах Божиих", яко ведущее к суеверию, к злочестивому пантеизму или всебожию...» (Церковные ведомости. 1913. № 35. С. 430).

³¹⁶ Лидер монахов-имяславцев Св. Пантелеимонова монастыря подписывался от их имени как «соборный старец». Пребывал в Покровском монастыре в Москве вместе с архимандритом Давидом.

четырёхлетнее томление в том неопределенном положении, в каком мы ныне находимся, когда, с одной стороны, мы уже как будто оправданы, ибо наши так называемые "главари" уже священнодействуют, а с другой стороны, указ об оправдании доселе не объявлен, и для всей прочей братии остается в силе прежний указ, нас запрещающий (от 29 августа 1913 г <ода>), на основании которого нас и доселе духовенство в епархиях клеймит "еретиками", принуждает к отречению от несуществующей ереси, не допускает к Св. Причастию даже на смертном одре и даже лишает отпевания скончавшихся (см <отреть> докладную записку)»³¹⁷.

Синод не стал принимать решений, а передал все дело на Поместный Собор Российской Церкви. На Соборе был организован специальный отдел об афонском движении в отделе по внутренней миссии в составе 22 человек под председательством преосвященного епископа Полтавского Феофана. Проведено было три заседания (два в декабре 1917 года и третье в марте 1918 года), на которых фактически только наметили программу работы. По предложению епископа Феофана предполагалось провести ее по следующим пунктам:

- «1) история афонского движения;
- 2) история отношения церковной власти к этому движению;
- 3) рассмотрение синодального послания, изданного по поводу "имябожнической" смуты, а также рассмотрение и тех докладов, с которыми это послание имеет тесную связь;

³¹⁷ Прощение от 14 июня 1917 года подписано: «Ктитор Свято-Андреевского скита и настоятель (в изгнании) архимандрит Давид; Соборный старец монастыря Св. Вел<ико>-Муч<еника> и Целителя Пантелеимона (в изгнании) монах Ириней; Соборный старец Свято-Андреевского скита (в изгнании) и уполномоченный братии иеросхимонах Антоний. Петроград» (Забытые страницы... С. 302–305).

- 4) общее философско-религиозное введение к вопросу о почитании Имени Божия;
- 5) историко-патрологическое освещение вопроса о почитании Имени Божия;
- 6) изложение библейского учения о почитании Имени Божия;
- 7) мистико-аскетическое освещение этого предмета»³¹⁸.

Как видно, епископ Феофан и его сотрудники намечали серьезную работу, и их основательный подход вполне мог принести свои плоды. Всестороннее и компетентное изучение поднятых в имяславческих спорах вопросов, спокойное и искреннее обсуждение обнаружившихся противоречий могли дать свои результаты. Синодальное определение об имени Божиим от 18 мая 1913 года было слишком пререкаемо, с чем соглашались его защитники и даже сам составитель, в то время архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), и никак не могло быть принято в качестве точного выражения православного учения об имени Божиим, почему окончательное решение по имяславию и было передано на Собор. В общем соборном умственном и молитвенном делании могли быть найдены пути к разрешению главных проблем и упразднению раздоров и расколов.

Но, увы, этого сделано не было. Со скорбью писал об этом в одном из писем 1918–1919 годов М. А. Новоселов: «Как известно, Собор не доверился тому решению, которое изнес прежний Синод, и постановил подвергнуть вопрос об имени Божиим рассмотрению по существу. Чем руководился Собор, поступая так? Сознанием его значительности, не позволившим ему положиться на решение, данное Свят<ейшим> Синодом? В таком случае как же Собор, заседавший не один месяц и занимавшийся

³¹⁸ Забытые страницы... С. 338.

иногда самыми второстепенными вопросами, не нашел времени посвятить свои силы вопросу, выходящему, по его же мнению, за пределы компетенции Синода? Вернее, Собор в подавляющем большинстве своих членов был так далек от существа вопроса, так мало заинтересован в нем, что просто "сдал его в комиссию", чтобы спихнуть со своих плеч эту все же неприятную мелочь, из-за которой кто-то ссорится и беспокоит членов Собора своими заявлениями и обращениями. Ибо, конечно, если бы члены Собора разумели хоть сколько-нибудь внутреннюю значительность афонского спора, они не отнеслись бы к нему с таким постылым равнодушием, которое является величайшим *testimonium paupertatis* Собора: и если Свят<ейший> Синод обнаружил в свое время не соответствующие серьезности дела спешность и легкомыслие, то Собор погрешил непозволительной медлительностью, вытекающей из недомыслия. Кратко сказать, и Свят<ейший> Синод, и Всероссийский Церк<овный> Собор оказались не на высоте вопроса, который выдвинут был Промыслом Божиим на Святой горе Афонской»³¹⁹.

В материалах Собора, кроме докладов секретаря подотдела Василия Зеленцова об афонском движении, ничего по имяславию нет. Василий Зеленцов (будущий епископ и новомученик) в своих докладах об отношении высшей церковной власти к имябожникам³²⁰ указал на их ненормальное церковноправовое положение: «Епархиальные власти не знают толком, что с ними делать и как на них смотреть: признавать ли их находящими-

³¹⁹ Архив священника Павла Флоренского. Вып. 2. Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова / Сост. игумен Андроник (Трубачев). Томск: Водолей: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 1998. С. 183.

³²⁰ Он именует их только так в соответствии с синодальным определением 1913 года.

ся под запрещением и отлучением или же считать все церковные наказания снятыми с них в законном каноническом порядке». На основании изложенного материала В. Зеленцов делал выводы, которые должны быть доведены до сведения всех архиереев: в силе остаются прежние синодальные определения в отношении имябожников; московский митрополит в 1914 году превысил свою власть, освободив их от наложенных на них церковных наказаний на все время войны; окончательный суд над упорными имябожниками высшая российская церковная власть еще не произвела, а посему до окончательного суда остаются в силе все касающиеся их постановления.

На основании этого доклада 8/21 октября 1918 года Патриарх Тихон принял соответствующее постановление, в котором кроме указанных пунктов было отдельно сказано об отказе Антонию Булатовичу в разрешении в священнослужении, «доколе он продолжает оказывать непослушание церковной власти и распространять свои осуждаемые церковной иерархией умствования к соблазну Церкви»; и отдельным пунктом: «Разъяснить иеросхимонаху Антонию, что дело об учении имябожников передано российской церковной властью Священному Собору, от которого и будет зависеть разрешение всего дела по существу».

Это было последнее решение российской церковной власти по имяславческому вопросу. На четвертую сессию Собор уже не собрался... Гражданская война, ужасающая разруха, голод, а главное, обрушившиеся на Церковь богоборческие гонения надолго отодвинули в сторону богословские вопросы. Под жесточайшим прессом этих невиданных еще в истории гонений отпадали многие вопросы и проблемы (но вставали новые, да еще какие!); затухали прежние споры, но не все, и опять-таки затухали, но не исчезали. Так, и имяславческие споры продолжали тлеть и даже во время гонений вспы-

хивали периодически в катакомбах, разъединяя православных даже там спустя десятилетия, а на рубеже XX и XXI веков вспыхнули вдруг с новой силой открыто во всех церковных структурах (и апостасийных, и истинно-православных) как в печати и интернете, так и в реальной церковной жизни на всех уровнях — от домашнего и приходского до архиерейского и синодального, причем не только в России, но и за рубежом. И православным пришлось по-прежнему руководствоваться определениями вековой давности.

И, как и сто лет назад, констатировать вслед за Василием Зеленцовым, завершившим свои доклады следующим послесловием: «Синодальный архив дел об афонских монахах-имябожниках оканчивается Синодальным постановлением о передаче дела об афонских имябожниках на рассмотрение и суд Всероссийского Церковного Собора (определение Св. Синода от 21/28 июля 1917 года за № 4746). К сожалению, Собор и в третью сессию не рассмотрел его, за многочисленностью своих занятий. Афонская смута не умерла, но продолжается в России»³²¹.

³²¹ Забытые страницы... С. 408, 409, 410.

Приложение II

Есаул Козлов

«Вновь и вновь приходится вспоминать времена, когда слово "казак" было под запретом, а самые активные представители нашего народа уходили в подполье. Физически уничтоженные, оболганные, они остались лишь в памяти народной.

После Гражданской войны, к началу 1920-х годов на Верхней Кубани оставалось еще много казаков, так и не признавших новую власть. Вспыхнувшее под руководством Михаила Архиповича Фостикова казачье восстание потерпело неудачу, выжившие казаки скрылись, выехав позднее в эмиграцию, и их потомки постепенно растворились в чужеродной среде.

Но в Баталпашинском районе среди представителей казачьего "бело-зеленого" повстанческого движения дольше всех продержался атаман станицы Безстрашной, Никита Анисимович Козлов.

1916 год. Никита Козлов посередине

Есаул Никита Анисимович Козлов управлял станицей Безстрашной много лет и пользовался большим уважением казаков; он так и не смирился с "новым миром", провозглашенным на его родной земле. Старики-безстрашненцы и жители юго-восточных предгорий Кавказа до сих пор хранят память о тех временах, об отчаянной борьбе казаков с оружием в руках, не прекращавшейся до начала 1930-х. О самом Н. А. Козлове и казаках его отряда сведений совсем немного, до наших дней сохранились всего две фотографии, а также написанная еще в советское время художественная повесть Станислава Кирилловича Филиппова "Последний".

"Что держало его здесь до 1930-х годов, в родном, но потерянном для казаков предгорье?" — таким вопросом до сих пор задаются многие.

В лес

Советская власть, придя в станицы, не церемонилась и с простыми казаками, что уж говорить об атаманах и офицерах. В лесах и горах скрывалось достаточно казаков, которых власти старались уничтожить любой ценой. Группа Козлова просуществовала гораздо дольше других повстанческих отрядов, так что она считалась одной из наиболее опасных, и работа по ее уничтожению велась ежедневно. Сами казаки из отряда Козлова жили, как будто не скрываясь ни от кого, периодически появляясь в станицах, хуторах, на пасеках. Хотя на ликвидацию "белобандита" регулярно приезжали вооруженные "специалисты" разных мастей, но все предпринимаемые меры не давали результата. Из, казалось, уже намертво захлопнувшейся ловушки ему с казаками непостижимым образом каждый раз удавалось уйти, и в первую очередь благодаря отличной ориентации на местности, а также поддержке местного населения.

Отряд Козлова состоял из местных казаков, выросших в Приурупье, здесь они знали каждую тропку, пещеру, гору. У всех родственники в станицах, кумовья, друзья, идейные соратники, предупреждавшие о засадах, облавах, укрывавшие на зиму и летом. Советская власть заканчивалась в лесу, здесь начиналась власть Козлова. Вплоть до восьмидесятых годов прошлого века любили вспоминать участники рейдов по уничтожению отряда Козлова один из эпизодов своей "славной" молодости. Когда один из комсомольских отрядов после многодневных и безрезультатных прочесываний предгорных лесов остановился в верховьях Тегиня на отдых, к ним подошел приветливый человек средних лет и небольшого роста. Комсомольцы в это время купались в реке и варили на костре кашу. В завязавшейся беседе молодые люди поведали гостю, что мобилизованы для поимки "Козла". После совместного обеда гость сообщил

им, что он и есть тот самый "Козел", которого они ищут. Началась паника, "охотники" бросились к оружию, но Козлов ласково остановил их, предупредив, что все они находятся под прицелом пулемета. После этого он вынул затворы из всех винтовок, рассказал, в дупле какого дерева они их смогут отыскать, и спокойно ушел, пожелав им удачного возвращения домой.

Параллельно с "экспедициями" в леса и горы велась борьба на идеологическом фронте. На Козлова перекладывали ответственность за все преступления, происходящие в округе. Его и сочувствующих ему казаков объявляли бандитами, ворами, "контрой", которую вот-вот поймают. Неоднократно большевики заявляли об уничтожении Козлова, но... годы шли, а Козлов все так же свободно гулял по лесам, периодически появляясь то в Преградной, то в Подгорной, то в Курджиново, то в Сторожевой, то в Спокойной. Хорошие отношения у есаула Козлова сложились с горцами, особенно с имеретинцами, у которых он, по рассказам станичников, часто оставался на зиму.

Вместе с Козловым находилась и его семья: жена Харитина, сын Яков и дочь Полина. Дети атамана буквально выросли в лесу, пробив там около двенадцати лет. И сын, и дочь идеально владели оружием, не уступая самым лихим казакам отряда. Условия жизни и необходимость постоянно быть готовым к бою выработали у подрастающих детей сноровку природных воинов. Оружие воспринималось ими как неотъемлемая часть повседневной жизни, умение им пользоваться и попадать в цель с огромных расстояний — как необходимое условие выживания, а джигитовка — как преимущество над противником, которое в критические моменты спасает жизнь. Потому и рассказывают до сих пор старики об умении Полины на полном скаку разворачиваться в седле и садиться против хода лошади; о том, как она попадала в монету с огромного расстояния; о ее меткой

стрельбе "на звук" и о многом другом. Да ко всему этому, по словам очевидцев, Полина была невероятно красивой девушкой. Живыми попадаться в руки чекистам никто не хотел, потому среди казаков был договор: если кого-то тяжело ранят — друзья должны добить и похоронить по-христиански.

Конец

Жизнь отряда проходила в постоянных стычках и перестрелках. В одной из них, когда казаков окружили, а они прорвали кольцо в самом неожиданном для чекистов месте, шальная пуля попала в Харитину, жену атамана. Ранение оказалось серьезным, и Козлов принял решение — отправить жену на лечение в станицу Спокойную. Вместе с Харитиной в станицу возвратились дети Яков и Полина, ухаживали за ней. Чекисты рассчитывали с помощью детей выманить Козлова "на живца". Спасти Харитине руку врачам не удалось, после ампутации жену Козлова отправили в Армавирскую тюрьму. С пленением матери гəпəушники не только не ловили Козлова, но и выпустили на волю его детей, так что Яков и Полина снова оказались в лесу.

В очередной операции по поимке "банды" — провал. Предрассветная атака на место, указанное доносчиком, прошла впустую, отряд Козлова заблаговременно покинул его. Но нелепый случай, когда один из сотрудников НКВД, в прошлом рабочий, двадцатипятилетний Иван Беспалов пошел попить воды к реке и лицом к лицу столкнулся с Козловым-младшим. Яков вскочил на коня и стал уходить, а чекист, практически не целясь, выстрелил ему вслед и попал в него. Рана оказалась смертельной. Существуют разные толки: скорее всего он истек кровью до смерти; достоверно только то, что в больницу, как ранее его мать, он не попал.

К тридцатому году отряд Козлова перестал существовать, часть казаков погибли в постоянных боях с чекистами, часть ушли в Грузию, остальные вернулись в родные станицы на милость "строителей светлого будущего". Никита Анисимович остался в лесу вдвоем с дочерью Полиной. В 1930 году на Козлова был сделан очередной донос. НКВД вышло на деда-пасечника по фамилии Скупко, тот и рассказал о приходах Козлова к нему, а также и к его соседу, чья пасека стояла рядом. К самому деду есаул заглядывал редко, а вот сосед по пасеке был другом Козлова.

Соорудив шалаш с двойными стенками и засев в засаду между ними, чекисты стали ждать. Планировалось, что, когда Козлов появится на пасеке и войдет в шалаш, нужно будет только нажать на курок вовремя. В засаде было двое сотрудников НКВД, а также дед-пасечник. Когда в один из дней Козлов все-таки появился на пасеке, он позвал деда и направился из леса к шалашу. Когда он поравнялся с входом, чекист Беспалов выстрелил в него из засады. Дочь Козлова Полина первым выстрелом убила деда-предателя, вторым — напарника Беспалова, не успевшего залечь после выстрела, а третий выстрел сделала в уже мертвого отца, после чего скрылась.

Полине после смерти отца в лесу одной делать было нечего, середь бела дня она пошла сдаваться в родную станицу Безстрашную. Когда члены станичного совета увидели Полину, идущую напрямиком в Совет, они в страхе повыпрыгивали в окна и через задний двор ушли "огородами". Полина зашла в здание Совета, села, подождала, но никто так и не пришел. Тогда, оставив винтовку и бурку, Полина ушла из станицы. Вскоре на ее поимку была направлена группа чекистов, они и задержали ее у ручья, когда она мыла голову. О ее дальнейшей судьбе ходили разные слухи и легенды, но скорее всего она сгинула в той же Армавирской тюрьме так же неизвестно, как и ее мать.

Эпилог

Убитого есаула Козлова привезли в станицу Подгорную. Сначала фотографировали, предварительно вложив ему в руки винтовку и наган, затем отрезали голову. Над обезглавленным телом глумились, потом вывезли за станицу, полностью раздели, облили бензином и подожгли. Затем слегка присыпали землей и оставили на полянке на берегу Тегиня. Но вечером того же дня тело нашел шестнадцатилетний пастух, гнавший стадо коров в станицу. Он сбегал в станицу, позвал с собой еще троих своих друзей, и вместе они вырыли могилу. Случайно проходившая мимо казачка принесла из дома мужское белье, помогла одеть, после чего тело есаула предали земле...

У головы атамана судьба оказалась иной. На три дня ее выставили на почте станицы Отрадной для всеобщего обозрения — чтобы никто больше не сомневался в гибели неуловимого атамана. А потом, как гласит народная молва, голову заспиртовали и отправили в Москву для отчета.

Последние годы жизни Никиты Козлова пришлось на время "великого перелома" в деревне и уничтожения так называемых "кулацких хозяйств". Ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) в 1929 году провозгласил политику "сплошной коллективизации". На ее проведение по всей стране были мобилизованы местные партийные и комсомольские организации. В помощь им из городов направили 25 тысяч "наиболее сознательных рабочих" — "двадцатипятидесятитысячников". Начиная с 1929 года наряду с раскулачиванием в ряде районов Кубани на хлебобобов-единоличников обрушились репрессии по политическим мотивам. Именно поэтому одной из главных задач советского режима было физическое уничтожение всех тех, кто мог возглавить вооруженную борьбу казачьего народа, направленную против даль-

нейшего его геноцида. После смерти Никиты Анисимовича Козлова по хуторам и станицам прошли аресты его соратников, проводились обыски, изымалось оружие.

1930 год. Убитый Никита Анисимович Козлов

К сожалению, кроме рассказов очевидцев и художественной повести Станислава Филиппова документальных сведений о жизни и деятельности есаула Никиты Козлова нет. Много сил положено, чтобы стереть из памяти "неудобные" страницы жизни нашего народа, даже местные архивы молчат на эту тему.

Место захоронения легендарного атамана все-таки удалось разыскать казакам станицы Спокойной. Его указал тот самый пастух, обнаруживший тело, и было ему тогда около девяноста лет. Уже в наши дни по инициативе уроженца станицы Спокойной, актера театра и кино Сергея Алексеевича Шеховцева, снят был небольшой видеоролик о судьбе безстрашного атамана. Он же ведет активную работу по созданию многосерийного художественного фильма о последнем атамане Приурупья.

Но, как всегда, всё упирается в финансирование. По предварительным подсчетам, для того чтобы снять этот сериал, понадобится около четырех миллионов долларов. И от того, найдутся ли эти деньги или нет, зависит, будет ли снят этот сериал вообще. И если да, то какую правду захочет увидеть спонсор».

*Волошин Владимир Алексеевич —
атаман ст<аницы> Спокойной*

Заместитель председателя Отрадненского РОИА

*Кучеров Николай Александрович —
казак ст<аницы> Передовой»³²²*

³²² Опубликовано на сайте Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца. — URL: http://roia.otradnaya.com/files/VoloshinVA_KucherovNA_Esaul_Kozlov.pdf...

ЧАСТЬ 3

**Аресты пустынныхников в горах Абхазии:
окрестности села Георгиевского —
урочище Барганы**

В 1930 году волна репрессий, кроме знаменитой долины Псху, прокатилась и по другим горным районам Абхазии. Полностью представить их масштабы и выяснить имена монашествующих, подвергшихся гонениям, — дело будущего, если будут найдены и изучены материалы всех следственных дел. В данной главе изложены материалы лишь одного подобного дела, хранящегося в Архиве МВД Грузии. Это дело в отношении 35 пустынножителей в окрестностях села Георгиевского Сухумского уезда³²³.

Село Георгиевское было греческим поселением в нескольких верстах на северо-восток от Цебельды (ныне Цабал) и Захаровки (ныне Амткел) в стороне от основной Военно-Сухумской дороги. Дорога эта, проложенная в конце XIX века по старым историческим путям от побережья до Главного Кавказского хребта, должна была

³²³ Административное деление на уезды в тот момент не совсем понятно — в материалах следственного дела есть список монахов, «*изъятых из села Георгиевского Цебельдинского района Сухумского уезда*». А в протоколах допросов указывается то «*Цебельдинский*», то «*Георгиевский*» район. В дальнейшем село Георгиевское входило в Гульрипшский район, абхазское название «*Гяргяул*». Во время абхазско-грузинской войны село было разрушено и с 2001 года оставлено жителями; на современных картах Абхазии уже не обозначено.

соединить Сухуми с Баталпашинском (ныне Черкесск). До Цebelьды она была еще достаточно проезжей, и по ней регулярно ездили дилижансы, запряженные тройкой или даже четверкой лошадей. Так ехал в 1914 году будущий протоиерей Валентин Свенцицкий, позднее он вспоминал:

«С полпути дорога пошла по краю отвесного обрыва. Внизу бурно, как водопад, с грохотом и шумом неслась река, и с непривычки все время казалось, что дилижанс вот-вот упадет в пропасть... Особенно жутко было на поворотах. Лошади бегут быстро. Перед глазами обрыв. Но дилижанс круто поворачивает, и опять слева стена скал, а справа обрыв к реке»³²⁴.

Вдоль этой дороги возникали новые или возобновлялись старые заброшенные поселения, в некоторых были построены церкви и устроены даже два подворья Драндского монастыря. Но местность вокруг оставалась совершенно дикой и необжитой, что и привлекало сюда монахов-пустынножителей: так, почти одновременно с мирскими поселениями в разных местах в горах стали возникать поселения монашеские. Особенно пустынножителям полюбились труднодоступные места в районе села Ажара (дореволюционное название "Аджары"). Добирались туда от Цebelьды чаще уже пешком, поскольку дорога становилась совсем узкой и по-настоящему опасной и тянулась так на протяжении десятков верст вдоль реки Кодор до Ажары и далее к Клухорскому перевалу³²⁵. Валентин Свенцицкий писал:

³²⁴ Здесь и далее выдержки из: *Свенцицкий В.* Граждане неба... С. 22.

³²⁵ Дорога так и не была завершена. Бурные дискуссии о ее полезности продолжались на протяжении более полувека, и когда наконец во всех подробностях были разработаны планы не только ее расширения для полноценного движения колесного транспорта, но и даже строительства железнодорожной ветки со всеми необходимыми туннелями, началась Первая мировая война, потом революция.

«Аджарское шоссе, или, как оно официально называется, Военно-Сухумская дорога, не похоже на шоссе Кавказского побережья. Оно очень узкое, местами не более двух аршин. Поселенцы имеют особо приновреленные телеги для перевозки клади: маленькие и узенькие. Но чаще всего гонят лошадей вьюком. Слева почти отвесная стена скал. Справа такой же отвесный обрыв к Кодору».

Отец Валентин со своим провожатым монахом-пустынником, доехав до Цебельды на дилижансе, далее шли пешком.

«Я смотрю вниз и радуюсь в душе, что отказался от мысли ехать на лошади. Идти жутко, а ехать и вовсе трудно было бы. Ведь достаточно одного движения лошади в сторону — и полетишь в пропасть. Когда идешь пешком, если и ждешь опасности, то только сверху: может упасть размытый дождем камень. Шоссе полно самых трагических воспоминаний: упал с лошади поселенец, разбился вдребезги... Упала с лошады женщина... Задавила снежная глыба...

— А где же недавно был обвал?

— Вот сейчас будем проходить. Называется Богатская скала. Это самое опасное место. Скалы висят над головой и часто обрываются. Мы и то зимой иногда бегаем здесь бегом: страх нападает...»

Но, несмотря на опасности и трудности пути, автора потрясает окружающая природа:

«Да и вид кругом заставляет забывать об усталости. Вся долина с белой, как снег, рекой посредине открывается перед глазами. Такой простор, такая роскошь природы, что не только усталость — все решительно забываешь на мгновение и чувствуешь себя частью, невидимо связанной с этим чудесным миром, и вечность свою вместе с ним. Вот куда надо посылать всех мертвым духом. Воскреснут!»³²⁶

³²⁶ Свенцицкий В. Граждане неба... С. 32–33.

Также был впечатлен и монах Дамиан, будущий схимонах Даниил (Бондаренко), шедший по этой же дороге к своей заветной пустыни десятью годами ранее. Он вышел из Драндского монастыря, дошел за один день до Цебельды, затем, поднявшись выше жилищ армян в древнюю крепость, где располагалось подворье монастыря, заночевал там и на следующий день прошел около 40 верст от Цебельды до Ажары. Позднее он вспоминал:

«Несмотря на такой быстрый ход, я многим интересовался по пути. Дорога представляла собой полузаброшенное узенькое шоссе, все теснее и теснее входящее в горы. По правую руку местами были ужасные глубокие обрывы, а внизу с неимоверным ревом мчалась в море быстрая река Кодор. Смотря на ее быстроту, я был словно очарован. Мне казалось, что и жизнь человеческая с такой же быстротой мчится к беспредельному морю вечности. Мне виделось, как многие, не понимая этого быстрого течения, с гордостью мнят себя тихо плывущими и рассчитывающими свое плавание на долгие годы. Но, увы, часто они ошибаются в этом расчете. Слева надо мной возвышался страшной высоты утес, который словно хотел накрыть собой мимо идущего путника. Это был утес, называемый Богатской скалой. Над ней, словно в легких ладьях по тихому морю, плавали большие орлы. Они чувствовали себя в безопасности, отрешившись от земли. И опять мне вспомнились те люди, которые, подобно этим орлам, оставили многотщету землю и возлетели в горный мир. Там плавают они безмятежно, подобно этим орлам. Конечно, привязанные к этой несчастной и плачевной юдоли неспособны к такому полету. Они, подобно змее, пресмыкаются по земле, и пища для них — прах.

В таком размышлении я и не заметил, как пришел в Латы. Здесь был один дом и казенная будка. Тут пришлось немного отдохнуть. Я закусил хлебом с водой и отправился дальше. Вид гор все более и более живописен. То расселина зияющая, словно пасть чудовища, то склоны, поросшие разнообразною зеленью, то вдали, словно исполины, выступают из-за густых

зеленых лесов горы, и головы их украшены светлыми кудрями и белыми облаками. Такой вид имеют высокие горы с покрытыми вечным снегом макушками, опоясанные светлыми тучками. И благоразумный путешественник, видя столь украшенную природу, невольно из глубины души взывает: "Слава Тебе, Господи, вся премудростию сотворившему". В подобном чувстве восхищен был я чуть не весь день моего путешествия»³²⁷.

Дойдя до Ажары, отец Дамиан поднялся еще около восьми верст верх по реке Брамба и отыскал келью отца Онисима, принявшего его на послушание. Так началась его пустынноическая жизнь. В 1916 году он оставил эти места и переселился в район Красной Поляны. А спустя почти четверть века пришел сюда со своим послушником — отцом Арсением (Корди) по той же дороге, мало изменившейся с тех пор. Сохранилось письмо отца Арсения, в котором тот описал это путешествие лета 1928 года.

Они также прошли около 80 верст до Ажары от Драндского монастыря. Отец Арсений не назвал его, а только написал, что они «зашли в один древний монастырь» после Сухуми, по направлению к Батуми (но это несомненно Драндский монастырь, расположенный как раз в этом направлении и к тому времени так же, как и Ново-Афонский и прочие монастыри, разоренный). В Дранду отцы попали после Нового Афона и Сухуми, куда они спустились с гор, побывав, по словам отца Арсения, в "глубокой пустыни" в 80 верстах от побережья. Это несомненно была знаменитая монашеская страна Псху, куда они также добрались пешком по горным тропам. О том, что Псху называли "глубокой", писала В. Д. Пришвина:

«Такое же поселение <монахов-пустынноиков> было в районе Сухума, глубоко в горах за несколькими хребтами, на-

³²⁷ Близ заката... С. 19–21.

зывалось оно Псху. Там жили отдельно и монахи, и монахини. Псху называлась "глубокой", устав жизни там утвердился весьма суровый, и о Псху говорили с великим почтением. По рассказам о <тца> Даниила, были в те годы на Кавказе еще более глубокие, уединенные поселения монахов...»³²⁸

В эти более глубокие и уединенные поселения отцы Даниил и Арсений и отправились после Псху и прибрежных монастырей:

«6 июля (ст<арого> ст<иля>) мы вдвоем со старцем (схи-монахом Даниилом) направились в далекие горы, в глубокую пустынь, к отцам-отшельникам. Старцу желательно было по-видать своих старых знакомых, с которыми он много лет не виделся, и также ему хотелось показать мне, как живут другие пустынноики. К тому же интересно было посмотреть природу Кавказских гор. Шли по горным тропам по направлению к Абхазии. Шли крутыми скалами, ущельями, проходили великолепные луга-пастбища, где пасутся буйволы, лошади, козы и др<угой> рогатый молочный скот абхазцев, имеретинов и греков. Огромные пространства среди гор, равнины на много верст и, кроме того, горы со спокойно пологими склонами — все эти места покрыты густой сочной травой, едва не скрывающей человека. Места необыкновенно живописные. Ярко-зеленые горы с пространными пастбищами, на которых местами виднеются стада, местами протекают горные речки среди одних луговин. Так тихо и уединенно там. Подымались мы выше в горы, так что хребты, которые перевалили мы, были более 2,5 версты над уровнем моря! Подымаешься, а ледники спускаются с гор, становятся ниже нас. Воздух редкий и прохладный. Растительность альпийская, яркая. Низкий альпийский олеандр с желтыми мелкими цветами. Много встречали совершенно незнакомых ярких цветов. В кустарниках живет немало птиц с мохнатым, теплым оперением. Громко поют и весело себя чувствуют. Говорят, что если взять этих птичек с гор вниз, то они не переносят перемены воздуха и — умирают.

³²⁸ Пришвина В. Д. Невидимый град... С. 312.

Тишина в тех местах совершенно мертвая, разве что поблизости кустарников слышно пение птичек. Людей в тех местах встретить можно очень редко. Спускаясь с этих хребтов на другую их сторону, мы попали в полосу пихтовых лесов. Ах, что же это за красота — пихты! Огромнейшие, стройные, спокойно и величественно стоят, и кругом их распространяется смолянистый запах, похожий на ладан. Толщина пихт достигает двух и более аршин в диаметре, а высотой, говорят, они бывают до 50 сажений (мне рассказывали монахи, мерившие высоту таких пихт). Одно удовольствие быть в таком лесу...

Сколько речек горных приходилось переходить. Они неглубокие и неширокие, но с такой головокружительной быстротой текут, что переправляться через них бывает иногда страшно. В другом месте идешь и любишься на высокие скалистые горы с белыми снежными вершинами, с вечными ледниками. Приходилось среди пихтового леса высоко в горах ночевать. Интересно и приятно.

Пропутешествовав 2,5 дня и пройдя свыше ста верст, мы наконец достигли отцов. Они живут за очень высокими горами со всех сторон. Их келии, группами поблизости между собой построенные, находятся на порядочном расстоянии скит от скита. Т <о> е <смь> группа келий имеет своего иеромонаха и келейную церковку, так что образуют из себя скит. И такие скиты раскинуты по склонам хребтов, но в местах теплых, невысоких и благоприятных для существования.

Таких церковок-скитов всего в тех местах до 10. Есть и монахини-пустынницы. Их даже больше, нежели монахов. В среднем монахов — человек 100, а монахинь — 200. Живут в более или менее уединенных друг от друга местах. Копают огороды и все необходимое для существования собирают с огородов. Земля и климат прекрасный и теплый. Занимаются рукоделием — ложками, а монахини вяжут что-нибудь. Не очень далеко от монахов живут поселяне — русские (малороссы), где и находят сбыт рукоделия.

Место глухое и далеко отдалено от берега, 80 в <ерст>. Причем приходится переваливать через два хребта очень высоких.

Впечатления от посещения скитов весьма светлые и хорошие. По воскресеньям и праздничным дням в церковках бывает служба, и так бывает хорошо, будто как и не на земле.

Пробывши у этих отцов, мы направились дальше и ходили в Новый Афон. Там пробыли два дня. Осмотрели все достопримечательности и пошли в Сухум, затем далее к Батуму и зашли в один древний монастырь. Да, я забыл. Когда мы были около Сухума, то заходили в Команский монастырь, это — то место, где умер Св. Иоанн Златоуст. Там гробница его находится. Храм IV века.

Пройдя за Сухум 80 верст, были еще у очень интересных монахов-пустынников, проживших в пустыне 20—28 лет. Замечательные монахи, и впечатление оставили самое наилучшее. Когда мы пришли в один скит, состоящий из пяти монахов и иеромонаха, то они оставили все работы и устремили все внимание на гостей. Старались угостить самым лучшим образом, как можно в пустыне. Они живут на уступе хребта, друг от друга на вержении камня. Мы прожили среди них несколько дней, и они приглашали нас чуть ли не наперебой то в одну келию, то в другую. По случаю гостей в своей церковке устраивали торжественные службы. Много беседовали на разные духовные и богословские темы.

Я премного рад был от посещения этого скита. Он очень уединенно расположен.

Ходили мы еще дальше в горы к Отцам, живущим совсем уединенно. Это — старые кавказские пустытники. Старцы из старцев. Начитанные, испытанные и весьма опытные в иноческой жизни, спокойные, со светящимися любовью глазами. Они производят и внешним своим видом необыкновенно приятное впечатление. Особенно замечательные мне понравились два старца, к которым и другие Отцы относятся с большим уважением, доверием и даже некоторые и с благоговением»³²⁹.

³²⁹ *Архимандрит Арсений Корди. Письма. Из архива Елены Давыдовны Арманд.*

Несомненно, отец Даниил и отец Арсений побывали в районе Ажары (это как раз в 80 верстах от Сухуми), а отцы, живущие "совсем уединенно", — вероятно, пустынные на Брамбе, где начинал свое пустынножительство отец Даниил и где побывал еще в 1914 году и Валентин Свенцицкий.

Что в дальнейшем произошло с теми отцами-пустынными, неизвестно. Смогли ли они укрыться в своих неприступных горах от воинствующего безбожия и дожили ли свой век в уединении в их любимой суровой пустыни? Или их не оставили в покое и так же, как и монашествующих из общежитийных монастырей, изгнали (это еще в лучшем случае) или репрессировали? Скорее последнее...

Совершенно скрыться в горах было невозможно и раньше, даже когда намеренно никто не выискивал пустынных. Так, еще Валентину Свенцицкому один из брамбских пустынных говорил, что и в их неприступные горы, где нет поселенцев, все равно заходят пастухи да охотники. И в раздумье добавил:

«Вообще не знаю, есть ли на Кавказских горах такое место, где бы от людей можно было скрыться. Хотя сказывали мне, что один лесничий напечатал, что будто бы где-то в лесу, на горах, старца нашел, который двадцать лет живет и никого, кроме одного ученика своего, не видит. Да едва ли! А то больше случается, если и найдут место совсем безмолвное, куда даже охотники не заходят, там и пустынным жить нельзя... Сказывали мне два наших брата. Нашли они раз такое место. Шли, шли все в глубь гор. Несколько снежных перевалов прошли и дошли наконец до места, которое очень им понравилось. Громадное озеро в горах и вечный снег кругом. Поселились. Кое-как кельи поставили. Снизу деревья на себе таскали. Между прочим, и сети — рыбу ловить. Рыбы оказалось видимо-невидимо. Форель и усачи по нескольку фунтов... Все бы, кажется, хорошо, а долго прожить не могли. Садить ничего нельзя, всюду снег. Одной рыбой питаться не

под силу оказалось, вроде отвращение какое-то к рыбе явилось. За припасами ходить далеко — так и ушли...»³³⁰

Монахи, избравшие пустынножительство, не ставили себе целью совсем спрятаться от людей так, чтобы их не нашли. Они отрешались от мира и стремились к уединению, где могли бы, не отвлекаясь, предаваться молитве. И потому уходили в горы, в пустынные и дикие места, но не прятались и специально ничего не предпринимали в целях "конспирации". Поэтому о большинстве из них знали, и после революции местные власти легко могли добраться до их уединенных жилищ. А к тем, кто жил в отдалении "совсем уединенно", как правило, сопровождали местные охотники — "охотно" или "неохотно", но показывали тропы и приводили к кельям отшельников оперативные группы чекистов.

В материалах следственного дела монашествующих, арестованных в окрестностях села Георгиевского, информации о пустынножителях в районе Ажары, которых описывал Валентин Свенцицкий или отец Даниил, нет. Только в протоколах допросов нескольких арестованных есть упоминание об Ажаре. Но жили они там недолгое время, двое монахов после 1914 и до 1918 года и двое — в 1920-х годах после закрытия своих монастырей. А почти все остальные монахи поселились вблизи села Георгиевского, в двух или четырех верстах, и пришли они сюда после закрытия монастырей.

Из настоящих пустынножителей были только двое монахов: Николай (Боголюбов) и Иеремия (Колесниченко). Они еще до революции построили себе кельи в районе Сухой речки и в урочище Барганы. Монах Николай прожил здесь более четверти века. Будучи воспитан в монастырях в Бессарабии, в 1903 году он пришел на Новый Афон, пробыл там только неделю и отправился в горы, в

³³⁰ Свенцицкий В. Граждане неба... С. 91–92.

25 верстах от Георгиевского нашел место для келии. *«Я хотел удалиться в горы, потому что любил аскетическую жизнь»*³³¹, — показал монах Николай на допросе.

С ним пошел монах Феофил, и вместе они построили себе келью. И так стали основателями пустыни на Сухой речке. В 1916 году монах Феофил скончался, Николай остался один. С 1923 года стали приходить монахи из Драндского монастыря. Построили четыре келии, в которых жили по 2 человека (на самом деле, судя по показаниям монахов, приходить начали еще ранее). Монах Николай стал тяготиться этим *«многолюдством»*: *«Я, как аскет, любил одиночество и удалился от Сухой речки на 4 версты, построил келью и остался на жительство. Местечко называется Барганы. Таким образом я основал вторую пустынь»*, — показал он.

В 1925 году к нему приехал восемнадцатилетний племянник Владимир Добротворский, а в 1929 году — другой племянник, двадцатилетний Василий Пыжов. Оба молодых монаха были воспитанниками монастырей (очевидно, оставшись в малолетстве сиротами). Владимир до 1922 года проживал в Никандровой пустыни в Псковской губернии, а Василий — в Святогорском монастыре в Харьковской. После закрытия Никандровой пустыни Владимир приехал на Кавказ в 1923 году; в течение двух лет побывал повсюду: и в Сухуми, и в Новом Афоне, и в Дранде, и на Псху, пока наконец не поселился в Барганах у дяди.

Василий Пыжов тоже не сразу попал к дяде. Приехав на Кавказ в 1928 году, сначала он пришел в Сухуми на подворье бывшего Команского монастыря, оттуда отправился в сам монастырь Команский, пробыл там

³³¹ Архив МВД Грузии. Д. 10045. Л. 432. *Следственное дело по обвинению Лузгина Ф. А. и других монахов в районе села Георгиевского Цебельдинского района.* Далее до конца части 3 по тексту все цитаты, за исключением оговоренных особо, из данного дела.

три дня и пошел на Псху, *«так как от святогорских монахов слышал, что на Псху существуют пустыни»*. Там побывал под Святой Горой у монаха Гавриила, у которого, по словам Василия, была своя церковь, затем и у других монахов. Но жить Василий там не остался, пробыл только недели три и вернулся обратно в Сухуми. Оттуда отправился на Красную Поляну, затем в Гагры, снова вернулся в Сухуми и отправился в Драндский монастырь. Опять-таки там не задержался, вернулся в Сухуми и оттуда отправился назад на родину. Через год приехал вновь в Абхазию и уже сразу направился в Георгиевский район к дяде — монаху Николаю (Боголюбову).

Из материалов дела непонятно, почему племянники к нему не пришли раньше. Примечательно, что оба молодых монаха не скрывали, что не сочувствовали советской власти и не собирались отказываться от монашества. Василий Пыжов подчеркнул на допросе: *«Потому что я избрал себе такой путь и хочу молиться Богу»*.

Кроме отца Николая (Боголюбова) еще один из арестованных монахов, Иеремия (Колесниченко), был из старожилов. Будучи постриженником Драндского монастыря, в который поступил в 1902 году, он после принятия пострига в 1910 году выехал в Барганы, где выстроил себе келью. В 1914 году, с началом Первой мировой войны, он ушел на фронт, объяснив это так: *«Несмотря на то что я был монахом и нам нельзя было воевать, но во мне заговорили патриотические чувства, и я решил прервать свою келейную жизнь и пойти добровольцем на войну во имя Царя, Отечества и защиты веры православной»*. Его направили в железнодорожный батальон на Закавказский фронт, где он и прослужил помощником машиниста до 1918 года. После демобилизации вернулся в свою келью в Барганы, где и прожил до ареста. На вопрос следователя: *«В случае нападения на СССР других государств вы пошли бы в армию капиталистов»*

и воевали бы против СССР?» — обвиняемый ответил: «Теперь воевать не пошел бы, так как теперь я не монах, а схимонах».

Все остальные арестованные монахи пришли в район Георгиевского уже после революции. Из них, кроме отца Иеремии, еще шесть монахов — бывшие насельники Драндского монастыря: среди них был один иеромонах — отец Нил (в миру Дендемарченко Никита). Он пришел в район села Георгиевского только в 1928 году, хотя из монастыря ушел еще в 1920-м, но сначала жил в горах в районе села Ольгинского.

В 1918 году на Сухую речку пришли еще двое бывших насельников Драндского монастыря, монахи Пимен (Скрепцов Петр) и Пахомий (Лисенко Павел). На пустынножительство они отправились еще до революции: приняв постриг в Драндском монастыре в 1914 году, ушли в горы в районе Ажары.

В 1920 году также из Драндского монастыря пришли в район Георгиевского монахи Андроник (Капацын Авраам) и Фалалей (Нелипа Федор); в 1923 году — монах Павлин (в миру Жовтенко Петр). Примечательно, что на допросе о причинах ухода из монастыря монах Павлин показал, что *«администрация монастыря стала притеснять, и главным образом плохо кормить»*. И добавил: *«Тем более что до советизации Абхазии мы, монашествующие, не имели права покидать монастырь и уходить в пустыню, но с приходом Советской власти мы это право получили и беспрепятственно могли уходить, кто куда хотел»*. Что он имел в виду? И до "советизации" на пустынножительство уходили, правда часто без благословения. Вероятно, теперь у *«администрации монастыря»* такое благословение получить было легко.

Драндский Успенский монастырь в селе Дранда (в 17–18 верстах от Сухуми), основанный также выходцами со Св. Горы Афон, менее известен, чем соседний

Ново-Афонский Симоно-Кананитский и другие кавказские монастыри, основанные афонитами. Гораздо более скромный по размерам и размаху деятельности, он тем не менее сыграл свою роль и в развитии монашеской традиции на Кавказе, и в культурно-просветительской области. Учрежден он был в 1883 году по инициативе иеромонахов Иверского монастыря Варлаама и Модеста при древней, находившейся в запустении церкви³³². Монахи восстановили храм, в 1886 году он был уже освящен в честь Успения Божией Матери; богослужения в нем совершались по афонскому уставу. Число братии постепенно возросло до нескольких десятков человек (в разное время было от 50 до 150 насельников). Монастырь завел хозяйство — на выделенных землях вокруг монастыря и в Цебельде сеяли хлеб, разбили огороды, виноградник, устроили пасеку и обширные пастбища для скота. В 1889 году при монастыре было открыто училище, где 40–50 детей обучались ремеслу, садоводству, пчеловодству и получали общее и духовное образование.

К монастырю были приписаны два скита — Пантелеимоновский в двух верстах от Дранды и Всехсвятский в восьми верстах, устроенные также около возобновленных древних храмов XIII века. У монастыря было несколько подворий — в Сухуми, Екатеринодаре, Цебельде и Ажаре; последние, помимо духовного окормления поселенцев, а также миссионерского влияния на неправославных туземцев и пришельцев, оказывали большую помощь монахам-пустынникам. Хотя формально, как показал на допросе монах Павлин, монахи не могли покидать монастырь, и «администрация монастыря» не должна была проявлять благосклонности к

³³² Точное время ее основания неизвестно. Но на протяжении веков (не позднее второй половины X века — до середины XVII века) это был кафедральный собор Драндской епархии Грузинской Православной Церкви.

пустынножителям. Тем не менее, очевидно, в Драндском монастыре к пустынножителям относились с сочувствием. В очерках Валентина Свенцицкого описан такой характерный эпизод, когда пустынный отец Иван рассказывал о своей жизни и делился временами, когда его обуревали сомнения:

«Самое тяжелое — говорит он, — это мысль, что зря трагичешь силы... Годы проходят, а ты никуда не двигаешься, не замечаешь в себе никакого духовного роста. И вот является вопрос: не уйти ли? Не начать ли жизнь сначала?.. Однажды с такими сомнениями пришел наш пустынный к старцу Иеремии в Драндский монастырь. Старец и говорит ему:

— Видал ты когда-нибудь, как гуси летят?

— Видал, — говорит.

— Знаешь ли, что летят они за тысячи верст?

— Знаю.

— А зачем? Чтобы поддерживать свое племя. Так и вы, пустынножители. Если и нет больших подвижников среди вас — живите! Вы хорошо делаете уже тем, что поддерживаете племя пустынножителей.

Отец Иван несколько раз дорогой вспоминал этот рассказ и всегда передавал его с особенным чувством: очевидно, часто он служил ему самому утешением в тяжкие минуты сомнений...»³³³

Пустынножители беспрепятственно принимались и на подворьях, и в самом монастыре, куда они приходили на богослужения или на ночлег, когда должны были выходить из своих пустыней по различным хозяйственным нуждам. А некоторые из них, как отец Даниил (Бондаренко), даже принимали монашеские постриги в Драндском монастыре и затем вновь уходили подвизаться в горы.

В 1924 году в Георгиевское стали приходиться и монахи закрытого Ново-Афонского Симоно-Кананитско-

³³³ Свенцицкий В. Указ. соч. С. 42.

го монастыря. Так, монах Модест (Торосевич Михаил), проживший 34 года в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре, на праздный вопрос следователя: *«Почему вы переселились с Ново-Афонского монастыря в Георгиевский район?»* — просто ответил: *«Потому что нас, монашествующих, в 1924 году власти выдворили из Ново-Афонского монастыря, и ввиду того, что нам деваться было некуда, мы и решили частью поселиться в районе села Георгиевского, частью на Псху и в других местах в горах Сухумского уезда».*

Когда отец Модест переселился в Георгиевский район, то там, по его словам, было уже около десяти монахов. *«Я себе сделал одну келью в одну комнату, раскорчевал ¼ десятины земли и занялся посадкой картофеля и других огородных овощей. К нам постепенно стали прибывать монашествующие как из местных, так и из других монастырей России. К началу 1930 года в Георгиевском районе <было> до 40 чел<овек>. Остальные также начали строить келии, разрабатывать землю и сажать огородные овощи, кукурузу же никто из нас не сеял, так как негде было ее сеять из-за малоземелья. Огородных овощей нам хватало на весь год, а кукурузу зарабатывали у армян и греков окрестных сел. Мы ходили к ним на уборку кукурузы, сенокосы, за что они нам платили по одному пуду за каждый рабочий день. Таким образом мы от крестьян зарабатывали каждый по 12–15 пудов кукурузы за осень, которых нам хватало для питания на круглый год. Словом, в продуктах мы не нуждались».*

Примечательно, что, не скрывая своего отрицательного отношения к советской власти (так и в графу «Политические убеждения» занесено *«советской власти не сочувствую»*), он в ответ на вопрос о разговорах с крестьянами на политические темы сказал: *«Мы всегда старались уклоняться от политических разговоров и мирянам отвечали: "Зачем вы, крестьяне, недовольствуетесь на сов<етскую> власть, у вас есть земля и ра-*

ботайте, тем более вы налогов не платите, а вот мы ничего против Сов<етской> власти не имеем, несмотря на то что за $\frac{1}{4}$ десятины земли платим Сов<етской> власти налогу 15 руб<лей> в год"». Об арендной плате следствием отмечена важная деталь в показаниях монаха Павлина (Жовтенко). На вопрос «Кто вам дал право поселиться на Сухой речке и разрабатывать землю, рубить лес?» он ответил, что вместе с шестью монахами право на поселение получили от объездчика и платили ему арендной платы 10–15 рублей в год с 1927 года.

После закрытия Ново-Афонского монастыря в 1924 году монах Павлин поселился в окрестностях Георгиевского, как и монах Тит (Величко Терентий). У него была келья и $\frac{1}{8}$ десятины земли. В протоколе допроса подчеркнуто, что советской власти он стал не сочувствовать, когда отобрали маленькую келью и $\frac{1}{8}$ десятины земли, то есть с 4 мая сего года (1930). До этого, как он показал: «Относился хорошо, даже не обиделся, когда нас Советская власть выселила из Ново-Афонского монастыря, так как я считал, что Сов<етская> власть нас, монахов, хотела сделать настоящими рабочими».

Из Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря пришли еще несколько монахов, причем каждый из них своим путем. Николай Никитин сначала был на Псху и оттуда уже пришел в Барганы. Монах Аркадий (Войтенко Григорий), будучи послушником, из Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря ушел в 1922 году в Ажару. Потом с 1925 по 1927 год был в Драндском монастыре, где принял монашеский постриг с именем Аркадий. В Георгиевское на Сухую речку пришел уже в 1928 году, где тоже, как отмечено в протоколе допроса, «имел свою келью и $\frac{1}{8}$ десятины земли».

Монах Евгений (Ильченко Евгений) из Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря ушел в 1923 году на Псху, а после того, как там начали изгонять монашествующих, поселился в двух верстах от Георгиевского.

На вопрос о взаимоотношениях с имяславцами ответил: *«С имяславцами мы не общались, так как они не хотели общаться с нами. Но должен сказать, что их в Георгиевском районе не было, были они только на Псху».*

Другие монахи, изгнанные из Ново-Афонского монастыря, также не сразу пришли в Георгиевское. Монах Михаил (Василенко Моисей) с 1924 по 1927 год жил в районе села Медовеевка в Сочинском районе, с 1927 года — на Псху и только в 1929 году поселился в четырех верстах от Георгиевского. На допросе подтвердил, что власти его трижды изгоняли и вот теперь на четвертый раз еще и арестовали.

Из Псху пришел в 1929 году и новоафонский иеромонах Сосипатр (Сиваш Стефан). С 1910 года он служил на подворье монастыря в Петербурге и в сан иеромонаха был рукоположен там митрополитом Вениамином (Казанским). В 1922 году вернулся на Новый Афон и после закрытия монастыря с 1924 года жил на Псху. В мае 1929 года уехал в Екатеринославскую губернию к иеромонаху Виталию, а в феврале 1930 года приехал на жительство в Георгиевское, где и был арестован.

Из села Аибга в Адлеровском районе в 1928 году пришел новоафонский монах Савва (в миру Крастылев Сергей). Он наиболее резко из всех арестованных выразил свое отношение к власти: *«Ненавижу я Советскую власть, потому что она мне и вообще всем монашествующим не дает возможность существовать не только в монастыре, но даже с гор и лесов нас гоняет».* Как указано в материалах дела, отец Савва во время следствия скончался в тюрьме от сердечной недостаточности, было ему 53 года.

Также довольно определенно высказался и послушник Сергей Гвоздев. В 1922 году он пришел в Ново-Афонский монастырь, в 1924 году перешел в Команский, где пробыл до 1929 года (вероятно, на положении трудника, поскольку это была женская обитель, основанная в

1898 году на месте погребения св. Иоанна Златоуста). В 1929 году ушел в Ажару, откуда в 1930 году, уже незадолго до ареста, перешел в Георгиевский район. *«На Советскую власть смотрю как на власть антихриста, которая в скором времени покорит весь мир»*, — заявил он в ответ на вопрос об отношении к советской власти. И далее подробно рассказал о временах антихриста, гонениях, печати... Хвалил царскую власть как власть православных христиан, *«которая строила монастыри и храмы и не притесняла христиан, а, наоборот, делала поощрения в религиозных чувствах»*.

Не скрывали свои *«монархические симпатии»* и бывшие постриженники Старого Афона, монахи Климент (Кравец Кондрат) и Диодор (Зибров Диомид). Причем монах Климент, выразив свое отрицательное отношение к советской власти, сказал, что так же относятся к ней и все остальные монахи (выборка из показаний арестованных монахов приводится ниже). Оба этих монаха, согласно протоколам допроса, до 1914 года жили на Старом Афоне (вероятно, были вывезены в числе имяславцев, но на допросах никаких имяславческих взглядов и "настроений" не проявили). Монах Климент до 1925 года пребывал в Кизилташском монастыре в Крыму, а Диодор — до 1924 года в Глинской пустыни; из Глинской пустыни был и монах Севериан (Грачев-Карташев Сергей).

Остальные монахи пришли в Георгиевское из разных монастырей: из Севастопольского — монах Смагт-Савва (Григораш Севастиан); из Петропавловского Черниговской губернии — иеромонах Пафнутий (в миру Павел Ковалев). Кстати, он был единственным из всех монахов, кто заявил на допросе, что к советской власти он относится хорошо и что монахи его чуждались, хотя, по его мнению, они все монархисты.

Из Святогорского Харьковского — монах Павел (в миру Дионисий Трожков); из Успенского Пятигорского — иеромонах Стефан (в миру Дмитрий Игнатенко),

поступивший в этот монастырь с самого его основания в 1904 году, в 1926 году уехавший на Псху и в начале 1929 года перешедший в Георгиевское.

Из Казанской губернии были монахи трех монастырей. Монах Исаакий (в миру Иван Ларионов), бывший крестьянин Цивильского уезда Урмарской волости, принявший постриг в Макарьевском монастыре, куда он ушел в 1924 году после кончины жены и трех детей. На Кавказ он переехал в 1927 году и в трех верстах от Георгиевского построил себе келью.

Приехал в Георгиевское и бывший игумен Макарьевского монастыря Иоасаф (в миру Иван Козлов). В 1926 году он вынужден был оставить свой монастырь и перейти в Седмиозерную пустынь, где числился инвалидом. В Макарьевском, по его словам, оставаться не мог, поскольку из монастыря сделали детский городок. Вместе с иеромонахом Прохором (в миру Петром Кильяновым) в 1928 году игумен Иоасаф переехал на Кавказ. Остановился сначала у иеромонаха Зиновия (Мажуга), так как тот был священником в селе Георгиевском; позднее *«по указанию Зиновия купил себе келью в 4 верстах от Георгиевского»*.

В 1929 году к ним приехал бывший настоятель Раифской пустыни архимандрит Феодосий (в миру Феодор Лузгин). Он с 1910 года был настоятелем Макарьевского монастыря, а в 1920 году получил от Синода назначение в Раифскую пустынь, где и пребывал до 1928 года и успешно боролся с обновленчеством. Как благочинный монастырей Казанской епархии, архимандрит Феодосий имел большой авторитет, и Раифская пустынь являлась оплотом православия в Казанской епархии. После закрытия монастыря и превращения его в контору лесничества архимандрит переехал в Казань, а в августе 1929 года приехал в Абхазию к игумену Иоасафу (Козлову), в келии которого и прожил до 5 мая 1930 года — до момента ареста.

Среди арестованных оказались и монахи-странники: Досифей (в миру Дмитрий Осадчий), по его показаниям, монах с 1897 года, но где был пострижен, не ясно. Паломничал, с 1917 года находился в пустыни на Кубани (в какой, не уточнено, возможно, в Михайловской Закубанской); затем с 1919 по 1924 год был на Псху, с 1924 по 1928 год — на Красной Поляне. В 1929 году был в Аджаре и всего около месяца в 1930 году провел в Георгиевском районе, где и был арестован. В его показаниях на допросе есть упоминание об архимандрите Анатолии в Латах — он служит на приходе и является благочинным над тихоновскими церквами в Абхазии.

Еще один странник действительно "странный", назвавший себя схимонахом Алексием (в миру Александр), из мещан Самары, он много лет паломничал по России, носил вериги, ходил босиком... До революции его много раз арестовывали и восемь раз сажали в дом умалишенных. Но, по его словам, он находился в твердом уме и здоровой памяти и ничего общего с умалишенными не имел. При советской власти арестовывали четыре раза, но сидел в тюрьмах недолго, вскоре освобождали. В 1922 году он был на Псху, последнее время жил в пещере за Георгиевским (в дальнейшем его освободили ввиду болезни).

И, наконец, два монаха, принявшие постриг уже в тайном монастыре в горах под Туапсе. Геннадий (в миру Григорий Карякин), из крестьян Саратовской губернии; в 1923 году он ушел из дома в район Туапсе и прожил в пустыне Канаш-Тапе четыре года; там же был пострижен в схиму. В 1927 году пришел в Абхазию и в Георгиевском районе в четырех верстах от села построил себе келью, расчистил участок под овощи, причем участок ему дал совершенно бесплатно Александр Чаклов, крестьянин села Чин, что особо отметил отец Геннадий на допросе: *«Я ему никакой арендной платы не платил»*. В Великий пост 1930 года он ушел в пещеру, где и жил до ареста.

Монах Иона (в миру Иван Макаров), из крестьян Пермской губернии, после кончины жены в 1925 году ушел в паломничество — побывал в Киеве, Сарове и Харькове, затем приехал в Иверский монастырь в район Туапсе. В 1926 году в монастыре на Канаш-Тапе принял монашество с именем Иона, а позднее поселился в четырех верстах от Георгиевского.

Об Иверском монастыре под Туапсе известно, что он был закрыт, вероятно, к концу 1925 года³³⁴. А вот что за монастырь в Канаш-Тапе? В материалах следственного дела епископа Варлаама (Лазаренко), помимо Серафимо-Тихвинского скита игуменьи Серафимы (Котловой), присоединившегося к епископу Варлааму, есть упоминание еще об одном монастыре в Канаш-Тапе, но женском³³⁵. Иеромонах Макарий (Олейников) показал, что монастырь был нелегальный и возглавлялся иеромонахом Иоанном и вместе с Иверским присоединился к епископу Варлааму. *«Позднее, в 1926 или 1927 году, оба этих монастыря были закрыты, и монашествующие в большинстве поуходили на Псху и через горы на Кубань».*

Согласно показаниям самого епископа Варлаама, верстах в восьми от него проживал архимандрит Иоанн³³⁶, бывший настоятель Пятигорского монастыря, поселившийся в горах после упразднения монастыря. Он взял участок в горах, откуда-то к нему собрались монахини, по-видимому, из упраздненных монастырей; епископ Варлаам видел там около 20 монахинь.

Возможно, монахи проживали где-то рядом в том же урочище Канаш-Тапе и как такового монастыря не было, а были отдельные кельи, как и в районе Георгиев-

³³⁴ О нем приведены сведения в части 2.

³³⁵ О нем подробно в части 1.

³³⁶ Схиархимандрит Иоанн (Мирошников Федор Никифорович), родился в 1865 году. Один из основателей Второ-Афонского монастыря. В 1956 году скончался.

ского. Монах Геннадий (Карякин) показал на допросе, что в Кнаш-Тапе в 20 верстах от Туапсе по сочинскому направлению их было около 30 монахов. *«В 1927 году нас, всех монахов, выдворяли оттуда в административном порядке власти, поэтому мы и разошлись в разные места»*. Он решил поехать в Абхазию, так как имел там знакомых монахов.

Все арестованные в районе Георгиевского монахи твердо заявили, что они придерживаются тихоновского течения, признают главой Русской Церкви Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра (Крутицкого), некоторые называли и его заместителя митрополита Сергия. О церковных разногласиях или об Истинной Церкви никто из них ни словом не упомянул.

Несмотря на свою полную аполитичность и отстраненность, почти все монахи на вопрос: *«Как вы относитесь к Советской власти?»* — довольно откровенно выразили свое неприятие. Только один монах, как уже отмечалось, заявил, что относится к советской власти хорошо; и два монаха высказались нейтрально. Например, монах Аркадий (Войтенко) показал: *«На Советскую власть я смотрю точно так, как я смотрел и на царскую власть, потому что по писанию святых отцов знаю: "Всякая власть от Бога, и ее нужно признавать"»*.

А монах Николай (Боголюбов) как-то совсем нелогично выразился об отношении к нынешней власти: *«Советскую власть я считаю царской властью, но знаю хорошо, что при Советской власти царя нет»*, — и на вопрос озадаченного следователя: *«Почему вы так смотрите на Советскую власть?»* — пояснил: *«На Советскую власть я так смотрю потому, что я с 1903 года жил в горах и в городе Сухуми с 1921 по 1930 год был только 4 раза, и то находился там менее суток. Так что структуры Советской власти я не знаю, газет я*

никогда не читал, читаю только книги религиозного характера». Но на вопрос, «слышал ли имя Ленина», отец Николай не стал скрывать, что: «Имя Ленин я слышал от монахов, они мне говорили, что Ленин — предводитель революции, который старается и старался уничтожить православную религию. Года два тому назад я услышал, что Ленин умер, и обрадовался, так как умер гонитель веры православной».

Кратко, но твердо ответил на тот же вопрос архимандрит Феодосий (Лузгин): «Ленина я считаю как за богоотступника и поминать его не могу, согласно правил церковных». Странно, но больше никому из монахов этот вопрос следствием предложен не был. Но, отвечая на вопрос о советской власти, все монахи не скрывали своего отрицательного отношения к ней.

«На Советскую власть я смотрю двояко, то есть я очень доволен, что Советская власть дала свободу беднякам-крестьянам и дала возможность получать бесплатное образование, но в отношении религии я не могу и не сочувствую Советской власти, так как она закрывает монастыри, церкви, устраивает гонения на духовенство, а также и на монашествующих. Так, например, я подвергался со стороны Советской власти четыре раза гонению, то есть меня и других монахов разогнали из Ново-Афонского монастыря в 1924 году, второй раз меня и других выгнали из пустыни села Медовеевки, третий раз меня и других выгнали из села Псху и четвертый раз нас выгнали из пустыни района села Георгиевского», — монах Михаил (Василенко).

«На Советскую власть я смотрю как на власть антихриста, которая в скором времени покорит весь мир», — монах Сергей (Гвоздев).

«На Советскую власть я смотрю с плохой стороны, так как она является властью не православной, а безбожной, которая разрушила монастыри», — иеромонах Нил (Дендемарченко).

«Что касается Советской власти, то таковая не чтит Бога и, мало того, старается закрывать и уничтожать православные церкви, устраивать гонения на священнослужителей и монашество, высылать их в ссылку. Ввиду этого мы, монашествующие, не можем примириться с Советской властью, но другой власти на смену Советской я не жду», — схимонах Диодор (Зибров).

«Откровенно признаться, я Советской власти не сочувствовал, не сочувствую и сочувствовать не могу, так как Советская власть нас, монашествующих, все время гоняет с места на место, как зайцев из кустов. Поэтому симпатий у меня по отношению к царской власти, конечно, гораздо больше, чем к Советской. Коммунистов я считаю за басурманов», — архимандрит Иоасаф (Козлов).

«Пришла Советская власть, все монастыри стала закрывать и монашество разгонять в разные стороны. Так, например, меня четыре раза гоняли с одного места на другое, и сейчас я попал в ГПУ и догадываюсь, что я страдаю потому, что я являюсь монахом», — монах Дионисий (Пирожков).

«На Советскую власть я смотрю как на богопротивную власть, которая не признает религии и Бога, разрушает монастыри и храмы и притесняет и разгоняет монашество», — монах Климентий (Кравец).

«На Советскую власть я смотрю отрицательно с первых дней революции лишь только на почве религиозных убеждений, так как Советская власть попирает религию, а я же за религию готов умереть как духовный воин, но без оружия в руках», — монах Иона (Макаров).

«Настоящая Советская власть позакрывала все монастыри и поразогнала монашество. Но я против Советской власти ничего не имею, так как твердо понимаю, что Советская власть является оружием Божиим, которая послана Богом для нашего вразумления», — архимандрит Феодосий (Лузгин).

«Советская власть как религию, так и монашество притесняет», — Пахомий (Лисенко).

«Ненавижу я Советскую власть, потому что она мне и вообще всем монашествующим не дает возможности существовать не только в монастыре, но даже с гор и лесов нас гоняет», — монах Савва (Крастелев).

«Советская власть нас притесняет, не дает нам свободно молиться, гонит нас отовсюду и заключает нас в темницу за то, что царская власть нам, монашествующим, потворствовала», — монах Евгений (Ильченко).

«Не сочувствую Советской власти потому, что она не дает мне возможности свободно молиться Богу и исполнить пред Богом до конца свой монашеский обет», — монах Николай (Никитин).

«Не сочувствую Советской власти лишь только потому, что Советская власть разрушает церкви и монастыри и разгоняет из таковых нас, монахов», — монах Фалалей (Нелипа).

«Советской власти я стал не сочувствовать только тогда, когда у меня отобрали маленькую келью в лесу и $\frac{1}{4}$ десятины земли и посадили меня в ГПУ. До этого же я относился к власти хорошо. За то, что нас Советская власть в 1924 году разогнала из Ново-Афонского монастыря, тоже не обиделся, так как я считал, что Советская власть нас, монахов, хотела сделать настоящими рабочими», — монах Тит (Величко).

«Не сочувствую Советской власти потому, что нам не дают спокойно жить на одном месте», — схимонах Модест (Торосевич).

«Недоволен я на Советскую власть потому, что власть позакрывала монастыри, приходы церковные, и нас, монашествующих, поразогнали и не дают свободно нам нигде жить», — иеромонах Прохор (Кильянов).

«Не сочувствую Советской власти потому, что она является не православной властью, а басурманской,

поэтому нас, православных христиан, и притесняют, арестовывают и не дают нам соблюдать в точности веру православную», — монах Андроник (Капацын).

«Не сочувствую Советской власти потому, что она безбожная и притесняет нас, православных христиан, а в особенности монахов», — монах Досифей (Осадчий).

«Советская власть не дает действовать по нашим религиозным убеждениям, то есть не дает нам возможности быть монахами, христианами, за что гонят нас из монастырей, пустынь, то есть гор и лесов, и лишает нас средств к существованию, арестовывает нас, имущество наше конфисковали», — иеромонах Стефан (Игнатенко).

«Раз я монах и православный христианин, то я Советской власти сочувствовать не могу, так как Советская власть не православная», — монах Пимен (Скрепцов).

«Не сочувствую Советской власти потому, что она идет против Бога и монахов», — монах Иоанн (Пыжов).

«Советская власть разрушает веру православную и нас, монашествующих, преследует», — монах Василий (Добротворский).

«Советская власть уничтожает религию. Советской власти не поминаю и ей не сочувствую», — монах Исаакий (Ларионов).

«Не сочувствую Советской власти потому, что она разрушила отечество и Церковь Православную и уничтожила царя, императора Всероссийского. На Советскую власть я смотрю как на бич народа, которая существует благодаря поущению Божьему, но она долго не продержится и погибнет», — схимонах Иеремия (Колесниченко).

На вопрос «Как вы относитесь к царской власти?» — монахи также отвечали откровенно.

«Сочувствую и симпатизирую царской власти постольку, поскольку она являлась православной вла-

стью, которая чтит Бога и не устраивала гонения на православных людей и, главное, монашество. Смерти Николая II мне, безусловно, жаль, так как он был заступником монашествующим, и при нем монастыри в России процветали», — схимонах Диодор (Зибров).

«До Октябрьской революции я был доволен тем, что существовали храмы и монастыри, и религия царской властью поддерживалась. Для нас была хорошая власть только монархическая. За своими молитвами я поминаю всех царей и цариц», — монах Дионисий (Пирожков).

«На царскую власть я смотрю как на защитницу веры православной и за упокой усопшего Николая Александровича, императора Всероссийского, и других царей и цариц в своих молитвах молюсь за них. Молюсь потому, чтобы им Бог дал царствие небесное, так как вышеуказанные цари и царицы были православными христианами», — монах Климентий (Кравец).

«Царская власть нас, монашествующих, не притесняла, а, наоборот, поощряла в строительстве храмов и монастырей и относилась к нам с любовью, за что мы и почитали ее. И за службами я поминаю за упокой патриарха Тихона и усопшего Николая Александровича, императора Всероссийского, и семью его», — архимандрит Феодосий (Лузгин).

«Симпатизирую царской власти, потому что она являлась властью христианской, религию и монашество не притесняла», — Пахомий (Лисенко).

«Царская монархическая власть ни меня, ни других моих сомолитвенников не трогала и давала нам возможность молиться и трудиться. За это я за своими молитвами вечерними поминаю за упокой усопшего нашего императора Николая Александровича», — монах Савва (Крастелев).

«Царской власти я сочувствую, потому что она нас, монашествующих, не притесняла, не мешала

нам свободно молиться и не задевала наших религиозных чувств. За это мы при богослужениях в наших кельях-церквях поминаем, как хорошего христианина, за упокой Николая, императора Всероссийского», — монах Евгений (Ильченко).

«Царская же власть меня и других не трогала и давала возможность нам жить и молиться свободно. За ее благодетеля, царя, за своими службами и молитвами я поминал его за упокой. За молитвами я еще поминал и государыню Александру за упокой, поминал также и наследника Алексея. Думаю их помянуть до самой моей смерти, так как я по моим убеждениям являюсь сторонником монархического строя, и из меня теперь советского современного человека не сделаешь», — монах Фалалей (Нелипа).

«Царская же власть нас не притесняла и давала нам возможность свободно жить. За церковными службами в своей келье я поминал на проскомидии за упокой усопшего Николая Александровича, императора Всероссийского», — иеромонах Прохор (Кильянов).

«Царская же власть являлась властью православных христиан, и нас, монашествующих, оберегала от всех напастей, поэтому царская власть для нас была дорога, вследствие чего я за своими молитвами поминал и поминаю царя Николая Александровича, наследника Алексея Николаевича и царицу Александру Федоровну за упокой», — монах Андроник (Капацын).

«Царскую власть я тоже не любил, так как при ней жил тоже плохо, в большой бедности, а в монастырях тоже на бедняков смотрели плохо, и все время я находился под гнетом», — монах Досифей (Осадчий).

«Сочувствую царской власти, потому что она не вмешивалась в наши религиозные дела, а, наоборот, помогала нам в строительстве храмов и монастырей, и притом лично нас, монашествующих, не притесняла», — иеромонах Стефан (Игнатенко).

«Сочувствую царской власти потому, что раз я родился при царской власти, то, следовательно, я должен сочувствовать ей и умереть. За своими молитвами я поминаю царя, царицу, Алексея, прочих царей и цариц; поминаю их как православных христиан», — монах Пимен (Скрепцов).

«Сочувствую царской власти потому, что она шла в защиту нашей веры православной. Жалею, что Советская власть уничтожила царский строй, и поминаю за своими келейными молитвами за упокой усопших всех православных царей и цариц, патриарха Тихона», — монах Василий (Добротворский).

«Сочувствую царской власти потому, что она не трогала и не притесняла религию. За своими молитвами я поминаю царя и его семью как православных христиан», — монах Исаакий (Ларионов).

Несмотря на такие «монархические настроения», от арестованных монахов не добивались большего. Эту тему следователь не стал развивать, других вопросов, которые могли бы выявить «контрреволюционные настроения», большинству монашествующих не задавал. Только трое были мимоходом спрошены об их отношении к колхозам.

«На колхозы смотрю безразлично», — иеромонах Сосипатр (Сиваш).

«Я о колхозах даже представления не имею и не знаю, что это такое. На коммунистов я смотрю, как и вообще на всех людей, и полагаю, что есть хорошие люди и из числа коммунистов и есть плохие люди, и также и из остальных людей есть хорошие и есть плохие», — монах Тит (Величко).

«С крестьянством по вопросу колхозов и коллективизации мы беседовали, но против колхозов мы не высказывались», — монах Павлин (Жовтенко).

И также только троим был задан наиболее "провокационный" вопрос: *«Приходилось ли вам беседовать*

с местным крестьянством по вопросу религии и как это часто было?»

«Не очень часто мне приходилось объяснять крестьянам, чтобы они не гнались за новшеством, а придерживались бы той веры, в которой родились их отцы и прадеды», — монах Михаил (Василенко).

«О религии с крестьянством разговоры имел, но не совсем часто. Я доказывал крестьянам, что Бог существует и что если бы его не было, то и нас тоже не было бы», — схимонах Геннадий (Карякин).

«В село Георгиевское и другие я ходил редко и с крестьянством о религии не беседовал, так как я человек совсем малограмотный и в религиозных вопросах почти ничего не понимаю», — монах Тит (Величко).

Тем не менее всем монахам было предъявлено обвинение в ведении религиозной пропаганды. Само по себе их существование как людей верующих и тем более монашествующих, даже без какой бы то ни было словесной агитации и пропаганды, уже было самой убедительнейшей *«религиозной»*, а значит, и *«антисоветской пропагандой»*.

К тому же все монахи, которым был предложен вопрос: *«Не имеете ли намерения отойти, порвать связь с монашеством?»* — ответили на него, как и подобало настоящим монахам.

«Я от монашеской жизни отказываться не намерен и готов в таком виде умереть», — монах Михаил (Василенко).

«Я, как верующий человек, от монашества никогда не откажусь, так как я пред Богом дал обет служить ему до конца моей жизни», — монах Севериан (Грачев-Карташев).

«Связей с монашеством я никогда не порву и монашество не брошу, хотя бы и пришлось мне впереди страдать, так как я дал обет пред Богом», — схимонах Савва (Григораш).

«От монашеской жизни я до самой смерти не откажусь, ибо я дал обет пред Богом и до конца готов нести его тяжелый крест», — схимонах Диодор (Зибров).

«От монашества отойти не думаю, пусть мне хоть голову отрубят, но решил умереть в монашеской одежде», — схимонах Геннадий (Карякин).

«Думаю в монашеской жизни прожить до конца своей жизни, так как в свое время я дал обет пред Богом жить в монашестве», — Пахомий (Лисенко).

«Думаю и умереть монахом», — монах Евгений (Ильченко).

«Никогда не думал и не думаю отойти от монашества. Я ушел подальше от людей, чтобы можно было там лучше спастись о Господе», — монах Николай (Никитин).

«Раз уж я сделался монахом, то таковым хочу и умереть», — монах Досифей (Осадчий).

«Каким бы гонениям, репрессиям и лишениям со стороны настоящей власти не подвергался, но от монашества я не отойду, так как твердо верю в Священное Писание, которое говорит, что всякое отступление от Бога будет означать то, что отказаться нужно от царствия небесного. Я же как человек, верующий в загробную жизнь, от Священного Писания отступить не могу», — иеромонах Стефан (Игнатенко).

«Отказаться от монашества не думаю, потому что я избрал себе такой путь и хочу молиться Богу», — монах Иоанн (Пыжов).

«Не предполагаю отказаться от монашества, скорей готов на смерть, чем отказаться от своих обетов», — монах Василий (Добротворский).

«От монашества не откажусь. Хочу спасти свою душу от грехов», — монах Исаакий (Ларионов).

Иеромонах Сосипатр (Сиваш) на вопрос: *«Не имете ли в дальнейшем намерения отойти от священства?»* — также твердо ответил: *«От священнической*

деятельности я отойти не намереваюсь, а буду и в дальнейшем продолжать такой образ жизни, какой я вел и до настоящего момента. Готов даже умереть, но от священнической деятельности и, в частности, от монашества не отойду, так как мы в свое время перед Богом дали обет пребывать в своем чине до смерти».

Абхазское ГПУ довольно быстро провело следствие, и арестованные в начале мая монахи уже 26 мая 1930 года на судебном заседании Коллегии Абхазского ГПУ были приговорены к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. Кстати, представление о том, что это было за имущество в убогих пустынноических кельях, дает список изъятого при обыске у архимандрита Иоасафа (Козлова):

«1) напильник — один, 2) молоток — один, 3) пила поперечная — одна, 4) пила малая — одна, 5) топоры — два, 6) лопаты — две, 7) кирка — одна, 8) бинокль — два, 9) кастрюль чугунных — две, 10) ведро эмалированное — одно, 11) кадушек — две, 12) муки кукурузной — четыре пуда, 13) картофеля — десять пудов, 14) крупы разной — один пуд, 15) земли — ½ десятины, засаженная картофелем и другими огородными овощами, 16) книг разных религиозного характера — восемнадцать штук, 17) священническое облачение — одно полное, 18) икон разных — три штуки, 19) чашек эмалированных — две, 20) соли — один пуд».

И это все, что нашли в келье у архимандрита, бывшего настоятеля монастыря; у простых монахов могло быть еще меньше...

Дело вместе с заключенными переслали на утверждение Коллегии Грузинского ГПУ. 12 июня 1930 года 34 монаха из Сухумской тюрьмы были отправлены по этапу в Тбилиси. К тому времени 7 июня скончался в тюрьме от сердечного приступа монах Савва (Крастылев). 24 сентября 1930 года на судебном заседании Коллегии

Грузинского ГПУ все обвиняемые, кроме ранее освобожденного по болезни Зиняева Александра (схимонаха Алексея-странника), были приговорены по обвинению «в ведении религиозной пропаганды» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. Работали они в совхозе или колхозе. В мае 1932 года многие были освобождены по амнистии. Но в августе 1932 года после гневного письма из Москвы вновь приговорены к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая.

Судя по материалам дела, в исправительно-трудовую колонию в Средней Азии³³⁷ были отправлены: монах Николай (Боголюбов), схимонах Савва (Григораш), монах Павлин (Жовтенко) и племянник монаха Николая — монах Василий (Добротворский). Все остальные оставались в Грузии, в Тбилисской исправительно-трудовой колонии и работали в колхозе. В 1932 году, согласно выписке из протокола приговора (без указания даты смерти), скончался в больнице старейший пустынножитель Барган монах Иеремия (Колесниченко), а 18 февраля 1933 года в больнице исправительно-трудовой колонии — архимандрит Иоасаф (Козлов).

14–15 июня 1933 года на заседании специальной комиссии Закавказской СФСР³³⁸ «по разгрузке мест заключения» многие монахи были приговорены к одному году принудительных работ. Оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, и почти всех освободили из-под стражи, в том

³³⁷ Среднеазиатский концлагерь (Сазлаг), созданный в 1930 году в Узбекистане, по уровню смертности среди заключенных занимал первое место среди советских концлагерей в первой половине 1930-х годов.

³³⁸ Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика — с 1922 по 1937 год — объединяла в себе Грузинскую, Армянскую и Азербайджанскую республики.

числе и из Сазлага — в октябре 1933 года схимонаха Савву, монаха Павлина и монаха Николая. Последний, согласно сообщению Управления ИТЛ ОГПУ в Средней Азии, *«из-под стражи освобожден 8 марта 1934 года и выбыл в гор<од> Тифлис»*.

Не освободили только самого молодого монаха, 25-летнего Василия (Добротворского), одного *«из самых убежденных антисоветски-монархически настроенных монахов»*. Несмотря на то что он тяжело болел и с января по июль 1934 года шесть месяцев пролежал в лагерной больнице, как сообщал об этом его отец с просьбой о досрочном освобождении сына. Согласно рапорту от 17 января 1935 года, *«заявление отца об освобождении осужденного сына его оставить без последствий»*. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Также не представляется возможным проследить судьбы и всех оставшихся тридцати монахов. Вероятно, большинство из них после освобождения проживали в Грузии. В деле имеется следующий документ: *«Заключение на возвращенца из ссылки Лузгина Ф. А.»* от 25 ноября 1948 года. Начальник МГБ Грузинской ССР, рассмотрев материал в отношении Лузгина Федора Акимовича — архимандрита Феодосия (бывшего настоятеля Раифской пустыни), арестованного в 1930 году по статье 58–21 (религиозная пропаганда), освобожденного в 1932 году и ныне служащего во Мцхетском Ольгинском монастыре и проживающего в Дидубийском поселке, дом 16, нашел, что *«в 1932 году Лузгин был освобожден из-за преклонного возраста и по возвращении из ссылки вновь группирует вокруг себя подозрительных лиц из числа церковников»*.

Далее следовало заключение: *«Принимая во внимание, что в деле на Лузгина отсутствуют материалы о его организационной антисоветской деятельности и что ему сейчас 84 года (по той же причине он агентурно не разрабатывался), полагал бы Лузгина Ф. А.*

аресту не подвергать, как не поддающего под директиву МГБ ГССР № 0084 от 16/XI 1948 года. Отделу "О" МГБ ГССР продолжать держать Лузгина под агентурным наблюдением».

Что значит «возвращение из ссылки», если архимандрит в Абхазию не возвращался и из Грузии не выезжал, проживая в окрестностях Тбилиси? Вероятно, это было написано для формальности и архимандрита не хотели трогать, но во исполнение директивы должны были соблюсти какую-то форму. В целом в Грузии отношение к монашествующим со стороны властей было более или менее снисходительным, и они не подвергались таким жестким гонениям, как повсюду в СССР. Даже изгнание пустынноиков из их келий с конфискацией их нищенского имущества и принудительные работы на виноградниках в грузинских колхозах или совхозах не кажутся столь жестоким наказанием в сравнении с теми приговорами, которые одновременно выносились в соседнем Северо-Кавказском крае — в Новороссийске и Ростове (что наглядно показывают рассмотренные выше следственные дела епископа Варлаама и монашествующих на Псху).

Так, один из осужденных пустынноиков, иеромонах Стефан (Игнатенко), был даже освобожден из трудовой артели-лагеря³³⁹, как писал составитель его жизнеописания, якобы благодаря одному из влиятельных сотрудников ОГПУ-НКВД, впоследствии заместителю министра НКВД Грузии Борису Николаевичу Колонтареву, который «после бесед с батюшкой Стефаном особенно расположился к нему. Он сам и его жена Вера Ильинична Ермакова, отличавшаяся редкой красотой и изяществом, дочь бывшего вице-губернатора Тифлиса, были верующими людьми и в мутные послереволюционные годы страдали без духовного руководства. Супруги на-

³³⁹ Вероятно, имеется в виду Тбилисская исправительно-трудовая колония.

шли возможность внести крупную сумму денег и освободить покорившего их сердца смиренного, молчаливого, мудрого иеромонаха. Вначале они прятали батюшку у себя на даче в качестве сторожа, затем некоторое время отец Стефан скрывался у монахинь из Дидубийского поселка»³⁴⁰.

Пробыв в Грузии до 1937 года, иеромонах Стефан вернулся на Северный Кавказ. В 1949 году он был официально принят в клир Ставропольской епархии Московского патриархата и служил в разных храмах, в 1953 году был уволен за штат и до самой кончины в 1973 году проживал в своем домике в Кисловодске, соблюдая строгий монашеский устав и принимая приходивших и приезжавших к нему многих верующих на исповедь и за духовным советом, по словам составителя жизнеописания, не только с Кавказа, но и из Центральной и Северной России. При этом никаких гонений или притеснений со стороны атеистических властей заштатный старец как будто и не испытывал даже во время хрущевских гонений, по крайней мере об этом ничего не сказано в его жизнеописании. Возможно, не трогали старца «из-за преклонного возраста», как архимандрита Феодосия в Грузии. Ведь к началу 1950-х ему перевалило уже на восьмой десяток³⁴¹, и скончался он на 95-м году жизни.

Но был еще один немаловажный факт, обусловивший относительно мирное существование иеромонаха Стефана в богоборческой Стране Советов. В конце 1920-х годов при возникшем разделении в Русской Церкви по вопросу пресловутой декларации митрополита Сергия

³⁴⁰ Жизнеописание старца иеросхимонаха Стефана (Игнатенко). М.: Новая книга: Ковчег, 2002. С. 49.

³⁴¹ Его биографы не знают точную дату рождения и указывают предположительно 1875 год. Но в протоколе допроса 18 мая 1930 года указан его возраст — 52 года.

(Страгородского) иеромонах Стефан стал ревностным защитником митрополита. Об этом есть информация в следственном деле епископа Варлаама (Лазаренко)³⁴².

"*Ярым сергианцем*" назвал иеромонаха Стефана иеромонах Онисим (Поль), а Сергей Петрович Ситиков, почитавший отца Стефана как духовника и наставника, подтвердил, что по поводу "*сергиевского течения*" у него сразу возникли разногласия с духовником. Если весной 1928 года отец Стефан еще не был твердо уверен и говорил, что он *«мало что знал и по скудости своего ума особо не беспокоился, говорил, что отделяться от Сергия нельзя, пока не станет очевидной его деятельность»*, то летом 1929 года он стал уже "*убежденным сергиевцем*", по рассказам встречавшихся с ним. Это очень огорчило Сергея Петровича, и он решил еще раз поехать и встретиться со своим духовником, которого, как ему казалось, он уже терял, *«чтобы самому на месте выяснить и определить наши дальнейшие отношения, и, если мы разномыслящи, прекратить наше духовное общение»*.

В это время иеромонах Стефан ушел из Псху и поселился за Цебельдой в районе села Георгиевского. Сергей Петрович собрался к нему ехать, намеревался сесть на пароход, отходивший вечером из Новороссийска в Сухуми, уже купил билет, но во время посадки был арестован. При аресте у него были изъяты копии антисергианских документов, которые он вез с собой и с которыми он хотел ознакомить своего духовника. Оказало бы это какое-то влияние на иеромонаха Стефана? Бог знает...

Но примечательно, что во время допроса в 1930 году, не скрыв своего сочувствия к царской власти и сказав, что *«поминал царя как усопшего раба Божия и желал, чтобы он попал в Царствие Небесное»*, иеромонах Стефан добавил: *«Но с 1927 года я поминать царя перестал, т<ак> к<ак> нашел это необязательным для*

³⁴² См. часть 1 в главе «Краснополянские скиты».

себя». Именно с 1927 года! А в дальнейшем всем своим духовным чадам строго-настрого заповедовал держаться митрополита Сергия.

Характерен пример монахини Сергии (в миру Татьяна Ивановны Клименко). В середине 1930-х годов, внимая этим строгим предостережениям отца Стефана, она вернулась в общение с митрополитом Сергием, хотя до этого она пребывала среди антисергианского исповеднического монашества Кубани и Черноморья и сама претерпевала гонения: изгнание, арест, тюремное и лагерное заключение. Ее имя упоминается в материалах следственного дела епископа Варлаама 1929 года, хотя в качестве обвиняемой монахиня Сергия по этому делу не проходила. Так, на одном из допросов Сергей Петрович Ситиков показал, что антисергианские церковные документы, *«копии епископских посланий и увещаний, адресованных на имя митрополита Сергия»*, с которыми он был полностью согласен (*«что Церковь Православная не должна находиться в зависимости от государства, все равно какого...»*) и с которыми он хотел ехать к своему духовнику иеромонаху Стефану в Абхазию, ему доставляла *«знакомая монашка»*. С ней супруги Ситиковы познакомились еще в 1923 году в Кисловодске, а летом 1929 года она жила у них в Геленджике *«как туберкулезно больная, лечась. Имя ее мать Сергия или прежде — Татьяна Ивановна Клименко»*.

Монахиня Сергия так же, как и супруги Ситиковы, в 1923 году познакомилась во Второ-Афонском Успенском монастыре с иеромонахом Стефаном (Игнатенко) и стала пользоваться его духовными наставлениями. В 1926 году отец Стефан ушел в горы в Абхазию, но постоянно поддерживал связь со своими духовными чадами. Монахиня Сергия после закрытия пустыньки "Темные Буки", где она подвизалась в 1927–1929 годах, решила идти к отцу Стефану. Как она писала в своих воспоминаниях:

«Чтобы узнать точно его адрес, заехала в Геленджик, но в это время у меня сделалось обострение туберкулеза легких, и я целое лето пролежала у своих друзей в зеленом саду на берегу моря. А мимо нас плыли пароходы в Новороссийск, переполненные арестованными монахами. Наконец пришло письмо от отца Стефана о том, что ехать к ним нельзя, что они сами уходят. И я вернулась на Кубань»³⁴³.

По словам Ситикова, монахиня Сергия помогала ему переписывать церковные документы, часть которых получала от священника Николая из станицы Славянской. Очевидно, речь шла о священнике Николае Цветкове, рукоположенном в Петрограде архиепископом Дмитрием (Любимовым). (О нем упоминал в своих показаниях на допросе 7 января 1930 года епископ Варлаам Лазаренко.) От монахини же Сергии Ситиковы узнали и о том, что в станице Ивановской есть православная церковь, не признающая Сергия, и жена Ситикова поехала туда с монахиней Сергией на говение. Там она познакомилась со священником Алексием Шишкиным³⁴⁴, которого монахиня Сергия также рекомендовала как православного священника.

В своих воспоминаниях монахиня Сергия не пишет об этих священниках и в целом о церковной позиции монашествующих, да и о церковной ситуации того времени до конца не договаривает: называет только "тихоновцев" и "обновленцев". Ничего она не пишет о своем аресте летом 1930 года и о пребывании в тюрьме и в Соловецком лагере. Только кратко упоминает, что с отцом Стефаном

³⁴³ Монахиня *Сергия* (*Клименко*). Минувшее разворачивает свиток... С. 68–69.

³⁴⁴ Им особенно интересовались оперуполномоченные во время следствия по делу епископа Варлаама как ставленником архиепископа Дмитрия, но нужной информации так и не добились — обвиняемые о нем ничего не показали, в большинстве своем даже не слышали.

они друг друга потеряли в 1930 году и его адрес она узнала уже в середине 1930-х годов в Москве, «чудом встретившись с его духовным сыном...». Иеромонах Стефан жил тогда в Орджоникидзе, и они стали с ним переписываться. Монахиня Сергия получила от него письмо, в котором, по ее словам, «мудрый старец предостерегал от новейшего раскола — "против митрополита Сергия". Отец Стефан писал, чтобы не отходили от заместителя Патриаршего Местоблюстителя — митрополита Сергия, так как он — "законный глава Церкви, а грех раскола не смывается даже мученической кровью"»³⁴⁵.

Это излюбленный сергианский аргумент, на самом деле совершенно несостоятельный. Если даже не обращать внимания на некорректность выражения "глава Церкви" и полагать, что имелось в виду чисто административное значение — внешняя организационная сторона земной части Церкви, то даже формально митрополит Сергей не имел никаких прав на возглавление высшего церковного управления Русской Православной Церкви. Будучи лишь заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола, оставленным на время его вынужденного отсутствия в качестве своего рода секретаря или исполнителя его указаний, митрополит не имел никаких канонических прав первоиерарха.

О духовной стороне уже и не приходится говорить. Недопустимость и бесполезность сергианского компромисса и правота противников митрополита Сергия сейчас признана, как это ни парадоксально, даже самими наследниками митрополита Сергия; и также общепризнанным как в исторической науке, так и в общественном сознании стал тот факт, что в "оппозиции" митрополиту Сергию оказались наиболее достойные, наиболее ревностные служители Церкви.

³⁴⁵ *Монахиня Сергия (Клименко)*. Минувшее развертывает свиток... С. 12.

«Что особенно важно, что политику митрополита Сергия осудил и глава Русской Православной Церкви Патриарший Местоблюститель митрополит Петр», — пишет один из наиболее компетентных исследователей новейшей истории Русской Церкви, профессор кафедры истории богословского университета священник Александр Мазырин³⁴⁶. «Всего же от митрополита Сергия в конце 1920-х — начале 1930-х годов только в России (в пределах СССР) отошло около 40 православных иерархов. С этой цифрой сопоставимо и число порвавших связь с Московской патриархией русских зарубежных архиереев. В итоге в отделении от заместителя оказалось большинство иерархов, занимавших видное положение в Русской Церкви до 1927 года»³⁴⁷.

Так что декларация митрополита и вся последующая основанная на ней деятельность были расценены как отступнические и предательские не «раскольниками» или «фанатиками», а лучшими архипастырями и пастырями Русской Православной Церкви. Вместе со своими пасомыми все они шли путем скорбным и претрудным, но единственно возможным в богоборном государстве и, претерпев неисчислимыя страдания, увенчались мученическими венцами.

Монахиня Сергия, послушав своего духовника, отошла от этого пути. Не этим ли объясняется пропуск в

³⁴⁶ Ему как автору фундаментальной работы о митрополите Петре, удостоенному за нее степени доктора церковной истории, как никому другому хорошо известны истинные факты о позиции митрополита Петра (*Священник Александр Мазырин. Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра, митрополита Крутицкого // Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012).*

³⁴⁷ *Священник Александр Мазырин. 1927 год в истории Русской Православной Церкви // Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 85.*

ее воспоминаниях времени ареста в 1930 году и пребывания в Соловецком лагере, где она встретила великих молитвенников епископа Германа (Ряшенцева) и схигумена Серафима из Могилева и, вероятно, других исповедников? «Многое из этого периода жизни монахини осталось сокровенным. Этим объясняется и пропуск в рукописи оригинала» — только и указано в примечаниях. На самом деле не антисергианская ли позиция узников стала причиной умолчания?

Однако, умалчивая также и о священниках на Кубани, и о том, что в большинстве своем окружающее ее монашество было не согласно с митрополитом Сергием, монахиня Сергия в своих воспоминаниях не может, подобно митрополиту Сергию или иеромонаху Стефану, назвать их «раскольниками». Только в другой рукописи под названием «Мытарства», прибавленной к ее воспоминаниям, есть следующая ремарка: «Так и случилось, когда в 1929 году я, нарушив советы отца Стефана, ушла в раскол, не желая признавать митрополита Сергия, будущего Патриарха. Отломившись от древа жизни, я действительно внутренне высохла, омертвела и только по заступничеству Пресвятой Пречистой Владычицы нашей Богородицы вернулась в лоно Церкви»³⁴⁸.

Монахиня Сергия описывает свое знаменательное сновидение или видение во время болезни зимой 1923/24 года. После целого ряда мытарств она видит символическую картину людей, проводивших самоchinно-подвижническую жизнь без послушания и руководства, при виде которой в отношении себя она понимает, что будет время, когда она оставит послушание духовнику и умрет духовно:

³⁴⁸ В книге: *Монахиня Сергия (Клименко)*. Минувшее разворачивает свиток... С. 120. Однако к данному тексту сделано примечание, что он добавлен из другой редакции «Мытарств».

«Ноги мои словно пристыли к полу, но после горячей молитвы к Божией Матери я снова получила возможность идти дальше за отцом Стефаном. Это было не мытарство, а как бы образ будущих моих уклонений от правильного пути ко спасению. Потом потянулся ряд огромных пустых храмов, по которым мы утомительно долго шли. Я еле передвигала ноги и мысленно спросила отца Стефана о том, когда же кончится этот путь. Он сейчас же подумал мне в ответ: "Ведь это твои мечты, зачем столько мечтала?" Храмы, через которые мы проходили, были очень высокие и красивые, но чуждые Богу, храмы без Бога»³⁴⁹.

Монахиня Сергия истолковывает непослушание отцу Стефану как уклонение от правого пути и отход от Церкви, однако трудно не заметить, что храмы без Бога, и весь этот нескончаемо тягостный путь она проходила не одна, а как раз вместе со своим духовником — иеромонахом Стефаном, обвинившим в расколе мучеников и вслед за своим первоиерархом фактически от них отречшимся.

Монахиня Сергия описывает еще ряд поразивших ее картин. И видит как бы предстоящую свою земную жизнь... Бог знает истинное значение ею виденного, и Он откроет, когда все будет откровенно в царстве великих откровений... Важно, что на закате своей земной жизни, почувствовав, что, по ее словам, «дни мои, уклоняющиеся, как сень», приближаются к концу, монахиня Сергия посчитала своим долгом сообщить о «монашествующих 20–30-х годов». И здесь она просто и трогательно рассказала не о «расколе», а об истинном исповедническом монашестве (отрывки из этих воспоминаний приведены в *приложении III* к части 1).

«Так пили Чашу истинные рабы Христовы, и я благодарю Бога, что сподобилась видеть это воочию»³⁵⁰, — заканчивает монахиня Сергия воспоминания 1930 года

³⁴⁹ Монахиня Сергия (Клименко). Указ. соч. С. 121.

³⁵⁰ Там же. С. 14–26.

описанием проводов последнего этапа монашествующих из Новороссийской тюрьмы. Что стало в дальнейшем с этими исповедниками? Проследить их судьбы непросто, но было бы весьма назидательно. Это тема для будущих исследований, которые могут стать результативными, если к ним подключатся другие историки и особенно местные краеведы. О ком-то можно найти сведения в архивах, а о ком-то можно почерпнуть их из рассказов очевидцев (или, вернее, уже их потомков). Предстоит еще большая исследовательская работа, и придется по крупицам собирать материал, но, вероятно, еще многое может открыться. Несомненно, большинство из них погибли в ссылках и лагерях или были расстреляны. Выжили совсем немногие, и на сегодняшний день о них мало что известно. Кто-то, подобно иеромонаху Стефану и монахине Сергии, вошел в официальную церковную структуру советского богоборного государства, а кто-то, оставаясь на исповедническом пути, продолжал свое служение в катакомбах.

Вот, к примеру, краткое, но важное свидетельство об одном иеромонахе Драндского монастыря, на протяжении многих лет окормлявшем катакомбную общину на Украине. О нем написала схиигуменья Иоанна, до схимы — монахиня Серафима (в миру Лидия Афанасьевна Санина). Она родилась в 1917 году в Херсонской области в селе Новая Маячка и была воспитана в благочестивой православной семье. За верность монахини Серафимы православию ее родители пострадали от богоборцев: отец был замучен в тюрьме, мать претерпела многолетнее заключение. Сама Лидия Афанасьевна, будущая игуменья Иоанна, в 1948 году была приговорена к расстрелу, замененному 25-летним заключением в концлагере. После освобождения из лагеря она не отказалась от исповеднического пути и до последних дней окормлялась у катакомбных отцов. За год до кончины в своем духовном завещании 1998 года матушка Иоанна писала:

«Наша община, руководимая духовником иеромонахом Серафимом (Голощановым), бывшим насельником Драндского монастыря, свято хранила традиции и заветы Святейшего Патриарха Тихона. Мы не влились в Сергиевскую Патриархию, не преклонили выя наша под духовное ярмо руководителей этой организации. Истина Православия — вот главное было для нас.

Весьма жаль, что многие не сумели усмотреть в Сергиевской Церкви закваску обновленческой ереси, тонкую духовную прелесть сродни той, какой подверглись в свое время святитель Никита Новгородский и преподобный Исаакий, затворник Печерский. Плоды этой прелести привели верующих к духовному нечувствию, теплохладности. Только у ярко горящего костра можно согреться, высушить одежды, у тлеющего же, кроме разведающего глаза дыма, гарного смрада, ничего этого нет. Основанная приспешником Сталина, митрополитом Сергием, его московская патриархия только подавляет, уродует духовно, узаконивая беззаконие. Это происходит незаметно, каплю за каплей духовного яда изливает она в сознание православных людей. Ведь психологически требуется сломить их православный духовный иммунитет, приготовив их к принятию Антихриста. Внутреннее заменяется внешним. Помните: вера в истину спасает, вера в ложь и бесовскую прелесть губит (Свят. Игнатий Брянчанинов). Как можно чаще вспоминайте слова св. апостола Павла, записанные в его послании к Солуньянам: "За то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи" (2 Сол. глава 2 ст. 10—12). Да не исполнятся слова сии над нами! Да просветит Господь ум и сердца наша ведением духовного рассуждения любовью нашей ко Святой Истине нашей веры.

Вечная память почившим в Бозе наставникам нашим иеромонаху Серафиму, иеромонаху Тихону, монаху Марку, иерею Михаилу, схиигумении Лаврентии с сестрами. Свою убежденность и преданность Истине веры они завещали мне. Наша община составляла до двухсот человек, и как невыносимо тяжело было после приснопамятной кончины иеромонаха Се-

рафима находить истинных пастырей, но Господь посылал их нам. Поистине, слова Господни исполнялись над нами: "Ищите и обрящете, стучите, и отворят Вам"»³⁵¹.

Это бесценное свидетельство³⁵² особенно утешительно для нынешнего времени духовного оскудения. Православные христиане, всем сердцем преданные Богу и Церкви, никогда не оставались без благодатной помощи свыше.

Сколько было их, духовно не покорившихся безбожной власти, мы точно теперь не узнаем. Большинство уже давно отошли ко Господу, но по тем свидетельствам, которые сохранились до наших дней, ясно, что на всей территории бывшей Российской империи, превращенной в безбожный СССР, существовали православные общины, твердо державшиеся истинного православного исповедания и следовавшие по пути новых мучеников и исповедников Российских.

На протяжении десятилетий подвизались православные христиане в катакомбах XX столетия — в потаенных церквях в лесной глуши, в землянках и подпольных (буквально "под полом") устроенных церквях в селах и деревнях, в городских молельнях многолюдных высоток и комнатных коммунальных квартир в самом центре городского советского муравейника! Все они, подобно монахам-пустынникам, уходили от мира и в молитвенной сосредоточенности предстояли пред Богом, руководствуясь наставлениями своих духоносных архипастырей и пастырей. Как писал своим духовным чадам священномученик митрополит Иосиф (Петровых),

³⁵¹ Суздальские епархиальные ведомости. 1999. № 8. С. 4–5.

³⁵² К сожалению, до сих пор не опубликовано никаких сведений об упомянутых схиигуменьей Иоанной священниках и монашествующих, да и о ней самой лишь совсем краткая статья с ее биографическими данными.

промыслом Божиим ставший духовным наставником и сомолитвенником одного из последних кавказских пустынноиков — архимандрита Арсения (Корди) — и вместе с ним служивший в катакомбной церкви в последние годы своей земной жизни:

«Не ложно слово Господа, обещавшего пребывать с нами до скончания века и сохранять Церковь Свою, неодолеваемою вратами ада, то есть и на краю погибели. Да, сейчас мы на краю погибели, и многие, быть может, погибнут; Церковь Христова умалится, быть может, опять до 12-и, как в начале своего основания. Ведь не могут не исполниться и такие слова Господа: "Сын Человеческий пришед обрящет ли веру на земли?" Все делается по предведению Господню, люди тут не могут ни прибавить, ни убавить ни на одну йоту. Нежелающие погибнуть — более застрахованы от гибели, и можно сказать: ад будет только для тех, которые сами желают его. Так эта истина да пребудет прежде всего утешением и подбодрением для унывающих от событий мира сего. Лишение храмов Божиих и подобных прежнему пышных Богослужений с обилием молящихся, блестящими сонмами священнослужителей, ангельски подобным пением хоров и т<ому> п<одобным>, — конечно, печально и жалости достойно, но от нас не отнято внутреннее служение Богу в тишости и умиленности, и сосредоточенности в себе духа...

...мы, после жалостного крушения наших духовных кораблей, не должны предаваться панике и терять самообладание и надежду на спасение, а должны спокойно начать приспособляться к новой обстановке и изоощрять свой молитвенный труд служения Господу и наслаждения Им "во псалмах и пениях и песнопениях духовных", как молились первое время Апостолы и все верующие христиане. Разве были тогда наши величественные храмы, колокола и пышные службы? И разве отсутствие всего такого мешало возгораться такою любовью ко Господу, какой не достигали все последующие века?

А пустынноики и пустынноики, добровольно проводившие вдали от храмов Божиих десятки лет, разве не более заслу-

живают нашей святой зависти, чем живущие среди храмов и пышных Богослужений, при всем этом не достигшие такой близости к Богу и наслаждения Им?

Вы, лишенные недавних радостей молитвы в храмах Божиих, помните, — вы не освобождены от обязанности молитвенно устроить свою жизнь и не лишены возможности этого, помимо возможности иметь около себя постоянных слугителей Христовых и пользоваться их духовной поддержкой и окормлением. Вы и без них должны проводить жизнь так, как бы сами были своими жрецами, закаляя свою жизнь в жертву Господу терпением всех скорбей и лишений, непрестанною к Нему молитвою души, памятованием о Нем с любовью и благодарностью за все Его милости, и скорби, и радости, и жаждать Его спасения, когда Он пошлет Ангелов Своих восхитить ваши души от земных горестей и опасностей и на крыльях вознести вас к Себе, где не будет "ни болезни, ни печали, ни вздыхания". А до того и для того обзаводитесь все печатными и письменными Богослужебными и молитвенными книгами и "пойте Богу нашему", пойте разумно, как умеете и сколько успеете в молитвах своих молитвенных домов, углов в особо посвященное Ему время, свободное от других забот и трудов...

...Не ослабевайте же, не падайте духом, и благодать Божия с вами»³⁵³.

³⁵³ Подлинник письма не сохранился. Рукописные копии имели хождение в иосифлянских общинах и сохранились до нашего времени.

Книга памяти

АБАКУМОВ Иван (Ипатий) Павлович, родился в 1860 в селе Песчанка Полтавской губ. С весны 1895 — в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре в Абхазии, позднее пострижен в мантию с именем Ипатий. В 1922 — ушел на Псху, стал связным руководителем тайной группы под руководством иеромонаха Иеронима (Попова), передавал ему письма. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

АБРАМЕНКО (Аврааменко) Ирина Герасимовна, родилась в 1888 в селе Кривец Новозыбковского уезда Черниговской губ. В 1922 — пострижена в монашество в Успенском Каменском монастыре. 16 сентября 1929 — приехала к знакомой монахине на хутор Гишла. 19 сентября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 3 годам концлагеря условно и освобождена из тюрьмы.

АЛЕКСЕЕНКО Корнилий (Климентий) Николаевич, родился в 1865 в селе Федоровка Изюмского уезда Харьковской губ. в крестьянской семье. Находился в Свято-Михайловской Заку-

банской пустыни, пострижен в мантию с именем Климентий, позднее рукоположен во иеромонаха, служил нелегально в станице Абадзехская Майкопского района. Весной 1929 — во время массовых арестов успел скрыться; привлечен к следствию как *«участник и член Совета Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*, приговорен к ВМН заочно. 17 января 1933 — арестован по групповому делу «Южно-Русского Синода». 2 апреля 1933 — приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян.

АЛЕКСЕЕНКО Сергей (Сосифей) Павлович, родился в 1868 в селе Завзнора Витебской губ. в крестьянской семье. С 1905 — в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре в Абхазии. В 1925 — после ликвидации монастыря ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих нелегалов на хуторе Санчарский. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

АЛИМОВ Александр Алексеевич, родился в 1865 в Майкопе в мещанской семье. Проживал в Майкопе, служил в конторе. В 1924 — арестован *«за контрреволюционную деятельность»*, через шесть месяцев освобожден, дело прекращено, остался в Майкопе. Осенью 1928 — тайно рукоположен во иерея, служил в местной церкви. 9 октября 1929 — арестован как *«руководитель ячейки и член Совета Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН.

АЛИФАНОВ Моисей Парамонович, родился в 1875 в слободе Слоковка Ново-Оскольского уезда Курской губ. Проживал в Майкопе, занимался производством молочных продуктов. 9 октября 1929 — арестован как *«активный участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

АНДРИАНЫЧЕВА (АНДРЕЙНИЧЕВА) Евдокия Ивановна, родилась в 1900 в деревне Колокуново Ильинской волости Ростовского уезда Ярославской губ. в крестьянской семье. Была

послушницей в Петровском монастыре Ростова. 1 января 1925 — пострижена в рясофор в Серафимо-Тихвинском скиту в Канаш-Тапе. В сентябре 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам концлагеря.

АНОХИН Николай Сидорович, родился в 1867 в станице Курджипская Майкопского округа Северо-Кавказского края. Проживал в станице Курджипская, занимался сельским хозяйством; позднее посвящен в сан священника, являлся председателем Белореченской тихоновской нелегальной общины из 50 человек. 7 ноября 1929 — арестован как *«активный участник и председатель Белореченской тихоновской группы Майкопского филиала тайной контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и высылкой семьи в Северный край и расстрелян.

АППОЛОНСКИЙ Иосиф Михайлович, родился в 1887 в селе Митрофановка Екатеринославского уезда и губ. в крестьянской семье. Проживал в селе Митрофановка, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник, в середине 1920-х — преследовался властями как кулак. В 1928 — прибыл на Псху, за взятку получил участок земли на хуторе Серебряный и стал заниматься сельским хозяйством; вступил в тайную монашескую общину на хуторе. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества.

АРТЕМЬЕВ Алексей (Александр) Васильевич, родился в 1875 в селе Яновицы Псковской губ. в крестьянской семье. Поступил послушником в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии, позднее пострижен в мантию с именем Александр, служил там. В 1914 — служил рядовым в русской императорской армии, после демобилизации вернулся в монастырь. С 1924 — после ликвидации монастыря ушел на Псху, вступил в общину монашествующих нелегалов в долине реки Псху у хутора Ригдза; стал связным общины, посещал руководи-

теля тайной общины в Сухуми. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

АСТАХОВ Мартын (Моисей) Кондратьевич, родился в 1862 в Харьковской губ. в крестьянской семье. С 1888 — в Свято-Михайловской Закубанской пустыни в Майкопской губ., пострижен в мантию с именем Моисей, позднее рукоположен во иеромонаха, затем посвящен в сан архимандрита; был наместником Свято-Михайловской Закубанской пустыни до ее закрытия. В 1927 — привлекался к следствию в связи с укрывательством церковных ценностей, после шести месяцев тюрьмы освобожден. С 1928 — стал заместителем епископа Варлаама (Лазаренко), проводил тайные богослужения по домам верующих в Майкопе. 9 октября 1929 — арестован как *«участник и член Пресвитерского совета Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*, 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

БАЗЫКИН Никанор (Петр) Ефремович, родился в 1864 в селе Ольшанский Колодезь Задонского уезда Воронежской губ. в семье дворянина и священника. Получил среднее образование. Пострижен в мантию с именем Петр, позднее посвящен во иеромонаха, замещал священника в молитвенном доме станицы Дагестанская и благочинного округа. В 1927 — привлекался к следствию в связи с укрывательством церковных ценностей, после шести месяцев тюрьмы освобожден. В начале 1929 — тайно посвящен в сан архимандрита. 9 октября 1929 — арестован как *«участник и член Пресвитерского совета Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

БАЛДЕСОВ Феофилакт (Фалалей) Федорович, родился в 1870 в селе Красная Слобода Горицкого уезда Могилевской губ. в крестьянской семье. Служил рядовым в русской императорской армии, с 1911 — после демобилизации поступил в Старо-Афонский монастырь, пострижен в мантию с именем Фалалей. В 1914 — вернулся в Россию, поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, в 1926 — ушел на Псху, вступил

в тайную общину монашествующих на хуторе Водопад. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

БАЛЬ Иван (Игорь) Григорьевич, родился в 1872 на хуторе Баль Хорольского уезда Полтавской губ. в крестьянской семье. В 1899 — поступил в Троицкий монастырь в Киеве, в 1913 — пострижен в мантию с именем Игорь; в 1915 — рукоположен во иеромонаха; настоятелем монастыря направлен в село Гусеницы, в июле 1917 — вернулся в Киев. В 1925 — после закрытия монастыря выехал в Туапсе, проживал на нелегальном положении в поселке Пеус, осенью 1927 — выехал в Сухуми, три месяца пробыл в пустыни в Псху, уехал в Сухуми, в октябре 1928 — вернулся в Туапсе. С октября 1929 — в связи с арестами монашествующих скрывался по хуторам. 27 ноября 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

БАЛЮК Анастасия Ивановна, родилась в 1862 в Таврической губ. в семье ремесленников. С 1878 — в Свято-Георгиевском монастыре в местечке Любар Волынской губ., позднее пострижена в мантию. С 1903 — в Моквинском Успенском монастыре в местечке Очамчири Сухумского уезда. С 1921 — в селе Ахштырь Адлеровского района. В середине 1920-х — находилась в урочище Чуро в верховьях реки Сочинки. 1 декабря 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

БАРИНОВА Елена Федоровна, родилась в 1902 в станице Баталпашинская Кубанской обл. в крестьянской семье. Вдова, инвалид, предоставляла свою квартиру для ночлега членам церковных общин. 22 января 1930 — арестована как *«участница филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам концлагеря.

БАХТАЛОВСКИЙ Яков (Исаак) Сидорович (Федорович — в приговоре), родился в 1883 в Каменец-Подольской губ. в кре-

стьянской семье. Пострижен в мантию с именем Исаак, жил в верховьях реки Сочинки, позднее монах-скитник. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

БАЧУРИН Михаил Яковлевич, родился в 1894 в станице Хадыженская Майкопского уезда Кубанского края в семье казаков. Проживал в станице Хадыженская, занимался сельским хозяйством. Женат, в семье — четверо сыновей. 1 декабря 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной подпольной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 3 годам концлагеря.

БЕЛОБОРОДОВА Параскева (Мария) Никифоровна, родилась в 1875 в селе Митрофановка Екатеринославской губ. в мещанской семье. Поступила в Ставропольский монастырь, позднее пострижена в мантию с именем Мария. В 1921 — после ликвидации монастыря вела бродячий образ жизни, в 1927 — ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих нелегалов на хуторе Лакоба. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

БЕЛОВА Мария (Олимпиада) Федоровна, родилась в 1884 в деревне Епишево Ковровского уезда Владимирской губ. в крестьянской семье. С 1900 — в Покровском монастыре в Суздале, в 1919 — пострижена в рясофор, служила свечницей. 6 декабря 1923 — пострижена в мантию в Серафимо-Тихвинском скиту в Канаш-Тапе. В сентябре 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала подпольной контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам концлагеря и отправлена в лагерь.

БЕЛЯЕВ Василий (Викторин) Андреевич, родился в 1881 в селе Верхняя Хава Воронежского уезда и губ. в крестьянской семье. В 1907 — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананит-

ский монастырь в Абхазии, позднее пострижен в мантию с именем Викторин. В 1924 — после ликвидации монастыря ушел на Псху, руководил общинами монашествующих на хуторах Ригдза и Серебряный; имел постоянную связь с тайными группами монашествующих в Сухуми. 24 апреля 1930 — арестован как *«руководитель и активный участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

БЕССАРАБ Иван (Иоанн) Емельянович, родился в 1902 в селе Федоровка Кременчугского уезда Полтавской губ. Проживал в селении Псху, исполнял обязанности псаломщика у иеромонаха Феодосия (Волкова), принял послушничество с именем Иоанн, в 1920-х — вступил в тайную общину монашествующих нелегалов, стал связным общины с тайной общиной монашествующих в Ростове-на-Дону. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь в Славгороде, работал сторожем. 3 июня 1938 — арестован, 22 июля дело прекращено за недоказанностью, освобожден из тюрьмы. Остался в Славгороде, без определенных занятий. 19 апреля 1941 — арестован, 16 августа приговорен к ВМН и расстрелян.

БИРОН Людмила Дмитриевна, родилась в 1881 в Крушевце (Сербия). С 1924 — проживала в Геленджике с мужем-художником. 23 октября 1929 — арестована как *«участница филиала подпольной контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам высылки в Севкрай.

БЛАГОВИДОВ Михаил (Макарий) Иванович, родился в 1882 в Воронежской губ. в крестьянской семье. До 1924 — насельник Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. В 1924 — после закрытия монастыря пришел с двумя монахами на Псху и построил себе келью в районе Св. Горы. В 1927 — перешел в район озера Рица. 22 апреля 1930 — арестован. 24 апреля 1930 — при конвоировании убит, тело брошено в озеро Рица.

БОБАКОВА Параскева Ивановна, родилась в 1870 в селе Старая Криуша Богучарского уезда Воронежской губ. Проживала в станице Преградная Отраденского уезда Армавирского округа, занималась сельским хозяйством, после 1917 — черно-рабочая. Вышла замуж (в 1920-х — муж арестован, приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен на Соловки). Весной 1929 — приняла монашеский постриг с именем Параскева, не имела постоянного местожительства, осенью находилась в монашеской общине, скрывающейся в тайном скиту в урочище Чуро в верховьях реки Сочинки. 28 ноября 1929 — арестована как *«участница Армавирского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Северный край.

БОБРЫШЕВА Мария Кузьминична, родилась в 1910 в станице Пшихская Екатеринославской губ. в семье торговца. В 1920 — отец был зарублен красными, проживала у брата в Одессе. С 1928 — в станице Пшихская у больной матери, вошла в тихоновскую церковную общину. 28 ноября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 8 годам концлагеря и отправлена в лагерь.

БОГОЛЮБОВ Николай (Николай) Антонович, родился в 1880 в селе Староказачье Бессарабской губ. в крестьянской семье. С 1889 — поступил в Молдовлахийский Вознесенский монастырь в Румынии. В 1903 — пришел на Новый Афон, пробыл там неделю и отправился в горы в район Сухой речки, в 25 верстах от села Георгиевское Сухумского района построил келью. В 1923 — в урочище Барганы построил новую келью. В 1925 — к нему присоединился племянник Владимир Добротворский, в 1929 — племянник Василий Пыжов. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от

6 мая. Отправлен в Сазлаг (Узбекистан). 8 марта 1934 — досрочно освобожден из лагеря и выбыл в Тифлис.

БОГУСЛАВСКИЙ Николай (Николай) Лаврентьевич, родился в 1873 в селе Карнасовка Афанасьевской волости Екатеринославской губ. в крестьянской семье. В 1907 — поступил в Киево-Печерскую лавру, позднее пострижен в мантию с именем Николай. В 1923 — выехал в Черноморье, ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих около хутора Ригдза, был активным проповедником и агитатором в селах на Украине и в станицах Кардоникская, Зеленчукская и Сторожевая Кубанского округа. 24 апреля 1930 — арестован как *«активный участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

БОДОВСКИЙ Иван Мефодьевич, родился в 1898 в селе Кишенцы Уманского уезда Киевской губ. в крестьянской семье. Проживал в станице Ханская Майкопского округа, работал на дубильном заводе; состоял членом тихоновской церковной общины. 29 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1929 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

БОЛДИНОВ Семен Иванович, родился в 1905 в станице Белореченская Майкопского уезда Кубанской губ. в семье казаков. Проживал в станице Курджипская, работал батраком, в 1920-х — лесорубом; состоял членом тихоновской общины, 16 ноября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря.

БОНДАРЕНКО Дмитрий (Дамиан, Даниил) Васильевич, родился в 1879 в селе Вольники Черниговской губ. в крестьянской семье. В 1896 — поступил в монастырь Тихона Калужского; в 1902 — ушел на Кавказ, пустынножительствовал в районе Ажары. В 1909 — в Драндском Успенском монастыре пострижен в мантию с именем Дамиан. В 1916 — перешел на жительство в горы в районе Красной Поляны. В 1926 — пострижен

в схиму с именем Даниил. В октябре 1929 — арестован как *«руководитель скита Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

БОНДАРЕНКО Леонтий Трофимович, родился в 1872 в селе Митрофановка Екатеринославской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник, в середине 1920-х — преследовался властями как кулак. В 1928 — ушел на Псху, поселился на хуторе Серебряный. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

БОЧАРНИКОВ Никифор Петрович, родился в 1903 в станции Расшеватская Армавирского уезда и губ. в крестьянской семье. Проживал в Майкопском округе, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В январе 1930 — ушел на Псху, не желая вступать в колхоз, поселился на хуторе Битага. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

БРОВЧУК Нестор Ерофеевич, родился в 1892 в селе Горопай Волынской губ. в крестьянской семье. Окончил духовную семинарию. С 1907 — послушник на Святой Горе Афон, в 1913 — на Ильинском подворье в Одессе. В 1914–1917 — во время Первой мировой войны на фронте. В 1917 — вернулся на Ильинское подворье, в 1923 — выехал на Кавказ, позднее пострижен в мантию; монах-скитник в верховьях реки Сочинки. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

БУЛГАКОВ Иван (Серафим) Климентьевич, родился в 1867 в селе Истобное Киевской губ. в крестьянской семье. Пострижен в мантию, позднее пострижен в схиму с именем Серафим; орга-

низатор скита «Отшельники» в урочище Чуро в верховьях реки Сочинки. В октябре 1929 — арестован как *«руководитель скита Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам ссылки и отправлен в Севкрай.

БУРДАНОВА Марина (Мария) Станиславовна, родилась в 1878 в Киеве (из дворян). Проживала в Киеве, преподавала музыку и пение. Вышла замуж за пианиста и композитора Владимира Ивановича Поля, в семье — сын Олег и дочь Тамара. В начале 1900-х — брак распался, во втором браке вышла замуж за художника Григория Григорьевича Бурданова. С 1914 — проживала с семьей в Москве, преподавала музыку и пение. С конца 1920-х — прихожанка церкви Никола Большой Крест, пела в церковном хоре; после закрытия церкви стала прихожанкой Сербского подворья. 14 апреля 1932 — арестована по групповому делу верующих, 16 мая приговорена к 3 годам ссылки в Казахстан и отправлена в Алма-Ату. Весной 1935 — после окончания срока ссылки осталась в Алма-Ате, участвовала в тайных богослужениях, проводимых в тайной подземной церкви ссыльными митрополитом Иосифом (Петровых) и иеромонахом Арсением (Корди); осенью 1935 — тайно пострижена в монахини с именем Мария. 26 октября 1937 — арестована как *«участница контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*, 15 ноября приговорена к ВМН; позднее расстрел был заменен на 10 лет концлагеря. Отправлена в лагерь; скончалась на этапе (дата смерти неизвестна).

БУХАНОВ Павел Сильвестрович, родился в 1886 в станице Белореченская Екатеринославского уезда и губ. в семье казаков. В 1914 — во время Первой мировой войны на фронте. В 1920-х — вернулся в станицу Белореченская, крестьянин-единоличник, входил в тайную тихоновскую общину. 25 ноября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН с заменой на заключение в концлагерь на 10 лет и отправлен в лагерь.

ВАРФОЛОМЕЕВ Иван Тимофеевич, родился в 1860 в селе Ертил Бобровского уезда Воронежской губ. в крестьянской семье. До 1917 — торговец бакалейными товарами; в 1920-х —

проживал в станице Пшехская, с 1926 — староста церкви в молитвенном доме тихоновской церковной общины в станице. 21 декабря 1929 — арестован как «участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам высылки и отправлен в Севкрай.

ВАРФОЛОМЕЕВА Марфа Тимофеевна, родилась в 1866 в Шушкинской волости Боборовского уезда Воронежской губ. в семье казаков. Проживала в станице Пшехская, занималась сельским хозяйством; прихожанка церкви в станице, позднее член тихоновской церковной общины. 27 ноября 1929 — арестована как «участница Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ВАСИЛЕНКО Моисей (Михаил) Мартынович, родился в 1878 в семье казаков Полтавской губ. Поступил в Ново-Афонский монастырь, позднее пострижен в мантию с именем Михаил. В 1924 — после закрытия монастыря поселился в районе села Медовеевки в Сочинском районе, в 1927 — ушел на Псху, в 1929 — поселился в четырех верстах от села Георгиевское Сухумского района. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «в ведении религиозной пропаганды» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ВАСИЛЬЧЕНКО Михаил (Мефодий) Иванович, родился в 1870 в селе Самойловка Саратовской губ. в крестьянской семье. Пострижен в монашество с именем Мефодий. Проживал в селе Пеус Туапсинского района в скиту Михаила Архангела. В ок-

тябре 1929 — арестован как *«участник и курьер Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ВЕЛИХОВ Сергей Николаевич, родился в 1877 в Радомышле Киевской губ. в мещанской семье. С 1920 — крестьянин-единоличник в Ставропольском крае, производитель работ при губернском отделе. В середине 1920-х — проживал в местечке Шуюк в Туапсинском районе. 16 сентября 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ВЕЛИЧКО Терентий (Тит) Иванович, родился в 1868 в селе Малые Токмачки Бердянского уезда Таврической губ. в крестьянской семье. В 1898 — поступил послушником в Ново-Афонский монастырь, в 1923 — пострижен в мантию с именем Тит. В 1924 — после закрытия монастыря поселился в районе села Георгиевское, построил келью. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ВИШНЯКОВ Меркурий Семенович, родился в 1880 в селе Чукамба Вологодского уезда и губ. в крестьянской семье. Жил в Кизильташском монастыре, после его ликвидации ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих нелегалов. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму.

8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

ВОЙТЕНКО Григорий (Аркадий) Антонович, родился в 1879 в селе Крутчполь Бордзенского уезда Черниговской губ. в крестьянской семье. В 1898 — поступил послушником в Ново-Афонский монастырь. В 1901 — призван в армию, служил в пехотном полку, затем в стрелковом полку на Дальнем Востоке. В 1903 — после демобилизации вернулся на родину, через шесть месяцев выехал в Краснодар, служил гардеробщиком в духовном училище. В 1905 — вернулся в Ново-Афонский монастырь. В 1914 — на фронте писарем санитарной части Кавказской гренадерской дивизии, к 1917 — в чине унтер-офицера. В 1919 — вернулся на Новый Афон, в 1922 — ушел в Ажару, в 1924 — жил в Драндском Успенском монастыре вблизи Сухуми, где был пострижен в мантию с именем Аркадий. В 1928 — ушел в пустынь на Сухой речке вблизи села Георгиевское, имел келью и $\frac{1}{8}$ десятины земли. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ВОЛКОВ Федор (Иоанн) Григорьевич, родился в 1872 в Казанской губ. Пострижен в мантию с именем Феодосий, позднее посвящен в схиму с именем Иоанн, тайно служил по домам в станице Курджипская. 14 декабря 1929 — арестован как «*участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ*». 2 января 1930 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Северный край.

ВОЛОШИН Николай Степанович. С 1908 — проживал в селении Псху, занимался сельским хозяйством. В начале

1920-х — крестьянин-единоличник, активно агитировал молодежь за невступление в комсомол, в ряды Красной армии, в кооперативы. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян (семья приговорена к ограничению проживания в 7 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

ВОРОЖЕЕВА Ефимия-младшая (Серафима) Тихоновна, родилась в 1877 в селе Колено Новохоперского уезда Воронежской губ. в крестьянской семье. До 1920 — проживала на Новом Афоне, пострижена в мантию с именем Серафима. В 1920 — ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся у Святой Горы. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

ВОРОЖЕЕВА Ефимия (Херувимия) Тихоновна, родилась в 1872 в селе Колено Новохоперского уезда Воронежской губ. в крестьянской семье. В 1890 — поступила в Сезеновский монастырь в Липецкой губ., позднее пострижена в мантию с именем Херувима. В 1925 — ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся у Святой Горы. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

ВОРОНИН Николай Васильевич, родился в 1874 в станице Дагестанская Екатеринославской губ. в семье казаков. Проживал в станице Дагестанская, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник; член церковного совета тихоновской общины. 12 декабря 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ВЫСОЦКИЙ Павел (Онуфрий) Васильевич, родился в 1900 в станице Сторожевая в семье казаков. Во время Гражданской войны служил у белых и генерала Хвостикова. С 1923 — скрывался в горах, на хуторе Солёный был пострижен в мантию с именем Онуфрий. С октября 1929 — помогал епископу Варлааму (Лазаренко) скрываться от ареста. 16 декабря вместе с ним арестован в Полторацке как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ГВОЗДЕВ Сергей Никифорович, родился в 1888 в Гжацке Смоленской губ. в мещанской семье. Проживал в Московской губ., работал пастухом, с 1914 — проживал в имении Абрау-Дюрсо Новороссийской губ., был чернорабочим на виноградниках. В 1922 — поступил послушником в Ново-Афонский монастырь; в 1924 — после его закрытия перешел в Команский. С 1929 — в Ажаре, с января 1930 — в пустыни в трех верстах от села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ГЕНБА Гурий Яковлевич, родился в 1890 в селе Каз-Булат Екатеринославской губ. в крестьянской семье. С 1918 — служил в Белой армии, в начале 1920 — после разгрома белых вернулся в село Каз-Булат, крестьянин-единоличник. В 1928 — ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся на хуторе Серебряный. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая

заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян (семья приговорена к ограничению проживания в 7 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

ГЕНЕРАЛОВ Александр Яковлевич, родился в 1893 в селе Хлыстово Лихвинского уезда Калужской губ. в крестьянской семье. С 1914 — с началом Первой мировой войны на фронте, в 1915 — попал в плен и отправлен в лагерь военнопленных в Германии, в 1921 — освобожден по обмену военнопленных, вернулся в Россию. С 1924 — прихожанин Вознесенской церкви в Майкопе, посещал епископа Варлаама (Лазаренко). 15 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН с заменой на заключение в концлагерь на 10 лет и отправлен в лагерь.

ГЕНЕРАЛОВА Анна Яковлевна, родилась в 1903 в Майкопе Кубанской обл. Проживала в Майкопе, занималась домашним хозяйством. 21 октября 1929 — арестована как *«участница и переписчица воззваний епископа Варлаама Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам концлагеря и отправлена в лагерь.

ГЕРАСИМОВА Дарья (Дария) Агеевна, родилась в 1873 в станице Петровская Екатеринославского уезда и губ. в крестьянской семье. С 1902 — проживала на хуторе Псемен Кубанского округа, позднее — в станице Исправная того же округа. Приняла монашеский постриг. В 1920 — ушла на Псху, в 1924 — вступила в тайную общину монашествующих на хуторе Лакоба. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

ГЕРШУНЕНКО Мария (Маргарита) Ефимовна, родилась в 1902 в селе Хорол Полтавской губ. в крестьянской семье. С 1924 — жила при церкви в Лебедине и пела в церковном хоре. В 1925 — уехала на Кавказ, приобрела усадьбу и дом в Заповед-

ном, с 1926 — в доме проживал епископ Варлаам, организовавший тайный скит, стала его активной помощницей; пострижена в монашество с именем Маргарита. 16 декабря 1929 — арестована как *«пропагандистка и связистка Туапсинской группы Черноморского филиала контрреволюционной подпольной церковно-монархической организации ИПЦ, главная помощница епископа Варлаама»*. 27 февраля 1930 — приговорена к ВМН с заменой на заключение в концлагерь на 10 лет и отправлена в лагерь.

ГЛАДКОВ Павел Алексеевич, родился в 1883 в станице Хадзыженская в семье казаков. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник; входил в тайную тихоновскую церковную общину. 4 декабря 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

ГЛЕКОВ Никита Иванович, родился в 1879 в станице Белореченская Кубанской области. Воевал на турецких и германских фронтах; в начале 1920-х — крестьянин-единоличник; входил в тайную тихоновскую церковную общину станицы Белореченская. 30 ноября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН.

ГОЛИКОВ Дмитрий (Димитрий) Иванович, родился в 1902 в селе Ивановка Армавирского округа в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1927 — не желая служить в Красной армии, скрылся в станице Ивановская Майкопского округа, позднее на Псху и в районе озера Рица. В декабре 1929 — арестован во время проповеди против Советской власти на хуторе Псемен, отправлен в Майкоп и привлечен к следствию по групповому делу как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 10 июня заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян (семья приговорена к ограничению проживания в 7 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

ГОЛОВКО Алексей (Антонин) Иванович, родился в 1880 в Александрии Херсонской губ. С 1898 — служил младшим ун-

тер-офицером в русской императорской армии. В 1903 — после демобилизации поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии, пострижен в мантию с именем Антонин. С 1924 — после закрытия монастыря проживал в Сухуми, позднее ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся около хутора Ригдза. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

ГОЛОВОЧАНСКИЙ Михаил (Мартиниан) Константинович, родился в 1866 в селе Благовещенское Драгобужского уезда Смоленской губ. в крестьянской семье. С 1894 — в монастырях Черниговской и Тульской губ.; пострижен в мантию, перешел в монастырь вблизи Гагр в Абхазии, посвящен там в сан иеромонаха. В 1914 — служил священником в особой бригаде на Западном фронте, с 1918 — находился в Гжатском монастыре Смоленской губ. С 1921 — игумен Аврааминского монастыря, позднее принял там схиму с именем Мартиниан; в начале 1930 — прибыл в Сухуми, хотел отправиться на Псху, но 20 апреля 1930 — арестован как *«руководитель подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 3 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ГОРБАТОВСКИЙ Иван Спиридонович, родился в 1890 в станице Белореченская Кубанской области в семье казаков. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник, в конце 1920-х — кулак-лишенец. 25 ноября 1929 — арестован как *«участник Белореченской группы Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ГРАЧЕВ-КАРТАШЕВ Сергей (Севериан) Иванович, родился в 1885 в селе Негутровка Курского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1906 — служил в 9-м восточном стрелковом полку во Владивостоке. С 1912 — послушник Глинского монастыря в Курской губ.; в 1914 — на фронте в Бендерском пехотном пол-

ку в Перемышле, в 1915 — попал в плен в Австрии. В сентябре 1918 — вернулся из плена в Глинский монастырь, в 1920 — пострижен в мантию с именем Севериан. С 1925 — после закрытия монастыря выехал в Абхазию, проживал вблизи села Георгиевское. 1 мая 1930 — арестован в Георгиевском районе, отправлен в Сухумскую тюрьму. 26 мая 1930 — приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ГРИГОРАШ Севастиан (Смарагт, Савва) Никитович, родился в 1880 в селе Тросилес Белоцерковского уезда Киевской губ. в крестьянской семье. В 1900-х — поступил послушником в Севастопольский, затем — в Херсонский монастырь. В 1914 — служил рядовым в 480-й дружине в Екатеринославе; в 1918 — вернулся на родину, занимался сельским хозяйством; с 1921 — в Севастопольском монастыре, пострижен в мантию с именем Смарагт, с 1926 — в Сухумском монастыре, принял схиму с именем Савва, с 1929 — проживал вблизи села Георгиевское. 6 мая 1930 — арестован в Георгиевском районе, отправлен в Сухумскую тюрьму. 26 мая 1930 — приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Отправлен в Сазлаг (Узбекистан). В октябре 1933 — досрочно освобожден из лагеря.

ГРИЦЕНКО Василий (Владимир) Михайлович, родился в 1875 в Таганроге в крестьянской семье. С 1902 — в Сафарском Савинском монастыре в Тифлисской губ. С 1918 — в Свято-Михайловской Закубанской пустыни; пострижен в мантию с именем Владимир. В 1925 — арестован, но вскоре был освобожден. С 1928 — в станице Севастопольская. 9 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ГУЛЕВСКАЯ Матрена Евсеевна, родилась в 1874 в станице Пшехская Екатеринославской губ. в крестьянской семье. Прихожанка церкви в своей станице, затем член тихоновской церковной общины. 27 ноября 1929 — арестована как *«участница Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 8 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ДЕМИДЕНКО Михаил (Мефодий) Тимофеевич, родился в 1878 в селе Мосхаленко Полтавской губ. в крестьянской семье. В 1888 — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, позднее пострижен в мантию с именем Мефодий. С 1924 — после ликвидации монастыря странствовал, бродил по станицам. В 1928 — ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся в районе озера Рица; по заданию руководителя вел активную работу в селе Владимировка Новороссийского округа по разложению местного колхоза «Вольник». 2 июня 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 23 июня заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

ДЕМИН Михаил (Макарий) Тимофеевич, родился в 1875 в селе Свищуха Балашовского уезда Саратовской губ. в крестьянской семье. Поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, позднее пострижен в мантию с именем Макарий. В 1923 — ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся на хуторе Серебряный, стал разъездным проповедником, вел активную агитацию в селах и станицах Кубанского округа. 24 апреля 1930 — арестован как

«участник и проповедник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев» и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

ДЕМЧЕНКО Михаил Петрович, родился в 1900 в селе Палагиады Ставропольского уезда и губ. в крестьянской семье. Проживал в селе Козинки, занимался сельским хозяйством, служил псаломщиком в местной церкви. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник, позднее лишен избирательных прав. В 1928 — переехал на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«активный участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян (семья приговорена к ограничению проживания в 7 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

ДЕМЧЕНКО Наталья (Салафаила) Аверьяновна, родилась в 1881 в Воронежской губ. в крестьянской семье. В 1906 — поступила в Покровский женский монастырь под Краснодаром, пострижена в мантию с именем Салафаила, после закрытия монастыря ушла в пустыньку «Темные Буки», в 1925 — на Псху. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

ДЕНДЕМАРЧЕНКО Никита (Нил) Петрович, родился в 1870 в селе Сугуновка Черкасского уезда Киевской губ. в крестьянской семье. В 1897 — поступил послушником в Драндский Успенский монастырь вблизи Сухуми, позднее пострижен в мантию с именем Нил, затем рукоположен во иеромонаха. В 1920 — ушел в пустынь в селе Полтавка Ольгинского уезда, в 1928 — после ее закрытия выехал в Абхазию, проживал в пустыни вблизи села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении рели-*

гиозной пропаганды» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ДЕНИСОВ Василий Иванович, родился в 1879 в Полтаве (личный дворянин). Получил высшее медицинское образование. Проживал в Ставропольском округе, работал врачом в больнице, получил чин надворного советника; член «Союза русского народа». С 1918 — врач и заведующий госпиталем Белой армии; после разгрома белых продолжил работу врача в больнице Ставрополя. В апреле 1930 — арестован как *«участник контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ДИДЕНКО Федот Назарович, родился в 1879 в Майкопе в крестьянской семье. В 1914 — с началом Первой мировой войны рядовой на фронте, в 1918 — воевал в Белой армии. В начале 1920-х — вернулся в Майкоп, вступил в тайную ячейку монашествующих нелегалов, содержал явочно-переотправный пункт, в его доме скрывались монашествующие нелегалы; весной 1927 — посещал тайную ячейку монашествующих на Псху. 28 мая 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 18 июня заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян (семья приговорена к ограничению проживания в 7 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Семен Харитонович, родился в 1896 в селе Ново-Черниговка Сухумского уезда Кутаисской губ. в крестьянской семье. Проживал на хуторе Солёный Майкопского уезда, занимался сельским хозяйством, позднее перебрался

на хутор Ершовый. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1929 — ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлен в лагерь (семья приговорена к ограничению проживания в 7 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

ДОБРОТВОРСКИЙ Владимир (Василий) Александрович, родился в 1907 в Спас-Демьянске Псковской губ. в семье служащего-письмоводителя. В 1918 — поступил послушником в Никандров монастырь в Псковской губ. В 1922 — после закрытия монастыря выехал в Тифлис, зарабатывал на еду рисованием портретов, в 1923 — выехал в Сухуми, посетил Новый Афон и Гагры, осенью Красную Поляну, зимой проживал в селе Дранда, с весны 1925 — находился в пустыни в местечке Барганы, в 25 верстах от села Георгиевское, в 1926 — пострижен в мантию с именем Василий. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества (Коллегия Абхазского ГПУ). 24 сентября 1930 — приговорен к 3 годам заключения в исправдом с зачетом предварительного заключения (Коллегия Грузинского ГПУ). 9 августа 1932 — приговорен к 3 годам ИТЛ как *«один из самых убежденных антисоветски-монархически настроенных монахов»* и отправлен в Сазлаг (Узбекистан). С января по июль 1934 — шесть месяцев пролежал в лагерной больнице (об этом сообщил его отец с просьбой о досрочном освобождении сына). 17 января 1935 — согласно рапорту: *«заявление отца об освобождении осужденного сына его оставить без последствий»*.

ДОНСКОВА Ирина (Ипатия) Кирилловна, родилась в 1862 в Курской губ. в крестьянской семье. Проживала в деревне в Курской губ., занималась сельским хозяйством. Позднее проживала в Майкопе, пострижена в мантию с именем Ипатия, в середине 1920-х — служила псаломщицей в молитвенном доме. 10 октября 1929 — арестована как *«участница Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 2 января 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ДОНЦОВ Михаил (Иннокентий) Назарович, родился 1875 в Екатеринославской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1927 — раскулачен, ушел на Псху, в 1929 — пострижен в мантию с именем Иннокентий. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. Дальнейшая судьба неизвестна.

ДОРОШЕНКО Антон (Акакий) Иванович, родился в 1877 в Черниговской губ. в крестьянской семье. В 1904 — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, позднее пострижен в мантию с именем Акакий, затем посвящен в иеромонаха. В 1924 — после закрытия монастыря ушел с иеромонахом Дорофеем (Резниковым) на Псху и поселился в скиту Пророка Ильи на хуторе Лакоба. В 1927 — участвовал в строительстве в скиту тайной церкви. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и допрошен на Псху. Дальнейшая судьба неизвестна.

ДЬЯЧЕНКО Федот (Феодул) Климович, родился в 1863 в селе Нилки Гомельского уезда Могилевской губ. в крестьянской семье. В 1908 — поступил в монастырь на Старом Афоне, там пострижен в мантию с именем Феодул; примкнул к имяславскому движению и в 1913 — выслан со Старого Афона. По прибытии в Россию поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии, в 1924 — после ликвидации монастыря ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих на хуторе Санчарский; скрывал в своей келье нелегалов. 24 апреля 1930 — арестован как *«руководитель подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

ЕВСЕЕВА Матрена (Милитина) Тихоновна, родилась в 1871 в деревне Морозово Черкутинской волости Владимирской губ. в крестьянской семье. С 1904 — в Покровском монастыре Суздаля, в 1916 — пострижена в рясофор, просфорница. 30 ноября 1923 — пострижена в мантию с именем Милитина в тайном

Серафимо-Тихвинском скиту в Канаш-Тапе. В сентябре 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ЕВСЕЕНКО Иоанн. Пострижен в мантию с именем Иоанн, позднее рукоположен во иеромонаха, в середине 1920-х — проживал в урочище Чуро в верховьях реки Сочинки. Во время массовых арестов перешел на нелегальное положение; заочно привлечен к следствию по групповому делу как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. Заочно приговорен к расстрелу и объявлен во всесоюзный розыск.

ЕВСЮКОВА Евдокия (Варвара) Ивановна, родилась в 1899 в станице Донского округа в крестьянской семье. Проживала в станице, занималась сельским хозяйством, позднее поступила в Борисовский женский монастырь, пострижена в мантию с именем Варвара. После ликвидации монастыря вела бродячий образ жизни, в 1925 — пришла в Бабук-Аул в Сочинском районе, в 1927 — в Сухуми, позднее ушла на Псху, вступила в общину монашествующих у Святой Горы. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяславец»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

ЕГОРОВА Татьяна (Калерия) Александровна, родилась в 1897 в деревне Петрешино Тверской губ. в крестьянской семье. В 1917 — поступила в Хотьковский монастырь. 25 марта 1924 — пострижена в мантию с именем Калерия в Серафимо-Тихвинском скиту в Канаш-Тапе. В сентябре 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам концлагеря и отправлена в лагерь.

ЕЛИСЕЕВ Николай Михайлович, родился в 1876 в Смоленской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — пострижен в мантию, в середине 1920-х — проживал в верховьях реки Со-

чинки. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам ссылки и отправлен в Севкрай.

ЕНИН Николай (Неофит) Иванович, родился в 1869 в Орловской губ. в крестьянской семье. С 1893 — в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре, в 1903 — пострижен в мантию с именем Неофит, позднее рукоположен во иеромонаха. В 1923 — арестован по обвинению в сокрытии церковных ценностей, через два месяца освобожден. С 1924 — служил в селе Молдовка Сочинского района, с 1927 — настоятель молитвенного дома в станции Лабинская. 9 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ЖЕРНОВА Агафья (Рахилия) Григорьевна, родилась в 1869 в селе Колитино Донского округа в крестьянской семье. В 1900-х — поступила в Борисовский женский монастырь, позднее пострижена в мантию с именем Рахилия. В 1926 — после ликвидации монастыря ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих у Святой Горы. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

ЖИЛИНСКИЙ Антон (Александр) Григорьевич (Георгиевич), родился в 1863 в деревне Сувалки Сувалковской губ. в крестьянской семье. В начале 1880-х — поселился в Сухуми, служил смотрителем маяка, позднее — сторожем в магазине. С 1904 — проживал в селении Псху, занимался сельским хозяйством. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян (семья приговорена к ограничению проживания в 7 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

ЖОВТЕНКО Петр (Павлин) Назарович, родился в 1882 в селе Васильево Васильевского уезда Киевской губ. в крестьянской семье. В 1907 — поступил послушником в Драндский Успенский монастырь вблизи Сухуми. В 1914 — пострижен в мантию с именем Павлин. В 1923 — ушел из монастыря, поселился в районе села Георгиевское Сухумского района. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Отправлен в Сазлаг (Узбекистан). В октябре 1933 — досрочно освобожден из лагеря.

ЖОЛОВОВ Николай (Неарх) Матвеевич, родился в 1877 в селе Новая Родионовка Чебоксарского уезда Вятской губ. в крестьянской семье. В начале 1900-х — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии; позднее пострижен в мантию с именем Неарх. В 1924 — после ликвидации монастыря ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как «*участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации и мяславец*» и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества.

ЗАЛОГИН Петр Федорович, родился в 1896 в Нижегородской губ. в крестьянской семье. В середине 1920-х — проживал в селе Змейка под Сочи. В октябре 1929 — арестован как «*участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ*». 27 февраля 1930 — приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

ЗАХАРОВ Карп Тарасович, родился в 1880 в селе Палагиады Ставропольского уезда и губ. в крестьянской семье. Проживал в Майкопском округе, занимался сельским хозяйством. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1928 — ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как «*участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой*

организации имяславцев» и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества.

ЗИБРОВ Диомид (Диодор) Иудович, родился в 1868 в селе Зиброво Ливенского уезда Орловской губ. в крестьянской семье. В 1898 — поступил послушником в Старо-Афонский монастырь, позднее пострижен в мантию; с 1913 — находился в Глинской пустыни Курской области, с 1925 — после закрытия находился в пустыни в Георгиевском районе; позднее принял схиму с именем Диодор. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ЗИНЧЕНКО Сергей (Алексий) Васильевич, родился в 1877 в Черниговской области в крестьянской семье. В 1898 — поступил в Свято-Михайловскую Закубанскую пустынь, позднее пострижен в мантию с именем Алексей, рукоположен во иеромонаха, в 1920-х — служил настоятелем молитвенного дома в станице Засовская. 22 ноября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ЗИНЯЕВ Александр (Алексий) Иванович, родился в 1864 в Самаре в мещанской семье. В 1886 — окончил гимназию в Самаре; с 1888 — паломничал по России зимой и летом босиком, носил вериги и два креста; не раз арестовывался, сидел в тюрьмах и доме умалишенных. С 1922 — проживал в Сухуми; пострижен в монашество с именем Алексей; четырежды был арестован, но

позднее освобожден. Ушел на Псху. В конце 1920-х — жил в пещере за селом Георгиевское Цебельдинского района. 24 апреля 1930 — арестован. В середине мая во время следствия был освобожден из тюрьмы ввиду болезни.

ЗУБКОВА Елизавета Павловна, родилась в 1902 в Екатеринославской губ. в крестьянской семье. Монахиня, служила псаломщицей и секретарем общины в молитвенном доме станции Пшихская. 6 октября 1929 — арестована как *«участница Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 8 годам концлагеря.

ЗУЕВ Егор (Георгий) Емельянович, родился в 1861 в Курской губернии в крестьянской семье. С 1903 — послушник на Св. Горе Афон; с 1911 — в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре, позднее пострижен в мантию с именем Георгий. В середине 1920-х — проживал в селе Молдовка Сочинского района. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Севкрай.

ИВАНИЦКИЙ Владимир (Вонифатий) Алексеевич, родился в 1891 в Витебской губ. в дворянской семье. До 1914 — учился на историко-филологическом факультете Московского университета, с началом Первой мировой войны ушел добровольцем на фронт, служил в 17-м гусарском Черниговском полку (за боевые отличия награжден Георгиевским крестом 4-й степени и производством в чин к 1917 — корнета). После 1918 — насильно мобилизован в Красную армию и отправлен на польский фронт, где вскоре сдался в плен, через полгода по обмену пленными вернулся на родину. В 1924 — приехал в Сухуми, осенью был пострижен в монашество с именем Вонифатий, ушел на Псху и поселился на хуторе Лакоба. 23 апреля 1930 — арестован; позднее якобы повесился в тюрьме в Новороссийске (скорее был избит до смерти и затем повешен для имитации самоубийства).

ИВАНОВ Алексей Сергеевич, родился в 1905 в станции Расшеватовская Армавирского округа в крестьянской семье. В 1930 — ушел на Псху, вступил в тайную ячейку монашескую-

щих нелегалов в селении Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ИВАНОВА Ирина Степановна, родилась в 1874 в селе Ивановка Невинномысского уезда Армавирского округа в крестьянской семье. Проживала в селе Ивановка, занималась сельским хозяйством. Вышла замуж, позднее — вдова. В начале 1920-х — крестьянка-единоличница; в ее доме проходили тайные богослужения, принимала на ночлег монашествующих нелегалов, ходила по станицам и активно вела антисоветскую агитацию. 28 ноября 1929 — арестована как *«участница Армавирской группы Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Северный край.

ИВАНОВА Мария (Евпраксия) Ивановна, родилась в 1905 в селе Ивановка Невинномысского уезда Армавирского округа в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянка-единоличница. В 1927 — ушла на Псху, вошла в тайную общину монашествующих нелегалов, пострижена в мантию с именем Евпраксия. 28 ноября 1929 — арестована как *«участница Армавирской группы Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Северный край.

ИВАНЮКОВ Василий (Виссарион) Семенович, родился в 1883 в Волынской губ. в крестьянской семье. С 1898 — в монастырях на Волыни и в Херсонской губ.; с 1919 — в Свято-Михайловской Закубанской пустыни, позднее пострижен в мантию с именем Виссарион, в 1924 — рукоположен во иеромонаха в Харькове. С 1926 — служил в молитвенном доме в станице Новопрохладная. В ноябре 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ИГНАТЕНКО Дмитрий (Стефан) Иванович, родился в 1878 в селе Вознесенское Благодаринского уезда Ставропольской губ.

в крестьянской семье. В 1904 — поступил послушником в Успенский монастырь в пяти верстах от Пятигорска Терской губ.; позднее пострижен в мантию с именем Стефан, затем рукоположен в иеромонаха. С 1927 — после закрытия монастыря находился на Псху. С начала 1929 — проживал в двух верстах от села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден. С середины 1930-х — проживал в Орджоникидзе (Владикавказ). С конца 1940-х — в Кисловодске; 31 января 1973 — там скончался.

ИЛЬЧЕНКО Евгений (Евгений) Савельевич, родился в 1875 в селе Обозновка Кременчугского уезда Полтавской губ. в крестьянской семье. В 1898 — поступил послушником в Ново-Афонский монастырь, позднее пострижен в мантию с именем Евгений. В 1923 — ушел на Псху, с началом изгнаний монашествующих поселился в двух верстах от села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ИЛЬЧЕНКО Михаил Яковлевич, родился в 1888 в селе Митрофановка Ставропольского уезда и губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1928 — ушел на Псху, вступил в тайную ячейку монашествующих нелегалов на хуторе Битага. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ИЛЬЯШЕНКО Петр Федорович, родился в 1879 в станице Пшехская Кубанской обл. в семье казаков. С 1914 — во время Первой мировой войны на фронте (награжден Георгиевским крестом). В начале 1920-х — крестьянин-единоличник; с 1927 — член церковного совета тихоновской общины в станице. 21 декабря 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

КАБАЧКИНА Параскева (Малахия) Яковлевна, родилась в 1892 в селе Гора Гайворонского уезда Курской губ. в крестьянской семье. Проживала в селе Гайворон, занималась сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянка-единоличница. В 1926 — ушла на Кубань, вступила в тайную общину истинно-православных христиан в Бабук-Ауле. В 1929 — с началом арестов бежала на Псху, вступила в общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся на хуторе Санчарский, пострижена в мантию с именем Малахия. По указанию схиеромонаха Гавриила (Польшина) посещала станицы, раздавала верующим в качестве лекарств пузырьки «со святой водой» и «корень пасхальной травы». 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

КАКУЛИЯ Матрена Прокофьевна, родилась в 1876 в Адлере (отец, крестьянин, ктитор Адлеровской церкви). Проживала в Адлере, работала в церкви, после замужества занималась домашним хозяйством. В 1920-х — предоставляла свою кварти-

ру для монашествующих, была связана с руководством тайных общин на Псху, предупреждала их о готовящихся обысках. 20 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 3 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

КАЛАШНИКОВ Федор Петрович, родился в 1884 в селе Демьянки Стародубского уезда Черниговской губ. В 1919 — рукоположен в сан священника. Служил в храмах Черниговской губ.; с 1928 — на хуторе Кудерский Армавирского округа. В январе 1930 — арестован как *«участник Армавирской группы Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ; предоставлял приют скрывающимся членам организации»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

КАЛУГИН Федор Матвеевич, родился в 1864 в станице Пшехская Майкопского уезда Екатеринославской губ. в семье казаков. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник; член тихоновской церковной общины. 1 декабря 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 8 годам ссылки и отправлен в Севкрай.

КАЛУГИНА Надежда Кирилловна, родилась в 1872 в станице Пшехская Майкопского уезда Екатеринославской губ. в семье казаков. В начале 1920-х — крестьянка-единоличница; член тихоновской церковной общины. 27 ноября 1929 — арестована как *«участница Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 10 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

КАНОНИХИН Николай (Нил) Евсеевич, родился в 1874 в Воронежской губ. в крестьянской семье. С 1909 — послушник на Старом Афоне. В 1915–1917 — во время Первой мировой войны на фронте. В 1917 — пострижен в мантию с именем Нил; в 1920-х — проживал в селе Голицыно Адлеровского района, монах-пустынный. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монар-*

хической организации ИППЦ». 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Севкрай.

КАПАЦЫН Авраам (Андроник) Филиппович, родился в 1868 в селе Литвиновское Старобельского уезда Харьковской губ. в крестьянской семье. В 1899 — поступил послушником в Драндский Успенский монастырь. В 1914 — пострижен в мантию с именем Андроник. В 1920 — ушел из монастыря в горы в район села Георгиевское Сухумского района. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «в ведении религиозной пропаганды» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

КАРПИКОВА Татьяна Малаховна, родилась в 1894 в селе Дуковщины Витебской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянка-единоличница, в 1928 — выехала на Кавказ, ушла на Псху, вступила в тайную монашескую общину на Святой Горе, стала послушницей. 24 апреля 1930 — арестована как «участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев» и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

КАРЧИНСКАЯ Нина Ивановна, родилась в 1908 в селе Яновка Волынской губ. в крестьянской семье. С 1927 — проживала на хуторе Гишла у своего деда, монаха Сергия (Сингалевича). 16 сентября 1929 — арестована как «участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИППЦ». 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам высылки из Северо-Кавказского края с запрещением проживания

в Московской, Ленинградской обл., Харьковском, Киевском и Одесском окр. и пограничных губерниях сроком на 3 года.

КАРЯКИН Григорий (Геннадий) Яковлевич, родился в 1868 в селе Сердоба (Ухопа) Петровского уезда Саратовской губ. в крестьянской семье. Проживал в Саратовской губернии, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1923 — ушел из дома, выехал в район Туапсе и прожил в пустыни Канаш-Тапе четыре года, здесь был пострижен в мантию и посвящен в схиму с именем Геннадий. В 1927 — пришел в Абхазию, в Георгиевском районе в четырех верстах от села построил келью, расчистил участок под овощи. Весной 1930 — ушел в пещеру. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

КАШИГИНА Татьяна (Таисия) Федоровна, родилась в 1884 в селе Кам-Булат Оренбургской губ. в крестьянской семье. В 1904 — поступила в Уфимский женский монастырь, пострижена в мантию с именем Таисия. В 1926 — после ликвидации монастыря ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся около хутора Битага. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяслацев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

КАЩЕНКО Яков (Феодор) Федорович, родился в 1878 в селе Уварино Тамбовской губ. в крестьянской семье. В 1907 — по-

ступил в монастырь, позднее пострижен в мантию с именем Феодор. В середине 1920-х — ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся в районе озера Рица, участвовал в службах в подземной церкви. 20 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 3 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

КАЮДИН Иван (Иннокентий) Порфирьевич, родился в 1908 в селе Ново-Алексеевское Воронежской губ. в крестьянской семье. С 1910 — проживал с отцом на хуторе Пеус под Туапсе. Получил начальное образование; занимался с отцом сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1928 — пострижен в мантию с именем Иннокентий, рукоположен во иеродиакона епископом Алексием (Буюм), возглавил общину скита Михаила Архангела в урочище Пеус. В октябре 1929 — арестован как *«руководитель скита Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

КАЮДИН Порфирий Васильевич, родился в 1867 в станице Богоявленская Екатеринославской губ. в крестьянской семье. С 1910 — проживал на хуторе Пеус под Туапсе, занимался сельским хозяйством; в начале 1920-х — крестьянин-единоличник. 28 сентября 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам ссылки с конфискацией имущества и отправлен в Севкрай вместе с семьей.

КЕЧКИН Иван (Исихий) Семенович, родился в 1870 в селе Заицкое Пензенской губ. в крестьянской семье. В начале 1890-х — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии. В 1924 — после ликвидации монастыря выехал в Москву, затем в Сухуми, позднее ушел на Псху, вступил в общину монашествующих на хуторе Серебряный. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября

1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

КИЛЬЯНОВ Петр (Прохор) Иванович, родился в 1881 в деревне Подшипки (Ново-Ульясово) Симбирского уезда Симбирской губ. в крестьянской семье. В 1898 — поступил послушником в Макарьевский монастырь в Казанской губ.; позднее пострижен в мантию с именем Прокофий, в 1910 — рукоположен во иеромонаха. В 1926 — после закрытия монастыря ушел в Седмиозерную пустынь в Казанской области, в 1928 — после ее закрытия проживал в пустыни в двух верстах от села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

КИРИЧЕНКО Демьян Ильич, родился в 1861 в селе Софиевка Криворожского уезда Екатеринославской губ. в крестьянской семье. С 1924 — возглавил общину скита св. Иоанна Златоуста на хуторе Алмалук Шепсинского сельсовета под Туапсе. Помог скрыться епископу Варлааму (Лазаренко). В октябре 1929 — арестован как *«руководитель скита Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Севкрай.

КИСЕЛЕВ Яков Акимович, родился в 1902 в станице Сторожевая Армавирской губ. в крестьянской семье. В 1920 — призван и служил в Красной армии рядовым, в начале 1920-х — после демобилизации проживал в станице Сторожевая, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник. 28 мая 1930 — арестован как *«член подпольной ячейки контр-*

революционной монархической повстанческой организации имяславцев» и 22 июня заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

КНИГА Максим Иванович, родился в 1903 в селе Митрофановка Екатеринославского уезда и губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1927 — ушел на Псху, вступил в тайную ячейку монашествующих нелегалов на хуторе Серебряный. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества.

КОВАЛЕВ Павел (Пафнутий) Захарович, родился в 1866 в слободе Халант Новоскальского уезда Курской губ. в крестьянской семье. В 1900 — поступил послушником в Петропавловский монастырь в Черниговской губ.; пострижен в мантию с именем Пафнутий, позднее рукоположен во иеромонаха. С 1923 — проживал в селе Халант Курской губ., работал портным. С июня 1928 — выехал в Абхазию, проживал в пустыни вблизи села Георгиевское, делал на продажу деревянные ложки. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

КОВАЛЕВСКИЙ Владимир (Варфоломей) Павлович, родился в 1874 в станице Малычевская Донского округа в крестьянской семье. Получил начальное образование. С 1902 — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, позднее по-

стрижен в мантию с именем Варфоломей. В 1924 — после ликвидации монастыря ушел на Псху, в 1926 — вступил в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся в районе озера Рица, участвовал в службах в подземной церкви. 20 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имя-славцев»* и 3 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

КОЗЛОВ Иван (Иоасаф) Яковлевич, родился в 1877 в селе Сухие Овраги Ставропольского уезда Самарской губ. в крестьянской семье. С 1893 — послушник на Старом Афоне. В 1899 — пострижен в монахи. В 1900 — рукоположен во иеромонаха. С 1902 — в Седмиозерной пустыни в Казанской губ. С 1908 — огородник на даче епископа. С февраля 1917 — переведен казначеем в Седмиозерную пустынь. С 1919 — служил в церкви села Русско-Черемисские Ковали. С 1922 — в Седмиозерной пустыни, затем — игумен Макарьевского монастыря в сане архимандрита. В 1926 — вернулся в Седмиозерную пустынь. С 1928 — в келье вблизи села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая и отправлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию. 18 февраля 1933 — скончался в больнице.

КОЛЕСНИЧЕНКО Карп (Иеремия) Иванович, родился в 1878 в селе Марьинское Богодуховского уезда Харьковской губ. в крестьянской семье. В 1902 — поступил послушником в Драндский Успенский монастырь, в 1910 — пострижен в мантию, выехал в том же году в пустынь в местечке Барганы, в 25 верстах от села Георгиевское построил себе келью. В 1914 — пошел добровольцем на фронт, служил помощником машиниста в 6-м железнодорожном батальоне на линии Тифлис — Эрзурум. Весной

1918 — после демобилизации вернулся в свою келью в урочище Барганы. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая и отправлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию. Осенью 1932 — скончался там в тюремной больнице.

КОЛОТИЛОВА Прасковия (Предислава) Ивановна, родилась в 1880 в селе Ленснево Владимирской губернии. В 1897 — поступила в Покровский монастырь в Суздале, в 1918 — пострижена в рясофор, трапезница и церковница. В начале 1920-х — выехала на Кавказ; 1 октября 1923 — пострижена в мантию с именем Предислава в тайном Серафимо-Тихвинском скиту в Канаш-Тепе. Данных об аресте нет.

КОРДИ Борис (Арсений) Григорьевич, родился в 1907 во Владимирской губ. в мещанской семье. В 1920–1924 — учился в опытно-показательной колонии 2-й ступени в Пушкинском районе под Москвой, с 1924 — в Абрамцевском художественно-прикладном училище. В 1926 — выехал на Кавказ к Олегу Полю и монаху Дамиану (Бондаренко). В 1927 — пострижен в мантию с именем Арсений, в 1929 — рукоположен во иеромонаха епископом Варлаамом (Лазаренко). В октябре 1929 — арестован как «*участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ*». 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь. В 1935 — по окончании ссылки поселился в Алма-Ате, работал наблюдателем на метеостанции; служил в тайной катакомбной церкви, устроенной под домом. Осенью 1935 — посвящен в сан архимандрита митрополитом Иосифом (Петровых). В ноябре 1937 — арестован, 16 ноября приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

КОРСУНОВА Матрена (Макрина, Манефа) Панкратьевна, родилась в 1876 в Екатеринославе в крестьянской семье. В 1898 — пострижена в мантию с именем Макрина, проживала

в разных монастырях, в 1920-х — после закрытия монастырей не имела постоянного местожительства; стала связной монашествующих нелегалов. В конце 1920-х — пострижена в схиму с именем Манефа, находилась в тайной общине монашествующих в верховьях реки Сочинки. 28 ноября 1929 — арестована как *«участница контрреволюционной церковно-монархической организации»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлен в Северный край.

КОСОРУКОВ Дмитрий (Даниил) Тимофеевич, родился в 1877 в селе Чернавские Выселки Скопинского уезда Рязанской губ. в крестьянской семье. В Свято-Успенском Святогорском монастыре пострижен в мантию с именем Даниил, позднее посвящен во иеромонаха. С 1922 — служил в молитвенном доме в станице Ханская, с 1928 — в станице Тульская. 11 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

КОСТИН Иван (Иоанн) Алексеевич, родился в 1896 в селе Красное Владимирской губ. в крестьянской семье. С 1913 — в пустыни Святого Духа Параклита в Александровском уезде, позднее пострижен в мантию с именем Иоанн. С 1917 — в селе Ахштырь Сочинского района. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

КОСТЮК Епифан (Епифаний) Дмитриевич, родился в 1879 в селе Новоселовка Изюмского уезда Харьковской губ. в крестьянской семье. С 1905 — в монастыре Святой Горы, пострижен в мантию с именем Епифаний. После революции — среди монашествующих на Бабук-Ауле. В декабре 1928 — ушел на Псху. В июне 1929 — в район озера Рица. 25 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества.

КОТЕНКО Тихон (Симон) Антонович, родился в 1867 в селе Восковец Черниговской губ. в крестьянской семье. Поступил

в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии, пострижен в мантию с именем Симон. В 1926 — после ликвидации монастыря ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих около хутора Ригдза. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

КОТЛОВА Александра (Евфросиния) Петровна, родилась в 1875 в деревне Аграфонино Вознесенской волости Ковровского уезда Владимирской губ. в крестьянской семье. С 1894 — в Суздальском Покровском монастыре; в 1921 — пострижена в мантию с именем Евфросиния. В 1923 — уехала на Кавказ, игуменья тайной монашеской общины в урочище Канаш-Тапе под Туапсе, организатор постройки подземной церкви. 17 сентября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к ВМН с заменой на заключение в концлагерь на 10 лет и отправлена в лагерь.

КОЧЕРГИН Петр Семенович, родился в 1864 в станице Белореченская Екатеринославской губ. в семье казаков. Получил начальное образование. В 1890 — направлен на учебу в Московское пехотное военное училище, после окончания служил в Кавказской армии. В 1909–1916 — войсковой старшина, затем командир 1-й Терской казачьей батареи, произведен в полковники. В 1918 — воевал в Белой армии. В середине 1920-х — проживал в Майкопской области, занимался садоводством. 25 ноября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

КОШУБИН Николай Алексеевич, родился в 1883 в станице Белореченская Екатеринославской губ. в семье казаков. Получил начальное образование. С 1914 — во время Первой мировой войны на фронте, после демобилизации вернулся в станицу, крестьянин-единоличник. 26 ноября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

КРАВЕЦ Анна Александровна, родилась в 1874 в Петровске (Дагестан) в дворянской семье. Проживала в Петровске, занималась домашним хозяйством. С 1909 — посещала Кизлярский монастырь, была знакома с игуменьей. С 1913 по 1923 — работала медсестрой в военном госпитале, с 1923 — медсестрой в яслях. 20 сентября 1929 — арестована в Шуюке, куда приехала за два дня до этого к игуменье Антонине (Покровской), и привлечена к следствию как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

КРАВЕЦ Кондрат (Климент) Симонович, родился в 1868 в селе Таркаловка Ольгопольского уезда Подольской губ. в крестьянской семье. В 1891 — поступил послушником в Старо-Афонский монастырь. До 1914 — находился на Старом Афоне, пострижен в мантию с именем Климент; затем в Кизильташском монастыре в Крыму, в 1925 — после закрытия монастыря ушел на Псху, поселился у села Георгиевское Сухумского района. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

КРАВЦОВ Дмитрий Кириллович, родился в 1888 в станице Тульская Екатеринославской губ. в крестьянской семье. С 1921 — староста церкви в станице Тульская. В августе 1929 — тайно рукоположен во иерея епископом Варлаамом (Лазаренко), служил в молельном доме в станице Ханская. 11 октября 1929 — арестован как *«участник и член Совета Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

КРАВЧЕНКО Егор Федорович, родился в 1885 в станице Курджипская Кубанской области в семье казаков. Проживал в станице Тульская, занимался сельским хозяйством, в 1918 — участвовал в Белом движении. В 1929 — участвовал в создании тихоновской церковной общины. 14 декабря 1929 — арестован как *«участник и член Совета Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»* 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

КРАСТЫЛЕВ Сергей (Савва) Васильевич, родился в 1877 в селе Перещепный Камышинского уезда Саратовской губ. в крестьянской семье. В 1894 — поступил послушником в Ново-Афонский монастырь, в 1914 — пострижен в мантию с именем Савва; с 1924 — после закрытия монастыря находился в селе Аибга Адлеровского района. С 1928 — в пустыни в трех верстах от села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 7 июня 1930 — скончался в тюрьме от сердечной недостаточности, дело прекращено.

КРУЦ Кузьма (Ксенофонт) Иванович, родился в 1865 в селе Плоское Нежинского уезда Черниговской губ. в крестьянской семье. С 1896 — в Нежинском Благовещенском монастыре, позднее пострижен в мантию с именем Ксенофонт, затем посвящен во иеромонаха. С 1919 — в Свято-Михайловской Закубанской пустыни, с 1926 — служил в церкви станицы Тульская. 11 октября 1929 — арестован как *«участник и член Совета Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

КУДРИНА Александра (Мариам) Григорьевна, родилась в 1891 в селе Накольное Курской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих на хуторе Санчарский. В 1924 — пострижена в мантию с именем Мариам. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

КУЛАЕВ Яков Агапиевич, родился в 1876 в селе Трубилька Могилевской губ. Получил среднее медицинское образование. С 1896 — работал фельдшером на Могилевской железной дороге, с 1903 — в станице Черноморская, с 1916 — в станице Старый Балк Майкопского округа. Стал одним из руководителей тайной тихоновской общины в станице Белореченская. В ноябре 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН с заменой на заключение в концлагерь на 10 лет и отправлен в лагерь.

КУРИЛЕНКО Логвин Иванович, родился в 1865 в станице Усть-Джегутинская Баталпашинского уезда Армавирского округа в семье казаков. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник; активно помогал руководителю тайной монашеской общины в станице, укрывал от ареста епископа Варлаама (Лазаренко). 14 декабря 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Северный край.

КУХАРЕВ Иннокентий Гордеевич. Иеромонах Иннокентий, служил в Свято-Михайловской пустыни в Майкопском районе. В середине 1920-х — настоятель молитвенного дома в станице Отважная. В 1929 — с началом массовых арестов скрылся, заочно был привлечен к следствию как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации»*. Заочно приговорен к расстрелу и объявлен во всесоюзный розыск.

ЛАЗАРЕНКО Григорий (Варлаам) Яковлевич, родился в 1879 в Константинограде Полтавской губ. в семье ремесленников. В 1894 — окончил уездное училище, в 1897 — сдал экзамен на народного учителя и учительствовал в начальных школах Новомосковского уезда Екатеринославской губ. В 1910 — поступил в Полтавскую семинарию, в 1913 — по окончании рукоположен во священника, служил в селах Полтавской губ. В мае 1923 — пострижен в мантию с именем Варлаам, 18 октября 1923 — хиротонисан во епископа Хорольского в Киеве епископом Уманским Макарием (Кармазиным) и епископом Ананьевским Парфением (Брянских). В мае 1924 — переведен в Лебедин Харьковской

губ. 1 августа 1925 — уехал в Майкоп Кубанской области. Осенью 1925 — арестован, в марте 1926 — освобожден, вернулся в Майкоп, затем переехал в Заповедное под Туапсе. 12 декабря 1926 — арестован по обвинению «в антисоветской агитации», отправлен в тюрьму Ростова-на-Дону, затем в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. В марте 1927 — освобожден с обязательством вернуться на родину; в мае уехал на Кавказ и перешел на нелегальное положение. В сентябре 1927 — отделился от митрополита Сергия; возглавил подгорновские общины на Украине и тайные монашеские общины в горах Черноморья и на Северном Кавказе. В марте 1928 — побывал у архиепископа Димитрия (Любимова) и вошел с ним в духовное общение. В сентябре 1929 — во время массовых арестов скрылся, тайно выехал в Среднюю Азию. 16 декабря 1929 — арестован в Полторацке, привлечен к следствию по групповому делу как «руководитель Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ» и привезен в Ростов-на-Дону. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ЛАПТЕВА Ксения (Капитолина) Герасимовна, родилась в 1885 в селе Козлово Гавриловской волости Суздальского уезда Владимирской губ. в крестьянской семье. Неграмотная. С 1908 — в Покровском женском монастыре Суздаля, в 1920 — пострижена в рясофор в Суздале. Уехала на Кавказ, 26 декабря 1924 — пострижена в мантию с именем Капитолина в Серафимо-Тихвинском скиту в Канаш-Тапе под Туапсе. 19 сентября 1929 — арестована как «участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ЛАРИОНОВ Иван (Исаакий) Илларионович, родился в 1884 в селе Орабоссурское Васильевского уезда Казанской губ., где и проживал. В 1914 — на фронте рядовым в 135-м пехотном полку, в 1917 — после демобилизации вернулся в родное село, занимался сельским хозяйством. Женат, в семье — четверо детей (трое скончались от голода), с 1923 — вдовец. В 1924 — поступил послушником в Седмиозерную пустынь Макарьевского монастыря (сына оставил на попечение своей матери). В 1925 — пострижен в мантию с именем Исаакий; в 1927 — после закрытия

монастыря выехал в Абхазию, проживал в пустыни в трех верстах от села Георгиевское. В 1927 — уехал на Кавказ, построил келью в трех верстах от села Георгиевское Сухумского района. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ЛИЕВ Азис Лиевич, родился в 1897 в ауле Кувинский под Черкесском. Князь. Проживал в Черкесске, владелец вальцовых мельниц и молотилок, в 1918 — лишился имущества, позднее лишен избирательных прав. В 1919–1920 — воевал в Белой армии, в особом черкесском полку в дивизии генерала Хвостикова, в 1921 — ушел с остатками полка за границу. В 1924 — вернулся в Россию, вступил в тайный отряд, занимавшийся кражей скота и переправкой его в Абхазию. В начале 1930 — участвовал в восстании в Черкесске, в апреле после разгрома скрылся в Абхазии, вступил в тайную ячейку монашествующих нелегалов. 24 апреля 1930 — арестован как «*участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяславецев*» и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян (семья приговорена к ограничению проживания в 7 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

ЛИТВИНОВ Аким Лазаревич, родился в 1857 в деревне Свистухино Острогожского уезда Воронежской губ. в крестьянской семье. Проживал в станице Белореченская, хлебороб, имел пекарню, сдавал ее в аренду. Член тайной тихоновской церковной общины. 21 декабря 1929 — арестован как «*участник*

Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам высылки в Севкрай.

ЛУЗГИН Федор (Феодосий) Акимович, родился в 1866 в селе Покровское Мамадышского уезда Казанской губ. в крестьянской семье. В 1898 — поступил послушником в Раифскую пустынь в Казанской губ. В августе 1902 — пострижен в мантию с именем Феодосий. В начале 1903 — рукоположен во иеродиакона, в марте — во иеромонаха; исполнял должность эконома архиерейского дома, казначея Свяжского монастыря. С 1909 — игумен Макарьевского монастыря, с 1910 — в сане архимандрита. С 1920 — игумен Раифской пустыни. С июня 1928 — после ее закрытия проживал в Казани, в августе 1929 — выехал в Абхазию, к игумену Иоасафу (Козлову), проживал в двух верстах от села Георгиевское. 5 мая 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден. В 1940-х — проживал в поселке Дидубийский, служил в Мцхетском Ольгинском монастыре.

ЛУКЪЯНОВА Дарья Терентьевна, родилась в 1878 в Пензенской губ. в крестьянской семье. С 1899 — в Саранском монастыре, позднее пострижена в мантию. В середине 1920-х — находилась в урочище Пеус в Туапсинском районе. 20 сентября 1929 — арестована как «*участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ*». 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ЛЫСЕНКО Павел (Пахомий) Корнеевич, родился в 1877 в селе Луки Локвидского уезда Полтавской губ. в крестьян-

ской семье. В 1902 — поступил послушником в Драндский Успенский монастырь, в 1913 — пострижен в мантию с именем Пахомий. С 1915 — находился в Ажаре Цебельского района. С 1918 — в пустыни в трех верстах от села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

МАЗУРЕНКО Мария Семеновна, родилась в 1889 в Подольской губ. в крестьянской семье. С 1910 — в Моквинском монастыре, позднее пострижена в мантию. С 1926 — проживала в Адлере, занималась рукоделием и черной работой. 16 октября 1929 — арестована как «*участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ*». 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

МАКАРЕВИЧ Федор Самсонович, родился в 1885 в селе Малковка Климовического уезда Могилевской губ. в крестьянской семье. В 1914 — во время Первой мировой войны на фронте рядовым артиллерийского парка, в 1919 — после демобилизации вернулся на родину, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1923 — поступил послушником в Киевский монастырь. В 1927 — после его ликвидации выехал в Сухуми, ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих на хуторе Серебряный. 24 апреля 1930 — арестован как «*член подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев*» и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

МАКАРОВ Иван (Иона) Васильевич, родился в 1888 в селе Емаши Златоустовского уезда Уфимской губ. в крестьянской семье. В 1910 — призван в армию, служил в пограничной страже на Восточно-Китайской железной дороге, в 1913 — демобилизован в чине старшего унтер-офицера. Проживал в Екатеринбурге, работал слесарем на заводе акционерного общества. В 1914 — воевал на австрийском фронте в рядах Оравайского пехотного полка. В сентябре 1915 — попал в плен. В 1919 — после освобождения из плена вернулся в Россию. Проживал в Екатеринбурге, работал слесарем на железной дороге. В 1925 — после смерти жены ушел в паломничество: побывал в Киеве, Сарове и Харькове; затем приехал в Иверский монастырь в районе Туапсе. В 1926 — в монастыре в Канаш-Тапе пострижен в мантию с именем Иона, позднее поселился в четырех верстах от села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

МАЛАШЕНКО Андрей Ефимович, родился в 1912 в селе Старый Крупец Гомельского уезда Могилевской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1927 — ушел на Псху, поселился на хуторе Гишла рядом с селом Алмалук у монаха Сергея Сингалевича в Пустынно-Тихвинском скиту, позднее пострижен в монашество. В октябре 1929 — арестован как «*участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ*». 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря.

МАЛАШЕНКО Терентий Ефимович, родился в 1875 в селе Старый Крупец Гомельского уезда Могилевской губ. в крестьян-

ской семье. В 1927 — поселился с племянником на хуторе Гишла рядом с селом Алмалук у монаха Сергея Сингалевича в Пустынно-Тихвинском скиту. Осенью 1927 — арестован и выслан на пять лет в Севкрай.

МАЛЫШЕВ Георгий (Гедеон) Никифорович, родился в 1873 в деревне Григорьевская Пошехонского уезда Ярославской губ. в крестьянской семье. В 1887 — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, пострижен в мантию с именем Афанасий. В 1924 — после ликвидации монастыря ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих на хуторе Лакоба, позднее посвящен в схиму с именем Гедеон. 24 апреля 1930 — арестован как *«активный участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

МАМЧЕНКО Григорий (Георгий) Петрович, родился в 1888 в Сумах в семье владельца завода. В 1903 — поступил в Хрущевский монастырь в Харьковской губернии, позднее пострижен там в мантию с именем Георгий. В 1919 — перешел в Святогорский монастырь, с 1923 — в Ново-Афонский Симоно-Кананитский. В 1924 — после его закрытия пришел в Бабук-Аул, в 1927 — ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован на хуторе Лакоба и там же допрошен; обвинялся как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»*. Дальнейшая судьба неизвестна.

МАРТЬЯНОВА Александра (Апполиария) Евграфовна, родилась в 1873 в селе Верхнее Вондовское Котельничского уезда Вятской губ. в мещанской семье. Поступила в Богородецкий монастырь в Нижнем Новгороде. В 1924 — выехала в Сухуми, затем ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих, пострижена в мантию. 24 апреля 1930 — арестована как *«член подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

МАСЛЕННИКОВА Анна (Архелая) Абрамовна, родилась в 1877 во Владимирской губ. в крестьянской семье. В 1890 — по-

ступила в Покровский монастырь Суздаля, в 1921 — пострижена в мантию с именем Архелая. В 1923 — в Канаш-Тапе под Туапсе в Серафимо-Тихвинском скиту. 1 декабря 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

МЕЛЬНИКОВ Григорий Филиппович, родился в 1893 в станице Дагестанская Майкопского уезда Екатеринославской губ. в семье казаков. С 1926 — служил псаломщиком в станице. В августе 1929 — тайно рукоположен во иерея, служил в общине станицы Хадыженская. 15 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

МЕРЗЛОВ Василий (Виссарион) Петрович, родился 1903 в селе Казаковка Сызранского уезда Симбирской губ. в крестьянской семье. В середине 1920-х — подделал документы, прибавив себе десять лет, чтобы не служить в Красной армии, бежал на Псху, позднее вступил в тайную общину монашествующих, скрывавшихся в районе озера Рица; стал связником руководителей тайных ячеек, передавал их письма и получал информацию о положении в станицах. Пострижен в мантию с именем Виссарион. 26 мая 1930 — арестован как *«активный участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 10 июня заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

МЕЧЕВ Петр (Макарий) Павлович, родился в 1872 в селе Глубокое Бирючинского уезда Воронежской губ. в крестьянской семье. В 1908 — поступил в Свято-Михайловскую пустынь, пострижен в мантию с именем Макарий. Весной 1926 — после ликвидации монастыря вел бродячий образ жизни, осенью ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих на хуторе Водопад. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества.

МИНИН Кузьма (Патермуфий) Никитович, родился в 1875 в станице Титаровская Кубанского округа в крестьянской семье. В 1910-х — пострижен в мантию с именем Патермуфий. В середине 1920-х — ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих в районе озера Рица, службы там совершались в подземной церкви. 20 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 3 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

МИРОНЕНКО Иван (Илия) Павлович, родился в 1891 на хуторе Новый Харьковской губ. в крестьянской семье. С 1910 — в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре пострижен в мантию с именем Илия. С 1924 — после закрытия монастыря ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной церковно-монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества, оставлен для отбытия наказания в тюрьме. В феврале 1933 — освобожден досрочно.

МИХАЙЛЕНКО Иосиф (Иуст) Фадеевич³⁵⁴, родился в 1863 в селе Кутури Подольской губ. В 1890 — поступил в Старо-Афонский монастырь. В 1914 — перешел в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии. С 1924 — после закрытия монастыря ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества.

МОРОЗОВ Петр Иванович, родился в 1857 в станице Курджипская в семье казачьего атамана. В 1920 — судим за починку орудия белым. В 1927 — осужден на три года лишения

³⁵⁴ В "Обвинительном заключении" он проходит как *«Иосиф Павлович, монах Иоанн»*. Но согласно протоколу допроса в селении Псху от 26 апреля 1930 года — *«Михайленко Иосиф Фадеевич (назвал имя Иуст)»* (Архив Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-46014. Т. 3. Л. 420).

свободы условно. Член тихоновской церковной общины в станице Курджипская. 14 декабря 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам высылки в Севкрай.

МЯСНИКОВ Иван Иванович, родился в 1902 в Новгородской губ. в крестьянской семье В 1911 — вместе с отцом переселился на Псху, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник, в конце 1920-х — приписан в кулаки, хозяйство было разорено. В 1928 — посещал богослужения в скиту Пророка Ильи на хуторе Лакоба. 22 апреля 1930 — арестован как *«член подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяславцев»* и допрошен на Псху. Дальнейшая судьба неизвестна.

НАГОРНЫЙ Георгий Георгиевич, родился в 1887 в селе Ивановка Екатеринославской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1926 — ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«член подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества.

НАДЕЕВА Ксения Кузьминична, родилась в 1885 в станице Кугнорская Кубанского округа в крестьянской семье. Получила среднее образование. В начале 1920-х — крестьянка-единоличница. Стала связной общины в станице Кугнорская с руководителем тайной общины монашествующих на озере Рица и в Псху. 20 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяславцев»* и 3 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

НЕВЕДОМСКИЙ Дмитрий Иосифович, родился в 1890 во Владикавказе. Получил среднее образование. С 1914 — служил почтово-телеграфным чиновником во Владикавказе. Позднее проживал в станице Белореченская, руководил нелегальной церковной общиной в станице. 30 октября 1929 — арестован как

«активный участник и один из руководителей нелегальной ячейки Майкопского филиала подпольной контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ, распространял контрреволюционные воззвания епископа Варлаама». 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

НЕЛИПА Федор (Фалалей) Андреевич, родился в 1871 в селе Качаловка Богодуховского уезда Харьковской губ. в крестьянской семье. В 1904 — поступил послушником в Драндский Успенский монастырь; позднее пострижен в мантию с именем Фалалей. С 1921 — проживал в келье в горах в двух верстах от села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

НЕСМЕЯНОВА Варвара (Варвария) Ивановна, родилась в 1890 в Майкопском округе в крестьянской семье. В 1912 — поступила в Таманский монастырь, в 1924 — ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих около хутора Ригдза. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации и мяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества.

НЕСТЕРЕНКО Григорий Гаврилович, родился в 1898 в станции Курджипская Кубанской области в семье казаков. В 1919 — служил в Белой армии. В середине 1920-х — вернулся в станицу Курджипская, крестьянин-единоличник; стал секретарем тихоновской церковной общины. 13 декабря 1929 — арестован как

«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

НЕЧЕСОВ Митрофан Федорович, родился в 1889 в слободе Чернянка Новооскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. В 1910-х — работал в толстовских колониях. С 1917 — работал инструктором по сельскому хозяйству в детских трудовых коммунах. В 1926 — выехал в Крым и работал в совхозной коммуне, затем выехал в местечко Змейка Сочинского района. 29 октября 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 8 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

НИКИТИН Николай (Николай) Агафонович, родился в 1875 в селе Каменный Брод Луганского уезда Екатеринославской губ. в крестьянской семье. В 1900 — поступил послушником в Ново-Афонский монастырь, работал на огородах; пострижен в монашество с именем Николай. В 1924 — после закрытия монастыря ушел на Псху, позднее пришел в Барганы. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

НИКИТИНА Пелагея Павловна, родилась в 1873 в станице Суворовская Терской области в семье казаков. С 1898 — в Кизлярском Крестовоздвиженском монастыре. С 1927 — в Покровском тайном монастыре в поселке Шуюк, затем в скиту св. Иоанна Златоуста в селе Алмалук под Туапсе. 18 сентября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной*

церковно-монархической организации ИПЦ». 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

НОЙКИНА Ефросинья (Ефросиния) Вуколовна, родилась в 1896 в селе Половань Саратовской губ. в крестьянской семье. С 1922 — в Пашковском женском монастыре, пострижена в мантию с именем Ефросиния, в 1927 — после ликвидации монастыря ушла на Псху, вела бродячий образ жизни, в 1929 — вступила в тайную общину монашествующих на хуторе Водопад. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ОВСЮК Дионисий (Димитриан) Артемьевич, родился в 1876 в селе Чаплиевское Черниговской губ. в крестьянской семье. С 1898 — в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре в Абхазии, пострижен в монаха с именем Димитриан. С 1924 — после ликвидации монастыря ушел на Псху, позднее перешел в район озера Рица. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

ОЛЕЙНИКОВ Моисей (Макарий) Никифорович, родился в 1871 в селе Ключковка Комаровской волости Березовского уезда Черниговской губ. в крестьянской семье. В 1890 — с семьей переехал на Кубань, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1923 — был под следствием за хранение царского портрета. В 1924 — поселился в урочище Заповедное под Туапсе. В 1925 — познакомился с епископом Варлаамом (Лазаренко), пострижен в мантию с именем Макарий, позднее посвящен во иеромонаха. В сентябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ОСАДЧИЙ Дмитрий (Досифей) Парфенович, родился в 1870 в деревне Углы Бобровского уезда Минской губ. в крестьянской

семье. С 1897 — поступил послушником в Драндский Успенский монастырь. В 1904–1905 — участник Русско-японской войны. До 1914 — после демобилизации проживал в деревне Углы, занимался сельским хозяйством; затем паломничал по монастырям России. В 1917 — поступил монахом в пустынь на Кубани. В 1919 — ушел на Псху, с 1924 по 1928 — на Красной Поляне. В 1929 — в пустыни в Ажаре. В 1930 — около месяца провел в Георгиевском районе. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «в ведении религиозной пропаганды» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ПАВЛЕНКО Дмитрий Иванович, родился в 1882 в селе Вознесенское Екатеринославской губ. в крестьянской семье. Проживал в селе Вознесенское, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1929 — ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как «участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации *имяславцев*» и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ПАНКРАТОВ Федор (Феодор) Васильевич, родился в 1885 в селе Орловка Саратовской губ. в крестьянской семье. Пострижен в монашество с именем Феодор, в середине 1920-х — находился в урочище Пеус в верховьях реки Сочинки. В октябре 1929 — арестован как «участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации *ИПЦ*». 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

ПАРШИН Яков Владимирович, родился в 1903 в станице Белореченская Кубанской обл. в семье казаков. Хлебопашец. В декабре 1929 — арестован как *«участник нелегальной общины Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

ПАХУЧ Тимофей Дмитриевич, родился в 1894 в станице Хадзыженская Кубанской области в семье казаков. Состоял в нелегальной тихоновской общине. 29 ноября 1929 — арестован как *«участник тайной тихоновской общины Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

ПЕДАН Андрей Григорьевич, родился в 1883 в селе Ново-Ивановка Екатеринославской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник, в середине 1920-х — за неуплату налога приговорен к 2 неделям принудительных работ. В 1928 — ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря ИТЛ с конфискацией имущества.

ПЕРЕГУДОВ Никита Иванович, родился в 1879 в станице Белореченская Екатеринославской губ. в семье казаков. Получил начальное образование. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник; член нелегальной тихоновской церковной общины. 28 ноября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ПЕРОВ Константин (Христофор) Иванович, родился в 1877 в селе Хрущевка Балашовского уезда Саратовской губ. в крестьянской семье. В середине 1920-х — ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих в районе озера Рица. 20 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 3 мая заключен в Новороссийскую тюрьму.

8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

ПЕТРЕНКО Евдокия Пименовна, родилась в 1893 в селе Натырбово Майкопского уезда Екатеринославской губ. в крестьянской семье. Вышла замуж, позднее — вдова, позднее приняла монашеский постриг. С 1928 — служила псаломщицей в молитвенном доме в станице Лабинская. 1 октября 1929 — арестована как *«участница Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам концлагеря и отправлена в лагерь.

ПЕТРУНЕВИЧ Надежда Яковлевна, родилась в 1896 в станице Дондуковская Екатеринославской губ. в семье казаков. В 1924 — отправилась в Киев, ходила по монастырям, по возвращении хлопотала о создании и регистрации тихоновской церковной общины. В середине 1920-х — пострижена в монашество епископом Иовом (Афанасьевым). В 1927 — вновь пешком паломничала в Киев, осенью отошла от митрополита Сергия (Старгородского). 4 января 1930 — арестована в станице Дондуковская как *«участница Армавирского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам концлагеря и отправлена в лагерь.

ПЕШКОВ Василий Игнатьевич, родился в 1890 в станице Хадыженская Екатеринославской губ. В 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1927 — арестован, приговорен к 3 годам концлагеря условно. 29 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ПИРОЖКОВ Дионисий (Павел) Андреевич, родился в 1878 в селе Ново-Васильевка Бердянского уезда Таврической губ. в крестьянской семье. Занимался сельским хозяйством. С 1910 — послушник в Кизельташском монастыре (Крым). С 1914 — служил рядовым пехоты на фронте в Галиции. В 1918 — поступил послушником в монастырь Святые Горы в Харьковской губ., позднее пострижен в мантию с именем Павел. С 1923 — в пустыни у села Бабуков Сочинского района. С 1927 — на Псху. С 1929 — в келье в четырех верстах от села Георгиевское. В мае

1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ПОДЛОБКОВА Феодосия Семеновна, родилась в 1885 в станице Михайловка Лабинского уезда Екатеринославской губ. в семье казаков. С 1890 — в Усть-Медведицком Спасо-Преображенском монастыре, позднее пострижена в мантию. В 1927 — в Туапсе, затем в селе Молдовка Сочинского района. 1 декабря 1929 — арестована как «*участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ*». 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ПОКРОВСКАЯ Вера (Антонина) Александровна, родилась в 1878 во Владикавказе (внучка протоиерея, дочь офицера русской императорской армии). Получила среднее образование. Поступила в Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь, позднее пострижена в мантию с именем Антонина, с 1908 — настоятельница монастыря. С 1924 — игуменья тайного монашеского скита в урочище Шуюк под Туапсе. 17 сентября 1929 — арестована как «*руководитель монашеской общины Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ*». 27 февраля 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря и отправлена в лагерь.

ПОЛИЕНКО Афанасий Павлович, родился в 1907 в селе Керниковка Екатеринославской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. С 1925 — на Псху, посещал также станицы Кубанского округа и вел там активную агитацию. 24 апреля 1930 — арестован как «*участник подпольной ячейки*».

контрреволюционной монархической повстанческой организации и мяслацев» и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества с заменой на 10 лет ИТЛ и отправлен в лагерь.

ПОЛЬ Олег (Онисим) Владимирович, родился в 1900 в Киве в семье пианиста и композитора. Учился в реальном училище в Москве. После революции работал в толстовских колониях, в Пушкинской показательной школе-колонии. В 1924 — уехал на Кавказ к пустынножителям. 12 сентября 1927 — пострижен в мантию с именем Онисим. В марте 1929 — посвящен во иеромонаха архиепископом Гдовским Димитрием (Любимовым). Познакомился с епископом Варлаамом (Лазаренко) на Кавказе. Написал ряд серьезных работ по философии, экономике и литургике. В октябре 1929 — арестован как *«руководитель ячейки бродячих монахов Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ПОЛЬШИН Георгий (Гавриил) Демьянович, родился в 1874 в деревне Луханиха Обоянского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1896 — в Свято-Михайловской Закубанской пустыни, пострижен там в мантию, затем посвящен во иеромонаха, с 1928 — служил в молитвенном доме в станице Баракаевская. 3 ноября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ПОПОВ Николай Яковлевич, родился в 1891 в селе Скрылевка Львовского уезда Курской губ. в крестьянской семье. Окончил духовную семинарию. Проживал в станице Кардоникская Баталпашинского уезда Армавирского округа, до 1914 — учительствовал, в 1915 — рукоположен во иерея, служил в местной церкви, был благочинным епархии; после закрытия церкви служил тайно в молебном доме станицы. 3 декабря 1929 — арестован как *«участник контрреволюционной церковно-монархической организации»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ПОПОВ Павел (Иероним) Макарович, родился в 1857 в Лебедине Харьковской губ. в мещанской семье. Окончил сельскую

школу. В 1893 — поступил в Сафаровский монастырь в Грузии, там пострижен в монашество. В 1899 — перешел в Зеленчукский монастырь Майкопского округа, посвящен там в сан иеромонаха. После ликвидации монастыря ходил по станицам Кубанского и Майкопского округов. В 1927 — арестовывался за бродячий образ жизни, но не был осужден, вступил в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся в станице Сторожевая; держал постоянную связь с высланными монашествующими. В конце 1920-х — принял схиму с именем Иероним. В середине мая 1930 — арестован как *«руководитель подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 10 июня заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

ПОТАПОВ Ираклий (Иларион) Тимофеевич, родился в 1868 в деревне Листопадка Ярославской губ. в крестьянской семье. С 1895 — в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре в Абхазии, пострижен в мантию с именем Иларион. С 1924 — после закрытия монастыря ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих около хутора Ригдза. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ПОХИЛЬКО Никита Васильевич, родился в 1895 в селе Митрофановка Екатеринославской губ. в крестьянской семье. С 1918 — служил рядовым в караульном батальоне Белой армии, в начале 1920 — после разгрома белых вернулся в село Митрофановка, крестьянин-единоличник. В 1928 — ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих нелегалов на хуторе Битага в долине реки Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ПРИГОРОДОВ Антоний (Авель) Андреевич, родился в 1868 в селе Хава Воронежской губ. в крестьянской семье. Проживал

в селе Хава, занимался сельским хозяйством. В 1908 — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, с 1911 — на подворье монастыря в Санкт-Петербурге. В 1923 — арестован по церковному делу и заключен в тюрьму, через пять месяцев освобожден. В 1924 — пострижен в мантию с именем Авель и посвящен в иеромонаха. Поселился в ските «Отшельники» в верховье реки Сочинки в урочище Чуро. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам ссылки и отправлен в Севкрай.

ПРЫГУНОВА Марина (Мария) Ефимовна, родилась в 1879 в селе Шекшово Суздальского уезда Владимирской губ. в крестьянской семье. С 1896 — в Суздальском Покровском монастыре; 5 ноября 1923 — пострижена в мантию с именем Мария в тайном Серафимо-Тихвинском скиту в Канаш-Тапе под Туапсе. 19 сентября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ПРЫГУНОВА Ольга Ефимовна, родилась в 1886 в селе Шекшово Суздальского уезда Владимирской губ. в крестьянской семье. Неграмотная. С 1914 — в Суздальском Покровском монастыре. 14 апреля 1927 — пострижена в рясофор в тайном Серафимо-Тихвинском скиту в Канаш-Тапе под Туапсе. 19 сентября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ПЫЖОВ Василий (Иоанн) Гаврилович, родился в 1909 в селе Зайцево Бахмутского уезда Екатеринославской губ. в крестьянской семье. В 1920 — поступил послушником в монастырь Святые Горы в Харьковской губ.; позднее пострижен в мантию с именем Иоанн. С 1929 — проживал в Абхазии, в урочище Барганы у своего дяди, монаха Николая (Боголюбова). В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению *«в ведении религиозной пропаганды»* к 3 годам

заклучения в исправительный дом с зачетом предварительного заклучения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заклучения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-тудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заклучения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

РАДИОНЕНКО Ирина (Илариона) Галактионовна, родилась в 1894 в станице Вознесенская Екатеринославской губ. До 1914 — находилась в Спасо-Преображенском Сентенском монастыре. В 1914 — с началом Первой мировой войны окончила курсы сестер милосердия, с 1915 до 1920 — на фронте и в лазаретах. С 1921 — жила на Псху, с 1928 — в горных станицах Армавирского округа, агитировала присоединяться к епископу Варлааму (Лазаренко); летом 1929 — в Заповедном у епископа Варлаама, с сентября по ноябрь помогала ему скрыватья от ареста. 25 ноября 1929 — арестована в Харькове и привлечена к следствию как *«участница контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к ВМН с заменой на заклучение в концлагерь на 10 лет и отправлена в лагерь.

РЕЗНИКОВ Давид (Дорофей) Минич, родился в 1848 в Черниговской губ. в крестьянской семье. В 1886 — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, позднее пострижен в мантию с именем Дорофей, затем посвящен в иеромонаха. В 1924 — после закрытия монастыря вместе с иеромонахом Акакием (Дорошенко) пришел на хутор Лакоба на Псху. 23 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяславцев»* и допрошен на Псху. Дальнейшая судьба неизвестна.

РИМСКИЙ Евтихий Лазаревич, родился в 1880 в станице Невинномысская Армавирского округа в семье казаков. Занимался сельским хозяйством; позднее работал смазчиком на железной дороге. В 1920-х — в своем доме тайно принимал монашествующих нелегалов. 28 ноября 1929 — арестован как *«участник контрреволюционной церковно-монархической орга-*

низации ИПЦ». 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

РОЗОВА Калерия Ивановна, родилась в 1885 в станции Старо-Черкасская Донского округа в крестьянской семье. С 1905 — в женском монастыре, пострижена в мантию, в начале 1920-х — после ликвидации монастыря ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся на озере Рица. 20 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 3 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

РОМАНОВ Захар (Захарий) Климентьевич, родился в 1868 в селе Штурма Сарапульского уезда Вятской губ. в крестьянской семье. В 1915 — поступил в Верхотурский мужской монастырь на Урале, пострижен в мантию с именем Захарий. После ликвидации монастыря вел бродячий образ жизни. В 1929 — ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих хутора Санчарский. 24 апреля 1930 — арестован как *«член подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

РОМАНСКИЙ Иван (Иоанн) Митрофанович, родился в 1880 в селе Саврань Балтовского уезда Каменец-Подольской губ. в семье торговца. Проживал в селе Саврань, занимался сельским хозяйством. В 1911 — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, позднее пострижен в мантию с именем Иоанн. В 1924 — после ликвидации монастыря ушел на Псху, поселился в пещере в скалах Св. Горы. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

РОМАНЦОВ Алексей Семенович, родился в 1898 в селе Шерстин Могилевской губ. в крестьянской семье. В 1914 — с семьей переселился на Псху. С 1918 — воевал в Белой армии, в боях под

Минеральными Водами и Георгиевском попал в плен, в 1919 — освобожден как рядовой. В 1920 — вернулся на Псху, поселился на хуторе Ригдза, крестьянин-единоличник. В 1929 — лишен избирательных прав за использование труда двух батраков. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян (семья приговорена к ограничению проживания в 6 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

РОНИН (РОНИС) Петр Петрович, родился в 1880 в селе Веги Лифляндской губ. в крестьянской семье. Получил среднее образование. Проживал в Елисаветполе, до 1918 — работал бухгалтером казначейства. В 1920-х — проживал в селе Шепси Туапсинского района, работал счетоводом на экскурсионной базе, занимался пчеловодством. 16 сентября 1929 — арестован как *«организатор монархических общин филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

РУМЯНЦЕВ Александр (Савва) Иванович, родился в 1875 в селе Вески Прудовской волости Тверской губ., сын торговца. Окончил сельскую школу. В 1898 — поступил в Старо-Афонский монастырь в Турции, пострижен в мантию с именем Савва, примкнул к имяславскому движению, в 1913 — вернулся в Россию. С 1914 — на Кавказе в медовеевских скитах, в 1924 — участвовал в объединительном съезде имяславцев, принял схиму с именем Савва. В апреле 1927 — с монахом Иларионом (Поповым) ушел на Псху, где вступил в тайную общину монашествующих, скрывавшихся в районе озера Рица. Весной 1930 — арестован как *«руководитель и идеолог контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и в начале июня заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

РЫБАКОВА Александра Герасимовна, родилась в 1884 в селе Козельщина Кременчугского уезда Полтавской губ. в крестьянской семье. Монахиня, странствовала по монастырям. С 1921 — в Туапсе, держала *«явочную»* квартиру, где

находили приют странники и церковные люди. 19 сентября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

РЫБАЛКИНА Анастасия Андреевна, родилась в 1900 в станице Усть-Джегутинская Баталпашинского уезда Армавирского округа в семье казаков. Окончила сельскую школу. Проживала в станице Усть-Джегутинская, занималась сельским хозяйством; в начале 1920-х — крестьянка-единоличница; помогала скрываться от ареста монашествующим нелегалам, предоставила подводу епископу Варлааму (Лазаренко) для срочного отъезда из станицы. 19 декабря 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ИТЛ концлагеря.

САВОНЕНКОВА Клавдия Ивановна, родилась в 1895 в Харьковской губ. в крестьянской семье. В 1908 — в монастыре пострижена в мантию, в середине 1920-х — находилась в урочище Чуро в верховьях реки Сочинки. 1 декабря 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

САВЧЕНКО Семен Дмитриевич, родился в 1870 в селе Перемой Воронежской губ. в крестьянской семье. Монах-скитник в селе Лесное Сочинского района. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам ссылки и отправлен в Севкрай.

САЕНКО Роман (Родион) Данилович. Пострижен в мантию с именем Родион, позднее рукоположен во иеромонаха, служил нелегально в молитвенных домах в станицах Белореченская и Георгиевская. В 1929 — во время массовых арестов успел скрыться. Заочно привлечен к следствию как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 2 января 1930 — заочно приговорен к 10 годам концлагеря и объявлен во всесоюзный розыск.

САЗОНОВА Любовь Ивановна, родилась в 1880 в Корневской волости в Рязанской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянка-единоличница. В 1926 — принята на послушание в Серафимо-Тихвинский скит в Канаш-Тапе. В сентябре 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

САСС Евдокия Ивановна, родилась в 1895 в Майкопе. Проживала в Майкопе, занималась домашним хозяйством; активная прихожанка Вознесенской церкви. 24 октября 1929 — арестована как *«участница Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам концлагеря и отправлена в лагерь.

САФОШКИН Аким Тарасович, родился в 1862 в селе Дурное Промского уезда Рязанской губ. в крестьянской семье. Проживал в станице Невинномысская Армавирского округа, занимался извозным промыслом, с 1918 — домовладелец и владелец кустарной мастерской по выделке валяных сапог. В середине 1920-х — организовал явочную квартиру для монашествующих нелегалов, стал связным епископа Варлаама (Лазаренко), скрывал его от ареста. 12 декабря 1929 — арестован как *«участник контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Северный край.

СВЕНСКИЙ Сергей Иванович, родился в 1879 в городе Вильманstrand Лапвессиского уезда Выборгской губ. (ныне Финляндия). Получил среднее образование. С 1891 по 1918 — проживал в Москве, работал в «Союзе городов», отпускал хирургические инструменты для больниц. С 1918 — проживал в городе Землянске Воронежской области, в 1920 — переехал в Майкоп, работал в конторе. 15 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*, обвинялся в том, что *«переписывал бумаги для организации»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

СВИДИНА Лидия (Рафаила) Лаврентьевна, родилась в 1900 в станице Суворовская Терской области в семье каза-

ков. С 1914 — находилась в Покровском женском монастыре под Екатеринодаром; с 1919 — в пустыньке «Темные Буки» на хуторе Псебепс; с 1921 — в пустыни Медовая у ручья Бирючка в Сочинском районе; пострижена в мантию с именем Рафаила. 9 октября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 3 годам концлагеря и отправлена в лагерь.

СВИДИНА Нина Лаврентьевна, родилась в 1907 в станице Суворовская Терской области в семье казаков. В середине 1925 — пострижена в монахини в медовеевских скитах иеромонахом Пансофием. 1 декабря 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 3 годам концлагеря и отправлена в лагерь.

СВИДИНА Софья (Серафима) Лаврентьевна, родилась в 1892 в станице Суворовская Терской области в семье казаков. С 1904 — в Покровском женском монастыре под Екатеринодаром. С 1916 — в пустыньке «Темные Буки» на хуторе Псебепс, с 1926 — в селе Молдовка под Адлером. 10 октября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 3 годам концлагеря.

СВИЦ Лука Трофимович, родился в 1877 в Екатеринославской губ. в крестьянской семье. Монах-скитник в селе Лесное Сочинского района. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

СЕДОВ Лаврентий Петрович, родился в 1880 в станице Дагестанская Терской области в семье казаков. В 1920 — участник восстания против советской власти, не был осужден. Крестьянин-единоличник, с 1926 — староста тихоновской церковной общины в станице. 12 декабря 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

СЕМЕНЮК Зинаида (Зиновия) Степановна, родилась в 1899 в деревне Барсуки Каменец-Подольской губ. в крестьянской семье. С 1916 — в Екатерининской пустыни под Москвой. В 1925 — пострижена в рясофор в Серафимо-Тихвинском скиту в Канаш-Тале под Туапсе. 19 сентября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам концлагеря.

СЕМИНОГ Моисей (Михаил) Ананьевич, родился в 1876 в селе Кисели Харьковской губ. в крестьянской семье. С 1903 — в Спасском скиту Змиевского уезда; с 1920 — в Свято-Михайловской Закубанской пустыни, посвящен в мантию с именем Михаил. В 1928 — тайно рукоположен во иеромонаха епископом Варлаамом (Лазаренко), служил в молитвенном доме в станице Пшехская. 12 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

СЕРГА Иван (Иероним) Васильевич. Пострижен в мантию с именем Иероним, позднее рукоположен во иеромонаха, затем в сан архимандрита. Игумен монашеской общины в станице Хадыженская, в середине 1920-х — служил там нелегально. В 1929 — во время массовых арестов верующих в Черноморье успел скрыться. Осенью 1930 — заочно привлечен к следствию как *«активный участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — заочно приговорен к ВМН и объявлен во всеобщий розыск.

СИВАШ Стефан (Сосипатр) Миронович, родился в 1874 в селе Петропавловка Бердянского уезда Таврической губ. в крестьянской семье. С 1901 — послушник в Ново-Афонском монастыре; в 1906 — пострижен в мантию с именем Сосипатр. С 1910 — служил на подворье Ново-Афонского монастыря в Санкт-Петербурге. В 1918 — рукоположен во иеродиакона, в 1920 — в сан иеромонаха. В 1922 — после захвата подворья в Петрограде обновленцами выехал в Новый Афон. С 1924 — после ликвидации монастыря ушел в пустынь на Псху. В мае 1929 — выехал в село Андреевка Екатеринославской губ. С февраля 1930 — жил

в пустыни в четырех верстах от села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды*» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

СИДОРОВ Василий (Виктор) Иванович, родился в 1885 в селе Гордеевка Нижегородской губ. в крестьянской семье. Окончил семь классов городского училища. С 1907 — находился в разных монастырях: Чудовском, Яранском, Соликамском; пострижен в мантию с именем Виктор. В 1929 — выехал на Псху, вступил в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся в районе озера Рица, затем ушел на хутор Ригдза. 24 апреля 1930 — арестован как «*член подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев*» и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества. В акте о расстреле 26 октября 1930 — его имени нет.

СИМОНЕНКО Исидор (Иоанникий) Игнатъевич, родился в 1874 в селе Савинок Черниговской губ. в крестьянской семье. В 1897 — поступил в монастырь на Св. Горе Афон, с 1908 — в монастыре на Одесском подворье, пострижен там в мантию с именем Иоанникий. С 1924 — после разгона монашествующих приехал на Псху и на хуторе Лакоба организовал скит Пророка Ильи. 23 апреля 1930 — арестован как «*участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев*» и допрошен на Псху. Дальнейшая судьба неизвестна.

СИНГАЛЕВИЧ Сергей Семенович, родился в 1865 в селе Яновка Радомысльского уезда Волынской губ. в крестьян-

ской семье. В 1919 — арестован по обвинению в шпионаже, но был освобожден. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1926 — поселился на хуторе рядом с селом Алмалук под Туапсе. В 1927 — пострижен в монашество епископом Варлаамом, руководил Пустынно-Тихвинским скитом в урочище Гишлу. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

СИТИКОВ Сергей Петрович, родился в 1885 в Киеве. Получил среднее образование, с 1909 — служил в народной школе. Женат на Марии Генриховне Ситиковой, урожд. Розен; с 1915 — проживал с семьей в Геленджике, имел часовую мастерскую. 19 октября 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

СИТИКОВА (урожд. Розен) Мария Генриховна, родилась в 1876 в Санкт-Петербурге. Вышла замуж за Сергея Петровича Ситикова, с 1915 — проживала с семьей в Геленджике, занималась домашним хозяйством. В октябре 1929 — арестована с мужем как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

СКАЗКИНА Лукерья (Лидия) Васильевна, родилась в 1906 в станице Псебай Кубанского округа в крестьянской семье. В начале 1920-х — вступила в тайную общину монашествующих нелегалов на хуторе Санчарский; пострижена в мантию с именем Лидия, посещала станицы Кубанского округа, вела активную агитацию за борьбу с советской властью. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница и связная подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

СКВОРЦОВ Влас Семенович, родился в 1870 в станице Белореченская Кубанской области в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник, позднее был объявлен кула-

ком и «обложен» большим налогом. 16 ноября 1929 — арестован по «делу Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

СКОРОХОДОВ Сергей Владимирович, родился в 1897 в Псковской губ. (по другим данным, в 1900 в Санкт-Петербурге) в семье морского офицера, известного толстовца. В начале 1900-х — проживал с семьей в Майкопе. Получил среднее образование, работал в учреждениях Майкопа. 29 октября 1929 — арестован как «активный участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

СКОТНИКОВА Лариса (Раиса) Васильевна, родилась в 1887 в Керчи. Поступила в женский монастырь, позднее пострижена в мантию с именем Раиса. В середине 1920-х — проживала в Геленджике, держала «явочную» квартиру, где останавливались монашествующие нелегалы. 1 декабря 1929 — арестована как «участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

СКРЕПЦОВ Петр (Пимен) Иванович, родился в 1876 в Майкопе в крестьянской семье. В 1899 — поступил послушником в Драндский Успенский монастырь; позднее пострижен в мантию с именем Пимен. В 1913 — ушел из монастыря в горы в район Ажары. В 1918 — перешел на Сухую речку в районе Георгиевского. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «в ведении религиозной пропаганды» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы, вновь приговорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

СМЕЛАЯ Матрена (Рафаила) Леонтьевна, родилась в 1905 в станице Андрюковской Кубанского округа в крестьянской семье. В начале 1920-х — в женском монастыре, в 1928 — пострижена в мантию с именем Рафаила, проживала на хуторе Теплый Кубанского округа. В 1929 — ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих на Святой Горе; по заданию руководителя общины активно проповедовала в станицах Кубани. 24 апреля 1930 — арестована как *«активная участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

СМИРНОВ Иаков (Иустин) Николаевич, родился в 1897 в Псковской губ. в крестьянской семье. С 1922 — работал в селе Угроды Киевской области, познакомился со священником Василием Подгорновым. В 1928 — направлен им к епископу Варлааму (Лазаренко) на Черноморье: стал его помощником, пострижен в мантию с именем Иустин, позднее посвящен во иеромонаха. В сентябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

СОКОЛОВ Иван Петрович, родился в 1896 на хуторе Родниковский Армавирского округа Кубанской области в крестьянской семье. В начале 1920 — крестьянин-единоличник. 25 января 1930 — арестован как *«участник Армавирского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

СОЛДАТЕНКО Роман Данилович, родился в 1899 в селе Винодельное Екатеринославской губ. в крестьянской семье. В 1927 — ушел на Псху, тайно принял монашеский постриг и направлен в тайную монашескую общину, скрывавшуюся на хуторе Ригдза. Направлялся руководителем общины в станицы Кубани, призывал верующих не подчиняться властям, не платить налоги. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник и разъездной агитатор подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен

в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

СОЛДАТОВА Гликерия (Валентина) Васильевна, родилась в 1877 в Кубанской области в крестьянской семье. В 1922 поступила в женский монастырь в Донской области, пострижена в мантию с именем Валентина. С 1927 — после ликвидации монастыря вела бродячий образ жизни. В 1928 — ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих у Святой Горы, посещала станицы и распространяла религиозную литературу. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

СОЛОВЬЕВА Таисия Федоровна, родилась в 1865 в селе Вельдяжка Орловской губ. в крестьянской семье. В 1917 — поступила в женский монастырь, пострижена в мантию, с 1918 — вела бродячий образ жизни, в 1926 — ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих у Святой Горы. 25 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

СОПНЕВ Павел (Петр) Тимофеевич, родился в 1877 в станице Хадыженская Майкопского уезда Кубанской области в семье казаков. Брат Прокофия Тимофеевича и дядя Георгия Прокофьевича Сопневых. Проживал в станице Хадыженская, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В середине 1920-х — пострижен в мантию с именем Петр. В июне 1929 — посвящен во иеромонаха епископом Варлаамом (Лазаренко), служил тайно на хуторе Хумара, оборудовав для молений погреб. 11 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

СОПНЕВ Прокофий Тимофеевич, родился в 1864 в станице Грушевская Александровского уезда Кубанской области в семье

казаков. Брат Павла Тимофеевича Сопнева. Проживал в станице Грушевская, занимался сельским хозяйством, в 1912 — атаман станицы, в 1914 — во время Первой мировой войны служил в казачьих войсках. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник; в 1928 — за неуплату налога отбыл два месяца заключения. Участвовал в тайных богослужениях, причащался у епископа Варлаама (Лазаренко). 10 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

СОПНЕВ Георгий Прокофьевич, родился в 1892 в станице Хадыженская Кубанской области в семье казаков (сын Сопнева Прокофия Тимофеевича, племянник Сопнева Павла Тимофеевича). Получил среднее образование. Проживал в станице Хадыженская, занимался торговлей, в 1912–1915 — держал бакалейную лавку; член тайной тихоновской церковной общины. 23 ноября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

СОРОКИНА Параскева (Поликсена) Георгиевна, родилась в 1859 в Екатеринодаре в крестьянской семье. Проживала в Екатеринодаре, занималась домашней работой. В 1918 — пострижена в мантию с именем Нина. До 1924 — проживала при Ново-Афонском монастыре, после ликвидации монастыря ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих у Святой Горы; посвящена в схиму с именем Поликсена. 24 апреля 1930 — арестована как *«член подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

СТАВИЦКАЯ Мария (Лидия) Максимовна, родилась в 1885 в селе Ново-Павловка Старо-Бельского уезда Харьковской губ. в крестьянской семье. В 1902 — поступила в Команский женский монастырь, пострижена в мантию с именем Лидия. В 1925 — после ликвидации монастыря ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся на озере Рица; по указанию руководителя посещала станицы Кубанского

округа как разъездная проповедница. 24 апреля 1930 — арестована как *«член подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

СТАДНИКОВ Андрей Терентьевич, родился в 1851 в Курской губ. в крестьянской семье. В 1900-х — поступил в монастырь, позднее пострижен в мантию. В 1920-х — проживал в селе Лесное Сочинского района, организовывал и принимал участие в тайных богослужениях в своем доме. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Севкрай.

СТАРЧЕНКО Иван Петрович, родился в 1905 в селе Ломовское Кривецкого уезда Орловской губ. в крестьянской семье. В 1922 — призван в ряды Красной армии, в 1924 — после демобилизации работал учителем по ликвидации неграмотности среди красноармейцев. В 1928 — ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих на хуторе Санчарский, пострижен в монашество (монашеское имя на допросах не сказал). 24 апреля 1930 — арестован как *«активный участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

СТАСЕВСКИЙ Никита (Никодим) Максимович, родился в 1886 в станице Кардоникская Баталпашинского уезда Армавирского округа в семье казаков. Поступил в монастырь, позднее пострижен в мантию с именем Никодим, после закрытия монастыря вернулся в станицу Кардоникская, занимался сельским хозяйством. В 1926 — арестовывался за религиозные беспорядки, но вскоре был освобожден. Поселился в станице Зеленчукская. В 1929 — помог скрыться епископу Варлааму (Лазаренко). 12 декабря 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

СТАСЮКОВА Анна (Нина) Афанасьевна, родилась в 1894 в селе Койлице Васильевского уезда Киевской губ. в крестьянской семье. В 1910-х — поступила в Команский женский монастырь, пострижена в мантию с именем Нина. В 1926 — после ликвидации монастыря ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся на Святой Горе. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

СТЕПАНКОВА Прасковья (Пелагея) Ивановна, родилась в 1883 в селе Галыбзино Орловской губ. в крестьянской семье. В 1905 — поступила в женский монастырь, позднее пострижена в мантию с именем Пелагея. С 1924 — проживала на хуторе Рیشهвей, вступила в тайную общину монашествующих на хуторе Ригдза. В начале 1930 — в связи с начавшимися арестами ушла из Псху, пыталась нелегально перебраться в Болгарию. 26 мая 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 10 июня заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

СТЕРЦУМ Дмитрий Ефимович, родился в 1878 в селе Митрофановка Екатеринославской губ. в крестьянской семье. С начала 1900-х — служил рядовым в русской императорской армии, в 1914 — во время Первой мировой войны на фронте. После 1918 — ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих на хуторе Ригдза, ходил по станицам и агитировал верующих на борьбу с властями. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

СТОЯН Иван Терентьевич, родился в 1872 в станице Невинномысская Армавирского округа в крестьянской семье. В начале 1920-х — занимался извозным промыслом, в середине 1920-х —

лишен избирательных прав как домовладелец; стал связным епископа Варлаама (Лазаренко), укрывал в своем доме монашествующих нелегалов. В 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и расстрелян (семья приговорена к 3 годам ссылки).

СТРЕБИЖ Амвросий Михайлович, родился в 1875 в Сочинском округе в крестьянской семье. Проживал в селе Новый Афон, держал *«явочный»* дом и прятал там тайное монашество. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Севкрай.

СТУДЕНЦОВ Кирилл Еремеевич, родился в 1889 в станице Хадыженская Кубанской области в семье казаков. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. 15 октября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН с заменой на заключение в концлагерь на 10 лет и отправлен в лагерь.

СУЕТИНА Ольга Афанасьевна, родилась в 1879 в селе Могиле Веневского уезда Тульской губ. в крестьянской семье. С 1918 — работала в «Союзе питания», в 1926 — вышла на пенсию, инвалид. В 1929 — приехала на хутор Гишла и проживала в тайном пустынно-тихвинском скиту. 19 сентября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

СЮСЮКАЙЛО Илья Романович, родился в 1884 в селе Масловка Новооскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. Окончил двухклассное училище. В 1915 — призван в армию, в 1917 — после демобилизации рукоположен во иерея. Проживал в селе Казьминское Армавирского уезда, служил в местной церкви, выступал с проповедями. 2 декабря 1929 — арестован как *«участник Армавирского филиала контрреволюцион-*

ной церковно-монархической организации ИПЦ». 27 февраля 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

ТКАЧЕНКО Дмитрий Никитович, родился в 1899 в станции Невинномысская Армавирского округа в крестьянской семье. С 1920 — воевал в учебно-пулеметной команде Белой армии, в 1921 — призван в Красную армию, после демобилизации — крестьянин-единоличник; оказывал приют монашествующим нелегалам, скрывал от ареста руководителей тайных общин. 19 декабря 1929 — арестован как «участник Армавирского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации». 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

ТОМИЛИН Иван Григорьевич (Георгиевич), родился в 1898 в селе Палагиады Екатеринославского уезда и губ. в крестьянской семье. Получил военное образование. Проживал в Тифлисе, служил военным летчиком в школе авиации. После революции проживал в селе Палагиады Екатеринославского округа, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник, в середине 1920-х — раскулачен за использование наемного труда и лишен избирательных прав. Бежал на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как «участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяславецев» и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ТОРОСЕВИЧ Михаил (Модест) Фомич, родился в 1863 в деревне Пеньки Белостокского уезда Гродненской губ. в крестьянской семье. В 1890 — поступил послушником в Ново-Афонский монастырь; позднее пострижен в мантию, затем принял схиму с именем Модест. С 1924 — после выдворения из монастыря властями проживал в келье в четырех верстах от села Георгиевское. В мае 1930 — арестован и приговорен к высылке из пределов Абхазии с конфискацией имущества. 12 июня 1930 — отправлен по этапу из Сухумской тюрьмы в Тбилиси. 24 сентября 1930 — приговорен по обвинению «в ведении религиозной пропаганды» к 3 годам заключения в исправительный дом с зачетом предварительного заключения. В мае 1932 — освобожден по амнистии. В августе 1932 — после гневного письма из Москвы вновь при-

говорен к 3 годам исправительной колонии с зачетом предварительного заключения от 6 мая. Оставался в Грузии, направлен в Тбилисскую исправительно-трудовую колонию, работал в колхозе. 14–15 июня 1933 — приговорен к одному году принудительных работ, оставшийся по старому приговору срок заключения было принято считать условным, из-под стражи освобожден.

ТРЕТЬЯКОВ Андрей (Адриан) Иванович, родился в 1905 в селе Беловодское Старобельского уезда Харьковской губ. в крестьянской семье. Проживал в селе Винодельное Екатеринославского уезда, занимался сельским хозяйством, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник. В 1928 — ушел на Псху, пострижен в монашество с именем Адриан. В 1929 — направлен в Кубанскую область, обошел станицы Терновка, Белоглинка, Покровка, Бесскорбная и другие, проводя активную агитацию против мероприятия советской власти, по возвращении скрылся от ареста в Баку, позднее вернулся на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«активный участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

ТРЕТЬЯКОВ Иван Иванович, родился в 1908 в селе Винодельное Ставропольской губ. в крестьянской семье. В середине 1920-х — ушел на Псху, вступил послушником в тайную монашескую общину на хуторе Ригдза. С 1929 — посещал станицы Кубанского и Майкопского округов, агитировал верующих не подчиняться властям. 22 апреля 1930 — арестован как *«участник и разъездной агент подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества с заменой на 10 лет концлагеря и отправлен в лагерь.

ТРЕТЬЯКОВ Петр Иванович, родился в 1893 в селе Винодельное Ставропольской губ. в крестьянской семье. Проживал в селе Винодельное, занимался торговлей. В 1919 — призван в Красную армию, служил рядовым, в 1921 — после демобилизации проживал в селе Винодельное, крестьянин-единоличник. В середине 1920-х — ушел на Псху, вступил в тайную мона-

пешскую общину. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации мяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ТЫРИМОВ Павел Минаевич, родился в 1885 в Твери в мящанской семье. Получил среднее образование. Анархист, в начале 1900 — эмигрировал в Европу, в 1915 — вернулся в Россию, с 1917 — примкнул к «толстовцам». В середине 1920-х — проживал в поселке Змейка под Сочи. В октябре 1929 — арестован как *«руководитель ячейки Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

УВАРОВ Лаврентий Наумович, родился в 1897 в станице Махашевская Кубанской обл. в семье казаков. С начала 1920-х — крестьянин-единоличник; с 1921 — в резерве милиции, с 1928 — работал на строительстве узкоколейки. 1 декабря 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

УВАРОВА Евдокия Максимовна, родилась в 1869 в Ставропольской губ. в крестьянской семье. Поступила в Кизлярский монастырь. После закрытия монастыря ушла на Кавказ, с середины 1920-х — находилась в местечке Шуюк Сочинского района в тайном скиту игуменьи Антонины (Покровской). 1 декабря 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

УДОЛЕНКО Егор Антонович, родился в 1899 в станице Пшехская Кубанской области в семье казаков. В 1919 — во время Гражданской войны мобилизован в Белую армию, в 1920 — арестован, приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь. В 1921 — освобожден из лагеря по амнистии, вернулся в станицу Пшехская, состоял в тихоновской церковной общине. 21 декабря 1929 — арестован по делу *«Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ФЕДОРОВ Павел Григорьевич, родился в 1891 в селе Ступинка Смоленской губ. в крестьянской семье. В 1918 — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С 1924 — после закрытия монастыря ушел в горы, находился в урочище Чуро в верховьях реки Сочинки. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

ФЕДОРЧЕНКО Павел Иванович, родился в 1885 в станице Дагестанская Кубанской обл. в семье казаков. В 1914 — во время Первой мировой войны на фронте был ранен, после выздоровления отпущен домой, занимался сельским хозяйством, с начала 1920-х — крестьянин-единоличник, в 1926 — организатор и член церковного совета тихоновской общины в станице. 12 декабря 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ХАЛЯВА Лука Александрович, родился в 1899 в селе Благовещенское Александровского уезда Екатеринославской губ. в крестьянской семье. Проживал в Ставрополе, занимался сельским хозяйством; за изготовление фальшивых монет должен быть арестован, но скрылся и бежал на Псху. Поселился на хуторе Лакоба, в начале 1920-х — крестьянин-единоличник; вступил в тайную ячейку истинно-православных христиан; ходил по хуторам и агитировал не подчиняться советской власти, не платить налогов. В апреле 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян (семья приговорена к ограничению проживания в 7 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

ХАРЬКОВСКИЙ Георгий Несторович, родился в 1888 в станице Пшехская Кубанской области в семье казаков. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник; член тихоновской церковной общины. 2 декабря 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН с заменой на заключение в концлагерь на 10 лет и отправлен в лагерь.

ХАРЬКОВСКИЙ Тарас Семенович, родился в 1862 в станице Пшехская Кубанской области в семье казаков. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник; член тихоновской церковной общины. 28 ноября 1929 — арестован как *«участник Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ХАЦКИЙ Герасим Андреевич, родился в 1871 в станице Архангельская Кубанской области в семье казака. С 1912 — проживал в Екатеринодаре, работал фотографом в ателье; с 1916 — служил стрелочником на железной дороге. В 1922 — тайно пострижен в мантию, в середине 1920-х — находился в урочище Чуро в верховьях реки Сочинки. 28 ноября 1929 — арестован в селе Медовеевка как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ХОРИНА Зинаида Платоновна, родилась в 1895 в станице Пашковская Кубанского округа в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянка-единоличница. В конце 1920-х — после разорения хозяйства ушла на Псху, находилась в тайной общине монашествующих нелегалов, скрывавшихся около озера Рица. 24 апреля 1930 — арестована как *«член подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

ХРОМЕЕВ Феодосий Андреевич, родился в 1888 в селе Шерстино Могилевской губ. в крестьянской семье. В 1918 — ушел на Псху, поселился на хуторе Битага, занимался сельским хозяйством, с 1920 — крестьянин-единоличник. В апреле 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ХУДЯКОВА Мария (Михаила) Петровна, родилась в 1884 в Ярославской губ. в крестьянской семье. С начала 1920-х — крестьянка-единоличница. Осенью 1923 — поступила в Полтавский женский монастырь, пострижена в мантию с именем Михаила.

Весной 1924 — выехала в Сухуми, затем ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих на хуторе Ригдза. Посещала станицы в Кубанском округе, агитировала верующих на борьбу с советской властью. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации и мяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

ХУМУРДЖИ (ГУМУРЖИ) Пелагея Федоровна, родилась в 1893 в деревне Стыло Екатеринославской губ. в крестьянской семье. В 1920 — ушла в Кизлярский монастырь. В 1923 — с игуменьей Антониной находилась в местечке Шуюк под Туапсе в тайном скиту. 18 сентября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 3 годам концлагеря условно.

ЦЕГИКАЛО Анастасия Васильевна, родилась в 1860 в Черниговской губ. в крестьянской семье. С 1889 — в Успенском Каменском монастыре Новозыбковского уезда, позднее пострижена в мантию. С середины 1920-х — на хуторе Гишла под Туапсе. 18 сентября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ЦЕГИКАЛО Марина Константиновна, родилась в 1889 в Черниговской губ. в крестьянской семье. В 1908 — поступила в Успенский Каменский монастырь. После закрытия монастыря вместе с тетей А. В. Цегикало с середины 1920-х — на хуторе Гишла, посещала верующих в Туапсинском районе. 20 сентября 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ЧАПРАКОВ Андрей Алексеевич, родился в 1896 в станице Сторожевая Кубанского округа в крестьянской семье. В 1919 — воевал рядовым в Белой армии, в начале 1920-х — после разгрома белых вернулся в станицу Сторожевая, крестьянин-единоличник. Скрывал в своем доме иеромонаха Иеронима (Попова); получал на свое имя письма для него от иеромонаха

Саввы (Румянцева). 26 мая 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 10 июня заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян (семья приговорена к ограничению проживания в 7 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

ЧЕРНЫШЕВ Паисий Ефимович, родился в 1884 в Курской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — крестьянин-единоличник. С середины 1920-х — находился в урочище Чуро в верховьях реки Сочинки. 11 октября 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

ЧИЖОВ Иван (Иоанн) Зиновьевич, родился в 1862 в Пермской губ. в мещанской семье. С 1882 — находился в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре, с 1901 — в Ахталском и Кобенском монастырях в Грузии, с 1914 по 1917 — в Федоровском монастыре в Городце Нижегородской губ. Пострижен в мантию с именем Иоанн, затем посвящен во иеромонаха. С 1921 — служил священником в церкви села Каратал Оренбургской губ., с 1923 — в селе Молдовка под Адлером. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ЧИЖОВ Павел Иванович, родился в 1890 в Сыр-Дарьинской губ. (Туркестан) в крестьянской семье. С 1920 — проживал в станице Тульская, служил псаломщиком. С 1928 — проживал в станице Дагестанская, в апреле 1929 — рукоположен во священника, служил в молельном доме в станице Курджипская. 11 октября 1929 — арестован как *«участник и член Совета Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ЧИКАНОВ Алексей (Александр) Васильевич, родился в 1878 в селе Николово Тихвинского уезда Новгородской губ. в крестьянской семье. С 1923 — насельник Ново-Афонского Си-

моно-Кананитского монастыря в Абхазии, пострижен в мантию с именем Александр. В 1924 — после закрытия монастыря ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник контрреволюционной церковно-монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлен в Белбалткомбинат. В 1936 — освобожден из лагеря досрочно.

ЧИКОРСКАЯ Надежда (Рафаила) Федоровна, родилась в 1884 в Василькове Киевской губ. в крестьянской семье. В 1910 — поступила в Старо-Костычевский женский монастырь в Симбирской губ., позднее пострижена в мантию с именем Рафаила. После закрытия монастыря выехала на Кавказ, в середине 1920-х — находилась в урочище Пеус под Туапсе. В сентябре 1929 — арестована как *«участница Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ЧУБУКОВА Татьяна (Елеферия) Дмитриевна, родилась в 1884 в Уфе в крестьянской семье. В 1903 — поступила в Уфимский женский монастырь, пострижена в мантию с именем Елеферия. С 1923 — после ликвидации монастыря вела бродячий образ жизни, в 1926 — ушла на Псху. 24 апреля 1930 — арестована как *«член подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

ЧУБЧЕНКО Трофим (Иосиф) Анисимович, родился в 1877 в селе Петропавловка Екатеринославской губ. В 1900 — поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии, пострижен в мантию с именем Иосиф. С 1924 — после закрытия монастыря ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ШАРОВА Матрена Яковлевна, родилась в 1874 в селе Нижнее Толчеево Богучарского уезда Воронежской губ. в крестьянской

семье. Проживала в Туапсе, член тайной тихоновской общины; стала связной для епископа Варлаама, передавала ему письма и от него монашествующим. 3 октября 1929 — арестована как *«участница Туапсинской группы Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Севкрай.

ШЕЛИХ Федор Андреевич, родился в 1872 в станице Хадзыженская Кубанской области в семье казака. В 1913 — урядник станицы. В 1918 — член Кубанской рады. 8 декабря 1929 — арестован по *«делу Майкопского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ШИЛКИН Андрей (Алексий) Семенович, родился в 1883 в Рязанской губ. В 1900 — выехал на Кубань, поступил в монастырь, в 1907 — пострижен в мантию с именем Алексий, в 1919 — посвящен в иеромонаха. С 1924 — находился в тайном скиту игуменьи Антонины (Покровской) в селе Шуюк под Туапсе. В октябре 1929 — арестован как *«участник Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 27 февраля 1930 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в лагерь.

ШПЫХОВ Емельян Николаевич (Никонович), родился в 1864 в селе Юровское Трубчевского уезда Орловской губ. в крестьянской семье. В 1920 — ушел на Псху, поселился на хуторе Битага, крестьянин-единоличник; в 1924 — пострижен в мантию. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

ШПЫХОВА Надежда (Иулитта) Емельяновна, родилась в 1895 в селе Шилок Кубанского округа в крестьянской семье. В 1920 — ушла на Псху, вступила в тайную общину монашествующих на хуторе Санчарский; пострижена в мантию с именем Иулита. 24 апреля 1930 — арестована как *«участница подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации имяславцев»* и 8 мая заключена в Новороссийскую

тюрьму. 8 октября 1930 — приговорена к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества и отправлена в лагерь.

ШОВТЕНКО Фома (Феодосий) Александрович, родился в 1895 в селе Каплицы Васильевского уезда Киевской губ. в крестьянской семье. Служил в русской императорской армии, дослужился до унтер-офицера. В 1910 — после демобилизации поступил в Драндский Успенский мужской монастырь близ Сухуми, позднее пострижен в мантию с именем Феодосий, В 1924 — ушел на Псху, вступил в тайную общину монашествующих на хуторе Санчарский, был связным общины. 24 апреля 1930 — арестован как *«участник и связной подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации и мяславец»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

ЩЕГОЛЬКОВ Федор (Феодор) Мануйлович, родился в 1875 в станице Усть-Хоперская Донского округа в крестьянской семье. С 1914 — монашествовал на Псху. В 1929 — вступил в тайную общину монашествующих нелегалов, скрывавшихся в районе озера Рица. 20 апреля 1930 — арестован как *«участник подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации и мяславец»* и 3 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян.

ЮШКО Трофим Ефимович (или Ефим Трофимович), родился в 1877 в селе Матронощеве Воронежской губ. в крестьянской семье. В 1914 — во время Первой мировой войны на фронте санитаром; в 1918 — после демобилизации проживал в селении Киселево Екатеринославского округа, занимался сельским хозяйством, крестьянин-единоличник. С 1926 — поселился в станице Хадыженская Майкопского округа. В 1928 — ушел на Псху. 24 апреля 1930 — арестован как *«член подпольной ячейки контрреволюционной монархической повстанческой организации и мяславец»* и 8 мая заключен в Новороссийскую тюрьму. 8 октября 1930 — приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 26 октября расстрелян (семья приговорена к ограничению проживания в 7 городах, пограничных пунктах и Закавказье на 3 года).

Библиография

Архивные источники

Архив Министерства внутренних дел Грузии: Д. 10045. Л. 432. (Следственное дело по обвинению Лузгина Ф. А. и других монахов, арестованных в районе села Георгиевского Цебельдинского района — 1930 года).

Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Краснодарскому краю:

Архив УФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-54881. (Следственное дело по обвинению Лазаренко и др. — 1929–1930 годов).

Архив УФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-46014. (Следственное дело «*Монархической повстанческой организации, действовавшей на территории Псху — озера Рица*» — 1930 года).

Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области:

Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. В 4 т. (Следственное дело по обвинению архиепископа Димитрия (Любимова) и др. — дело «*Контрреволюционной организации "Иосифлян"*» 1929–1930 годов).

Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. В 9 т. (Следственное дело по обвинению епископов Сергия (Дружинина), Василия

(Докторова) и др. — дело о «*Контрреволюционной монархической организации "Истинно-Православных"*» 1930–1931 годов).

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области:

ГАОПИ Воронежской области. Ф. 9323. Оп. 2. Д. 24705. (Следственное дело «*Контрреволюционной церковно-монархической организации "БУЕВЦЕВ"*» 1930 года).

Государственный архив Российской Федерации:

ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Выписки из журналов Архиерейского Синода, переписка с Патриархом Московским Тихоном, митр. Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России.

ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Дело митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж, 1929 год.

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации:

ЦА ФСБ РФ. Д. Р–49509. Следственное дело «*Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"*» 1930–1931 годов.

Личный архив составителя. «Близ заката. Современные пустынножители в горах Кавказа» (из бумаг М. А. Новоселова). Машинопись.

Использованная литература

Акты Святейшего Патриарха Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. И. Губонин. — М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт: Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994.

Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. Свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.

- Аристоклий, монах.* Зосимовский патерик: житие святых и подвижников благочестия Свято-Смоленской Зосимовой пустыни. — Б. м.: Зосимова пустынь, 2012.
- Архив священника Павла Флоренского. — Вып. 2: Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова / Сост. игумен Андроник (Трубачев). — Томск: Водолей: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского. 1998.
- Беседа двух друзей // Православная жизнь. — 1999. — № 6.
- Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода Н. Д. Жевахова. — Т. 1. — Мюнхен, 1923.
- Восторгов Иоанн, прот.* Очерк истории Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. — Салоники, 1996.
- Бронзов А. А.* Архимандрит Иерон, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря // Христианское чтение. — 1913. — № 5.
- Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на берегу Черного моря, в Абхазии, вблизи Сухуми / Сост. И. Н. — Одесса, 1901.
- Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов). — М.: Братонез, 2010.
- Гершензон-Чегодаева Н. М.* Первые шаги жизненного пути. — М.: ИД «Захаров», 2000.
- Дневник епархиального миссионера священника К. А. Попова // Ставропольские епархиальные ведомости. — 1891. — № 12.
- Денисов Л. И.* Православные монастыри Российской империи. — М., 1908.
- Духовное завещание схиигуменьи Иоанны (Саниной) // Суздальские епархиальные ведомости. — 1999. — № 8.
- Жизнеописание старца иеросхимонаха Стефана (Игнатенко). — М.: Новая книга: Ковчег, 2002.
- Забывтые страницы русского имяславия: Сборник документов. — М.: Паломник, 2001.
- Записки монаха-исповедника. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001.
- Княгиня Урусова Н. В.* Материнский плач Святой Руси. — М.: ИД «Русский Паломник», 2006.
- Королева В. В.* Иосифлянская община в г. Алма-Ате в 1935–1937 гг. // XVI Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2006 г. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2006.

- Косик О. В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). — М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.
- Красковский И. Ф.* Игумен русских святогорцев. — Репр. изд. 1889. — М., 1998.
- Мазырин Александр, иерей.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2006.
- Мазырин Александр, иерей.* Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра, митрополита Крутицкого // Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). — М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.
- Миссионерское обозрение. — 1913. — № 1.
- Монахиня Сергия (Клименко).* Минувшее разворачивает свиток... — Самара: Самарский дом печати, 2008.
- Осипова И. И.* Сквозь огонь мучений и воду слез...: Гонения на Истинно-Православную Церковь. — М.: Серебряные нити, 1998.
- Половнев И.* Страна Псху. — Сухум: Абгосиздат, 1931.
- Польский Михаил, протопресвитер.* Новые мученики Российские: в 2 ч. — Ч. 1–2. — Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). — М.: Светлячок, 1994.
- Пришвина В. Д.* Невидимый град. — М.: Мол. гвардия, 2002.
- Свенцицкий В.* Граждане неба. Мое путешествие к пустынным Кавказских гор. — Изд. группа Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского монастыря, б. г.
- Св. Игнатий Брянчанинов.* Аскетические опыты. — Т. 1. — Репр. воспр. изд. 1886. — М.: Правило веры, 1993. — С. 454–472.
- Св. Феофан Затворник.* Созерцание и размышление. — М.: Правило веры, 2000.
- Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. — М.: Братонеж, 2008.
- Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский. Жизнеописание и труды. — СПб.: Кифа — М.: Братонеж, 2011.
- Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. — М.: Братонеж, 2009.
- Священник Михаил.* Положение Церкви в Советской России. — Иерусалим, 1931. — СПб., 1995. — (Приложение к православному журналу «Возвращение»).

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. — Т. 1. — Ч. 1–2. — М.: Вагриус, 2008.

«Тайный» епископ Серпуховской Максим (Жижиленко). Сподвижники его и сострадалцы. Жизнеописания и документы. — М.: Братонез, 2014.

Четверухина Евгения. Удалился от мира. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.

Церковные ведомости. — 1913. — № 35.

Архимандрит Арсений Корди. Письма. Из архива Елены Давыдовны Арманд. — URL: <http://krotov.info/history/20/1920/1929kordi...>

Информация из электронной базы данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans.

Александр Бабич. Дело об Иверско-Алексеевской женской обители. — URL: <http://www.proza.ru/2016/08/26/854>.

История возникновения и развития Туапсинских поселков: Словарь-справочник, составленный В. Н. Сапелкиным. — URL: <http://www.kurorttuapse.ru/history/z.htm>.

Волошин В. А. и Кучеров Н. А. Есаул Козлов. Публикация Отраденского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца. — URL: http://roia.otradnaya.com/files/VoloshinVA_KucherovNA_Esaul_Kozlov.pdf...

Список сокращений

адмотдел	— административный отдел
г.	— город
губ.	— губерния
ВЦИК	— Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВВЦС	— Временный Высший Церковный Совет
ВМН	— высшая мера наказания
ВЦС	— Высший Церковный Совет
ВЦУ	— Высшее Церковное Управление
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГА	— Государственный архив
ГУЛАГ	— Государственное управление лагерей
к/р.; к-р.	— контрреволюционный
ИПЦ	— Истинно-Православная Церковь
ИТД	— исправительно-трудовой дом
КГБ	— Комитет государственной безопасности
КНБ	— Комитет национальной безопасности
ККОВ	— комитет крестьянского общества взаимопомощи
ЛО	— Ленинградская область
МВД	— Министерство внутренних дел
МОНО	— Московский отдел народного образования
НИПЦ	— Научно-информационный просветительский центр
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКЮ	— Народный комиссариат юстиции

облисполком	—	областной исполнительный комитет
ОГПУ	—	Объединенное Главное политическое управление
прот.	—	протоиерей
Помполит	—	Помощь политическим заключенным
Политбюро	—	Политическое бюро
ПСТВИ	—	Православный Свято-Тихоновский богословский институт
ПСТГУ	—	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РПЦЗ	—	Русская Православная Церковь за границей
РСФСР	—	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	—	Российская Федерация
соввласть	—	советская власть
СО	—	секретный отдел
СПб.	—	Санкт-Петербург
СССР	—	Союз Советских Социалистических Республик
УФСБ	—	Управление Федеральной службы безопасности
ФСБ	—	Федеральная служба безопасности
ЦА	—	Центральный архив
ЦГА	—	Центральный государственный архив
ЦГИА	—	Центральный государственный исторический архив
ЦИК	—	Центральный исполнительный комитет
ЦК	—	Центральный комитет

Именной указатель³⁵⁵

- Абакумов Иван (Ипатий) Павлович 367, 469, 558
Абраменко Ирина Герасимовна 558
Алексеев (Арсений), игумен 480, 481, 485, 488
Алексеев Корнилий (Климентий) Николаевич 42, 57, 58, 113, 121, 558
Алексеев Сергей (Сосифей) Павлович 437, 469, 559
Алеханов 362, 371
Алимов Александр Алексеевич 57, 58, 92, 114–118, 121, 124, 223, 559
Алимова Екатерина Максимовна 124, 125
Алифанов Моисей Парамонович 125, 224, 559
Андреев Федор Константинович 157, 179, 193, 195, 196, 296
Андрианьчева Евдокия Ивановна 77, 79, 559
Анохин Николай Сидорович 127, 224, 560
Арманд Елена Давыдовна 53, 175, 180, 250
Апполонский Иосиф Михайлович 428, 560
Артемьев Алексей (Александр) Васильевич 416, 469, 560
Астахов Мартын (Моисей) Кондратьевич 42, 57, 58, 108, 113, 115, 120, 144, 223, 561
Бабич Александр 333–336
Базыкин Никанор (Петр) Ефремович 42, 56, 58, 108, 112–115, 120, 128, 223, 561
Балдесов Феофилакт (Фалалей) Федорович 561
Баль Иван (Игорь) Григорьевич 65, 93, 106, 129, 131, 143, 148, 223, 300, 562
Балюк Анастасия Ивановна 562
Баринова Елена Федоровна 134, 562
Барошников Дмитрий (Дионисий) 79–82
Бахталовский Яков (Исаак) Сидорович 562–563
Бачурин Михаил Яковлевич 563
Белобородова Параскева (Мария) Никифоровна 410, 563
Белова Мария (Олимпиада) Федоровна 76, 79, 88, 563
Белоконь (Мартиниан), схимонах 343, 344
Белых Петр (Патрикий) Васильевич 329–332, 341, 352

³⁵⁵ Указатель строится по алфавитному списку фамилий, в том числе и монашествующих, монашеские имена даются в скобках.

- Беляев Василий (Викторин) Андреевич 369, 370, 401, 419–426, 449, 468, 563, 564
- Бессараб Иван (Иоанн) Емельянович 564
- Бирон Людмила Дмитриевна 209, 210, 279
- Бирон Михаил Николаевич 209, 210
- Благовидов Михаил (Макарий) Иванович 449–456, 564
- Бобакова Параскева Ивановна 565
- Бобовников А. Ф.
- Бобрышева Мария Кузьминична 118, 565
- Боголюбов Николай (Николай) Антонович 518–520, 531, 542, 565
- Богуславский Николай (Николай) Лаврентьевич 415–418, 469, 566
- Бодовский Иван Мефодьевич 566
- Болдинов Семен Иванович 566
- Бондаренко Дмитрий (Дамиан, Даниил) Васильевич 24, 25, 171–183, 186, 223, 224, 261–275, 278, 281, 283, 284, 472–475, 512–518, 523, 566
- Бондаренко Леонтий Трофимович 428, 567
- Бочарников Никифор Петрович 567
- Бровчук Нестор Ерофеевич 567
- Брюханова Мария (Магдалина) Федоровна 77
- Брюховецкая Анна Николаевна 157
- Булатович Александр (Антоний) Ксаверьевич 326, 478–480, 483, 486–489, 491–493, 496
- Булгаков Иван (Серафим) Климентьевич 202, 567
- Бурданова Марина (Мария) Станиславовна 225, 227, 232, 233, 250, 251, 280, 297, 568
- Буханов Павел Сильвестрович 568
- Варфоломеев Иван Тимофеевич 568
- Варфоломеева Марфа Тимофеевна 569
- Василенко Моисей (Михаил) 526, 532, 539
- Васильев Иван (Иерон) Васильевич 15–17, 20, 21, 26–31
- Васильченко Михаил (Мефодий) Иванович 224, 569
- Велихов Сергей Николаевич 63, 224, 570
- Величко Терентий (Тит) Иванович 453, 525, 534, 538, 539, 570
- Виноградов М., священник 334
- Вишняков Меркурий Семенович 469, 570
- Войтенко Григорий (Аркадий) 525, 531, 571
- Волков Г., староста
- Волков Федор (Иоанн) Григорьевич 571
- Волков (Феодосий), иеромонах 367, 388–390, 397, 402–405, 414, 415, 424, 442
- Волошин Владимир Алексеевич 506
- Волошин Николай Степанович 439, 469, 571–572
- Ворожеева Ефимия-младшая (Серафима) Тихоновна 407, 410, 572
- Ворожеева Ефимия (Херувимия) Тихоновна 407, 572
- Воронин Николай Васильевич 128, 224, 572
- Восторгов Иоанн, протоиерей 16
- Высоцкий Павел (Онуфрий) Васильевич 136–139, 165, 166, 224, 452, 573
- Гавриил, схииеромонах 320, 358, 402, 406–409, 417, 418, 424–429, 439, 444, 450
- Гвоздев Сергей Никифорович 526, 532, 573
- Генба Гурий Яковлевич 428, 469, 573
- Генералов Александр Яковлевич 117, 118, 574
- Генералова Анна Яковлевна 117, 574
- Герасимова Дарья (Дария) Агеевна 409, 574

- Гершуненко Мария (Маргарита) Ефимовна 90, 91, 94, 98–102, 106, 136, 147, 148, 150, 574
- Гиргич Трофим (Николай) Семенович 461
- Гладков Павел Алексеевич 575
- Глеков Никита Иванович 127, 224
- Голиков Дмитрий (Димитрий) Иванович 458–460, 469, 575
- Головко Алексей (Антонин) Иванович 418, 427–429, 469, 575
- Голощанов Серафим, иеромонах 554
- Головочанский Михаил (Мартиниан) Константинович 457, 458, 576
- Горбатовский Иван Спиридонович 127, 128, 224, 576
- Грачев-Карташев Сергей (Северриан) Иванович 527, 539, 576
- Григораш Севастиан (Смарагд, Савва) Никитович 527, 539, 576
- Григорович Хрисанф Дементьевич 475–477
- Григорович Павел (Федор) Дементьевич 345–348, 353–355, 453, 477, 485–488
- Григорович Петр (Пантелеимон) Дементьевич 345–348
- Гриценко Василий (Владимир) Михайлович 125, 224, 578
- Губин Николай Кириллович 350
- Гулевская Матрена Евсеевна 578
- Гусева Евдокия (Евникия) Прокопьевна 76
- Демиденко Михаил (Мефодий) Тимофеевич 453, 578
- Демин Михаил (Макарий) Тимофеевич 367, 412, 413, 428, 469, 578
- Демченко Михаил Петрович 403, 469, 579
- Демченко Наталья (Салафаила) Аверьяновна 410, 579
- Дендемарченко Никита (Нил) Петрович 521, 532, 579
- Денисов Василий Иванович 580
- Денисов Л. И. 14
- Диденко Федот Назарович 469, 580
- Добровольский Семен Харитонович 580–581
- Добротворский Владимир (Василий) Александрович 519, 535–538, 540–543, 581
- Домрачёв Иоанн (Иларион) 25–31, 350, 472–478, 492
- Донскова Ирина (Ипатия) Кирилловна 581
- Донцов Михаил (Иннокентий) Назарович 434, 582
- Дорошенко Антон (Акакий) Иванович 431–435, 582
- Дринь Илья Павлович 444, 445
- Дьяченко Федот (Феодул) Климович 322, 359, 403, 404, 411–413, 449, 468, 582
- Евсеева Матрена (Милитина) Тихоновна 77, 78, 582
- Евсеевко (Иоанн) 58, 72, 73, 95, 583
- Евсюкова Евдокия (Варвара) Ивановна 408, 409, 583
- Егоров Е. Ф.
- Егорова Татьяна (Калерия) Александровна 77, 78, 583
- Елисеев Николай Михайлович 583
- Енин Николай (Неофит) Иванович 57, 112, 115, 122, 224, 584
- Жевахов Николай Давыдович 336
- Жернова Агафья (Рахилия) Григорьевна 410, 584
- Жилинский Антон (Александр) Григорьевич 386, 387, 420, 469, 584
- Жовтенко Петр (Павлин) Назарович 521, 538, 542, 585
- Жолобов Николай (Неарх) Матвеевич 411, 585
- Залогин Петр Федорович 196, 296, 585
- Захаров Карп Тарасович 428, 430, 585
- Зеленцов Василий, будущий епископ 495–497

- Зенин Михаил (Манассия, Макарий) Иаковлевич 343, 344
Зибров Диомид (Диодор) 527, 533, 536, 540, 586
Зинченко Сергей Васильевич 113, 120, 223, 586
Зиняев Александр (Алексий) Иванович 542, 586
Золотарев Кузьма (Дамиан) 431, 434,
Зубкова Елизавета Павловна 115, 587
Зуев Егор (Георгий) Емельянович 227, 587
- Иваницкий Владимир (Вонифатий) Алексеевич 395–397, 403, 431–434, 439–446, 451, 587
Иванов Алексей Сергеевич 587
Иванова Ирина Степановна 588
Иванова Мария (Евпраксия) Ивановна 130, 588
Иванюков Василий (Виссарион) Семенович 57, 112, 113, 121, 224, 588
Игнатенко Дмитрий (Стефан) Иванович 212, 214, 528, 535, 537, 540, 544–553, 588, 589
Ильченко Евгений (Евгений) Савельевич 525, 534, 547, 540, 589
Ильченко Михаил Яковлевич 590
Ильяшенко (Илиодор), иеромонах 57, 93, 113, 138, 412
Ильяшенко Петр Федорович 590
Иордан, схимонах
- Кабачкина Параскева (Малая) Яковлевна 407, 409, 590
Какулия Матрена Прокофьевна 452, 457, 590
Калашников Федор Петрович 223, 591
Калугин Федор Матвеевич 591
Калугина Надежда Кирилловна 591
Канонихин Николай (Нил) Евсеевич 591
Капацын Авраам (Андроник) Филиппович 521, 535, 537, 592
- Карпикова Татьяна Малаховна 410, 592
Карчинская Нина Ивановна 60, 62, 96, 592
Карякин Григорий (Геннадий) Яковлевич 529, 531, 539, 540, 593
Кашигина Татьяна (Таисия) Федоровна 410, 593
Кашченко Яков (Феодор) Федорович 456, 593–594
Каюдин Иван (Иннокентий) Порфирьевич 61, 88, 94, 161, 224, 594
Каюдин Порфирий Васильевич 87, 594
Кечкин Иван (Исихий) Семенович 428, 594
Кильянов Петр (Прохор) Иванович 528, 534, 537, 595
Киреевский Владимир (Алексий) Леонидович 344
Кириченко Демьян Ильич 72, 73, 595
Клименко Татьяна (Сергия) Ивановна 225, 305–314, 349–351, 547–553
Клопотов (Евфрасий) 343
Клыбиков Максим (Рафаил) Максимович 114, 124
Книга Максим Иванович 596
Ковалев Павел (Пафнутий) Захарович 527, 596
Ковалевский Владимир (Варфоломей) Павлович 454, 469, 596
Козлов Иван (Иоасаф) Яковлевич 528, 533, 541, 542, 597
Козлов Никита Анисимович 165–167, 356, 420, 426, 438, 439, 452, 467, 498–506
Козлов Яков Никитич 501, 502
Козлова Полина Никитична 452, 501–503
Козлова Харитина 501, 502
Колесниченко Карп (Иеремия) Иванович 518, 520, 521, 535, 542, 597
Колотилова Прасковия (Предислава) Ивановна 77, 598
Коптев Михаил Александрович 156–158

- Корди Борис (Арсений) Григорьевич 33, 52, 53, 58, 95, 171, 174, 175, 180–183, 186, 198, 203, 226–233, 320, 329, 340, 513–517, 598
- Корсунова Матрена (Макрина, Манефа) Панкратьевна 134, 135, 598–599
- Косик О. В. 194, 195, 341
- Косоруков Дмитрий (Даниил) Тимофеевич 57, 58, 115, 121, 224, 300, 599
- Костин Иван (Иоанн) Алексеевич 599
- Костюк Епифан (Епифаний) Дмитриевич 455, 456, 599
- Котенко Тихон (Симон) Антонович 599–600
- Котлова Александра (Евфросиния) Петровна 58, 59, 72, 74–76, 78, 79, 82–89, 95, 530, 600
- Кочергин Петр Семенович 127, 224, 600
- Кошубин Николай Алексеевич 600
- Кравец Анна Александровна 601
- Кравец Кондрат (Климент) Сибинович 527, 533, 536, 601
- Кравцов Дмитрий Кириллович 57, 92, 112, 115, 123, 200, 223, 240, 601
- Кравченко Егор Федорович 602
- Крастылев Сергей (Савва) Васильевич 526, 534, 536, 541, 602
- Круц Кузьма (Ксенофонт) Иванович 113, 125, 224, 602
- Кудрина Александра (Мариам) Григорьевна 410, 602
- Кулаев Яков Агапиевич 127, 603
- Куриленко Логвин Иванович 603
- Кухарев (Иннокентий) Гордеевич 42, 113, 603
- Кучеренко Степан Иванович 403, 404, 417
- Кучеров Николай Александрович 506
- Кучин (Иларион), архимандрит 45, 326, 328, 443, 449, 453
- Лаба Филипп (Флавий) Иванович 137, 139
- Ладыгин (Питирим), иеромонах 490
- Лазаренко Борис (Боголеп) Григорьевич 57, 58, 116, 146
- Лазаренко Григорий (Варлаам) Яковлевич 51–61, 65, 66, 72, 73, 75, 83–88, 90–127, 129–133, 134–171, 198–204, 208, 210, 215, 216, 223, 226, 234–249, 286–290, 300–303, 317–320, 356, 412, 435, 452, 453, 459, 464, 465, 530, 548, 603
- Лакоба Нестор 43
- Лаптева Ксения (Капитолина) Герасимовна 77, 79, 604
- Ларионов Иван (Исаакий) Илларионович 528, 535, 538, 540, 604
- Лебрен В. А. 302
- Лиев Азис Лиевич 359, 469, 605
- Литвинов Аким Лазаревич 605
- Леонтий (Осипенко)
- Лосев Алексей (Андроник) Федорович 491
- Лосева Валентина (Афанасия) Михайловна 491
- Лузгин Федор (Феодосий) Акимович 528, 532, 533, 536, 543, 544, 605
- Лукьянова Дарья Терентьевна 605
- Лысенко³⁵⁵ Павел (Пахомий) Корнеевич 521, 534, 536, 540, 606
- Любимов Дмитрий (Димитрий) Гаврилович, архиепископ 53, 66, 155, 157, 162–164, 167, 190, 193, 196–198, 285, 286, 548
- Мазуренко Мария Семеновна 607
- Мазырин А. В. 341, 550
- Макаревич Федор Самсонович 428, 607
- Макаров Иван (Иона) 530, 533, 607

³⁵⁵ В протоколе допроса: «Лисенко».

- Макаровская Мавра (Мариам) Степановна 333, 352
- Макаровский Григорий (Георгий) Михайлович 332, 337–339, 343
- Макаровский Федор Михайлович 249, 332–338
- Малашенко Андрей Ефимович 61, 63, 608
- Малашенко Терентий Ефимович 61, 63, 608
- Мальшев Георгий (Гедеон) Никифорович 434, 435, 447, 468, 609
- Мальшко (Евтихий) 57, 58, 87
- Мамченко Григорий (Георгий) Петрович 390–393, 397, 421, 432–434, 609
- Малания 363, 396
- Малер В. Э. 198, 297, 302
- Мартьянова Александра (Апполинария) Евграфовна 409, 609
- Масенчук (Исаакий) 113, 114
- Масленникова Анна (Архелая) Абрамовна 76, 79, 82, 83, 95, 609–610
- Мельников Григорий Филиппович 123, 224, 610
- Мерзлов Василий (Виссарион) Петрович 455, 463–465, 468, 610
- Мечев Петр (Макарий) Павлович 418, 610
- Минин Кузьма (Патермуфий) Никитович 456, 469, 611
- Мироненко Иван (Илия) Павлович 611
- Мирошников Федор (Иоанн) Никифорович 105, 106, 149, 530
- Михайленко Иосиф (Иуст) Фадеевич 322, 404, 413, 414, 611
- Морозов Петр Иванович 611, 612
- Мужецкая Екатерина Ивановна 336
- Мухранов Дмитрий (Давид) Иванович 331, 479–481, 488–493
- Мясников Иван Иванович 435–440, 447
- Нагорный Георгий Георгиевич 612
- Надеева Ксения Кузьминична 457, 612
- Неведомский Дмитрий Иосифович 118, 119, 126, 127, 224, 612
- Невский (Макарий), митрополит 491
- Нелипа Федор (Фалалей) Андреевич 521, 534, 537, 613
- Несмеянова Варвара (Варвария) Ивановна 409, 613
- Нестеренко Григорий Гаврилович 613
- Нечесов Митрофан Федорович 182, 278, 614
- Никитин Николай Агафонович 534, 540, 614
- Никитина Пелагея Павловна 72, 73, 614
- Николаев В. С. 302
- Новоселов Михаил Александрович 188, 192–195, 494, 495
- Нойкина Ефросинья (Ефросиния) Вуколовна 409, 615
- Овсюк Дионисий (Димитриан) Артемьевич 455, 456, 463, 469, 615
- Олейников Моисей (Макарий) Никифорович 57, 60, 86, 93–97, 104, 115, 148–151, 224, 249, 300, 530, 615
- Осадчий Дмитрий (Досифей) Парфенович 529, 535, 537, 540, 615
- Осипова Ирина Ивановна 52
- Островых (Мартирий) архимандрит 13, 20
- Павленко Дмитрий Иванович 616
- Панкратов Федор (Феодор) Васильевич, 616
- Панов (Иегудиил) 57, 93, 113
- Паршак Анатолий, псаломщик 334
- Паршин Яков Владимирович 617
- Педан Андрей Григорьевич 617
- Перегудов Никита Иванович 127, 224, 617

- Перов Константин (Христофор) Иванович 456, 469, 617
- Петренко Евдокия Пименовна 115, 618
- Петровых Иван (Иосиф) Семенович 31–34, 47, 53, 155, 196, 228–232, 555–557
- Петруневич Надежда Яковлевна 618
- Пешков Василий Игнатьевич 128, 224, 618
- Пирожков Дионисий (Павел) Андреевич 533, 536, 618–619
- Подлюбова Феодосия Семеновна 619
- Покровская Вера (Антонина) Александровна 64–73, 82, 619
- Полиенков Афанасий Павлович 417, 619
- Половнев Иван 362, 372, 377–399, 447
- Поль Олег (Онисим) Владимирович 34, 58, 59, 72, 171, 174, 178, 182–186, 190–192, 194–204, 206–211, 215–225, 228, 250–268, 270–304, 320, 546, 620
- Польский Михаил, протопресвитер 169, 349
- Польшин Георгий (Гавриил) Демьянович 125, 224, 620
- Попов К. А. 14
- Попов (Меркурий) 43, 46
- Попов Николай Яковлевич 129, 131, 223, 620
- Попов Павел (Иероним) Макарович 139, 462–466, 468, 620, 621
- Попов П. С.
- Потапов Ираклий (Иларион) Тимофеевич 621
- Потапьев Христофор (Хрисанф) Иванович 478, 479
- Похилько Никита Васильевич 403, 621
- Пригородов Антоний (Авель) Андреевич 58, 95, 171, 202–207, 421, 621, 622
- Пришвина Валерия Дмитриевна 41, 126, 172, 173, 176, 177, 184, 187, 189–192, 225, 253, 260, 261, 274–277, 280, 447, 513, 514
- Проценко (Феодосий), архимандрит 42, 43
- Прыгунова Марина (Мария) Ефимовна 77, 79, 622
- Прыгунова Ольга Ефимовна 77, 79, 622
- Пыжов Василий (Иоанн) Гаврилович 519, 520, 535, 540, 622
- Радионенко Ирина (Илариона) Галактионовна 90, 130–136, 321, 322, 459, 623
- Резников Давид (Дорофей) Мичич 431–439, 442, 444, 449, 451, 623
- Римский Евтихий Лазаревич 130, 623
- Родионов Константин Сергеевич 181, 186
- Рождественский (Никон), архиепископ 18, 481–484
- Розова Калерия Ивановна 456, 624
- Романов Захар (Захарий) Климентьевич 624
- Романский Иван (Иоанн) Митрофанович 406, 469, 624
- Романцов Алексей Семенович 403, 418–420, 468, 624
- Ронин Петр Петрович 62, 63, 224, 625
- Румянцев Александр (Савва) Иванович 318–322, 328–332, 337–339, 352, 357–359, 402, 406, 412, 424, 425, 449–455, 461–468, 470, 471, 482, 486, 489, 491, 625
- Рыбакова Александра Герасимовна 625
- Рыбалкина Анастасия Андреевна 626
- Савоненкова Клавдия Ивановна 626
- Савченко Семен Дмитриевич 626
- Саенко Роман (Родион) Данилович 57, 92, 123, 126, 626
- Сазонова Любовь Ивановна 78, 627
- Санина Лидия (Серафима, Иоанна) Афанасьевна 553–555

- Сасс Евдокия Ивановна 116, 627
- Сафощкин Аким Тарасович 130, 627
- Свенский Сергей Иванович 118, 627
- Свенцицкий Валентин Павлович 21–24, 191, 224, 325, 510, 511, 517, 518, 523
- Свидина Лидия (Рафаила) Лаврентьевна 310, 311, 627
- Свидина Нина Лаврентьевна 310, 628
- Свидина Софья (Серафима) Лаврентьевна 310, 311, 628
- Свищ Лука Трофимович 225, 628
- Седов Лаврентий Петрович 128, 225, 628
- Семенюк Зинаида (Зиновия) Степановна 77, 79, 88, 629
- Семиног Моисей (Михаил) Афанасьевич 56, 92, 112–115, 122, 224, 629
- Серга Иван (Иероним) Васильевич 57, 121, 123, 132, 135, 245, 629
- Сиваш Стефан (Сосипатр) Миронич 526, 538, 540, 629
- Сидоров Василий (Виктор) Иванович 630
- Симоненко Исидор (Иоанникий) Игнатьевич 430, 432, 630
- Сингалевич Сергей (Сергий) Семенович 58–63, 96, 108, 111, 162–164, 224, 630, 631
- Ситиков Сергей Петрович 209–215, 546–548, 631
- Ситикова Мария Генриховна 213, 215, 631
- Сказкина Лукерья (Лидия) Васильевна 631
- Скворцов Влас Семенович 127, 128, 225, 277, 632
- Скляр (Антоний) архимандрит 42
- Скорородов Сергей Владимирович 125, 126, 225, 277, 632
- Скотникова Лариса (Раиса) Васильевна 632
- Скрепцов Петр (Пимен) Иванович 521, 535, 538, 632
- Смелая Матрена (Рафаила) Лаврентьевна 407, 633
- Смирнов Иаков (Иустин) Николаевич 57, 61, 86–92, 97, 101, 102, 109, 110, 114, 116, 135, 224, 300, 633
- Смирнов Николай, иерей 335
- Соколов Иван Петрович 633
- Солдатенко Роман Данилович 417, 469, 633
- Солдатова Валентина (Гликерия) Васильевна 409, 634
- Солженицын Александр Исаевич 48, 169, 170
- Соловьев (Исайя) 329
- Соловьева Таисия Федоровна 407, 634
- Сопнев Георгий Прокофьевич 123, 224, 634
- Сопнев Павел (Петр) Тимофеевич 57, 93, 107, 115, 122, 123, 133, 224, 635
- Сопнев Прокофий Тимофеевич 107, 123, 132, 224, 634–635
- Сорокина Параскева (Поликсена) Георгиевна 410, 635
- Ставицкая Мария (Лидия) Максимова 407, 635
- Стадников Андрей Терентьевич 636
- Старченко Иван (Иоанн) Петрович 411, 468, 636
- Стасевский Никита (Никодим) Максимович 636
- Стасюкова Анна (Нина) Афанасьевна 410, 637
- Степанкова Прасковья (Пелагея) Ивановна 410, 637
- Стерцум Дмитрий Ефимович 637
- Стоян Иван Терентьевич 129, 130, 225, 637
- Страгородский (Сергий), архиепископ, митрополит 142, 149–153, 168, 186–197, 200, 212–215, 234–237, 242, 284–288, 494, 549–551
- Стребиж Амвросий Михайлович 638
- Студенцов Кирилл Еремеевич 638
- Суетина Ольга Афанасьевна 638
- Сушкин (Макарий), архимандрит 13, 26

- Сюсюкайло Илья Романович 130, 131, 638
- Ткаченко Дмитрий Никитович 130, 639
- Томилин Иван Григорьевич 428–430, 639
- Торосевич Михаил (Модест) Фомич 524, 534, 639
- Третьяков Андрей (Адриан) Иванович 414–417, 469, 640
- Третьяков Иван Иванович 640
- Третьяков Петр Иванович 417, 640
- Троицкий С. В. 483–485, 488
- Труш (Харламбий) 331, 338, 344
- Тыримов Павел Минаевич 196, 641
- Уваров Лаврентий Наумович 641
- Уварова Евдокия Максимовна 72, 73, 641
- Удолько Егор Антонович 128, 225, 641
- Урусова Наталья Владимировна 67–71, 228–230
- Ухтомский (Андрей), епископ 387, 388
- Федоров Павел Григорьевич 642
- Федорченко Павел Иванович 128, 225, 642
- Флоренский Павел Александрович 298, 491, 495
- Фостиков Михаил Архипович 498
- Халява Лука Александрович 438, 447, 469, 642
- Харьковский Георгий Несторович 642
- Харьковский Тарас Семенович 128, 225, 643
- Хацкий Герасим Андреевич 225, 481, 643
- Храповицкий (Антоний), архиепископ 344, 481
- Хорина Зинаида Платоновна 456, 457, 643
- Хромеев Феодосий Андреевич 643
- Худякова Мария (Михаила) Петровна 410, 643
- Хумурджи (Гумуржи) Пелагея Федоровна 72, 73, 644
- Цветаев Николай, иерей 309, 548
- Цегикало Анастасия Васильевна 59, 644
- Цегикало Марина Константиновна 59, 96, 644
- Цуриков Иродион (Иринея) Федорович 137, 139, 324, 337, 338, 483, 492, 493
- Чапраков Андрей Алексеевич 469, 644–645
- Чернышев Паисий Ефимович 645
- Чижов Иван (Мельхиседек) Зиновьевич 224, 645
- Чижов Павел Иванович 57, 58, 92, 112, 115, 124, 223, 645
- Чиканов Алексей (Александр) Васильевич 645–646
- Чикорская Надежда (Рафаила) Федоровна 106, 646
- Чубукова Татьяна (Елеферия) Дмитриевна 407, 410, 646
- Чубченко Трофим (Иосиф) Анисимович 646
- Шабуневич Станислав Викторович 198, 296, 297, 302
- Шарова Матрена Яковлевна 108, 116, 646–647
- Швецов Сергей (Софроний) 332
- Шелих Федор Андреевич 128, 225, 647
- Шилкин Андрей (Алексий) Семенович 64–67, 73, 82, 647
- Шишкин (Алексий), иеромонах 65, 66, 306, 548
- Шпыхов Емельян Николаевич 647
- Шпыхова Надежда (Иулитта) Емельяновна 410, 647
- Шовтенко Фома (Феодосий) Александрович 411, 469, 648
- Щегольков Федор (Феодор) Мануйлович 456, 469, 648
- Юшко Трофим Ефимович 383, 438, 447, 469, 648